МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2025 **№ 97**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**; Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Абдулина Б.М. Коммеморации советского университета: случай Петрограда / Ленинграда 5
Батченко В.С. Лунодромы в СССР в 1960-е гг.: проекты и реальность 15
Воробьева Н.В. «Епископ должен молиться Богу и забыть обо всем, – за него подумают другие»: Омская и Тюменская епархия в 1964–1974-х гг. 24
Гаврилова Н.И., Дамешек Л.М. «За выдающиеся заслуги перед городом»: присвоение звания почетного гражданина города муниципалитетами Сибири (на материалах Иркутска) 34
Голев И.А. О научных контактах Г.Н. Потанина и И.А. Подгорбунского 43
Дудкина М.П. Влияние социальных факторов на инфекционную заболеваемость населения городов Западной Сибири в послевоенные годы (1945–1948 гг.) 48
Зиновьев В.П., Гончаров Ю.М. Исследователь истории Сибири Валерий Анатольевич Скубневский 58
Катионов О.Н. Труд и его стоимость у крестьян Западной Сибири в 80–90-е гг. XIX в. 63
Кириллов А.К. Рассмотрение «голословных возражений» налогоплательщиков раскладочными присутствиями Томской губернии в начале XX в.: тонкие механизмы новой фискальной системы пореформенной России 73
Машинцова Д.С. Минеральные ресурсы Севера Западной Сибири как стимул для развития региона в 1970–1980-е гг. 80
Петров А.Ю., Иерусалимский Ю.Ю. Роль Военно-морского флота России в подготовке и осуществлении кругосветных экспедиций в первой четверти XIX в. 86
Филонов И.Д. Социально-политический портрет молодежи на страницах газет «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь» в 1905–1907 гг. 96

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аршин К.В. Мученичество за нацию в контексте формирования гражданских религий современности 102
Данков А.Г., Акматов А.Ш., Исабеков С.С. Экспорт технологий и образования как инструмент экономической дипломатии России в Центральной Азии 111
Зверев К.А. Трансформация исторического сознания на постсоветском пространстве: сопоставление исторических оценок русскоязычного населения стран Балтии и жителей РФ 119
Лысенко Ю.А. Внешние миграции приграничного населения центрально-азиатских окраин Российской империи и проблема их подданства (80-е гг. XIX – начало XX в.) 128
Михеев Д.В. Подготовка экспедиции Эдварда Фентона в свете английских торгово-колониальных проектов в Ост-Индии в начале 1580-х гг. 136

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рыгалова М.В., Рыгалов Е.В. Изучение и популяризация маршрутов исследователей-путешественников Алтая средствами геоинформационных технологий 146
Шавеко Н.А. К вопросу о значениях слова «правда» в Древней Руси 152
Шахеров В.П. Современная историография становления кредитно-финансовой системы в дореволюционной Сибири 159

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Abdulina B.M. Commemorations of Petrograd / Leningrad university: discourse formation and research perspectives 5
Batchenko V.S. Lunodromes in the USSR in the 1960s: projects and reality 15
Vorobieva N.V. “A bishop must pray to God and forget about everything – others will think for him”: Omsk and Tyumen dioceses in 1964–1974 24
Gavrilova N.I., Dameshek L.M. “For outstanding services to the city”: awarding the title of Honorary Citizen of the City by Municipalities of Siberia (based on materials from Irkutsk) 34
Golev I.A. About scientific contacts between G.N. Potanin and I.A. Podgorbunsky 43
Dudkina M.P. The Influence of social factors on the infectious morbidity of the Population of the Cities of Western Siberia in the post-war Years (1945–1948) 48
Zinoviev V.P., Goncharov Yu.M. Researcher of the history of Siberia Valery Anatolyevich Skubnevsky 58
Cationov O.N. Labor and its value among the peasants of Western Siberia in the 80s–90s of the XIX century 63
Kirillov A.K. Consideration of “proofless objections” of taxpayers by the Tomsk province tax offices at the beginning of the 20th century: subtle mechanisms of the new fiscal system of the Late Imperial Russia 73
Mashinczova D.S. Mineral resources of the North of Western Siberia as a stimulus for the development of the region in the 1970–1980s 80
Petrov A.Yu., Ierusalimskiy Yu.Yu. The role of the Russian Navy in the Preparation and Implementation of Round-the-World Expeditions in the First Quarter of the 19th Century 86
Filonov I.D. Socio-political portrait of youth on the pages of the newspapers “Eastern Outlook” and “Siberian Life” in 1905–1907 96

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Arshin K.V. Martyrdom for the Nation in the context of the Formation of Modern Civil Religions 102
Dankov A.G., Akmatov A.Sh., Isabekov S.S. Export of technologies and education as a tool of Russian economic diplomacy in Central Asia 111
Zverev K.A. Transformation of Historical Consciousness in the Post-Soviet Space: Comparison of Historical Assessments of the Russian-Speaking Population of the Baltic States and Residents of the Russian Federation 119
Lysenko Yu.A. External migrations of the border population of the Central Asian outskirts of the Russian Empire and the problem of their citizenship (the 80s of the XIX – early XX century) 128
Mikheev D.V. Preparation for the expedition of Edward Fenton in the light of the English trade and colonial projects in the East Indies in the early 1580s 136

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Rygalova M.V., Rygalov E.V. Study and popularization of the routes of Altai explorers and travelers by means of geoinformation technologies 146
Shaveko N.A. On the question of the meaning of the word “pravda” in Ancient Russia 152
Shakherov V.P. Modern historiography of the formation of the credit and financial system in pre-revolutionary Siberia 159

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Анчина С.В. Обряд *сан* в культуре алтайцев 167
Шайдуров В.Н., Генслер М.С. Европейские общины и их место в городском межэтническом разделении труда в конце XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Томска) 173

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Ларьков Н.С. Научная деятельность М.Е. Плотниковой 182

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Берсенев М.В., Четвергов К.В. Динамика инклюзивного пространства вуза: численность, обучение и выпуск студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в ТУСУРе (2004–2024 гг.) 191

РЕЦЕНЗИИ

Чуркин М.К. Рецензия: Чернова И.С. Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: СО РАН, 2024. 303 с. 199

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Anchina S.V. "Sang" ritual in the Altai culture 167
Shaidurov V.N., Gensler M.S. European communities and their place in the urban interethnic division of labor in the late 19th and early 20th centuries (using the example of St. Petersburg and Tomsk) 173

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Larkov N.S. Scientific activity of M.E. Plotnikova 182

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Bersenev M.V., Chetvergov K.V. Dynamics of the inclusive environment of the university: the quantity, education and graduation of students with disabilities at TUSUR (2004–2024) 191

BOOK REVIEW

Churkin M.K. Review: Chernova I.S. Formation and functioning of the professional community of Siberian journalists in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. 303 p. 199

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/97/1

Коммеморации советского университета: случай Петрограда / Ленинграда

Бэлла Марсельевна Абдулина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, abdulinabe97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена коммеморациям советской высшей школы на примере Петроградского / Ленинградского университета. Она включает в себя обзор литературы, содержащей информацию о коммеморативных практиках научного сообщества. Автор показывает, что в современной историографии сохраняется традиция подготовки исследований в преддверии годовщин и юбилеев вузов. Однако «юбилейные истории» являются частью коммеморативного сценария, который в советское время имел идеологическую нагрузку. В связи с этим перспективным представляется перенесение фокуса исследований на изучение персональных коммеморациий и подготовку обобщающих исследований о практиках увековечения университантов.
Ключевые слова: Петроградский / Ленинградский университет, коммеморации, историография, юбилеи

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект 23-28-01433 «Юбилейные коммеморации Санкт-Петербургского университета».

Для цитирования: Абдулина Б.М. Коммеморации советского университета: случай Петрограда / Ленинграда // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 5–14. doi: 10.17223/19988613/97/1

Original article

Commemorations of Petrograd / Leningrad university: discourse formation and research perspectives

Bella M. Abdulina

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, abdulinabe97@mail.ru

Abstract. This article consists of a historiographical review of the literature devoted to commemorative practices of Soviet academic community and an outline of jubilee scheme of its history based on the case study of Petrograd/Leningrad University. The aim of the research is to identify trends related to the study of commemorations in historiography, as well as to reconstruct ideological scenario of university's jubilees.

The implementation of this objective required to use a wide range of historiographical sources, which can be divided into several groups. First of all, these papers are those devoted to texts on the history of higher education, published on occasion of anniversaries. For instance, articles by E.A. Vishlenkova, a book of articles edited by P. Dhondt, and a series of papers devoted to the 220th anniversary of the Academy of Sciences. The study of commemorative narratives in the history of Russian higher education began with the reconstruction of pre-revolutionary university traditions in researches of Y.D. Margolis, A.E. Ivanov, S. Morrissey, I.L. Tikhonov, S.I. Posokhov, E.A. Rostovtsev, and others. Outstanding authentic articles on the history of higher education to illustrate the role of higher education in construction of a new society (article by S.Z. Mandel, V.V. Mavrodin) are valuable for the study of the commemorations of the Soviet university. They are accompanied by contemporary research on their role and place of higher education in system of Soviet ideology (article by T.V. Razina). Finally, subjects of interest are considered in literature devoted to social history of students (monographs by A.R. Markov and P. Konecny). Analysis of historiography shows that the most popular for researchers are jubilee commemorations of Petrograd/Leningrad University.

This trend actualizes jubilee narratives published in university newspaper “Leningrad University” (before 1931, “Student's Truth”), which were analyzed in the second part of the article. We have shown that until the 1930s, anniversary was used to demonstrate the alliance between university and state. The 120th anniversary of the university in 1939 was celebrated by proclaiming that the country had raised its own socialist intelligentsia. Ideological myth about alliance between red intelligentsia and state was reflected in activities of centers for study of history of LSU - University History Museum and Library of M. Gorky. However, during the post-war years anniversary celebrations were not endowed with new actual meanings, as a result, celebrations, despite their pomp, were becoming increasingly formal in content.

© Б.М. Абдулина, 2025

The conclusion is that historiography focuses on jubilee commemorations. In this context, study of personal commemorations and preparation of summative studies about practices of commemoration appear promising. At the foregoing, commemorations were an important tool of Soviet scholarly management, resulting in the close interconnectedness of historiography and commemorative practices of the Soviet era.
Keywords: Petrograd / Leningrad University, commemorations, historiography, jubilees

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-28-01433 “Anniversary Commemorations of St. Petersburg University”.

For citation: Abdulina, B.M. (2025) Commemorations of Petrograd / Leningrad university: discourse formation and research perspectives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 5–14. doi: 10.17223/19988613/97/1

Введение

Санкт-Петербургский / Петроградский / Ленинградский университет как один из ключевых отечественных образовательных центров на протяжении многих лет находится в фокусе гуманитарных исследований [1, 2]. Обращение к изучению академических сюжетов с применением инструментария memory studies, в частности выявление и анализ практик коммеморациий высшей школы, – перспективная исследовательская область, позволяющая реконструировать церемониальные практики и мемориальные образы, находящиеся в информационном поле универсантов. *Коммеморации* можно определить как практики мобилизации памяти, направленные на актуализацию образов прошлого в современном контексте [3. С. 120; 4. С. 10]. О специфике коммеморациий как объекта исследования говорил автор концепции «мест памяти» Пьер Нора [5]. Развитие данного научного дискурса наиболее подробно прослежено в фундаментальной монографии П. Хаттона [6]. Теоретическо-методологическому аспекту коммеморациий как предмета исследования посвящена статья О.Ю. Малиновой [4].

В отечественной литературе коммеморации различаются *по форме выражения* (нарративные, визуальные, монументальные и церемониальные), *локализации* (государственные, региональные, местные и групповые) и *хронологии* (коммеморации допетровской Руси, императорской России, советской эпохи, постсоветской России) [7. С. 283].

Комплексное исследование мемориальных конструктов, их формирования и бытования, особенно в эпоху тоталитарной диктатуры в СССР, предполагает также изучение феномена *забвения* [3. С. 120]. Обращение к методологии memory studies для изучения сюжетов отечественной истории привело к появлению обширной *литературы* по данному предмету [7, 8]. В фокусе настоящего обзора находятся тексты, посвященные коммеморациям советского научного сообщества и высшей школы примере Петроградского / Ленинградского университета.

История советских научных и образовательных центров в историографии

В центре внимания историков высшей школы оказалась проблема приуроченности исторических очерков о научно-исследовательских и образовательных центрах к юбилейным датам. Изучение данной взаимосвязи было начато российскими историками Е.А. Вишленковой и А.Н. Дмитриевым [10–13]. Несколько позже разработкой этих сюжетов занималась Л.П. Репина [14]. В зарубежной историографии данный вопрос поднимается в сборнике статей под редакцией П. Донтда «Университетские юбилеи и написание университетской истории: проблемные взаимоотношения» [15]. Данная книга наглядно демонстрирует, как юбилеи перестают быть поводом к написанию «университетской истории» и сами становятся объектами изучения. В ней предложены новые подходы к исследованиям о высшей школе; например, П. Донтд предлагает рассматривать университетскую историю в контексте истории образования [16].

Жанр юбилейных историй характерен для исторических текстов, заказчиком которых выступает та или иная профессиональная корпорация. Так, традиции, практики и амбиции, присущие советским научным институциям, продемонстрированы в исследованиях о юбилеях Российской академии наук (РАН). В качестве примера таких исследований можно привести вышедшую в преддверии 300-летнего юбилея РАН серию статей, посвященную ее 220-летию, отмечавшемуся в победном 1945 г. [17–25]. В этом контексте важно подчеркнуть, что сам факт ее учреждения, по замыслу Петра I Великого, имел политическое значение и являлся одним из ключевых пунктов модернизации России. Покровительствуя наукам, император предполагал не только увеличить промышленный потенциал страны, но и укрепить ее авторитет на международной арене: Россия должна была стать частью европейской научной культуры [26. С. 186]. В связи с этим неудивительно, что исследователи отмечают идеологическую нагрузку академических юбилеев. В частности 200-летие АН СССР, отмечавшееся в 1925 г. (первый юбилей АН СССР при советской власти), должно было продемонстрировать международному сообществу лояльность научной элиты к большевикам, а 220-летний юбилей, в свою очередь, был использован в качестве повода подчеркнуть вклад отечественных ученых в победу над фашизмом (см., напр.: [20. С. 24]). В то же время юбилейная традиция способствовала изучению истории Академии наук, полномасштабно начавшемуся именно в советское время [26. С. 187]. Впрочем, влияние политических событий на обстановку в сообществе профессиональных ученых не было новацией советской эпохи [27, 28].

Современной отечественной историографии присуща установка на демонстрацию преемственности

дореволюционных университетских традиций. Корпоративные традиции императорских вузов выступают одним из центральных предметов исследования у историков высшей школы, причем в их текстах в том или ином контексте описываются различные коммеморации. В качестве примера можно привести статью Ю.Д. Марголиса о шевченковских годовщинах в Санкт-Петербургском / Петроградском университете [29], работы А.П. Шевырёва, И.Л. Тихонова, С.И. Посохова, О.В. Морозова об университетских годовщинах (ежегодных актах) и юбилеях [30–33], исследование С. Моррисси [34] и работы А.Е. Иванова [35–37], ставшие важной вехой в развитии представлений об интеллектуальном и культурном облике российского дореволюционного студенчества, а также статьи и обобщающую монографию Е.А. Ростовцева, в которых выявлен ряд университетских коммеморативных практик [38–41].

А.Н. Дмитриев показывает, что преобразование императорских университетов в «красные» привело к изменению ценностей, которыми руководствовались авторы исторических нарративов: вместо пространства свободной научной мысли они стали кузницей профессионалов, готовящихся применить свои знания на благо социалистической родины. Этому способствовали принятие университетского устава 1921/1922 гг., реорганизация, приведшая к фактической ликвидации университетов в 1931–1932 гг., а также идеологические кампании конца 1930-х и конца 1940-х гг. Именно эти сюжеты освещаются историками в меньшей степени [11. С. 45–46, 59]. В настоящее время имеется ряд фокусных исследований о реформировании Петроградского университета и российской науки в первые годы советской власти [42–48], однако они не нарушают генеральной тенденции, характерной для исторических нарративов о высшей школе.

Академические и университетские коммеморации представляют собой инструмент, который активно использовался советской властью в целях научного менеджмента. Проиллюстрировать новую социальную функцию высшей школы были призваны исторические исследования советских лет. Так, в статьи С.З. Манделя и В.В. Мавродина посвящены просветительской работе университета, направленной на массового слушателя [49, 50]. Создание «новой» высшей школы предполагало подготовку соответствующих кадров, способных развивать марксистскую науку. В результате в октябре 1921 г. в Москве был создан Институт Красной профессуры (ИКП) во главе с историком М.Н. Покровским с целью подготовки преподавателей общественных дисциплин. В литературе имеются исследования, в которых демонстрируется, какие требования предъявляла новая власть к профессуре и к каким организационным формам прибегала для создания соответствующего образа ученого-марксиста [51, 52].

Перспективным полем для исследований является изучение трансформации образа профессора и студента в визуальных источниках. В качестве примера можно привести статью Т.В. Разиной и В.А. Володарской, посвященную образу профессора в живописи. Авторы изучили 1 123 картины отечественных и зарубежных художников, написанные в течение XIV–XXI вв., и пришли к выводу, что такой подход позволяет определить представления о социальном статусе преподавателя высшей школы в разные исторические эпохи [53]. После Октябрьской революции наставники, в первую очередь университанты, представлены в живописи социалистического реализма в качестве строителей коммунизма наравне с рабочими и крестьянами [54].

Традиционной темой в отечественных universitas studies является студенчество. Социальной истории учащейся молодежи Санкт-Петербурга / Петрограда / Ленинграда в переломные 1910-е – первую половину 1920-х гг. посвящены исследования А.Р. Маркова [55, 56]. Масштабная социальная революция, приведшая к появлению класса красных специалистов, сопровождавшая рост и дифференциацию системы советской профессиональной подготовки, является предметом исследования историка П. Конечного [57].

В результате изучение коммеморации в различных их аспектах стало активно развивающимся направлением в российской и зарубежной историографии. Тем не менее история высшей школы России / СССР первой половины XX в. изучается в большей степени в фокусе правительственной политики, направленной на создание марксистских научных институтов. В свою очередь, социальная история студенчества рассматривается в контексте жизни российского / советского общества в кризисных условиях Гражданской войны, а позже сталинизма, и вызванных ими трансформаций привычного уклада жизни. При этом образы и традиции, объединявшие университетскую корпорацию и использовавшиеся советскими идеологами для ее интеграции в государство пролетарской диктатуры, оказываются в тени законодательных инициатив советской власти, а также психоэмоционального восприятия современниками, а вслед за ними и исследователями, социальных трансформаций этой эпохи.

В настоящий момент центральной темой исследований о коммеморативных практиках Петроградского / Ленинградского университета являются его юбилеи, пришедшиеся на годы советской власти [58–62]. Этому сюжету посвящена статья Е.А. Ростовцева, в которой рассматривается эволюция взглядов на историю Петроградского / Ленинградского университета на протяжении 1919–1939 гг. В ней он отмечает, что коммеморативная культура оказывала влияние на содержание текстов по истории университета, так как их публикация была привязана к юбилейным датам [41. С. 175].

Таким образом, перспективным представляется взгляд на юбилейные нарративы по университетской истории как на одну из частей коммеморативного сценария данного праздника.

Исторические события в фокусе юбилеев Петроградского / Ленинградского университета

Газета ЛГУ «Ленинградский университет» (до 1931 г. «Студенческая правда») являлась летописью жизни вуза на протяжении 1927–1995 гг. В ней присутствуют статьи, посвященные юбилеям 1929, 1939, 1949, 1959, 1969, 1979, 1989 гг. [63–69], в которых обращение к университетской истории можно рассматривать в качестве

церемониальной коммеморации. По мнению исследователей, для таких публикаций характерно стремление к созданию нарратива, объединявшего дореволюционное прошлое, советское настоящее и представления о будущем [70. С. 95]. В связи с этим одной из наиболее популярных тем было участие универсантов в революционной работе. В качестве примера можно привести газетную зарисовку, посвященную 110-летию ЛГУ. Ее автор заявляет, что студенчество использовало день торжественного акта в честь основания alma mater для «демонстрации недовольства порядками университета и правительства». Данный тезис иллюстрируется описанием бурных событий годовщин 1899, 1905, 1911 гг. [63. С. 2]. С другой стороны, важность и значимость дореволюционного университета демонстрировалась благодаря перечислениям выдающихся ученых (Д.И. Менделеев, А.И. Воейков, К.Д. Глинка, В.В. Радлов) и общественных деятелей, поэтов и писателей (Н.В. Гоголь, Н.Г. Чернышевский, В.Я. Брюсов, А.А. Блок), революционеров (В.И. Ленин), связанных с ним. Так, в статье с говорящим названием «Что мы знаем об университете» из юбилейного выпуска газеты «Студенческая правда» говорится о необходимости организовать просветительские экскурсии для студентов по зданиям вуза [71].

В первые советские десятилетия продолжалась реорганизация ЛГУ. В 1928/1929 гг. началась перестройка учебных планов, задачей которой было «приближение университетской теории к практике социалистического строительства». Новацией в факультетской структуре стало преобразование в начале 1930-х гг. гуманитарных факультетов в отдельные институты, просуществовавшие до 1945/1946 учебного года [72. С. 40]. Эти события нашли отражение в университетской прессе. Так, 111-летию ЛГУ была посвящена статья «Сто одиннадцатая и последняя», в которой заявляется, что университетская система «дала все, что можно было от нее взять». На смену «старой расплывчатой махине» к 14-й годовщине Октября на благо страны будут работать три «четких, стройных, жизнеспособных института <…>, рационально организованные фабрики социалистических кадров» [73. С. 1]. На примере этой статьи видно, что годовщина основания могла выступать не только в качестве повода к обращению к университетскому прошлому, но и подходящим моментом, чтобы с этим прошлым порвать. Впрочем, в советском идеологизированном восприятии прошлое, при всей его значимости, выступало в качестве антипода социалистическому настоящему.

Как показано в литературе, несмотря на согласие универсантов сотрудничать с Наркоматом просвещения, выразившемся в принятии СНК 19 сентября 1921 г. «Положения о высших учебных заведениях», среди профессоров и преподавателей ЛГУ сохранялись скрытые симпатии к возвращению университетской автономии, которые имели место вплоть до Академического дела 1929 г. [74. С. 54]. В цитируемой выше статье об этом сюжете сказано следующее: «…еще в течение трех лет пришлось бороться за ленинградский государственный университет – старое, императорское, трухлявое не уступало, боролось в лице белоподкладочников, зубров из профессуры, бюрократов из аппарата. Еще сейчас мы встречаемся с рецидивами императорских времен…» [73].

120-летие ЛГУ было связано с констатацией важного достижения – создания советской научной интеллигенции. Празднование юбилея прошло в середине апреля 1939 г. Задержка торжеств более чем на месяц была вызвана XVIII съездом ВКП(б) (10–21 марта 1939 г.), причем организация корпоративного праздника не вызвала большого сочувствия универсантов: «…на деле еще не чувствуется настоящего подъема <…>. Совершенно неудовлетворительно поставлено ознакомление широких масс студенчества с богатейшей историей университета <…>. С поразительным равнодушием проходят мимо этого события, имеющего большое политическое значение, Наркомпрос и Ленсовет» [75]. Однако обозначенные трудности не нашли отражения в передовице номера, посвященной 120-летию.

Опираясь на статью «Нашему университету сто двадцать лет», можно выделить обязательные и новые пункты в формуляре юбилейного нарратива. Прежде всего в нем должна содержаться информация о выдающихся ученых дореволюционной России, связанных с университетом (Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, П.Л. Чебышев, А.М. Бутлеров и др.), литераторах (Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев), деятелях культуры и искусства (И.А. Тургенев, А.П. Бородин, А.К. Глазунов), революционерах Ульяновых – Александре и В.И. Ленине. Затем речь идет о послеоктябрьском периоде в истории вуза, который характеризуется процветанием и развитием, что нашло отражение в увеличении числа кафедр, студентов, профессорско-преподавательского состава и выпускников (до 20 тыс.), трудящихся на пользу Отчеству: «Старые и молодые профессора, доценты и ассистенты, аспиранты и студенты счастливы видеть себя в день 120-летнего юбилея своего университета в той армии, о которой великий наш учитель Иосиф Виссарионович Сталин сказал: “Это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара”» [64. С. 1]. Проиллюстрировать размах и значение университета в деле подготовки советской интеллигенции были призваны поздравительные адреса, присланные выпускниками из разных уголков страны с говорящими заглавиями: «Кузница научных кадров», «Воспитывать новые кадры социалистической интеллигенции», и даже отдельная рубрика «Во всех уголках земли советской работают питомцы ЛГУ» [75–78].

Более подробным юбилейным нарративом является статья И.И. Кореля, возглавлявшего Научную библиотеку им. М. Горького Ленинградского университета (1934–1943). В ней автор выделяет и кратко характеризует основные вехи дореволюционной истории университета в зависимости от политической ситуации в стране, показывая, как царская власть «душила» науку, а корпорация в меру сил сопротивлялась этому. Выдающимися участниками борьбы с царизмом стали А.И. Ульянов, М.Т. Елизаров, В.И. Ленин. Описывая 1906/1907 учебный год, он отмечает, что «без преувеличения можно сказать, что за этот год в университетских аудиториях побывали все социал-демократы, работавшие в петербургской организации, в том числе

Н.К. Крупская, Е. Ярославский, Землячка и многие другие» [61. С. 16]. Затем автор обращается к описанию настоящего университета. В связи с этим интересны иллюстрации, включенные в статью. На них представлены фотографии хорошо оборудованных естественнонаучных лабораторий с работающими в них студентами-биологами и химиками, астрономических приборов, используемых студентами, а также студентов, присутствующих на потоковой лекции с подписью: «Умелая запись лекции – важный навык студента» [61. Вклейка между с. 16 и 17]. Эти материалы позволяют читателю стать свидетелем того, как ведется подготовка специалистов в социалистической стране.

Знаменательно, что к юбилейная выставка 1939 г. послужила прологом к созданию университетского музея, открывшегося только в победном 1945 г. Одним из основных направлений его деятельности была подготовка экспозиций по разным темам, в частности большой выставки к 150-летию ЛГУ (1969), «Вклад ученых ЛГУ в развитие науки в республиках СССР» (1972), к 50-летию победы в Великой Отечественной войне (1985), к 125-летию В.И. Вернадского (1988) [79. С. 7–8, 13]. Изначально музей относился к Научной библиотеке им. М. Горького, сотрудники которой с 1950-х гг. вели картотеку по истории университета, а также издавали библиографические указатели по данной теме [80. С. 194].

Необходимо отметить, что советская власть с характерным для нее культом выдающихся ученых поддержала открытый при университете еще до революции музей Д.И. Менделеева [82]. Так, в честь 120-летия университета в периодических изданиях вышли тексты, посвященные ученому. В качестве примера можно привести статью из журнала «Вестник знания» «Д.И. Менделеев и университет», в которой рассказывается о его выдающихся научных достижениях, сделанных вопреки царского режиму, подчеркивается сочувствие ученого студенческому движению, а также создается представление о том, что он интересовался революционными идеями. Автор статьи рассказывает о библиотеке Д.И. Менделеева, хранящейся в мемориальном музее при университете: «Среди книг Менделеева имеется и революционная литература, искусно скрытая в переплетах книг с пометками Менделеева» [82. С. 22].

Послевоенные юбилейные статьи в газете «Ленинградский университет» не содержат существенных новаций в плане подходов к описанию университетской истории; формуляр юбилейного текста в советские годы больше не подвергался изменениям, что в некоторой степени компенсировалось жанровым разнообразием. Так, о 130-летнем, 140-летнем и 150-летнем юбилеях университета были подготовлены репортажи с торжественных заседаний, причем рассказ о праздновании 1969 г. сопровождался большим количеством фотографий [65–67]. В 1961 г. Музей истории ЛГУ переходит в структуру исторического факультета, тогда же начинается реализация масштабных проектов по изучению истории alma mater [79. С. 16; 80. С. 194]. В качестве примера можно привести монографию «История Ленинградского университета», вышедшую к 150-летию alma mater, сборник воспоминаний «Ленинградский университет в воспоминаниях современников», «Очерки по истории Ленинградского университета» [83–85]. При этом о 160-летии университета в газете опубликована только тенденциозная заметка [68].

Интерес к юбилейной теме в ЛГУ возрос в связи с публикацией известной статьи Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина «Сколько лет Петербургскому-Ленинградскому университету?», в которой историки доказали, что отсчет юбилейных дат стоит начинать с 1724, а не с 1819 г., как это делалось прежде [86]. Выход этой публикации привел к возникновению дискуссии о годе основания ЛГУ [80. С. 197], что отрицательно сказалось на отношении к юбилейным коммеморациям, смысл которых постепенно выхолащивался во второй половине XX в. Так, возможное 260-летие вуза в 1984 г. было отмечено в формате ежегодного торжественного акта, причем юбилей оказался в тени 150-летия Д.И. Менделеева [87]. Юбилейная дата 1989 г. была отмечена текстом С. Лобачева «Много шума из ничего?», в которой автор рассуждал о статье Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина, а также о значении юбилейного праздника: «Трудно предположить, что в 1819 году царское правительство из-за своего мракобесия умышленно предало забвению и Сенатский указ времен Петра I, и существование академического университета, и что выдающимся ученым, отмечавшим 100-летний юбилей своей альма-матер, было абсолютно безразлично, сколько лет их научному дому. Тем более было бы непростительно впадать в какие-либо амбиции, что вопрос этот носит чисто научный характер и имеет лишь познавательный интерес» [69].

Таким образом, идеологический сценарий юбилейной статьи окончательно сложился к 120-летию университета, отмеченному в 1939 г. в сталинском СССР. Этот юбилей был призван продемонстрировать, что в стране уже есть социалистическая интеллигенция, готовая работать на благо Отечества. В последующие годы юбилейные торжества не были наделены новыми смыслами, что привело к снижению их роли в жизни университета и универсантов.

Университетские коммеморации советской эпохи: выводы и перспективы исследования

Современная историография об университетских коммеморативных практиках продолжает сложившуюся на протяжении XIX–XX вв. традицию подготовки «юбилейных» историй. Также ей свойственно стремление историков показать преемственность между дореволюционным и советским университетом. Тексты советской эпохи посвящены сюжетам, демонстрирующим участие высшей школы в социалистическом строительстве. Наконец, коммеморации часто рассматриваются в контексте социальной истории отечественного студенчества.

Применение методологии memory studies, в частности изучение коммеморации, позволяет, таким образом, использовать материалы разнообразных исследований и источников об университетской истории. Тесная связь историографии и коммеморативных практик актуализирует изучение публицистических источников, со-

здание которых можно рассматривать в качестве части церемониальной коммеморации. В случае Петроградского / Ленинградского университета государственная политика памяти определила роль юбилейной коммеморации к 1939 г. – в этот день было принято обращаться к трудовому опыту профессоров, студентов и выпускников, вносящих существенный вклад в реализацию социалистических идеалов. Данный идеологический сценарий интегрировал университетскую корпорацию в советскую социальную систему в противовес принятому в дореволюционной либеральной среде противостоянию университета, борющегося за автономию, и власти, намеренной контролировать профессуру и студенчество.

Текущее состояние историографии и концентрация на изучении юбилейных коммеморий не позволяет представить процесс формирования университетских коммеморативных практик советской эпохи в их многообразии и историческом развитии. В связи с этим перспективными представляются изучение персональных коммеморий и подготовка обобщающих исследований о практиках поминовения и увековечения универсантов. В недавнем времени вышло несколько работ, посвященных данным сюжетам [88–90]. Их дальнейшая разработка позволит проследить формирование схем университетской истории и развития жанра научной биографии, которые, в свою очередь, определяли дискурсы историографии.

Список источников

1. Сосницкий Д.А. Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // Клио. 2017. № 10. С. 207–217.
2. История Санкт-Петербургского университета. XVIII–XXI вв. : комплексная библиография // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика). URL: http://history.museums.spbu.ru/images/Bibl.pdf (дата обращения: 14.02.2022).
3. Линченко А.А. Коммеморативные практики и массовое историческое сознание: методологический аспект // Вестник ТвГУ. Сер. Философия. 2015. № 2. С. 116–127.
4. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
5. Нора П. Эра коммеморий // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. С. 95–148.
6. Хаттон П.Х. История как искусство памяти / пер. с англ. Ю.В. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2003. 422 с.
7. Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К. Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 280–291.
8. Репина Л.П. Историческое сознание в пространстве культуры: проблемы и перспективы исследования // Время–История–Память: историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л.П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2007. С. 3–13.
9. Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, вып. 9. URL: https://history.jes.su/s207987840001259-3-1/ (дата обращения: 14.02.2022).
10. Вишленкова Е.А. Мемориальная культура российского университета XIX века // Мир историка : историографический сб. Омск : Изд-во ОмГУ, 2011. С. 81–94.
11. Дмитриев А.Н. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1. С. 41–64.
12. Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н. Прагматика прошлого, или Актуальное прошлое для российских университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 61–96.
13. Вишленкова Е.А., Парсамов В.С. Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусства. 2014. № 3 (20). С. 164–172.
14. Репина Л.П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 142–152.
15. University Jubilees and University History Writing: A challenging relationships / ed. P. Dhondt. Leiden ; Boston : Brill, 2015. 255 p.
16. Dhondt P. University History as Part of the History of Education // University Jubilees and University History Writing: A challenging relationships / ed. P. Dhondt. Leiden ; Boston : Brill, 2015. P. 233–249.
17. Быковская Г.А., Македонская В.А. 220-летие Академии наук: подведение итогов деятельности в годы Великой Отечественной войны // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Сер. Социально-политическое развитие российского общества. 2015. № 2. С. 19–24.
18. Лиманова С.А. «Академия наук сыграла решающую роль в создании орудий победы»: отклики на 220-летний юбилей Академии наук в июне 1945 г. // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России : междунар. науч.-практ. конф. к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией : сб. ст. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2020. С. 187–191.
19. Лиманова С.А. Победный парад советской науки // Родина. 2020. № 6. С. 122–125.
20. Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С. Юбилей Академии наук в победном 1945 году: замысел, сценарий праздника, международный резонанс // Вестник Российского Фонда Фундаментальных Исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 22–36.
21. Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39.
22. Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Сер. История России. 2020. № 2. С. 374–392.
23. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Русские поклоняются знаниям (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 207–219.
24. Куперштох Н.А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // Всеобщая история. 2020. № 2. С. 3–11.
25. Лиманова С.А. Выбор даты празднования 220-летия Академии наук: к предыстории «юбилейного вопроса» // Миллеровские чтения – 2020: преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы III Междунар. науч. конф. СПб. : Реноме, 2021. С. 218–222.
26. Бровина А.А., Егорова С.Л. «Я унес с юбилея Академии неугасимую искру любви к науке…» (из воспоминаний П.В. Иванова – юного участника 200-летнего юбилея Академии наук // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 185–190.
27. Маурер Т. Участие, отстраненность, самоутверждение: патриотические юбилейные торжества 1913 г. как отражение социальной истории германских университетов // «Барометры» или «маяки» общества? : избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М. : РОССПЭН, 2015. С. 315–337.
28. Маурер Т. Дистанцирование и самоутверждение: патриотические юбилейные торжества 1912/1913 учебного года как отражение социальной истории российских университетов // «Барометры» или «маяки» общества? : избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М. : РОССПЭН, 2015. С. 337–367.

29. Марголис Ю.Д. Шевченковские годовщины и Петербургский университет // Очерки по истории Ленинградского университета. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. Т. 4. С. 33–52.
30. Шевырёв А.П. Праздники непослушания: студенческое движение в Москве и Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст : тр. междунар. науч. конф., 23–25 июня 2009 г. / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 148–162.
31. Тихонов И.Л. Служение науке, образованию и прогрессу. Из истории университетских юбилеев // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 2-3. С. 13–19.
32. Посохов С.И. Механизмы самопрезентации университета: торжественные акты в университетах Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // Вестник Черниговского национального педагогического университета. 2011. № 87. С. 10–15.
33. Морозов О.В. Университетские юбилеи в России и Германии начала XX века : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2016. 194 с.
34. Morrissey S.K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. Oxford ; New-York : Oxford University Press, 1998. 288 p.
35. Иванов А.Е. Студенческие корпоративные праздники в России XIX – начала XX в. // Долг и судьба историка : сб. ст. памяти д-ра ист. наук П.Н. Зырянова / ред. кол.: А.К. Алексеев и др. М. : РОССПЭН, 2008. С. 235–246.
36. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М. : Новый хронограф, 2010. 331 с.
37. Иванов А.Е. Образ профессора в мемуарах бывших студентов второй половины XIX – первой половины XX века // Историографические чтения памяти Виктора Александровича Муравьева : сб. ст. М. : РГГУ, 2013. С. 419–431.
38. Ростовцев Е.А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2011. № 4. С. 89–99.
39. Ростовцев Е.А. Университетские корпорации в дореволюционной России // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, история, практики исследования : сб. тр. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 268–269.
40. Ростовцев Е.А. Столичный университет российской империи: ученое сословие и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Полит. энцикл., 2017. 903 с.
41. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919–1939) // Вече : ежегодник русской философии и культуры. СПБ. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. С. 174–189.
42. Курепин А.А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб. : Нестор, 2003. 360 с.
43. Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг. : дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014. 262 с.
44. Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг.: от университета императорского к университету советскому // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 257–266.
45. Кривоноженко А.Ф. Профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета в 1917–1922 годах // Учение записки Петрозаводского государственного университета. Сер. История. 2014. № 1. С. 21–23.
46. Кривоноженко А.Ф. Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 104–108.
47. Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.). Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 197 с.
48. Купайгородская А.П. Деятели русской науки под присмотром ОГПУ и РКП(б) (Ленинград, середина 20-х годов) // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 2. С. 124–137.
49. Мавродин В.В. Культурная жизнь Ленинградского университета в 1920-х годах (из воспоминаний) // Очерки по истории ЛГУ. Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 4. С. 136–138.
50. Мандель С.З. Культурно-просветительная деятельность ученых Петроградского университета в первые годы Советской власти // Очерки по истории ЛГУ. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. Т. 1. С. 140–158.
51. Шевелева П.В. Образ «красного профессора» (по материалам журнала «Историк-марксист») // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21 (99). С. 147–162.
52. Никуленкова Е.В. Образ «красного профессора» в советской России в 1920-е гг. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веременко, В.Н. Шайдуров. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 323–328.
53. Разина Т.В., Володарская Е.А. Образ профессора высшей школы в живописи и его историко-культурная трансформация // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 4. С. 46–66.
54. Разина Т.В. Психология высшей школы в изобразительном искусстве // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 2. Биология. Геология. Химия. Экология. 2020. № 2 (14). С. 4–31.
55. Марков А.Р. Что значит быть студентом. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 269 с.
56. Марков А.Р. Студенчество Петрограда в 1914–1925 гг.: социальнопсихологический облик : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1997. 34 с.
57. Konecny P. Builders and deserters: Students, state, a. community in Leningrad, 1917–1941. Montreal et al. : McGill-Queen's University Press, 1999. 358 p.
58. Казакевич Р.А., Мандель С.З. К истории 100-летнего юбилея университета // Очерки по истории ЛГУ. Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 2. С. 159–167.
59. 120 лет Ленинградского университета // Природа. 1939. № 7. С. 101.
60. Немилов А.В. 120 лет Ленинградского университета // Советская наука. 1939. № 2. С. 167–177.
61. Корель И. 120 лет Ленинградского государственного университета // Вестник знания. 1939. № 2. С. 12–18.
62. Андреев А.И. Ленинградский государственный университет (к его 125-летию) // Известия всесоюзного географического общества. 1944. Т. 76, № 2-3. С. 116–118.
63. Михайлова. К 110 годовщине Ленинградского университета // Студенческая правда. 1929. № 4-5. С. 2.
64. Нашему университету 120 лет // Ленинградский университет. 1939. № 17-18. С. 1.
65. 130 год деятельности Ленинградского университета : с торжественного годичного акта // Ленинградский университет. 1949. № 8. С. 2.
66. Хранить и умножать славные традиции // Ленинградский университет. 1959. № 7. С. 1.
67. Университетская панорама. Страницы летописи // Ленинградский университет. 1969. № 20. С. 2–3.
68. Славные страницы истории // Ленинградский университет. 1979. № 8. С. 1.
69. Лобачев С. Много шума из ничего? // Ленинградский университет. 1989. № 6. С. 12.
70. Ильин А.А. Прошлое, настоящее и будущее советского вуза: юбилейные истории высших учебных заведений 1930–1980-х годов // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 93–102.
71. Что мы знаем об университете // Студенческая правда. 1929. № 4-5. С. 2.
72. Мавродин В.В., Сладкевич Н.Г., Шилов Л.А. Ленинградский университет : (краткий очерк). Л. : Изд-во ЛГУ, 1957. 128 с.
73. Николай. Сто одиннадцатая и последняя // Студенческая правда. 1930. № 4. С. 1.
74. Кривоноженко А.Ф. Некоторые проблемы становления советской высшей школы: опыт Петроградского университета // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 51–55.
75. Накануне юбилея // Ленинградский университет. 1939. № 10. С. 1.
76. Кузница научных кадров // Ленинградский университет. 1939. № 17-18. С. 1.
77. Воспитывать новые кадры социалистической интеллигенции // Ленинградский университет. 1939. № 17-18. С. 1.
78. Во всех уголках земли советской работают питомцы ЛГУ // Ленинградский университет. 1939. № 17-18. С. 1.
79. Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского / Ленинградского университета. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 109 с.
80. Шехурина Л.Д. История Санкт-Петербургского-Ленинградского университета : библиографические заметки // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета / ред. Г.А. Тишкин. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. Т. 7. С. 193–211.

81. Козлова А.Н. История создания музея-кабинета Д.И. Менделеева при Императорском Санкт-Петербургском университете в 1907–1911 гг. // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 60–67.
82. Волкова Т. Д.И. Менделеев и университет // Вестник знания. 1939. № 2. С. 19–22.
83. Очерки по истории Ленинградского университета. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. Т. 1. 200 с.; 1968. Т. 2. 172 с.
84. Ленинградский университет в воспоминаниях современников : в 3-х т. / под ред. В.В. Мавродина. Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. Т. 1: Петербургский университет, 1819–1895. 319 с.
85. История Ленинградского университета, 1819–1969 : очерки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1969. 663 с.
86. Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Сколько лет Петербургскому-Ленинградскому университету? // Ленинградский университет. 1983. № 10. С. 6–7.
87. Мишин И. Посев научный для жатвы народной. Сегодня – традиционный торжественный акт // Ленинградский университет. 1984. №. 6. С. 3.
88. Ломоносова М.В., Васильева Д.И., Козловский Н.В., Агеева А.И. Похороны Максима Максимовича Ковалевского. Некрологи и посмертные сообщения в периодической печати как источник информации в историко-социологических исследованиях // Наследие. 2019. № 1. С. 144–160.
89. Pomante L. Periodic journals for university professors from the XIX and XX centuries. A valuable source for studying the history of the Italian university // History of Education and Children's Literature. 2021. Vol 16, is. 2. P. 167–191.
90. Абдулина Б.М. Персональные коммеморации советской высшей школы 1920–1930-х гг. (по материалам периодики Ленинградского государственного университета) // Via in tempore. История. Политология. 2023. Т. 50, №3. С. 734–745.

References

1. Sosnitskiy, D.A. (2017) Osnovnye napravleniya izucheniya istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [Main directions in the study of St. Petersburg University History in modern Russian historiography]. *Klio*. 10. pp. 207–217.
2. History.museums.spbu.ru. (s.n.) Istoriya Sankt-Peterburgskogo universiteta. XVIII–XXI vv.: kompleksnaya bibliografiya [History of St. Petersburg University. 18th–21st Centuries: A Comprehensive Bibliography]. In: *Istoriya Sankt-Peterburgskogo universiteta v virtual'nom prostranstve (kul'turnoe nasledie, muzeynye kollektsii, biografika)* [History of St. Petersburg University in Virtual Space (Cultural Heritage, Museum Collections, Biographics)]. [Online] Available from: http://history.museums.spbu.ru/images/Bibl.pdf (Accessed: 14th February 2022).
3. Linchenko, A.A. (2015) Kommemorativnye praktiki i massovoe istoricheskoe soznanie: metodologicheskiy aspect [Commemorative Practices and Mass Historical Consciousness: A Methodological Aspect]. *Vestnik TvGU. Ser. Filosofiya.* 2. pp. 116–127.
4. Malinova, O.Yu. (2017) Kommemoratsiya istoricheskikh sobytiy kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [The commemoration of historical events as a tool of symbolic politics: Possibilities for comparative analysis]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz.* 4(87). pp. 6–22.
5. Nora, P. (1999) Era kommemoratsiy [The Era of Commemoration]. In: Nora, P., Ozouf, M., de Puymège, G. & Winock, M. *Frantsiya-pamyat'* [Realms of Memory: Rethinking the French Past]. Translated from French by D. Khapaeva. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 95–148.
6. Hutton, P.H. (2003) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art of Memory]. Translated from French by Yu.V. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
7. Dmitrieva, O.O., Ivanova, T.N. & Mineeva, E.K. (2020) Istoricheskie yubilei kak tseremonial'naya kommemorativnaya praktika (sravnitel'nyy analiz prazdnovaniya 1000-letiya rossiyskoy gosudarstvennosti, 100-letiya Otechestvennoy voyny 1812 goda i 300-letiya tsarstvovaniya doma Romanovykh v Rossiyskoy imperii) [Historical anniversaries as ceremonial commemorative practice (A comparative analysis of the celebrations of the 1000th anniversary of Russian statehood, the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812, and the 300th anniversary of the Romanov Dynasty in the Russian Empire)]. *Dialog so vremenem*. 72. pp. 280–291.
8. Repina, L.P. (2007) Istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury: problemy i perspektivy issledovaniya [Historical consciousness in the space of culture: Problems and research perspectives]. In: Repina, L.P. (ed.) *Vremya–Istoriya–Pamyat': istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury* [Time–History–Memory: Historical Consciousness in the Space of Culture]. Moscow: RAS. pp. 3–13.
9. Leontieva, O.B. & Repina, L.P. (2015) Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i "istoriografiya pamyati" v sovremennoy Rossii [Images of the Past, the Memorial Paradigm, and the "Historiography of Memory" in Contemporary Russia]. *Istoriya*. 6(9). [Online] Available from: https://history.jes.su/s207987840001259-3-1/ (Accessed: 14th February 2022).
10. Vishlenkova, E.A. (2011) Memorial'naya kul'tura rossiyskogo universiteta XIX veka [Memorial Culture of the Russian University in the 19th Century]. In: *Mir istorika* [The Historian's World]. Omsk: OmSU. pp. 81–94.
11. Dmitriev, A.N. (2013) Pereizobretenie sovetskogo universiteta [The Reinvention of the Soviet University]. *Logos*. 1. pp. 41–64.
12. Vishlenkova, E.A. & Dmitriev, A.N. (2013) Pragmatika proshlogo, ili Aktual'noe proshloe dlya rossiyskikh universitetov [The pragmatics of the past, or a relevant past for Russian universities]. In: Vishlenkova, E.A. & Savelieva, I.M. (eds) *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov* [The Estate of Russian Professors: Creators of Statuses and Meanings]. Moscow: HSE. pp. 61–96.
13. Vishlenkova, E.A. & Parsamov, V.S. (2014) Universitetskie istorii v Rossii: genezis zhanrov [University Histories in Russia: The Genesis of Genres]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstva*. 3(20). pp. 164–172.
14. Repina, L.P. (2017) Yubileynye istorii universitetov kak zhanr sovremennoy rossiyskoy istoriografii [University Jubilee Histories as a Genre in Modern Russian Historiography]. *Dialog so vremenem*. 60. pp. 142–152.
15. Dhondt, P. (ed.) (2015) *University Jubilees and University History Writing: A Challenging Relationships*. Leiden; Boston: Brill.
16. Dhondt, P. (2015) University History as Part of the History of Education. In: Dhondt, P. (ed.) *University Jubilees and University History Writing: A Challenging Relationships*. Leiden; Boston: Brill. pp. 233–249.
17. Bykovskaya, G.A. & Makedonskaya, V.A. (2015) 220-letie Akademii nauk: podvedenie itogov deyatel'nosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The 220th Anniversary of the Academy of Sciences: Summing Up the Results of Activities during the Great Patriotic War]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Ser. Sotsial'no-politicheskoe razvitie rossiyskogo obshchestva*. 2. pp. 19–24.
18. Limanova, S.A. (2020) "Akademiya nauk sygrala reshayushchuyu rol' v sozdanii orudiy pobedy": otkliki na 220-letniy yubiley Akademii nauk v iyune 1945 g. ["The Academy of Sciences Played a Decisive Role in Creating the Weapons of Victory": Responses to the 220th Anniversary of the Academy of Sciences in June 1945]. In: *Velikaya Otechestvennaya voyna i problemy natsional'noy bezopasnosti sovremennoy Rossii* [The Great Patriotic War and Problems of National Security of Modern Russia]. Orenburg: OSPU. pp. 187–191.
19. Limanova, S.A. (2020) Pobednyy parad sovetskoy nauki [The Victory Parade of Soviet Science]. *Rodina*. 6. pp. 122–125.
20. Korzun, V.P., Kovalev, M.V. & Gruzdinskaya, V.S. (2021) Yubiley Akademii nauk v pobednom 1945 godu: zamysel, stsenariy prazdnika, mezhdunarodnyy rezonans [The Anniversary of the Academy of Sciences in the Victorious 1945: Concept, Celebration Scenario, International Resonance]. *Vestnik Rossiyskogo Fonda Fundamental'nykh Issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2. pp. 22–36.
21. Gruzdinskaya, V.S. (2020) Yubiley Akademii nauk SSSR v 1945 g. v zerkale inostrannykh privetstvennykh adresov [The 1945 Anniversary of the USSR Academy of Sciences in the Mirror of Foreign Congratulatory Addresses]. *Rossiya XXI*. 2. pp. 26–39.
22. Korzun, V.P. & Gruzdinskaya, V.S. (2020) 220-y yubiley AN SSSR v 1945-m: stsenariy prazdnovaniya v sotsiokul'turnom kontekste epokhi [The 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945: The Celebration Scenario in the Socio-Cultural Context of the Era]. *Vestnik RUDN. Ser. Istoria Rossii*. 2. pp. 374–392.
23. Korzun, V.P. & Kolevatov, D.M. (2020) Russkie poklonyayutsya znaniyam (220-letniy yubiley AN SSSR v vospriyatii kanadskogo uchenogo [Russians Worship Knowledge (The 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences as Perceived by a Canadian Scientist)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 162(3). pp. 207–219.
24. Kupershtokh, N.A. (2020) Obraz nauki v poslevoennom mire: yubileynoe zasedanie Prezidiuma Akademii nauk SSSR v iyune 1945 g. [The Image of Science in the Post-War World: The Anniversary Session of the Presidium of the USSR Academy of Sciences in June 1945]. *Vseobshchaya istoriya*. 2. pp. 3–11.

25. Limanova, S.A. (2021) Vybor daty prazdnovaniya 220-letiya Akademii nauk: k predystorii “yubileynogo voprosa” [The Choice of the Date for Celebrating the 220th Anniversary of the Academy of Sciences: On the Prehistory of the “Anniversary Question”]. *Millerovskie chteniya – 2020: preemstvennost' i traditsii v sokhranenii i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya* [Miller Readings – 2020: Continuity and Traditions in the Preservation and Study of Documentary Academic Heritage]. Proc. of the Third International Conference. St. Petersburg: Renome. pp. 218–222.
26. Brovina, A.A. & Egorova, S.L. (2018) “Ya unes s yubileya Akademii neugasimuyu iskru lyubvi k nauke…” (iz vospominaniy P.V. Ivanova – yunogo uchastnika 200-letnego yubileya Akademii nauk [“I Carried Away from the Academy's Anniversary an Unquenchable Spark of Love for Science...” (From the Memoirs of P.V. Ivanov – A Young Participant in the 200th Anniversary of the Academy of Sciences)]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 7(1(22)). pp. 185–190.
27. Maurer, T. (2015) Uchastie, otstranennost', samoutverzhdenie: patrioticheskie yubileynye torzhestva 1913 g. kak otrazhenie sotsial'noy istorii germanskikh universitetov [Participation, Distancing, Self-Assertion: Patriotic Anniversary Celebrations of 1913 as a Reflection of the Social History of German Universities]. In: Tyan-Shanskiy, D. (ed.) *“Barometry” ili “mayaki” obshchestva?: izbrannye stat'i po sotsial'noy istorii russkikh i nemetskikh universitetov* [“Barometers” or “Beacons” of Society?: Selected Articles on the Social History of Russian and German Universities]. Moscow: ROSSPEN. pp. 315–337.
28. Maurer, T. (2015) Distantsirovanie i samoutverzhdenie: patrioticheskie yubileynye torzhestva 1912/1913 uchebnogo goda kak otrazhenie sotsial'noy istorii rossiyskikh universitetov [Distancing and Self-Assertion: Patriotic Anniversary Celebrations of the 1912/1913 Academic Year as a Reflection of the Social History of Russian Universities]. In: Tyan-Shanskiy, D. (ed.) *“Barometry” ili “mayaki” obshchestva?: izbrannye stat'i po sotsial'noy istorii russkikh i nemetskikh universitetov* [“Barometers” or “Beacons” of Society?: Selected Articles on the Social History of Russian and German Universities]. Moscow: ROSSPEN. pp. 337–367.
29. Margolis, Yu.D. (1982) Shevchenkovskie godovshchiny i Peterburgskiy universitet [The Shevchenko Anniversaries and St. Petersburg University]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the History of Leningrad University]. Vol. 4. Leningrad: Leningrad University. pp. 33–52.
30. Shevyrev, A.P. (2009) Prazdniki neposlushaniya: studencheskoe dvizhenie v Moskve i Peterburge vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Festivals of Disobedience: The Student Movement in Moscow and St. Petersburg in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Dvornichenko, A.Yu. & Tikhonov, I.L. (eds) *Sankt-Peterburgskiy universitet v XVIII–XX vv.: evropeyskie traditsii i rossiyskiy kontekst* [St. Petersburg University in the 18th–20th Centuries: European Traditions and Russian Context]. St. Petersburg: Izd. dom S.-Peterb. un-ta, 2009. pp. 148–162.
31. Tikhonov, I.L. (2009) Sluzhenie nauke, obrazovaniyu i progressu. Iz istorii universitetskikh yubileev [Serving Science, Education, and Progress. From the History of University Anniversaries]. *Sankt-Peterburgskiy universitet*. 2-3. pp. 13–19.
32. Posokhov, S.I. (2011) Mekhanizmy samoprezentatsii universiteta: torzhestvennye akty v universitetakh Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka) [Mechanisms of University Self-Presentation: Ceremonial Acts in the Universities of the Russian Empire (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century)]. *Vestnik Chernigovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta*. 87. pp. 10–15.
33. Morozov, O.V. (2016) *Universitetskie yubilei v Rossii i Germanii nachala XX veka* [University Jubilees in Russia and Germany in the Early 20th Century]. History Cand. Diss. Moscow.
34. Morrissey, S.K. (1998) *Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. Oxford; New-York: Oxford University Press.
35. Ivanov, A.E. (2008) Studencheskie korporativnye prazdniki v Rossii XIX – nachala XX v. [Student Corporate Holidays in Russia in the 19th – Early 20th Centuries]. In: Alekseev, A.K. et al. (eds) *Dolg i sud'ba istorika* [The Duty and Fate of a Historian]. Moscow: ROSSPEN. pp. 235–246.
36. Ivanov, A.E. (2010) *Mir rossiyskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka* [The World of Russian Students. Late 19th – Early 20th Century]. Moscow: Novyy khronograf.
37. Ivanov, A.E. (2013) Obraz professora v memuarakh byvshikh studentov vtoroy poloviny XIX – pervoy poloviny XX veka [The Image of the Professor in the Memoirs of Former Students of the Second Half of the 19th – First Half of the 20th Century]. In: *Istoriograficheskie chteniya pamyati Viktora Aleksandrovicha Murav'eva* [Historiographical Readings in Memory of Viktor Aleksandrovich Muravyov]. Moscow: RSUH. pp. 419–431.
38. Rostovtsev, E.A. (2011) Revolyutsionnye kommemoratsii v Peterburgskom universitete na rubezhe XIX–XX vv. [Revolutionary Commemorations at St. Petersburg University at the Turn of the 20th Century]. *Klio*. 4. pp. 89–99.
39. Rostovtsev, E.A. (2014) Universitetskie korporatsii v dorevolyutsionnoy Rossii [University Corporations in Pre-Revolutionary Russia]. In: *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, istoriya, praktiki issledovaniya* [The Individual in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity: Methodology, History, Research Practices]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 268–269.
40. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Capital University of the Russian Empire: The Scholarly Estate and the State (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
41. Rostovtsev, E.A. (2021) Sankt-Peterburgskiy universitet v sovetskoy istoriografii i kommemorativnykh praktikakh (1919–1939) [St. Petersburg University in Soviet Historiography and Commemorative Practices (1919–1939)]. In: *Veche: ezhegodnik russkoy filosofii i kul'tury* [Veche: Yearbook of Russian Philosophy and Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 174–189.
42. Kurepin, A.A. (2003) *Nauka i vlast' v Leningrade. 1917–1937 gg.* [Science and Power in Leningrad. 1917–1937]. St. Petersburg: Nestor.
43. Krivonozhenko, A.F. (2014) *Petrogradskiy universitet v 1917–1922 gg.* [Petrograd University in 1917–1922]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
44. Krivonozhenko, A.F. (2011) Petrogradskiy universitet v 1917–1922 gg.: ot universiteta imperatorskogo k universitetu sovetskomu [Petrograd University in 1917–1922: From an Imperial to a Soviet University]. *Peterburgskie issledovaniya*. 3. pp. 257–266.
45. Krivonozhenko, A.F. (2014) Professorsko-prepodavatel'skaya korporatsiya Petrogradskogo universiteta v 1917–1922 godakh [The Faculty Corporation of Petrograd University in 1917–1922]. *Uchenie zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 1. pp. 21–23.
46. Krivonozhenko, A.F. (2013) Protsess sovetizatsii Petrogradskogo universiteta v 1918–1922 gg. [The Process of Sovietization of Petrograd University in 1918–1922]. *Klio*. 10(82). pp. 104–108.
47. Kupaygorodskaya, A.P. (1984) *Vysshaya shkola Leningrada v pervye gody Sovetskoy vlasti (1917–1925 gg.)* [Higher Education in Leningrad in the First Years of Soviet Power (1917–1925)]. Leningrad: Nauka.
48. Kupaygorodskaya, A.P. (2000) Deyateli russkoy nauki pod prismotrom OGPU i RKP(b) (Leningrad, seredina 20-kh godov) [Figures of Russian Science under the Surveillance of the OGPU and the RCP(b) (Leningrad, mid-1920s)]. In: *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov* [Figures of Russian Science in the 19th–20th Centuries]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 124–137.
49. Mavrodin, V.V. (1982) Kul'turnaya zhizn' Leningradskogo universiteta v 1920-kh godakh (iz vospominaniy) [The Cultural Life of Leningrad University in the 1920s (From Memoirs)]. In: *Ocherki po istorii LGU* [Essays on the History of Leningrad University]. Vol. 4. Leningrad: LSU. pp. 136–138.
50. Mandel, S.Z. (1962) Kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost' uchenykh Petrogradskogo universiteta v pervye gody Sovetskoy vlasti [Cultural and Educational Activities of Petrograd University Scholars in the First Years of Soviet Power]. In: *Ocherki po istorii LGU* [Essays on the History of Leningrad University]. Vol. 1. Leningrad: LSU. pp. 140–158.
51. Sheveleva, P.V. (2007) Obraz “krasnogo professora” (po materialam zhurnala “Istorik-marksist”) [The Image of the “Red Professor” (Based on Materials from the Journal “Istorik-Marksist”)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 21(99). pp. 147–162.
52. Nikulenkova, E.V. (2020) Obraz “krasnogo professora” v sovetskoy Rossii v 1920-e gg. [The Image of the "Red Professor" in Soviet Russia in the 1920s]. In: Veremenko, V.A. & Shaydurov, V.N. (eds) *Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Reforms in the Daily Life of the Russian Population: History and Modernity]. St. Petersburg: LSU. pp. 323–328.
53. Razina, T.V. & Volodarskaya, E.A. (2021) Obraz professora vysshey shkoly v zhivopisi i ego istoriko-kul'turnaya transformatsiya [The Image of the Professor in Painting and Its Historical and Cultural Transformation]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*. 12(4). pp. 46–66.
54. Razina, T.V. (2020) Psikhologiya vysshey shkoly v izobrazitel'nom iskusstve [The Psychology of Higher Education in Fine Art]. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Ser. 2. Biologiya. Geologiya. Khimiya. Ekologiya*. 2(14). pp. 4–31.

55. Markov, A.R. (2005) *Chto znachit byt' studentom* [What It Means to Be a Student]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
56. Markov, A.R. (1997) *Studenchestvo Petrograda v 1914–1925 gg.: sotsial'nopsikhologicheskiy oblik* [The Student Body of Petrograd in 1914–1925: A Social and Psychological Portrait]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
57. Konecny, P. (1999) *Builders and deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941*. Montreal et al.: McGill-Queen's University Press.
58. Kazakevich, R.A. & Mandel, S.Z. (1939) K istorii 100-letnego yubileya universiteta [On the History of the University's 100th Anniversary]. In: *Ocherki po istorii LGU* [Essays on the History of Leningrad University]. Vol. 2. Leningrad: LSU. pp. 159–167.
59. Anon. (1939) 120 let Leningradskogo universiteta [120 Years of Leningrad University]. *Priroda*. 7. p. 101.
60. Nemilov, A.V. (1939) 120 let Leningradskogo universiteta [120 Years of Leningrad University]. *Sovetskaya nauka*. 2. pp. 167–177.
61. Korel, I. (1939) 120 let Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta [120 Years of Leningrad State University]. *Vestnik znaniya*. 2. pp. 12–18.
62. Andreev, A.I. (1944) Leningradskiy gosudarstvennyy universitet (k ego 125-letiyu) [Leningrad State University (On its 125th Anniversary)]. *Izvestiya vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. 76(2-3). pp. 116–118.
63. Mikhaylova. (1929) K 110 godovshchine Leningradskogo universiteta [On the 110th Anniversary of Leningrad University]. *Studencheskaya pravda*. 4-5. p. 2.
64. Anon. (1939) Nashemu universitetu 120 let [Our University is 120 Years Old]. *Leningradskiy universitet*. 17-18. p. 1.
65. Anon. (1949) 130 god deyatel'nosti Leningradskogo universiteta: s torzhestvennogo godichnogo akta [130 Years of Activity of Leningrad University: From the Solemn Annual Ceremony]. *Leningradskiy universitet*. 8. p. 2.
66. Anon. (1959) Khranit' i umnozhat' slavnye traditsii [Preserve and Multiply the Glorious Traditions]. *Leningradskiy universitet*. 7. p. 1.
67. Anon. (1969) Universitetskaya panorama. Stranitsy letopisi [University Panorama. Pages of the Chronicle]. *Leningradskiy universitet*. 20. pp. 2–3.
68. Anon. (1979) Slavnye stranitsy istorii [Glorious Pages of History]. *Leningradskiy universitet*. 8. p. 1.
69. Lobachev, S. (1989) Mnogo shuma iz nichego? [Much Ado About Nothing?]. *Leningradskiy universitet*. 6. p. 12.
70. Ilin, A.A. (2020) Proshloe, nastoyashchee i budushchee sovetskogo vuza: yubileynye istorii vysshikh uchebnykh zavedeniy 1930–1980-kh godov [The Past, Present, and Future of the Soviet Higher Education Institution: Jubilee Histories of Higher Educational Institutions in the 1930s–1980s]. *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 25(2). pp. 93–102.
71. Anon. (1929) Chto my znaem ob universitete [What Do We Know About the University]. *Studencheskaya pravda*. 4-5. p. 2.
72. Mavrodin, V.V., Sladkevich, N.G. & Shilov, L.A. (1930) *Leningradskiy universitet: (kratkiy ocherk)* [Leningrad University: (A Short Outline)]. Leningrad: LSU.
73. Anon. (1930) Nikolay. Sto odinnadtsataya i poslednyaya [Nikolay. The One Hundred and Eleventh and Last]. *Studencheskaya pravda*. 4. p. 1.
74. Krivonozhenko, A.F. (2016) Nekotorye problemy stanovleniya sovetskoy vysshey shkoly: opyt Petrogradskogo universiteta [Some Problems of the Formation of the Soviet Higher School: The Experience of Petrograd University]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 5. pp. 51–55.
75. Anon. (1939) Nakanune yubileya [On the Eve of the Anniversary]. *Leningradskiy universitet*. 10. p. 1.
76. Anon. (1939) Kuznitsa nauchnykh kadrov [The Forge of Scientific Personnel]. *Leningradskiy universitet*. 17–18. p. 1.
77. Anon. (1939) Vospityvat' novye kadry sotsialisticheskoy intelligentsii [To Educate New Cadres of the Socialist Intelligentsia]. *Leningradskiy universitet*. 17–18. p. 1.
78. Anon. (1939) Vo vsekh ugolkakh zemli sovetskoy rabotayut pitomtsy LGU [Graduates of Leningrad State University Work in All Corners of the Soviet Land]. *Leningradskiy universitet*. 17–18. p. 1.
79. Tikhonov, I.L. (2005) *Muzey istorii Sankt-Peterburgskogo / Leningradskogo universiteta* [Museum of the History of St. Petersburg / Leningrad University]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
80. Shekhurina, L.D. (1998) Istoriya Sankt-Peterburgskogo-Leningradskogo universiteta: bibliograficheskie zametki [History of St. Petersburg-Leningrad University: Bibliographical Notes]. In: Tishkin, G.A. (ed.) *Ocherki po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Essays on the History of St. Petersburg University]. Vol. 7. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 193–211.
81. Kozlova, A.N. (2016) Istoriya sozdaniya muzeya-kabineta D.I. Mendeleeva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete v 1907–1911 gg. [The History of the Creation of the D.I. Mendeleev Museum-Study at the Imperial St. Petersburg University in 1907–1911]. *Voprosy muzeologii*. 1(13). pp. 60–67.
82. Volkova, T. (1939) D.I. Mendeleev i universitet [D.I. Mendeleev and the University]. *Vestnik znaniya*. 2. pp. 19–22.
83. Anon. (1962) *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the History of Leningrad University]. Leningrad: LSU.
84. Mavrodin, B.V. (ed.) (1963) *Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Leningrad University in the Memoirs of Contemporaries]. Leningrad: LSU.
85. Anon. (1969) *Istoriya Leningradskogo universiteta, 1819–1969: ocherki* [History of Leningrad University, 1819–1969: Essays]. Leningrad: LSU.
86. Margolis, Yu.D. & Tishkin, G.A. (1983) Skol'ko let Peterburgskomu-Leningradskomu universitetu? [How Old is St. Petersburg-Leningrad University?]. *Leningradskiy universitet*. 10. pp. 6–7.
87. Mishin, I. (1984) Posev nauchnyy dlya zhatvy narodnoy. Segodnya – traditsionnyy torzhestvennyy akt [Scientific Sowing for the People's Harvest. Today – The Traditional Solemn Ceremony]. *Leningradskiy universitet*. 6. p. 3.
88. Lomonosova, M.V., Vasilieva, D.I., Kozlovskiy, N.V. & Ageeva, A.I. (2019) Pokhorony Maksima Maksimovicha Kovalevskogo. Nekrologi i posmertnye soobshcheniya v periodicheskoy pechati kak istochnik informatsii v istoriko-sotsiologicheskikh issledovaniyakh [The Funeral of Maxim Maksimovich Kovalevsky. Obituaries and Posthumous Reports in the Periodical Press as a Source of Information in Historical and Sociological Research]. *Nasledie*. 1. pp. 144–160.
89. Pomante, L. (2021) Periodic journals for university professors from the XIX and XX centuries. A valuable source for studying the history of the Italian university. *History of Education and Children's Literature*. 16(2). pp. 167–191.
90. Abdulina, B.M. (2023) Personal'nye kommemoratsii sovetskoy vysshey shkoly 1920–1930-kh gg. (po materialam periodiki Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta) [Personal Commemorations in Soviet Higher Education in the 1920s–1930s (Based on Periodicals of Leningrad State University)]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 50(3). pp. 734–745.

***Сведения об авторе*:**
Абдулина Бэлла Марсельевна – аспирант, лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: abdulinabe97@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Abdulina Bella M. – Postgraduate, Research Assistant, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: abdulinabe97@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 09.06.2022; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/97/2

Лунодромы в СССР в 1960-е гг.: проекты и реальность

Виктория Сергеевна Батченко

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, vik-batchenko@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы организации и создания в СССР в 1960-е гг. площадок и полигонов, имитирующих лунную поверхность – лунодромов. Описаны этапы развития идеи в рамках лунной пилотируемой программы, в том числе проблема имитации лунного грунта. Изучены проекты лунодромов и реализованные варианты. Автор приходит к выводу, что самый масштабный проект всесоюзного лунодрома, предназначенный для всесторонней подготовки к освоению Луны, включая строительство лунных баз, остался лишь проектом из-за общего затухания лунной пилотируемой программы СССР.
Ключевые слова: лунодром, луноход, Центр подготовки космонавтов, Академия наук, ОКБ-1, полигон, космонавтика, лунная программа, лунная гонка

Для цитирования: Батченко В.С. Лунодромы в СССР в 1960-е гг.: проекты и реальность // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 15–23. doi: 10.17223/19988613/97/2

Original article

Lunodromes in the USSR in the 1960s: projects and reality

Viktoria S. Batchenko

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, vik-batchenko@yandex.ru

Abstract. The article describes the evolution of the idea of designing and constructing polygons, simulating the lunar surface within the framework of the Soviet lunar program in the second half of the 1960s. There are no special works on the history of such polygons-lunodromes yet, there are only brief mentions in the literature. The research was conducted on the basis of declassified documents on the history of cosmonautics of the Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). The construction of lunar-landing cabins, lunar self-moving mechanisms and the training of cosmonaut crews who were to land on the Moon depended on the availability lunodromes, therefore their appearance was important, both at industrial enterprises and at the Cosmonaut Training Center. The text pays attention to the problem of imitation of the lunar soil: an attempt is made to convey the conditions in which scientists and designers found themselves, forced to look for answers to questions about the nature of the lunar soil, its imitation, with a lack of knowledge about its real characteristics. This episode reveals how much impetus was given to the development of world science and technology thanks to the results of the work of the automatic interplanetary station «Luna-9» in 1966. Before this, all knowledge about the surface of the moon was based on observations from the Earth.

For comparison, the author gives an example of Americans who have equipped at the Langley Research Center the necessary facilities to test mechanisms and train astronauts, including in conditions close to lunar gravity, and the rest of the tests were carried out on several natural objects simulating the Moon's surface. For a comprehensive study of all components of the manned lunar landing program and the program of work of automatic mechanisms on the Moon, in the USSR a project of the large lunodrome was developed, at which it was even planned to use the technology for the construction of lunar bases. But the primacy of Americans in the lunar race for the Soviet space program turned into a change of priorities from manned flight to the development and launches of self-moving mechanisms to the natural satellite of the Earth. For the project of the large lunodrome, this meant that it was impossible to implement it, given the high cost of construction and equipment according to all requirements. Since astronauts who were trained under the lunar program, were transferred to other programs, the Cosmonaut Training Center was left without a polygon. In turn, a small lunodrome was hastily equipped in Crimea, where the crews of drivers learned how to control lunokhod.
Keywords: lunodrome, lunokhod, Cosmonaut Training Center, Academy of Sciences, OKB-1, polygon, cosmonautics, lunar program, lunar race

For citation: Batchenko, V.S. (2025) Lunodromes in the USSR in the 1960s: projects and reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 15–23. doi: 10.17223/19988613/97/2

© В.С. Батченко, 2025

Соперничество в освоении космоса между социалистическим и капиталистическим миром во времена холодной войны включало множество этапов: освоение верхних слоев атмосферы и изучение влияния их факторов на живой организм, запуск искусственного спутника Земли, первые полеты человека в космос (первый орбитальный полет, первый групповой полет, первый многодневный полет, первый выход в открытый космос и т.д.), лунная гонка и др. До середины 1960-х гг. Советскому Союзу удавалось держать верх в этой конкуренции политического, военного и научного характера, но попытки изучения и освоения Луны оказались мероприятием совершенно иных масштабов.

Советская лунная пилотируемая программа с самого зарождения была надежно укрыта от посторонних глаз строгой секретностью. И в наши дни многие данные остаются закрытыми. Из всего многообразия фактов о советской лунной программе в настоящей работе освещена история создания специальных площадок – полигонов, имитирующих лунную поверхность, среди которых были небольшие закрытые площадки при промышленных предприятиях для отработки движения механизмов лунного транспорта и лунно-посадочных модулей, площадки для тренировки космонавтов при Центре подготовки космонавтов (ЦПК) в Подмосковье, а также проект всесоюзного лунодрома с научно-исследовательскими лабораториями и расширенной базой для подготовки к лунным рейсам для комплексных испытаний всех компонентов лунной программы, вплоть до строительства лунных баз. Актуальность данного исследования определяется социальным запросом на подлинную историю лунной пилотируемой программы СССР, в которой искусственные полигоны играли роль консолидирующего компонента, связывающего автоматические и пилотируемые проекты, технику и человека, военных инженеров и гражданских ученых. Познание опыта замороженных лунных проектов прошлого имеет ценность для настоящего, ведь спустя шесть десятилетий человечество не оставляет надежд на освоение Луны.

Кроме попытки встроить выявленные факты в общую историю советского космического проекта, цель статьи сводится к выявлению долгосрочных планов освоения Луны сквозь призму советских проектов лунодромов. Исходя из этого, определим главные задачи исследования: раскрыть совокупность условий и характеристик для строительства различных лунодромов; описать известные реализованные и нереализованные проекты полигонов; определить потенции советской лунной программы через проекты лунодромов.

К сожалению, изучаемые проекты долгие десятилетия были засекречены, и никакой информации о них в историографии не прослеживается. Но благодаря работам одного из водителей луноходов В.Г. Довганя о полигоне в Крыму, предназначенном для испытаний лунной самоходной техники, допустимо проследить эволюцию взглядов на лунную программу в целом и падение в ней роли пилотируемой космонавтики. Источниковую базу составили рассекреченные в последние десятилетия материалы об исследованиях Луны и советской лунной программе, находящиеся на хранении в Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД): в фондах Межведомственного научно-технического совета по космическим исследованиям при Академии наук СССР (МНТС по КИ, фонд 213) и Российского государственного научно-исследовательского института – Центра подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина (РГНИИ – ЦПК им. Ю.А. Гагарина, фонд 1).

Изучение Луны космическими аппаратами началось в 1958 г., и на первых этапах подразумевало достижение поверхности естественного спутника Земли (жесткая посадка, программы Е-1 и Е-1А) и получение снимков обратной стороны Луны (программы Е-2А и Е-3). 2 января 1959 г. в космос была выведена первая автоматическая межпланетная станция (АМС) «Луна-1», которая, пролетев рядом с Луной, вышла на орбиту Солнца и стала его первым искусственным спутником. 14 сентября того же года АМС «Луна-2» сумела совершить жесткую посадку на поверхность Луны, дав ученым некоторые сведения о ее поверхности, а 4 октября 1959 г. с Земли была запущена АМС «Луна-3», благополучно справившаяся с миссией по фотографированию обратной стороны Луны.

Успех СССР, усилившийся с осуществлением первого в мире пилотируемого полета человека в космос, оставил США без первенства в развернувшейся на тот момент космической гонке. Единственным шансом громко заявить о своих правах на космос Америка видела пилотируемую экспедицию к Луне – ближайшему к Земле небесному телу, о чем 25 мая 1961 г. заявил президент США Джон Кеннеди в своей речи в Конгрессе. Лунная программа США должна была достичь апогея к концу 1960-х гг. Вызов был брошен, и Советский Союз не мог не отреагировать на него: в СССР стартовала секретная лунная пилотируемая программа.

Новая программа пилотируемых полетов к Луне экипажей советских космонавтов (лунная программа) по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 258 от 3 августа 1964 г. «О работах по исследованию Луны и космического пространства» [1. С. 599–602] состояла из двух направлений:

1) облет Луны «на пилотируемом космическом корабле с возвращением и посадкой на Землю» [1. С. 599] в 1966 – первом полугодии 1967 гг.;

2) высадка экипажа на Луну в 1967–1968 гг. также с последующим возвращением на Землю.

Именно второе направление – с высадкой экипажа на поверхность Луны – столкнулось с проблемой недостаточных знаний ученых о ее поверхности, от свойств которой зависели условия посадки и последующего старта космического корабля, вопросы передвижения космонавтов и самоходных аппаратов по поверхности Луны, определение перечня необходимых научных исследований во время лунной экспедиции и т.д.

Как известно, ракетно-космические работы в те годы проводились либо по линии Министерства обороны СССР, либо по линии Академии наук СССР. По исследуемой нами тематике фронт работ также условно делился между двумя ведущими ведомствами: «оборонка» взяла на себя разработку лунного транспорта и автоматических станций, а наука должна была обеспе-

чить данные о поверхностях и условиях, с которыми столкнутся лунный транспорт и человек при посадке на Луну. Оборонные предприятия и конструкторские бюро тесно сотрудничали с учеными, проявляя обоюдную заинтересованность, так как без знаний о характере рельефа Луны невозможно было конструировать механизмы, а без учета особенностей и возможностей механизмов нельзя было планировать научные эксперименты.

По линии оборонного ведомства подготовка по лунной пилотируемой программе началась задолго до выхода постановления о начале работ. Ведущую роль взяло на себя Особое конструкторское бюро № 1 (ОКБ-1; г. Подлипки, Московская область), которым руководил С.П. Королев. Сперва в разработке автоматических аппаратов, «предназначенных для посадки на Луну и проведения широкого круга экспериментов по изучению Луны» [2. Л. 60], под руководством ОКБ-1 активное участие принимало ОКБ-586, позже получившее название «Южное» (Днепропетровск, Украинская ССР). Эти работы ОКБ «Южное» проводило по программе Е-6, предусматривавшей осуществление мягкой посадки автоматической станции на Луну. Уже на тот момент ОКБ «Южное» столкнулось с тем, что без знания характеристик поверхности Луны невозможно разработать лунное посадочное устройство, а потому оно активно взаимодействовало с Академией наук с целью выяснения характера рельефа Луны, строения ее поверхности в равнинных и горных районах, определения и уточнения высот лунных гор и глубин впадин и кратеров, структуры материала и плотности метеорных потоков на поверхности Луны [2. Л. 61].

Нельзя сказать, что в 1964–1965 гг. ученые могли однозначно ответить на эти и подобные вопросы о поверхности Луны, – проблема изучения ее грунта, а главное, имитации лунного грунта на Земле стала насущной для космической науки. По линии Академии наук СССР все научные космические работы были сконцентрированы в строго засекреченном Межведомственном научно-техническом совете по космическим исследованиям (МНТС по КИ), созданном в 1959 г. Руководил МНТС по КИ Президент Академии наук СССР, теоретик космонавтики академик М.В. Келдыш. При МНТС по КИ действовало несколько секций, одна из которых – секция Луны и планет – отвечала за исследования свойств лунного грунта и разработку его аналогов. Руководил этой секцией академик А.П. Виноградов.

Под научным руководством секции Луны и планет к решению вопроса об «изучении физико-механических свойств грунтов-аналогов, моделирующих лунные грунты» [3. Л. 4] подключился Научно-исследовательский институт (НИИ) оснований и подземных сооружений; обязанности по подбору камня и созданию аналога лунного грунта на основе вулканических горных пород взяли на себя НИИ камня и силикатов Госстроя СССР (НИИ камня; Ереван, Армянская ССР) [2. Л. 118] и Институт физической химии АН СССР. Но из-за недостатка в тот период (март 1964 г.) «ясности вопроса о природе поверхности Луны» [2. Л. 151] МНТС по КИ ограничил деятельность этих организаций до разработки технологии получения грунта и изготовления опытных образцов. Такой искусственный материал был необходим в первую очередь для отработки движения самоходной установки – лунохода – по поверхности, близкой к лунной. Он должен был воспроизводить «прочностные свойства поверхностных слоев Луны» [4. Л. 60] и по химическому составу быть близким к таким земным породам, как диорит, вулканический пепел и туф. Ученые и конструкторы оказались в некоем замкнутом круге: для создания автоматической станции и осуществления мягкой посадки необходимы были данные о рельефе места посадки, а чтобы получить данные об этом рельефе, требовалась мягкая посадка автоматической станции на Луну.

Как известно, в 1965 г. С.П. Королев передал работы по подготовке автоматических аппаратов из ОКБ-586 в ОКБ им. С.А. Лавочкина (Химки, Московская область), которым на тот момент руководил Г.Н. Бабакин. И если ранее по программе Е-6 было совершено более десяти неудачных запусков, то именно благодаря команде Г.Н. Бабакина автоматическая станция «Луна-9» в феврале 1966 г. все же осуществила мягкую посадку на Луну и передала на Землю долгожданные панорамные снимки рельефа Луны в месте посадки. До «Луны-9» ученые знали о поверхности Луны только то, что могли наблюдать с поверхности Земли «при помощи оптических, радиоастрономических и радиолокационных средств» [5. Л. 71]. Столь противоречивая информация порождала различные интерпретации, и, как выразился корреспондент ТАСС А.П. Романов, «"Луна-9" похоронила гипотезу о глубоком пылевом слое лунной поверхности, в котором якобы могут утонуть космические корабли» [6. С. 41]. Художественные представления середины XX в. о гористости лунного рельефа также оказались неверны: хоть на Луне отсутствовала атмосферная эрозия, все же ее поверхность за миллиарды лет была сильно сглажена «падением на высоких скоростях мелких метеоритов и кометной пыли» [7. С. 131]. Спустя четыре месяца данные о грунте дополнила аналогичная американская станция «Сервейер-1» (июнь 1966 г.), а в конце года – советская АМС «Луна-13» (декабрь 1966 г.).

Теперь, когда у ученых появились сведения о поверхности Луны, а к 1967 г. были окончательно сформированы группы космонавтов, проходивших подготовку по лунно-облетной и лунно-посадочным программам, имитатор лунной поверхности требовался уже не только для отработки механизмов посадки и передвижения лунных автоматических аппаратов, но и для тренировки лунных экипажей. Различие задач эксплуатации лунодромов сформировало два типа таких полигонов: открытые (уличные) и закрытые (расположенные внутри помещений); полигон, находящийся внутри помещения, не требовал материалов, обладавших высокой устойчивостью к различным погодным условиям, отличался малыми размерами и не нуждался в ландшафтном разнообразии.

Небольшие закрытые полигоны, имитирующие лунную поверхность, нужны были на промышленных предприятиях, занятых конструированием лунных машин, их механизмов и других важных составляющих лун-

ной программы. Рассмотрим известные нам площадки. На базе Центрального конструкторского бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ; до 1967 г. – ОКБ-1) силами Института проектирования предприятий машиностроительной промышленности (Ипромашпром) к началу 1969 г. был построен стенд-лунодром для испытаний макета лунно-посадочной кабины (объект 11Ф94) с различными уклонами, конусообразными углублениями (кратерами) и щитами, прикрывающими от неблагоприятных погодных условий (стенд частично занимал открытую площадку) [3. Л. 175].

Уже упоминавшемуся ОКБ и заводу им. С.А. Лавочкина лунодром был необходим для испытания отдельных узлов объекта Е-8 и другого лунного транспорта [8. С. 139], и таковых там обустроили два. Для первой площадки в экспериментальном цехе завода обустроили кольцевой трек, на котором также имелись кратеры и прямоугольные блоки из железобетона [3. Л. 176]. Поверхность трека была покрыта блоками из пенобетона и в целом имела горизонтальную поверхность. В цехе постоянно поддерживалась положительная температура, что создавало щадящие условия для материалов, имитирующих грунт. Вторая площадка представляла собой открытое пространство с аналогами грунта из пенобетона, песка (аглопоритовый и речной песок) и плотного и разрыхленного щебня [3. Л. 176].

На заводе «Звезда» для испытаний лунных скафандров – жесткой конструкции «Кречет» и мягкой конструкции «Орел» – обустроили небольшую грунтовую лунную трассу в зале центрифуги [3. Л. 176]. Подобную трассу-дорожку в 1967 г. оборудовали и в самолете-лаборатории Ту-104, принадлежащем Летно-исследовательскому институту (ЛИИ), для испытаний скафандров в условиях невесомости [3. Л. 177]. Тогда же были выработаны предложения по устройству испытательного полигона в Крыму, о котором будет сказано ниже.

Но это были небольшие производственные площадки, необходимые для испытания и отработки отдельных звеньев лунной программы. Чтобы собрать все разработки и конструкции воедино и провести полноценные испытания, нужна была масштабная площадка, поисками которой в конце 1960-х гг. занялись все главные умы лунной пилотируемой программы. Для реализации этой цели при секции Луны и планет МНТС по КИ 20 мая 1968 г. была образована экспертная комиссия по испытательным площадкам и полигонам, имитирующим лунные условия [9. Л. 7; 10. Л. 227]. Во главе этой комиссии встал заведующий лабораторией сравнительной планетологии Института космических исследований АН СССР геохимик К.П. Флоренский, сын философа Павла Флоренского. Также в комиссию были делегированы представители различных предприятий и институтов, связанных либо с конструированием лунных машин, либо с научными исследованиями в рамках лунной пилотируемой программы. Перечислим организации и их представителей в комиссии: конструкторское бюро общего машиностроения (КБ ОМ) – А.П. Чемодуров (заместитель председателя); Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (ГЕОХИ) – А.А. Гурштейн; Центральный научно-исследовательский институт машиностроения (ЦНИИмаш) – А.Ф. Евич; Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения – В.П. Зайцев; завод им. С.А. Лавочкина – П.П. Каряев; Всесоюзный научно-исследовательский институт транспортного машиностроения (ВНИИ Трансмаш) – А.Л. Кемурджиан; Институт медико-биологических проблем Министерства здравоохранения (ИМБП) – Ю.А. Петров; Государственный НИИ авиационной и космической медицины Министерства обороны (ГНИИАиКМ) – Л.С. Хачатурьянц; Институт космических исследований АН СССР (ИКИ) – В.В. Шварев (ученый секретарь) [9. Л. 7].

К моменту создания экспертной комиссии было ясно, что лунодром необходим, но каким он должен быть: с искусственными или естественными площадками; один крупный лунодром с несколькими площадками или несколько небольших лунодромов; что следует моделировать на лунном полигоне и нужна ли специальная организация для руководства испытаниями на лунодромах [9. Л. 7], – на эти вопросы еще предстояло ответить. Пока методическое руководство по разработке «исходных данных для создания лунодрома» [9. Л. 8] принял на себя Институт космических исследований АН СССР совместно с ЦНИИмаш.

Для сравнения: в США активная фаза поиска «лунных» тренировочных площадок пришлась на 1963–1965 гг. При подборе места главными характеристиками выступали рельеф места и наличие геологических пород, схожих с лунными, а также предпочтительно расположение на территории государственных земель для получения быстрой поддержки в моделировании лунной базы. Первые испытания лунных скафандров проводились в Бенде, штат Орегано [11. P. 163]. Также был обследован испытательный полигон в Неваде, переживший серию наземных и подземных испытаний атомных и химических взрывчатых веществ, но, несмотря на большое количество образовавшихся кратеров, точь-в-точь напоминавших ландшафты Луны, почва на полигоне оставалась радиоактивной, и нахождение в этой зоне представляло опасность для астронавтов и других сотрудников. В конечном итоге основной испытательный полигон для подготовки к программе «Аполлон» организовали в Флагстаффе (штат Аризона): это место, кроме вышеперечисленных требований, подходило своим расположением и приватностью территории, что обеспечивало труднодоступность для любопытных репортеров [11. P. 163–164, 178]. Кроме того, группы астронавтов активно посещали различные точки США и мира, схожие по строению с поверхностью Луны, для прохождения обязательной геологической практики после курса теоретических занятий.

Но вернемся к Советскому Союзу. В конце 1960-х гг. ученые пришли к выводу, что для качественной подготовки к освоению Луны требовалось как минимум два лунодрома: общесоюзный с функциями научно-исследовательского центра и тренировочный полигон-площадка на территории Центра подготовки космонавтов ВВС.

Итак, чтобы определиться с местом расположения всесоюзного полигона с имитацией лунной поверхно-

сти, необходимо было остановиться на наиболее важных его характеристиках. Его территория должна была имитировать поверхность не только Луны, но и других планет, в первую очередь Венеры и Марса, исследования которых также проводились в те годы. Соблюдение этого условия давало бы возможность отрабатывать самоходные аппараты, которые планировались к запуску на другие планеты. Также ученые полагали, что 70% поверхности Луны покрывали породы, схожие с земными базальтами, потому требовалась площадка с выходами на поверхность базальтовых пород. Это дало бы возможность проводить ряд следующих исследований и испытаний: испытание стационарных и самоперемещающихся установок по переработке пород лунной поверхности с целью извлечения из них воды или кислорода; испытание машин каменного литья, добычи металлов электролитическим способом, дорожных машин; возведение «лунных» зданий и сооружений, дорог и даже взлетно-посадочных площадок «по технологии и средствами, рекомендованными и изготовленными для эксплуатации в лунных условиях» [12. Л. 9]. Для соблюдения этого условия базальтовые породы должны были иметь значительную толщину, позволяющую строить и эксплуатировать в них жилища, для правильной оценки всех видов взаимодействия выхлопных газов и опор корабля с лунным грунтом при производстве посадки корабля.

Таким образом, сходство пород площадки будущего лунодрома с лунными породами представляло важность по характеристикам, прежде всего, «необходимым для оценки средств перемещения» [12. Л. 59].

Рельеф местности будущего лунодрома должен был максимально совпадать с предполагаемым местом посадки на Луне и местом строительства будущей лунной базы для наименьших затрат материальных средств и времени на строительство. Также его расположение предполагалось в местности со значительным преобладанием солнечных безоблачных дней (не менее 250–270 дней в году) и максимальными значениями солнечной радиации, близкими к значениям солнечной радиации в космосе и на Луне. Соблюдение этого условия требовалось для изучения светового давления «на долгоживущие спутники и космические межпланетные корабли» [12. Л. 10]. Минимальная сейсмичность – не более 1 балла – гарантировала бы сохранность сооружений и аппаратуры [12. Л. 59].

Кроме научных требований, немаловажным фактором являлось развитие транспортной и иной инфраструктуры вблизи будущей площадки, – для строительства крайне желательным было наличие линий электропередач, крупных городов, относительно близкое расположение железнодорожных и автомобильных путей. Соблюдение этих условий существенно сократило бы расходы на подготовительные и строительные работы и упростило поиск трудовых ресурсов.

По своей структуре будущий лунодром должен был включать собственно полигон, оборудованный барокамерами, установками облегчения веса, солнечными концентратами и пр. В свою очередь, полигон планировалось разделить на два участка: первый с установкой «стационарного сооружения для уменьшения посадочного веса на 5/6 с целью отработки систем посадки и взлета, проверки прочностных характеристик, работоспособности систем амортизации и т.д.» [12. Л. 59] (размером 100 на 200 м), а второй для комплексной проверки систем посадки и совершения горизонтальных маневров на лунной поверхности, с тремя зонами, разными по рельефу (плоская площадка, площадка с постоянной крутизной и площадка с переменной крутизной), общим размером не менее 1 на 1,5 км. Лунодром также должен был включать: группу научно-исследовательских лабораторий, занятых сопутствующими исследованиями; конструкторское бюро, одна часть конструкторов которого проводила бы разработку испытательного оборудования, а другая занималась «конструированием собственных средств для запуска» [12. Л. 20]; опытное производство, способное изготавливать оборудование для нужд полигона и машины, механизмы для проведения испытаний; другие вспомогательные подразделения, в том числе криогенную станцию по производству жидкого азота и гелия.

Конечно, важное место занимали собственно установки, позволявшие снижать земной вес техники и человека, приближая его к условиям лунной гравитации. В Америке такие установки существовали еще с начала 1960-х гг.: к примеру, лунный тренажер для ходьбы (Lunar Walking Simulator; LWS), мостовой кран (Lunar Landing Research Facility; LLRF) с устройством постоянного натяжения, благодаря которому можно было испытывать небольшой лунный транспорт в исследовательском центре им. Ленгли (Langley Research Center; Хэмптон, штат Вирджиния) [13].

В структуру государственной промышленности СССР будущий лунодром планировалось вписать как самостоятельное научно-исследовательское или опытно-конструкторское предприятие, подчиненное Министерству общего машиностроения (МОМ) СССР. К примеру, в середине 1968 г. ЦНИИмаш – одно из ключевых предприятий ракетно-космической отрасли – предлагал создать научно-исследовательский испытательный институт космической техники (НИИИКТ) в структуре МОМ, одним из отделений которого и стал бы создаваемый лунодром [10. Л. 228]. Учитывая, что освоение космоса не ограничивалось изучением Луны, а включало исследования планет Солнечной системы, в первую очередь Марса и Венеры, лунодром должен был перейти в статус планетодрома и потенциально обеспечивать подготовку космической техники для работы в различных рельефах.

По предъявленным требованиям наиболее благоприятными считались предгорные и нагорные участки Восточной или Среднеазиатской части СССР. Так, по распоряжению Главного конструктора ЦКБЭМ академика В.П. Мишина [14. Л. 195], площадкой лунных инноваций стал недавно образованный (в 1967 г.) Институт электроники Академии наук Узбекской ССР. Как показывают документы, в лаборатории высокотемпературных исследований этого института велись разработки методик, связанных с будущим освоением Луны. Ученые изучали возможности применения солнечной энергии для добычи воды, кислорода и металлов на Луне, получения «лунных строительных мате-

риалов из горных пород» (базальта, гранита, туфа и др.) [12. Л. 3], ее употребление для сварки и резки металла, а также «использование солнечных концентратов для получения электрической и механической энергии» [12. Л. 3]. Первый директор и основатель ИЭ АН УзССР академик У.А. Арифов лично принимал активное участие в обсуждении проектов общесоюзного лунодрома.

Институт электроники совместно с Институтом геологии и геофизики УзССР предложили для строительства два участка в Ташкентской области: возле поселка Невич Верхнечирчикского района и у поселка Аурахмат Орджоникидзевского района. Так как участок возле Аурахмата абсолютно не соответствовал требованиям, предъявляемым к лунодрому, позволим себе сделать вывод, что его предложили для создания альтернативы, которой, по всей видимости, не существовало. На этом участке вместо вулканических базальтовых преобладали осадочные карбонатные породы, а уровень сейсмичности почвы достигал 9 баллов. Эти геологические неудобства дополнял суровый для Ташкентской области климат – сильные ветры и снежные заносы в зимнее время года [12. Л. 3]. Такие условия были неподходящими для «лунной» техники и аппаратуры.

Немногим более привлекательным по этим параметрам являлся участок возле поселка Невич, который располагал площадками, сложенными из палеобазальта – породы, близкой по структуре к лунному грунту. Естественная величина этих площадок – 1 на 1,5 км – была, на первый взгляд, приемлемой для предполагаемых лунных маневров. Но, чтобы получить к ним доступ, при оборудовании лунодрома потребовалось бы снять верхний слой почвы мощностью от 0,5 до 10 м и искусственно создать профиль лунной поверхности, обработав верхний слой пород «для создания шлакового покрытия нужной толщины» [12. Л. 5]. Картину недостатков дополняла все та же повышенная сейсмичность территории, способная достигать 8 баллов, а это потребовало бы дополнительных вложений в строительство. Тем не менее холмистая местность, 270 солнечных дней в году и удобная транспортная доступность – 6 км от автомагистрали Ташкент–Ангрен, 50 км от железнодорожной станции Чигирик, 60–70 км до Ташкента и 6 км до линии Среднеазиатской энергетической системы – положительно повлияли на решение совещания о строительстве в этом месте лунодрома. Близость к Ташкенту, а следовательно, к железной дороге Ташкент–Оренбург, гарантировала прямое железнодорожное сообщение с космодромом Байконур (до 1959 г. – станция Тюра-Там, затем Тюратам). Это обстоятельство могло положительно сказаться на логистике будущих космических проектов.

С 8 по 12 декабря 1967 г. в Ташкенте прошло совещание с солидным представительством: ЦНИИмаш, ЦКБЭМ, ЦПК, Машиностроительный завод им. С.А. Лавочкина, Конструкторское бюро общего машиностроения (КБОМ), Геологический институт АН СССР, Министерство здравоохранения СССР, Институт медико-биологических проблем , Институт электроники АН УзССР, – участники которого пришли к общему мнению о целесообразности строительства лунодрома на выбранном участке.

Было понятно, что такой крупный проект, даже если и получит поддержку, реализуется небыстро. Академия наук со своей стороны проделала большую работу по разработке тактико-технических требований и согласованию их между институтами и конструкторскими бюро, но она не обладала правом выступать заказчиком работ по космической тематике. В конечном итоге все упиралось в организационные трудности и зависело от решения министров и военачальников, у которых были свои взгляды на космический проект, в том числе на лунную программу.

На базе полигона общесоюзного значения планировалось производить испытания систем взлета и посадки, средств перемещения по лунной поверхности, отработать технологию постройки лунных баз и обеспечить подготовку лунных экипажей космонавтов. Ведь космонавтам на Луне, по замыслам ученых, предстояло не только произвести высадку и собрать образцы грунта, но и осваивать лунное пространство, активно обживать его, застраивать, – и все эти действия необходимо было проработать на Земле в условиях, максимально приближенных к лунным. Разработке идей «обживания» Луны были посвящены крупные научные мероприятия: к примеру, в ноябре 1969 г. в Ташкенте состоялось первое Всесоюзное совещание на тему «Комплексное использование лунных ресурсов для обеспечения функционирования лунных экспедиций и долговременных обитаемых баз», сам факт проведения которого демонстрирует строительство лунных баз как одно из наиболее приоритетных направлений в освоении Луны [15. Л. 25]. В те годы проектирование долговременных лунных баз было возложено на Конструкторское бюро общего машиностроения (главный конструктор В.П. Бармин), и для отработки технологий их строительства также требовалась масштабная площадка с выходами наружу пород, схожих с лунными.

Такие же работы проводили в США, где планировали за ближайшие 10–20 лет (к 1980–1990-м гг.) создать «минимум три долговременные базы (не обязательно одновременно) в местах с различным рельефом» [15. Л. 157–158]. Вопрос освоения приемов эффективного и экономичного лунного строительства с проработкой деталей всех операций на Земле, таким образом, заботил умы как в СССР, так и за океаном.

Так как экипажи космонавтов уже проходили подготовку к будущим лунным экспедициям, и им крайне необходима была специально оборудованная «лунная» тренировочная площадка, не было времени ждать, ЦПК нуждался в своем небольшом лунодроме. Подготовку такой площадки в ЦПК начали проводить с 1966 г. В проекте это был малый лунный полигон размерами 100 на 100 м для непосредственной подготовки космонавтов будущих лунно-посадочных экспедиций. Соответствующий проект технического задания подготовили в ЦПК в январе 1968 г. для представления комиссии по оснащению Центра тренажерами.

Техническим заданием предполагалось, что будущий малый лунодром должен представлять собой три

небольших площадки с базальтовым грунтом размерами 20 на 20 м каждая, а именно: плоская площадка с отдельными небольшими камнями; наклонная площадка крутизной до 15° с небольшими лунками и кратерами до 3 м в диаметре и до 1 м в глубину; площадка с переменной крутизной (до 20°) и кратерами около 7 м в диаметре и 2,5 м в глубину [12. Л. 64–69].

Для снижения земной и моделирования лунной гравитации полигон необходимо было обеспечить «специальными установками для уменьшения веса на 5/6» [12. Л. 66]. Эти установки занимали важное место в оборудовании лунодрома и в идее его организации в принципе, так как, принимая во внимание колоссальную разницу между силой гравитации на Земле и на Луне, тренировки космонавтов без возможности приближения к условиям лунной гравитации имели весьма ограниченный потенциал.

К освещению на площадках предъявлялись повышенные требования [12. Л. 68]: оно должно было соответствовать освещению на поверхности Луны, для этого осветительные приборы следовало оборудовать специальными источниками света со средней освещенностью поверхности в радиусе 5 м 10 тыс. люксов (мера измерения освещенности). Напомним, что всесоюзный лунодром по техническому заданию обязательно должен был располагаться в солнечной местности; в свою очередь, климатические условия Подмосковья, в лесах которого располагался ЦПК, по количеству солнечных дней оставляют желать лучшего, потому освещению отводили ключевую роль. Лунные сутки примерно равны земному месяцу, и во время лунного дня температура на ее поверхности достигает 150°С, чему сопутствует очень яркий солнечный свет.

При проведении тренировок на таком лунодроме космонавты без отрыва от остальных видов подготовки могли бы овладевать навыками по выходу и входу в корабль после прилунения, передвижению по лунной поверхности в спецснаряжении, строительству и монтажу лунных баз и проведению необходимых научных экспериментов. Во время первого визита на Луну космонавт должен был выполнить программу научных исследований, включающую в себя два этапа работ – внутри кабины и снаружи. И если работы внутри кабины представляли наблюдение и подготовку маршрута, то на втором этапе планировалось отобрать образцы лунного грунта с помощью геологического оборудования, изучить свойства грунта по заданным характеристикам (прочность, глубина рыхлого грунта, изучение сторон камней и т.д.), провести фотографирование панорам и ландшафта [16. Л. 91]. Чтобы понять, какие работы стоит поручать космонавту, а с какими могут справиться автоматические аппараты, а также определить набор необходимых инструментов, методику работы с ними и примерные затраты времени на исследовательские работы на поверхности Луны, нужно было все эти операции отрепетировать на Земле, – для этих целей и требовался лунный полигон на территории ЦПК.

Однако на заседании 14 марта 1968 г. Комиссия по оснащению ЦПК тренажерными средствами под председательством генерал-майора авиации Л.И. Горегляда вынесла вердикт о нецелесообразности строительства лунодрома с тремя площадками на территории ЦПК. Для проведения тренировок комиссия оставила возможность сооружения лишь одной площадки, «имитирующей лунную поверхность, на которой можно было бы отрабатывать отдельные элементы действий космонавтов в лунной экспедиции» [12. Л. 78].

В ЦПК лунного полигона в те годы так и не появилось [17. Л. 9], а как же развивались решения по всесоюзному лунодрому? Летом 1968 г. Министерство общего машиностроения СССР еще пребывало в раздумьях по вопросу о том, стоит ли строить лунодром в Ташкентской области. Солнечных территорий с гористыми ландшафтами в стране было немало: в Министерстве изучали варианты строительства полигона в Армении, Дагестане и Азербайджане [10. Л. 102]. С начала 1970-х гг. к работам по изучению Луны присоединились планы высадки на планеты Солнечной системы автоматических планетоходов, и концепция лунодрома трансформировалась в оборудование планетодрома. Все та же экспертная комиссия МНТС по КИ при АН СССР ныне занималась поиском участков, моделирующих марсианский грунт. К примеру, летом 1973 г. ВНИИТрансмаш совместно с Институтом пустынь АН Туркменской ССР проводили работы по выявлению и изучению подобных грунтовых участков [18. Л. 35]. Конечно, эти площадки нужны были уже исключительно для отработки движения космических объектов по поверхности Марса, в отличие от лунодромов, на которых должны были тренироваться и космонавты. Дальнейших шагов по реализации этих грандиозных проектов в открытых архивных источниках не прослеживается.

Небольшой лунный полигон к сентябрю 1968 г. вместо предместий Ташкента оборудовали на базе Наземного измерительного пункта № 10 (НИП-10), или Симферопольского Центра дальней космической связи (ЦДКС), в пос. Школьном (недалеко от Симферополя) Крымской области Украинской ССР. Размерами он был с футбольное поле, 70 на 120 м, «с рельефом, идентичным лунному: с углублениями, кратерами, разломами, россыпью камней различной величины» [19]. Вместо изначально запланированных базальтовых горных пород поверхность Крымского лунодрома покрыли ракушечником, и так как мощных выходов породы на территории НИПа не было, на нем отрабатывали только движения луноходов, а о строительстве прототипов лунных баз речи уже не шло. Сейсмичность региона также была далека от идеальной, требуемой по техническому заданию для лунодромов. Там же построили пункт управления луноходами (ПУЛ) для управления лунными космическими аппаратами в режиме реального времени.

В привычной для советской космонавтики манере ставка снова была сделана в пользу автоматических аппаратов, а не подготовки пилотируемого прилунения, – лунодром использовался для отработки конструкции самоходных луноходов и навыков дистанционного управления ими у двух экипажей операторов [20. С. 21; 21. С. 55; 22. С. 36]. Широкому читателю в советские времена о крымском лунодроме писали

завуалировано, без лишних слов, объясняя его появление необходимостью подготовки экипажей дистанционных водителей луноходов. В одной публикации, посвященной деятельности Г.Н. Бабакина, приводятся следующие (примерные) слова конструктора о лунодроме:

«Без лунодрома не обойтись… На нем ребята должны поуправлять макетом лунохода. Построим его на юге… Солнце, контрастные тени, бездорожье – все, как на Луне. Так. Значит, нужно просить Виноградова выдать требования к лунодрому с учетом всяких там вероятностных рельефных характеристик. Пусть будет не просто нагромождение валунов и кратеров, а все-таки что-то научно обоснованное» [23. С. 127–128]. Так весь этап подготовки и поисков места, связанный с осуществлением пилотируемого полета на Луну, в 1969 г., по сути, был сведен к нулю: в истории лунодромов официально остались только самоходные аппараты, а расположение лунодрома на территории Центра дальней космической связи, с территории которого осуществлялось позже управление луноходами, как нельзя кстати отвечало ближайшим задачам освоения Луны самоходными аппаратами.

Также в историографии имеются фрагментарные сведения еще об одном испытательном лунодроме: в Усть-Камчатском районе Камчатки, неподалеку от поселка городского типа Ключи, испытывали ходовую часть луноходов на вулканических шлаках, которые отлично имитировали поверхность Луны [24. С. 123]. Эта площадка также находилась на территории командно-измерительного комплекса – НИП-7. Известно, что огромное влияние на подбор лунной площадки в этой местности оказал ученый-вулканолог Генрих Штейнберг [25. С. 229]. Большинство лунных проектов, в том числе создание тренировочно-испытательных лунодромов и даже строительство лунных баз [25. С. 260–264], остались нереализованными после высадки американцев на Луну в июле 1969 г.: «…и Политбюро ЦК КПСС, и лично сам Генеральный секретарь Л.И. Брежнев потеряли всякий интерес к лунной затее» [25. С. 257].

Советский Союз вышел из лунной гонки, так открыто и не заявив о своем участии в ней. В самом конце 1960-х гг. космическая пилотируемая программа спешно перестроилась с лунной гонки на создание и запуск долговременных орбитальных станций. Проект дорогостоящего строительства всесоюзного лунодрома с научно-исследовательскими функциями, детально продуманный от характеристик грунта и освещения и до его функций в структуре промышленности, – остался лишь проектом на бумаге. В освоении Луны победила автоматика – лунные геологи (АМС «Луна-16», «Луна-20», «Луна-24») выполняли необходимый минимум по забору грунта для поддержания научно-технического престижа страны. Остальные лунные планы либо утратили свою актуальность, как всесоюзный лунодром, либо заморожены на неопределенное время и доступны лишь для служебного пользования, как проекты лунных поселений.

Список источников

1. Советский космос : специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина. М. : Вестник Архива Президента РФ, 2011. 702 с.
2. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 58.
3. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 5-1. Д. 166.
4. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 97.
5. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 59.
6. Романов А.П. Космодром. Космонавты. Космос. М. : Изд-во ДОСААФ, 1971. 287 с.
7. Егоров В. Люди на Луне. Главные ответы. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 432 с.
8. Довгань В.Г. Лунная одиссея отечественной космонавтики. От «Мечты» к луноходам. Ростов н/Д : Изд-во Южного федер. ун-та, 2015. 307 с.
9. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 160.
10. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 168.
11. Beattie D.A. Taking science to the Moon: lunar experiments and the Apollo Program. Baltimore ; London : The Johns Hopkins University Press, 2001. 352 p.
12. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3-6. Д. 33.
13. Hewes D.E. Studies of piloting problems of one-man flying units operated in simulated lunar gravity : Presented at the Second National Conference on Space Maintenance and Extravehicular Activities. NASA Langley Research Center, 1968. P. V-1-1–V-1-16.
14. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 162.
15. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 212.
16. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 148.
17. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3-6. Д. 75.
18. РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6-6. Д. 219.
19. Долинин А.И. Они видели восход Солнца на Луне // Красная звезда. 2018. 2 марта. № 22.
20. Хорсун М.Д. Рассекреченный Крым: от лунодрома до бункеров и ядерных могильников. СПб. : Амфора, 2014. 190 с.
21. Довгань В.Г. Экипаж лунохода // Вестник ФГУП НПО им. С.А. Лавочкина. 2010. № 4 (6). С. 53–61.
22. Довгань В.Г. Страницы истории управления луноходом (к 50-летию создания экипажа лунохода) // Идеи и новации. 2018. Т. 6, № 3. С. 29–45.
23. Борисов М. Кратеры Бабакина. М. : Знание, 1982. 160 с.
24. Долинин А.И. Лунная Одиссея на Земле // Воздушно-космическая сфера. 2016. № 1 (86). С. 120–126.
25. Славин С.Н. Тайны военной космонавтики. М. : Вече, 2013. 432 с.

References

1. K.E. Tsiolkovsky State Museum of the History of Cosmonautics. (2011) *Sovetskiy kosmos: spetsial'noe izdanie k 50-letiyu poleta Yuriya Gagarina* [Soviet Space. Special Edition for the 50th Anniversary of Yuri Gagarin's Mission]. Moscow: Vestnik Arkhiva Prezidenta RF.
2. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 58.
3. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 5-1. File 166.
4. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 97.
5. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 59.

6. Romanov, A.P. (1971) *Kosmodrom. Kosmonavty. Kosmos* [Cosmodrome. Cosmonauts. Space]. Moscow: DOSAAF.
7. Egorov, V. (2020) *Lyudi na Lune. Glavnye otvety* [People on the Moon. Main Answers]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
8. Dovgan, V.G. (2015) *Lunnaya odisseya otechestvennoy kosmonavtiki. Ot "Mechty" k lunokhodam* [The Lunar Odyssey of National Cosmonautics. From "The Dream" to the Lunokhods]. Rostov on Don: South Federal University.
9. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 160.
10. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 168.
11. Beattie, D.A. (2001) *Taking Science to the Moon: Lunar Experiments and the Apollo Program*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press.
12. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 1. List 3-6. File 33.
13. Hewes, D.E. (1968) *Studies of Piloting Problems of One-Man Flying Units Operated in Simulated Lunar Gravity*. Paper presented at the Second National Conference on Space Maintenance and Extravehicular Activities. NASA Langley Research Center. pp. V-1-1–V-1-16.
14. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 162.
15. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 212.
16. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 148.
17. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 1. List 3-6. File 75.
18. The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation (RGANTD). Fund 213. List 6-6. File 219.
19. Dolinin, A.I. (2018) Oni videli voskhod Solntsa na Lune [They saw the sunrise on the Moon]. *Krasnaya zvezda*. 2nd March.
20. Khorsun, M.D. (2014) *Rassekrechennyy Krym: ot lunodroma do bunkerov i yadernykh mogil'nikov* [Declassified Crimea: From the "Lunodrome" to Bunkers and Nuclear Repositories]. St. Petersburg: Amfora.
21. Dovgan, V.G. (2010) Ekipazh lunokhoda [The Lunokhod Crew]. *Vestnik FGUP NPO im. S.A. Lavochkina*. 4(6). pp. 53–61.
22. Dovgan, V.G. (2018) Stranitsy istorii upravleniya lunokhodom (k 50 ‑ letiyu sozdaniya ekipazha lunokhoda) [Pages from the History of Lunokhod Control (On the 50th Anniversary of the Lunokhod Crew)]. *Idei i novatsii*. 6(3). pp. 29–45.
23. Borisov, M. (1982) *Kratery Babakina* [Babakin's Craters]. Moscow: Znanie.
24. Dolinin, A.I. (2016) Lunnaya Odisseya na Zemle [Lunar Odyssey on Earth]. *Vozdushno-kosmicheskaya sfera*. 1(86). pp. 120–126.
25. Slavin, S.N. (2013) *Tayny voennoy kosmonavtiki* [Secrets of Military Cosmonautics]. Moscow: Veche.

***Сведения об авторе*:**
Батченко Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и политологии Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: vik-batchenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Batchenko Victoria S. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for the Study of Modern History and Political Science at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vik-batchenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 06.05.2022; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 271.2(09)
doi: 10.17223/19988613/97/3

«Епископ должен молиться Богу и забыть обо всем, – за него подумают другие»: Омская и Тюменская епархия в 1964–1974-х гг.

Наталия Владимировна Воробьева

Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия, otiu@mil.ru

Аннотация. Рассматриваются государственно-церковные отношения в Омской области в 1964–1974 гг., приходская жизнь и характеристики личностей епархиальных архиереев в указанный период. Источниковой базой послужили отчеты уполномоченного Совета по делам религии при Совете министров СССР по Омской области, отраженные в фондах федеральных, региональных и епархиальных архивов. Уделяется внимание статистике православной обрядности и доходам Русской Православной Церкви. Вводятся в научный оборот неизвестные страницы биографий епископов Николая (Кутепова), Андрея (Сухенко), Мефодия (Мензака).
Ключевые слова: Омская область, государственно-конфессиональные отношения, епископ Николай (Кутепов), епископ Андрей (Сухенко), епископ Мефодий (Мензак)

Для цитирования: Воробьева Н.В. «Епископ должен молиться Богу и забыть обо всем, – за него подумают другие»: Омская и Тюменская епархия в 1964–1974-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 24–33. doi: 10.17223/19988613/97/3

Original article

“A bishop must pray to God and forget about everything – others will think for him”: Omsk and Tyumen dioceses in 1964–1974

Natalia V. Vorobieva

Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation, otiu@mil.ru

Abstract. The article examines the state-church relations in the Omsk region in 1964-1974, parish life and the characteristics of the personalities of diocesan bishops in this period. The source base was the reports of the authorized Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for the Omsk region collected in the funds of the State Archives of the Russian Federation, the State Regional Historical Archive of the Omsk Region, including primary documents of the Historical Archive of the Omsk Diocesan Administration. In the Omsk and Tyumen dioceses under Bishop Nikolai (Kutepov) (1963–1969), there was a significant rejuvenation of the diocese clergy and an increase in education (including higher professional theological education). The number of parishioners, the number of baptisms, burial services and the income of the Russian Orthodox Church have increased 1.5-2 times. A significant factor in the stability of state-church relations was the influence of the Russian Orthodox Church in the international arena. Bishop Nikolai (Kutepov), as part of a delegation, visited the countries of West Africa in 1968. The bishop was obliged to inform the authorized Council for Religious Affairs in the Omsk region about the meetings of church councils and the resolution of financial issues, coordinate personnel issues (ordination and invitation of priests from other dioceses), the administration of Orthodox rituals (baptism and communion) in relation to minors. Next Bishop of the Omsk and Tyumen diocese was Andrei (Sukhenko) (1969–1971). There were no significant changes in state-church relations during this period. The article raises the question of the reasons for the conviction of Bishop Andrey (Sukhenko) based on data from his personal file. As the bishop returned after a second imprisonment, he was in poor health, and after just over two years he was sent to retirement in the Pskov-Pechersk monastery, where he soon died. Under Bishop Methodius (Menzac) (1972–1974), the income of the Russian Orthodox Church has almost halved, as well as a decline in orthodox rituals (for example, baptisms and burial services). The life of Bishop Methodius ended tragically - he was killed in 1974 - for the first time, information from his personal file is introduced into scientific circulation, allowing one to assume the reasons for the murder. The bishop's siblings were members of the Organization of Ukrainian Nationalists. His brother and sister were shot on charges of anti-Soviet activity during the Great Patriotic War, one of the brothers was serving a sentence in the Kazakh SSR neighboring Omsk Region. One of the determining factors of church life in the region, as in the entire Soviet Union, was the confessional policy of the state, implemented through the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR.

© Н.В. Воробьева, 2025

Keywords: Omsk region, state-confessional relations, Bishop Nikolai (Kutepov), Bishop Andrey (Sukhenko), Bishop Methodius (Menzak)

For citation: Vorobieva, N.V. (2025) "A bishop must pray to God and forget about everything – others will think for him": Omsk and Tyumen dioceses in 1964–1974. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 24–33. doi: 10.17223/19988613/97/3

Государственно-конфессиональной политике Советского государства в годы «развитого социализма» посвящены исследования епархиальной истории, в частности работы А.В. Горбатова (на примере Кемеровской области) [1], Р.Р. Ибрагимова (Татарстан) [2], О.В. Грашевской (Мурманская область) [3], Ю.В. Гераськина [4] и А.А. Федотова (области Центральной России) [5], И.В. Смолиной (Иркутская область) [6], И.Н. Гарькина (Пензенская область) [7], А.П. Добровольского (Омская и Тюменская епархия) [7].

В диссертациях И.И. Масловой [8], М.В. Редько [9], статьях А.В. Ермолюка [11], священников Д. Сазонова [12] и А. Сидоренко [13] затрагиваются вопросы взаимодействия епархиальных архиереев с уполномоченными Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

Публикаций, посвященных непосредственно истории Омской и Тюменской епархии в указанный период, немного. В ряду комплексных исследований стоит обратить внимание на дипломную работу иерея Максима Семенова «История Омско-Тюменской епархии» [14], а также изданный с опорой на эту работу историко-биографический справочник «Иерархи Омской церкви. Предстоятели Омской епархии Русской Православной Церкви» [15], статьи протоиерея Димитрия Олихова [16, 17]. В 2018–2019 гг. Омской и Нижегородской духовными семинариями реализовывался грантовый проект «Нижегородский клуб имени митрополита Николая (Кутепова)», в рамках которого был проведен ряд научных мероприятий, изданы монография и сборник статей [18, 19]. В 2018 г. была опубликована наша в соавторстве статья «Омская епархия» в «Православной энциклопедии» [20]. В работах священника А.П. Добровольского затрагивались вопросы церковно-государственных отношений в 60–70-е гг. XX столетия [21–23].

В данной статье на основании статистических данных отчетов уполномоченных Совета по делам религий по Омской области [24–39] и делам епархиального архива Омской митрополии [40–42] реконструируются епархиальная история, разнообразные аспекты епархиальной жизни постхрущевское время (1964–1974), в том числе биографии епархиальных архиереев [43–45].

В первое «постхрущевское» десятилетие (1964–1974) Омскую и Тюменскую кафедру возглавляли епископы Николай (Кутепов) (1963–1969), Андрей (Сухенко) (1969–1971) и Мефодий (Мензак) (1972–1974). Деятельность епископа Николая (Кутепова) на Омской кафедре обстоятельно рассмотрена в монографии А.В. Дьяконова [18. С. 61–65]. Отметим важнейшие тенденции этого периода. В 1964 г. епископ Николай (Кутепов) объединил все приходы епархии в одно благочиние и приобрел дом под епархиальное управление [41. Л. 10.].

Что касается приходской жизни и характера церковно-государственных отношений, то при епископе Николае священники начали активно проводить беседы с прихожанами, которых обучали основам православного вероучения [28. Л. 14]. Несмотря на то, что состав исполнительных органов религиозных общин за 1960-е гг. изменился незначительно, их членами в подавляющем большинстве были престарелые люди в возрасте от 67 до 80 лет с образованием до 3 классов, пенсионеры и домохозяйки, число прихожан увеличивалось. В составе «двадцаток» 70% членов были в возрасте от 60 до 86 лет, остальные – от 46 до 60 лет, с образованием в пределах начальной школы, некоторые из них (13 из 136) работали на производстве.

В отчете за 1968 г. уполномоченный Д. Иванов отмечал, что, по мнению епископа Николая, влияние РПЦ на международной арене было бы значимей во всех отношениях, в том числе и материальном, «если бы возможности ее не были ограничены законодательством о культах» [25. Л. 3]. В архиве Фундаментальной библиотеки Нижегородской духовной семинарии сохранился уникальный документ – дневник владыки Николая (Кутепова), в котором он рассказывает о своих визитах к уполномоченному в Омске. Вот характерные выдержки из этого дневника:

28.II. Уполномоченный доложил, что я:

1) Собираю собрание старост;

2) Собираюсь решить проблему кадров людьми сомнительной репутации (Полянский, Попов и др.);

3) Устраиваю массовое причащение детей;

4) Запрещаю отпускать свечи приходам, календари выдаю в зависимости от взносов;

5) В деле с о. Владимиром Полянским имеется политический аргумент – взял под защиту провокатора, который спровоцировал потасовку. Во время этой потасовки якобы раздавались возгласы: «Бей коммунистов!» В общем дело оборачивается на Чехию.

По телефону 5.II заявил мне, что если я не решу этого вопроса, то он поступит по всем строгостям закона. Я попросил Уполномоченного, что желаю нанести визит Председателю Облисполкома. Но в моем желании он видит лишь только «манию величия», а мне следовало бы вести себя скромнее. Беседа проходила в напряженной обстановке. Я был обвинен во всех смертных грехах… Разговор кончился тем, что если я не переменю образ мышления и не перестану «ломать табуретки», то мне следует ехать в Москву и писать заявление, что меня Уполномоченный выгнал из епархии. Мне следует хорошо осмотреться, а потом приниматься за реформы. Смысл беседы: епископ должен молиться Богу и забыть обо всем, – за него подумают другие» [46. Л. 1–18].

Усиление влияния РПЦ в Омске и в ряде районов области нашло отражение и в статистике «религиоз-

ной обрядности»: «Из 3 416 религиозных крещений, совершенных церквами города, 1 826 совершено непосредственно жителями Омска, что составляет 15,3% к числу родившихся. Из окрещенных детей в возрасте до 3 лет – 1 303, с 3 до 7 лет – 363, школьников – 86 и взрослых – 74» [25. Л. 8]. В районах совершение крещений детей всех возрастов к числу родившихся составило: в Калачинском – 28,8%, Исилькульском – 21,1%, Тюкалинском – 27,1%. Значительная «религиозная обрядность» фиксировалась в Горьковском, Омском, Кормиловском районах. Крещение детей всех возрастов от числа родившихся в этих районах соответственно составило 15,3, 19,7 и 19,2%.

С 1966 г. на постоянной основе стали проводиться совещания руководящих работников районных и городских исполнительных комитетов по вопросам исполнения законодательства о культах и организации атеистической работы. По итогам работы таких совещаний могли быть изменены составы церковных советов и даже закрыты религиозные общины и культовые сооружения [24. Л. 2].

Уполномоченный Д. Иванов в служебной записке на имя первого секретаря Омского обкома КПСС С.И. Манякина сетовал, что в епархии имеет место «вмешательство» епископа и его секретаря архидиакона Гермогена (Щукина) в дела исполнительных органов других религиозных общин (приходов): «чувствуется злоупотребление епископа доверительным отношением к нему членов Совета по делам религии при СМ СССР, положительной оценкой его деятельности при выездах в составе делегации РПЦ в зарубежные страны. Епископу и диакону указано на недопустимость подобного поведения и отношения к советскому законодательству о религиозных культах, они строго предупреждены» [46].

В информационном отчете уполномоченного за 1969 г. и в докладной записке инспектора по делам религий при Совете Министров СССР о командировке в Омскую область 1969 г. И. Бончковского за 17 апреля 1969 г. указывалось, что, по мнению местных партийных и советских работников, деятельность РПЦ «тревоги не вызывала» и находилась в рамках советского законодательства о культах, «все действия епархиального архиерея были согласованы с уполномоченным Совета по делам религий по Омской области» [27. Л. 3–4]. Тем не менее инспектор Совета Бончковский отмечал, что местными властями Постановление Совета Министров РСФСР от 24 июля 1968 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах» не выполнялось в достаточной степени. Представители власти включали в отчеты лишь сведения о доходах священников Русской Православной Церкви, при этом намеренно умалчивая о «фактах ничем не оправданного ущемления церкви» [22. С. 149–150; 27. Л. 5].

16 декабря 1969 г. по указу Священного Синода «епископ Николай был назначен епископом Ростовским и Новочеркасским» [47. С. 5], а на Омскую и Тюменскую кафедру был назначен епископ Андрей (Суханко) [48. С. 361]. Он прибыл в епархию после вторичного тюремного заключения, а потому отличался слабым здоровьем. В епархиальном архиве мы обнаружили письмо архиепископа Андрея, адресованное Святейшему Патриарху Пимену от 28 января 1972 г. [42. Л. 79]:

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ,
СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ
И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

За последнее время от архиереев, особенно с Украины, мной получено много писем, в которых они меня спрашивают, правда ли, что я Священным Синодом уволен на покой якобы по болезни.

Довожу до Вашего сведения, ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО, что в октябре 1971 года я поболел – был упадок сил, а в настоящее время я чувствую себя хорошо (сибирский климат благоприятен для моего здоровья), в праздники и воскресные дни я служу непрерывно.

Посему прошу ВАС, ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО, благословите мне еще послужить во славу Божию на благо Церкви Христовой, сколько хватит моих сил.

ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА,
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО АРХИПАСТЫРЯ И ОТЦА
нижайший послушник Андрей
Архиепископ Омский и Тюменский

Осуждение священнослужителей в первой половине XX столетия не было редкостью, в основном обвинительные приговоры выносились по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР (контрреволюционная деятельность). Личное дело епископа Андрея [44] содержит 37 документов: анкету (1948, автограф, л. 1–1 об.), автобиографию (1948–1954, машинопись, л. 2–3); имеются две фотографии епископа Андрея (1948 и 1954 гг.); характеристики на епископа Андрея, составленные уполномоченными по делам Русской Православной Церкви по Черновицкой, Винницкой, Сумской областям УССР (1949, 1956, 1961, л. 4-10); выписки из отчетно-информационного доклада уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Сумской области УССР за 1960 г. (л. 11–12); справки о епископе Андрее, составленные Советом по делам Русской Православной Церкви (1961, л. 13–15; 1964, л. 39; 1969, л. 43, 46; 1970, л. 49–51); переписку уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви с местными органами власти о епископе Андрее за 1947–1972 гг. (л. 16–52). В архивном деле имеются сведения об осуждении епископа Андрея в 1937 г. «тройкой» к восьми годам лишения свободы (л. 27), а также копия приговора судебной коллегии по уголовным делам Черниговского областного суда от 21–23 ноября 1961 г. по обвинению по ст. 83 (хищение государственного или коллективного имущества путем мошенничества), ч. 3 (мошенничество, причинившее крупный ущерб государству или общественной организации), ст. 121 (развращение несовершеннолетних) [44. Л. 27–48], в личном деле приводятся свидетельские показания пяти пострадавших 14–18-летнего возраста. По ст. 122, УК УССР предусмотрена ответственность за добровольное мужеложество, т.е. совершенное без насилия, угроз ли использования беспомощного состояния другого лица (ч. 1) и за квалифицированное мужеложство, т.е. совершенное с применением насилия или в отношении несовершеннолетнего (ч. 2). Заключение епи-

скоп Андрей отбывал в лагпункте № 2 г. Микунь Коми АССР, 24 декабря 1964 г. по протесту Генерального прокурора СССР дело было пересмотрено и срок наказания снижен, а сам епископ Андрей был условно досрочно освобожден. Факт доказательной базы второй судимости епископа Андрея оспаривается церковными историками [49]. В личном деле содержатся справка о снятии судимости в 1968 г. [44. Л. 31].

Советский чиновник руководствовался теми данными, которые были представлены в личном деле, и на их основании делал выводы по методам взаимодействия. Уполномоченный Д.И. Иванов в отчете отмечал: «Архиепископ Омский и Тюменский Андрей, 1900 г.р., в 1961 г. судим за мужеложество и хищение денег. По делу проходил с завхозом Черниговской епархии Слабоспицким Иваном Павловичем, 1923 г.р., бывший офицер, приговорен к 7 г. л/св. После отбытия наказания архиепископ находился в Псковском монастыре и с декабря 1969 г. назначен управляющим Омской епархией, куда приехал вместе со Слабоспицким» [44. Л. 48].

Согласно характеристике уполномоченного по Омской области Д. Иванова об архиепископе Омском и Тюменском Андрее (Сухенко) от 15 июня 1970 г., «характерно в поведении Сухенко А. то, что никаких забот о делах и нуждах епархии и приходов он не проявляет, вопросов в этом плане перед уполномоченным Совета не ставит. И это не потому, что таких проблем нет, а потому, что кроме как в материальном достатке существовать, ему больше ничего не надо. Данные наблюдения дают все основания сказать, что он – беспринципный, безвольный человек. Богослужения свои проводит только в кафедральном соборе гор. Омска и изредка в Никольской церкви (тоже в гор. Омске). Никуда в другие храмы епархии не выезжал и в своих обязанностях, видимо, находит это обременительным и не столь нужным. По отзывам священнослужителей и верующих службу архиерейскую ведет и исполняет плохо. “Все старец забыл, ничего не помнит, все ему на ходу подсказывают и указывают”, – сетуют они. Непосредственным помощником и наставителем Андрея, в том числе и в делах ведения архиерейской службы, является Слабоспицкий Иван Павлович 1923 г.р., уроженец гор. Тростянец Сумской обл., техник-лейтенант запаса второй категории с десятиклассным образованием. При архиепископе он значится экономом (завхозом). Прибыл вместе с ним. Никакого сана священнослужителя не имеет, тем не менее он “дирижирует” Андреем… указывает, где и как тот должен стоять в храме, с чего и как исполнять свою ритуальность. Делает это все без стеснения, в присутствии и на глазах верующих. Авторитет Слабоспицкого у архиерея непререкаем. Слабоспицкий командует всем и всеми. Касса епархии – его касса… По указанию Слабоспицкого архиепископом общинам увеличены размеры епархиальных взносов, а когда отказали ему в этом – прекратилась поставка свечей. В интересах дела считаю целесообразным с архиепископом Андреем в патриархии очень серьезно и строго обо все переговорить. Ему указать и потребовать, чтобы он немедленно убрал Слабоспицкого, управление епархией вел лично сам с секретарем епархии. При этих условиях он будет в какой-то мере терпимым и нужным в епархии» [44. Л. 50–52].

Поведение и моральный облик молодых священнослужителей (до 40 лет) особенно пристально изучался уполномоченными, например: «Качалов Борис Григорьевич 1939 г. р., происходит из крестьян, в сан священника посвящен в 1971 г., ныне является настоятелем кафедрального собора в гор. Омске. В церковь он пришел во второй половине 1967 г., после встреч и неоднократных бесед со служителями культа. До этих встреч никаких религиозных убеждений у него не было. Не стало их больше и после них. Увлекла его в Церковь не вера, а материальные выгоды, которые по месту работы его не устраивали и, напротив, заманчивыми казались в церкви. В 1947 г. Качалов окончил восемь классов средней школы, дальше учиться не стал, с 1955 до 1958 г. общественно-полезным трудом не занимался – жил за счет родителей. В 1958 г. был призван в армию, где прослужил три года, в 1961 г. – демобилизован. Он устраивается учеником токаря – не получается, работает каменщиком – не нравится; в 1963 г. устраивается радиометристом авиаотряда, где работает до 1967 г. Однако и здесь оказывается неугодным. Качалова увольняют, он становится столяром, встречается со служителями церкви и уезжает на учебу в Загорскую духовную семинарию. Учеба Качалова также материально не устраивала. Через год он покидает ее и в сане диакона появляется в Церкви, в 1971 г. становится священником, а затем настоятелем собора. “Доволен всем, искомое найдено, а это, – заявляет Качалов, – меня вполне устраивает” [29. Л. 5–7].

Обратимся к приходской жизни в начале 1970-х гг. В апреле 1971 г. на собрании клира и мирян Омской епархии для избрания членов поместного собора священник Иоанн Мельник и другие выступили с предложением о вынесении на Поместный собор вопроса об отмене решения архиерейского собора 1961 г. и восстановлении настоятелей храмов в прежних правах по руководству финансово-хозяйственной деятельностью общин. Были созданы группы и организованы выступления для переизбрания «двадцатки» собора. В результате о. Иоанну было вынесено предупреждение со стороны государственной власти, а церковный совет («двадцатка») Никольской церкви был снят с регистрации. Поводом для такого решения был факт приобретения дома для причта, который впоследствии был конфискован в доход государства [29. Л. 11–12].

Изменились ли социально-демографические характеристики церковных советов по Омской области Омской и Тюменской епархии в 1940-е и начале 1970-х гг.? Приведем статистические сведения (табл. 1).

Видим, что портрет послевоенного воцерковленного верующего Омской и Тюменской епархии выглядит следующим образом: это русский мужчина за 50 лет, крестьянского происхождения, с незаконченным средним, чаще начальным образованием, в советском производстве и хозяйстве не работающий, а верующий 1970-х гг. – это женщина за 60, малообразованная домохозяйка или пенсионерка.

Таблица 1

Церковные советы («двадцатки») в 1940-е гг. [43. Л. 14–18]

Город Омск

Характеристики	Показатели
Пол, возраст	17 мужчин, 7 женщин, из них старше 50 лет – 21 (из 24)
Социальное происхождение	19 из крестьян, 2 из мещан, 3 из прочих сословий
Уровень образования	22 низшее, 2 среднее
Имеют правительственные награды, ордена, медали	7
Место работы	Работают в советских органах и учреждениях – 8, в совхозах и кооперации – 2, нигде не работают – 14

Село Воскресенское Калачинского района

Характеристики	Показатели
Пол, возраст	12 (8 мужчин, 4 женщины), из них старше 50 лет – 8
Социальное происхождение	12 из мещан
Уровень образования	12 низшее
Имеют правительственные награды, ордена, медали	1
Место работы	в совхозах и кооперации – 4, нигде не работают - 8

Церковные советы («двадцатки») в 1970-е гг.

Город (Никольская церковь г. Омска и Ишимская Никольская церковь) [40. Л. 5–6]

Характеристики	Показатели
Пол, возраст	80 человек, 70 женщин, 10 мужчин, возраст от 34 до 72 лет
Уровень образования	47 человек с образованием 1–4 класса, 2 человека – 5–8 классов, 10 человек со средним общим образованием (10 классов)
Место работы	40 пенсионеров, 27 домохозяек, три работника храма, 4 рабочих, 3 работника больницы, 2 работника порта, шофер, плотник

Село (Покровская церковь села Воскресенское Калачинского района) [40. Л. 8]

Характеристики	Показатели
Пол, возраст	33 человека, из которых 6 мужчин, 30 женщин (три исключены в 1969 г.), возраст от 56 до 82 лет
Уровень образования	До 4-го класса у 30, у остальных – меньше
Место работы	23 домохозяйки, 8 пенсионеров, 2 работника храма, двое «в прислугах»

В отчете уполномоченного за 1974 г. [31. Л. 112] указывается, что с 1965 по 1971 г. денежные доходы от взносов верующих всех действующих зарегистрированных религиозных объединений возросли с 307,98 тыс. до 496,17 тыс. руб., а в 1972 г. они составили уже 512 тыс. руб. Это свидетельствует, по мнению чиновника, о серьезных упущениях в постановке и проведении материалистического воспитания населения, недостаточной работе среди верующих по разъяснению им «политики нашей партии и правительства по отношению к церкви и религии, неудовлетворительной постановке контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах».

Согласно Журналу № 2 от 2 февраля 1972 г. заседания Священного Синода РПЦ, «Преосвященного архиепископа Омского и Тюменского Андрея в связи с болезненным состоянием освободили от управления Омской епархией, уволили на покой с назначением архиерейской пенсии». Местом пребывания Преосвященного Архиепископа Андрея определили Псково-Печерский монастырь, где он вскоре скончался. На Омскую кафедру был назначен епископ Мефодий (Мензак). Епископом Омским и Тюменским он был с 1972 г. вплоть до его убийства в1974 г. [45].

В личном деле епископа Мефодия уполномоченный по Вологодской области Сергей Васильевич Моталов таким образом характеризовал архиерея: «По отношению в местным органам власти нелоялен. Прорумынски настроен. В прошлом органы репрессировали его ближайших родственников за активное участие в ОУНовском подполье. Его родной брат Мензак Иван Николаевич с 1944 по 1949 г. находился в банде ОУН под кличками “Бакун”, “Кобзарь”, являлся членом окружного “провода” ОУН, совершал диверсии, террористические акты. В 1949 г. при проведении чекистской операции был убит. Второй родной брат Мензак Андрей за активную связь и помощь банде был приговорен к длительному тюремному заключению, после отбытия срока сослан в отдаленные области СССР с запрещением проживать в пределах Украины. В настоящее время Мефодий с Андреем поддерживает постоянную письменную и личную связь. Родная сестра Мефодия за активную связь с бандами также была приговорена к тюремному заключению» [45. Л. 23–24].

На л. 24–42 личного дела раскрываются «подробности» связи епископа Мефодия с некоей Галиной Васильевной Кузиной 10 июня 1948 г. рождения. Суть истории заключается в следующем: семнадцатилетняя сирота случайно по телефону знакомится с епископом, приходит к нему на встречи. По ее словам, на встречах они распивали шампанское и коньяк, она лишается невинности: «После первого раза я ходила к нему минимум один раз в неделю, и мы с ним жили в течение года <…> потом мне пришла в голову мысль: ведь если мы поженимся с Андреем (брат епископа, отбывавший ссылку в Казахской ССР. – *Н.В.*), я смогу спокойно, не таясь, видеть Мефодия в любое время. Я ничего не хотела с ним, просто сидеть и трогать его хотя бы одним пальцем <…> Андрей все знал про меня с Мефодием, и 8 апреля мы с ним вылетели из Караганды, чтобы все это решить вместе с Мефодием. У Мефодия мы были сутки, и за эти сутки мы пришли

к выводу, что мне нужно сделать аборт и поехать ко своим во Фрунзе <…> Я до сих пор не могу понять, почему Мефодий так упорно не хотел, чтобы у нас были дети. Получалось так, что если мы будем с Андреем, то Мефодий не захочет знать ни его, ни меня. Любовь? Нет, потому что полмесяца спустя он хотел, чтобы я вышла замуж за его шофера (он утверждал, что таким путем мы могли бы быть навсегда вместе). Оказывается, наши отношения стали кому-то известны, ему кто-то звонил, и он стал меня учить, что мне нужно говорить, если меня куда-нибудь вызовут. И то, что еще два дня назад считалось чистым и святым, превращалось в мерзость. Если Андрей обещал, что если я позволю что-нибудь сделать плохое Мефодию, то он меня найдет "на краю света" и отомстит за брата, то и Мефодий, оказалось, не прочь избавиться от меня. Тогда я настолько расстроена, что сказала, что отравлюсь. Он сказал, что не хочет из-за меня сидеть 10 лет, что я могу делать все, что угодно, только не сейчас, а когда это кончится и он переведется» [45. Л. 29–33]. Подпись Г. Кузиной заверил уполномоченный по Черновицкой области Подольский 4 июля 1967 г.

Из Отчета уполномоченного по Вологодской области за 1969 г. С. Матасова: «Епископ Мефодий за два года руководства епархией был только в 10 церквах из 17. Выезды его были кратковременными, приуроченными к храмовым праздникам <…> Духовенство редко бывает в епархиальном управлении, поэтому встреч с ним было мало. Во время приемов духовенства он внимательно выслушивает посетителей, вопросов задает мало. Заключительная часть приема является его пожеланием лучше проводить богослужение, правильно себя вести. Наибольшую его озабоченность составляет вопрос обеспеченности кадрами духовенства, численность которого ежегодно сокращается <…> Мефодий замкнут. Делится своими мыслями с окружением редко и сдержанно. Однако есть основания считать, что он не согласен с существующим советским законодательством о религиозных культах, с решением Собора архиереев 1961 г. Служба в Вологодской епархии, наш Север его не удовлетворяют, люди (верующие) кажутся ему ко всему безразличными, плохо принимающими его при архиерейских службах. С удовлетворением вспоминает Украину, где при архиерейском богослужении церкви переполнялись верующими и ему оказывались всяческие почести <…> Труслив, поэтому свои экстремистские взгляды не реализует в делах. Имеет очень большое желание получить перемещение по службе в одну из южных епархий РСФСР» [45. Л. 43–46].

Уполномоченный по Омской области Д. Иванов в отчете в Совет по делам религий отмечал о владыке Мефодии следующее: «За время пребывания в епархии как ее руководитель он показал себя опытным, умелым и ревностным служителем церкви. Вся его духовная и практическая деятельность направлена на то, чтобы всячески сохранить и укрепить церковь, улучшать и усиливать ее религиозное влияние, обеспечить ему как владыке угодные в приходах порядки и удовлетворение ими потребности верующих. Нельзя в связи с этим не отметить того, что в этом отношении он своего добился. Никаких жалоб, неудовлетворенности его поведением со стороны верующих и служителей культа, что было массовым до него, не поступает, напротив, о нем все отзываются положительно, как о большом и достойном в его положении служителе. Следует заметить и о том, что в своем поведении по отношению к Законодательству о культах Мефодий занимает лояльную позицию» [45. Л. 49–52].

В ночь с 22 на 23 октября 1974 г. архиепископ Мефодий (Мензак) был убит, о чем даже сообщила радиостанция «Голос Америки» [50]. Епископ Новосибирский и Барнаульский Гедеон совершил заупокойную Божественную литургию в сослужении архиепископа Харьковского и Богодуховского Никодима, архиепископа Черниговского и Нежинского Антония, епископа Венедикта (Пляскина). В отпевании также участвовало духовенство Омской и других епархий.

Обратимся к истории Омской и Тюменской епархии сквозь призму статистических данных по отношению к церковной обрядности и доходности, что зафиксировано в отчетах уполномоченных (табл. 2, 3).

Таблица 2

Крещения в Омской области в 1964–1974 гг.

Год	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1972	1973	1974
Количество	3 755	4 497	3 939	4 461	3 339	2 873	3 059	1 235	2 575	2 675

Примечание. Составлено по: [25; 30; 33–36; 38; 39].

Таблица 3

Отпевания в Омской области в 1964–1974 гг.

Год	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1972	1973	1974
Количество	5 511	5 657*	5 070	7 309	7 417**	7 296	6 497	3 609	5 573	5 508

Примечание. * 46,3% от общего числа умерших; ** 56,1% от общего числа умерших.

Таблица 4

Денежные поступления Русской Православной Церкви в Омской области в 1964–1974 гг.

Год	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974
Тыс. руб.	253,02	307,988	325,5	362,7	367,1	400,86	483,1	496,1	512	304,7	307,68

Отметим, что в числе крещений в церквах, например в 1966 г., преобладали дети дошкольного возраста (3 446 детей, 87%), 251 школьник (6,4%), 242 совершеннолетних (6,1%) [24. Л. 30]. Особенно высокий процент крещения детей в возрасте до 1 года отмечался в Калачинском (15,8%; действовал православный

приход Покровской церкви в с. Воскресенское), Тюкалинском (12,4%; молитвенный дом), Горьковском (9,3%), Саргатском (8,6%), Кормиловском (8%), Омском (7,6%), Исилькульском (7%; молитвенный дом) районах. Число венчаний варьировало от 19 до 24 в год.

Следует помнить, что в отчетах уполномоченных указывалось количество треб, официально заказанных и оплаченных через церковную кассу. Если же учесть возможность совершения треб без официальной регистрации, то, очевидно, реальные цифры были выше.

С ростом православной обрядности советский чиновник связывал и рост доходов церквей и епархиального управления, который был получен в основном от продажи свечей (44,5%), исполнения религиозных обрядов (21%), продажи просфор, икон, крестиков, венчиков, молитв, поминальников (19,8%), тарелочно-кружечного сбора и других пожертвований (12%).

Уполномоченный отмечал, что в РПЦ «виден неуклонный из года в год рост денежных доходов» [25. Л. 5; 26. Л. 10–12]. В среднем на каждую действующую в области православную церковь годовой доход составлял не менее 75 тыс. рублей.

На протяжении второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. Омская и Тюменская епархия РПЦ прошла непростой путь. Одним из определяющих факторов церковной жизни в регионе, как и во всем Советском Союзе, была конфессиональная политика государства, реализовывавшаяся через Совет по делам религий при Совете Министров СССР. За период 1964–1984 гг. среднегодовые доходы религиозных общин области значительно увеличились и в 1984 г. составили 927 тыс. рублей. Насколько можно заметить, в начале 1970-х гг. наблюдается спад и по православной обрядности, и по доходам. Казалось бы, «хрущевские гонения» закончились, государственно-конфессиональная политика вернулась к условно «ленинским» принципам невмешательства во внутрицерковные вопросы.

Список источников

1. Горбатов А.В. Церковно-государственные взаимоотношения в Кемеровской области, 1943–1969 гг. : дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1996. 171 с.
2. Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940–1980-е гг. : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2004. 225 с.
3. Грашевская О.В. Политика Советского государства в отношении Русской Православной церкви в 1940–1980-х гг., центр и местные власти (на материалах Мурманской области) : дис. … канд. ист. наук. Мурманск, 2005. 198 с.
4. Гераськин Ю.В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России) : дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. 561 с.
5. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России) : дис. … д-ра ист. наук. Иваново, 2009. 465 с.
6. Смолина И.В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг. : дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2010. 346 с.
7. Гарькин И.Н. Православные религиозные объединения и государство в 1945–2000-х гг. (по материалам Пензенской области). Пенза, 2014. 223 с.
8. Добровольский А., свящ. Взаимоотношения государственных органов власти и Русской Православной Церкви в 1940–1960-е гг. (на материалах Омской области) : дис. … канд. богословия. Киев, 2020. 276 с.
9. Маслова И.И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной церкви: 1953–1991 гг. : дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. 545 с.
10. Редько М.В. Русская Православная Церковь в условиях советского общественно-политического строя 1940-х – 1980-х гг. : дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2010. 194 с.
11. Ермолюк А.В. Содействие уполномоченных Совета по делам религий атеистическому воспитанию населения (по материалам Челябинской области, 1965–1991) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. С. 120–123.
12. Сазонов Д.И. Брежневские гонения на церковь (по материалам Центральной России) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 46–50.
13. Сидоренко А., свящ. Борьба органов советской власти Омской и Тюменской областей с православными в 40-80-е гг. : (очерки). // Сибирская Православная газетаURL: http://www.ihtus.ru/414.shtml (дата обращения: 29.09.2020).
14. Семенов М., свящ. История Омско-Тюменской епархии. Тобольск. 1999. 256 с.
15. Жук А.В. Предстоятели Омской епархии Русской Православной Церкви : биогр. справочник. Омск, 2007. 193 с.
16. Олихов Д.В. Решения по управлению Омской кафедрой епископом Николаем (Кутеповым) в 1963–1969 гг., отраженные в первичных епархиальных документах // «Нижегородский клуб» имени митрополита Николая (Кутепова) : сб. ст. Н. Новгород : Литера, 2018. С. 15–18.
17. Олихов Д.В. Церковно-государственные отношения в период управления Омской и Тюменской епархией Преосвященного Епископа Николая (Кутепова) (1963–1969 гг.) // Вестник Омской Православной духовной семинарии. 2018. № 2 (5). С. 181–185.
18. Дьяконов А.В. Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) и его время : очерки из жизни. Н. Новгород : Кварц, 2018. 167 с.
19. «Нижегородский клуб» имени митрополита Николая (Кутепова) : сб. ст. Н. Новгород : Литера, 2018. 96 с.
20. Воробьева Н.В., Лосунов А.М., Олихов Д.В., Суховецкий В.А. Омская епархия // Православная энциклопедия. М. : Православная энцикл., 2019. Т. 52. С. 685–702.
21. Добровольский А., свящ. Работа уполномоченного Совета по Омской области по вопросам неправославных и инославных вероисповеданий в 60 – начале 70-х гг. XX века // Визуальные образы современной культуры: идеалы и идеологии (к 25-летию теологического образования в г. Омске) : сб. науч. ст. по материалам VIII Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 27 сентября – 9 октября 2019 г.) / отв. ред. : П.Л. Зайцев. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2020. С. 159–162.
22. Добровольский А., свящ. Церковно-государственные отношения в Омской области в 1960-е гг.: сравнительный анализ взаимодействия уполномоченного Совета при Совете Министров СССР по Омской области по отношению к Русской Православной Церкви и к инославным конфессиям // Вестник Омской Православной духовной семинарии. 2019. № 1 (6). С. 137–152.
23. Добровольский А., свящ., Воробьева Н.В. Направления, формы и методы деятельности уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете Министров по Омской области в 40–60-е гг. XX в. // Вестник Омской Православной духовной семинарии. 2018. № 2 (5). С. 170–180.
24. Информационный отчет о деятельности религиозных организаций и осуществлении контроля за соблюдением законодательства о культах в области 1966 г. // Исторический архив Омской области (ИА ОО). Ф. Р-2603: Фонд Омского областного комитета КПСС. Оп. 1. Д. 52. Св. 2.
25. Информационный отчет о состоянии и деятельности религиозных организаций и осуществлению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах в области за 1968 год // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 66. Св. 3.

26. Информационный отчет и сведения о состоянии и деятельности религиозных организаций и контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах за 1969 год // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 71. Св. 3.
27. Докладная записка инспектора по делам религий при Совете Министров СССР о командировке в Омскую область, 1969 // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 74. Св. 4.
28. Информационный отчет и справки о деятельности религиозных организаций, предоставляемые в Совет по делам религии и в Обком КПСС за 1970 год // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 80. Св. 4.
29. Информационный отчет и справки о деятельности религиозных организаций и состоянии контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах в Омской области за 1971 г. // ИА ОО. Ф. Р 2603. Оп. 1. Д. 84. Св. 4.
30. Статистические отчеты (сведения) о состоянии и деятельности религиозных объединений в области за 1974 г. // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 109.
31. Постановления и решения партийных и советских органов по вопросам соблюдения законодательства о религиозных культах (17 января 1974 – 5 апреля 1982 г.) // ИА ОО. Ф. Р2603. Оп. 1. Д. 111а. Св. 6.
32. Справки о нарушении законодательных актов по усилению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах (22 января – 13 ноября 1974) // ИА ОО. Ф. Р2603. Оп. 1. Д. 112.
33. Статотчет (сведения) о действующих религиозных объединениях, служителях культа, поступлении и расходовании денежных средств за 1975 год // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 114.
34. Информационные отчеты о религиозной обстановке и состоянии контроля за соблюдением законодательства о культах (1976–1980) // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 118.
35. Информация о работе комиссий содействия и деятельности религиозных объединений (25 июня 1976 – 20 июня 1977) // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 119.
36. Статистические сведения о действующих религиозных объединениях (1976–1980) // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 120.
37. Информация о работе комиссий содействия и деятельности религиозных объединений (6 сентября 1978 – 31 января 1980) // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 121.
38. Статистические сведения о действующих религиозных объединениях и пояснительные записки к ним (1981–1984) // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 125.
39. Информационный отчет о деятельности религиозных объединений и состоянии контроля по соблюдению законодательства о культах в Омской области за 1984 год // ИА ОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 125-г.
40. Договоры Церковных Советов с местными властями о правах пользования церковными зданиями и списки двадцаток приходов Омской епархии // Архив Омского епархиального управления (АОЕУ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 32.
41. Переписка с гражданскими лицами (1961–1967) // АОЕУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 23.
42. Переписка с Московской Патриархией: 1. Его Святейшеством, 2. Управделами Московской Патриархии (1961–1989) // АОЕУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
43. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р 6991. Д. 341: Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Оп. 1: Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965 гг. Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Омской области, и переписка с ним за 1948 г.
44. Личные дела высших служителей культа. 1944–1974 гг. Архиепископ Омский и Тюменский Андрей (Сухенко Евгений Александрович) // ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 9.
45. Архиепископ Омский и Тюменский Мефодий (Мензак Мефодий Николаевич) // ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 164.
46. Архив Фундаментальной библиотеки Нижегородской духовной семинарии (АФБ НДС). Ф. 1: Архив митрополита Николая (Кутепова). Оп. 1. Д. 4.3: Омская епархия.
47. Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 4.
48. Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 1.
49. Андрей (Сухенко), епископ // Православная энциклопедия. М. : Православная энцикл., 2001. Т. 2. С. 361.
50. Семенов М., свящ. Памяти архиепископа Омского и Тюменского Мефодия // Сибирская православная газета. 2004. № 10. URL: http://www.ihtus.ru/102004/hi1.shtml (дата обращения: 12.04.2021).

References

1. Gorbatov, A.V. (1996) *Tserkovno-gosudarstvennye vzaimootnosheniya v Kemerovskoy oblasti, 1943–1969 gg.* [Church-State Relations in Kemerovo Oblast, 1943–1969]. History Cand. Diss. Kemerovo.
2. Ibragimov, R.R. (2004) *Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Tatarstane v 1940–1980-e gg.* [State-Confessional Relations in Tatarstan in the 1940s–1980s]. History Cand. Diss. Kazan.
3. Grashevskaya, O.V. (2005) *Politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii Russkoy Pravoslavnoy tserkvi v 1940–1980-kh gg., tsentr i mestnye vlasti (na materialakh Murmanskoy oblasti)* [The Policy of the Soviet State towards the Russian Orthodox Church in the 1940s–1980s, the Center and Local Authorities (based on materials from Murmansk Oblast)]. History Cand. Diss. Murmansk.
4. Geraskin, Yu.V. (2008) *Vzaimootnosheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, obshchestva i vlasti v kontse 1930-kh – 1991 gg. (na materialakh oblastey Tsentral'noy Rossii)* [The Relations between the Russian Orthodox Church, Society, and the Authorities from the Late 1930s to 1991 (based on materials from the regions of Central Russia)]. History Dr. Diss. Moscow.
5. Fedotov, A.A. (2009) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1943–2000 gg.: vnutritserkovnaya zhizn', vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom (po materialam Tsentral'noy Rossii)* [The Russian Orthodox Church in 1943–2000: Internal Church Life, Relations with the State and Society (based on materials from Central Russia)]. History Dr. Diss. Ivanovo.
6. Smolina, I.V. (2010) *Irkutskaya eparkhiya v sisteme gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v 1940–1980-e gg.* [The Irkutsk Eparchy in the System of State-Church Relations in the 1940s–1980s]. History Cand. Diss. Irkutsk.
7. Garkin, I.N. (2014) *Pravoslavnye religioznye ob"edineniya i gosudarstvo v 1945–2000-kh gg. (po materialam Penzenskoy oblasti)* [Orthodox Religious Associations and the State in 1945–2000s (based on materials from Penza Oblast)]. Penza: [s.n.].
8. Dobrovolskiy, A. (2020) *Vzaimootnosheniya gosudarstvennykh organov vlasti i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1940–1960-e gg. (na materialakh Omskoy oblasti)* [Relations between State Authorities and the Russian Orthodox Church in the 1940s–1960s (based on materials from Omsk Oblast)]. Theology Cand. Diss. Kyiv.
9. Maslova, I.I. (2005) *Evolyutsiya veroispovednoy politiki sovetskogo gosudarstva i deyatel'nosti Russkoy Pravoslavnoy tserkvi: 1953–1991 gg.* [The Evolution of the Confessional Policy of the Soviet State and the Activities of the Russian Orthodox Church: 1953–1991]. History Dr. Diss. Moscow.
10. Redko, M.V. (2010) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v usloviyakh sovetskogo obshchestvenno-politicheskogo stroya 1940-kh – 1980-kh gg.* [The Russian Orthodox Church under the Conditions of the Soviet Socio-Political System of the 1940s–1980s]. History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
11. Ermolyuk, A.V. (2011) Sodeystvie upolnomochennykh Soveta po delam religiy ateisticheskomu vospitaniyu naseleniya (po materialam Chelyabinskoy oblasti, 1965–1991) [The Assistance of the Commissioners of the Council for Religious Affairs in the Atheistic Uphringing of the Population (based on materials from Chelyabinsk Oblast, 1965–1991)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12. pp. 120–123.

12. Sazonov, D.I. (2015) Brezhnevskie goneniya na tserkov' (po materialam Tsentral'noy Rossii) [The Brezhnev-era Persecution of the Church (based on materials from Central Russia)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universi-teta im. N.A. Nekrasova*. 6. pp. 46–50.
13. Sidorenko, A. (n.d.) *Bor'ba organov sovetskoy vlasti Omskoy i Tyumenskoy oblastey s pravoslavnymi v 40-80-e gg.: (ocherki)* [The Struggle of the Soviet Authorities of Omsk and Tyumen Oblasts against the Orthodox in the 40s-80s: (essays)]. [Online] Available from: http://www.ihtus.ru/414.shtml (Accessed: 29th September 2020).
14. Semenov, M. (1999) *Istoriya Omsko-Tyumenskoy eparkhii* [History of the Omsk-Tyumen Eparchy]. Tobolsk: [s.n.].
15. Zhuk, A.V. (2007) *Predstoyateli Omskoy eparkhii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: biogr. spravochnik* [Heads of the Omsk Eparchy of the Russian Orthodox Church: Biographical Reference Book]. Omsk: [s.n.].
16. Olikhov, D.V. (2018) Resheniya po upravleniyu Omskoy kafedroy episkopom Nikolaem (Kutepovym) v 1963–1969 gg., otrazhennye v pervichnykh eparkhial'nykh dokumentakh [Decisions on the Management of the Omsk See by Bishop Nikolai (Kutepov) in 1963–1969, as Reflected in Primary Diocesan Documents]. In: *"Nizhegorodskiy klub" imeni mitropolita Nikolaya (Kutepova)* ["Nizhny Novgorod Club" named after Metropolitan Nikolai (Kutepov)]. Nizhny Novgorod: Litera. pp. 15–18.
17. Olikhov, D.V. (2018) Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniya v period upravleniya Omskoy i Tyumenskoy eparkhiey Preosvyashchennogo Episkopa Nikolaya (Kutepova) (1963–1969 gg.) [Church-State Relations during the Administration of the Omsk and Tyumen Eparchy by His Grace Bishop Nikolai (Kutepov) (1963–1969)]. *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 2(5). pp. 181–185.
18. Dyakonov, A.V. (2018) *Mitropolit Nizhegorodskiy i Arzamasskiy Nikolay (Kutepov) i ego vremya: ocherki iz zhizni* [Metropolitan Nikolai (Kutepov) of Nizhny Novgorod and Arzamas and His Time: Essays on His Life]. Nizhny Novgorod: Kvarts.
19. Anon. (2018) *"Nizhegorodskiy klub" imeni mitropolita Nikolaya (Kutepova)* ["Nizhny Novgorod Club" named after Metropolitan Nikolai (Kutepov)]. Nizhny Novgorod: Litera.
20. Vorobieva, N.V., Losunov, A.M., Olikhov, D.V. & Sukhovetskiy, V.A. (2019) Omskaya eparkhiya [Omsk Eparchy]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 52. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 685–702.
21. Dobrovolskiy, A. (2020) Rabota upolnomochennogo Soveta po Omskoy oblasti po voprosam nepravoslavnykh i inoslavnykh veroispoveda-niy v 60 – nachale 70-kh gg. XX veka [The Work of the Commissioner of the Council for the Omsk Oblast on Issues of Non-Orthodox and Other Faiths in the 1960s – Early 1970s]. In: Zaytsev, P.L. (ed.) *Vizual'nye obrazy sovremennoy kul'tury: idealy i ideologii (k 25-letiyu teologicheskogo obrazovaniya v g. Omske)* [Visual Images of Modern Culture: Ideals and Ideologies (to the 25th Anniversary of Theological Education in Omsk)]. Omsk: Omsk State University. pp. 159–162.
22. Dobrovolskiy, A. (2019) Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniya v Omskoy oblasti v 1960-e gg.: sravnitel'nyy analiz vzaimodeystviya upolnomochennogo Soveta pri Sovete Ministrov SSSR po Omskoy oblasti po otnosheniyu k Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i k inoslavnym konfessiyam [Church-State Relations in Omsk Oblast in the 1960s: A Comparative Analysis of the Interaction of the Commissioner of the Council for Religious Affairs under the USSR Council of Ministers for Omsk Oblast with the Russian Orthodox Church and with Other Christian Confessions]. *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 1(6). pp. 137–152.
23. Dobrovolskiy, A. & Vorobieva, N.V. (2018) Napravleniya, formy i metody deyatel'nosti upolnomochennykh Soveta po delam Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi pri Sovete narodnykh komissarov – Sovete Ministrov po Omskoy oblasti v 40–60-e gg. XX v. [Directions, Forms and Methods of Activity of the Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – Council of Ministers for Omsk Oblast in the 1940s–60s]. *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 2(5). pp. 170–180.
24. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1966) *Informatsionnyy otchet o deyatel'nosti religioznykh organizatsiy i osushchestvlenii kontrolya za soblyudeniem zakonodatel'stva o kul'takh v oblasti 1966 g.* [Informational Report on the Activities of Religious Organizations and the Implementation of Control over Compliance with Legislation on Cults in the Oblast for 1966]. Fund R-2603: Fund of the Omsk Oblast Committee of the CPSU. List 1. File 52. Sv. 2.
25. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1968) *Informatsionnyy otchet o sostoyanii i deyatel'nosti religioznykh organizatsiy i osushchestvleniyu kontrolya za soblyudeniem zakonodatel'-stva o religioznykh kul'takh v oblasti za 1968 god* [Informational Report on the Status and Activities of Religious Organizations and the Implementation of Control over Compliance with Legislation on Religious Cults in the Oblast for 1968]. Fund R-2603. List 1. File 66. Sv. 3.
26. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1969a) *Informatsionnyy otchet i svedeniya o sostoyanii i deyatel'nosti religioznykh organizatsiy i kontrolya za soblyudeniem zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh za 1969 god* [Informational Report and Information on the Status and Activities of Religious Organizations and Control over Compliance with Legislation on Religious Cults for 1969]. Fund R-2603. List 1. File 71. Sv. 3.
27. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1969b) *Dokladnaya zapiska inspektora po delam religiy pri Sovete Ministrov SSSR o komandirovke v Omskuyu oblast', 1969* [Memorandum of the Inspector for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR on a Business Trip to Omsk Oblast, 1969]. Fund R-2603. List 1. File 74. Sv. 4.
28. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1970) *Informatsionnyy otchet i spravki o deyatel'nosti religioznykh organizatsiy, predostavlyaemye v Sovet po delam religii i v Obkom KPSS za 1970 god* [Informational Reports and Certificates on the Activities of Religious Organizations, Submitted to the Council for Religious Affairs and to the Oblast Committee of the CPSU for 1970]. Fund R-2603. List 1. File 80. Sv. 4.
29. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1971) I*nformatsionnyy otchet i spravki o deyatel'nosti religioznykh organizatsiy i sostoyanii kontrolya za soblyudeniem zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh v Omskoy oblasti za 1971 g.* [Informational Report and Certificates on the Activities of Religious Organizations and the State of Control over Compliance with Legislation on Religious Cults in Omsk Oblast for 1971]. Fund R 2603. List 1. File 84. Sv. 4.
30. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1974) *Statisticheskie otchety (svedeniya) o sostoyanii i deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy v oblasti za 1974 g.* [Statistical Reports (Information) on the Status and Activities of Religious Associations in the Oblast for 1974]. Fund R-2603. List 1. File 109.
31. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (n.d.) *Postanovleniya i resheniya partiynykh i sovetskikh organov po voprosam soblyudeniya zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh (17 yanvarya 1974 – 5 aprelya 1982 g.)* [Decrees and Decisions of Party and Soviet Bodies on Issues of Compliance with Legislation on Religious Cults (January 17, 1974 – April 5, 1982)]. Fund R2603. List 1. File 111a. Sv. 6.
32. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (n.d.) *Spravki o narushenii zakonodatel'nykh aktov po usileniyu kontrolya za soblyudeniem zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh (22 yanvarya – 13 noyabrya 1974)* [Certificates on Violations of Legislative Acts on Strengthening Control over Compliance with Legislation on Religious Cults (January 22 – November 13, 1974)]. Fund R2603. List 1. File 112.
33. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1975) *Statotchet (svedeniya) o deystvuyushchikh religioznykh ob"edineniyakh, sluzhitelyakh kul'ta, postuplenii i raskhodovanii denezhnykh sredstv za 1975 god* [Statistical Report (Information) on Active Religious Associations, Clergy, Receipt and Expenditure of Funds for 1975]. Fund R-2603. List 1. File 114.
34. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (n.d.) *Informatsionnye otchety o religioznoy obstanovke i sostoyanii kontrolya za soblyudeniem zakonodatel'stva o kul'takh (1976–1980)* [Informational Reports on the Religious Situation and the State of Control over Compliance with Legislation on Cults (1976–1980)]. Fund R-2603. List 1. File 118.
35. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (n.d.) *Informatsiya o rabote komissiy sodeystviya i deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy (25 iyunya 1976 – 20 iyunya 1977)* [Information on the Work of Assistance Commissions and the Activities of Religious Associations (June 25, 1976 – June 20, 1977)]. Fund R-2603. List 1. File 119.
36. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (n.d.) *Statisticheskie svedeniya o deystvuyushchikh religioznykh ob"edineniyakh (1976–1980)* [Statistical Information on Active Religious Associations (1976–1980)]. Fund R-2603. List 1. File 120.

37. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (n.d.) *Informatsiya o rabote komissiy sodeystviya i deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy (6 sentyabrya 1978 – 31 yanvarya 1980)* [Information on the Work of Assistance Commissions and the Activities of Religious Associations (September 6, 1978 – January 31, 1980)]. Fund R-2603. List 1. File 121.
38. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (n.d.) *Statisticheskie svedeniya o deystvuyushchikh religioznykh ob"edineniyakh i poyasnitel'nye zapiski k nim (1981–1984)* [Statistical Information on Active Religious Associations and Explanatory Notes to Them (1981–1984)]. Fund R-2603. List 1. File 125.
39. Historical Archive of Omsk Oblast (IA OO). (1984) *Informatsionnyy otchet o deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy i sostoyanii kontrolya po soblyudeniyu zakonodatel'stva o kul'takh v Omskoy oblasti za 1984 god* [Informational Report on the Activities of Religious Associations and the State of Control over Compliance with Legislation on Cults in Omsk Oblast for 1984]. Fund R-2603. List 1. File 125-g.
40. The Archive of the Omsk Diocesan Administration (AOEU). (n.d.) *Dogovory Tserkovnykh Sovetov s mestnymi vlastyami o pravakh pol'zovaniya tserkovnymi zdaniyami i spiski dvadtsatok prikhodov Omskoy eparkhii* [Agreements of Church Councils with Local Authorities on the Right to Use Church Buildings and Lists of Parish Councils (Dvadtsatki) of the Omsk Eparchy]. Fund 1. List 3. File 32.
41. The Archive of the Omsk Diocesan Administration (AOEU). (n.d.) *Perepiska s grazhdanskimi litsami (1961–1967)* [Correspondence with Civilians (1961–1967)]. Fund 1. List 3. File 23.
42. The Archive of the Omsk Diocesan Administration (AOEU). (n.d.) *Perepiska s Moskovskoy Patriarkhiey: 1. Ego Svyateyshestvom, 2. Upravdelami Moskovskoy Patriarkhii (1961–1989)* [Correspondence with the Moscow Patriarchate: 1. His Holiness, 2. The Head of the Office of the Moscow Patriarchate (1961–1989)]. Fund 1. List 1. File 4.
43. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri Sovete Ministrov SSSR. 1943–1965 gg. Kvartal'nye informatsionnye otchety upol-nomochennogo po Omskoy oblasti, i perepiska s nim za 1948 g.* [Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR. 1943–1965. Quarterly informational reports of the commissioner for Omsk Oblast, and correspondence with him for 1948]. Fund R 6991. List 1. File 341.
44. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Lichnye dela vysshikh sluzhiteley kul'ta. 1944–1974 gg. Arkhiepiskop Omskiy i Tyumenskiy Andrey (Sukhenko Evgeniy Aleksandrovich)* [Personal Files of High-Ranking Clergy. 1944–1974. Archbishop Andrei (Sukhenko Evgeny Aleksandrovich) of Omsk and Tyumen]. Fund 6991. List 7. File 9.
45. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Arkhiepiskop Omskiy i Tyumenskiy Mefodiy (Menzak Mefodiy Nikolaevich)* [Archbishop Mefodii (Menzak Mefodii Nikolaevich) of Omsk and Tyumen]. Fund 6991. List 7. File 164.
46. The Archive of the Fundamental Library of the Nizhny Novgorod Theological Seminary (AFB NDS). (n.d.) *Arkhiv mitropolita Nikolaya (Kutepova)* [Archive of Metropolitan Nikolai (Kutepov)]. Fund 1. List 1. File 4.3.
47. Anon. (1969) Opredeleniya Svyashchennogo Sinoda [Decrees of the Holy Synod]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 4.
48. Anon. (1970) Opredeleniya Svyashchennogo Sinoda [Decrees of the Holy Synod]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 1.
49. Anon. (2001) Andrey (Sukhenko), episkop [Andrei (Sukhenko), Bishop]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. p. 361.
50. Semenov, M. (2004) Pamyati arkhiepiskopa Omskogo i Tyumenskogo Mefodiya [In Memory of Archbishop Mefodii of Omsk and Tyumen]. *Sibirskaya pravoslavnaya gazeta*. 10. [Online] Available from: http://www.ihtus.ru/102004/hi1.shtml (Accessed: 12th April 2021).

***Сведения об авторе*:**
Воробьева Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры таможенного дела и права Института менеджмента и экономики Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: otiu@mil.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Vorobieva Natalia V. – Doctor of History, Professor, Department of Customs and Law, Institute of Management and Economics, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: otiu@mil.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 09.09.2021; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(571.53)
doi: 10.17223/19988613/97/4

«За выдающиеся заслуги перед городом»: присвоение звания почетного гражданина города муниципалитетами Сибири (на материалах Иркутска)

Наталья Игоревна Гаврилова[1], Лев Михайлович Дамешек[2]

[1, 2] Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
[1] nig2312@yandex.ru
[2] levdameshek@gmail.com

Аннотация. На основе концепции награды как социальных отношений рассмотрена практика присуждения муниципалитетами Сибири звания почетного гражданина города. На примере деятельности Иркутской городской думы раскрыта динамика представлений гласных о ценностной значимости звания почетного гражданина города, критериях выбора кандидата для награждения, а также мотивация присуждения думой этого звания. Проанализированы особенности взаимодействия думы по данным вопросам с региональной администрацией.
Ключевые слова: почетный гражданин города, городская дума, награда, Иркутск

Для цитирования: Гаврилова Н.И., Дамешек Л.М. «За выдающиеся заслуги перед городом»: присвоение звания почетного гражданина города муниципалитетами Сибири (на материалах Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 34–42. doi: 10.17223/19988613/97/4

Original article

“For outstanding services to the city”: awarding the title of Honorary Citizen of the City by Municipalities of Siberia (based on materials from Irkutsk)

Наталья Игоревна Гаврилова[1], Лев Михайлович Дамешек[2]

[1, 2] Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
[1] nig2312@yandex.ru
[2] levdameshek@gmail.com

Abstract. The main purpose of this research is to analyze the practice of awarding the title of Honorary Citizen of the City by Siberian municipalities. The issue is considered on the example of the Irkutsk City Duma. Among the provincial and regional centers of Siberia, Irkutsk was distinguished by the largest number of Honorary Citizens of the City. The Duma passed 22 resolutions on the award of the title. This allowed Irkutsk to be singled out as a research model. The award of a title is analyzed using the concept of an award as a social relationship. Office records and regulatory materials have become the main sources for this research.

The article examines Irkutsk city's corps of Honorary Citizens in terms of its quantitative, socio-professional and gender characteristics. Factors influencing the selection for the award are highlighted. It is emphasised that the lack of clear criteria for awarding the title of Honorary Citizen has led to a variety of its interpretations by municipalities and created a unique situation with regard to the free choice of reasons for awarding this or that person. In this respect, the awarding of the title became a kind of channel for representing the interests of local society. In addition, the place of municipalities in the system of public administration determined the unique role of the municipalities themselves as an awarding entity.

Giving a title to a minister, governor-general, or governor was an indicator of a high level of justified expectations of the city's public regarding their activities and leadership style as representatives of the regional and central authorities. The criteria for awarding representatives of the city society were outstanding facts of service to the city.

It is proved that the Irkutsk Duma's ideas about the essence of the title of Honorary Citizen, the criteria for its awarding have not acquired the features of an integral system with a set of stable characteristics. The awarding of the title throughout the entire period of its existence remained situational in nature and was closely connected with the process of politicisation of the Duma.

The authors conclude that the title of Honorary Citizen of the City and the practice of assigning it by the Duma were contradictory, but testified to the growing importance of city self-government as a sphere of public self-organization of the local community.
Keywords: Honorary Citizen of the City, City Duma, award, Irkutsk

For citation: Gavrilova, N.I., Dameshek, L.M. (2025) “For outstanding services to the city”: awarding the title of Honorary Citizen of the City by Municipalities of Siberia (based on materials from Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 34–42. doi: 10.17223/19988613/97/4

© Н.И. Гаврилова, Л.М. Дамешек, 2025

Введение

Звание почетного гражданина города возникло в 1863 г. Оно стало единственной наградой, исходившей не от государственных структур, а от органов местного общественного самоуправления, и в качестве таковой выступало одной из форм представления интересов городского общества, отличных от интересов государства.

Проблема исследования института почетного гражданства городов дореволюционной России впервые была поставлена В.А. Нардовой в цикле статей 1997–2009 гг. [1–5]. Она раскрыла правовые основы функционирования этого института, динамику количественных, социально-профессиональных и гендерных характеристик носителей звания.

Дальнейшие исследования сконцентрировали внимание историков на анализе состава корпуса почетных граждан отдельных российских городов. Деятельность же городских дум как субъектов награждения не получила критического осмысления. Вместе с тем указанный аспект представляется значимым для исследования становления и развития сферы общественной и частной инициативы в российских городах второй половины XIX – начала XX в., роли органов городского самоуправления в данном процессе, для изучения механизмов формирования гражданской идентичности, взаимодействия власти и общества [6].

Цель данного исследования – анализ практики присуждения звания почетного гражданина города муниципалитетами Сибири. Вопрос рассмотрен на примере деятельности Иркутской городской думы. Среди губернских и областных центров Сибири Иркутск отличала наибольшая численность корпуса почетных граждан города (всего думой было вынесено 22 постановления о присуждении звания), что позволило выделить его в качестве исследовательской модели. Внимание сосредоточено, с одной стороны, на изучении динамики представлений иркутской общественности о ценностной значимости звания почетного гражданина города, мотивации присуждения думой этого звания, критериях выбора кандидата для награждения, а с другой стороны, на особенностях взаимодействия по данным вопросам местного общества с коронной администрацией.

Теоретико-методологическая основа исследования выстроена с учетом концепции награды как социальных отношений, что позволило раскрыть структурные, функциональные и ценностные особенности «наградной» деятельности иркутской городской думы в рамках присуждения ею почетного звания [7].

Источниковую базу исследования составила делопроизводственная документация из фондов Государственного архива Иркутской области и Российского государственного исторического архива, материалы «Известий Иркутской городской думы», «Вестника иркутского городского общественного управления». Выявленные сведения позволили с максимальной полнотой реконструировать список почетных граждан Иркутска второй половины XIX – начала XX в.

Звание почетного гражданина города, как подчеркивает В.А. Нардова, возникло из прецедента [5. С. 495–507] и осталось неузаконенным, а порядок его присвоения не получил регламентацию законодательными актами. Не было включено право дум ходатайствовать о присвоении звания и в тексты Городовых положений 1870 и 1892 гг.

Ситуация не могла быть иной: заложенные в данном звании смыслы, в том числе наделение органов городского общественного управления правами награждающего, слабо согласовывались с базовыми критериями имперского законодательства. Любая награда выступает инструментом властно-политического влияния [7. С. 197]. В условиях, «когда верховная государственная власть централизованно выстраивает систему и режим управления, инициирует характер отношения подданных к ней самой и между собой» [8. С. 117], передача городскому обществу полномочий награждения, а следовательно, и определенной части властно-политического влияния, была исключена. Данные обстоятельства обусловили ограничения функционирования института почетного гражданства городов. Городское общество имело право лишь ходатайствовать о присвоении тому или иному лицу указанного звания. На его присвоение требовалось высочайшее соизволение.

Отсутствие четких критериев присвоения звания почетного гражданина города вело ко множественности его интерпретаций со стороны городских дум, создавая, по сути, уникальную ситуацию относительно свободного выбора оснований для награждения того или иного лица. Впервые преподнеся почетное звание генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову (1870) [9], Иркутская городская дума спустя 45 лет (1915) в изменившихся общественно-политических условиях ходатайствовала о награждении этим званием видного общественно-политического деятеля, идеолога сибирского областничества Г.Н. Потанина [10], а год спустя (1916) избрала почетным гражданином города иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева.

Присвоение звания, являясь «выражением благодарности и уважения городского общества к лицу, которому предполагается предоставить звание» [5. С. 501], по сути, становилось своеобразным каналом представительства интересов местного общества. В выстраиваемый диалог с властью были включены: городское общество как инициатор награждения в лице городской думы; непосредственно сам награждаемый; государство в лице представителей региональной и центральной власти;, наконец, широкие слои городского населения не только в качестве потенциальных активистов награждения, но и наблюдателей, а в ряде случаев возможных «участников в борьбе за награду» [7. С. 188].

Принципиально разный с точки зрения властной иерархии статус удостоенных звания почетного гражданина – представителей региональной и центральной администрации, с одной стороны, городского общества – с другой, обусловливал вариативность латентных функций награждения, определял особенности проведения выборов, характер обсуждения кандидатуры в думе, стилистику отзывов награжденных о присуждении им звания. Кроме того, место муниципалитетов в системе государственного управления обусловливало

своеобразие роли самих городских дум в качестве награждающего субъекта.

Присвоение звания почетного гражданина города представителям региональной и центральной власти (генерал-губернаторам, губернаторам, министрам)

Поднесение звания представителям генерал-губернаторского и губернаторского корпуса выступало показателем высокого уровня оправданности ожиданий со стороны общественности города относительно деятельности и стиля руководства «главного начальника края» или губернатора. Определяя в приговорах наиболее значимые заслуги награждаемого лица, городское общество выстраивало собственную шкалу оценок и осмысления деятельности представителей коронной администрации, «оттачивало» критерии заслуг, достойных присуждения звания почетного гражданина города. В условиях полного отсутствия каких-либо конкретных разъяснений по данному вопросу со стороны правительства подобная практика приобретала особое значение.

Судя по текстам приговоров, значимыми критериями награждения Иркутская городская дума выделяла: стремление генерал-губернатора (или губернатора) выстраивать взаимодействие с местным обществом на основе «умения слышать» представителей «вверенного им края», «быть защитником интересов города пред центральным правительством»; результативность в решении насущных вопросов города и края в целом; желание донести до Петербурга важнейшие задачи развития региона и представления городского общества «о необходимости удовлетворения нужд и потребностей обширной окраины» [11. С. 32].

Наиболее полно эти критерии отразились в приговорах, составленных Иркутской думой при поднесении звания почетного гражданина города генерал-губернаторам Н.П. Синельникову (1874), А.П. Игнатьеву (1889) и Л.М. Князеву (1916). В частности, дума с благодарностью отмечала введенный Н.П. Синельниковым «постоянный доступ во всякое время к его высокопревосходительству всех нуждающихся в его помощи и содействии» [12. Л. 2 об.], а также «оживленное и горячее участие всеми городскими делами» [12. Л. 2 об.]. Особо подчеркивалось содействие генерал-губернатора при открытии воспитательного дома, учительской семинарии, приюта для неимущих, строительстве театра, организации городского сада, возведении земляного вала, защищающего город от наводнения, принятие мер к снижению цен на хлеб.

Готовность «войти в положение каждого обращавшегося к нему» ставилась в заслугу и А.П. Игнатьеву [13. С. 24]. В проекте приговора о поднесении ему почетного звания гласные иркутской думы отмечали «старания» генерал-губернатора по введению в крае нового положения о крестьянах, внимание к вопросам ограничения политической ссылки, улучшения путей сообщения, активную поддержку деятельности ВСОИРГО [14. Л. 8–9].

В начале XX в. в условиях политизации деятельности Иркутской городской думы составленные гласными тексты приговоров о присуждении почетного гражданства изменились. Помимо характеристики заслуг награждаемого лица в них впервые стала подчеркиваться активная роль местного общества в диалоге с властью: в системе отношений подданичества все заметнее становились элементы гражданственности. В постановлении о присуждении звания почетного гражданина города иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву указывалось: «Благожелательное отношение к местным общественным силам – вот чем Л.М. Князев снискал себе сочувствие всех кругов общества и сумел дать без наличности многих правовых условий российской общественности – возможность свободно выявиться организующим и созидательным элементам нашего обширного края» [11. С. 33]. Подчеркивалось внимание генерал-губернатора к вопросу введения земских учреждений в Сибири как «одного из настойчивых пожеланий сибиряков», которое Л.М. Князев всегда защищал «пред центральным правительством» [11. С. 32]. Гласные отмечали, что «в лице Л.М. Князева городское самоуправление встречало внимательного к нуждам огромного края просвещенного администратора, охотно идущего навстречу удовлетворению нужд и потребностей обширной окраины» [11. С. 32].

Из 12 генерал-губернаторов Восточной Сибири (с 1887 г. – иркутских генерал-губернаторов) второй половины XIX – начала XX в. Иркутская дума отметила званием почетного гражданина шестерых, из 11 иркутских губернаторов второй половины XIX – начала XX в. – двоих. Награждением К.Н. Шелашникова (1880) [15. Л. 1, 4] дума высказала «внимание к его с лишком 15-летнему служению» (1864–1880). Присуждение же звания его преемнику (1882) [16. Л. 2], иркутскому губернатору И.К. Педашенко (1880–1882), гласные обосновывали «неусыпным попечением генерала… о благосостоянии жителей», «полным вниманием к разного рода ходатайствам их как общественным, так и личным делам», «примерной справедливостью к решениям таких дел», «представительством перед высшими властями о нуждах населения», «неутомимой заботой о неприкосновенности прав городских обывателей» [16. Л. 1–1 об.].

Интересно отметить, что находившиеся в этот период (1870-е – первая половина 1880-х гг.) в должности генерал-губернатора Восточной Сибири П.А. Фредерикс (14.12.1873–10.08.1879) и Д.Г. Анучин (7.12.1879–1.01.1885) не рассматривались иркутским обществом как достойные почетного звания. Их деятельность оценивалась современниками критически. О бароне П.А. Фредериксе писали: «…во время пребывания своего здесь он никаких заслуг не выказывал. Это была самодовольная фигура, надменная…» [17. С. 34]. Д.Г. Анучин остался в памяти иркутян как «во-первых, лично какой-то антипатичный господин… во-вторых, справедливо или нет, он приобрел репутацию взяточника… и оставил Восточную Сибирь, не возбудив ни в ком сожаления» [17. С. 34].

Оценки иркутского общества не были свободны от субъективных предпочтений, связанных, с одной стороны, с личностными качествами награждаемых, с дру-

гой – с характером сложившихся взаимоотношений представителей региональной власти с общественностью города, городской думой и городским головой. В частности, наибольшей торжественностью отличалось награждение генерал-губернатора А.П. Игнатьева (1889), с которым городскому голове В.П. Сукачеву удалось установить доверительные контакты, основанные на взаимопонимании [13. С. 24–25].

Как правило, поводом для награждения служил отъезд «главного начальника края» или губернатора из города в связи с завершением его службы. Это соответствовало требованиям циркуляра МВД от 1876 г., запрещавшего «руководителям губернских администраций» получение звания до оставления ими занимаемой должности [5. С. 498–499].

Лишь однажды Иркутская дума сочла возможным изменить установленное правило: А.Д. Горемыкину «в знак искренней признательности городского общества за работы и содействие к устройству театра в г. Иркутске» [18. С. 367–368] звание было преподнесено во время его пребывания на посту иркутского генерал-губернатора. Высочайшее утверждение последовало только спустя 3,5 года, в январе 1901 г. [18. С. 367–368], после ухода бывшего «начальника края» на другую должность. Для Иркутска это был единственный случай столь длительного ожидания утверждения ходатайства. В среднем срок от даты составления Иркутской думой постановления до даты его высочайшего утверждения составлял 3–6 месяцев.

В отличие от А.Д. Горемыкина А.И. Пантелееву звание почетного гражданина г. Иркутска дума преподнесла спустя 5 лет после окончания его службы иркутским генерал-губернатором (1900–1903), в 1908 г. [19]. Поводом стало торжественное открытие в Иркутске памятника Александру III (30.08.1908), идея сооружения которого принадлежала А.И. Пантелееву. Решение думы обусловливалось контекстом ситуации: иркутское общество не могло не выразить особую благодарность начальнику края, инициировавшему открытие в городе памятника государю императору.

Однако в подавляющем большинстве случаев присуждение звания не рассматривалось иркутской думой в качестве «вынужденной традиции», становясь свободным выбором городского общества в лице гласных. Это обусловливало особую значимость самой процедуры выборов. Важными ее элементами выступали: внесение в думу предложения о награждении того или иного лица; обсуждение кандидатуры; голосование гласных.

Кандидатура на присуждение звания почетного гражданина города могла быть внесена городским головой, членами управы, кем-либо из гласных или группой гласных. Каких-либо ограничений по составу инициативных групп не было. Дважды за всю практику присвоения думой звания (1870–1916) выдвижение кандидатуры было возбуждено при участии «граждан города» [13. С. 23]. Первым подобным опытом стало внесение предложения о поднесении почетного звания генерал-губернатору А.П. Игнатьеву (1889) [13. С. 23]. Для общественности Иркутска такое решение было дополнительной возможностью выстраивания диалога с властью, представительства своих интересов. При инициировании награждения иркутского купца, доктора медицины Ф.К. Трапезникова (1916) был задействован ресурс сословных организаций: соответствующие ходатайства дума получила от мещанского обществ Иркутска и казаков Иркутского уезда [20. Л. 5, 7].

Различия в должностном положении награждаемых обусловливали особенности обсуждения вопроса о присуждении звания: критические отзывы о деятельности кандидатов, представителей региональной и центральной власти, считались неуместными. Дискуссия же относительно заслуг лица, принадлежащего к городскому обществу, порой превращалась в оживленные дебаты. Завершалось обсуждение проведением тайного голосования.

Согласно результатам таких голосований, из шести генерал-губернаторов, отмеченных званием, единогласно были избраны четверо. Против кандидатуры А.И. Пантелеева голосовали 2 человека (1908) [19. С. 874], Л.М. Князева (1916) – 1 гласный [11. С. 33]. Избрание иркутского губернатора И.К. Педашенко (1882) состоялось при трех голосах, отданных «против» (21 человек – «за») [16. Л. 2].

Обязательным элементом процедуры присвоения звания выступало выражение согласия на его принятие со стороны вновь избранного почетного гражданина. Формулировка ответа отражала позицию награжденного в системе сословных, должностных и властных координат. Представители региональной и центральной власти выражали «согласие на принятие звания», представители местного общества – слова дальнейшей «готовности служения городу». Награда воспринималась как престижная не только городским обществом, но и в кругах правительственных чиновников [21. С. 255–256]. В частности, Н.П. Синельников в своих воспоминаниях [22. С. 45] с гордостью подчеркивал факт поднесения ему Иркутской думой почетного звания.

Небольшую группу среди почетных граждан Иркутска (2 человека) составляли представители министерского корпуса. Поднесение иркутским обществом почетных званий министру юстиции Н.В. Муравьеву (1897) [23. С. 443–444; 24] и министру путей сообщения князю М.И. Хилкову (1897) [25] подчеркивало особое значение событий для Иркутска, вызвавших пребывание этих государственных деятелей в городе: 2 июня 1897 г. открылись Иркутская судебная палата и Иркутский окружный суд, а 16 августа 1898 г. в Иркутск пришел первый поезд. Неслучайно в постановлении думы о присуждении почетного звания М.И. Хилкову отмечалось «жизненное значение указанных вопросов для всей будущности города» [25].

Присвоение звания почетного гражданина города представителям городского общества

Иные смысловые акценты несло в себе награждение почетным званием представителей городского общества. В течение 1882–1916 гг. звание почетного гражданина города Иркутска дума присудила пяти купцам (И.С. Хаминов – 1882 г., Ф.К. Трапезников – 1886 г., А.К. Трапезников – 1886 г., И.Л. Медведников –

1887 г., А.М. Сибиряков – 1893 г.), трем женщинам, представительницам купеческого сословия (А.К. Медведниковой – 1899 г., Ю.И. Базановой – 1909 г., В.П. Кельх – 1909 г.), городскому голове В.П. Сукачеву (1898) и директору иркутского промышленного училища В.И. Тышко (1907). В данном случае не оправданность ожиданий городского общества относительно управленческих решений представителей региональной власти, а выдающиеся факты служения городу своих сограждан рассматривались в качестве достойных особого внимания.

В указанном контексте принцип доминирования награждающего над награждаемым [7. С. 197] не получал искажения в отличие от присвоения, а точнее, поднесения, думой звания почетного гражданина города представителям региональной и центральной администрации. Оставались соблюдены и заложенные в основе награждения отношения служения, а не дарения, которые превалировали при награждении думой генерал-губернатора или губернатора и в «чистом виде» проявили себя при поднесении почетного звания представителям министерского корпуса.

Неслучайно, выражая согласие на принятие звания, практически каждый из награжденных иркутян подчеркивал ценность служения своему городу. В частности, иркутский купец 1-й гильдии И.С. Хаминов указывал (1882), что «бедственное положение, причиненное в 1879 г. опустошительными пожарами, побуждает всякого гражданина сознавать необходимость жертв» [26. Л. 11 об.]. Представитель крупной купеческой династии Иркутска Ф.К. Трапезников отмечал (1886), что он желал бы «быть действительно полезным гражданином родного города» [27. Л. 21 об.].

Анализ текстов постановлений о присуждении звания почетного гражданина города показывает, что Иркутская дума в качестве выдающихся фактов служения городу своих сограждан выделяла заслуги в виде «личного почина и трудов», с одной стороны, и «материальных жертв» – с другой. Крупные денежные пожертвования в пользу города (зачастую свыше 500 тыс. руб., а порой достигающие 1 млн руб.), направленные на строительство и содержание учебных, культурных, просветительских, медицинских учреждений Иркутска, заведений социального призрения, в область благоустройства и храмостроительства, служили весомым основанием для награждения благотворителя. В условиях дефицита городского бюджета привлечение частных капиталов для решения насущных задач социальной и культурной сферы города виделось важным направлением деятельности думы. С другой стороны, дума, подчеркивая престижность филантропической деятельности присуждением благотворителю почетного звания, стремилась инициировать новые пожертвования.

Следует отметить, что муниципалитеты российских городов были вольны самостоятельно решать, исходя из местных условий, какие именно пожертвования могут быть отмечены присвоением благотворителю почетного звания. Так, в 1896 г. собрание уполномоченных г. Туринска возбудило ходатайство о присвоении звания почетного гражданина города купцу С.А. Чиркову, пожертвовавшему в течение 1891–1895 гг. в пользу Туринска в совокупности 3 586 руб. Тобольский губернатор признал ходатайство заслуживающим уважения, отметив, «что ввиду бедности жителей г. Туринска и ограниченности городских средств пожертвования Чиркова представляются весьма существенными» [5. С. 516]. Иркутскими же гласными пожертвование 10 тыс. руб. рассматривалось как «сумма небольшая» [27. Л. 14].

В качестве заслуг в виде «личного почина и трудов» иркутская дума выделяла инициативность деятельности на посту гласного, церковного старосты, попечителя учебного (воспитательного) заведения, активное участие в работе общественных, прежде всего благотворительных, организаций города. Как уникальный пример служения городу дума отметила роль Ф.К. Трапезникова в ликвидации пожара 1879 г. [27. Л. 12].

Дополнительным основанием для присуждения звания почетного гражданина города Иркутская дума рассматривала вклад своих сограждан в экономическое развитие региона, выдающиеся результаты их предпринимательской деятельности. Использование «экономического критерия» являлось косвенным отражением осознания особой роли купечества в хозяйственном развитии и освоении Сибири. Осознание сибирским купечеством своей роли в хозяйственном развитии и освоении региона отмечается в трудах В.А. Скубневского, Е.В. Комлевой и др. [28. С. 155; 29. С. 343–344]. В частности, в постановлении о присуждении почетного звания А.М. Сибирякову отмечались его «предприятия», имеющие «целью поднять и развить экономические силы на благо не только Иркутска, но и всего родного ему края – Сибири». Подчеркивалось наличие «обширных его трудов в промышленной деятельности, имеющей в виду результаты не личной его, а общественной пользы и преимущественно пользы его родного края – Сибири» [30. Л. 7, 10 об.; 31].

Важно отметить, что дума стремилась подчеркнуть не только «городской», но и «региональный» масштаб деятельности награждаемого лица, несмотря на указание в формулировке звания конкретного города. Развитие Иркутска как административного, экономического, духовного и культурного центра Восточной Сибири мыслилось лишь в контексте улучшения состояния всей Сибири. Причем указание на значимость деятельности награждаемого лица для Сибири в целом, а не только Иркутска, в равной степени являлось важным элементом формулировки приговора думы о присвоении звания как для представителей региональной и центральной власти, так и для иркутян.

Поводом для возбуждения иркутской думой ходатайства о награждении одного из своих сограждан, как правило, служил сам факт пожертвования крупного капитала или учреждения в пользу города, юбилей деятельности учреждения, открытого и функционирующего при активном участии жертвователя, отъезд из Иркутска видного благотворителя (Ф. К. Трапезников, В.И. Тышко).

Достойное место среди почетных граждан города заняли три иркутянки. Уточним, что впервые в практике общественного самоуправления российских городов ходатайство о присвоении женщине звания почет-

ной гражданки города было высочайше удовлетворено в июле 1899 г. [5. С. 537–538]. К этому же времени относится и первый опыт рассмотрения вопроса о присуждении почетного звания женщине со стороны Иркутской городской думы. В мае 1898 г. гласный политссыльный И.И. Концевич внес предложение о награждении А.К. Медведниковой почетным званием за пожертвование ею 600 тыс. руб. на строительство и содержание больницы для хронически больных, потребность в которой остро ощущалась городом [32]. Таким образом, Иркутская дума одной из первых среди российских муниципалитетов продемонстрировала признание весомой роли общественной, в частности благотворительной, деятельности женщин для развития города. Однако на высочайшем уровне ходатайство утверждено не было: делопроизводство, очевидно, было прекращено в связи со смертью А.К. Медведниковой 23 ноября 1899 г.

Подчеркнем, что масштабы благотворительных вложений иркутянок выделяли город среди других губернских и областных центров. В частности, сумма пожертвованных Ю.И. Базановой и В.П. Кельх (звание почетных гражданок высочайше утверждено в 1910 г.) средств (1 млн руб.) в разы превосходила размеры благотворительных вложений почетных гражданок других городов. В документах, поданных в МВД, их благотворительная деятельность характеризовалась как «выдающаяся» [33. Л. 365]; предложенная Иркутской городской думой формулировка обоснования награждения была сохранена.

Как правило, спустя 6–9 месяцев после оформления Иркутской думой ходатайства о присуждении своим согражданам почетного звания оно получало высочайшее утверждение. В данном случае период прохождения документов по инстанциям был на 3–4 месяца длиннее аналогичной процедуры награждения представителей региональной или центральной власти. На утверждение же в звании Ю.И. Базановой и В.П. Кельх потребовался год.

В 1915 г. в связи 80-летием Г.Н. Потанина иркутская городская дума выступила с инициативой присуждения юбиляру звания почетного гражданина города Иркутска [10. Л. 6]. Данное решение по своим смысловым характеристикам существенно отличалось от всех предшествовавших награждений со стороны иркутского муниципалитета. Впервые общественно-политическая деятельность лица, направленная на защиту общественных интересов, рассматривалась в качестве достойной награждения: осмысление иркутскими гласными сущности заслуги, соответствующей присвоению звания почетного гражданина города, менялось в условиях политизации деятельности думы начала XX в. Награждением Г.Н. Потанина дума стремилась выразить уважение и признание значимости его подвижнической деятельности, продемонстрировать близость своей позиции общественно-политическим воззрениям юбиляра

Неслучайно на заседании думы указывалось, что «на своей родине в Сибири Г.Н. Потанин пользуется огромной популярностью как борец за права своей обездоленной родины, как яркий выразитель сибирской общественной мысли, как публицист и общественный деятель… Иркутское городское общественное управление должно с большим чувством приветствовать маститого юбиляра, верного стража и поборника общественности» [10. Л. 7]. Как отметил М.В. Шиловский, «празднование 80-летнего юбилея Потанина 21 сентября 1915 г. приобрело общероссийский характер» [34]. Присвоение Г.Н. Потанину звания почетного гражданина города Иркутска стало элементом чествования его общественно-политической деятельности.

Интересно отметить, что иркутский губернатор А.Н. Юган поддержал ходатайство городской думы. Иркутский же генерал-губернатор А.И. Пильц, напротив, ссылаясь на антиправительственную деятельность Г.Н. Потанина, дал отрицательный отзыв, переслав 23 февраля 1917 г. документы в МВД «на усмотрение господина министра» [10. Л. 1а]. Вероятно, бумаги остались нерассмотренными: сведения о высочайшем соизволении на присуждение звания не обнаружены [10].

Особенности сохранения сведений о почетных гражданах города в исторической памяти иркутян конца XIX – начала XX в.

Следует подчеркнуть, что само звание не давало (и не могло давать в реалиях государственного устройства империи второй половины XIX – начала XX в.) каких-либо привилегий. В этих условиях бóльшим значением наделялась сама процедура награждения, нежели последующее обладание этим званием, хотя оно и рассматривалось как престижное.

Почетные граждане города не обладали никаким особым статусом и, тем более, не мыслились в качестве самостоятельной группы. Особенностью Иркутска являлось и то, что никто из почетных граждан в силу разных обстоятельств не проживал в городе. В этих условиях звание далеко не всегда сохранялось в исторической памяти иркутян как характеристика награжденного. В качестве значимого элемента формирования локальной идентичности информация о присуждении почетного звания лицу как в городе, так и непосредственно в городской думе не сохранялась.

В частности, уже в выписке из заседания Иркутской городской думы 1874 г. о присуждении почетного звания генерал-губернатору Восточной Сибири Н.П. Синельникову присутствовала характерная, хотя и исправленная, ошибка: указывалось на «зачисление его первым (слово «первым» было зачеркнуто. – *Н.Г., Л.Д.*) почетным гражданином города» [12. Л. 5]. Сведения о награждении генерал-губернатора М.С. Корсакова (1870), вероятно, сохранялись не в полной мере.

В начале же XX в. подобные ситуации стали не редкостью. Так, в 1909 г. в связи с 25-летием со дня смерти И.С. Хаминова гласные в память о его заслугах постановили отслужить в Харлампиевской церкви панихиду. Подчеркивалось, что «деятельность Ивана Степановича на пользу города в свое время была оценена городским общественным управлением, о чем свидетельствует портрет его, поставленный в зале заседаний городской думы» [35]. Однако о присуждении И.С. Хаминову звания почетного гражданина города

в качестве «оценки» его трудов не было упомянуто ни строчки. Не было указано почетное звание И.С. Хаминова и во время проведения в 1914 г. праздника в училище слепых, открытие которого тесно связывалось с его именем [36].

Пожалуй, беспрецедентным стал случай повторного награждения званием почетного гражданина города Иркутска Ф.К. Трапезникова и, более того, высочайшего его утверждения. В 1916 г. Промышленное училище Иркутска праздновало свое 50-летие (основано в 1866 г. как реальная прогимназия). В связи с предстоящим юбилеем директор училища А.В. Шангин обратился к городскому голове с просьбой «внести в иркутскую городскую думу вопрос о присвоении звания почетного гражданина города Иркутска Федору Константиновичу Трапезникову за спасение им несгоревшей части города Иркутска в пожаре 1879 г. и за поддержку в трудные минуты жизни иркутского промышленного училища» [20. Л. 9]. Ходатайство директора было поддержано общественными приговорами мещанского общества и казаков Иркутского уезда [20. Л. 5, 7]. Интересно отметить, что для подтверждения сведений о роли Ф.К. Трапезникова в тушении пожара 1879 г. городская управа была вынуждена обратиться к местным изданиям: в памяти гласных информация о городских событиях 35-летней давности не сохранилась. Были подняты книга Д.Д. Ларионова «Губернский город Иркутск» [37] и номера газеты «Сибирский вестник» (Томск) за 1879 г. [20. Л. 10].

Основываясь на представленных ходатайствах и опубликованных сведениях, дума на заседании 18 октября 1916 г. постановила избрать Ф.К. Трапезникова почетным гражданином города Иркутска. В телеграмме из Сочи Ф.К. Трапезников «просил передать городу глубокую благодарность» [20. Л. 13]. 20 января 1917 г. ходатайство иркутской думы было высочайше удовлетворено [20. Л. 15]. О награждении же Ф.К. Трапезникова званием почетного гражданина города Иркутска в 1886 г. (решение думы – 18 марта 1886 г., высочайшее утверждение – 18 декабря 1886 г.) [27] никто не вспомнил: присуждение носило ситуативный характер.

Награждение Ф.К. Трапезникова стало завершающей инициативой присвоения Иркутской думой звания почетного гражданина города. Всего за период с 1870 по 1916 г. думой было выдвинуто 22 ходатайства о его присуждении.

Заключение

Таким образом, исполнение городской думой роли награждающего субъекта, связанной с необходимостью осмысления сущности заслуг, достойных награждения, определения критериев присуждения звания, выстраивания механизмов представительства интересов местного общества, способствовало развитию гражданской активности гласных, снижению значимости отношений подданичества в рамках взаимодействия с властью. Кроме того, присуждение звания почетного гражданина города впервые ставило вопрос об осознании города в качестве объекта, деятельность в отношении которого оказывалась достойной награждения.

Вместе с тем представления иркутской думы о сущности звания почетного гражданина города, критериях его присуждения не приобрели черты целостной системы с набором устойчивых характеристик. Присуждение звания на протяжении всего периода его существования сохраняло ситуативный характер, было тесно связано с политизацией думы, процессом постепенного ее вхождения в общественно-политическую жизнь региона.

Данные особенности придавали званию характер гибкого социокультурного концепта, создавая, по сути, уникальную ситуацию относительно свободного выбора оснований для выдвижения ходатайства о награждении того или иного лица. В этих условиях бóльшим значением наделялась сама процедура награждения, нежели последующее обладание этим званием. Подобные обстоятельства обусловили слабую включенность сведений о почетных гражданах города в историческую память иркутян.

В целом, несмотря на противоречивость характеристик как самого звания почетного гражданина города, так и практики его присуждения думой, данная награда свидетельствовала о возрастающем значении органов городского самоуправления как сферы общественной самоорганизации местного социума, важного управленческого элемента функционирования города периода капиталистической модернизации.

Список источников

1. Нардова В.А. Почетные гражданки российских городов // О благородстве и преимуществе женского пола. Из истории женского вопроса в России : сб. науч. тр. СПб. : СПбГАК, 1997. С. 51–63.
2. Нардова В.А. Институт Почетного гражданства городов в дореволюционной России (правовой аспект) // Россия в XIX–XX вв. : сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. С. 171–182.
3. Нардова В.А. Институт Почетного гражданства городов в дореволюционной России (количественный и социально-профессиональный состав) 1863–1899 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков : сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб. : Алетейя, 1999. С. 211–221.
4. Нардова В.А. Городские головы – почетные граждане городов в дореволюционной России // Культура городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков : материалы Междунар. коллоквиума, 14–17 июня 2004 г. СПб. : Европейский Дом, 2009. С. 32–45.
5. Нардова В.А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в. : власть и общество. СПб. : Лики России, 2014. 564 с.
6. Государственная власть и общество : на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков / науч. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Оттиск, 2019. 612 с.
7. Малинкин А.Н. Социальная природа награды: исследование по социологии власти // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (3). С. 188–219. doi: 10.31119/jssa.2020.23.3.8
8. Фан И.Б. Гражданин в контексте города: исторический смысл понятия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2003. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 112–137.
9. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 1. К–1756. Д. 97: По письму министра внутренних дел о присвоении Корсакову звания почетного гражданина Иркутска.
10. ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 629: Переписка о присвоении Г.Н. Потанину звания почетного гражданина города Иркутска.

11. Приговор о присвоении бывшему Иркутскому генерал-губернатору Князеву Л.М. звания почетного гражданина города Иркутска и учреждении стипендии его имени при городском реальном училище // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 3-4. С. 32–33.
12. ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 495: Дело о присвоении Синельникову Н.П. звания почетного гражданина г. Иркутска.
13. О присвоении иркутскому генерал-губернатору графу Игнатьеву А.П. звания почетного гражданина города // Известия Иркутской городской думы. 1889. № 17-18. С. 21–25.
14. ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 581: Дело о присвоении Игнатьеву А.П. звания почетного гражданина города.
15. ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 522: Дело о присвоении Шелашникову К. звания почетного гражданина города Иркутска
16. ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 536: Дело о присвоении Педашенко И.К. звания почетного гражданина г. Иркутска.
17. Базалийская О. Иркутские правители в воспоминаниях современников // Земля Иркутская. 1997. № 8. С. 30–34.
18. О Высочайшем соизволении на присвоение А.Д. Горемыкину звания почетного гражданина города Иркутска // Известия Иркутской городской думы. 1901. № 5-6. С. 367–368.
19. Предложение членов городской управы о присвоении бывшему иркутскому генерал-губернатора А.И. Пантелееву звания почетного гражданина города Иркутска // Известия Иркутской городской думы. 1908. № 15-16. С. 870–874.
20. ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 923: Дело о присвоении Трапезникову Ф.К. звания почетного гражданина города Иркутска.
21. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 566 с.
22. Синельников Н.П. Записки Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. Т. LXI, № 7-9. С. 27–46.
23. О поднесении его высокопревосходительству г. министру юстиции Николаю Валериановичу Муравьеву почетного гражданства города Иркутска // Известия Иркутской городской думы. 1897. № 11-12. С. 440–445.
24. Приговор городской думы о поднесении его высокопревосходительству г. министру юстиции Николаю Валериановичу Муравьеву почетного гражданства города Иркутска // Известия Иркутской городской думы. 1897. № 13-14. С. 487–490.
25. Приговор городской думы о поднесении его сиятельству г. министру путей сообщения князю Михаилу Ивановичу Хилкову почетного гражданства города Иркутска // Известия Иркутской городской думы. 1897. № 17-18. С. 699–700.
26. ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 537: Дело о присвоении Хаминову И.С. звания почетного гражданина города Иркутска.
27. ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 557: Дело о присвоении Трапезникову Ф.К. и Трапезникову А.К. званий почетных граждан города Иркутска.
28. Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 155–160. doi: 10.17223/15617793/435/20
29. Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX в.). Новосибирск : Параллель, 2018. 398 с.
30. ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 596: О присуждении А.М. Сибирякову звания почетного гражданина города Иркутска.
31. Приговор городской думы о присвоении А.М. Сибирякову звания почетного гражданина города Иркутска // Известия Иркутской городской думы. 1893. № 7. С. 331–332.
32. Предложение И.И. Концевича о присвоении А.К. Медведниковой звания почетной гражданки г. Иркутска // Известия Иркутской городской думы. 1899. № 11-12. С. 108–109.
33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп. 5 (1909). Д. 2: О присвоении некоторым лицам звания почетных граждан городов.
34. Шиловский М.В. Потанин Григорий Николаевич // Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX в. : энциклопедический словарь. Новосибирск : Параллель, 2019. С. 253–254.
35. Протокол заседания Иркутской городской думы. Статья 2 // Известия Иркутской городской думы. 1909. № 5-6. С. 527.
36. Известия и заметки // Иркутские епархиальные ведомости. 1914. № 13-14. С. 458.
37. Ларионов Д.Д. Губернский город Иркутск : (пожары 22-го и 24-го июня 1879 г.). Иркутск : тип. Н.Н. Синицына, 1880. 114 с.

References

1. Nardova, V.A. (1997) Pochetnye grazhdanki rossiyskikh gorodov [Honorary Citizens of Russian Cities]. In: *O blagorodstve i preimushchestve zhenskogo pola. Iz istorii zhenskogo voprosa v Rossii* [On the Nobility and Advantage of the Female Sex: From the History of the Women's Question in Russia]. St. Petersburg: SPbGAK. pp. 51–63.
2. Nardova, V.A. (1998) Institut Pochetnogo grazhdanstva gorodov v dorevolyutsionnoy Rossii (pravovoy aspekt) [The Institute of Honorary Citizenship of Cities in Prerevolutionary Russia (Legal Aspect)]. In: Fedorov, V.A. (ed.) *Rossiya v XIX–XX vv.* [Russia in the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 171–182.
3. Nardova, V.A. (1999) Institut Pochetnogo grazhdanstva gorodov v dorevolyutsionnoy Rossii (kolichestvennyy i sotsial'no-professional'nyy sostav) 1863–1899 gg. [The Institute of Honorary Citizenship of Cities in Prerevolutionary Russia (Quantitative and Socio-Professional Composition) 1863–1899]. In: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii XIX–XX vekov* [Problems of Socio-Economic and Political History of Russia in the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 211–221.
4. Nardova, V.A. (2009) Gorodskie golovy – pochetnye grazhdane gorodov v dorevolyutsionnoy Rossii [City Mayors – Honorary Citizens of Cities in Prerevolutionary Russia]. In: *Kul'tura gorodov Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX–XX vekov* [Culture of Cities of the Russian Empire at the Turn of the 20th Centuries]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom. pp. 32–45.
5. Nardova, V.A. (2014) *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: vlast' i obshchestvo* [City Self-Government in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Power and Society]. St. Petersburg: Liki Rossii.
6. Dameshek, L.M. (ed.) (2019) *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX – nachala XX vekov* [State Power and Society: Based on Materials from Cities of the Irkutsk Province in the 19th – Early 20th Centuries]. Irkutsk: Ottisk.
7. Malinkin, A.N. (2020) Sotsial'naya priroda nagrady: issledovanie po sotsiologii vlasti [The Social Nature of the Award: A Study in the Sociology of Power]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii.* 23(3). pp. 188–219. doi: 10.31119/jssa.2020.23.3.8
8. Fan, I.B. (2004) Grazhdanin v kontekste goroda: istoricheskiy smysl ponyatiya [The Citizen in the Context of the City: The Historical Meaning of the Concept]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 4. pp. 112–137.
9. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). *Po pis'mu ministra vnutrennikh del o prisvoenii Korsa-kovu zvaniya pochetnogo grazhdanina Irkutska* [On the Letter from the Minister of Internal Affairs Concerning the Granting of Honorary Citizenship of Irkutsk to Korsakov]. Fund 24. List 1. K–1756. File 97.
10. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). *Perepiska o prisvoenii G.N. Potaninu zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska* [Correspondence on Granting G.N. Potanin the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. Fund 25. OTs. File 629.
11. Anon. (1916) Prigovor o prisvoenii byvshemu Irkutskomu general-gubernatoru Knyazevu L.M. zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska i uchrezhdenii stipendii ego imeni pri gorodskom real'nom uchilishche [Verdict on Granting Former Irkutsk Governor-General L.M. Knyazev the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk and Establishing a Scholarship in His Name at the City Real School]. *Vestnik Irkutskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 3-4. pp. 32–33.
12. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). (n.d.) *Delo o prisvoenii Sinel'nikovu N.P. zvaniya pochetnogo grazhdanina g. Irkutska* [File on Granting N.P. Sinelnikov the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. Fund 70. OTs. File 495.

13. Anon. (1889) O prisvoenii irkutskomu general-gubernatoru grafu Ignat'evu A.P. zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda [On Granting Irkutsk Governor-General Count A.P. Ignatiev the Title of Honorary Citizen of the City]. *Izvestiya Irkutskoy gorod-skoy dumy*. 17-18. pp. 21–25.
14. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). (n.d.) *Delo o prisvoenii Ignat'evu A.P. zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda* [File on Granting A.P. Ignatiev the Title of Honorary Citizen of the City]. Fund 70. OTs. File 581:
15. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). (n.d.) *Delo o prisvoenii Shelashnikovu K. zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska* [File on Granting K. Shelashnikov the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. Fund 70. OTs. File 522.
16. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). (n.d.) *Delo o prisvoenii Pedashenko I.K. zvaniya pochetnogo grazhdanina g. Irkutska* [File on Granting I.K. Pedashenko the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. Fund 70. OTs. File 536.
17. Bazaliyskaya, O. (1997) Irkutskie praviteli v vospominaniyakh sovremennikov [Irkutsk Rulers in the Memoirs of Contemporaries]. *Zemlya Irkutskaya*. 8. pp. 30–34.
18. Anon. (1901) O Vysochayshem soizvolenii na prisvoenie A.D. Goremykinu zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska [On the Imperial Consent to Grant A.D. Goremykin the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy*. 5-6. pp. 367–368.
19. Anon. (1908) Predlozhenie chlenov gorodskoy upravy o prisvoenii byvshemu irkutskomu general-gubernatora A.I. Panteleevu zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska [Proposal by Members of the City Council on Granting Former Irkutsk Governor-General A.I. Panteleev the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy*. 15-16. pp. 870–874.
20. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). (n.d.). *Delo o prisvoenii Trapeznikovu F.K. zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska* [File on Granting F.K. Trapeznikov the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. Fund 70. OTs. File 923.
21. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of Russia in the Imperial Period (18th – Early 20th Centuries): Genesis of the Individual, the Democratic Family, Civil Society, and the Rule of Law]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
22. Sinelnikov, N.P. (1895) Zapiski N.P. Sinel'nikova [Notes of N.P. Sinelnikov]. *Istoricheskiy vestnik*. LXI(7-9). pp. 27–46.
23. Anon. (1897) O podnesenii ego vysokoprevoskhoditel'stvu g. ministru yustitsii Nikolayu Valerianovichu Murav'evu pochetnogo grazhdanstva goroda Irkutska [On Presenting His Excellency the Minister of Justice, Nikolai Valerianovich Muravyov, with Honorary Citizenship of the City of Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy*. 11-12. pp. 440–445.
24. Anon. (1897) Prigovor gorodskoy dumy o podnesenii ego vysokoprevoskhoditel'stvu g. ministru yustitsii Nikolayu Valerianovichu Murav'evu pochetnogo grazhdanstva goroda Irkutska [Verdict of the City Duma on Presenting His Excellency the Minister of Justice, Nikolai Valerianovich Muravyov, with Honorary Citizenship of the City of Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy*. 13-14. pp. 487–490.
25. Anon. (1897) Prigovor gorodskoy dumy o podnesenii ego siyatel'stvu g. ministru putey soobshcheniya knyazyu Mikhailu Ivanovichu Khilkovu pochetnogo grazhdanstva goroda Irkutska [Verdict of the City Duma on Presenting His Serene Highness the Minister of Railways, Prince Mikhail Ivanovich Khilkov, with Honorary Citizenship of the City of Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy*. 17-18. pp. 699–700.
26. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). (n.d.). *Delo o prisvoenii Khaminovu I.S. zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska* [File on Granting I.S. Khaminov the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. Fund 70. OTs. File 537.
27. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). (n.d.). *Delo o prisvoenii Trapeznikovu F.K. i Trapeznikovu A.K. zvaniy pochetnykh grazhdan goroda Irkutska* [File on Granting F.K. Trapeznikov and A.K. Trapeznikov the Titles of Honorary Citizens of the City of Irkutsk]. Fund 70. OTs. File 557.
28. Skubnevskiy, V.A. (2018) Blagotvoritel'nost' predprinimateley Altaya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Charity of Altai Entrepreneurs in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 155–160. doi: 10.17223/15617793/435/20
29. Komleva, E.V. (2018) *Sibirskoe kupechestvo: vklad v khozyaystvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoy Evrazii (konets XVIII – XIX v.)* [The Siberian Merchant Class: Contribution to the Economic Development and Study of Northeastern Eurasia (Late 18th – 19th Centuries)]. Novosibirsk: Parallel'.
30. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). (n.d.). *O prisuzhdenii A.M. Sibiryakovu zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska* [On Awarding A.M. Sibiryakov the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. Fund 70. OTs. File 596.
31. Anon. (1893) Prigovor gorodskoy dumy o prisvoenii A.M. Sibiryakovu zvaniya pochetnogo grazhdanina goroda Irkutska [Verdict of the City Duma on Granting A.M. Sibiryakov the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy*. 7. pp. 331–332.
32. Kontsevich, I.I. (1899) Predlozhenie I.I. Kontsevicha o prisvoenii A.K. Medvednikovoy zvaniya pochetnoy grazhdanki g. Irkutska [Proposal by I.I. Kontsevich on Granting A.K. Medvednikova the Title of Honorary Citizen of the City of Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy*. 11-12. pp. 108–109.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). (n.d.) *O prisvoenii nekotorym litsam zvaniya pochetnykh grazhdan gorodov* [On Granting the Title of Honorary Citizens of Cities to Certain Persons]. Fund 1288. List 5 (1909). File 2.
34. Shilovskiy, M.V. (2019) Potanin Grigoriy Nikolaevich. In: Shilovskiy, M.V. et al. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: entsiklopedicheskiy slovar'* [The Socio-Political Life of Siberia in the Late 19th – Early 20th Century: An Encyclopedic Dictionary]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 253–254.
35. Anon. (1909) Protokol zasedaniya Irkutskoy gorodskoy dumy. Stat'ya 2 [Protocol of the Meeting of the Irkutsk City Duma. Article 2]. *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy*. 5-6. pp. 527.
36. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. (1914) Izvestiya i zametki [News and Notes]. 13-14. p. 458.
37. Larionov, D.D. (1880) *Gubernskiy gorod Irkutsk: (pozhary 22-go i 24-go iyunya 1879 g.)* [The Provincial City of Irkutsk: (Fires of June 22 and 24, 1879)]. Irkutsk: N.N. Sinitsyn.

***Сведения об авторах*:**
Гаврилова Наталья Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Отечественной истории Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: nig2312@yandex.ru
Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского центра Отечественной истории Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: levdameshek@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Gavrilova Natalya I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Scientific Research Center of Russian History, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: nig2312@yandex.ru
Dameshek Lev M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director at the Scientific Research Center of Russian History, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 02.06.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94:294.3(001.83)
doi: 10.17223/19988613/97/5

О научных контактах Г.Н. Потанина и И.А. Подгорбунского

Иван Александрович Голев

Томский государственный университет, Томск, Россия, potaninoved@gmail.com

Аннотация. Впервые в исследовательской литературе освещается сюжет о взаимодействии двух крупных отечественных исследователей Г.Н. Потанина и И.А. Подгорбунского; оба исследователя посвятили большое количество своих трудов изучению буддизма Северной и Центральной Азии. С опорой на аутентичные исторические источники охарактеризованы совместные исследования памятников буддийской культуры Потанина и Подгорбунского, освещается их вклад в подготовку первой в России выставки буддийской культуры.
Ключевые слова: Г.Н. Потанин, И.А. Подгорбунский, памятники буддийской культуры

Для цитирования: Голев И.А. О научных контактах Г.Н. Потанина и И.А. Подгорбунского // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 43–47. doi: 10.17223/19988613/97/5

Original article

About scientific contacts between G.N. Potanin and I.A. Podgorbunsky

Ivan A. Golev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, potaninoved@gmail.com

Abstract. The article describes a previously unexplored story about the joint research of the famous scientist Grigory Nikolaevich Potanin (1835-1920) and the Orthodox priest Innokenty Alexandrovich Podgorbunsky (1862-1913). Based on a wide range of sources, which include newspapers, scientific works by Potanin and Podgorbunsky, as well as museum catalogs, the scientific contacts of G.N. Potanin and I.A. Podgorbunsky were described. In 1887-1890, G.N. Potanin was the head of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in Irkutsk. The department included the Irkutsk Museum and G.N. Potanin began replenishing the museum's funds, and a large number of Buddhist monuments were received. Together with I.A. Podgorbunsky, Potanin prepared the first exhibition of Buddhist cultural objects in Russia, and later they made a catalog of this exhibition. The article describes the exhibition, gives its museum analysis, emphasizes that the ensemble method was used in its preparation, and notes that in working on the exhibition catalog, the authors used the best practices of the Moscow museum researchers, including P.S. Uvarova. The authors of the exhibition conducted guided tours themselves at the exhibition, and I.A. Podgorbunsky gave a lecture on Buddhism. The exhibition of Buddhist cultural objects has developed the interest of Irkutsk residents in the museum, and visits to the museum by various groups of the population have increased. Concluding the article, the author says that G.N. Potanin and I.A. Podgorbunsky were among the first in Russia to turn to the study of Buddhism, they conducted a comprehensive description of the monuments of Buddhist culture, and the Buddhist exhibition was the first major exhibition in the vast territory of Siberia. The author of the article concludes that the scientific level of the works of Potanin and Podgorbunsky was high, they laid the foundation for future museum work in Siberia. Later, both researchers continued their Buddhist studies, but they no longer worked together.
Keywords: G.N. Potanin, I.A. Podgorbunsky, monuments of Buddhist culture

For citation: Golev, I.A. (2025) About scientific contacts between G.N. Potanin and I.A. Podgorbunsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 43–47. doi: 10.17223/19988613/97/5

Тема научного взаимодействия Г.Н. Потанина и православного священника И.А. Подгорбунского коротко затрагивалась в работах современных исследователей Т.В. Родионовой, А.П. Суходолова, Э.И. Черняка, Н.М. Дмитриенко и др. [1–4]. Считаю необходимым продолжить начатое и на основе широкого круга исторических источников более подробно охарактеризовать плодотворное сотрудничество двух сибирских ученых.

Биография Г.Н. Потанина достаточно освещена в работах исследователей, поэтому останавливаться на ней в рамках данной публикации, на мой взгляд, нет необходимости. А вот биографических сведений об Иннокентии Александровиче Подгорбунском довольно мало.

© И.А. Голев, 2025

Известно, что И.А. Подгорбунский родился в 1862 г. в Нерчинско-Заводском округе Забайкальской области в семье священника, окончил Нерчинское духовное училище, а затем Иркутскую духовную семинарию [5]. Как один из лучших выпускников семинарии он получил направление в Казанскую духовную академию, по завершении обучения в которой защитил диссертацию «Нравственное учение буддизма по монгольской книге “Улигер-ун-далай” с приложением монгольского перевода» и в 1888 г. был удостоен степени кандидата богословия. Возвратившись в Иркутск, И.А. Подгорбунский получил назначение на кафедру изучения буддизма и шаманизма Иркутской семинарии. Примерно в то же время он принял сан священника, служил в домовой церкви во имя Святого Духа в семинарии [6. С. 324]. Мне видится несправедливым замечание А.В. Даниленко о том, что И.А. Подгорбунский оставил «скромное» научное наследие, отчасти опровержением этих слов является данная статья [7. С. 143].

Нужно сказать, что Иркутск ввиду его географической близости к регионам, население которых исповедовало буддизм, издавна являлся одним из центров изучения буддизма и собирания буддийских памятников. Вполне объяснимо, что наряду с преподаванием И.А. Подгорбунский продолжал изучать буддизм и деятельно участвовал в работе Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. А незадолго до приезда в Иркутск Подгорбунского из длительной экспедиции по Китаю возвратился Г.Н. Потанин, доставивший в Россию большое количество памятников буддийской культуры. Известно, что, путешествуя по Китаю, Г.Н. Потанин посещал буддийские монастыри, общался с ламами, бывал в их жилищах и все это детально описывал в своих публикациях в сибирской печати [8–10]. Кроме того, Г.Н. Потанин, добираясь до Китая морским путем, осмотрел крупные музейные коллекции Европы, в том числе и знаменитый Плимутский Атенеум, который, как он сам выразился, «рекомендовал бы вниманию сибиряков соорудителей музеев» [11]. Недаром, оценивая результаты этой экспедиции, вице-председатель Императорского Русского географического общества П.П. Семёнов (в будущем Тян-Шанский) назвал ее одной из самых удачных экспедиций географического общества [12].

Прибытие в Иркутск двух знатоков буддизма оживило это направление деятельности и задало ему новые формы. Нужно сказать, что буддийская коллекция Иркутского музея, работавшего в составе Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, находилась в зачаточном состоянии, хотя начала формироваться еще в середине XIX в. за счет единичных пожертвований, но в 1879 г. в Иркутске произошел пожар, в котором погибло 22 330 музейных предметов [13. С. 129; 14. С. 2]. Как раз в этот чрезвычайно сложный для музейного дела период Г.Н. Потанин занял должность правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и одновременно в течение 1887–1890 гг. руководил Иркутским музеем. К тому времени здание музея было восстановлено, но предстояло решить ответственную задачу комплектования и изучения музейных фондов. И в решении этой задачи Г.Н. Потанин вполне выказал научные и организаторские способности.

При содействии Г.Н. Потанина пожертвования полились в музей одно за другим. В короткий срок Иркутский музей обогатился целым комплексом памятников буддийской культуры. Коллекция буддийского культа из 278 предметов была подарена музею коллекционером В.В. Птицыным. Коммерсант и коллекционер Ю.Л. Лумбунов и его супруга Х.Д. Лумбунова передали в музей буддийские картины, сосуды, книги. Интересно, что памятники буддийской культуры передавали и сами ее носители. Так, хамбо-лама Гусиноозерского дацана Д.Г. Гомбоев передал музею предметы облачения буддийских священнослужителей, музыкальные инструменты, используемые в буддийских обрядах, картины. Доктор тибетской медицины Ц.В. Джедамбаев подарил икону, изображающую буддийский рай [15]. Недаром археолог П.П. Хороших писал, что с приездом Потанина в Иркутск оживилась деятельность музея, усилился приток этнографических коллекций, развился интерес к изучению местных народов [16. С. 90]. Значимость и полноту буддийской коллекции музея подтверждает и то, что она была показана наследнику российского престола цесаревичу Николаю Александровичу во время его посещения Иркутска в 1891 г., экскурсию для него провел И.А. Подгорбунский [17].

С целью комплектования музейных фондов Г.Н. Потанин осуществил две небольшие экспедиции: в 1888 г. совместно с Н.А. Чарушиным он побывал в Урге, а в следующем 1889 г. посетил совместно с А.В. Потаниной бурятский улус Ирхирик, В Урге Потанин общался с ламами, продолжал собирать сведения о буддийских монастырях, а Н.А. Чарушин делал фотографии [18. С. 186]. Очевидно, к этим годам относится и знакомство И.А. Подгорбунского с Г.Н. Потаниным, задумавшим организовать первую в России буддийскую выставку. В исследовательской литературе часто в качестве первой российской буддийской выставки упоминается выставка 1919 г., устроенная в Кунсткамере в Петрограде. Оно и понятно, ведь сведения об Иркутской выставке 1888–1889 гг., за исключением кратких упоминаний в газетных заметках и каталога, почти сразу ставшего библиографической редкостью, практически отсутствовали.

Впервые о выставке Г.Н. Потанин высказался в письме к Д.А. Клеменцу от 15 октября 1888 г., когда сообщил, что «на Рождестве затеваем выставку буддийской культуры» [19. С. 99]. Чуть позже в газете «Восточное обозрение» появилась заметка о том, что работы по подготовке выставки «деятельно подвигаются» и что от жителей города поступают предметы на временное выставление и вообще «выставка обещает быть поучительною» [20]. На расходы по устройству выставки Восточно-Сибирским отделом было выделено 75 руб., а в комиссию по подготовке, помимо Потанина и Подгорбунского, были избраны А.В. Потанина, Н.М. Ядринцев, Н.И. Витковский и В.А. Разумихин [21. С. 61].

Для ознакомления будущих посетителей выставки 19 декабря 1888 г. И.А. Подгорбунский прочитал лек-

цию о буддизме, вызвавшую большой интерес слушателей, собравшихся в музейном зале [22]. (Полный текст лекции Подгорбунского был опубликован в первых четырех выпусках газеты «Иркутские епархиальные ведомости» 1889 г., а затем ввиду широкого интереса издан отдельной брошюрой.)

Наконец 28 декабря 1888 г. буддийская выставка в Иркутском музее открылась. Уровень этого события был настолько высок, что открытие посетил иркутский генерал-губернатор граф А.П. Игнатьев, а в последующие дни работы выставка приняла около 700 посетителей. Экскурсии (или, как тогда говорили, объяснения) проводили сами создатели, по-нынешнему – кураторы выставки [4. С. 224.]. Интерес к выставке, организованной Г.Н. Потаниным и И.А. Подгорбунским в Иркутском музее, косвенно подтверждается и М.П. Овчинниковым, сообщавшим позднее, что «отделом стала интересоваться широкая публика» [23. Стб. 102].

Описание выставки, помещенное в газете «Восточное обозрение» анонимным автором, позволяет более детально охарактеризовать ее. Он обращал внимание на висевшую при входе карту распространения буддизма, фотографии буддистов, выполненные Н.А. Чарушиным, планы и виды буддийских монастырей, а также виды городов, в которых буддисты проживают. Далее автор газетной статьи упоминает жертвенник, и, по его словам, «вещи на нем расположены в том порядке, который существует в самих кумирнях». Пишет автор и об огромном столе, покрытом желтой материей (делая уточнение, что это священный цвет буддистов), расписанной тибетскими узорами, на котором установлены «особые шесты», на которые, в свою очередь, крепятся изображения буддийских божеств. Интересно и то, что на выставке были представлены модели Гусиноозерского дацана, здания тибетской архитектуры, субурганов и обо (куча камней). Кроме того, автор упоминает многочисленные статуэтки, в числе которых называет статуэтки основателя буддизма Шакъямуни, стража веры Арья-Бало, покровителя наук и искусств Манджушри и др., а также маски, использующиеся для религиозной пляски. Заканчивается выставка «предметами домашней обстановки лам и предметами их занятий» [24].

Важно отметить, что в тот период в России как раз набирала обороты музеография, т.е. описание музейных предметов и коллекций, и были подготовлены фундаментальные каталоги Оружейной палаты, а также «Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле» (М., 1887), выполненный графиней П.С. Уваровой. Исследователи буддизма Г.Н. Потанин и И.А. Подгорбунский последовали нарождавшейся традиции и подготовили каталог буддийской выставки, ныне переизданный в книге «Музееведческое наследие Северной Азии» [25, 26].

Хочется особо отметить высокий уровень подготовки каталога, включавшего 560 наименований музейных предметов. Несомненно, авторы каталога опирались на выходившие в тот период музеографические издания, дополняя при этом свою работу нововведениями. Каталог Потанина и Подгорбунского включает четыре отдела, которые, в свою очередь, подразделяются на небольшие разделы, каждый раздел предваряется небольшим, но емким вступлением, в котором характеризуется та или иная сторона буддийского богослужения. Каждому музейному предмету дано описание, включающее название, определение, в некоторых случаях указываются особенности, отличающие этот предмет в своем ряду, материал, размер, инвентарный номер и источник поступления. В качестве примера приведу описание одного из предметов: «Бронзовая статуэтка, по одному показанию изображающая Ундур-гегена, по-другому – Баньчень-эрдени. В частной образной хамба-ламы в Урге находится 1 000 этих статуэток, отлитых, очевидно, в той же самой форме; полкомнаты образной отгорожено стеклянной прегородкой, за которой статуэтки в одноформенных шелковых оболочках уставлены на полках, устроенных в виде прямолинейного амфитеатра. Статуэтки, изображающие Зункабу, тождественны с описанной. Высота 9,9 см. Пожертв[ована] А.И. Воробьевым. № 970» [26. С. 45].

В 1890 г. Г.Н. Потанин оставил должность правителя дел Географического общества и покинул Иркутск, однако заинтересованного внимания к буддийской культуре не утратил. Во время 2-й китайской экспедиции он осматривал буддийские коллекции в Пекине и, как он сам отмечал, «так как я нашел тут много такого, чего не достает в буддийской коллекции иркутского музея, то я решил из своих заметок сделать извлечение, которое могло бы послужить пособием при пополнении Иркутской буддийской коллекции». Так, Г.Н. Потанин заметил, что в Музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества недостает «металлического изображения птицы Гаруди» [27. С. 43, 45]. Здесь интересы Г.Н. Потанина и И.А. Подгорбунского прямо пересекались, поскольку по завершении буддийской выставки в Иркутском музее И.А. Подгорбунский продолжал изучение буддизма. Используя наработанный совместно с Г.Н. Потаниным выставочный опыт, он подготовил каталог буддийской коллекции Иркутского музея [28]. Он также планировал подготовить каталоги бурятской и шаманской коллекций музея, но преждевременная смерть не дала осуществиться этим планам [29]. Впоследствии он выпустил несколько книг о буддизме: «Буддизм, его история и основные положения его учения» (Иркутск, 1900–1901. Вып. 1, 2); «Буддизм, его история и основные положения его учения. Вып. 1: Очерк истории буддизма» (Иркутск, 1900); «Буддизм, его история и основные положения его учения. Вып. 2: Основные положения учения буддизма» (Иркутск, 1901).

Надо сказать, что оба исследователя сохраняли доброе отношение друг к другу и интерес даже спустя годы. В 1891 г. Г.Н. Потанин выступил в газете «Восточное обозрение с замечаниями к статье все еще молодого ученого И.А. Подгорбунского «Идеи бурят шаманистов о душе», в которой отметил компилятивность работы, но отдавал ему и должное за труд [30]. Показательно, как Г.Н. Потанин умел высказать недостатки даже в работах своих соратников, – научное значение трудов стояло для него выше личных отношений.

Г.Н. Потанин следил за работами И.А. Подгорбунского и в одном из писем к академику С.Ф. Ольденбургу 1901 г. писал: «Просматривали ли Вы книгу о. Подгорбунского о буддизме? Как нашли книгу?» [31. С. 40]. В свою очередь, И.А. Подгорбунский на панихиде по Н.М. Ядринцеву произнес речь, в которой с теплотой отзывался о совместной работе над выставкой буддийского культа и о том, что Г.Н. Потанин представил его, совсем молодого человека, Ядринцеву как знатока истории и литературы монголов [32].

Завершая статью, хочу вспомнить слова преемника Г.Н. Потанина на посту правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества Д.А. Клеменца, о том, что «Потанин положительно оживил это учреждение; но напрасно было бы думать, что Потанин наполнил отдел самим собой, своими трудами. Его самого почти не видно в этом периоде его кипучей деятельности. Он желал и умел давать работу другим, и только человек, близко знакомый с делом, мог разглядеть, что за всем этим стоит руководящая личность, вкладывающая неизмеримо больше труда в эти черновые работы, чем сами авторы» [33. С. 188] В оценке Д.А. Клеменца содержится в том числе и оценка способности Г.Н. Потанина к научной коммуникации и привлечении к исследовательской работе молодых людей. Несомненно, Г.Н. Потанин и И.А. Подгорбунский своим сотрудничеством открыли новую страницу в изучении буддизма в России в его музееведческом воплощении.

Список источников

1. Родионова Т.В. Г.Н. Потанин и музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 91–93.
2. Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии / науч. ред. М.П. Рачкова. Иркутск : Изд-во Байкал. ун-та, 2016. 312 с.
3. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 67–76.
4. Дмитриенко Н.М., Голев И.А. О буддийской коллекции Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 218–229.
5. Протоиерей Иннокентий Александрович Подгорбунский (некролог) // Иркутские епархиальные ведомости. 1913. № 20. 15 окт.
6. Мельникова С.В. Подгорбунский Иннокентий Александрович // Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века : биобиблиографический словарь / науч. ред. Д.Н. Шилов. Иркутск : ИОГУНБ, 2022. С. 322–330.
7. Даниленко А.В. Сибирское областничество 60–90-х годов XIX века о странах Востока (по материалам сибирской прессы и публицистики) // Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX – начале XX веков. Иркутск : ИГПИ, 1987. С. 141–150.
8. Потанин Г. Два дня в буддийском монастыре Унчжа-Сюме // Восточное обозрение. 1885. № 32. 8 авг.
9. Потанин Г. Кадан-Сюме, ламайский монастырь в Амдо // Сибирская газета. 1885. № 27. 7 июля.
10. Потанин Г. Поездка в Ачун-Нанцзун, монастырь урджянистов // Сибирский сборник. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1886. Кн. 2. С. 136–165.
11. Вокруг света. Экспедиция Г.Н. Потанина // Восточное обозрение. 1883. № 40. 6 окт.
12. Научные известия // Восточное обозрение. 1887. № 15. 16 апр.
13. Шинковой А.И. Монгольские произведения буддийского искусства в музеях Иркутска: общая характеристика коллекций // Искусство Евразии. 2021. № 3 (22). С. 126–137.
14. Ходукин Я. Государственный Иркутский областной музей. Иркутск : Власть труда, 1927. 8 с. (Серия кратких путеводителей / под ред. Б.Э. Петри).
15. Восточное обозрение. Иркутск, 1888. № 11. 20 марта.
16. Хороших П.П. Исторический очерк Иркутского музея / публ. И.А. Сизовой // Музееведческое наследие Северной Азии / науч. ред. Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. Вып. 1: Труды музееведов 1920-х гг. С. 85–102.
17. Посещение Иркутска Его Императорским Высочеством государем наследником цесаревичем // Восточное обозрение. 1891. № 27. 30 июня.
18. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Новосибирск, 1931. 231 с.
19. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. Т. 4. 428 с.
20. Недельная хроника Иркутска // Восточное обозрение. 1888. № 49. 11 дек.
21. Протоколы заседаний Распорядительного комитета // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1889. Т. 19, № 5. С. 59–69.
22. Лекция И.А. Подгорбунского // Восточное обозрение. 1889. № 1. 1 янв.
23. Овчинников М. Из жизни Гр.Н. Потанина // Сибирский студент. 1915. № 1-2. Стб. 95–102.
24. П-н Д. Выставка предметов буддийского культа в Иркутске // Восточное обозрение. 1889. 1 янв. № 1.
25. Каталог выставки предметов внешней обстановки жизни лам / сост. И. Подгорбунский, Г. Потанин. Иркутск : тип. газеты «Восточное обозрение», 1888. 76 с.
26. Музееведческое наследие Северной Азии / Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк, А.Д. Дементьев, И.А. Голев, С.Е. Григорьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. Вып. 2: Труды музееведов последней трети XIX – первой трети XX века. 252 с.
27. Потанин Г. Коллекция буддийских храмовых предметов в Пекине // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1893. Т. 24, № 1. С. 43–50.
28. Подгорбунский И.А. Каталог буддийской коллекции Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Паровая типолит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1908. Отд. XVII. 84 с.
29. Голос Томска. 1908. № 222. 14 окт.
30. Г.П. Необходимая поправка // Восточное обозрение. 1891. № 31. 28 июля.
31. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Т. 5. 272 с.
32. [Панихида по Н.М. Ядринцеву] // Восточное обозрение. 1894. № 71. 22 июня.
33. Клеменц Д.А. Г.Н. Потанин // Русское богатство. 1905. № 9. Паг. 2. С. 183–188.

References

1. Rodionova, T.V. (2011) G.N. Potanin i muzey Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [G.N. Potanin and the Museum of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 91–93.
2. Sukhodolov, A.P. & Kuzmin, Yu.V. (2016) *Mongoliya i russko-mongol'skie otnosheniya pervoy poloviny XX veka: problemy istorii i istoriografii* [Mongolia and Russian-Mongolian Relations in the First Half of the 20th Century: Problems of History and Historiography]. Irkutsk: Baikal University.

3. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2016) Vklad G.N. Potanina v muzeynoe delo Sibiri [The Contribution of G.N. Potanin to the Museum Work of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 67–76.
4. Dmitrienko, N.M. & Golev, I.A. (2020) O buddiyskoy kollektsii G.N. Potanina [On the Buddhist Collection of G.N. Potanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 38. pp. 218–229.
5. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) Protoierey Innokentiy Aleksandrovich Podgorbunskiy (nekrolog) [Archpriest Innokenty Aleksandrovich Podgorbunsky (Obituary)]. 15th October.
6. Melnikova, S.V. (2022) Podgorbunskiy Innokentiy Aleksandrovich. In: Shilov, D.N. (2022) *Pravoslavnye dukhovnye pisateli Vostochnoy Sibiri XVIII – nachala XX veka: biobibliograficheskiy slovar'* [Orthodox Spiritual Writers of Eastern Siberia of the 18th – Early 20th Century: A Bio-Bibliographical Dictionary]. Irkutsk: IOGUNB. pp. 322–330.
7. Danilenko, A.V. (1987) Sibirskoe oblastnichestvo 60–90-kh godov XIX veka o stranakh Vostoka (po materialam sibirskoy pressy i publitsistiki) [The Siberian Oblastnichestvo of the 1860s-1890s on the Countries of the East (based on materials from the Siberian press and journalism)]. In: Pak, V.D. (ed.) *Vzaimootnosheniya Rossii s afroaziatskimi stranami v XIX – nachale XX vekov* [Relations of Russia with Afro-Asian Countries in the 19th – Early 20th Centuries]. Irkutsk: ISPI. pp. 141–150.
8. Potanin, G. (1885a) Dva dnya v buddiyskom monastyre Unchzha-Syume [Two Days in the Buddhist Monastery Unja-Syume]. *Vostochnoe obozrenie*. 8th August.
9. Potanin, G. (1885b) Kadan-Syume, lamayskiy monastyr' v Amdo [Kadan-Syume, a Lamais Monastery in Amdo]. *Sibirskaya gazeta*. 7th July.
10. Potanin, G. (1886) Poezdka v Achun-Nantszun, monastyr' urdzhyanistov [A Trip to Achun-Nanzung, a Monastery of the Urgyanists]. In: *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Vol. 2. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov. pp. 136–165.
11. *Vostochnoe obozrenie*. (1883) Vokrug sveta. Ekspeditsiya G.N. Potanina [Around the World. Expedition of G.N. Potanin]. 6th October.
12. *Vostochnoe obozrenie*. (1887) Nauchnye izvestiya [Scientific News]. 16th April.
13. Shinkovoy, A.I. (2021) Mongol'skie proizvedeniya buddiyskogo iskusstva v muzeyakh Irkutska: obshchaya kharakteristika kollektsiy [Mongolian Works of Buddhist Art in the Museums of Irkutsk: A General Characteristic of the Collections]. *Iskusstvo Evrazii.* 3(22). pp. 126–137.
14. Khodukin, Ya. (1927) *Gosudarstvennyy Irkutskiy oblastnoy muzey* [The State Irkutsk Regional Museum]. Irkutsk: Vlast' truda.
15. *Vostochnoe obozrenie*. (1888) 20th March.
16. Khoroshikh, P.P. (2018) Istoricheskiy ocherk Irkutskogo muzeya / publ. I.A. Sizovoy [Historical Sketch of the Irkutsk Museum (I.A. Sizova, Publ.)]. In: Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (eds) *Muzeevedcheskoe nasledie Severnoy Azii* [Museum Studies Heritage of Northern Asia]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 85–102.
17. *Vostochnoe obozrenie*. (1891) Poseshchenie Irkutska Ego Imperatorskim Vysochestvom gosudarem naslednikom tsesarevichem [Visit of His Imperial Highness the Sovereign Heir Tsesarevich to Irkutsk]. 30th June.
18. Charushin, N.A. (1931) *O dalekom proshlom* [About the Distant Past]. Novosibirsk: [s.n.].
19. Potanin, G.N. (1990) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 4. Irkutsk: Irkutsk State University.
20. *Vostochnoe obozrenie*. (1888) Nedel'naya khronika Irkutska [Weekly Chronicle of Irkutsk]. 11th December.
21. Anon. (1889) Protokoly zasedaniy Rasporyaditel'nogo komiteta [Minutes of the Meetings of the Executive Committee]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 19(5). pp. 59–69.
22. *Vostochnoe obozrenie*. (1889) Lektsiya I.A. Podgorbunskogo [Lecture by I.A. Podgorbunsky]. 1st January.
23. Ovchinnikov, M. (1915) Iz zhizni Gr.N. Potanina [From the Life of Gr.N. Potanin]. *Sibirskiy student*. 1-2. Col. 95–102.
24. P-n D. (1889) Vystavka predmetov buddiyskogo kul'ta v Irkutske [Exhibition of Buddhist Cult Objects in Irkutsk]. *Vostochnoe obozrenie.* 1st January.
25. Podgorbunskiy, I. & Potanin, G. (eds) (1888) *Katalog vystavki predmetov vneshney obstanovki zhizni lam* [Catalogue of the Exhibition of Objects from the External Setting of Lama Life]. Irkutsk: Vostochnoe obozrenie.
26. Dmitrienko, N.M., Chernyak, E.I., Dementiev, A.D., Golev, I.A. & Grigorieva, S.E. (eds) (2019) *Muzeevedcheskoe nasledie Severnoy Azii* [Museum Studies Heritage of Northern Asia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
27. Potanin, G. (1893) Kollektsiya buddiyskikh khramovykh predmetov v Pekine [Collection of Buddhist Temple Objects in Beijing]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 24(1). pp. 43–50.
28. Podgorbunskiy, I.A. (1908) *Katalog buddiyskoy kollektsii Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Catalogue of the Buddhist Collection of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk: P.I. Makushin i V.M. Posokhin.
29. *Golos Tomska*. (1908) 14th October.
30. G.P. (1891) Neobkhodimaya popravka [Necessary Correction]. *Vostochnoe obozrenie*. 28th July.
31. Potanin, G.N. (1991) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University.
32. *Vostochnoe obozrenie*. (1894) [Panikhida po N.M. Yadrintsevu] [[Memorial Service for N.M. Yadrintsev]]. 22nd June.
33. Klements, D.A. (1905) G.N. Potanin. *Russkoe bogatstvo*. 9(2). pp. 183–188.

***Сведения об авторе*:**
Голев Иван Александрович – аспирант кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник НОЦ «Музей и культурное наследие» Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: potaninoved@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Golev Ivan A. – Postgraduate Student at the Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and Methodology of History of the Faculty of Historical and Political Sciences, a junior researcher at the REC “Museum and Cultural Heritage” of the Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: potaninoved@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 22.01.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/97/6

Влияние социальных факторов на инфекционную заболеваемость населения городов Западной Сибири в послевоенные годы (1945–1948 гг.)

Марина Петровна Дудкина

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия, mpd08@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния условий жизни людей в городах Западной Сибири в первые послевоенные годы на распространенность инфекционного процесса. Применен междисциплинарный подход, сочетающий историко-сравнительные и статистические методы исследования. Оценен вклад различных факторов в оздоровление эпидемической обстановки с учетом приоритетных в тех конкретно-исторических условиях целей и задач. Показано, что ситуация по социально значимым инфекциям развивалась нелинейно, совокупность заболеваний имела сильную корреляцию с действиями органов здравоохранения. Дана оценка результативности их деятельности к концу рассматриваемого периода.
Ключевые слова: эпидемический процесс, статистика, социальные факторы, города Западной Сибири, здравоохранение

Для цитирования: Дудкина М.П. Влияние социальных факторов на инфекционную заболеваемость населения городов Западной Сибири в послевоенные годы (1945–1948 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 48–57. doi: 10.17223/19988613/97/6

Original article

The influence of social factors on the infectious morbidity of the population of the cities of Western Siberia in the post-war years (1945–1948)

Marina P. Dudkina

Siberian State University of Railway Transport, Novosibirsk, Russian Federation, mpd08@mail.ru

Abstract. The preservation of public health is a priority task for the development of the state in any historical epoch. Special attention is paid to this area of life in times of crisis, which undoubtedly included the first post-war years. The study presented below is the result of studying the influence of social factors on the maintenance and preservation of public health in the cities of Western Siberia as the most important source of socio-economic development of the region and the country as a whole. Of all the somatic pathologies, only the infectious process was chosen as the subject of the study, since this group of diseases is the most socially dependent. The intensity of their spread is influenced by population density, the quality of the household environment, sanitary living conditions, access to medical care, and other factors that are an integral part of people's social existence. Particularly dangerous infections such as tuberculosis, typhoid, dysentery and others became the main threat to public health in the first post-war years, therefore, the study of historical experience in combating them seems relevant. Empirically, the study is based on sources, the main body of which consists of appropriately grouped and analyzed statistical data deposited in the funds of both central and regional archives. An interdisciplinary approach is applied, combining historical, comparative and statistical research methods. The contribution of various factors to the improvement of the epidemic situation is assessed, taking into account the goals and objectives that are prioritized in those specific historical conditions. It is shown that the situation of socially significant infections developed non-linearly; the totality of diseases had a strong correlation with the actions of health authorities. An assessment of the effectiveness of their activities by the end of the period under review is given. Reasonable conclusions have been drawn that the correct organization of medical care has made a decisive contribution to improving the health of the population and reducing mortality from infectious pathologies, which, against the background of a gradually normalizing social and household situation, has minimized the negative economic consequences associated with them.
Keywords: epidemic process, statistics, social factors, cities of Western Siberia, healthcare

For citation: Dudkina, M.P. (2025) The Influence of social factors on the infectious morbidity of the Population of the Cities of Western Siberia in the post-war Years (1945–1948). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 48–57. doi: 10.17223/19988613/97/6

© М.П. Дудкина, 2025

Уставом Всемирной организации здравоохранения признано, что здоровье – это полное физическое, душевное и социальное благополучие человека, а не только отсутствие у него болезней. Возможности его сохранения, таким образом, существенно обусловлены исторической спецификой бытия людей, той средой, в которой они живут.

Выбор Западной Сибири как объекта анализа неслучаен и обоснован уникальностью индустриально-демографического роста региона в середине прошлого века: здесь, начиная с конца 1920-х гг., устойчиво проявили себя два феномена: промышленный, связанный с индустриализацией, и, как его следствие, демографический. Война не изменила этот вектор развития. Вывоз промышленных производств из прифронтовых районов обусловил массовый приток эвакуированных в сибирские города в течение первых полутора лет войны. Если на 1 декабря 1941 г. их численность составляла чуть более полумиллиона, то к 1 января 1943 г. она возросла почти вдвое – до 908 тыс. человек. Прирост городского населения был также результатом целенаправленной политики по мобилизации сельского населения для работы в оборонной промышленности: за военный период в города вынужденно переехали 838 тыс. бывших деревенских жителей [1. Л. 92; 2. Л. 3; 3. Л. 2]. В результате западносибирские города, не обладавшие достаточным жилым фондом и инфраструктурой, столкнулись с проблемой перенаселенности, что стало одним из факторов, провоцирующих распространение инфекций. Бытовая неустроенность людей в трудных климатических условиях сибирского региона, сопровождаемая неизбежными материальными лишениями, плохим питанием, ненормированным режимом рабочего дня, вредными и тяжелыми условиями труда, хроническими стрессами, связанными с потерей близких, – это факторы, ослаблявшие физиологическую сопротивляемость к болезням и провоцировавшие распространение инфекций. Гуманитарные цели, забота о человеке в обстановке напряженно работающего тыла нередко отодвигалась на второй план. Развернувшийся в 1943–1945 гг. процесс реэвакуации, когда основная масса людей, прибывших в сибирский регион в первые военные годы, вернулась в места своего первоначального проживания, не привел к радикальному уменьшению числа городских жителей. В целом прирост городского населения Сибири в военные годы, несмотря на возросшую смертность и массовый призыв мужчин в действующую армию, составил около 10% [4. С. 35].

Хронологические границы исследования – три первых послевоенных года – обусловлены тем, что в этот короткий временной отрезок страна столкнулась с резко возросшей смертностью из-за массовых эпидемий особо опасных инфекций, но смогла оперативно преодолеть эту тяжелую ситуацию, несмотря на послевоенный голод, недостаточность мощностей системы здравоохранения, необходимость восстановления и развития народного хозяйства.

Материалом для исследования послужили данные медицинской статистики и различные виды отчетности, которые формировались городскими и региональными органами здравоохранения Западной Сибири. Необходимость выявить закономерности и специфические черты развития эпидемического процесса в городских поселениях в изучаемый период потребовала учесть в первую очередь те статистические данные, которые являются однотипными, составленными по одинаковым или схожим параметрам, сопоставимым хронологически и территориально. Опубликованная статистика не могла в полном объеме удовлетворить наш интерес к проблеме, поскольку в ней в большей степени нашли отражение лишь общие показатели. Для обеспечения детализации и всесторонности картины в сформированный блок данных привлекался тот пласт информации, в том числе ведомственной, который отложился в центральных и региональных архивах. Вместе с тем объективным недостатком некоторых архивных материалов, учтенным в исследовании, являлись их неполнота и отрывочность, что затрудняло сопоставительный анализ. Также принималось во внимание, что в изучаемый период достоверность и точность фиксации данных не была абсолютной. Это, в частности, касается информации о причинах массовой заболеваемости и смертности в период послевоенного голода. Здесь нельзя исключать в том числе сознательную фальсификацию сведений по причинам социально-политического характера.

Эпидемическая картина первых послевоенных лет была чрезвычайной, и прогрессировала она главным образом под влиянием экзогенных факторов. Страна, только что вышедшая из войны, теперь оказалась в условиях ядерного противостояния с западными государствами. Поскольку внешняя помощь, оказываемая в рамках плана Маршалла, была для СССР недоступной, нужно было искать исключительно внутренние ресурсы не только для восстановления хозяйства, но и для форсированного наращивания военно-промышленного потенциала. Вместе с тем имелось понимание, что главным ресурсом, способным обеспечить решение задач послевоенного восстановления и развития, были люди, и это вынуждало государство решать проблемы, связанные с сохранением общественного здоровья. Инструментом достижения данной цели стал комплекс социально-медицинских мероприятий, включавший в себя, во-первых, улучшение условий жизни людей, во-вторых, количественное наращивание и качественное улучшение медицинской помощи населению, а также применение опыта противоэпидемической работы, накопленного на фронте [5. С. 74–75]. Наша задача состоит в том, чтобы понять, какие из вышеназванных социальных воздействий позволили переломить эпидемическую картину в конкретно-исторических условиях послевоенного времени.

Установлено, что увеличение ожидаемой продолжительности жизни обусловлено двумя основными тенденциями: существенным сдвигом в распределении смертности от детей и молодежи к старшим возрастам и переходом от инфекционных заболеваний к хроническим неинфекционным заболеваниям [6. P. 1989].

Первым вызовом, с которым столкнулось общество в послевоенные годы, была аномальная смертность от инфекционных заболеваний. Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет утверждать, что в 1947 г.

в городах Западной Сибири наиболее опасными инфекциями стали кишечные патологии, давшие прирост летальности более чем на 40%. По туберкулезу и дифтерии удалось зафиксировать ситуацию на уровне, близком к предыдущему году, а по скарлатине даже добиться минимального снижения на 4%. Вместе с тем очевидно, что в 1947 г. сложилось катастрофическое положение с младенческой смертностью. По сравнению с 1946 г. дети первого года жизни стали умирать от туберкулеза чаще в 5 раз, от дизентерии – в 4,5 раза, от токсической диспепсии и дифтерии – почти в 3 и 2 раза соответственно. В 1947 г. удалось снизить примерно на треть только младенческую смертность от скарлатины [7. Л. 9–10, 21–22, 57–58, 137–138, 147–148].

Таблица 1

Численность умерших от инфекционных заболеваний в крупных промышленных городах Западной Сибири

Показатели	Дизентерия		Токсическая диспепсия		Туберкулез		Скарлатина		Дифтерия	
	1946 г.	1947 г.	1946 г.	1947 г.	1946 г.	1947 г.	1946 г.	1947 г.	1946 г.	1947 г.
Всего	2 329	3 462	2 658	3 805	6 622	7 017	2 157	2 078	2 154	2 199
Дети до 1 года	175	796	574	1637	308	1 558	24	17	41	72

Примечание. Составлено по: [8. Л. 15–16, 61–62, 65–66].

Первым шагом по снижению смертности должно было стать снижение темпов распространения инфекционных болезней. Однако анализ данных, приведенных в табл. 2 и 3 показывает, что 1946–1947 гг. этой цели достичь не удалось. Если данные 1946 г. принять за 100%, то очевидно, что в 1947 г. городские жители Западной Сибири столкнулись с масштабными эпидемиями дифтерии, количество заболевших которой увеличилось почти в 4 раза, дизентерии, давшей прирост на 238%, токсической диспепсии – на 288%, сыпного тифа – на 222% [9. Л. 17–20, 85–86, 135–136, 149–150]. Практически не удалось снизить заболеваемость детей корью. Только такие патологии, как скарлатина и брюшной тиф, имели тенденцию к постепенному снижению и составили по отношению к 1946 г. 64% и 74% соответственно [10. Л. 1, 2, 49–52]. Вместе с тем динамика распространения заразных заболеваний в среде городского населения носила нелинейный характер.

Особую роль в эпидемической картине первых послевоенных лет занимала экспансия туберкулеза, который стал главной медицинской катастрофой Второй мировой войны, в большей или меньшей степени затронувшей все страны, даже те, территории которых не были непосредственным театром военных действий. Известно, что данная патология – это в значительной степени социальная болезнь. Поэтому в военные годы можно наблюдать распространение туберкулеза не только вширь, но и вглубь: если раньше он считался болезнью маргиналов, то теперь затронул все слои общества, поскольку системное ухудшение условий жизни коснулось большинства населения воюющих стран [11. С. 1067–1069]. Чтобы остановить эпидемию, в СССР еще в годы войны была разработана соответствующая государственная программа: заболевшим рабочим оборонных предприятий обеспечили дополнительный медицинский контроль и предоставили дополнительное питание, но это не решило проблему радикально и лишь незначительно снизило риск развития патологии. В послевоенный период прирост числа заболевших туберкулезом в городах Западной Сибири по-прежнему шел очень быстро, и наиболее тревожным являлось то, что в группу риска в первую очередь попадали дети. Об активности распространения туберкулеза говорит показатель первично выявленных больных. В первом послевоенном году в Новосибирске он составил 29% взрослых, 34% подростков и 42% детей [12. Д. 459. Л. 8]. В Омске соответственно 11%, 35% и 62% [13. Л. 114]. Из каждых 10 тыс. жителей Кемерова туберкулезом болели 120 человек, 11,2 являлись бациллоносителями. В городах Томской области в 1947 г. насчитывалось 3 132 больных, из них около 65% – первичные, в городах Кузбасса таких было 66% [14. Л. 62, 65-67, 70]. Близкая ситуация наблюдалась и в других городах региона. Возросшая заболеваемость провоцировала высокую смертность. Только в Кемерове эта патология в 1948 г. дала прирост летальности на 54% по сравнению с 1947 г. [15. Л. 8].

Территориальный анализ распространенности острозаразных инфекций по городам Западной Сибири показывает, что наиболее неблагополучными в этом плане были Новосибирск и Барнаул, более стабильная эпидемическая ситуация, имевшая даже некоторую тенденцию к улучшению, отмечалась в Кемерове, Томске и Тюмени (рис. 1). Только в Кемерове после всплеска 1947 г. удалось добиться уверенного снижения заболеваемости по всем без исключения инфекциям (табл. 2, 3). В Томске и Тюмени также прослеживается снижение заболеваемости, кроме дизентерии и кори, а если повышение и было, то менее значительное, чем в других крупных городах региона.

Таблица 2

Динамика инфекционной заболеваемости

Города	Брюшной тиф и паратиф			Сыпной тиф			Токсическая диспепсия			Дизентерия		
	1946	1947	1948	1946	1947	1948	1946	1947	1948	1946	1947	1948
Кемерово	224	142	68	55	117	84	181	266	55	136	409	249
Омск	560	246	81	91	161	181	55	110	87	356	857	249
Новосибирск	1782	1339	447	145	548	370	204	932	109	1099	2419	889
Барнаул	165	270	116	118	204	145	113	681	82	241	784	378
Тюмень	47	77	38	58	75	107	42	8	8	202	349	90
Томск	156	75	44	53	54	26	131	96	23	241	598	249
Всего	2934	2149	794	520	1159	913	726	2093	364	2275	5416	2104

Примечание. Составлено по: [16. Л. 3, 20, 35, 36, 51, 53].

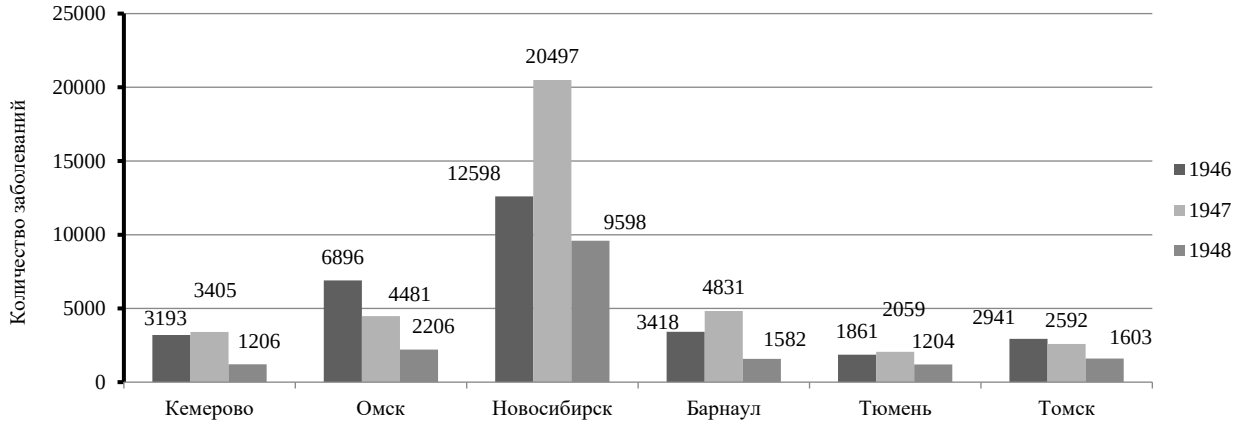

Рис. 1. Динамика острозаразных заболеваний по крупным городам Западной Сибири за 1946–1948 гг.

Таблица 3

Динамика заболеваемости детскими инфекционными заболеваниями

Города	Корь			Скарлатина			Дифтерия		
	1946	1947	1948	1946	1947	1948	1946	1947	1948
Кемерово	1742	1598	415	827	808	286	28	65	49
Омск	3368	2006	1158	2245	890	297	221	211	153
Новосибирск	2612	4875	5955	5227	2695	833	1529	7689	995
Барнаул	1925	1751	493	740	922	233	116	219	135
Тюмень	1012	670	579	359	657	217	141	223	165
Томск	1237	895	920	1025	772	275	98	102	66
Всего:	11896	11795	9520	10423	6744	2141	2133	8509	1563

Примечание. Составлено по: [17. Л. 8, 24, 39, 47, 56, 58].

Очевидно, что перелом в эпидемической конъюнктуре в западносибирских городах произошел в 1948 г. (см. рис. 1). Однако динамика спада по различным патологиям была неравномерной (см. табл. 2, 3). Если заболеваемость сыпным тифом упала до 75% к уровню 1946 г., то дизентерией – всего до 92%. Сохранялась сложная ситуация с токсической диспепсией и дифтерией, по которым было зарегистрировано соответственно 50% и 73% заболевших от уровня первого послевоенного года. Выраженный регресс наблюдался только по скарлатине, где количество заболевших по отношению к 1946 г. составляло всего 20%, и брюшному тифу – 27%. Таким образом, несмотря на то что положительная динамика наметилась, уровень распространения инфекций в 1948 г. все еще оставался недопустимо высоким для мирного времени, а зафиксированная положительная динамика представляла собой лишь тактический успех.

Как объяснить резкий всплеск инфекционной заболеваемости в 1947 г., отраженный в табл. 2 и 3 и произошедший за счет сыпного тифа, токсической диспепсии, дизентерии и дифтерии (в 1946 г. количество заболевших этими болезнями составляло 520, 726, 2 275 и 2 133 человека, а в 1947 г. – 1 159, 2 093, 5 416 и 8 509 человек соответственно)? Если не использовать абсолютные данные, а опираться в статистическом анализе на относительные величины (например, число заболевших в расчете на 1000 человек населения), то для сохранения уровня заболеваемости 1946 г. в 1947 г. необходим прирост населения более чем в 1,25 раза. Однако столь впечатляющего приращения численности горожан в Западной Сибири в 1947 г. не наблюдалось. Не претендуя на абсолютную достоверность, можно сделать вполне реалистичное предположение: прирост заболеваний по инфекционным болезням, входящим в данную группу, связан с экзогенными факторами социально-экономического свойства, что подтверждается большим массивом фактических данных.

Рассмотрим условия, в которых жили горожане Западной Сибири после окончания Великой Отечественной войны.

Первым социальным вызовом, с которым столкнулась страна в целом и регион в частности, стал голод двух первых послевоенных лет. Масштабы сокращения производства продуктов питания по сравнению с довоенным периодом были многократны. Например, производство животного масла уменьшилось почти вдвое, сахара – в 4,5 раза [18. С. 25]. Горожане, в отличие от сельских жителей, снабжались продовольствием по карточкам, но в 1946 г. произошло одновременное повышение цен на хлеб и уменьшение норм его выдачи. В городах эта мера коснулась всех неработающих взрослых иждивенцев, которые снимались с пайкового снабжения (в основном это были инвалиды), остальным категориям иждивенцев норму урезали до «блокадной» – 300–250 г в день, детям – 300–400 г в день [19. С. 265–266]. Отоварить карточки в полном объеме, как свидетельствуют архивные источники, было проблематично. В 1946 г. жители Новосибирска недополучили 835 т мяса и рыбы, жиров – 284, крупы – 1 127, сахара – 252 т. Исходя из потребностей населения Новосибирска, в 1946 г. было необходимо 10,5 тыс. т молочных продуктов, но фактически они получили лишь 39% от запланированного объема [20. Л. 1]. Первыми от голода страдали дети, поскольку физическое истощение у них наступает быстрее, чем у взрослых.

Среди малышей до 3 лет, находившихся в 1946 г. на лечении в педиатрической больнице Барнаула, 59,3% имели диагноз дистрофия. В том же году в городах Кузбасса было выявлено 8 798 физически ослабленных детей-семилеток, в 1947 г. их стало уже 11 487 человек. Нередко дистрофия была фоном для развития тяжелых инфекционных патологий. В Томске в 1947 г. были обследованы 2 579 детей, поступающих в 1-й класс, из них у 550 выявлено истощение, и почти все они (401 ребенок) больны туберкулезом [21. Л. 24, 56].

Хроническое недоедание порождало уязвимость людей к болезням. В 1940-е гг. господствовала теория механизма передачи инфекционных патологий Л.В. Громашевского, прямо увязывавшая скорость распространения эпидемий с восприимчивостью населения. На этой основе выстраивалась и система противоэпидемических мер, включавшая в себя широкую иммунизацию, дезинфекционные мероприятия, благоустройство жилых и рабочих мест и т.д. [22. С. 371–372].

Первостепенное значение в этих сложных условиях приобретала развитость городской инфраструктуры: количество и качество жилого фонда, протяженность водопроводно-канализационной сети, вывоз и утилизация мусора, доступность условий для соблюдения личной гигиены.

Специфика индустриального освоения Западной Сибири состоит в том, что оно в значительной степени охватывало необжитые районы, здесь практически отсутствовал накопленный ранее жилой фонд, а промышленное строительство всегда опережало социально-бытовое благоустройство. Большинство промышленных производств, составлявших экономическую основу городов Западной Сибири, было перевезено сюда в годы войны и размещено не в специально отведенных районах, а там, где они могли быстрее начать давать продукцию для фронта. Будущие экологические риски в той чрезвычайной ситуации в расчет не принимались. В послевоенный период ситуация не изменилась и индустриальные города столкнулись с проблемой регулярного загрязнения своей территории. Если учесть, что рассеивающие способности атмосферы в Западной Сибири ниже, чем в европейской части России, то очевидно, что отсутствие защитного кордона между производственной зоной и местами расселения людей стало дополнительным фактором, усиливающим патогенное воздействие вредных выбросов.

Жилье для горожан в военное время хотя и строилось, но это были в основном каркасно-засыпные бараки и землянки [23. С. 173–174]. Износ жилого фонда в городах Сибири составлял 30–40%. В послевоенном Томске 80,3% жилплощади приходилось на дома, возведенные до революции, к концу 1945 г. 11,6 тыс. рабочих железной дороги не имели квартир, около 7 тыс. по этой причине жили отдельно от семей, 1,6 тыс. обитали в кухнях, ванных комнатах, коридорах [20. Л. 1]. Из-за нехватки финансирования план ввода в эксплуатацию жилья в Новосибирской области за 10 месяцев 1946 г. был выполнен лишь на 16,3% [24. Л. 3]. Жили тесно: к окончанию войны в Омске на одного человека приходилось 2,7 м^2, в Барнауле, Бийске и Рубцовске – от 2 до 2,2 м^2, в Томске – 3,6 м^2 [25. Л. 14]. Основными типами городских жилищ оставались бараки и небольшие деревянные дома, а также склады, бани, овощехранилища и другие малоприспособленные помещения, не удовлетворявшие никаким гигиеническим нормам.

Если в городах не развиты центральное водоснабжение и канализация и за ними не установлен надлежащий санитарный контроль, то опасность эпидемий возрастает многократно. В послевоенное время горожане чаще всего брали воду либо из колодцев, устройство которых регулировалось государственными требованиями, введенными в действие 10 июля 1946 г., либо из рек – Оби, Иртыша, Томи, Ельцовки, и других водоемов, которые нередко одновременно являлись коллекторами для неочищенных отходов. Централизованное водоснабжение и канализация были далеко не во всех западносибирских городах, а там, где были, как в Барнауле, Омске, Новосибирске, Томске и Кемерове, их мощность оставалась недостаточной. На прокладку соответствующей инженерной сети не хватало денег. В Новосибирске в послевоенное пятилетие к водопроводу было подсоединено всего 6–7% домов в центральной части города, к канализации – 3–4% [24. Л. 3]. Протяженность водопровода в городах Томской области в 1945 г. составляла всего 61 км, а канализация вообще только начала прокладываться [26. Л. 36]. Поэтому для поддержания личной гигиены жителям городов нужна была бесперебойно функционирующая система общественных бань. Но даже в самом крупном городе Западной Сибири – Новосибирске, имевшем в 1948 г. свыше 650 тыс. жителей, работало всего 38 бань с пропускной способностью 2 270 человек в час. Это значит, что в среднем житель Новосибирска мог помыться только один раз в месяц и только в том случае, если не было перебоев с водоснабжением. К примеру, в Куйбышеве Новосибирской области в 1945 г. баня не работала почти треть года – 108 дней, водопровод – 64 дня [27. С. 140–141].

Таким образом, очевидно, что социально-экономические условия жизни горожан в Западной Сибири все три послевоенных года не претерпели серьезных сдвигов в лучшую сторону и оставались трудными; это позволяет предположить, что они не могли принципиально повлиять на положительные сдвиги в эпидемической ситуации. Ведущая роль в этом принадлежала не социально-бытовым условиям жизни горожан, не претерпевшим кардинальных изменений по сравнению с предыдущим периодом, а медицинской службе.

По оценке К. Бартона, расходы на советское здравоохранение с 1946 по 1950 г. выросли с 4,5 до 5,2%, а количество врачей на душу населения за 8 послевоенных лет почти удвоилось, и по этому показателю СССР обогнал многие, если не все, страны мира [28. С. 542–543]. Поскольку охрана здоровья была исключительно государственным делом, основанным на принципах широкой доступности и бесплатности медицинской помощи, то ее развитие осуществлялось по преимуществу экстенсивным способом, т.е. путем перманентного наращивания количества специализированных коек и врачей противоэпидемического профиля.

Если в целом рассматривать приведенные данные (табл. 4, 5), то очевидно, что процентное приращение мест в стационарах и увеличение численности врачей осуществлялись примерно одинаковыми темпами. Проблема состояла в территориальной неравномерности распределения специализированных медицинских мощностей. Так, из 11 городов Кузбасса – региона с традиционно высоким процентом заболеваемости легочными патологиями – туберкулезные диспансеры имелись только в 4, причем 3 из них в областном центре [29. Л. 71]. В остальных городах работали лишь амбулаторные пункты, не имеющие постоянных специалистов. Следует отметить, что городские лечебные учреждения испытывали стойкий дефицит медицинских кадров. Количество инфекционных врачей существенно увеличилось только в Томске, который, согласно статистике, был наиболее благополучным с точки зрения эпидемической опасности (см. рис. 1). В Барнауле и Бийске в 1946 г. имелось в наличии только по одному неопытному молодому врачу, поэтому специальные операции выполнялись хирургами другого медицинского профиля [30. Л. 183]. Потребность в кадрах удовлетворялась за счет демобилизованных из армии и выпускников вузов. Однако стойкий дефицит врачей в рассматриваемый период преодолеть все же не удалось, и это, в частности, отрицательно сказалось на строгости соблюдения санитарного режима по локализации очагов заболеваний.

Таблица 4

Численность инфекционных и санитарных врачей в городах Западной Сибири в 1946–1947 гг.

Регионы	1946 г.		1947 г.	
	Инфекционные	Санитарные	Инфекционные	Санитарные
Новосибирск	49	23	49	33
Новосибирская область (без Новосибирска)	8	14	10	18
Кемеровская область	58	33	58	25
Томская область	37	21	64	9
Тюменская область	18	7	18	9
Всего	170	98	199	94
1947 г., в % к 1946 г.			117	96

Примечание. Составлено по: [31. Л. 42. 73,74, 75, 77–79]

Таблица 5

Прирост инфекционных и туберкулезных коек в городских стационарах

Регионы	1946 г.		1947 г.		1948 г.	
	Инфекционные	Туберкулезные	Инфекционные	Туберкулезные	Инфекционные	Туберкулезные
Новосибирск	1 035	283	985	315	985	371
Новосибирская область (без Новосибирска)	335	33	320	58	280	172
Кемеровская область	1 995	686	1 912	655	1 907	761
Томская область	385	235	350	210	350	210
Тюменская область	320	225	292	255	412	272
Алтайский край	608	225	667	240	690	270
Всего	4 678	1 687	4 526	1 733	4 624	2 056
1947 и 1948 гг. в % к 1946 г.			97	102	99	122

Примечание. Составлено по: [31. Л. 135–138, 145–150, 153–154; 32. Л. 143–146, 151–156, 167–168].

Одним из основных путей распространения инфекций стала их миграция вместе с новыми жителями в города, где любое массовое скопление людей становилось потенциальным эпидемическим очагом. Особую опасность представляли промышленные предприятия, школы, магазины, городской и пригородный транспорт, узловые станции железной дороги, здания вокзалов и территории вокруг них, переполненные эвакуированными, демобилизованными, бездомными и нередко больными людьми. Чтобы снизить опасность распространения инфекций, устанавливались санитарные барьеры на транспорте, создавались медицинские пункты, усиливался соответствующий контроль, но эти меры, как показывает статистика, не привели к серьезному улучшению ситуации. Так, в Новосибирске из 79 заболевших тифом в ноябре 1947 г. 50 человек были рабочими-железнодорожниками и мигрантами (демобилизованными, приезжими), 19 человек – беспризорниками, а 2 человека подхватили тиф в городских банях [33. С. 147]. Второй по значимости причиной стали нарушения санитарного режима. Было установлено, что эпидемия дизентерии в Новосибирске в 1947 г. в 23,2% случаях была спровоцирована недоброкачественностью питьевой воды и 21,2% – заражением через продукты питания [34. Л. 19].

Поэтому, несмотря на серьезные экономические трудности послевоенного времени, нарастить количество специализированных коек (инфекционных и туберкулезных) оказалось проще и быстрее, чем увеличить численность квалифицированного медицинского персонала, вынужденного работать с перегрузкой (см. табл. 5).

На наш взгляд, увеличение доступности коечных мощностей имело многоаспектный положительный результат: принципиально изменялись условия лечения заболевших, они могли получать своевременную медицинскую помощь, улучшенные питание и бытовые условия. Размещение больных в стационарах также способствовало локализации инфекционных очагов и препятствовало их распространению. Рассмотрим

данный феномен применительно к брюшному тифу и паратифу, кори и скарлатине, что позволит исследовать их динамику по годам в зависимости от наращивания специализированных коек в лечебных учреждениях. Установление такой связи не лишено смысла, поскольку мы предполагаем, что данный фактор, скорее всего, имел доминирующее значение. Можно уверенно предположить, что именно благодаря действиям медицинских органов в этом направлении удалось существенно уменьшить прирост таких заболеваний, как сыпной тиф, токсическая диспепсия, дизентерия и дифтерия.

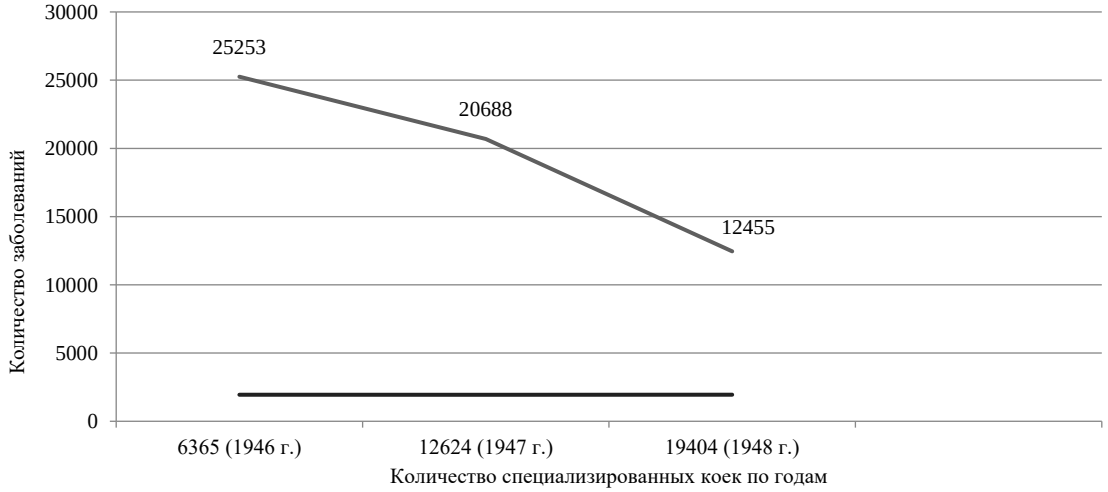

Рис. 2. Зависимость заболеваний (брюшной тиф и паратиф, корь и скарлатина) от количества специализированных коек по годам

На основании данных табл. 2, 3, где приведена заболеваемость брюшным тифом и паратифом, корью и скарлатиной (рис. 2), и табл. 5 рассмотрим связанную выборку из трех пар значений (x_k, y_k)

k	1 (1946 г.)	2 (1947 г.)	3 (1948 г.)
x_k (койки)	6 365	12 624	19 404
y_k (заболевания)	25 253	20 688	12 455

Считая случайную величину X свободной, а Y переменной, зависимой от X, вычислим коэффициент корреляции Пирсона, проверим гипотезу линейной зависимости случайных величин X и Y при уровне значимости $\alpha = 0{,}05$, определим коэффициенты уравнения линейной регрессии.

Определим коэффициент корреляции в соответствии с выражением:

$$R_{x,y} = \frac{\operatorname{cov}(X,Y)}{\sigma_x \cdot \sigma_y}.$$

Коэффициент ковариации случайных величин X и Y равен $\operatorname{cov}(X, Y) = -27918355{,}22$, оценки дисперсий случайных величин X и Y соответственно равны: $\sigma_x^2 = 28351000{,}22$, $\sigma_y^2 = 28045590{,}89$, откуда коэффициент корреляции равен: $R_{x,y} = -0{,}990087$, что свидетельствует о сильной отрицательной связи.

Поскольку оценка коэффициента корреляции вычислена на конечной выборке, а потому может отклоняться от своего генерального значения, необходимо проверить значимость коэффициента корреляции. Проверку производим с помощью t-критерия:

$$t = \frac{R_{x,y} \cdot \sqrt{n-2}}{\sqrt{1-R_{x,y}^2}}.$$

Вычисляем значение t-критерия и получаем

$$t = \frac{-0{,}99009\sqrt{3-2}}{\sqrt{1-(-0{,}99009)^2}} = -7{,}049.$$

По таблице t-распределения определяем критическое значение параметра $t_{\text{кр. }\alpha}$: в данном случае число степеней свободы есть $n - 2 = 3 - 2 = 1$, заданный уровень значимости $\alpha = 0{,}05$, что соответствует критическому значению критерия $t_{\text{кр. }\alpha} = 12{,}706$. Абсолютное значение t-критерия меньше критического: $7{,}049 < 12{,}706$, следовательно, зависимости между случайными величинами X и Y нет.

Уравнение линейной регрессии аппроксимирует зависимость между случайными величинами X и Y:

$$Y = a + b \cdot X.$$

Здесь коэффициенты линейной регрессии определяем по правилам

$$b = R_{x,y}\frac{\sigma_y}{\sigma_x}, \quad a = M_y - b \cdot M_x,$$

где M_y, M_x – оценки математического ожидания случайных величин Y и X соответственно. Рассчитав значения коэффициентов, получим уравнение линейной регрессии

$$Y = 32067{,}704 + 0{,}985X.$$

Определим погрешности предсказания Y по заданному значению X:

– абсолютную погрешность, характеризующую уход величины Y от линии регрессии при фиксированном значении X:

$$\sigma_{y/x} = \sigma_y\sqrt{1-R_{x,y}^2} = 743{,}827;$$

– относительную погрешность

$$\delta_{y/x} = \frac{\sigma_{y/x}}{M_y} \cdot 100\% = 3{,}821\%,$$

которая представляет собой вполне приемлемую величину [35. С. 239–244].

Основываясь на полученной статистической зависимости, можно утверждать, что действия органов здравоохранения по наращиванию числа специализи-

рованных коек позволили значительно снизить уровень заболеваемости данными патологиями и улучшить эпидемиологическую обстановку в целом. Полученные результаты также могут являться основанием для формулирования следующей гипотезы: увеличение количества мест в стационарных медицинских учреждениях позволило существенно уменьшить прирост по таким болезням, как сыпной тиф, токсическая диспепсия, дизентерия и дифтерия, в 1947 г. и обеспечить снижение уровня заболеваемости в целом к 1948 г.

Безусловно, борьба с эпидемиями была невозможна без повышения качества лечебной деятельности в поликлиниках и специализированной больничной сети. В медицинской практике особое внимание обращалось на раннюю диагностику, когда инфицированный больной еще не представлял повышенной общественной опасности. Согласно действовавшим инструкциям Минздрава, по каждому случаю инфекционного заболевания устанавливалась причина заражения и принимались меры по предотвращению его распространения. Если появлялась угроза возникновения эпидемии, то создавался специальный эпидемический отряд, куда оперативно привлекались дополнительные кадры и средства. В повседневной лечебной работе акцент переносился на профилактику и вакцинацию, благодаря которой создавалась так называемая иммунная прослойка. В первую очередь прививки ставились детям в возрасте от 6 месяцев до 8 лет. Из-за недостаточности производства и несвоевременности поставок нужных вакцин (БЦЖ, дифтерийного антитоксина и др.), которые к тому же не всегда имели надлежащее качество, профилактика шла не без трудностей. В 1946 г. в городах Кемеровской области план вакцинации был выполнен только на 33%, в Новосибирской области число привитых новорожденных находилось в пределах от 40 до 86% [34. Л. 187]. Наиболее последовательно эта практика реализовывалась в городах Томской области, где только за два года – 1947 и 1948 – число привитых против дифтерии возросло с 99,5 до 115,1%, а ревакцинированных закономерно уменьшилось с 122,6 до 69,5% соответственно. План вакцинации против оспы в 1947 г. был выполнен на 142,6%, в 1948 г. на 137,4%, а ревакцинации – на 101,3 и 86,4% [37. Л. 12].

Тяжелые больные направлялись в стационар. Очевидно, что для благоприятного исхода лечения имели значение сроки помещения в больницу. Поскольку в послевоенный период наличная сеть городских инфекционных стационаров в Западной Сибири была недостаточной, чтобы справиться с прогрессирующим приростом количества больных, то в больницу нередко попадали люди в уже запущенном состоянии. К примеру, в Новосибирске в 1948 г. 84,1% больных сыпным тифом были помещены в больницу только на 1–3-й день после постановки диагноза [37. Л. 4]. Аналогичная ситуация со сроками госпитализации наблюдалась и по другим инфекциям. Это было социально опасно: больные, своевременно не изолированные, превращались в очаг инфекции, тем самым создавая угрозу эпидемии.

Сохранялся риск внутрибольничных инфекций. Еще во время войны, в 1943 г., был введен порядок, когда все пациенты, поступающие в инфекционное отделение, должны приниматься через боксы с отдельным входом в каждый из них. Если такой возможности не было, то предписывалось устроить хотя бы изолированные помещения для разных инфекций. После обязательной санитарной обработки больного направляли в соответствующее отделение или изолятор, где он должен был получить отдельную посуду и предметы личной гигиены. Но в обстановке нелегкого послевоенного времени эти вполне оправданные с точки зрения санитарной безопасности требования реализовывались с большим трудом, нередко их нарушителем выступал сам медицинский персонал. В 1948 г. во вновь открытом брюшнотифозном отделении 1-й клинической больницы Новосибирска не было изолятора, больные с подозрением на инфекцию лежали в коридорах, дезинфекция и дезинсекция помещений практически не производились. Там же были зафиксированы случаи, когда дежурный врач этого отделения приходила в общий пищеблок для снятия пробы в халате, в котором посещала палаты [38. Л. 4]. Одновременно с не отвечающими элементарным санитарным нормам стационарами имелись образцовые больницы, где противоэпидемический режим соблюдался неукоснительно.

Таким образом, приведенный выше анализ статистических данных с очевидностью свидетельствует, что, несмотря на все трудности оказания качественной медицинской помощи, ведущая роль в преодолении сложной эпидемической ситуации в городах Западной Сибири в послевоенные годы все же принадлежала органам здравоохранения, а изменение социально-бытовых условий жизни горожан имело важное, но не главное значение.

Исследованием установлено, что неблагоприятная социальная среда в ее конкретном временном и территориальном контексте, рассматриваемая как совокупность производственных и бытовых условий жизни людей, стала главным фактором, активизирующим эпидемический процесс. Общее социальное неблагополучие и более чем серьезные медицинские последствия войны вели к резко возросшей смертности. Очевидно, что как в возникновении, так и в преодолении сложной эпидемической ситуации в городах Западной Сибири в рассматриваемый период сыграли свою роль как социальные факторы, так и уровень оснащения и организации деятельности медико-санитарных служб. Статистические данные позволяют наглядно увидеть, что 1948 год стал годом перелома эпидемической ситуации. Это произошло в том числе благодаря общему улучшению социально-экономической обстановки в стране: в 1947 г. были одновременно проведены денежная реформа, отмена продовольственных карточек и установление твердых государственных цен на продукты и товары, реорганизована работа предприятий торговли и бытового обслуживания. К 1948 г. СССР в целом вышел на довоенные объемы производства, увеличился национальный доход, стали, пока еще робко, реализовываться социальные программы. Все это положительно повлияло на благосостояние населения, и к началу 1950-х гг. были не только ликвидированы санитарные последствия войны, но и наблюдалось устойчивое снижение по другим инфекциям, они при-

обрели очаговый и контролируемый характер, практически прекратились эпидемии, за исключением гриппа. Вместе с тем установлено, что из всей совокупности социальных факторов наибольшее значение для преодоления кризисной ситуации с инфекционной заболеваемостью имела работа медицинских служб. Главный упор в противоэпидемической деятельности был сделан на наращивание мощностей системы здравоохранения и более рациональную организацию лечебного процесса.

Таким образом, несмотря на серьезный размах эпидемий 1946–1947 гг., благодаря эффективной работе медиков городскому населению Западной Сибири все же удалось избежать массовой смертности, сравнимой с той, которая наблюдалась в стране в период и по окончании Гражданской войны начала XX в.

Список источников

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241.
2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 322.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 405.
4. Исупов В.А. Историко-демографические процессы у народов Сибири (первая половина XX века). Сыктывкар–Новосибирск, 2012. 55 с.
5. Огарков П.И., Иванников Ю.Г. Противоэпидемическое обеспечение войск в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 2012. № 333 (5). С. 73–75.
6. Beaglehole R., Bonita R. Global public health: a scorecard // The Lancet. 2008. Is. 372 (9654). P.1988–1996.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 638.
8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 639.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 700.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 701.
11. Daniels M. Tuberculosis in Europe during and after the second world war // British Medical Journal. 1949. Is. 2 (4636). P. 1065–1072.
12. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 459.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 482. Оп. 47. Д. 4833.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 426.
15. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 316. Оп. 1. Д. 15.
16. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 361.
17. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 418.
18. Хаяров Д.Г. Реалии повседневной жизни инвалидов Великой Отечественной войны в Западной Сибири в первые послевоенные годы и продовольственная проблема // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6, № 1. С. 25–27.
19. Болдовский К.А. «Постановление правительства застало нас врасплох…» : мероприятия по экономии хлеба в партийных сводках 1946 г. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 265–279.
20. ГА РФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 4465.
21. ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 6796.
22. Степин В.С., Затравкин С.Н. Научная революция в медицине второй половины XX – начала XXI века: возникновение новых представлений об эпидемическом процессе // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. № 24 (6). С. 371–375.
23. Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920-х – начале 1960-х годов // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2010. № 2 (428). С. 163–180.
24. Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 278. Оп. 1. Д. 38.
25. ГА РФ. Ф. 482. Оп. 49. Д. 3095.
26. ГА РФ. Ф. 482. Оп. 49. Д. 3122.
27. Советы депутатов Новосибирской области: 1937–1997 годы / отв. ред. А.П. Сычев, И.М. Савицкий. Новосибирск : Олсиб, 1997. 672 с.
28. Бартон К. Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия, 1945–1953 годы // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 541–558.
29. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 726. Оп. 6. Д. 3.
30. ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 4831.
31. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 346.
32. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 439.
33. Лапердин В.Б. Заболеваемость населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950) // Исторический ежегодник, 2013 : сб. науч. тр. Новосибирск : Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН, 2013. С. 141–150.
34. НГА. Ф. 278. Оп. 1. Д. 37.
35. Гмурман В. Е. Руководство к решению задач по теории вероятностей и математической статистике. М., 2004. 404 с.
36. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1005. Оп. 1. Д. 477.
37. НГА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 64.
38. ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 2127.

References

1. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 241.
2. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 322.
3. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 405.
4. Isupov, V.A. (2012) *Istoriko-demograficheskie protsessy u narodov Sibiri (pervaya polovina XX veka)* [Historical and demographic processes among the peoples of Siberia (the first half of the 20th century). Syktyvkar; Novosibirsk: [s.n.].
5. Ogarkov, P.I. & Ivannikov, Yu.G. (2012) Protivoepidemicheskoe obespechenie voysk v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Epidemiologic support of troops during the Great Patriotic War]. *Voenno-meditsinskiy zhurnal*. 333(5). pp. 73–75.
6. Beaglehole, R. & Bonita, R. (2008) Global public health: a scorecard. *The Lancet.* 372(9654). pp. 1988–1996.
7. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 638.
8. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 639.
9. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 700.
10. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 701.
11. Daniels, M. (1949) Tuberculosis in Europe during and after the second world war. *British Medical Journal*. 2(4636). pp. 1065–1072.
12. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund 29. List 1. File 459.

13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 482. List 47. File 4833.
14. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 18. File 426.
15. The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund 316. List 1. File 15.
16. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 18. File 361.
17. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 18. File 418.
18. Khayarov, D.G. (2017) Realii povsednevnoy zhizni invalidov Velikoy Otechestvennoy voyny v Zapadnoy Sibiri v pervye poslevoennye gody i prodovol'stvennaya problema [The everyday life of disabled war veterans in postwar West Siberia and food problem]. *Interekspo Geo-Sibir'*. 6(1). pp. 25–27.
19. Boldovsky, K.A. (2013) “Postanovlenie pravitel'stva zastalo nas vrasplokh…”: meropriyatiya po ekonomii khleba v partiynykh svodkakh 1946 g. [“Government decree was a step backwards.” Measures for grain savings according to sources of the communist party (1946)]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2. pp. 265–279.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 259. List 6. File 4465.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 482. List 47. File 6796.
22. Stepin, V.S. & Zatravkin, S.N. (2016) Nauchnaya revolyutsiya v meditsine vtoroy poloviny XX – nachala XXI veka: vozniknovenie novykh predstavleniy ob epidemicheskom protsesse [The scientific revolution in medicine of the second half of the 20th – early 21st century: The genesis of the new conceptions about epidemic process]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 24(6). pp. 371–375.
23. Bukvin, S.C. & Isaev, V.I. (2010) Zhilishchnaya problema v gorodakh Sibiri v 1920-kh – nachale 1960-kh godov [Housing problem in Siberian cities in 1920s – early 1960s]. *Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal EKO*. 2(428). pp. 163–180.
24. The Novosibirsk City Archive (NGA). Fund 278. List 1. File 38.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 482. List 49. File 3095.
26. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 482. List 49. File 3122.
27. Sychev, A.P. & Savitskiy, I.M. (eds) (1997) *Sovety deputatov Novosibirskoy oblasti: 1937–1997 gody* [Councils of deputies of the Novosibirsk region: 1937–1997]. Novosibirsk: Olsib.
28. Barton, C. (2007) Zdravookhranenie v period pozdnego stalinizma i dukh poslevoennogo gosudarstva blagodenstviya, 1945–1953 gody [Health Care in the Period of Late Stalinism and the Spirit of the Postwar Welfare State, 1945–1953]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 5(4). pp. 541–558.
29. The State Archive of the Kemerovo Region (GAAK). Fund 726. List 6. File 3.
30. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 482. List 47. File 4831.
31. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 18. File 346.
32. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 18. File 439.
33. Laperdin, V.B. (2013) Zabolevaemost' naseleniya Zapadnoy Sibiri v poslevoennye gody (1946–1950) [Morbidity of the population of Western Siberia in the post-war years (1946–1950)]. In: *Istoricheskiy ezhegodnik, 2013* [Historical Yearbook, 2013]. Novosibirsk: RAS. pp. 141–150.
34. The Novosibirsk City Archive (NGA). Fund 278. List 1. File 37.
35. Gmurman, V.E. (2004) *Rukovodstvo k resheniyu zadach po teorii veroyatnostey i matematicheskoy statistike* [A guide to solving problems in probability theory and mathematical statistics]. Moscow: [s.n.].
36. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 1005. List 1. File 477.
37. The Novosibirsk City Archive (NGA). Fund 276. List 1. File 64.
38. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund 22. List 3. File 2127.

***Сведения об авторе*:**
Дудкина Марина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск, Россия). E-mail: mpd08@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Dudkina Marina P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science at the Siberian State University of Railway Transport (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mpd08@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.08.2021; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 31.08.2021; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(570) + 930.1
doi: 10.17223/19988613/97/7

Исследователь истории Сибири Валерий Анатольевич Скубневский

Василий Павлович Зиновьев[1], Юрий Михайлович Гончаров[2]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия
[2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] vpz@tsu.ru
[2] yuriig@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее значимых историков-сибиреведов современности – профессору Валерию Анатольевичу Скубневскому. Прослеживаются этапы его научной деятельности, направления исследований, общественная деятельность, оценивается вклад в историческую науку и подготовку научных кадров.
Ключевые слова: Сибирь, историография, Скубневский В.А., научная школа, городоведение, история предпринимательства

Для цитирования: Зиновьев В.П., Гончаров Ю.М. Исследователь истории Сибири Валерий Анатольевич Скубневский // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 58–62. doi: 10.17223/19988613/97/7

Original article

Researcher of the history of Siberia Valery Anatolyevich Skubnevsky

Vasily P. Zinoviev[1], Yuri M. Goncharov[2]

[1] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[2] Altai State University, Barnaul, Russian Federation
[1] vpz@tsu.ru
[2] yuriig@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to Valery Anatolyevich Skubnevsky, an outstanding researcher of the history of Siberia, Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation. Valery Anatolyevich is a native Siberian, was born on August 16, 1945 in Kemerovo. In his childhood and youth, he lived in Rubtsovsk and Kharkov. In 1966, he graduated with honors from the History Department of Barnaul State Pedagogical Institute. From 1967 to 1969, he was a postgraduate student at the Department of History of the USSR at Tomsk State University. In 1969-1975, he was a junior researcher, then a senior researcher at the Problematic Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University. His PhD thesis was defended in 1971 under the guidance of A.P. Borodavkin on the topic "Socio-economic development of the city of Barnaul during the period of capitalism. 1861-1914." While working at TSU, he was a member of the creative group of the Problem Laboratory for the preparation of the multi-volume "History of the Working Class of Siberia", led the relevant sector of the problem laboratory. In the course of his research on the history of the proletariat, he wrote a number of articles, the main result of which was the book "The Working Class of Siberia in the Pre-October Period" (Novosibirsk: Nauka, 1982) and a doctoral dissertation on the topic: "Workers of the Siberian manufacturing industry. The 1890s-February 1917." defended in 1992 at TSU. Since 1975, Skubnevsky was invited to work at the new Altai State University as a senior lecturer. From 1989 to 2009, Valery Anatolyevich worked as the head of the Department of National History at AltSU. His professorial lecture courses were devoted to the history of Russia and Siberia, entrepreneurship and urban studies. Under the guidance and advice of V.A. Skubnevsky, 5 doctoral and 18 candidate theses were defended. He is the author and co-author of about 450 scientific and popular scientific works – monographs, encyclopedic dictionaries, textbooks, articles. Valery Anatolyevich is a recognized expert on the history of industry, the main classes of industrial society – the bourgeoisie and the proletariat, the cities of Siberia, and the local history of Altai. The provisions and materials developed by him are included in generalizing works on the history of Siberia, Altai, and the economic history of Russia. The scientist and teacher, he celebrates his 80th birthday at the workplace of a professor of the Department of National History of Altai State University, continues to share knowledge and thoughts on the history of the country and Altai with young colleagues.
Keywords: Siberia, historiography, V.A. Skubnevsky, scientific school, urban studies, history of entrepreneurship

For citation: Zinoviev, V.P., Goncharov, Yu.M. (2025) Researcher of the history of Siberia Valery Anatolyevich Skubnevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 58–62. doi: 10.17223/19988613/97/7

© В.П. Зиновьев, Ю.М. Гончаров, 2025

Валерий Анатольевич Скубневский – выдающийся исследователь истории Сибири, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Биография Валерия Анатольевича началась 16 августа 1945 г. в г. Кемерово. В детстве и юности он жил в Рубцовске и Харькове. В 1966 г. с отличием закончил исторический факультет Барнаульского государственного педагогического института. Становление молодого исследователя проходило в Томске. С 1967 по 1969 г. он – аспирант кафедры истории СССР Томского государственного университета, в 1969–1975 гг. – младший научный сотрудник, затем старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Кандидатская диссертация была защищена в 1971 г. под руководством А.П. Бородавкина по теме «Социально-экономическое развитие города Барнаула в период капитализма. 1861–1914 гг.» [1].

Во время работы в научно-исследовательской лаборатории ТГУ молодой исследователь входил в творческую группу по подготовке многотомной «Истории рабочего класса Сибири», руководил соответствующим сектором проблемной лаборатории. В ходе исследования истории пролетариата им был написан ряд статей, а в соавторстве – и монографий, в том числе «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск: Наука, 1982). В 1992 г. Валерий Анатольевич защитил в ТГУ докторскую диссертацию по теме «Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. 90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.» [2. С. 138].

После образования Алтайского государственного университета Скубневский был приглашен на работу в новый вуз старшим преподавателем [3]. В 1981 г. ему было присвоено звание доцента, в 1994 г. – профессора. С 1989 по 2009 г. Валерий Анатольевич работал заведующим кафедры отечественной истории АлтГУ. Его лекционные курсы «Отечественная история второй половины XIX в.», «История Сибири второй половины XIX – начала XX в.», «История Алтая», «Города России второй половины XIX в.» и другие постоянно вызывали большой интерес со стороны студентов.

С началом работы в Алтайском университете приоритет в научных исследованиях историка был отдан изучению прошлого Барнаула и Алтая второй половины XIX – начала XX в. [4, 5]. Валерий Анатольевич Скубневский входил в состав редколлегий и был членом авторских коллективов по подготовке учебных пособий и научно-популярных изданий по истории края, в их числе «Очерки истории Алтайского края», изданные в Алтайском книжном издательстве в 1987 г. к 50-летнему юбилею края, двухтомная «Энциклопедия Алтайского края», энциклопедии «Барнаул», «Рубцовск» и др. Всего под редакцией Скубневского издано более 100 книг [6].

В 1990-е гг. В.А. Скубневский возглавил научное направление по исследованию истории предпринимательства на Алтае и в Сибири [7. С. 272], под его редакцией вышла серия сборников статей, монографий, он сам является одним из авторов и членов редколлегии «Энциклопедического словаря по истории купечества и коммерции Сибири» в двух томах, издание которой осуществил в 2012–2013 гг. Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук [8, 9].

В.А. Скубневский – автор более 450 опубликованных научных работ [10–12]. Ряд его статей был переведен на иностранные языки и опубликован за рубежом – в Великобритании [13], Польше, Японии, Украине. Руководитель ряда грантов и научных программ по исследованиям социально-экономической истории Сибири и Алтая. В частности, научный коллектив под руководством Валерия Анатольевича в 2001 г. получил грант Российского гуманитарного научного фонда по теме «Русский провинциальный город во второй половине XIX – начале XX в. (экономическое и социокультурное развитие городов Западной Сибири)». В 2004 г. крупный научный коллектив, возглавляемый профессором В.А. Скубневским, состоящий из ряда ведущих ученых Европейской России и Сибири, получил грант того же фонда по теме «Урбанизационные процессы в русском провинциальном городе во второй

половине XIX – начале XX в.: сравнительный анализ Центрально-Черноземного и Западно-Сибирского регионов».

К 2025 г. под руководством Скубневского защитили кандидатские диссертации 18 учеников. Пять раз Валерий Анатольевич был научным консультантом докторских диссертаций. Сам он является заместителем председателя диссертационного совета по историческим наукам в АлтГУ. Решением президиума Российской академии естествознания в 2008 г. ему присвоено почетное звание «Основатель научной школы».

Ученый возглавляет научно-педагогическую школу в области истории Сибири, которая официально зарегистрирована в Министерстве науки и образования РФ [14]. Среди его учеников – лауреаты международных, национальных и региональных научных премий, стипендиаты государственных и президентских научных стипендий, победители конкурсов грантов.

В.А. Скубневский дважды становился лауреатом по науке Томского университета (за коллективный труд «Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография» [15] и учебное пособие «История Сибири» [16]), дважды – лауреатом по науке АлтГУ. Трижды был награжден дипломами Всероссийского конкурса научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии. В 2002 г. за редактирование энциклопедии «Барнаул» стал лауреатом гуманитарной премии Алтайского Демидовского фонда в области истории. Неоднократно становился победителем конкурса «Лучшая книга Алтая», проводимом АКУНБ им. В.Я. Шишкова. В 2003 г. получил звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», в 2005 г. избран почетным профессором Алтайского государственного университета, в 2010 г. награжден медалью «За заслуги в труде».

В.А. Скубневский – активный участник краеведческого движения, по его инициативе после многолетнего перерыва было возобновлено периодическое издание алтайских краеведов – «Алтайский сборник». Валерий Анатольевич активно сотрудничает с Государственным архивом Алтайского края, музеями города, АКУНБ им. В.Я. Шишкова. Совместно с сотрудниками Отдела редкой книги АКУНБ было подготовлено пятитомное издание «Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в.» (2017).

В течение всей научно-педагогической деятельности В.А. Скубневского главный интерес для него представляла история городов Сибири, прежде всего Барнаула. Еще его кандидатская диссертация, защищенная в 1971 г., была специально посвящена социально-экономическому развитию города в историческом прошлом. В дальнейшем Валерий Анатольевич постоянно играл видную роль в изучении истории Барнаула. Из наиболее значимых достижений в этой области можно отметить его участие в двухтомной «Энциклопедии Алтайского края», в которой значительное число статей по истории столицы Алтая было подготовлено им. При его активном участии подготовлена книга «Барнаул: летопись города» (Барнаул, 1995) [17]. Большое значение в общественной и культурной жизни города имело издание «Барнаул: энциклопедия» (Барнаул, 2000) [18], главным редактором которого был Валерий Анатольевич. В течение нескольких лет, возглавляя огромный авторский коллектив, он вел скрупулезную работу по подготовке этого издания. В результате энциклопедия Барнаула была признана одной из лучших региональных исторических энциклопедий России (по решению съезда редакторов региональных энциклопедий в Санкт-Петербурге в 2004 г.).

В.А. Скубневский принял участие в подготовке двух энциклопедий, изданных в Москве, в издательстве РОССПЭН. В энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.» (в 2 т. М., 2008–2009) опубликованы 23 его статьи [19], в энциклопедии «Россия в Первой мировой войне 1914–1918» (М., 2014) – большая статья «Сибирь» [20].

В последние годы в отечественной исторической науке становится авторитетным такое исследовательское направление, созданное В.А. Скубневским, как историческая урбанистика. В рамках этого направления под редакцией В.А. Скубневского вышел ряд сборников статей и монографий, в составе авторского коллектива он подготовил обобщающую монографию «Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство» (Барнаул, 2007 [21]; третье издание – Барнаул, 2014). Данная книга получила высокие оценки среди специалистов как в России, так и за рубежом.

Барнаульская школа сибирского исторического городоведения является одной из ведущих в отечественной историографии. Авторитет Валерия Анатольевича как главы школы чрезвычайно высок. Он заслуженно считается крупнейшим специалистом в области истории сибирских городов [22; 23. С. 40–41].

Огромное значение имеет то, что Валерий Анатольевич воспитал целую плеяду учеников – профессиональных историков, изучающих прошлое Барнаула. Кандидатские и докторские диссертации, защищенные под его руководством, были посвящены истории городского самоуправления, купечества, занятиям горожан, городской семье, торговле и промышленности. Его заслуги как научного руководителя и главы научного направления получили признание в том, что его ученики неоднократно получали гранты (как муниципальные гранты и стипендии г. Барнаула, так и национальные, в том числе президентские, а также международные). Среди учеников Валерия Анатольевича – лауреаты региональных, национальных и международных научных премий. В частности, Ю.М. Гончаров, защитивший под руководством Скубневского сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертацию, в 2002 г. указом президента РФ В.В. Путина был удостоен Государственной премии РФ для молодых ученых за выдающиеся заслуги в области науки и техники.

Огромную работу проводит В.А. Скубневский по популяризации истории Барнаула и Алтая. Можно упомянуть такие крупные научно-популярные статьи, как «Муниципальное прошлое Барнаула», «Барнаул купеческий», опубликованные в журнале «Алтай» и др. В своих научно-популярных статьях доступно для широкой читающей публики Валерий Анатольевич яр-

ким, образным языком рассказывает об истории Барнаула – во многом уникального города России. Его статьи выходили в широком круге периодических изданий, как центральных (журнал «Преподавание истории в школе», газеты «Былое», «Комсомольская правда»), так и местных («Вечерний Барнаул», «Свободный курс», «Алтайская правда» и др.). На краевом телевидении и радио регулярно выходят передачи с участием В.А. Скубневского, рассказывающие широким слоям населения об истории Сибири.

В 2025 г. Валерию Анатольевичу Скубневскому исполняется 80 лет. Он, безусловно, является крупнейшим специалистом по истории Сибири [24], при этом его авторитет признают как представители академической науки, так и местные краеведы, работники архивов, музеев и библиотек.

Список источников

1. Гончаров Ю.М. Скубневский Валерий Анатольевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Исторической наследие Сибири, 2009. Т. 3: С–Я. С. 117.
2. Гончаров Ю.М. 75 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора В.А. Скубневского // Алтайский край, 2020 г. : календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул : Алт. Дом печати, 2019. С. 137–141.
3. Исторический факультет Алтайского государственного университета. 1973–2013 : очерки истории / под ред. Е.В. Демчик, Ю.М. Гончарова. Барнаул : Азбука, 2013. 386 с.
4. Гончаров Ю.М., Шайдуров В.Н. Валерию Анатольевичу Скубневскому – 70 лет // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 3. С. 123–124.
5. Гончаров Ю.М. Барнаульская школа исторического городоведения на рубеже XX–XXI вв. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган : Курганский Дом печати, 2015. С. 14–18.
6. Гончаров Ю.М., Модоров Н.С. Исследователь и организатор исторической науки на Алтае // Мир Евразии. История, археология, этнография. 2015. № 4. С. 2–5.
7. Гончаров Ю.М. Валерию Анатольевичу Скубневскому – 65 лет // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, политология. 2010. № 4/3. С. 271–273.
8. Гончаров Ю.М. Известному историку сибирского предпринимательства В.А. Скубневскому 70 лет // Историко-экономические исследования (Иркутск). 2015. Т. 16, № 2. С. 369–371.
9. Климова О.Г., Гончаров Ю.М. Валерий Анатольевич Скубневский как историк предпринимательства в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 134–138.
10. Валерий Анатольевич Скубневский : биобиблиогр. указ. / Алтайский гос. ун-т, Алтайская краевая универсальная науч. б-ка им. В.Я. Шишкова; сост. Т.В. Мякишева; отв. ред. В.С. Олейник; авт. вступ. ст. Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2005. 48 с.
11. Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX в. : избранные статьи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. 255 с.
12. Труды Почетного профессора Алтайского госуниверситета Валерия Анатольевича Скубневского : биобиблиогр. указ. (1970–2015 гг.) / Алтайский гос. ун-т, Научная библиотека; сост. А.А. Гнездилова. Барнаул, 2015. 62 с.
13. Skubnevsky V.A., Goncharov Yu.M. Siberian Merchants in the Latter Half of the Nineteenth Century // Sibirica. 2002. Vol. 2 (1). P. 21–42.
14. Скубневский Валерий Анатольевич // Профессора Алтайского университета : биогр. справочник. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2000. С. 221–223.
15. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма : хроника, статистика, историография / ред. Н.В. Блинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 323 с.
16. История Сибири : учеб. пособие / под ред. З.Я. Бояршиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та. 469 с.
17. Барнаул : летопись города. Барнаул : Алтай, 1995. 223 с.
18. Барнаул : энциклопедия / гл. ред. В.А. Скубневский. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. 408 с.
19. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 2 т. / ред. совет: В. В. Алексеев и др. ; Рос. акад. наук, Науч. совет по проблемам российской и мировой экономической истории. М. : РОССПЭН, 2008, 2009.
20. Скубневский В.А., Зиновьев В.П. Сибирь // Россия в Первой мировой войне 1914–1918. М. : РОССПЭН, 2014. Т. 3: Р–Я. С. 191–198.
21. Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX в. : население, экономика, застройка и благоустройство. Барнаул : Азбука, 2007. 292 с.
22. Скубневский Валерий Анатольевич // Энциклопедия образования в Западной Сибири : в 3 т. Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2003. Т. 3. С. 261.
23. История Сибири : в 4 т. / отв. ред. А.Х. Элерт, М.В. Шиловский. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023. Т. 3: Новое время (конец XVI – начало XX века). 812 с.
24. Зиновьев В.П. Алтайский Пимен: Валерий Анатольевич Скубневский // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. СПб. : Медиапиар, 2020. Вып. IV. С. 282–284.

References

1. Goncharov, Yu.M. (2009) Skubnevskiy Valeriy Anatolievich. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Istoricheskoy nasledie. pp. 117.
2. Goncharov, Yu.M. (2019) 75 let so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora V.A. Skubnevskogo [75 years since the birth of Doctor of Historical Sciences, Professor V.A. Skubnevsky]. In: *Altayskiy kray, 2020 g.: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat* [Altai Krai, 2020: Calendar of Significant and Memorable Dates]. Barnaul: Alt. Dom pechati. pp. 137–141.
3. Demchik, E.V. & Goncharov, Yu.M. (2013) *Istoricheskiy fakul'tet Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 1973–2013: ocherki istorii* [Historical Faculty of Altai State University. 1973–2013: Essays on History]. Barnaul: Azbuka.
4. Goncharov, Yu.M. & Shaydurov, V.N. (2015) Valeriyu Anatol'evichu Skubnevskomu – 70 let [To Valery Anatolyevich Skubnevsky on his 70th birthday]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 22(3). pp. 123–124.
5. Goncharov, Yu.M. (2015) Barnaul'skaya shkola istoricheskogo gorodovedeniya na rubezhe XX–XXI vv. [The Barnaul school of historical urban studies at the turn of the 20th–21st centuries]. In: *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda* [Historical Urban Studies: The Past and Present of the City]. Kurgan: Kurganskiy Dom pechati. pp. 14–18.
6. Goncharov, Yu.M. & Modorov, N.S. (2015) Issledovatel' i organizator istoricheskoy nauki na Altae [Researcher and organizer of historical science in Altai]. *Mir Evrazii. Istoriya, arkheologiya, etnografiya*. 4. pp. 2–5.
7. Goncharov, Yu.M. (2010) Valeriyu Anatol'evichu Skubnevskomu – 65 let [To Valery Anatolyevich Skubnevsky on his 65th birthday]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, politologiya*. 4/3. pp. 271–273.

8. Goncharov, Yu.M. (2015) Izvestnomu istoriku sibirskogo predprinimatel'stva V.A. Skubnevskomu 70 let [The famous historian of Siberian entrepreneurship V.A. Skubnevsky is 70 years old]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya (Irkutsk)*. 16(2). pp. 369–371.
9. Klimova, O.G. & Goncharov, Yu.M. (2017) Valeriy Anatol'evich Skubnevskiy kak istorik predprinimatel'stva v Sibiri [Valery Anatolyevich Skubnevsky as a historian of entrepreneurship in Siberia]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5(97). pp. 134–138.
10. Oleynik, V.S. (ed.) (2005) *Valeriy Anatol'evich Skubnevskiy: biobibliogr. ukaz*. [Valery Anatolyevich Skubnevsky: A Bio-bibliographical Index]. Barnaul: Altai State University, V.Ya. Shishkov Altai Regional Universal Research Library.
11. Skubnevskiy, V.A. (2010) *Urbanizatsionnye protsessy v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: izbrannye stat'i* [Urbanization Processes in Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Selected Articles]. Barnaul: Altai State University.
12. Gnezdilova, A.A. (ed.) (2015) *Trudy Pochetnogo professora Altayskogo gosuniversiteta Valeriya Anatol'evicha Skubnevskogo: biobibliogr. ukaz. (1970–2015 gg.)* [Works of Honorary Professor of Altai State University Valery Anatolyevich Skubnevsky: A Bio-bibliographical Index (1970–2015)]. Barnaul: Altai State University.
13. Skubnevsky, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2002) Siberian Merchants in the Latter Half of the Nineteenth Century. *Sibirica*. 2(1). pp. 21–42.
14. Neverov, V.I. (ed.) (2000) *Professora Altayskogo universiteta: biogr. spravochnik* [Professor of Altai University: A Biographical Reference Book]. Barnaul: AltSTU. pp. 221–223.
15. Blinov, N.V. (ed.) (1978) *Stachechnaya bor'ba rabochikh Sibiri v period imperializma: khronika, statistika, istoriografiya* [Strike Struggle of Siberian Workers during the Period of Imperialism: Chronicle, Statistics, Historiography]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Boyarshinova, Z.Ya. (ed.) (1987) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Anon. (1995) *Barnaul: letopis' goroda* [Barnaul: A City Chronicle]. Barnaul: Altay.
18. Skubnevskiy, V.A. (ed.) (2000) *Barnaul: entsiklopediya* [Barnaul: Encyclopedia]. Barnaul: Altai State University.
19. Alekseev, V.V. et al. (ed.) (2008) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 g.: entsiklopediya* [Economic History of Russia from Ancient Times to 1917: An Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN.
20. Skubnevskiy, V.A. & Zinoviev, V.P. (2014) Sibir' [Siberia]. In: *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918* [Russia in the First World War 1914–1918]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN. pp. 191–198.
21. Skubnevskiy, V.A. (2007) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: naselenie, ekonomika, zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Population, Economy, Development and Infrastructure]. Barnaul: Azbuka.
22. Goncharov, V.N. (ed.) (2003) *Entsiklopediya obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri: v 3 t.* [Encyclopedia of Education in Western Siberia: in 3 vols]. Vol. 3. Barnaul: Alt. poligraf. Kombinat. p. 261.
23. Elert, A.Kh. & Shilovskiy, M.V. (eds) (2023) *Istoriya Sibiri: v 4 t.* [History of Siberia: in 4 vols]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS.
24. Zinoviev, V.P. (2020) Altayskiy Pimen: Valeriy Anatol'evich Skubnevskiy [Altai Pimen: Valery Anatolyevich Skubnevsky]. In: *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVIII – nachala XX v.* [Modern Historical Siberian Studies of the 18th – Early 20th Centuries]. Vol. 4. St. Petersburg: Mediapiar. pp. 282–284.

***Сведения об авторах*:**
Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru
Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: yuriig@ yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Zinoviev Vasily P. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru
Goncharov Yuri M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History at the Institute of History and International Relations of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yuriig@ yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.08.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 03.08.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(571)"19/20"
doi: 10.17223/19988613/97/8

Труд и его стоимость у крестьян Западной Сибири в 80–90-е гг. XIX в.

Олег Николаевич Катионов

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, Korolek1953@gmail.com

Аннотация. Предпринята попытка обобщения оценки характеристик труда и его стоимости у крестьян Западной Сибири в трудах исследователей периода второй половины XIX – начала XXI в. Определяются роль и значение труда, составляющие его элементы в земледельческом и промысловом хозяйстве Сибири. Характеризуется комплексный вид труда, связанный с земледелием как основой жизнедеятельности большей части крестьян и дополнительными промыслами, дававшими дополнительный прибавочный продукт для функционирования самого крестьянского хозяйства, а также его связь с рынком в условиях колонизуемого огромного региона.
Ключевые слова: крестьянский труд, стоимость и цена труда, трудозатраты, значение труда, Западная Сибирь XIX – начала XX в., историография крестьянского труда

Для цитирования: Катионов О.Н. Труд и его стоимость у крестьян Западной Сибири в 80–90-е гг. XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 63–72. doi: 10.17223/19988613/97/8

Original article

Labor and its value among the peasants of Western Siberia in the 80s–90s of the XIX century

Oleg N. Cationov

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, Korolek1953@gmail.com

Abstract. The purpose of our article is to study the labor cost of peasants in Western Siberia at the end of the 19th century. Objectives: to show the importance of labor as the basis of the life of the population in any historical period of the development of society, to evaluate the results of existing developments in assessing and summarizing information about the labor resources of Siberia in the late 19th and early 20th centuries, to try to estimate the cost of labor of peasants of working age for a certain historical period, based on the works of their predecessors. The share of the gross domestic product is first compared to Western Siberia, and then compared with Russia's GDP to determine the economic location of the region.

To solve general problems, we identified the role and importance of labor in the livelihood of the Siberian population in its peasant component, which dominated in quantitative terms among other population groups for the whole of Western Siberia.

In the history of the economic development of Siberia in the second half of the XIX – early XX century, a number of significant results have been achieved in the historiography of the history of its development – the history of the Siberian working class has been written, the history of the Siberian peasantry has been studied, and in recent decades serious attention has been paid to merchant and financial capital.

Such a component of the economy as labor resources is calculated in V.P. Zinoviev's work on the interethnic division of labor in Siberia based on the 1897 census. P.F. Nikulin characterized the internal structure of the peasant economy based on statistics from 1901 and 1916.

Labor in a market environment, in our opinion, is the embodiment of dynamic coordinated action regulating social relations, which may be contradictory in some ways, but are necessary for a society with labor principles.

We proceed from the assessments of labor in modern sociology as a ratio of its different types: "market – non-market" and "paid – unpaid" labor.

Based on this general assessment of labor, it is possible to calculate its amount based on the available indicators of the number of peasants, the labor price of hired workers in stationary and seasonal agricultural work when engaged in the types of agriculture – agriculture and cattle breeding, as well as in commercial activities, which were an integral part of farming.

We question the well-established point of view among historians about the impossibility of accurately accounting for the cost of labor in a peasant farm, based only on the fact that it was not completely connected with the market, but worked largely on self-reproduction for subsequent generations.
Keywords: labor, the cost of peasant labor, Western Siberia at the end of the 19th century

For citation: Cationov, O.N. (2025) Labor and its value among the peasants of Western Siberia in the 80s–90s of the XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 63–72. doi: 10.17223/19988613/97/8

© О.Н. Катионов, 2025

Труд – целесообразная деятельность человека. Труд есть «...вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общий всем ее общественным формам» [1. С. 195]. Уберем оценку труда как явления глубоко антагонистических противоречий в условиях рынка, потому что труд в условиях рынка, на наш взгляд, является воплощением динамичного согласованного действия, регулирующего общественные отношения, может быть, в чем-то и противоречивые, но необходимые для общества с трудовыми началами.

Какими бы ни были философские оценки труда, крестьянский труд базировался на земле, получении в результате трудового воздействия на нее прибавочного продукта, дававшего не только возможность реализовать потребительскую направленность крестьянского хозяйства, но и реализовать часть трудовой ренты на рынке или пустить часть земледельческих продуктов на переработку в крестьянском производстве для удовлетворения потребностей другого характера – бытовых, жилищных, по созданию традиционных орудий труда с целью поддержания потребительско-товарного хозяйства сибиряка, обеспечения воспроизводства самого крестьянского хозяйства.

В современной социологии в оценке труда с точки зрения соотношения разных его видов западные ученные используют как равнозначные две пары терминов: «рыночный–нерыночный» и «оплачиваемый–неоплачиваемый» труд. Последняя пара принята как основная в Международной стандартной классификации видов деятельности, используемой в странах ЕС. Труд, который человек предлагает на рынке труда и за который получает заработки в форме заработной платы, премий, прибыли на основном и дополнительных местах работы, в том числе в натуральном виде, называется оплачиваемым. Он расширяет возможности развития домохозяйств при увеличении реальных денежных доходов и благодаря социальным связям и доступу к другим ресурсам на рабочем месте. Под неоплачиваемым трудом понимается не предназначенный для рынка труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве, а также уход за детьми и помощь старикам и детям. Однако часть продукции личных подсобных хозяйств (ЛПХ) реализуется на рынках, тем самым труд становится оплачиваемым, но не декларированным. Авторы монографии под редакцией Т.И. Заславской отмечают, что «на западе неоплачиваемая работа становится важнейшим фактором развития экономики постиндустриального общества. Неслучайно Г. Беккер включил в микроэкономический анализ нерыночное поведение людей и их взаимодействие». Далее авторы пишут: «Используя определение Т.И. Заславской, отметим, что труд является деятельностной компонентой человеческого потенциала, основой адаптационного и преобразовательного поведения, влияющего на развитие общества» [2. С. 613].

Современные оценки состояния сельского труда в социологической науке крайне тревожны: «В таких поселениях повсеместно наблюдается архаизация образа жизни, проявляющаяся в преобладании архаической системы производства, основанной на тяжелом немеханизированном труде в рамках личного подсобного хозяйства; в преобладании потребительского характера производства; вовлечении в производственный процесс всех членов семьи, включая стариков и детей. Более половины сельскохозяйственной продукции в России в настоящее время производится в хозяйствах населения, практически не включенных в кооперационные связи по обслуживанию, сбыту и переработке продукции» [2. С. 613–614].

Таким образом, низкая цена труда является главной причиной возникновения экономической и социальной депривации сельского населения в настоящее время. Инверсия социальной организации общества, разрушение привычного уклада жизни усугубили ситуацию [2. С. 614].

В современных условиях отследить стоимость и цену труда проще, так как во многих странах, в том числе и нашей, установлена минимальная заработная плата, где-то почасовая, у нас помесячная. Но и сейчас оценка крестьянского труда не всегда адекватна трудозатратам. Переход на оплату труда в социальной сфере привел к тому, что крестьянские личные подсобные хозяйства стали прекращать свое существование буквально в течение последних 25 лет. Жители деревень и сел, имеющие основной бюджетный заработок: учителя, медработники, почтовые и другие служащие, просто отказываются от ведения ЛПХ, которое по масштабам в разы меньше крестьянского XIX – начала XX в. в силу его нерентабельности. В советское время ЛПХ компенсировало затраты за счет общественного хозяйства колхозов или совхозов: приобретение по низким ценам кормов и т.п. В современных условиях численное уменьшение семьи, ориентация на городской труд не способствуют интересу жителей сел к ведению экстенсивного хозяйства: содержанию КРС, мелкого скота, домашней птицы, мелких животных и т.п. То есть люди предпочитают жить за счет социальных гарантий – пенсий, стабильных невысоких зарплат. К изнурительному сельскохозяйственному труду многие не стремятся. Если несколько лет тому назад, на памяти даже молодых людей 30 лет, по селам шли с полей стада животных: коров, овец и коз, то сейчас в селах запустение. Редкие хозяйства держат КРС и другой скот. В чем причина? Почему обесценился крестьянский труд? За счет механизации и интенсификации сельского хозяйства или из-за миграции в города, ослабления семьи, уменьшения ее численности? Глобализации, продуктовой замены?

Оценке сельскохозяйственного труда в Европейской России в прошлом посвящены работы Б.Н. Миронова. Он считает, что «именно доход на душу населения являлся наиболее точным показателем благосостояния хозяйства… Крестьянство в отличие от других сословий до самой Русской революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношениях довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения. Расслоение русского крестьянства во многом являлось плодом представлений, которые циркулировали в российском образованном обществе; деревня же имела свою внутреннюю логику развития» [3. С. 405].

Более детально им исследована оплата труда сельскохозяйственных рабочих в Европейской части России: «Вырабатывая условия отмены крепостного права, губернские редакционные комиссии в 1850-е гг. определили среднюю поденную плату сельскохозяйственного рабочего в 30 коп. для всей Европейской России. Однако такого высокого уровня оплата труда достигала только в степных и прибалтийских губерниях в летнюю пору; в остальных местностях она в летний период была ниже… В первые 10 лет после отмены крепостного права зарплата стала быстро расти. В 1870-е гг. в 50 губерниях Европейской России она равнялась 49,5 коп., следовательно, сравнительно с 1850-ми гг. поднялась номинально на 65%. Причем основной прирост приходился на 1860-е гг., о чем говорит следующий расчет: на конец 1860-х – начало 1870-х гг. имеются сведения по 40 губерниям о годовой плате (при получении содержания от хозяина, или на «хозяйских харчах»), которая в 1870-е гг. по этим же 40 губерниям увеличилась с 50 до 55 руб., или примерно на 10%. Отсюда следует: в 1860-е гг. зарплата рабочих реально возросла примерно на 50%. В 1880-е гг. она понизилась на 4%, а в 1890-е гг. повысилась на 6%, в 1901–1914 гг. – еще на 30%. Таким образом, реальная зарплата батраков в 1860-е гг. сравнительно с 1850-ми поднялась в 1,5 раза, затем на 30 лет, 1870–1890-е гг., практически законсервировалась, в 1901–1914 гг. выросла в 1,3 раза, а в целом за пореформенное время – почти удвоилась» [4. С. 425–426]. Это систематизированная информация для наемных рабочих Европейской России. Обладаем ли мы такими данными для Сибири? Б.Н. Миронов показывает реальную поденную зарплату сельхозрабочих в номинальных копейках с 1850-х по 1913 гг. Она выросла с 23,5 до 92 коп., составляя в 1880–1890-е гг. от 55 до 69,1 коп. у мужчин и от 36,3 до 44,7 коп. у женщин [4. С. 429]. Причины роста зарплаты сельскохозяйственных рабочих Б.Н. Миронов видит в последствиях отмены крепостного труда, росте промышленного производства, спроса на труд на биржах, распространении информации о величине зарплаты в различных отраслях. «Зарплата сельскохозяйственных рабочих в отличие от промышленных в пореформенное время имела более четко выраженную тенденцию к повышению» [4. С. 433].

Итак, мы имеем оценку труда сельскохозяйственных рабочих в зарплатной части. При этом Б.Н. Миронов отмечает, что в России (Москва и Московская губерния) в 1890-е гг. только 10% промышленных рабочих были оторваны от земли. Остальные 90% были тесно связаны с сельским хозяйством [4. С. 432].

Тем более для Сибири такое состояние в 80–90-е гг. XIX в. являлось естественным. Здесь не было широко развито крупное промышленное производство, поглощавшее весь крестьянский труд. Поэтому специфика нашего исследования требует использования разрозненных данных по оценке стоимости крестьянского труда в различных направлениях в области сельскохозяйственного и кустарного производства, чем и были заняты крестьянские хозяйства в 80–90-е гг. XIX в.

Переходя к оценкам стоимости труда в Западной Сибири конца XIX в., его можно характеризовать как основной вид деятельности крестьян Западной Сибири. Его можно разделить на сельскохозяйственный, т.е. связанный с организацией деятельности по выращиванию злаковых, обеспечивающих продовольственную базу семьи и общества, и технических культур, обеспечивающих потребности крестьян в одежде, жилище и пищевом рационе. Помимо прямых утилитарных задач по функционированию семьи труд крестьян обеспечивал развитие промысловой деятельности, связанной с обработкой и переработкой продуктов домашнего хозяйства и реализацией их на рынке. Кроме этого, практически все крестьяне занимались скотоводством и промыслами, обеспечивавшими продовольственную и рыночную стороны крестьянского хозяйства. Естественно, труд крестьян был также направлен и на реализацию потребностей государства и общества в налогах и разного рода натуральных повинностей.

Однако не все исследователи обращали внимание на комплексность крестьянского труда. Например, И.В. Власова, презентуя тезисы «Коллективные формы труда в крестьянских хозяйствах», показывала только те формы, которые были выгодны непосредственно каждому хозяйству, исключая коллективный труд на общество в форме государственных, земских и местных (сельских) повинностей. Автор указывает только такие формы коллективного труда, как совместные работы по расчистке лесов, освоению целины, залежей и пр., т.е. сельскохозяйственных работ, и, второе, помочи, организацию артельных работ, отходничество [5].

В Сибири труд крестьян исследовался в связи с изучением возможностей земельного фонда в разных регионах края к приему дополнительных переселенческих сил в пореформенный период, когда относительное малоземелье крестьян Европейской России выталкивало их на переселенческие фонды. Но прежде всего эти фонды надо было создать. Для этого Министерство земледелия и государственных имуществ проводило специальные исследования по выявлению дополнительных возможностей по будущему землеустройству переселенцев. Исследовав старожильческие крестьянские хозяйства при помощи статистиков-социологов (в современном понимании, хотя и не всегда в современном понимании, так как исследования XIX в. отличались и выборкой (как в Западной Сибири), и тотальным, сплошным обследованием земледельческих округов / уездов, (например, в Восточной Сибири – Иркутской и Енисейской губерний)), власти выступали инициаторами создания колонизационного фонда, который был рассчитан на переселенцев.

Одновременно изучался социально-экономический строй крестьянского хозяйства, в котором немаловажное значение уделялось организации труда западносибирских крестьян. Так, В.А. Зверев еще в 1982 г. при описании хозяйственной деятельности русской крестьянской семьи в Сибири конца XIX – начала XX в. фактически описывал организацию хозяйственной деятельности крестьян Сибири с их трудовыми навыками [6]. Практически все исследователи шли по определенной схеме: описание земледелия, скотовод-

ства, затем промыслов с указанием на наемный и собственный труд крестьян.

Защищены диссертации, опубликованы монографии и статьи с описанием промысловой и земледельческой деятельности крестьян, написаны обобщающие труды по истории крестьянства Сибири периода капитализма [7. С. 38–90, 113–117].

Трудовые ресурсы исследовались и в социально-экономическом, и в политическом плане. Е.И. Соловьева подсчитала приблизительную цифру наемных работников в крестьянском промысловом хозяйстве Сибири в целом. Она же упоминала исследователя А.А. Мухина, который подсчитывал социальные силы грядущей революции, т.е. основной движущей силы – рабочего класса, в том числе и работников-батраков (100 тыс. чел.) [8. С. 213]. Так, по ее подсчетам в 90-е гг. XIX в. в Тобольской губернии было занято в кустарных промыслах 154 тыс. чел., в Томской в 1893 г. – 12 060 рабочих, занятых в мелкой крестьянской промышленности [8. С. 214–215]. Всего же к середине 1890-х гг. в Сибири без Забайкалья насчитывалось более 194 тыс. лиц, так или иначе связанных с крестьянской промышленностью [8. С. 215].

Труд кустарей был сезонным. Цена его представлена Е.И. Соловьевой в монографии в табл. 4.6. «Заработная плата рабочих в крестьянских промыслах Сибири 80–90-х гг. XIX в.» Зарплата в сезон колебалась от 30 до 100–150 р. в год, в месяц от 6 до 7 руб. (30 руб. за сезон) у пимокатов, у шерстобитов за сезон 10–15 руб., у кожевников 12 руб. за зиму, сапожников 20–30 руб. за зиму, у портных 10–15 руб. за зиму, у рогожников 16–48 руб. с октября по март, у мочальников 12–18 руб. за весну [8. С. 224]. Сезонность работы показывает принадлежность данных работников к земледельческому циклу ведения хозяйства с использованием труда в кустарных промыслах тогда, когда время позволяло подработать. Да и вывод Е.И. Соловьевой подтверждает наше мнение: «Реальный жизненный уровень рабочих в крестьянской промышленности зависел от величины номинальной заработной платы и доходов от земледелия, так как наемные работники, как правило, не порвали еще связи с землей» [8. С. 224].

В Тобольской и Томской губерниях, по подсчетам Е.И. Соловьевой, занимались крестьянской промышленностью более 22 тыс. дворов. В каждом промысловом хозяйстве Тобольской губернии занимались промыслом 1,4 чел. [8. С. 216]. Переносим эти данные и на хозяйства Томской губернии. Тогда получаем: 22 000 хозяйств умножаем на показатель 1,4 одного двора, итог – 30 800 чел. в этих хозяйствах занимались только промысловым трудом.

В целом же крестьянское хозяйство было ориентировано на доминирование сельскохозяйственных работ. По данным Г.А. Ноздрина со ссылкой на труд Н.А. Балюк, удельный вес хозяйств, специализировавшихся на земледелии в 1897 г. в округах Тобольской губернии, составлял от низшего показателя в 60,2% в Тюменском, до 80,5% в Туринском, а всего по губернии из 265 391 хозяйств приходилось 177 300, или 66,7%, специализировавшихся на земледелии [9. С. 38].

М.В. Шиловский отмечает: «Проведенная Н.А. Балюк реконструкция экономических параметров мелкого, среднего и крупного хозяйства в Тобольской губернии показала общую тенденцию преобладания в конце XIX в. – начале XX в. натуральных и мелкотоварных хозяйств среднего уровня доходности. Единственным источником благосостояния основной массы крестьянских дворохозяйств региона, в том числе зажиточных, оставался личный труд» [10. С. 123].

Трудовые ресурсы Сибири в целом были изучены В.П. Зиновьевым, который отмечает, что «в 90-х гг. XIX в. Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников. Если же учесть, что официальная статистика не полностью регистрировала мелкие заведения ремесленников, крестьян, то положение мануфактур и фабрик в Сибири можно уподобить островам в море мелких и мельчайших заведений» [11. С. 187]. Этим выводом автор подчеркивал доминирование мелкотоварного производства в численном наличии не только в крестьянском хозяйстве Сибири, но и в сравнении с числом промышленных предприятий индустриального назначения.

Однако во всех исследованиях, посвященных рабочему классу, трудовому крестьянскому хозяйству, не удалось провести валовую оценку стоимости труда, в том числе и крестьянского, хотя валовые показатели производства и в промышленности, и в сельском хозяйстве изучены. Этот сюжет требует специального исследования.

Например, в 1920 г. в «Сибревкомовской Сибири» земель трудового пользования было 56 186 тыс. дес. [12. С. 47]. Экстраполируя данные о площадях на цену обработки одной десятины, мы можем подсчитать стоимость труда, вложенного крестьянами в обработку земель трудового пользования. Переводим такой же показатель на данные по площадям освоенных земель в разные десятилетия разных регионов Сибири и наличия крестьянских хозяйств или рабочих душ в этих хозяйствах, а также, зная цену трудозатрат на одну десятину и цену поденного труда, мы можем высчитать цену земельного труда крестьян в земледельческом календаре Сибири, или провести подсчет стоимости крестьянского труда. Тем более что спорадические данные на цену труда имелись в отчетах, справках, исследованиях. Другое дело, что стоимость труда в крестьянском хозяйстве Сибири в целом не исследована, хотя в «Материалах для изучения…» трудозатраты крестьян подсчитывались, доходность крестьянского хозяйства зажиточных, средних и бедных тоже приводилась. При этом не игнорировались и сезонные заработки крестьян в форме промыслов. Кроме того, подсчитывались даже затраты труда на исполнение государственных и местных повинностей. Но все это делалось порознь, без общего объединения полезности труда крестьян вообще. Даже высчитывались доли общественного труда, например дорожной повинности, в общей оценке повинностей. Но опять же без конкретной детализации стоимости или цены труда в его долях.

Если принять данные подсчетов Л.М. Горюшкина о посевных площадях в Западной Сибири (Акмолин-

ская обл., Тобольская и Томская губ.) в 1897 г. – за 3 429 тыс. дес., в 1908 г. – 3 607 тыс. дес., в 1917 г. – 7 169 тыс. дес. [13. С. 128], то можно подсчитать валовые трудозатраты на обработку этих площадей, исходя из цены труда рабочих, занятых в обработке одной десятины пашни, сборе урожая и его приведении в продовольственное состояние.

За основу можно взять данные, собранные С.К. Патрановым: Трудозатраты. Расчет стоимости обработки одной десятины под озимь, ярицу и овес, которые являлись главными хлебами в пищевом рационе и у крестьян, и на рынке. «Один рабочий с двумя лошадьми вспахивал сохой-пермянкой 0,5–1 дес. средним числом в 1 800 кв. саж. Поденная плата одному рабочему с двумя лошадьми 1 руб. 40 коп. на его продовольствии. Следовательно, вспашка одной десятины обходилась в 1 руб. 87 коп. Взборонить мог один рабочий на двух лошадях в 1 день чуть более десятины [2 700 кв. саж.], что стоило 1 руб. 25 коп. Два раза взборонить и два раза вспахать обходилось в 6 руб. 24 коп. [14. С. 151].

Один человек засевал за день 3–4,5 дес., а стоимость одной десятины – около 20 коп. Жатва 1 дес., смотря по хлебу, обходилась 4–5 руб. 35 коп. на харчах рабочих. Тот же результат получался, если нанимать рабочих поденно: 8–9 человек. Могли сжать в один день 1 дес. Плата им была по 60 коп. на их харчах. Получалось 4 руб. 80 коп.–5 руб. 40 коп. Женщины брали по 40 коп. в день, что составляло 3 руб. 20 коп.–3 руб. 60 коп. с 1 дес. При совместном труде мужчин и женщин уборка 1 дес. обходилась в 4–5 руб.

Свезти домой урожай с 1 дес., если поле находится в не далее трех верст, стоило около 90 коп., так как, полагая в овине 2 воза, получалось 7–7,5 возов с 1 дес., которые мог вывезти в 1 день 1 рабочий с подводой. Сложить в сушильню, высушить, вымолотить и отвеять 1 овин стоило 50 коп., или 3,5 овина – 1 руб. 75 коп. Плата за аренду земли на 1 год равнялась 45–65 коп. Семян шло на 1 дес. 10–12 пудов, пуд стоил по 27–31 коп. Выходило от 2 руб. 70 коп. до 3 руб. 72 коп. за семена.

Повторим для ясности все расходы [14. С. 151–152]:

2 раза вспахать стоит средним числом	3 руб. 74 коп.
2 раза взборонить	2 руб. 50 коп.
11 пудов семян по 31 коп	3 руб. 41 коп.
Засеять	0 руб. 20 коп.
Убрать	4 руб. 50 коп.
Свезти хлеб домой	90 коп.
Высушить и смолотить 3,5 овина	2 руб. 00 коп.
Плата за аренду	0 руб. 62 коп.
Итого	17 руб. 87 коп.

Если исходить из валовой оценки труда, затрачиваемого на одну десятину, то получим по данным на 1897 г. совокупную оценку труда крестьян Западной Сибири только на земледельческих работах по выращиванию урожая и его переработке в сумме 61 722 тыс. руб. (округляем обработку одной десятины до 18 руб. вместо 17 руб. 87 коп. и умножаем на число обрабатываемых десятин – 3 429 тыс. дес.). То есть совокупный труд крестьян (его стоимость) можно оценивать в сумму более 61 млн руб. И это только при обработке пашни. А еще сенокошение и другие занятия тех же крестьян.

Труд крестьян в Сибири, так же как и в Европейской России, был изнурительным, «страждущим», основанным на трудовой этике непрерывного действа. Сельскохозяйственный год летнего цикла был еще интенсивнее, чем в европейской части страны. Там посевная начиналась на две-три недели раньше, чем в Сибири, и сбор урожая происходил в более благоприятных условиях, потому что в Сибири заморозки на почве начинались ранее и сельскохозяйственный год был более коротким. Исследователь Л.В. Милов в работе «Великорусский пахарь» показал организацию сельского хозяйства и труда в России как форму труда, едва позволявшую сводить концы с концами на протяжении столетий из-за суровых климатических условий и вмешательства организующей роли государства в ведение хозяйства [15]. Технологии такой организации были перенесены в Сибирь, отличавшуюся еще более суровыми климатическими условиями. Поэтому крестьяне наряду с сельскохозяйственным производством вынуждены были заниматься кустарными промыслами, отходничеством, участвовать в транспортной, промысловой деятельности. Это давало возможность воспроизводить поколения, передавать трудовые навыки, способствовавшие выживанию крестьянства.

Данный посыл подкрепляется сведениями, приводимыми В.П. Зиновьевым в исследовании, посвященном межэтническому разделению труда в Азиатской России по переписи 1897 г. Автор пишет: «В Тобольской губернии перепись 1897 г. учла всего 1 433 043 чел., в том числе 369 876 самодеятельных лиц и 1 063 167 лиц, живущих за счет их средств. Из общего числа самодеятельного населения 346 195 (или 93,6%) относились к пришлым народам, а 23 681 (6,4%) – к сибирским коренным народам. Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 237 850 (68,7%), в промышленности – 35 116 (11,1%), в услужении (6,2%) и других сферах – торговле, управлении, животноводстве [16. С. 29]. То есть абсолютное большинство тратили свой труд на ведение земледелия и в промысловой деятельности. «Большое число отхожих промыслов, сельскохозяйственных побочных занятий – свидетельство комплексности хозяйств» [16. С. 32].

По Томской губернии переписью 1897 г. учтено всего 1 927 679 чел., в том числе 451 575 самостоятельных лиц и 1 476 104 лица, живущего за счет их средств. Соотношение самодеятельного населения и иждивенцев 1:3,2. По данным сведениям, на территории губернии осуществлялось расширенное воспроизводство рабочей силы. Земледельцы губернии имели соотношение работников и иждивенцев 4,3 и покрывали дефицит прироста населения в других отраслях занятости как у пришлого населения, так и у коренного сибирского. Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 264 574 чел. (63,2%), в промышленности – 53 706 (12,8%) и других сферах [16. С. 37–38]. То есть 76% населения – это в основном крестьяне, занятые земледелием и побочными промыслами. Сюда можно добавить и тех, кто занимался извозом, на транспорте в целом, лесными заготовками, рыболовством, животноводством и др.

Общий вывод по Томской губернии у В.П. Зиновьева следующий: «Надо помнить также, что деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако русские и другие европейцы, кроме основных занятий, были рыболовами, охотниками, возчиками кладей, строителями, ремесленниками, рабочими на пароходах и на золотых промыслах, т.е. занимались десятками различных отхожих побочных промыслов… Большое число отхожих промыслов, сельскохозяйственных побочных занятий – свидетельство комплексности хозяйств» [16. С. 41–42].

Если обобщить данные В.П. Зиновьева по трудоспособному сельскохозяйственному населению двух губерний, то их насчитаем 627 418 чел. пришлых и коренных, занятых земледелием. Плюсуем сюда самодеятельных, занятых земледелием в Акмолинской области, – 38 095 чел. [16. С. 107]. Получаем обобщенное число самодеятельных в Западной Сибири 665 503 чел. Если цену обработки одной десятины определить по С.К. Патканову в 18 руб., то вся цена труда самодеятельных крестьян при обработке одной десятины составит 11 979 054 рубля на 1897 г. [16. С. 29, 41–42]

Если 3 429 000 дес. обрабатываемой земли в 1897 г. приходилось на 665 503 самодеятельных крестьян, то в среднем на одного приходилось 5,15 десятины. То есть затраты на обработку земли на одно хозяйство в среднем составляли более 92 руб. 70 коп.

Таким образом, труд самодеятельных крестьян Западной Сибири только при обработке земли в Сибири составлял в 1897 г. 61 722 тыс. руб., или в среднем на одно хозяйство 92 руб. 70 коп. Это совокупный труд крестьянского земледельческого хозяйства на обрабатываемых землях в Западной Сибири. Естественно, необходимо учитывать и региональные особенности ведения хозяйства с климатическими особенностями.

Но это только оценка чисто земледельческого труда в хозяйстве без учета промысловой составляющей. Ее предстоит оценивать отдельно. Например, нами оценивался труд крестьян, занятых в транспортной промышленности на Сибирском тракте [17. С 150–187; 217–257].

Мы ставим перед собой задачи по характеристике труда крестьян в собственном хозяйстве в районах Западной Сибири, его организации в общинном ведении хозяйства и определению его стоимости в разные периоды пореформенного периода. В данной работе – на стыке 80–90-х гг. XIX в. – располагаем определенными материалами для изучения крестьянского и инородческого хозяйства Западной Сибири. Может быть, это даст нам возможность определить общие трудозатраты крестьянского хозяйства, отследить динамику этого процесс, определить снижение или увеличение цены труда с пореформенного периода до 1917 г. и сопоставить с оценкой хозяйства крестьян России, даваемой Б.Н. Мироновым, как устойчивого модернизирующегося хозяйства. Ценовая динамика послужит одним из критериев оценки успешности или неуспешности развития крестьянского хозяйства в конце XIX – начале XX в.

Теперь посмотрим, как оценивался труд в исследованиях второй половины XIX в.

Исследователи-статистики в своем описании крестьянского хозяйства Тобольской и Томской губерний, анализируя труд крестьян, отмечали его индивидуальность и кооперацию в организации своего семейного хозяйства и коллективность в общественных работах.

Так, А.А. Кауфман в труде «Экономический быт государственных крестьян восточной части Мариинского округа Томской губернии» оценивал крестьянское хозяйство, не привлекающее наемный труд, как хозяйство, основанное на собственном труде. То есть понятие «собственный труд» выступает как альтернатива наемному труду. Таким образом, А.А. Кауфман приходит к выводу, что труд приобретает юридическое значение [18. С. 57].

О наличии трудового начала писал и С.Л. Чудновский. Он отмечал, что «при разделе принимается во внимание тот труд, который понес выделяемый на семью, степень участия его в приобретении семейного имущества» [19. С. 62].

Исследователь С.С. Пчелин, изучая экономический быт государственных крестьян Антроповской, Еланской, Липчинской и Тавдинской волостей Тюменского округа Тобольской губернии, выделял источники благосостояния крестьян, относя к ним земледельческие орудия (рогалюха, колесянка и пермянка) и описывая их устройство и цену каждого орудия и его части. Он же описывал добывающие промыслы крестьян. Ивовая кора, или «дуб», повсеместно собирались крестьянами и татарами для сбыта в Тюмень, этот центр кожевенного производства [20].

А.А. Кауфман давал оценку труда женщин-работниц при срочном найме: «женщина нанимается уже не столько как земледельческая работница, сколько как прислуга, – а в прислуге нуждаются, конечно, только очень зажиточные или *ненормально бедные женщинами дворы* (курсив мой. – *О.К.*)» [18. С. 57].

Характеризуя русское население, С.К. Патканов давал следующие трудовые характеристики жителям разных селений: «Они одни из древних русских поселений в Сибири. Пахари». Исследователь отмечает особенности трудовых навыков крестьян из традиционных сельскохозяйственных деревень и сел и тех поселений, которые использовали на заводах труд ссыльнокаторжных. Даже их потомки отличались неспокойным поведением, небольшими земельными наделами и большей мобильностью с точки зрения поисков работы на приисках, добираясь до Восточной Сибири [14. С. 48].

С.К. Патканов отмечал даже в одном округе географическое разделение труда. Например, крестьяне Яровской, Богандинской волостей занималось преимущественно хлебопашеством, а в Черевишевской – только в восточной части. Остальные питались отхожими промыслами – пилкой теса, молотьбой и т.д.; кроме того, известны были как хорошие пимокаты, а в Б. и М. Балдах почти круглый год были заняты выделкой деревянной посуды. То есть в этих селениях Черевишевской волости идет специализация трудовых навыков: пимокаты, рогожники, производители сит (ситное производство), крахмальное производство в Яровской волосли, огородничество в д. Парфеновой

(Яровская волость) и д. Патрушевой (Черевишевская волость), извоз как промысел в с. Богандинском, д. Антипиной, Черевишевой, Б. и М. Балды и с. Заводо-Успенском. Значительная часть жителей д. Антипиной (Богандинския волость) и д. Яровской осенью отправлялись в леса и до первой половины зимы жгли уголь. А специальным занятием большей части жителей д. Зайковой была торговля скотом и мясом. Большая часть д. Паренкиной, Субботиной и с. Мальково хорошо зарабатывала от покупки и перепродажи сена. Отмечался также уход на прииски Восточной Сибири [14. С. 48–117].

Только простое перечисление свидетельствует о разнообразных возможностях применения труда крестьян, который имел разное географическое размещение, специализацию, сезонность. Речь идет либо о дополнительных заработках крестьян, либо о специализированном труде.

Труд крестьян был организован либо как коллективный, либо как индивидуальный. Под коллективным имеется в виду тот, который был организован сельским обществом как общее условие для реализации индивидуального труда крестьян. Например, взятие в аренду крестьянами лесов у татар или в пользование у них же. Работали крестьяне там индивидуально, но платили за аренду общиной, или деревней. Таким образом, организация труда носила двоякий характер: коллектив-община выступала в роли организатора общего договора, который мог быть заключен и в устной форме. А сам труд для решения проблем семьи – индивидуален под контролем общины [14. С. 117].

Регионализация и специализация труда наблюдалась по всей Сибири. Хотя, по оценке М.В. Шиловского со ссылкой на аналитическую записку по итогам поездки П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина в Западную Сибирь (1910), регион четко квалифицировался как окраина и молодая земледельческая колония с очень низким уровнем товарности аграрной сферы. «Вне полосы, непосредственно прилегающей к железной дороге, почти все вырабатывается и потребляется дома. Денег зарабатывается мало. На сторону продается всего около 1/5 (18%) добываемых продуктов» [22. С. 14]. Он же соглашается с мнением П.Ф. Никулина: «В начале XX в. рынок не смог разрушить социально-трудовые основы крестьянского хозяйства… Оно сохранило свою целостность и устойчивость, поскольку сохранялась его главная опора – семейная рабочая сила и крестьянская трудовая (духовная) культура» [21. С. 21].

Общее заключение о хозяйстве сибирских земледельцев, составленное П.Ф. Никулиным в виде основных положений, выносимых на защиту докторской диссертации, заключалось в следующем: «В начале XX в., с проведением Сибирской железной дороги, мелкотоварное семейно-трудовое крестьянское хозяйство Западной Сибири включилось в систему общероссийского капиталистического рынка. Его экономический строй представлял собой структуру, которая являлась результатом взаимодействия базисной мелкотоварной, семейно-трудовой системы хозяйствования и сформировавшейся под воздействием рынка адаптационной рыночно-капиталистической подсистемы, которая обеспечивала его устойчивое функционирование и развитие в динамичных условиях единого общероссийского рынка.

Вхождение семейно-трудового крестьянского хозяйства региона в состав единого общероссийского рынка дало мощный импульс его экономической модернизации, которая происходила в адаптационном режиме. Модернизация западносибирской деревни осуществлялась на традиционном базисе. Она выражалась в развитии торгово-рыночной специализации, рационализации производственно-технической базы и повышении капиталовооруженности крестьянских хозяйств, росте применения хозяйственных инноваций, интенсификации семейного труда и использовании труда наемных работников.

Внутренний строй хозяйства бедняков и середняков сохранил в ходе модернизации семейно-потребительский мелкотоварный характер Экономике их дворов были присущи простое воспроизводство, основанное на интенсивном семейном труде, потребительская аренда и связанная с нехваткой семейных работников потребительская форма найма» [22. С. 12]. «Дворы бедняков и середняков, имевшие относительно низкую обеспеченность землей, коровами и рабочим скотом, характеризовались простым воспроизводством. Однако если бедняки для поддержки хозяйства на уровне потребительских и рыночных требований были вынуждены вкладывать в него доходы от заработков по найму и промыслов, то середняки воспроизводили свое хозяйство главным образом на собственной основе. Помимо этого, оба типа хозяйств держались чрезмерным напряжением семейных рабочих сил. Бедная и средняя группа крестьянских дворов, следовательно, целиком представляли традиционное, мелкотоварное, семейно-потребительское хозяйство» [22. С. 35].

В мелкотоварных зажиточных дворах в процессе модернизации образовалась предпринимательская система хозяйствования. В их экономике утвердились расширенное воспроизводство, связанное с ростом применения хозяйственных инноваций, предпринимательская аренда и используемый в предпринимательских целях труд наемных работников Предпринимательская хозяйственная система сформировалась и функционировала в рамках мелкотоварной семейно-потребительской экономической культуры и была направлена на стабильное удовлетворение коренных потребностей крестьянской семьи. Поэтому предпринимательство было подчинено традиционной системе хозяйствования и носило мелкотоварный (некапиталистический) характер [22. С. 12]. Зажиточные крестьяне имели самую высокую капиталовооруженность и производительность труда. За счет этого они постоянно получали действительно большой излишек над необходимым продуктом. Избыточные средства в условиях воздействия рыночно-капиталистических отношений, как правило, направлялись на приобретение живого и мертвого инвентаря, расширение землепользования путем введения в оборот новых земель и аренды, интенсификацию системы земледелия, скотоводства и на покупку дополнительной (наемной) рабочей силы. Другими сло-

вами, излишек принимал форму предпринимательской прибыли и выступал основой расширенного воспроизводства. В результате в традиционном хозяйстве зажиточного крестьянина устойчиво развивалась предпринимательская система хозяйствования. Она возникла и функционировала в рамках традиционного мелкотоварного хозяйства и имела целью наилучшим образом удовлетворить личные и производственные потребности крестьянской семьи Предпринимательство зажиточных сельских хозяев носило мелкотоварный, некапиталистический характер» [22. С. 36]. Таким образом, П.Ф. Никулин ближе всех исследователей подошел к оценке труда в крестьянском хозяйстве с его внутренней неоднородной социальной структурой.

В земледельческом хозяйстве в целом господствовала традиционная семейно-потребительская система хозяйствования. Она подчиняла себе рыночно-капиталистическую хозяйственную подсистему и направляла ее на стабильное удовлетворение личных и производственных потребностей земледельцев. Следовательно, внутренний строй крестьянских хозяйств Западной Сибири имел традиционно-общинную, семейно-трудовую, мелкотоварную потребительскую природу [22. С. 12].

Данные положения, выдвинутые П.Ф. Никулиным, нашли отражение в 3-м томе четырехтомной «Истории Сибири» [23. С. 574–575].

Исследователи крестьянского хозяйства поступали классически. Сначала характеризовались носители труда – крестьяне, население (уровень работоспособности, роль мужчин и женщин, их разделение при организации домашнего и общественного труда, роль детей и подростков, цена их труда при разных формах организации труда). Затем характеризовался предмет труда – земля, ее расположение, качество, условия для земледелия, состояние после многолетней эксплуатации, время нахождения в залежи, природные критерии ее повторной готовности и т.п. Показывались инвентарь, приемы обработки земли, посевной процесс, уборка и обмолот. Каждая операция обязательно вычислялась в ее стоимостном или ценовом выражении – рублях и копейках. Подсчитывались доходность той или иной операции, трудоемкость тех или иных действий крестьян.

Следуя классической схеме, от характеристики земледелия ученые переходили к животноводству, затем промыслам – добывающим или обрабатывающим в зависимости от конъюнктуры, месторасположения поселений, традиционных навыков.

Стоимость труда – категория, важная для оценки состояния крестьянского хозяйства и определяемая таким важным критерием, как рынок, который мог быть и локальным, и региональным, и всероссийским, и оказывать влияние на цену крестьянского труда.

Исследователи выделяли труд собственный, имевший цену, но не всегда дававший доход, и труд наемный, предусматривавший получение дохода в деньгах, иногда высокодоходный, приносящий прибыль в отличие от трудопотребляющего хозяйства трудовых крестьянских хозяйств, основанных на внутреннем потреблении. Данные исследователей показывают, что крестьянские хозяйства вели многопрофильное хозяйство, основанное на земледелии и скотоводстве, и в значительной степени вовлеченное в промысловые формы деятельности.

Наряду с трудом собственным и наемным был труд коллективный: общественные повинности – государственные и сельские, волостные и мирские.

Анализ работ, связанных с описанием крестьянского труда и его ценовыми (стоимостными) характеристиками ставит перед нами серьезную задачу – проследить в динамике изменение труда в его организации, подсчитать общий объем стоимости труда, экстраполируя на неисследованные статистиками регионы, отметить неравенства в цене и стоимости труда (его объеме) в разных социальных группах, т.е. определить стоимость труда крестьян в процессе аграрного освоения Сибири.

Предстоит еще обобщение оценок труда в области животноводства и промыслов как составных общего крестьянского хозяйства.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. М. : Госполитиздат, 1960. Т. 23: Капитал. VI, 907 с.
2. Калугина З.И. Депривация сельского населения // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития : исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. С. 613–614.
3. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Булавин, 2014. Т. 1. 896 с.
4. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в Российской империи: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. М. : Весь Мир, 2012. 848 с.
5. Власова И.В. Коллективные формы труда в крестьянском хозяйстве // Крестьянское хозяйство: история и современность : материалы к Всерос. науч. конф., Вологда, октябрь 1992 / отв. ред. М. А. Безнин. Вологда : Изд-во Вологод. пединститута, 1992. Ч. I. С. 34–36.
6. Зверев В.А. Хозяйственная деятельность русской крестьянской семьи в Сибири (конец XIX – начало XX в. // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XVIII – начало XX века. Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1982. С. 89–110.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1983. 400 с. (История крестьянства Сибири).
8. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск : Наука, 1981. 329 с.
9. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. : материалы к монографии. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007. 170 с.
10. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск : Параллель, 2009. 403 с.
11. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в.. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 334 с.
12. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. 244 с.
13. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.

14. Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. СПб. : тип. Я.И. Либермана, 1891. Ч. I. VI, 356, 45 с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири; вып. 10).
15. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998. 572 с.
16. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по переписи 1897 г. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. 210 с.
17. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири, XVIII–XIX вв. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2008. 372 с.
18. Кауфман А.А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. СПб. : тип. Я.И. Либермана, 1892. Т. 2. VI, 397 с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири; вып. XVIII).
19. Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. 1894. № 7. С. 25–70; № 8. С. 185–200.
20. Пчелин С.С. Экономический быт государственных крестьян Антроповской, Еланской, Липчинской и Тавдинской волостей Тюменского округа Тобольской губернии. СПб. : тип. Я.И. Либермана, 1889. 148 с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири; вып. II)
21. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке : очерки истории / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. 308 с.
22. Никулин П.Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2009. 50 с.
23. История Сибири : в 4 т. / отв. редю А.Х. Эллерт, М.В. Шиловский. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. 3: Новое время (конец XVI – начало XX века). 812 с.

References

1. Marx, K. & Engels, F. (1960) *Sochineniya: v 30 t.* [Works: in 30 vols]. Vol. 23. Translated from German. Moscow: Gospolitizdat.
2. Kalugina, Z.I. (2008) Deprivatsiya sel'skogo naseleniya [Deprivation of the Rural Population]. In: Zaslavskaya, T.I., Kalugina, Z.I. & Bessonova, O.E. (eds) *Rossiya i rossiyane v novom stoletii: vyzovy vremeni i gorizonty razvitiya: issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [Russia and Russians in the New Century: Challenges of the Time and Horizons of Development: Studies of the Novosibirsk School of Economic Sociology]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 613–614.
3. Mironov, B.N. (2014) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity: In 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulavin.
4. Mironov, B.N. (2012) *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v Rossiyskoy imperii: XVIII – nachalo XX veka* [The Welfare of the Population and Revolutions in the Russian Empire: 18th – Early 20th Century]. 2nd ed. Moscow: Ves' Mir.
5. Vlasova, I.V. (1992) Kollektivnye formy truda v krest'yanskom khozyaystve [Collective Forms of Labor in Peasant Farming]. In: Beznin, M.A. (ed.) *Krest'yanskoe khozyaystvo: istoriya i sovremennost'* [Peasant Farming: History and Modernity]. Vol. 1. Vologda: Vologda Pedagogical Institute. pp. 34–36.
6. Zverev, V.A. (1982) Khozyaystvennaya deyatel'nost' russkoy krest'yanskoy sem'i v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v. [Economic Activity of the Russian Peasant Family in Siberia (Late 19th – Early 20th Century)]. In: *Trudovye traditsii sibirskogo krest'yanstva (konets XVIII – nachalo XX veka* [Labor Traditions of the Siberian Peasantry (Late 18th – Early 20th Century)]. Novosibirsk: NSPI. pp. 89–110.
7. Goryushkin, L.M. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The Peasantry of Siberia in the Era of Capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
8. Solovieva, E.I. (1981) *Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyy period* [Trades of the Siberian Peasantry in the Post-Reform Period]. Novosibirsk: Nauka.
9. Ilinykh, V.A. & Nozdrin, G.A. (2007) *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1890–1920-e gg.* [Agriculture in Siberia in the 1890s–1920s]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Shilovskiy, M.V. (2009) *Rol' gosudarstva v osvoenii Sibiri i Verkhnego Priirtysh'ya v XVII–XX vv.* [The Role of the State in the Development of Siberia and the Upper Irtysh Region in the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
11. Zinoviev, V.P. (2009) *Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Essays on the Social History of Industrial Siberia. 19th – Early 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Rynkov, V.M. & Ilinykh, V.A. (2013) *Desyatiletie potryaseniy: sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg.* [A Decade of Upheavals: Agriculture in Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk: SB RAS.
13. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX v.* [The Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries. Late 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk: Nauka.
14. Patkanov, S.K. (1891) *Ekonomicheskiy byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoy gubernii* [The Economic Life of State Peasants and Indigenous Peoples of the Tobolsk District, Tobolsk Province]. Vol. 1. St. Petersburg: Ya.I. Liberman.
15. Milov, L.V. (1998) *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Features of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN.
16. Zinoviev, V.P. (2024) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Aziatskoy Rossii po perepisi 1897 g.* [Interethnic Division of Labor in Asiatic Russia According to the 1897 Census]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Kationov, O.N. (2008) *Moskovsko-Sibirskiy trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri, XVIII–XIX vv.* [The Moscow-Siberian Tract as the Main Land Transport Communication of Siberia, 18th–19th Centuries]. Novosibirsk: NSPU.
18. Kaufman, A.A. (1892) *Ekonomicheskiy byt gosudarstvennykh krest'yan vostochnoy chasti Tomskogo okruga i severo-zapadnoy chasti Mariinskogo okruga Tomskoy gubernii* [The Economic Life of State Peasants in the Eastern Part of Tomsk District and the Northwestern Part of Mariinsky District, Tomsk Province]. Vol. 2. St. Petersburg: Ya.I. Liberman.
19. Chudnovskiy, S.L. (1894) Ocherki narodnogo yuridicheskogo byta Altayskogo gornogo okruga [Essays on the Folk Legal Customs of the Altai Mining District]. *Russkoe bogatstvo*. 7. pp. 25–70; 8. pp. 185–200.
20. Pchelin, S.S. (1889) *Ekonomicheskiy byt gosudarstvennykh krest'yan Antropovskoy, Elanskoy, Lipchinskoy i Tavdinskoy volostey Tyumenskogo okruga Tobol'skoy gubernii* [The Economic Life of State Peasants of the Anthropovskaya, Yelanskaya, Lipchinskaya, and Tavdinskaya Volosts of Tyumen District, Tobolsk Province]. St. Petersburg: Ya.I. Liberman.
21. Ilinykh, V.A. (ed.) (2009) *Agrarnye preobrazovaniya i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: ocherki istorii* [Agrarian Transformations and Agriculture in Siberia in the 20th Century: Historical Essays]. Novosibirsk: SB RAS.
22. Nikulin, P.F. (2009) *Vnutrenniy ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The Internal Economic Structure of the Peasant Economy of Western Siberia in the Early 20th Century]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
23. Ellert, A.Kh. & Shilovskiy, M.V. (eds) (2023) *Istoriya Sibiri: v 4 t.* [History of Siberia: In 4 vols]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS.

***Сведения об авторе*:**
Катионов Олег Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: korolek1953@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kationov Oleg N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National and Universal History of Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: korolek1953@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 22.05.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/19988613/97/9

Рассмотрение «голословных возражений» налогоплательщиков раскладочными присутствиями Томской губернии в начале XX в.: тонкие механизмы новой фискальной системы пореформенной России

Алексей Константинович Кириллов

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, alkir.nsk@gmail.com

Аннотация. Исследование касается передового явления обновляемой податной системы России начала XX века – раскладочных присутствий по промысловому налогу. В центре внимания – вопрос о том, за счет чего присутствия, имевшие право отклонять возражения налогоплательщиков по формальным основаниям, иногда принимали решения в пользу плательщиков. Сопоставляя заключения казенной палаты и подчиненных ей податных инспекторов по одним и тем же возражениям, а также заключения по схожим делам за разные годы, автор приходит к мысли о целенаправленной настройке податной системы на бережное отношение к плательщикам.
Ключевые слова: история налогов, дореволюционная Россия, податные присутствия, раскладочный сбор, податной инспектор

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке НГТУ, проект № ТП-ИиП-1_25. Автор благодарен директору Государственного архива Томской области Анастасии Геннадьевне Караваевой и всему коллективу архива за щедрую помощь в доступе к документам.

Для цитирования: Кириллов А.К. Рассмотрение «голословных возражений» налогоплательщиков раскладочными присутствиями Томской губернии в начале XX в.: тонкие механизмы новой фискальной системы пореформенной России // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 73–79. doi: 10.17223/19988613/97/9

Original article

Consideration of “proofless objections” of taxpayers by the Tomsk province tax offices at the beginning of the 20th century: subtle mechanisms of the new fiscal system of the Late Imperial Russia

Alexey K. Kirillov

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, alkir.nsk@gmail.com

Abstract. Tax assessment offices for industrial tax were one of the several types of tax offices of the Late Imperial Russia: a new kind of institutions created to determine the taxable base of enterprises and citizens. The author investigates how tax offices examined the formal “objections” of those taxpayers who considered the amount of income imputed to them to be too high. In particular, the application of the term “proofless objection” is considered, which was often used by tax officials to justify the refusal of an “objection”. The work is based on 102 “objection review journals” from four tax districts for the period of 1907-1916. The author first studies the practice of using the term “proofless objection” by analyzing separately the most appropriate conclusions of the district tax offices. Then the district office conclusions are compared with the decisions of a higher body - the treasury chamber. Close attention is paid to those cases when officials of the treasury chamber used a different justification for a decision than the district office, or made corrections to their own draft decisions. Tax handbooks published during that epoch are also used as a source of ministerial instructions and circulars, decisions of the Senate as the highest judicial authority. As shown in the article, the term “proofless objection” in itself implied the rejection of an “objection” on formal grounds, such as the absence of correct accounting books or the taxpayer's failure to declare in his tax return that he agrees to let officials view his daily trade records. But in practice this term was used only in combination with arguments strong enough to convince the officials that the true income of the taxpayer was not overstated, and the “objection” was false. The author comes to the conclusion that formal arguments were used only in combination with arguments concerning the essence of the case. In addition, the article shows that the use of formal reasons declined over time: the argument about the lack of the obligation to present trade records for review, considered appropriate in 1907, was crossed out of the document in 1913 under the same chairman of the treasury chamber. The general conclusion of the author says that the assessment offices supervised and directed by senior officials pursued a fairly benevolent line towards taxpayers, avoiding refusals based only on formal considera-

© А.К. Кириллов, 2025

tions. This conclusion is useful for understanding the methods of development of the tax system of pre-revolutionary Russia, which moved towards increasing taxes on wealthy citizens.
Keywords: history of taxes, Russian studies, tax office, tax assessment, tax inspector

Acknowledgements: The article has been prepared with support of the Novosibirsk State Technical University, project # ТП-ИиП-1_25. The author is grateful to the director of the Tomsk Region State Archive Anastasiya Karavayeva and all the workers of the archive for their generous help with access to the documents.

For citation: Kirillov, A.K. (2025) Consideration of "proofless objections" of taxpayers by the Tomsk province tax offices at the beginning of the 20th century: subtle mechanisms of the new fiscal system of the Late Imperial Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 73–79. doi: 10.17223/19988613/97/9

Долгая податная реформа в России второй половины XIX – начала XX в. – сюжет с непростой историографической судьбой. Долгое время полноценное изучение ее сдерживалось идеологическими ограничениями, не позволявшими говорить о прогрессивных изменениях в эпоху контрреформ Александра III. Исследования советской эпохи не вышли за рамки специальных статей по мотивам диссертаций [1–3]. В первые постсоветские десятилетия это табу стало преодолеваться [4], изучение податной системы вышло на уровень монографий [5–8]. Не сразу стало ясно, что серия как будто независимых законов о налогах от 1863 до 1916 года – это на самом деле ступеньки одной лестницы, ведущей от сословной налоговой системы к системе, опирающейся на подоходный налог. Но после выхода монографии Я. Коцониса [9] эту мысль можно считать достаточно обстоятельно закрепленной. Теперь главная задача исследователей дореволюционных налогов – изучение того, как заданная новыми законами система работала на самом деле.

Ключевая особенность этих нескольких десятилетий в российской налоговой истории – появление системы податных присутствий. Руководили этими органами податные инспекторы, но состояли они в основном из представителей налогоплательщиков. Главными задачами присутствий были проверка налоговых деклараций и определение налогооблагаемой базы каждого плательщика. В условиях отсутствия всепроникающей бухгалтерии обращение к знаниям самих плательщиков было единственным способом правдоподобного определения подлежащей обложению прибыли. Именно эта задача – близко к истине оценить прибыль плательщиков – была ключевой для успешности всей долгой податной реформы. И именно определение прибыли вызывало наибольшее беспокойство вероятных плательщиков подоходного налога по поводу возможного произвола чиновников и проникновения государства в частные секреты граждан.

Раньше других эти органы (под именем раскладочных присутствий) появились в промысловом налоге, который платили предприниматели. Раскладочные присутствия как часть системы реформированного промыслового налога хорошо известны историкам налогов [10]. Они упоминаются исследователями податной инспекции [11]. Документы раскладочных присутствий используются при изучении истории предпринимательства [12, 13]. Однако изучение механизма их работы только начинается. Одна из важнейших составляющих работы раскладочного присутствия – рассмотрение возражений плательщиков на раскладку дополнительного промыслового налога, сделанную присутствием. Единственная до сих пор статья о рассмотрении этих возражений, выполненная на томских материалах начала XX в., завершается выводом о том, что при известной свободе рук у податного инспектора система в целом толкала его к тому, чтобы работать против плательщика – отклонять заявки на снижение налога во всех случаях, когда инспектор не уверен в правоте плательщика [14]. Этот вывод требует дополнительного изучения вопроса о том, почему же в таком случае хотя бы часть решений все-таки получалась в пользу плательщиков.

В данной статье попробуем разобрать этот вопрос с опорой на документы о раскладке дополнительного промыслового налога присутствиями Томской губернии начала XX в. Каждый год в каждом податном участке (а их в Томской губернии в первые годы XX в. было восемь) откладывалась полная коллекция из заявлений плательщиков, их возражений и журналов по рассмотрению того и другого. Лишь небольшая часть этих дел сохранилась в архивном фонде казенной палаты. Притом в первые годы XX в., как мы знаем из ревизорских отчетов, число возражений не превышало 43 на всю губернию [15. Л. 330, 331 об.] (да и те в основном не сохранились), но после 1905 г. оно быстро росло. Менялись и формы работы чиновников: в «журналах рассмотрения возражений» за 1905 г. казенная палата скупо сообщает, что поддерживает решение участкового раскладочного присутствия, не приводя самостоятельных доводов [16. Л. 13–14, 16–17]. Таким образом, у нас нет возможности сопоставить мнения двух уровней податной администрации. Гораздо большую ценность представляют журналы 1907 и позднейших лет, где палата в своей резолюции самостоятельно излагает доводы за или против возражения плательщика. В фонде Томской казенной палаты сохранилось не менее двух десятков дел, названия и объем которых позволяют предполагать наличие в них возражений и журналов их рассмотрения за период между 1907 и 1917 гг. Из них выбрано четыре дела таким образом, чтобы получить материалы по разным участкам за те годы, которые, судя по числу листов в деле, представлены полными подборками. Это – 2-е томское присутствие за 1907 г. (52 журнала по рассмотрению возражений), 2-е томское за 1913 г. (29 журналов; территория не совпадает с предыдущим из-за передела участков), Змеиногорское за 1915 г. (10 журналов) и Кузнецкое присутствие за 1916 г. (11 журналов). Существенную

прибавку к архивным делам составляют справочники начала XX в., дающие представление о подзаконных актах (циркуляры, инструкции) и правоприменительной практике (сенатские решения).

Переходя к разбору этих материалов, прежде всего надо сказать, что в большинстве своем возражения на раскладку были неуспешными. И решающую роль здесь играла неспособность плательщиков предъявить безусловно надежные доказательства их действительной прибыли. Дело в том, что несомненным доказательством, с точки зрения чиновников (опирающихся на закон), могли служить только бухгалтерские («торговые») книги (правильно оформленные!). Но оплата бухгалтера была заведомо непосильным делом для мелких торговцев. Как правило, жалобщики все-таки выдвигали какие-то доводы в подкрепление просьбы о снижении налога, но это не мешало податному присутствию отклонять такие заявления как «голословные». Любое возражение, не подкрепленное торговыми книгами, с точки зрения закона было голословным; говоря другими словами, его можно было отклонить по формальным основаниям.

При таких условиях может показаться парадоксальным, что возражения все-таки рассматривались по существу. Но примеры этого уже неоднократно приведены в более ранних публикациях [17]; обратимся на сей раз к случаям, до сих пор не введенным в научный оборот. Показательно решение по делу сельского торговца Кузнецкого уезда Д.Я. Яковенко (1915). В отличие от большинства других жалобщиков, он подкрепил свои притязания хоть каким-то документом – расчетным листом от крупной торговой конторы, где сам закупал свои товары. Опровергая эти данные, податное присутствие объяснило, что по сведениям податного инспектора А.И. Ширкевича (главы присутствия), Яковенко закупается в разных фирмах, и одного расчетного листа недостаточно, чтобы составить мнение о его оборотах. Значит, – подытожило присутствие, – заявление Яковенко о прибыли в 300 рублей «является совершенно голословным» [18. Л. 127 об.].

Очевидно, что понятие «голословный» здесь использовано не в его словарном значении. Мы видим, как универсальное понятие, волей инструкции вошедшее в повседневный профессиональный лексикон, становится у податных инспекторов жаргонным словечком, используется к месту и не к месту.

В данном случае важно, что вывод о «голословности» заявления сделан после того, как оно опровергнуто по существу с использованием дополнительных доводов. «Голословность» в данном случае – не описание формальной стороны дела (отсутствие доводов), но оценка доводов по существу.

Отсутствие бухгалтерских книг – не единственное формальное основание для использования клише о голословности возражения. Частое основание для отклонения возражений плательщиков – нарушение месячного срока их подачи. И в большинстве случаев эта причина была вполне достаточной, однако есть пример, когда даже запоздалое возражение было рассмотрено по существу. Это заявление М.И. Бердюгиной, муж которой содержал мелочную лавочку в одном из волостных центров Кузнецкого уезда. Сам муж, по-видимому, попал на фронт Первой мировой войны, с чем крестьянка настолько свыклась, что даже не указывает это прямо, а лишь сообщает, что торговля пришла в упадок (должников мужа «угнали на войну»), дело пришлось ликвидировать, она еще несколько месяцев занималась распродажей остатков, но теперь и эта торговля прекращена. Присутствие ответило: «По имеющимся у председателя присутствия сведениям Бердюгина еще не закрыла торговлю; поэтому возражение ее, как поданное по истечении установленного законом на подачу возражений срока и к тому же не подкрепленное никакими документальными данными, присутствие полагает оставить без последствий» [18. Л. 133 об.]. Логическая связка (возражение неверно по существу, поэтому отклоняется как просроченное) способна вызвать улыбку, но и это – проявление все того же «содержательного» подхода к формальной стороне дела.

Случай М.И. Бердюгиной все-таки исключителен: обычно просроченные возражения отклонялись все скопом, без объяснения подробностей. Более ценна для нас еще одна разновидность формального обоснования отказа по возражениям, встречаемая неоднократно. Это отсутствие согласия плательщика на проверку его торговых записей.

В 1907 г. 2-е томское присутствие во главе с инспектором Д. Федорченко рассматривало возражение довольно крупного (2-й разряд) новониколаевского базарного торговца М.Н. Верхова. Оценивая свой оборот суммой в 7 тыс. вместо вмененных ему 40 тыс. руб., он писал: «Я прошу проверить мои ежедневные обороты, проверить имеющиеся у меня счета». Присутствие возразило ему длинной тирадой, которая начиналась с описания лавки Верхова как «одной из самых крупных в мануфактурном ряду», а заканчивалось формальным доводом, который для краткости лучше процитировать по постановлению казенной палаты (она поддержала участковое присутствие): «Верхов как не изъявивший желания в поданном по ст. 123 заявлении на проверку его отчетности, в силу примеч[ания] к ст. 137 Полож[ения] о госуд[арственном] пром[ысловом] налоге лишился права на подачу возражения» [19. Л. 73].

Заявление по 123-й статье – это просто декларация о доходах, а вот ст. 137 для нас важна. В ней шла речь как раз о подаче возражений, а в примечании уточнялось, что «плательщики, не изъявившие согласия на поверку их заявлений порядком, указанным в п. 5 ст. 127, лишаются права предоставлять упомянутые в сей (137) статье возражения» [20. С. 451]. Статья же 127, к которой нас отсылает это высказывание, как раз и говорила о праве податной инспекции при проверке заявлений «просматривать, с согласия плательщиков, в журнале или ежедневной книге, а равно в кассовых и товарных книгах <…> записи выручки и продаж предприятий» [20. С. 448].

Вывод из случая Верхова может быть сформулирован по-разному. Можно сказать, что подтверждается логика, виденная нами прежде: формальный довод выставляется лишь после того, как убедительно показана несостоятельность возражения. Но можно сказать

и иначе: показав несостоятельность возражения, Томская казенная палата и ее сотрудники в 1907 г. полагали полезным добавить еще и формальный довод. Так все-таки: какой из доводов в таком сочетании является главным, и зачем приводится формальный довод, если есть довод по существу? Присмотримся внимательнее к правилу ст. 137, лежащему в основе этого довода.

Данное правило привлекало значительное внимание современников. Официально одобренное руководство А.М. Недошивина цитирует решение Сената от 29 ноября 1906 г.: «Плательщики, не изъявившие согласия в особой графе заявления по 123 ст., на проверку их заявления порядком, указанным в п. 5 ст. 127 Полож[ения], а равно не давшие ответа на этот вопрос, лишаются права подавать возражения» [21. С. 212]. Решение, как видно, почти повторяет закон, но с важным дополнением: права на возражение лишаются не только те, кто записал отказ от проверки, но и те, кто ничего не написал в соответствующей графе типографского бланка декларации, – а именно так поступало большинство плательщиков. Сенат, таким образом, поддержал жесткую линию по отношению к плательщикам.

Иначе расставлены акценты в инструкции о применении Положения о промысловом налоге, которую цитируют и А.М. Недошивин в 1908 г. [21. С. 209–210], и автор аналогичного издания Ф.К. Цур-Мюллен в 1913 г. [22. С. 489]. Недошивин пишет про § 89 инструкции, а Цур-Мюллен – про § 90: инструкция, как видно, дорабатывалась; но правила насчет возражений остались неизменными. Пункт 3-й этого параграфа устанавливает, что «те из возражений, которые поступили от плательщиков, не изъявивших согласия на поверку их заявлений посредством просмотра указанных в п. 5 ст. 127 Положения торговых книг, могут быть оставлены Раскладочным Присутствием без рассмотрения». Глагол «могут быть» явно допускает разнообразие: а могут и не быть (оставлены без рассмотрения). И этот туманный намек обретает четкое подтверждение вскоре, в 6-м пункте этого же параграфа: «Поданные в срок возражения, хотя бы они и не были подкреплены никакими доказательствами, подлежат рассмотрению по существу, если в распоряжении Раскладочного Присутствия имеются данные, подтверждающие возражение».

Таким образом, замысел законодателей оказывается не таким прямолинейным, как может показаться после знакомства только с законом. Обеспечивая своих подчиненных против притязаний чересчур нахальных плательщиков, руководители министерства в то же время стремились обеспечить и себя против возможной безответственности своих подчиненных, которая могла бы повести к огульному отклонению возражений по формальным основаниям.

Сам по себе этот вывод полезен для того, чтобы видеть замысел столичных реформаторов, от которых зависело непрерывное изменение налоговой системы на протяжении полувека. Практика работы Томской казенной палаты, с которой мы познакомились выше, подтверждает, что местные чиновники в целом осознавали столичную линию. Но эти же материалы дают и два примера разногласий между чиновниками по поводу применения данных инструкций. Можно сказать, что это случаи сбоя в системе, помогающие нам понять регулярные основания действия этой системы.

Первое из таких разногласий обнаруживается при обсуждении возражения К.С. Зюлиной, мелкой лавочницы в Томске, в 1913 г. Присутствие вменило ей 500 руб. прибыли, она же в возражении заявила 268 руб. прибыли при обороте в 3 350 руб. В подтверждение прислала «тетрадь записи ежедневной выручки» – блокнотик с краткими карандашными записями: только дата и сумма в рублях и копейках.

Присутствие отвергло эту тетрадь с таким объяснением: «В заявлении своем по ст. 123 Положения о госуд. промысл. налоге Зюлина не предлагала предъявить представленный ею сейчас черновой дневник (писаный к[а]рандашом), а просто умолчала на пункт 12-й[,] чем лишила себя права на подачу возражения. Почему присутствие постановило[:] не входя в рассмотрение дневника, по внешнему виду мало заслуживающего доверия, оставить возражение без последствий» [23. Л. 48 об.]. Как видно, знакомая нам логика сохраняется: опровергнув возражение по существу (дневник не заслуживает доверия), присутствие подчеркнуло формальный довод.

И казенная палата поначалу повторила эту систему обоснований. Критическую часть губернские чиновники усилили: Зюлиной припомнили, что в первоначальной декларации она указывала оборот вдесятеро меньше того, какой сама же заявила в возражении, и это, «конечно, подрывает доверие» к ее заявлению. Но был сохранен формальный довод: не заявив в декларации готовность показать торговые книги, Зюлина лишила себя права на подачу возражения.

Однако этот проект решения, уже вписанный секретарем в бланк и подготовленный к подписанию, зачеркнут, а на обороте – новое решение, подписанное председателем казенной палаты и другими участниками заседания. Приведу его полностью: казенная палата, «принимая во внимание, что представленная Зюлиной при возражении тетрадка с карандашными записями, значение которой точно определить невозможно и лишь можно предполагать, что записи эти означают ежедневную выручку, не может признать тетрадь эту имеющей значение торговых книг и тем более доказывающей размер оборота или прибыли, а поэтому признавая возражение Зюлиной голословным, определяет: оставить таковое без последствий» [23. Л. 48а об.].

Как видим, довод по существу (о «тетрадке») сформулирован более весомо (содержательная оценка, а не только внешняя), но главное отличие от зачеркнутой заготовки – убрано утверждение, что умолчание на 12-й пункт декларации лишает права подавать возражение. Зачеркивание в официальном документе – дело нежелательное; раз это было сделано, значит исправление было важным в глазах руководства Томской казенной палаты. Между тем бессменным руководителем этого учреждения с 1904 г. и до большевиков оставался И.Б. Маршанг. И в 1907 г., и в 1913 г. именно его подпись скрепляет решения по рассмотрению возражений плательщиков промыслового налога,

и в 1913 г. он требует зачеркнуть те слова, под которыми сам неоднократно расписывался ранее.

Итак, в деле Зюлиной мы видим то ли разногласие между инспектором и руководством казенной палаты, то ли еще тоньше – между более ранней и более поздней линией самого руководства.

Второй случай касается более ярко выраженного разногласия между казенной палатой и податным инспектором. В том же 1913 г. Томская казенная палата заставила податного инспектора 2-го томского участка К.А. Грузинова пересматривать одно из отказных решений по предпринимательским возражениям. Правда, руководимое инспектором участковое присутствие и при повторном рассмотрении нашло доводы, чтобы отклонить возражение (и казенная палата одобрила это решение), но во второй раз доводы уже касались существа дела, тогда как в первый раз – формы.

Обсуждалось дело торговой фирмы «Гартог и Станг» [23. Л. 161–174]. Фирма была достаточно солидной, чтобы иметь бухгалтерские книги, по которым она и претендовала отчитываться. Раскладочное присутствие не приняло этих книг, и вот на каком основании: «К первому заседанию были представлены только две книги: 1) журнал и 2) главная[,] признанные присутствием недостаточными. При возражении сверх [н]их еще добавлены: 1) кассовая[,] 2) ресконтро и 3) товарная. Но как представленные несвоевременно они не могут быть приняты». Несвоевременное представление книг – довод, очевидно, формальный.

Казенная палата на это сочинила инспектору такой обстоятельный ответ, что он не уместился в стандартную колонку бланка и подшит в архивном деле особым листом. Смысл этого ответа можно передать коротко: торговые книги можно представлять не только при заявлении, но и при возражении. Но интересны доводы губернских чиновников в пользу этого тезиса.

Палата сослалась не только на уже известную нам инструкцию о применении Положения о промысловом налоге, но также на решение Сената и циркуляр Департамента окладных сборов. Процитированное палатой сенатское решение было издано 22 марта 1904 г., и оно ограничивало инспекторов более жестко, чем цитированная выше инструкция: даже в тех случаях, когда плательщиком в декларации «не сделано прямого указания на желание быть обложенным по действительной прибыли, установленной по книгам», раскладочному присутствию «не дано права оставлять без последствий поданное им возражение», в котором такое желание наконец выражено. Это решение Сената за № 2227 можно найти и у А.М. Недошивина [21. С. 212].

Подкрепляя решение Сената, департаментский циркуляр от 28 мая 1907 г. дал более широкую трактовку перечня документов, к которым это правило должно применяться: не только полноценные торговые книги, но также «выписи из них или другие документальные данные должны быть принимаемы к рассмотрению даже тогда, когда плательщиками предварительно не было изъявлено согласия на их представление» [23. Л. 168].

Неоднократное обращение столичных ведомств к данной теме показывает, что споры такие возникали не только в Томской губернии. Но для нас важнее другое: были ли эти документы известны томской казенной палате в 1907 г., при подписании заключений по решениям инспектора Д. Федорченко? Очевидно, были: они изданы раньше, чем рассматривались возражения (август 1907 г.), причем циркуляр был даже совсем свежим и точно не мог успеть позабыться. То, что томские чиновники оставили эти указания без внимания в 1907 г., но придали им значение в 1913-м, побуждает думать о том, что происходила эволюция методов работы податного надзора в масштабе всей казенной палаты. Под влиянием ли столичных разъяснений или с учетом собственного опыта, но палата меняла отношение в пользу более полного учета материалов, могущих работать в пользу плательщика.

В то же время бросается в глаза и другое: инспектор К. Грузинов в 1913 г. трактовал инструкцию слишком грубо. Все случаи, когда отсутствие заявления о готовности предоставить книги использовал в 1907 г. Д. Федорченко (при поддержке палаты) – это случаи действительного непредоставления книг. Но у «Гартога и Станга» книги ведь были представлены, причем в первый раз – даже вместе с заявлением (хотя и не полный набор). И даже торговка Зюлина представила в меру своих способностей – хотя и не полноценные книги, но хоть какие-то записи. Все-таки инструкция была призвана бороться со злонамеренной скрытностью плательщиков, а в двух случаях инспектора Грузинова речь идет где о недопонимании, где о недостаточной грамотности. Поэтому можно увидеть в наших примерах и противодействие палаты инспектору, – но это опять-таки противодействие в пользу обеспечения интересов плательщиков.

Итак, право руководимого инспектором раскладочного присутствия вменять прибыль плательщикам на свое усмотрение, право отклонять их возражения как «голословные» при отсутствии юридически безупречных доводов не означали произвола податных органов. Это было существенной частью «системы настройки», призванной совместить интересы казны с интересами добросовестных налогоплательщиков.

Наличие этой системы показывает нам тонкие механизмы пересоздаваемой в начале XX в. налоговой отрасли, предназначенной для взаимодействия не с холопами, а с гражданами. И это было важное условие продолжения долгой налоговой реформы, постепенно перекладывающей налоговое бремя на богатых. Как ни медленно происходила эта реформа, все-таки к 1916 г. она дошла до принятия закона о подоходном налоге, и этот результат едва ли был бы возможен, если бы богатые плательщики не ощущали готовность Министерства финансов учитывать их интересы.

Список источников

1. Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки / гл. ред. А.М. Самсонов. М. : Наука, 1974. Т. 94. С. 183–212.

2. Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов (введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С.159–173.
3. Симонова М.С. Отмена круговой поруки // Исторические записки / гл. ред. А.М. Самсонов. М. : Наука, 1969. Т. 83. С. 159–195.
4. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М. : РОСПЭН, 1998. 397 с.
5. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М. : РОССПЭН, 2006. 296 с.
6. Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 240 с.
7. Кравцова Е.С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX–XX столетий. Курск : Курский гос. мед. ун-т, 2007. 164 с.
8. Кравцова Е.С. Опыт организации налогового дела в России в конце XIX – начале XX столетия. Курск : Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2010. 303 с.
9. Kotsonis Ya. States of obligation. Taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic. Toronto–Buffalo–London : University of Toronto Press, 2014. 483 p.
10. Кравцова Е.С. Специфика деятельности податных присутствий в Российской Империи в конце XIX – начале XX века // Исторические вызовы и экономическое развитие России : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург : АльфаПринт, 2019. С. 217–222.
11. Соловьева И.А., Корепанов А.С. Податные инспекторы Вятской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 50–57.
12. Киселев А.Г. Сибирская фирма: определение прибыли и убытков (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 64–67.
13. Дворцова О.В. Развитие предпринимательства в Томске начала XX в // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 124–128.
14. Кириллов А.К. Стиль работы раскладочного присутствия и личность податного инспектора в Томской губернии начала XX в.: фактор чиновника в эпоху становления подоходных налогов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 125–134.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. Ф-573. Оп. 20. Д. 263.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 443.
17. Кириллов А.К. Граждане «фискального государства» как агенты фиска: механизм работы российских раскладочных присутствий по данным г. Новониколаевска за 1907 г. // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 55–67.
18. ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 576.
19. ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 461.
20. Жуковский И.А. Справочная книга для податных инспекторов. Новоградволынск : тип. М.Г. Гершонова, 1903. Т. 1. 850 с.
21. Недошивин А.М. Руководство для плательщиков раскладочного сбора. Дополнительный промысловый налог с предприятий, не обязанных публичною отчетностью. СПб. : Юрид. кн. магазин Н.К. Мартынова, 1908. 444 с.
22. Цур-Мюлен Ф.К. Положение о государственном промысловом налоге : со всеми позднейшими законодательными дополнениями и изменениями. СПб. : Юрид. кн. магазин Н.К. Мартынова, 1913. 1086 с.
23. ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549.

References

1. Ananich, N.I. (1974) K istorii otmeny podushnoy podati v Rossii [On the History of the Abolition of the Poll Tax in Russia]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Vol. 94. Moscow: Nauka. pp. 183–212.
2. Ananich, N.I. (1979) K istorii podatnykh reform 1880-kh godov (vvedenie dopolnitel'nykh sborov k promyslovomu nalogu: 3-protsentnogo i raskladochnogo) [On the History of Tax Reforms in the 1880s (Introduction of Additional Levies to the Business Tax: The 3-Percent and Apportioned Levies)]. *Istoriya SSSR*. 1. pp.159–173.
3. Simonova, M.S. (1969) Otmena krugovoy poruki [The Abolition of Mutual Responsibility]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Vol. 83. Moscow: Nauka. pp. 159–195.
4. Stepanov, V.L. (1998) *N.Kh. Bunge: sud'ba reformatora* [N.Kh. Bunge: The Fate of a Reformer]. Moscow: ROSSPEN.
5. Zakharov, V.N., Petrov, Yu.A. & Shatsillo, M.K. (2006) *Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX v.* [The History of Taxes in Russia: 9th – Early 20th Century]. Moscow: ROSSPEN.
6. Mariskin, O.I. (2004) *Gosudarevo tyaglo. Nalogooblozhenie krest'yanstva Rossii vo vtoroy polovine XIX – pervoy treti XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya)* [States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic]. Saransk: Mordovia University.
7. Kravtsova, E.S. (2007) *Istoriya sbora nalogov v rossiyskoy provintsii na rubezhe XIX–XX stoletiy* [The History of Tax Collection in the Russian Province at the Turn of the 20th Century]. Kursk: Kursk State Medical University.
8. Kravtsova, E.S. (2010) *Opyt organizatsii nalogovogo dela v Rossii v kontse XIX – nachale XX stoletiya* [The Experience of Organizing Tax Affairs in Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. Kursk: Kursk State Medical University.
9. Kotsonis, Ya. (2014) *States of Obligation. Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press.
10. Kravtsova, E.S. (2019) Spetsifika deyatel'nosti podatnykh prisutstviy v Rossiyskoy Imperii v kontse XIX – nachale XX veka [The specifics of the activity of tax boards in the Russian Empire in the late 19th – early 20th Century]. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Historical Challenges and Russia's Economic Development]. Proc. of the Conference. Ekaterinburg, September 25–26, 2019. Ekaterinburg: Al'faPrint. pp. 217–222.
11. Solovieva, I.A. & Korepanov, A.S. (2015) Podatnye inspektory Vyatskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Tax Inspectors of Vyatka Province (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4. pp. 50–57.
12. Kiselev, A.G. (2010) Sibirskaya firma: opredelenie pribyli i ubytkov (konets XIX – nachalo XX v.) [The Siberian Firm: Determining Profit and Loss (Late 19th – Early 20th Century)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 15(196/40). pp. 64–67.
13. Dvortsova, O.V. (2015) Razvitie predprinimatel'stva v Tomske nachala XX v. [The Development of Entrepreneurship in Tomsk in the Early 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 124–128.
14. Kirillov, A.K. (2022) Stil' raboty raskladochnogo prisutstviya i lichnost' podatnogo inspektora v Tomskoy gubernii nachala XX v.: faktor chinovnika v epokhu stanovleniya podokhodnykh nalogov [The Work Style of the Apportionment Board and the Personality of the Tax Inspector in Tomsk Province in the Early 20th Century: The Official Factor in the Era of Income Tax Formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 125–134.
15. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund F-573. List 20. File 263.
16. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund F-196. List 3. File 443.
17. Kirillov, A.K. (2021) Grazhdane “fiskal'nogo gosudarstva” kak agenty fiska: mekhanizm raboty rossiyskikh raskladochnykh prisutstviy po dannym g. Novonikolaevska za 1907 g. [Citizens of the “Fiscal State” as Fiscal Agents: The Mechanism of Russian Apportionment Boards Based on Data from Novonikolaevsk for 1907]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii*. 5(4). pp. 55–67.
18. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund F-196. List 3. File 576.

19. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund F-196. List 3. File 461.
20. Zhukovskiy, I.A. (1903) *Spravochnaya kniga dlya podatnykh inspektorov* [Reference Book for Tax Inspectors]. Vol. 1. Novogradvolynsk: M.G. Gershonov.
21. Nedoshivin, A.M. (1908) *Rukovodstvo dlya platel'shchikov raskladochnogo sbora. Dopolnitel'nyy promyslovyy nalog s predpriyatiy, ne obyazannykh publichnoyu otchetnost'yu* [A Guide for Payers of the Apportioned Levy: The Additional Business Tax on Enterprises Not Required to Publish Financial Statements]. St. Petersburg: Yurid. kn. magazin N.K. Martynova.
22. Tsur-Myulen, F.K. (1913) *Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge: so vsemi pozdneyshimi zakonodatel'nymi dopolneniyami i izmeneniyami* [The Statute on the State Business Tax: With All Subsequent Legislative Supplements and Changes]. St. Petersburg: Yurid. kn. magazin N.K. Martynova.
23. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund F-196. List 3. File 549.

***Сведения об авторе*:**
Кириллов Алексей Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kirillov Alexey K. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science at Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 01.07.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 502.56:93
doi: 10.17223/19988613/97/10

Минеральные ресурсы Севера Западной Сибири как стимул для развития региона в 1970–1980-е гг.

Дарья Сергеевна Машинцова

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, dashihina@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются мотивы освоения Севера Западной Сибири в СССР в 1970–1980-е гг., что признавалось важной общегосударственной задачей. Однако в развитии региона наблюдался существенный перекос: так, на создание и развитие социальной инфраструктуры тратилось только 10–15% выделяемых средств, что приводило к постоянной текучке населения. Производительность труда работников и, соответственно, темпы прироста добычи нефти и газа постоянно возрастали. Таким образом, можно сделать вывод, что именно минеральные ресурсы, а не благосостояние работников, были стимулом для развития Севера Западной Сибири.
Ключевые слова: минеральные ресурсы, Север Западной Сибири 1970–1980-е гг., строительно-монтажные работы, городская инфраструктура, бюджетные ассигнования

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Фонда научно-технологического развития Югры, проект № 2024-503-08 «Экологическое планирование и практики гармонизации экономических и экологических интересов общества и государства при освоении территорий с холодным климатом (XX–XXI вв.)».

Для цитирования: Машинцова Д.С. Минеральные ресурсы Севера Западной Сибири как стимул для развития региона в 1970–1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 80–85. doi: 10.17223/19988613/97/10

Original article

Mineral resources of the North of Western Siberia as a stimulus for the development of the region in the 1970–1980s

Darya S. Mashinczova

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, dashihina@inbox.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze office documents, statistical reports, and discussions that took place on the pages of professional journals in order to find an answer to the question of how effectively the North of Western Siberia was developed. The research materials and methods include an analysis of office documents from the collections of the Russian State Archive of Economics, the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Tyumen Region, the State Archive of the Socio-Political History of the Tyumen Region, as well as scientific articles published in professional journals of the 1970s and 1980s.

The development of the North of Western Siberia in the USSR was already recognized as an important national task in the VIII Five-Year Plan. However, this task was difficult due to the harsh natural and climatic conditions of the region. In 1970, L.I. Brezhnev noted the need to move to an intensive path of development of the northern territories. From his point of view, it was necessary to use the achievements of scientific and technological progress. In this regard, significant amounts of budgetary allocations were invested for the needs of the West Siberian oil and gas complex. With each five-year period these amounts increased. However, there was a significant imbalance in the development of the region: only 10-15% of the allocated funds were spent on the creation and development of social infrastructure. This led to a constant turnover of population. However, the productivity of workers was constantly increasing. The rate of growth of oil and gas production also increased and increased constantly.

All of the above led to a significant increase in economic indicators. Thus, by the middle of the IX Five-Year Plan, about 43% of the country's fuel balance was oil, the growth of which was constantly increasing. The USSR gained authority in the international arena by overtaking the USA in the rate of growth of the volume of hydrocarbon raw materials produced: thus, in 1950, the USSR produced about 14% of the oil of the volume of oil produced in the USA, and by 1981 this figure was 145%. At the same time, capital investments in the development of the North of Western Siberia amounted to about 15% of the total budget of the USSR, which ensured faster development of the region against the background of other regions of the country. Thus, the need for hydrocarbon raw materials served as a decisive argument for the development of the territories of the North of Western Siberia.
Keywords: mineral resources, the North of Western Siberia, 1970–1980s, construction and installation works, urban infrastructure, budgetary allocations

© Д.С. Машинцова, 2025

Acknowledgements: The reported study was funded by Foundation for Scientific and Technological Development of Yugra according to the research project № 2024-503-08 “Environmental planning and practices for harmonizing the economic and environmental interests of society and the state in the development of territories with cold climates (XX–XXI centuries)”.

For citation: Mashinczova, D.S. (2025) Mineral resources of the North of Western Siberia as a stimulus for the development of the region in the 1970–1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 80–85. doi: 10.17223/19988613/97/10

Включение минеральных ресурсов в экономический цикл государства зависит от того, какие ресурсы имеются в распоряжении страны (геологические факторы), какие технологии государство может применить для переработки минеральных ресурсов (технологические факторы), насколько в результате использования минеральных ресурсов снизится материалоемкость производственного процесса (экономические факторы). Проанализировав возможность использования минеральных ресурсов, власти СССР приняли Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири», определив развитие Севера Западной Сибири как одну из приоритетных государственных задач. Однако сложности, с которыми предстояло столкнуться в процессе добычи минеральных ресурсов (суровые природные условия, отсутствие развитой инфраструктуры, логистики и т.д.), заставляли задуматься о том, насколько рентабелен процесс освоения Севера. Госплан СССР, которому было поручено разработать схему освоения региона, предполагал создать на территории Западной Сибири экономический район, основанный на топливно-промышленном комплексе с учетом последних достижений научно-технического прогресса и сочетания ведомственного и территориального подходов. В частности, Л.И. Брежнев отмечал, что при освоении Сибири следует добиваться интенсификации ведения хозяйства (повышать производительность труда, снижать материалоемкость, повышать фондоемкость и т.д.) [1. С. 51]. С точки зрения экономических расчетов автоматизация добычи нефти путем использования специализированной техники позволяла снизить затраты труда на 15–18% [2. С. 39].

Цель данной статьи – провести анализ делопроизводственных документов, статистических отчетов, дискуссий, разворачивавшихся на страницах профессиональных журналов, для поиска ответа на вопрос о том, насколько эффективно осваивался Север Западной Сибири.

Материалы и методы исследования включают анализ делопроизводственных документов из фондов Российского государственного архива экономики, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Тюменской области, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, а также научных статей, опубликованных в профессиональных журналах в 1970–1980-х гг.

Освоение Севера Западной Сибири требовало от властей форсированного решения множества насущных задач, в первую очередь развития логистической сети. Транспорт (железнодорожный, автомобильный, трубопроводы) был необходим для связи между месторождениями и местами переработки нефти, для дальнейшей транспортировки продуктов нефте- и газодобычи к потребителям, преимущественно находившимся в европейской части страны.

В 1971–1975 гг. благодаря интенсивности строительно-монтажных работ производительность труда в условиях Крайнего Севера выросла на 31%, обеспечив рост добычи углеводородного сырья на 90% [3. С. 16]. В 1976–1980 гг. объем СМР вырос в 2,6 раза по сравнению с IX пятилеткой несмотря на то, что строительство в северных широтах более чем на 300% дороже, а время, подходящее для строительства, короче в три раза, чем в средней полосе [4. С. 5]. Более того, при замедлении темпов роста строительно-монтажных работ в Ханты-Мансийском округе севернее, в Ямало-ненецком национальном округе, темпы роста увеличивались за каждую пятилетку практически в полтора раза [5. Л. 11]. Добиться таких впечатляющих успехов удалось благодаря все возрастающим вложениям в строительство промышленных объектов (IX пятилетка – 2,3 млрд руб., X пятилетка – 5,6 млрд руб., XI пятилетка – 14,2 млрд руб. [5 Л. 11]), а также использованию новых технологий (например, на место эксплуатации доставлялись уже смонтированные промышленные объекты [6. С. 70]).

Согласно официальным расчетам, затраты на развитие сибирской инфраструктуры более чем в два раза увеличивали расходы на освоение новых месторождений углеводородного сырья [7. С. 23]. В частности, в конце XVIII пятилетки 40% капиталовложений было потрачено на развитие транспортной инфраструктуры [8. С. 65]. Интересно, что внимание уделялось и экологии: требовалось найти баланс, чтобы не нарушить теплообмен между почвой и атмосферой, не допустив проседаний дорог; предлагались проекты подвесных монорельсовых дорог, которые помимо пользы для экологии снижали бы антропогенное воздействие [9. С. 78–80].

Однако в реальности было осуществлено лишь строительство железных и автомобильных дорог, причем с запозданием: автомобильные дороги за IX–XII пятилетки были проложены лишь к 12 месторождениям из 29 [10. Л. 6]. Более того, к 1986 г., когда ресурс месторождения Медвежье был уже выработан на 48%, дорога к нему все еще строилась [11. Л. 475]. Поэтому для создания необходимой инфраструктуры продолжали использовать реки, зимники и авиацию, в связи с чем общая стоимость добываемого сырья существенно возрастала [10. Л. 5].

Расчеты показывали, что решить эту проблему помогло бы размещение на территории Сибири машиностроительных предприятий, так как эффективность этого строительства была бы сравнима с размещением

их в центральной части СССР. Кроме того, здесь же предлагалось производить основные фонды для обеспечения текущих нужд месторождений [12. С. 35].

Решать проблему удорожания сырья предлагалось и с помощью автоматизации производства. Однако существующую технику приходилось подстраивать под северные условия. К 1971 г. потребность в специализированном оборудовании была удовлетворена менее чем на 75% [13. С. 80]. Более того, Ф.Г. Аржанов, главный инженер Главтюменнефтегаза, писал, что «принятые решения по автоматизации неприменимы в северных условиях» [14. Л. 57]. Министерство нефтяной промышленности, однако, утверждало, что автоматизация успешно проводится, и к 1972 г. автоматизировано уже 70% объектов [15. Л. 23]. К 1975 г., согласно официальным отчетам, автоматизация составила 75%, что позволило высвободить кадровые резервы и сэкономить около 70 млрд руб. [16]. Однако реальная ситуация была иной. Так, В.И. Грайфер, начальник Главтюменнефтегаза, отмечал, что некоторые датчики могли не работать или вовсе отсутствовать [17. Л. 26], а экономические издержки, которое несло государство, используя в северных условиях неподходящую технику, составляли более 1 млрд руб. ежегодно [18. Л. 73].

Государственный курс на развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса неминуемо привел к неравномерному развитию других важнейших отраслей, обеспечивающих жизнедеятельность региона. Все это приводило к незатухающим дискуссиям о том, каким образом следует организовывать работы в условиях Сибирского Севера.

Сторонники экспедиционной схемы отмечали, что, используя вахтовый метод, государству не придется нести издержки на строительство городов и привлекать «лишние» трудовые ресурсы для их обслуживания, позволяя не только перераспределять их внутри страны, но и экономить бюджет за счет заработной платы, включающей северные надбавки [19. С. 91–92].

Сторонники строительства крупных городов на Севере Западной Сибири апеллировали к тому, что потенциальные неразведанные запасы нефти могут быть настолько крупными, что сделают временные поселения нерентабельными [20. С. 98]. В качестве компромисса было принято решение использовать комбинированный подход и развивать города-спутники месторождений взамен вахтовых поселков [21. С. 64]. Благодаря такому подходу жилой фонд в течение IX–X пятилеток был увеличен почти в 4 раза (с 8 млн м^2 до 22 млн м^2), в связи с чем показатель обеспеченности жильем на душу населения составлял около 11,4 м^2, тогда как в СССР в целом – 12,8 м^2) [10. Л. 2а].

Конечно, капиталовложения в жилищный фонд были существенно ниже, чем в развитие месторождений, и составляли около 10–15% всех средств, выделяемых на развитие Севера Западной Сибири [5. Л. 11]. В этой связи плохо оборудованные города и поселки страдали от недостаточного санитарного обслуживания: например, рабочие поселки к 1983 г. были оборудованы канализацией на 51% [22. Л. 75].

Это существенно снижало качество жизни и в совокупности с низким качеством хозяйственной, торговой, досуговой сфер приводило к оттоку населения [23], и так распределенного на территории Севера Западной Сибири крайне неравномерно. Например, в Ханты-Мансийском национальном округе наблюдался плавный прирост населения в течение 30 лет, который в период с 1960 по 1980 г. сменился бурным ростом (119%), тогда как в Ямало-Ненецком национальном округе взрывного роста населения в течение 50 лет не было [24. С. 14].

Однако экономические льготы привлекали все новых и новых работников, несмотря на тяжелые социально-бытовые условия. Интересно, что привлечение советских работников на северные территории широко обсуждалось за рубежом: так, иностранцев удивляло существование таких дополнительных экономических преференций, как районные коэффициенты, северные надбавки, оплата льготного отпуска. Благодаря этому на Западе образ Севера Западной Сибири, который считался краем, практически непригодным для жизни, и имел неблагоприятную репутацию, стал считаться достаточно успешным с точки зрения экономической политики регионом [25. С. 171].

Поддерживая складывающийся имидж, правительство старалось повышать уровень жизни населения северных городов, однако к началу X пятилетки по уровню потребления бытовых услуг работники, проживающие на Севере Западной Сибири, отставали от средних жителей страны примерно на 20% [26. С. 123]. Более того, достаточно низкие цены (относительно средних цен по стране) приводили к дефициту товаров и услуг, а высокие издержки, которые приходилось нести на обеспечение гарантий и компенсаций работникам северных территорий, угрожали снизить рентабельность их развития. В качестве мер, позволявших решить назревающие проблемы, была предложена дифференциация цен в зависимости от региона [26. С. 123], а также дальнейшее использование вахтового метода работы, использование которого, хотя и имело очевидные плюсы (например, экономило государству около 15 тыс. руб. в расчете на 1 человека), обладало большим количеством минусов, в основном социально-психологических (сложность соблюдения баланса между трудом и отдыхом, оторванность от семьи, необходимость формировать коллектив) [27. С. 97]. Кроме того, в таком случае наблюдался своеобразный перекос: мужчин трудоспособного возраста на Севере было сконцентрировано больше, чем женщин, в то время как в СССР в 1970–1980-е гг. наблюдалась обратная тенденция.

Социологические исследования, результаты которых обсуждались на XXVI съезде КПСС, показали, что около 39% уехавших согласились бы остаться на Севере, если бы им выделили жилье с достойными социально-бытовыми условиями, а около 25% согласились бы остаться, если бы имели возможность улучшить состояние уже выделенного им жилья [27. С. 94]. Несмотря на это, к 1980 г. на Севере Западной Сибири существовали города с населением более 100 тыс. чел., и рост численности населения был тесно связан с увеличением производительности труда [28. С. 234–236]. Повышение производительности труда же, в свою оче-

редь, вносило вклад в рост ВВП страны: так, если в начале VIII пятилетки доля нефтегазовой промышленности составляла 5,8% в общем ВВП СССР, то к концу XI пятилетки эта доля составляла уже 78% [29. С. 51]. Прирост добычи нефти, включая газовый конденсат, по Западной Сибири постоянно возрастал: 30,4 млн т за VIII пятилетку, 116,4 млн т за IX пятилетку, 163,6 млн т за X пятилетку, существенно опередив общесоюзные показатели (109,7, 138,1, 115,2 млн т соответственно) [30. С. 22]. Не последнюю роль в таком грандиозном разрыве сыграло Самотлорское месторождение, приносившее около 18% всей нефти, добытой на территории СССР.

Отметим, однако, следующий факт. На протяжении XI пятилетки среднесписочная численность персонала, задействованного в нефтяной промышленности, выросла более чем в 2 раза при падении производительности труда на 31%. В газовой промышленности, напротив, увеличение среднесписочной численности персонала повлекло рост производительности труда практически на треть [28. С. 234–236]. Таким образом, говорить о сильной прямой корреляции между производительностью труда и численностью работников не приходится, так как специфика нефтегазовой промышленности подразумевает наличие некоторой доли случайности.

Такие показатели, однако, требовали растущих капиталовложений в экономику Сибирского Севера. В течение VIII пятилетки в нефтяную промышленность было вложено более 15% ВВП страны, а в газовую – около 5%. К окончанию XI пятилетки капиталовложения в нефтяную промышленность составляли 55 млрд руб. Это позволило обеспечить высокие темпы прироста валовой продукции региона в промышленность страны (8,1% против общесоюзных 9%), темпы прироста чистой продукции (10% против общесоюзных 7,5%), а также увеличить темпы роста национального дохода (на 7,1% в VIII пятилетке, на 5,3% в IX пятилетке, на 4% в X пятилетке). Однако прибыль нефтедобывающих предприятий за 15 лет снижалась: грандиозный скачок более чем на 600% в VIII пятилетке замедлился до 7% в IX пятилетке, а потом и вовсе упал на 15% в X пятилетке [24. С. 522]. Соответственно, уже к XI пятилетке в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе намечался кризис, а планы по добыче нефти выполнять уже не удавалось. Среди причин, названных представителями ведомств, выделялись фонтанный способ добычи нефти, завышенные планы, снижение качества нефти и пр. Решение кризиса виделось в интенсификации промышленного производства.

Все вышесказанное привело к значительному увеличению экономических показателей. Так, уже к середине IX пятилетки около 43% в топливном балансе страны занимала нефть, прирост добычи которой постоянно увеличивался [30. С. 22]. Авторитет на международной арене СССР получил, обогнав США по темпам роста объемов добываемого углеводородного сырья: так, в 1950 г. СССР добывал около 14% нефти от объема нефти, добываемой в США, а к 1981 г. этот показатель составил 145% [24. С. 66]. Меры социальной поддержки позволили оперативно привлечь трудовые ресурсы в северный регион, обладающий неблагоприятными природно-климатическими характеристиками, но в течение 20 лет, однако, сохранялись трудности, связанные с текучестью кадров. Работники уезжали, неудовлетворенные социально-бытовыми условиями и существующей городской инфраструктурой; их место занимали новые кадры, привлеченные экономическими льготами. Капитальные вложения в развитие Севера Западной Сибири составляли около 15% от общего бюджета СССР [10. Л. 2а], что обеспечивало более быстрое развитие региона на фоне других регионов страны. Таким образом, потребность в углеводородном сырье послужила решающим аргументом для развития территорий Севера Западной Сибири.

Список источников

1. Брежнев Л.И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М. : Политиздат, 1972. 62 с.
2. Мунтян Ю. Направления научно-технического прогресса в химическом и нефтяном машиностроении // Плановое хозяйство. 1973. № 7. С. 35–40.
3. Шашин В. Пути повышения эффективности нефтяной промышленности // Плановое хозяйство. 1973. № 4. С. 15–22.
4. Щербина Б. Индустриальные методы сооружения объектов топливной энергетики // Плановое хозяйство. 1980. № 3. С. 4–11.
5. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-1112. Оп. 2. Д. 2875.
6. Прищепа А.И. Техническое совершенствование промышленной добычи нефти и капитального строительства на Севере Западной Сибири в 1960–1970-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 3 (59). С. 68–71.
7. Карягин И.Д., Булатов В.С., Тандалов В.В. Развитие газовой промышленности севера Тюменской области. М. : Недра, 1979. 160 с.
8. Мазовер Я., Макарова Т. Эффективность топливных баз Сибири // Плановое хозяйство. 1982. № 4. С. 61–66.
9. Крючков В.В. Проблемы освоения Крайнего Севера // Природа. 1972. № 1. С. 74–82.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 399. Оп. 3. Д. 1677.
11. ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 1356.
12. Курбатова Г. Проблемы развития машиностроения в Сибири // Плановое хозяйство. 1980. № 3. С. 32–39.
13. Евстигнеев В.П. Эффективность размещения машиностроения в восточных и западных районах СССР. М. : Наука, 1972. 246 с.
14. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 198. Д. 8.
15. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 202. Д. 6.
16. Голдырева Л.И. Совершенствование организации труда и производства на предприятиях Главтюменнефтегаза // Организация и управление нефтяной промышленности. 1977. № 2. С. 24.
17. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 239. Д. 169.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 2076.
19. Хайтун А. Социально-экономические проблемы освоения нефтяных и газовых районов // Плановое хозяйство. 1977. № 9. С. 88–95.
20. Комплексное развитие производительных сил Западной Сибири – в центре внимания ученых и практических работников // Плановое хозяйство. 1978. № 9. С. 97–114.

21. Прищепа А.И. По поводу административного центра освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции // Северный регион: наука, образование, культура. 2021. № 2 (48). С. 63–68.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 48. Д. 308.
23. Гаврилова Н.Ю. Государственная политика формирования населения тюменской области в 1960–1980-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 4. С. 100–106.
24. Народное хозяйство СССР. 1922–1982 : юбилейный стат. ежегодник. М. : ЦСУ СССР, 1982. 624 с.
25. Нечипорук Д.М. «Колоссальные инвестиции и усилия, вложенные в Западную Сибирь, не поддаются описанию»: первый визит американского журналиста в Западно-Сибирский нефтяной регион // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 171–181.
26. Белова Э., Корягина Т., Хохлов А. Бытовое обслуживание в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока // Плановое хозяйство. 1976. № 1. С. 123–129.
27. Ананьев А., Силин А. Обеспечение предприятий и строек Западно-Сибирского нефтегазового комплекса рабочей силой // Плановое хозяйство. 1984. № 1. С. 94–97.
28. Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М. : РОССПЭН : Полит. энцикл., 2019. 367 с.
29. Тюменская область в цифрах, 1981–1985 гг. : стат. сб. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 96 с.
30. Филановский В. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: результаты и перспективы // Плановое хозяйство. 1980. № 3. С. 19–26.

References

1. Brezhnev, L.I. (1972) *O pyatidesyatiletii Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [On the Fiftieth Anniversary of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow: Politizdat.
2. Muntyan, Yu. (1973) Napravleniya nauchno-tekhnicheskogo progressa v khimicheskom i neftyanom mashinostroenii [Directions of Scientific and Technical Progress in Chemical and Petroleum Engineering]. *Planovoe khozyaystvo*. 7. pp. 35–40.
3. Shashin, V. (1973) Puti povysheniya effektivnosti neftyanoy promyshlennosti [Ways to Improve the Efficiency of the Oil Industry]. *Planovoe khozyaystvo*. 4. pp. 15–22.
4. Shcherbina, B. (1980) Industrial'nye metody sooruzheniya ob"ektov toplivnoy energetiki [Industrial Methods for Constructing Fuel and Energy Facilities]. *Planovoe khozyaystvo*. 3. pp. 4–11.
5. The State Archive of the Tyumen Region (GATO). Fund R-1112. List 2. D. 2875.
6. Prishchepa, A.I. (2019) Tekhnicheskoe sovershenstvovanie promyshlennoy dobychi nefti i kapital'nogo stroitel'stva na Severe Zapadnoy Sibiri v 1960–1970-kh gg. [Technical Improvement of Industrial Oil Production and Capital Construction in the North of Western Siberia in the 1960s–1970s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 3(59). pp. 68–71.
7. Karyagin, I.D., Bulatov, V.S. & Tandalov, V.V. (1979) *Razvitie gazovoy promyshlennosti severa Tyumenskoy oblasti* [The Development of the Gas Industry in the North of the Tyumen Region]. Moscow: Nedra.
8. Mazover, Ya. & Makarova, T. (1982) Effektivnost' toplivnykh baz Sibiri [The Efficiency of Siberia's Fuel Bases]. *Planovoe khozyaystvo*. 4. pp. 61–66.
9. Kryuchkov, V.V. (1972) Problemy osvoeniya Kraynego Severa [Problems of Developing the Far North]. *Priroda*. 1. pp. 74–82.
10. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 399. List 3. File 1677.
11. The State Archive of the Tyumen Region (GATO). Fund 2101. List 1. File 1356.
12. Kurbatova, G. (1980) Problemy razvitiya mashinostroeniya v Sibiri [Problems of Developing the Machine-Building Industry in Siberia]. *Planovoe khozyaystvo*. 3. pp. 32–39.
13. Evstigneev, V.P. (1972) *Effektivnost' razmeshcheniya mashinostroeniya v vostochnykh i zapadnykh rayonakh SSSR* [The Efficiency of Locating Machine-Building in the Eastern and Western Regions of the USSR]. Moscow: Nauka.
14. The State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region (GASPITO). Fund 124. List 198. File 8.
15. The State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region (GASPITO). Fund 124. List 202. File 6.
16. Goldyreva, L.I. (1977) Sovershenstvovanie organizatsii truda i proizvodstva na predpriyatiyakh Glavtyumenneftegaza [Improving the Organization of Labor and Production at the Enterprises of Glavtiumenneftegaz]. *Organizatsiya i upravlenie neftyanoy promyshlennosti*. 2. p. 24.
17. The State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region (GASPITO). Fund 124. List 239. File 169.
18. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 67. File 2076.
19. Khaytun, A. (1977) Sotsial'no-ekonomicheskie problemy osvoeniya neftyanykh i gazovykh rayonov [Socio-Economic Problems of Developing Oil and Gas Regions]. *Planovoe khozyaystvo*. 9. pp. 88–95.
20. Anon. (1978) Kompleksnoe razvitie proizvoditel'nykh sil Zapadnoy Sibiri – v tsentre vnimaniya uchenykh i prakticheskikh rabotnikov [The Comprehensive Development of the Productive Forces of Western Siberia is the Focus of Scientists and Practitioners]. *Planovoe khozyaystvo*. 9. pp. 97–114.
21. Prishchepa, A.I. (2021) Po povodu administrativnogo tsentra osvoeniya Zapadno-Sibirskoy neftegazovoy provintsii [Regarding the Administrative Center for the Development of the West Siberian Oil and Gas Province]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2(48). pp. 63–68.
22. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-259. List 48. File 308.
23. Gavrilova, N.Yu. (2018) Gosudarstvennaya politika formirovaniya naseleniya tyumenskoy oblasti v 1960–1980-e gg. [State Policy of Population Formation in the Tyumen Region in the 1960s–1980s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 4. pp. 100–106.
24. USSR. (1982) *Narodnoe khozyaystvo SSSR. 1922–1982: yubileynyy stat. ezhegodnik* [The National Economy of the USSR, 1922–1982: Anniversary Statistical Yearbook]. Moscow: TsSU SSSR.
25. Nechiporuk, D.M. (2021) “Kolossal'nye investitsii i usiliya, vlozhennye v Zapadnuyu Sibir', ne poddayutsya opisaniyu”: pervyy vizit amerikanskogo zhurnalista v Zapadno-Sibirskiy neftyanoy region [“Colossal Investments and Efforts Poured into Western Siberia Defy Description”: The First Visit of an American Journalist to the West Siberian Oil Region]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(75). pp. 171–181.
26. Belova, E., Koryagina, T. & Khokhlov, A. (1976) Bytovoe obsluzhivanie v rayonakh Kraynego Severa i Dal'nego Vostoka [Consumer Services in the Regions of the Far North and the Far East]. *Planovoe khozyaystvo*. 1. pp. 123–129.
27. Ananiev A. & Silin, A. (1984) Obespechenie predpriyatiy i stroek Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa rabochey siloy [Providing Enterprises and Construction Sites of the West Siberian Oil and Gas Complex with Labor]. *Planovoe khozyaystvo*. 1. pp. 94–97.
28. Zubkov, K.I. & Karpov, V.P. (2019) *Razvitie rossiyskoy Arktiki: sovetskiy opyt v kontekste sovremennykh strategiy (na materialakh Kraynego Severa Urala i Zapadnoy Sibiri)* [The Development of the Russian Arctic: Soviet Experience in the Context of Modern Strategies (Based on Materials from the Far North of the Urals and Western Siberia)]. Moscow: ROSSPEN.
29. The Tymen Region. (1987) *Tyumenskaya oblast' v tsifrakh, 1981–1985 gg.: stat. sb.* [Tyumen Region in Figures, 1981–1985: Statistics]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
30. Filanovskiy, V. (1980) Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleks: rezul'taty i perspektivy [The West Siberian Oil and Gas Complex: Results and Prospects]. *Planovoe khozyaystvo*. 3. pp. 19–26.

***Сведения об авторе*:**
Машинцова Дарья Сергеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, научный сотрудник Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия). E-mail: dashihina@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mashinczova Darya S. – Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Education, Researcher at the Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia). E-mail: dashihina@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 26.06.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.17223/19988613/97/11

Роль Военно-морского флота России в подготовке и осуществлении кругосветных экспедиций в первой четверти XIX в.

Александр Юрьевич Петров[1], Юрий Юрьевич Иерусалимский[2]

[1] Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия
[1] Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
[2] Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
[1] alaska13@yandex.ru
[2] osniyar@uniyar.ac.ru

Аннотация. Данное исследование, охватывающее первую четверть XIX в., отвечает на вопросы о месте и роли Военно-морского флота Российской империи в деле снаряжения и работы кругосветных экспедиций из Санкт-Петербурга. Рассматривается позиция Морского министерства по проблемам обеспечения дальних морских вояжей. Статья подготовлена с использованием методов исторического, географического анализа и смежных гуманитарных дисциплин на основе широкого круга архивных документов.
Ключевые слова: кругосветные экспедиции, Русская Америка, Аляска, Российско-американская компания, финансово-хозяйственная деятельность, колонии Российской империи

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00171 в Ярославском государственном университете имени П. Г. Демидова.

Для цитирования: Петров А.Ю., Иерусалимский Ю.Ю. Роль Военно-морского флота России в подготовке и осуществлении кругосветных экспедиций в первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 86–95. doi: 10.17223/19988613/97/11

Original article

The role of the Russian Navy in the Preparation and Implementation of Round-the-World Expeditions in the First Quarter of the 19th Century

Aleksandr Yu. Petrov[1], Yuri Yu. Ierusalimskiy[2]

[1] Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[1] Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
[2] P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
[1] alaska13@yandex.ru
[2] osniyar@uniyar.ac.ru

Abstract. The preparation and implementation of round-the-world expeditions in the first quarter of the 19th century is a topical issue for study. The purpose of this article is to establish the place and role of the Navy of the Russian Empire in the equipment and work of round-the-world expeditions from St. Petersburg. The most important domestic sources on this topic are documents stored in the Russian State Archive of the Navy (RGAVMF), the Russian State Historical Archive (RGIA), the Archive of the Russian Geographical Society (ARGO) and the State Archive of the Perm Territory (GAPK). The work was also assisted by materials from the National Archives and Records Administration of the United States (NARS). At the same time, the article involved rare, until recently unused sources taken from the Rami Library (Istanbul) and materials from the Ottoman Archive. This study shows how the policy of long-distance sea voyages was formed and reveals the interaction of the Russian-American Company and the Naval Ministry. The Naval Ministry managed to prove that the Russian Navy was capable of making long voyages. All expeditions were part of the general process of developing the fleet. The round-the-world Russian sea expeditions of the first quarter of the 19th century became the most important part of the general development of the state's naval forces. Russia declared itself as one of the few world powers capable of sending its ships on long ocean voyages. Russia quickly won a leading place in the world in terms of geographical discoveries. No country in the world made so many voyages and along such long routes in the first quarter of the 18th century. From the beginning of the 19th century to 1820, at least seven round-the-world voyages were conducted. The expeditions became an outstanding achievement of Russian science, the school of navigation, and the entire Russian society. Sea expeditions played a significant role in shaping the ideology of Russian foreign policy, creating centers of political influence, and activating Russia's geopolitical activities.
Keywords: round-the-world expeditions, Russian America, Alaska, Russian-American Company, financial and economic activities, colonies of the Russian Empire

© А.Ю. Петров, Ю.Ю. Иерусалимский, 2025

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00171 At Demidov Yaroslavl State University.

For citation: Petrov, A.Yu., Ierusalimskiy, Yu.Yu. (2025) The role of the Russian Navy in the Preparation and Implementation of Round-the-World Expeditions in the First Quarter of the 19th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 86–95. doi: 10.17223/19988613/97/11

Введение

Военно-морской флот России на протяжении столетий обеспечивал и ныне обеспечивает важнейшую часть обороноспособности нашего Отчества. Одной из многогранных составляющих его деятельности были подготовка и осуществление кругосветных экспедиций. Эти экспедиции стали выдающимся достижением отечественной науки, школы мореплавания и в целом всего российского общества. Изучение истории отечественного Военно-морского флота и его роли в кругосветных экспедициях первой четверти XIX столетия актуально в свете решаемых сегодня страной задач по укреплению ее авторитета в мире, усилению морского могущества и продвижению традиционных ценностей российского государства-цивилизации.

В названии нашей статьи отмечается Военно-морской флот России, между тем управление морскими силами претерпело изменения в течение изучаемого периода. Во времена реформ государственного управления молодого императора Александра I в 1802 г. Адмиралтейств-коллегия, как и все другие коллегии, было преобразовано. В указанный промежуток времени в числе первых министерств появилось и Министерство морских сил. В его структуру входили военная по флоту канцелярия (создана в 1802 г.) и департамент министра морских сил (организован в 1803 г.). В 1815 г. Министерство морских сил было переименовано в Морское министерство. В 1821 г. в его составе было сформировано Управление начальника штаба по морской части. Вышеупомянутые структурные единицы министерства сыграли большую роль в повышении боеготовности флота и решении задач, стоящих перед ним.

Морское министерство управляло Российским императорским флотом, в который входили Балтийский и Черноморский флоты, Беломорская, Каспийская и Охотская флотилии. Военно-морской флот Российской империи выполнял важнейшие задачи по укреплению обороноспособности страны, повышению ее геополитического престижа. Важная роль в этом отводилась кругосветным экспедициям.

Экспедиции вокруг света представляют собой путешествия, в ходе которых пересекаются все земные меридианы или параллели. Маршрутные схемы кругосветок выстраивались таким образом, что в разные временные интервалы и в многообразной циклической последовательности мореплаватели пересекали все океаны Земли. Основоположником и первопроходцем в деле совершения кругосветных плаваний следует считать Ф. Магеллана. Этот мореплаватель был пионером, совершившим в 1519–1522 гг. самое первое из известных путешествий вокруг света. Целью экспедиции Магеллана была разведка новых земель, торговля с которыми могла принести значительную прибыль испанской короне. Следующей эффективной площадкой для реализации торгово-коммерческих интересов европейских королевских домов и оттого представляющей несомненный интерес для мореплавателей страной была Индия.

Россия вступила на сложнейший путь отправления кругосветных плаваний, казалось бы, позже других держав, и морские офицеры вынуждены были руководствоваться картами и лоциями, получаемыми по разным каналам из Западной Европы, прежде всего из Англии и Испании, а также Османской империи. Россия в первой четверти XIX в. активно укрепляла позиции военно-морской империи и успешно реализовала программу по геополитическому, научному и культурному освоению морских путей. Имперские амбиции Александра I учитывали географическое положение страны, составлявшей единый евразийский комплекс, окруженный Мировым океаном.

Выйдя на мировую арену снаряжения и отправления экспедиций вокруг света, Россия сосредоточила свои интересы на Аляске. Основным спонсором экспедиционной деятельности выступала Российско-американская компания (РАК). Осознание этой особенности вкупе с оценкой финансово-хозяйственной деятельности РАК в России и за рубежом необходимо для понимания складывания «русского глобуса» и изучения русского наследия за рубежом. Введенное нами в настоящее время в научный дискурс понятие Русской Америки в своем широком значении представляет заморские колонии в тихоокеанском регионе как Новый Свет, своего рода аванпост первопроходцев. Термин «Америка» не только использовался в названии континента, но и в целом маркировал новые материки и земли. Кронштадт стал отправной точкой отечественных кругосветных плаваний: с начала и до середины XIX в. из него отправилось более 50 экспедиций. Все это определило фундаментальные модификации российского флота, оказало влияние на формирование целого ряда научных направлений и в итоге стало залогом великих географических открытий. Таким образом, термин «Русская Америка» в широком смысле обозначает государства и регионы, в которых уцелело это наследие, во многом благодаря российским первопроходцам – участникам кругосветных плаваний [1. С. 1090].

Анализ литературы и методология

История подготовки и реализации военно-морских кругосветных экспедиций привлекла внимание целого ряда отечественных и зарубежных исследователей. Русские кругосветные экспедиции заинтересовали исследователей уже в середине XIX в. Так, П.А. Тихменев и Н.А. Ивашенцев в своих известных трудах, опубликованных во второй половине XIX в., подробно про-

анализировали кругосветные путешествия, совершенные российским флотом, и деятельность РАК [2–4].

В наших работах мы основываемся на традициях исторической школы Н.Н. Болховитинова [5]. Основоположник данной школы высоко оценивал роль Министерства иностранных дел Российской империи и руководства Военно-морского флота в создании и воплощении в жизнь глобальной концепции кругосветных путешествий. В концепции большое значение придавалось демонстрации высокоэффективной деятельности отечественного флота в освоении мирового океана, в частности на севере Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, Н.Н. Болховитинов в работах середины XX столетия, в частности в знаменитой монографии «Доктрина Монро: происхождение и характер» [6] и фундаментальной статье «Доктрина Монро: происхождение, характер и эволюция» [7], вызвавших большой интерес в среде советской и иностранной научной общественности, подчеркнул неразрывную корреляцию отечественных кругосветных экспедиций с освоением Аляски и сопредельных территорий. Вышеупомянутую монографию Н.Н. Болховитинова высоко оценивал известный американский исследователь, по мнению ряда историков, лучший в мире эксперт по доктрине Монро Д. Перкинс. В то же время он указал на недостаточную изученность Н.Н. Болховитиновым экспансионистских тенденций доктрины Монро [8].

С самого начала своего формирования научная школа Н.Н. Болховитинова тщательно рассматривала функционирование Морского министерства Российской империи и изучала вклад отдельных его деятелей в развитие военно-морского флота [9. С. 550].

После смерти Н.Н. Болховитинова в 2008 г. эти традиции были продолжены его учениками и последователями. Они основаны на максимально полном использовании всего комплекса отечественных и иностранных исторических источников, активном применении междисциплинарного подхода (методов исторического и экономического анализа) и широком привлечении материалов полевых исследований [1].

Наше исследование впервые в исторической литературе рассматривает значение Военно-морского флота России и Министерства морских сил / Морского министерства в организации и проведении кругосветных путешествий в первой четверти XIX в. Предшественники, изучавшие близкую к указанной теме проблематику в 1950–2010-х гг., основывались на формационной теории, теории модернизации, общих принципах историзма, научности и объективности (см. труды А.Н. Ермолаева, И.В. Савельева, Дж. Гэлбрэйта (Великобритания), Дж. Гибсона (Канада), И. Виньковецкого (Канада), сборник статей XX Крашенинниковских чтений «Ветер веков в парусах России», посвященный 200-летию Первой кругосветной экспедиции (1803–1806) и др. [10–15]). Эти работы заложили серьезный фундамент в изучении темы, привлекли большой фактический материал, но вместе с тем они не ставили перед собой задачу специально проанализировать роль Военно-морских сил России в организации и проведении кругосветных плаваний в первой четверти XIX столетия. В историографии отсутствуют обобщающие работы по отечественным морским экспедициям данного периода. В будущем представляется перспективным применить цивилизационный подход в изучении значения Военно-морского флота России в подготовке и осуществлении кругосветных экспедиций в первой четверти XIX в. Цивилизационный подход может быть применен в междисциплинарном ключе, опирающемся на методы истории и лингвистики.

Для нас постановка проблемы заключается в том, чтобы показать, как формировалась политика дальних морских плаваний, и раскрыть взаимодействие РАК и Морского министерства. Через скупые строчки делопроизводственных документов, судовых журналов явственно проступает духовное и героическое содержание кругосветных экспедиций, становление России как великой морской державы. Российские кругосветки, осуществленные при решающей роли военно-морского флота, сыграли важную роль в увеличении международного авторитета империи.

Для раскрытия темы чрезвычайно важны исторические источники, хранящиеся в отечественных архивах, прежде всего федеральных, таких как Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), Российский государственный исторический архив (РГИА), а также в старейшем и единственном в стране специальном географическом архиве – Архиве Русского географического общества (АРГО) и в Государственном архиве Пермского края (ГАПК). Помощь в работе оказали и материалы Национального управления архивов и документации США (NARS). Нами привлекаются и редкие, до недавнего времени не используемые источники, почерпнутые из Библиотеки «Рами» (Стамбул), где содержатся уникальные картографические материалы по кругосветным экспедициям. Также в этом контексте интересны материалы Османского архива. В частности, в Османском архиве находится так называемый «Мюхимме дефтерлери» (Реестр важных дел), представляющий собой тетради, содержащие отпуски приказов Августейшего Дивана (высшего после султана органа власти Османской империи XV–XVIII вв.). Нами использовались материалы и других архивов, показывающих борьбу организации кругосветных экспедиций. Особенно хотелось бы отметить значение для нас РГАВМФ, где имеются фонды интересующих нас деятелей. Сохранившиеся документы – рапорты, отчеты, инструкции, наставления, судовые журналы и другие документы – представляют собой бесценный источник по изучению кругосветных экспедиций.

Имеющаяся обширная исследовательская литература и обширный комплекс неопубликованных источников позволят раскрыть заявленную тему.

Русские кругосветные экспедиции первой четверти XIX в.

Стоит отметить, что в России имелись давние традиции организации и совершения длительных морских путешествий. Так, Семен Дежнев и его сподвижники еще в середине XVII столетия успешно совершили длительную морскую экспедицию, пройдя между Чу-

коткой и Аляской. Спустя 80 лет Витус Беринг вновь открыл пролив между Евразией и Америкой и доказал способность российского флота совершать навигацию в экстремальных условиях [16].

Все это привело к тому, что в конце XVIII в. назрели все условия, чтобы осуществить первую в истории России кругосветную экспедицию. Долго и тщательно выбирался для нее капитан. Выбор пал на капитана Г.И. Муловского [13]. Стоимость этой экспедиции, несмотря на то в ней было задействовано лишь одно судно, достигала астрономической величины. 22 декабря 1786 г. Екатерина II издала указ о снаряжении первой русской кругосветной экспедиции под командованием капитана Г. И.Муловского «по случаю покушения со стороны аглинских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на Восточном море» и для сохранения «права нашего на земли, российскими мореплавателями открытый» [17. Ч. 2. Л. 258].

17 апреля 1787 г. последовало «наставление Адмиралтейств-коллегии начальнику первой кругосветной экспедиции капитану 1-го ранга Г.И. Муловскому о ее задачах, ее императорского величества наставление из Государственной адмиралтейской коллегии г-ну флота капитану 1-го ранга Григорию Муловскому, начальствующему над эскадрою, назначенною чрез Индийское море в Восточный океан, для плавания между Камчаткою, Японией и западными американскими берегами» [18. Л. 286–320].

В ходе плавания Григорию Ивановичу Муловскому не запрещалось заниматься торговлей. Он получил приказ развивать русский пушной промысел на Аляске и одновременно не допускать торговли местных жителей с зарубежными купцами, прежде всего с подданными британской короны (подробнее о колониальной политике Британии в XVIII в. см.: [19]). Экспедиция была отменена практически накануне ее выхода из-за осложнившейся международной обстановки [20, 21]. В РГАВМФ имеется объемное дело, в котором можно найти все материалы, связанные с подготовкой данного плавания [18].

При Павле I в России стали готовиться к новому кругосветному плаванию. В 1799 г. Указом Павла Петровича было утверждено образование РАК. Этой монопольной акционерной компании были даны обширные права и привилегии. В 1801 г. РАК заявила о необходимости осуществить кругосветную экспедицию. На контрасте с предполагавшимся вояжем Г.И. Муловского при планировании и подготовке нового путешествия был задействован купеческий капитал. Записки И.Ф. Крузенштерна, которые получил вице-президент Адмиралтейств-коллегии Н.С. Мордвинов, дали дополнительный стимул в подготовке к плаванию. Он поручил Г.А. Сарычеву разработать план экспедиции, а И.Ф. Крузенштерна предполагалось назначить командиром одного из судов. Адмирал Н.С. Мордвинов, ставший первым морским министром Российской империи, продолжил поддержку идеи кругосветки и посоветовал приобрести для плавания два корабля, чтобы в случае необходимости они помогали друг другу.

Руководителем похода был утвержден Н.П. Резанов. Ему также поручалось установить дипломатические и торговые отношения с практически полностью тогда закрытой для иностранцев Японией. Важной задачей, кроме того, являлось решение проблемы снабжения Русской Америки с помощью дальних морских экспедиций [22]. В готовящемся походе И.Ф. Крузенштерн был назначен командиром судна «Надежда», капитан-лейтенант Ю.Ф. Лисянский – «Невы». Подробная информация о взаимодействии И.Ф. Крузенштерна с Морским министерством и сложных отношениях с Н.П. Резановым отложилась в материалах РГАВМФ [23].

Недолгая мирная передышка в Европе в начале XIX столетия позволила осуществить первую русскую кругосветную экспедицию с целью укрепления позиций империи в мировом океане. К походу готовились тщательно, так как «Надежду» и «Неву» ждали южные и северные широты, сложные метеорологические условия. Требовалось умение пополнять припасы, заниматься ремонтом судов и решать многие другие вопросы, доселе незнакомые военно-морским офицерам. Участие в подготовке к плаванию принял новый морской министр П.В. Чичагов.

Суда экспедиции шли под флагом РАК и под Андреевским флагом. Это были военные фрегаты, купленные Россией в Англии. Для дальних морских вояжей в Российской империи существовали верфи в Ревеле (ныне Таллин) и Або (Турку). Именно в Або было в 1815 г. было построено для следующий кругосветной экспедиции судно «Рюрик». И.Ф. Крузенштерн составил для экспедиции на «Рюрике» инструкции по морской части и назначил руководителем лейтенанта О. Коцебу. Крузенштерн его знал юношей-гардемарином на «Надежде». Особенностью кругосветного похода О. Коцебу стало то, что задачи экспедиции были исключительно научные, а финансирование целиком взял на себя граф Н.П. Румянцев. Команда «Рюрика» отлично проявила себя в кругосветном плавании, сумела превозмочь крутые штормы, особенно вблизи Берингова пролива [24. Л. 12 об.–20].

С 1814 г. в Главном правлении РАК предполагалось осуществлять российские кругосветные экспедиции ежегодно. Об этом писали директора РАК в Филадельфию А.Я. Дашкову: «… каждый год посылать кругом света по одной шлюпе, но война исполнить то препятствовала, то тогда и американские шныри пресекут торги свои с дикими порохом и орудиями» [25. С. 667].

С начала XIX в. до 1820 г. состоялось по крайней мере семь кругосветных плаваний. Это вышеупомянутые походы под руководством Н.П. Резанова на кораблях «Нева» и «Надежда» (1803−1806), путешествие В.М. Головнина на судне «Диана» (1807−1809), который в ходе плавания пробыл более года в японском плену, плавание М.П. Лазарева на судне «Суворов» (1813−1816), исследовавшего и открывшего новые острова, названные им честь А.В. Суворова; вышеупомянутая экспедиция О.Е. Коцебу на бриге «Рюрик» (1815−1818), достигшего Гавайских островов; вояж Л.А. Гагемейстера на судне «Кутузов» (1816−1819), сменившего Баранова на посту главного правителя РАК; походы З.И. Понафидина на судне «Суворов»

(1816–1818), открывшего «остров Трех Холмов» и В.М. Головнина на шлюпе «Камчатка» (1817–1819),

Во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» Василию Головнину удалось сделать следующие открытия и исследования: уточнить широту острова Медный и соотнести координаты острова Чирикова с Укамоком; добавить в Чиниатском заливе подводные камни и мели, которых не оказалось на имевшейся в распоряжении капитана карте Юрия Лисянского. При этом Головнин отметил, что некоторые из подводных камней и мелей встречались в более ранних версиях географических карт. Им были описаны острова Атту, Тихниняк (из Шумагинской группы), Укамок (остров Чирикова), Ситкинак (близ острова Кадьяк) и др. В.М. Головин провел гидрографическую опись Чиниакского залива и составил его подробную карту. Он посетил Калифорнию и составил географическое описание региона, показав его природные условия и богатые ресурсы. На Марианских островах Головин определил правильное положение главного острова Гуахам (Гуам) и составил планы лучших гаваней на острове Айры [26]. В ходе кругосветного плавания на «Камчатке» художник, выходец из крепостного сословия М. Тиханов, находившийся на шлюпе, сделал 43, по другим сведениям, 44 рисунка, на которых изображены местные жители (тщательно выписаны одежда, украшения, оружие), пейзажи [27. С. 220]. Благодаря творчеству М. Тиханова историки получили прекрасные изобразительные источники, в частности единственный прижизненный портрет с натуры одного из руководителей РАК, первого Главного правителя русских поселений в Северной Америке А.А. Баранова.

Российско-американская компания финансировала эти экспедиции, а все вопросы, связанные с морским делом, рассматривались Министерством морских сил, а с 1815 г. – Морским министерством. РАК по согласованию с Морским министерством обыкновенно предлагала отправить кругосветную экспедицию. Это решение утверждалось на самом высоком уровне – как правило, самим императором, который присваивал имена судам исходя из тех предложений, которые ему направляло Морское министерство. После этого начиналась проработка маршрута. На завершающем этапе готовились капитанам судов подробнейшие инструкции от Морского министерства, МИДа и Главного правления РАК (ГП РАК).

Состоявшиеся вояжи, несмотря на сложности, принесли успех России и способствовали росту престижа морской службы в глазах российского общества. Остановимся на деятельности О.Е. Коцебу. Ему удалось открыть залив за Беринговым проливом, но в то же время мнение о нем в руководстве РАК было неоднозначным из-за его позиции по Гавайским островам [28. Л. 1–4]. Он принимал участие в первом кругосветном плавании под руководством Резанова, а в 1815–1818 гг. руководил экспедицией, открывшей острова в архипелаге Туамоту. Эти открытия были продолжены во время третьей экспедиции под его руководством. О.Е. Коцебу завершил кругосветные плавания капитаном 2-го ранга. Дальнейшая служба в Морском министерстве привела к тому, что он стал капитаном 1-го ранга.

Все отмеченные плавания осуществлялись в тесном взаимодействии с местными властями в лице А.А. Баранова, который отправлял подробные рекомендации, как, по его мнению, должны проходить эти плавания. В отчетах А.А. Баранова содержалась важная информация о том, в чем нуждаются колонисты. О его отчетных материалах выборочно докладывалось Александру I, что показывает важность данного вида источников. Обычно для императора готовились красочные документы с указанием того, какие были исследованы острова, сделаны открытия и как проходило то или иное плавание. Так, Александра I интересовали сведения по Курильской гряде и Сахалину [29]. На картах появились российские имена, сохранившиеся до наших дней [30]. Все вышеизложенное показывает, что для России эти плавания имели огромное внутри- и внешнеполитическое значение.

Наивысшим достижением русских кругосветных экспедиций в изучаемый период явилось открытие в 1820 г. Антарктиды. Это случилось во время плавания М.П. Лазарева и Ф.Ф. Беллинсгаузена [4, 31, 32]. Российский флот доказал, что способен решать крайне важные задачи. Возникла идея, что Россия может использовать военные корабли для защиты своих владений от возможных посягательств со стороны Англии, Испании и Франции. Для противодействия незаконной торговле со стороны иностранных держав предполагалось отправлять ежегодно по два российских военных судна [33. С. 318]. Экспедиция Лазарева не просто открыла Антарктиду, что само по себе было выдающимся достижением, она поколебала могущество и авторитет Англии. Уверенность Дж. Кука о невозможности плавания в самых южных широтах и отсутствии там материка долгое время закрывала такую возможность. Лишь Россия смогла это сделать [4. С. 49–50].

Хотя подготовка, снаряжение экспедиций существенным бременем ложились на акционеров РАК, компания решила и далее содействовать их отправлению [34. Л. 2–4]. Документооборот между ГП РАК и различными структурами Морского министерства рос каждый год. Обсуждались как текущие дела, так и долгосрочные планы. Серьезный акцент делался на том, чтобы эти экспедиции поднимали престиж РАК, с одной стороны, но и способствовали распространению знания о морских силах России – с другой. Однако мнение о тесном взаимодействии компании с Морским ведомством встречало и сопротивление, причем самое неожиданное. Так, В.М. Головнин, дважды отправлявшийся в кругосветные экспедиции за счет РАК и имевший подробные инструкции от Адмиралтейств-коллегии, в результате оставил весьма критические записки о компании и Русской Америке, которые повлияли на престиж Морского министерства [35. Л. 61]. Встречались и те, кто предлагал существенно сократить затраты на кругосветные экспедиции, а если потребуется, то использовать данные Великобритании и других стран, которые имели колонии в разных частях света. Заказывать же нужные для Аляски товары можно было бы, по мнению критиков, в Бостоне и на западе Северной Америки, а также привлекать к этому Компанию Гудзонова Залива [36]. Тревожные сигналы

поступали из Аляски. Так, М.И. Муравьев, будучи главным правителем колоний, встревоженно информировал свое начальство в Санкт-Петербурге о том, что важно предпринять эффективные меры для сохранения припасов, предназначавшихся для Русской Америки, так как часть из них оказывается непригодной к употреблению, достигнув пункта назначения [37; 38. С. 65–67].

Влияние Морского министерства на русские колонии в Америке значительно усиливается к 1817 г., когда окончательно принимается решение о том, что на смену купцу Баранову, который стоял во главе русских колоний с 1790 г., должны прийти кадровые морские офицеры. При этом ГП РАК удалось договориться таким образом, что срок службы в колониях морским офицерам засчитывался как срок на кораблях ВМФ в других регионах. Это изменение повлияло на весь оставшийся период истории Русской Америки. Яновский и Гагемейстер, ставшие вместо Баранова главными правителями, не имели коммерческой жилки, но были прекрасными моряками. Ими были инициированы исследования береговой линии русских колоний. Кроме того, во время кругосветного плавания они шли как под Андреевским флагом, так под коммерческим флагом РАК. Первые морские офицеры относились к своим обязанностям как к вынужденной нагрузке, имея в виду престиж морской службы, за которую они получали великолепное жалование, доходившее до 10 тыс. рублей в год. Кроме того, РАК, как правило, выплачивала двойное жалование экипажам судов, отправлявшимся из Охотска, а офицерскому составу доплачивало в зависимости от получения прибыли, и в удачные годы заработок главных правителей составлял до 100 тыс. рублей – фактически целое состояние по деньгам того времени [39. Л. 14–15].

В 1820–1821 гг., следуя рекомендациям Морского министерства и донесениям из колоний, в ГП РАК приняли решение ограничить торговлю с иностранцами в колониях, фактически проводить политику изоляционизма, наподобие Японии и Китая. Однако такое решение вскоре было признано ошибочным. В 1822 г. директор РАК И.В. Прокофьев отметил, что продолжение политики изоляционизма приведет к существенным финансовым затруднениям, и необходимо разрешить таковую торговлю. Кроме этого, возмутились представители Англии и США, которые настояли на заключении соглашений. В 1824–1825 гг. удалось заключить конвенции с США и Великобританией. При их подготовке принимали участие картографический департамент Морского министерства и чиновники МИДа.

С 1823 г., после общего собрания акционеров, состав контролирующих РАК государственных органов расширили. Кроме того, акционерами стали морские офицеры – участники кругосветных экспедиций. С.И. Яновский – морской офицер, после кончины своей жены – аборигенки из Аляски – принял монашеский постриг: на него повлияло общение с убогим Германом.

К концу первой четверти XIX в. начинает меняться понимание кругосветных экспедиций. Их в Морским министерстве стали рассматривать больше с точки зрения возможностей достижения Россией своих геополитических целей и лишь затем с позиции доставки припасов в Русскую Америку [33. С. 261]. Для этого, по мнению служащих ВМФ, необходимо привлекать иностранных корабельщиков. В это же время поступают заманчивые предложения от английских купцов, которые предлагали доставлять нужный для Аляски груз за приемлемую сумму. Это выглядело дешевле, чем доставка из Охотска [40]. Главный бухгалтер ГП РАК П.В. Боковиков считал, что корабль «Елена» не следовало нагружать товарами для колоний, так как для этих целей могли быть привлечены англичане. Стоимость кораблей «Елена», «Бородино» и «Кутузов» выходила почти 500 тыс. рублей, хотя они уже ходили в море и не были новыми.

В 1825–1827 гг. Морское министерство рекомендовало ГП РАК при расчете стоимости кругосветных экспедиций закладывать еще и политический фактор, т.е. иметь в виду заход судов в те порты и страны, которые важны для развития международных отношений России. Однако удлинение вояжей могло привести к тому, что товары и припасы будут доходить до колоний в испорченном виде. Поэтому морской офицер и главный правитель русских колоний на Аляске П.Е. Чистяков докладывал в Санкт-Петербург, в ГП РАК, о необходимости развивать собственную торговлю и не надеяться на морские экспедиции [41. Л. 13 об.–14].

Назрела необходимость составить список тех товаров, которые могут доставляться кругом света, и тех, которые можно приобретать на месте и у прибывающих судов из Бостона. Таковая ведомость была подготовлена в 1832 г. Ф.П. Врангелем, о чем он вскоре сообщил директорам РАК [42. Л. 114–119 об.].

Обучались морскому делу в России долго и тщательно. Все офицеры, особенно капитаны кораблей, великолепно разбирались в оснастке судов и парусном деле, могли ходить почти в безветрие и в жесточайшие штормы. Офицеры проявляли исключительные качества выживания: например, когда Коцебу оказался в открытом океане во время жесточайшее шторма, он ухватился за канат и смог взобраться на судно.

В ходе экспедиций проверялись навигационные приборы и хронометры, ход которых регулярно корректировали путем тщательных вычислений на берегу. Точно измерялись все географические объекты. Участники плаваний были великолепными картографами. Им удавалось наносить береговую линию даже в шторм, при этом современные спутниковые снимки почти полностью повторяют сделанное ими. Также устанавливались связи с колониальными властями; например, О.Е. Коцебу на судне «Рюрик» впервые посетил Чили, где впервые увидели русских морских офицеров.

Выводы

Таким образом, изучение большого количества исторических материалов показывает, что, невзирая на существенные издержки, кругосветные плавания с участием морских офицеров под Андреевским флагом систематически снаряжались в первые двадцать пять лет XIX столетия. Представителям Военно-морского фло-

та Российской империи приходилось преодолевать сопротивление со стороны отдельных министерств. Однако Морскому министерству удалось доказать, что Военно-морской флот России способен совершать дальние вояжи. Все экспедиции были частью общего процесса по развитию флота.

Кругосветные русские морские экспедиции первой четверти XIX в. стали важнейшей частью общего развития Военно-морских сил государства. Россия заявляет о себе как одна из немногих мировых держав, способная отправлять свои суда в дальние океанские плавания. Россия быстро завоевывает ведущее место в мире по совершаемым географическим открытиям. Ни одна страна в мире не совершала за первую четверть XVIII в. столько плаваний и такими протяженными маршрутами. В основном кругосветные плавания имели своей целью Аляску, но были и исключения – это стремление совершить географические открытия, – такой была экспедиция Лазарева и Беллинсгаузена, отрывшая Антарктиду.

Присутствие морских офицеров в колониях на Аляске способствовало укреплению российской идентичности. Действительно, историческая память и традиции имеют значение для формирования и поддержания локальной идентичности, часто являясь основным элементом самоопределения местного сообщества [43. С. 187]. Плавания, совершаемые «кругом света», повысили международный авторитет Российской империи, что оказало значительное влияние на ее стратегические возможности и содействовало решению задач в Европе.

Русские морские офицеры, посещая зарубежные страны, смогли зарекомендовать себя самым лучшим образом в глазах разных слоев колониальных сообществ. Появление современных военных многопушечных кораблей отечественного Военно-морского флота в колониальных портах европейских государств продемонстрировало силу России как морской державы. Этот факт способствовал установлению основ для взаимодействия между государствами. В такие страны уже после провозглашения ими независимости отправлялись российские послы, включая государства, ныне входящие в объединение БРИКС. Это особенно актуально в свете современных исследований проблем трансрегиональной интеграции [44. С. 10].

Анализ факторов, связанных с подготовкой, проведением и результатами морских экспедиций, помогает глубже осознать наследие России в глобальном контексте, а также создает основу для формирования и развития новых научных направлений в смежных областях и дисциплинах. К примеру, в области филологии можно разрабатывать карту языковых отношений россиян с коренными народами, обозначая виды взаимодействия с учетом условий и результатов, в религиоведении – рассматривать все аспекты миссионерской и просветительской деятельности Русской Православной Церкви.

Таким образом, морские экспедиции сыграли значительную роль в формировании идеологии российской внешней политики, создании центров политического влияния, активизации геополитической деятельности России. Экспедиции рассматривались империей с позиции институционально-структурного характера, как инструмент военно-морской политики, основанной на взаимодействии геополитических, экономических, научных и культурно-языковых факторов. И роль в этом Военно-морского флота России невозможно переоценить.

Список источников

1. Петров А.Ю., Климент (Капалин), митр., Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.
2. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб. : тип. Э. Веймара, 1861. Ч. 1. 464 с.
3. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб. : тип. Э. Веймара, 1863. Ч. 2. 780 с.
4. Ивашинцов Н.А. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1872. 245 с.
5. Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В., Коскина М.М. Актуальные проблемы изучения Русской Америки в современной отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 130–142.
6. Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро. М. : Междунар. отношения, 1959. 336 с.
7. Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро: происхождение, характер и эволюция // Американский экспансионизм: новое время / отв. ред. Г.Н. Севастьянов. М. : Наука, 1985. С. 49–65
8. Perkins D. Review Note // The American Historical Review. 1967. Vol. 73 (1). P. 85–87.
9. Ведущие научные школы России : справочник. М. : Янус-К, 1998. Вып. 1. 663 с.
10. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово : ИНТ, 2013. 618 с.
11. Савельев И.В. Особенности правового регулирования судоходства по северному морскому пути // Национальные и региональные особенности безопасности: вызовы и пути решения : сб. материалов V Всерос. конф. с междунар. участием / сост. И.А. Сивоброва. Архангельск : Типография А4, 2021. С. 394–400.
12. Galbraith J. The Hudson's. Bay company as an imperial factor, 1821–1869. Toronto : University of Toronto Press, 1957. 500 p.
13. Gibson J. The abortive first Russian circumnavigation: Captain Mulovsky's 1787 Expedition to the North Pacific // Terrae Incognitae. 1999. Vol. 31 (1). P. 49–60.
14. Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи? 1804–1867. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 317 с.
15. Ветер веков в парусах России : материалы XX Крашенинниковских чтений / сост. Г.П. Яроцкий. Петропавловск-Камчатский : Камчат. обл. науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова, 2003. 160 с.
16. Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. док. / сост. Т.С. Федорова, Л.В. Глазунова, Г.Н. Федорова и др. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1984. 320 с.
17. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 408.
18. РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 367.
19. Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. М. : Алетейя, 2019. 296 с.

20. Соколов А. Приготовление кругосветной экспедиции 1787 г. под начальством Муловского // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1848. Ч. VI. С. 142–191.
21. Соколов А. Муловский // Морской сборник. 1853. № 5. С. 358–361.
22. Ли Сюань. Первое русское кругосветное путешествие и колонизация Русской Америки (1803–1806) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 175–184.
23. РГАВМФ Ф. 315. Оп. 1 Д. 1914.
24. Из выписки из журнала командира брига «Рюрик» лейтенанта О.Е. Коцебу о плавании в Беринговом проливе, 17 июля – 1 октября 1816 г. // РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2531.
25. ГП РАК А.Я. Дашкову, 16 [28] октября 1814 г. // Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж. Браун и др. М. : Наука, 1980. С. 665–667.
26. Копелев Д.Н. «Все завоевания для России уже вполне совершились»: русские кругосветные плавания в динамике имперского строительства (первая половина XIX века) // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие : сб. науч. ст. по материалам XI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2023. С. 444–466.
27. Федоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж XVIII – начала XIX в. М. : Искусство, 1953. 581с.
28. РГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 188.
29. Чепурный К.В. О пребывании экспедиции И.Ф. Крузенштерна у берегов Сахалина и Курильских островов и значениях координат географических объектов, приведенных в его книге (к 220-летию начала экспедиции) // Вестник Сахалинского музея. 2023. № 2. С. 68–92.
30. Ельчанинов А.И. Русские географические названия на карте Аляски и Алеутских островов как объект культурного нематериального наследия // Журнал Института Наследия. 2021. № 2 (25). С. 1–15.
31. Добролюбов С.А. Российские экспедиции XIX века в Южном океане и их научное значение // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2020. № 3-4 (107-108). С. 90–98.
32. Barratt G. Russia and the South Pacific, 1696–1840. Vancouver : The University of British Columbia Press, 1988. 302 p.
33. История Русской Америки (1732–1867) : в 3 т. / род ред. Н.Н. Болховитинова. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. 3. 558 с.
34. ГП РАК – Департамент мануфактур торговли, 11 мая 1828 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 18. Оп. 5. Д. 1286.
35. Из инструкции Адмиралтейств-коллегии командиру шлюпа «Диана» 1 лейтенанту В.М. Головнину на время плавания из Кронштадта в Охотск 16 мая 1807 г. // РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 909.
36. Dmytryshyn B. N.P. Rezanov's inspection tour of Russian colonies in North Pacific and his visit to San Francisco, March 25 – May 10, 1806 // Русская Америка : материалы междунар. конф. «К 200-летию образования Рос.-амер. компании, 1799–1999», 6–10 сентября 1999 г. / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1999. С. 45–69.
37. М.И. Муравьев – ГП РАК, 17 января 1822 г. // The National Archives at College Park, Records of the Russian-American Company (NARS. RRAC). R. 27. P. 308–311.
38. Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.–Л. : Соцэкгиз, 1939. 260 с.
39. Доклад П.В. Чичагова Александру I о подготовке шлюпа «Диана» к кругосветному плаванию 22 мая 1807 г. // РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 100.
40. Исторический очерк деятельности Российско-американской компании, подготовленный в 1841 г. // Архив Русского Географического общества (АРГО). Разр. 99. Оп. 1. Д. 82.
41. Донесение П.Е. Чистякова в Главное правление РАК о прибытии в Ново-Архангельск шлюпов «Моллер» и «Сенявин», дружелюбном отношении моряков к аборигенам, важности пребывания в колониях военных судов // РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 31.
42. Донесение Ф.П. Врангеля в Главное правление РАК о необходимости обеспечения российско-американских колоний товарами и припасами в целях предотвращения сбыта туземцами пушнины Компании Гудзонова залива // РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 34.
43. Черных А.В. Традиционная культура русских в пространстве и времени: опыт сравнительного сопоставления исходной и переселенческой традиций (идентичность, историческая память и этнокультурные границы) // Этнография / Etnografia. 2023. № 1 (19). С. 183–202.
44. Пивовар Е.И. Межгосударственное объединение БРИКС. Страницы истории и современность // Вестник РГГУ. Сер. Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2024. № 1. С. 10–30.

References

1. Petrov, A.Yu., Kliment (Kapalin), mitr., Malakhov, M.G., Ermolaev, A.N. & Saveliev, I.V. (2011) Istoriya i nasledie Russkoy Ameriki [The History and Legacy of Russian America]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 12. pp. 1090–1099.
2. Tikhmenev, P.A. (1861) *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiysko-amerikanskoy kompanii i deystviy ee do nastoyashchego vremeni* [A Historical Review of the Formation of the Russian-American Company and Its Actions up to the Present Time]. Vol. 1. St. Petersburg: E. Veymar.
3. Tikhmenev, P.A. (1863) *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiysko-amerikanskoy kompanii i deystviy ee do nastoyashchego vremeni* [A Historical Review of the Formation of the Russian-American Company and Its Actions up to the Present Time]. Vol. 2. St. Petersburg: E. Veymar..
4. Ivashintsov, N.A. (1872) *Russkie krugosvetnye puteshestviya s 1803 po 1849 god* [Russian Voyages Around the World from 1803 to 1849]. St. Petersburg: tip. Mor. m-va.
5. Ierusalimskiy, Yu.Yu., Davydov, V.V. & Koskina, M.M. (2020) Current Issues in the Study of Russian America in Modern Russian Historical Literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 66. pp. 130–142. (In Russian).
6. Bolkhovitinov, N.N. (1959) *Doktrina Monro* [The Monroe Doctrine]. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya.
7. Bolkhovitinov, N.N. (1985) Doktrina Monro: proiskhozhdenie, kharakter i evolyutsiya [The Monroe Doctrine: Origin, Character, and Evolution]. In: Sevastyanov, G.N. (ed.) *Amerikanskiy ekspansionizm: novoe vremya* [American Expansionism: Modern Times]. Moscow: Nauka. pp. 49–65
8. Perkins, D. (1967) Review Note. *The American Historical Review*. 73(1). pp. 85–87.
9. Levin, A.S. et al. (1998) *Vedushchie nauchnye shkoly Rossii* [Leading Scientific Schools of Russia]. Vol. 1. Moscow: Yanus-K.
10. Ermolaev, A.N. (2013) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1799–1871 gg.)* [The Russian-American Company in Siberia and the Far East (1799–1871)]. Kemerovo: INT.
11. Saveliev, I.V. (2021) Osobennosti pravovogo regulirovaniya sudokhodstva po severnomu morskomu puti [of Legal Regulation of Navigation along the Northern Sea Route]. In: Sivobrova, I.A. (ed.) *Natsional'nye i regional'nye osobennosti bezopasnosti: vyzovy i puti resheniya* [National and Regional Security Features: Challenges and Solutions]. Arkhangelsk: Tipografiya A4. pp. 394–400.
12. Galbraith, J. (1957) *The Hudson's. Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869*. Toronto: University of Toronto Press.
13. Gibson, J. (1999) The abortive first Russian circumnavigation: Captain Mulovsky's 1787 Expedition to the North Pacific. *Terrae Incognitae.* 31(1). pp. 49–60.
14. Vinkovetskiy, I. (2015) *Russkaya Amerika: zaokeanskaya koloniya kontinental'noy imperii? 1804–1867* [Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire? 1804–1867]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Yarotskiy, G.P. (ed.) (2003) *Veter vekov v parusakh Rossii* [The Wind of Centuries in the Sails of Russia]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchat. obl. nauch. b-ka im. S.P. Krasheninnikova.

16. Fedorova, T.S., Glazunova, L.V., Fedorova, G.N. et al. (eds) (1984) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu Severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian Expeditions to Study the North Pacific Ocean in the First Half of the 18th Century: A Collection of Documents]. Moscow: Nauka.
17. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). Fund 172. On. 1. File 408.
18. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). Fund 172. On. 1. File 367.
19. Sokolov, A.B. (2019) *"Prav', Britaniya, moryami"? Politicheskie diskussii v Anglii po voprosam vneshney i kolonial'noy politiki v XVIII veke* ["Rule, Britannia, the Seas!"? Political Debates in England on Foreign and Colonial Policy in the 18th Century]. Moscow: Aleteyya.
20. Sokolov, A. (1848) Prigotovlenie krugosvetnoy ekspeditsii 1787 g. pod nachal'stvom Mulovskogo [Preparation of the 1787 Circumnavigation Expedition under the Command of Mulovsky]. *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva*. VI. pp. 142–191.
21. Sokolov, A. (1853) Mulovskiy. *Morskoy sbornik*. 5. pp. 358–361.
22. Li, Xuan. (2023) Pervoe russkoe krugosvetnoe puteshestvie i kolonizatsiya Russkoy Ameriki (1803–1806) [The First Russian Voyage Around the World and the Colonization of Russian America (1803–1806)]. *Gumanitarnyy vektor*. 18(3). pp. 175–184.
23. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). Fund 315. List 1 File 1914.
24. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). *Iz vypiski iz zhurnala komandira briga "Ryurik" leytenanta O.E. Kotsebu o plavanii v Beringovom prolive, 17 iyulya – 1 oktyabrya 1816 g.* [Extract from the Log of the Brig "Rurik" Commander Lieutenant O.E. Kotzebue on the Voyage in the Bering Strait, July 17 – October 1, 1816]. Fund 166. List 1. File 2531.
25. Bashkina, N.N., Bolkhovitinov, N.N., Brown, J. et al. (eds) (1980) *Rossiya i SShA: stanovlenie otnosheniy, 1765–1815* [Russia and the USA: The Establishment of Relations, 1765–1815]. Moscow: Nauka. pp. 665–667.
26. Kopelev, D.N. (2023) "Vse zavoevaniya dlya Rossii uzhe vpolne sovershilis'": russkie krugosvetnye plavaniya v dinamike imperskogo stroitel'stva (pervaya polovina XIX veka) ["All Conquests for Russia Have Already Been Fully Accomplished": Russian Circumnavigations in the Dynamics of Imperial Building (First Half of the 19th Century)]. In: *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, sokhranenie i razvitie* [Natural and Cultural Heritage: Interdisciplinary Research, Preservation and Development]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. pp. 444–466.
27. Fedorov-Davydov, A.A. (1953) *Russkiy peyzazh XVIII – nachala XIX v.* [The Russian Landscape of the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow: Iskusstvo.
28. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). Fund 14. List 1. File 188.
29. Chepurnyy, K.V. (2023) O prebyvanii ekspeditsii I.F. Kruzenshterna u beregov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov i znacheniyakh koordinat geograficheskikh ob"ektov, privedennykh v ego knige (k 220-letiyu nachala ekspeditsii) [On the Stay of I.F. Krusenstern's Expedition off the Coasts of Sakhalin and the Kuril Islands and the Values of the Coordinates of Geographical Objects Given in His Book (On the 220th Anniversary of the Expedition's Start)]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*. 2. pp. 68–92.
30. Elchaninov, A.I. (2021) Russkie geograficheskie nazvaniya na karte Alyaski i Aleutskikh ostrovov kak ob"ekt kul'turnogo nematerial'nogo naslediya [Russian Geographical Names on the Map of Alaska and the Aleutian Islands as an Object of Intangible Cultural Heritage]. *Zhurnal Instituta Naslediya*. 2(25). pp. 1–15.
31. Dobrolyubov, S.A. (2020) Rossiyskie ekspeditsii XIX veka v Yuzhnom okeane i ikh nauchnoe znachenie [Russian Expeditions of the 19th Century in the Southern Ocean and Their Scientific Significance]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy*. 3-4(107-108). pp. 90–98.
32. Barratt, G. (1988) *Russia and the South Pacific, 1696–1840*. Vancouver: The University of British Columbia Press.
33. Bolkhovitinov, N.N. (ed.) (1999) *Istoriya Russkoy Ameriki (1732–1867)* [History of Russian America (1732–1867)]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya.
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). *GP RAK – Departament manufaktur torgovli, 11 maya 1828 g.* [Main Board of the RAC – Department of Manufactures and Trade, May 11, 1828]. Fund 18. List 5. File 1286.
35. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). *Iz instruktsii Admiralteystv-kollegii komandiru shlyupa "Diana" 1 leytenantu V.M. Golovninu na vremya plavaniya iz Kronshtadta v Okhotsk 16 maya 1807 g.* [Instruction from the Admiralty College to the Commander of the Sloop "Diana" Lieutenant V.M. Golovnin for the Voyage from Kronstadt to Okhotsk, May 16, 1807]. Fund 166. List 1. File 909.
36. Dmytryshyn, V. (1999) N.P. Rezanov's inspection tour of Russian colonies in North Pacific and his visit to San Francisco, March 25 – May 10, 1806. In: Bolkhovitinov, N.N. (ed.) *Russkaya Amerika* [Russian America]. Moscow: [s.n.]. pp. 45–69.
37. The National Archives at College Park, Records of the Russian-American Company (NARS. RRAC). *M.I. Murav'ev – GP RAK, 17 yanvarya 1822 g.* [M.I. Muravyov – Main Board of the RAC, January 17, 1822]. R. 27. pp. 308–311.
38. Okun, S.B. (1939) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya* [The Russian-American Company]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz.
39. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). *Doklad P.V. Chichagova Aleksandru I o podgotovke shlyupa "Diana" k krugosvetnomu plavaniyu 22 maya 1807 g.* [Report by P.V. Chichagov to Alexander I on the Preparation of the Sloop "Diana" for a Circumnavigation, May 22, 1807]. Fund 227. List 1. File 100.
40. The Archive of the Russian Geographical Society (ARGO). *Istoricheskiy ocherk deyatel'nosti Rossiysko-amerikanskoy kompanii, podgotovlennyy v 1841 g.* [Historical Outline of the Activities of the Russian-American Company, prepared in 1841]. Fund. 99. List 1. File 82.
41. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). *Donesenie P.E. Chistyakova v Glavnoe pravlenie RAK o pribytii v Novo-Arkhangel'sk shlyupov "Moller" i "Senyavin", druzhelyubnom otnoshenii moryakov k aborigenam, vazhnosti prebyvaniya v koloniyakh voennykh sudov* [Report by P.E. Chistyakov to the Main Board of the RAC on the Arrival of the Sloops "Moller" and "Seniavin" in Novo-Arkhangelsk, the Friendly Attitude of the Sailors towards the Natives, and the Importance of Warships Staying in the Colonies]. Fund 1375. List 1. File 31.
42. The Russian State Naval Archive (RGAVMF). *Donesenie F.P. Vrangelya v Glavnoe pravlenie RAK o neobkhodimosti obespecheniya rossiysko-amerikanskikh koloniy tovarami i pripasami v tselyakh predotvrashcheniya sbyta tuzemtsami pushniny Kompanii Gudzonova zaliva* [Report by F.P. Wrangel to the Main Board of the RAC on the Need to Supply the Russian-American Colonies with Goods and Supplies to Prevent the Natives from Selling Furs to the Hudson's Bay Company]. Fund 1375. List 1. File 34.
43. Chernykh, A.V. (2023) Traditsionnaya kul'tura russkikh v prostranstve i vremeni: opyt sravnitel'nogo sopostavleniya iskhodnoy i pereselencheskoy traditsiy (identichnost', istoricheskaya pamyat' i etnokul'turnye granitsy) [Traditional Russian Culture in Space and Time: Experience of a Comparative Analysis of the Original and Resettled Traditions (Identity, Historical Memory, and Ethnocultural Boundaries)]. *Etnografiya / Etnografia*. 1(19). pp. 183–202.
44. Pivovar, E.I. (2024) Mezhgosudarstvennoe ob"edinenie BRIKS. Stranitsy istorii i sovremennost' [The BRICS Interstate Association. Pages of History and Modernity]. *Vestnik RGGU. Ser. Evraziyskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 10–30.

***Сведения об авторах*:**

Петров Александр Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук; профессор Московского государственного лингвистического университета. E-mail: alaska13@yandex.ru

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Petrov Aleksandr Yu. – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alaska13@yandex.ru
Ierusalimskiy Yuri Yu. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian Medieval and Modern History of P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 15.05.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 908
doi: 10.17223/19988613/97/12

Социально-политический портрет молодежи на страницах газет «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь» в 1905–1907 гг.

Илья Денисович Филонов

Томский государственный университет, Томск, Россия, filonov_ilya@vk.com

Аннотация. На основе материалов газет «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь» рассматривается социально-политический портрет молодого поколения в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Приведен ряд доказательств в пользу версии о преимущественно положительном отношении газеты «Восточное обозрение» к молодежи. Приводятся аргументы, объясняющие двойственность позиции представителей «Сибирской жизни» по отношению к молодому поколению. Также выделены основные категории образов молодежи, встречающиеся в рассмотренных периодических изданиях.
Ключевые слова: молодежь, периодическая печать, Сибирь, «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», Первая русская революция

Для цитирования: Филонов И.Д. Социально-политический портрет молодежи на страницах газет «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь» в 1905–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 96–101. doi: 10.17223/19988613/97/12

Original article

Socio-political portrait of youth on the pages of the newspapers “Eastern Outlook” and “Siberian Life” in 1905–1907

Ilya D. Filonov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, filonov_ilya@vk.com

Abstract. The work, based on the materials from the newspapers «Eastern Outlook» and «Siberian Life», examines the socio-political portrait of the younger generation during the First Russian Revolution of 1905 – 1907. The aim of the study is to reconstruct the socio-political portrait of a youth representative in 1905 – 1907 by identifying the main categories of images of representatives of the younger generation. The choice of two mentioned publications is due to the fact that they were distinguished by a liberal orientation and friendly relations, but the nature of the image’s representation varied depending on the publication. The research methodology is defined, which includes methods of comparison, content analysis, intent analysis, as well as the historical and typological method. A brief description of the category «youth» is given, the age limits of youth are determined. In the course of the work, a number of proofs are given in favor of the version about the predominantly positive attitude of the newspaper «Eastern Outlook» to young people due to the ideologization of the editorial office of the publication. The strict regional orientation of the «Eastern Outlook» dictated to the editorial office the need to censor the materials received by the newspaper. The arguments explaining the ambivalence of the position of representatives of the «Siberian Life» in relation to the younger generation are presented. This is due to the less strict censorship framework of the publication. A wide range of Siberian social forces collaborated with the editorial office, including the leaders of the regional movement. In the final part of the study, the main categories of youth images found in the reviewed periodicals are highlighted: student, young soldier, protester, worker. The conclusion was made about the positive or negative nature of certain categories. Some of the mentioned categories were characterized by a duality of coloring, and they could be used in both positive and negative contexts. The study also contained neutral categories.
Keywords: youth, periodicals, Siberia, “Eastern Outlook”, “Siberian Life”, The First Russian Revolution

For citation: Filonov, I.D. (2025) Socio-political portrait of youth on the pages of the newspapers “Eastern Outlook” and “Siberian Life” in 1905–1907. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 96–101. doi: 10.17223/19988613/97/12

© И.Д. Филонов, 2025

В первой четверти XX в. общественное движение на территории Сибири проходит этап своего активного становления. Важной вехой в этом процессе стала Первая русская революция, которая расширила возможности общества для самоорганизации. В деятельности сибирского общественного движения принимали участие разные группы населения. Одной из таких групп была молодежь. Представители этой социальной страты были одними из наиболее активных участников событий 1905–1907 гг.

Актуальность исследования объясняется тем, что отношение представителей сибирских либеральных изданий конца IX – начала XX в. к молодому поколению изучено недостаточно. При этом способы репрезентации молодежи в сибирской периодике начала XX в. совпадают со способами описания молодого поколения в современных медиа [1]. Такое сходство методов, используемых в СМИ, демонстрирует устойчивость образов в культуре и представлениях общества о том, каким должно быть молодое поколение. Поэтому изучение репрезентаций молодежи в СМИ в начале XX в. позволяет лучше понять современные способы изображения молодых людей в массовой культуре и медиа, а также истоки данных культурных паттернов.

Историография вопроса представлена работами Н.В. Жиляковой, М.В. Шиловского, В.П. Зиновьева, И.Л. Дамешек, С.Ф. Коваля и др., которые составили подробную характеристику общественного движения в Сибири в конце XIX – начале XX в. Они описали истоки и развитие этого движения. Подробно были изучены отдельные объединения участников общественного движения в Сибири (например, областническое движение). При этом состав участников изучен недостаточно. Связи между категориями населения, принимавшими участие в сибирском общественном движении, не раскрыты в полной мере. Не описаны категории образов, посредством которых участники общественного движения воспринимались окружающими.

Цель настоящего исследования – реконструкция по материалам сибирских либеральных периодических изданий «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь» социально-политического портрета представителя молодежи в 1905–1907 гг. посредством выявления основных категорий образов представителей молодого поколения.

Выбор газет «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь» в качестве основных источников для проведения исследования объясняется тем, что оба периодических издания отличала либеральная риторика по отношению к политическому развитию России и Сибири. Отличались представители обоих изданий и своим близким сотрудничеством. Областники, стоявшие за «Восточным обозрением», принимали участие в создании материалов для «Сибирской жизни», а Г.Н. Потанин редактировал в 1903 – 1904 гг. ежемесячное иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни». Несмотря на близкое сотрудничество и единство в политических взглядах, образ молодежи, который создавался данными изданиями, не был единым и однозначным по характеристикам, даваемым молодому поколению.

При проведении исследования были использованы сравнительный метод, методы контент-анализа, интент-анализа, а также историко-типологический метод. Метод сравнения лежит в основе работы, поскольку в статье сравнивается образ молодежи в разных газетах. Контент-анализ применялся для подробного анализа заметок про молодое поколение. Интент-анализ использовался для определения подтекста категории молодости в газетах. Историко-типологический метод применен при определении типов образов молодежи на страницах рассматриваемых периодических изданий.

Прежде чем переходить непосредственно к анализу газетных материалов, следует уточнить возрастные границы категории молодости, у которой есть множество трактовок. В соответствии с законодательством современной России, молодыми являются люди «в возрасте от 14 до 35 лет включительно» [2]. ООН предлагает считать молодежью людей в возрасте от 14 до 24 лет [3]. На сегодняшний день в научном сообществе нет единой трактовки границ молодости [4. С. 153–154]. По этой причине данная категория остается размытой и определяется представителями различных культур по-разному. Возрастная дифференциация в дореволюционной России не была достаточно изучена и определена, поэтому границы молодости в 1905–1907 гг. можно считать непостоянными и меняющимися в зависимости от личных стереотипов членов общества. Тем не менее для категории молодости было и остается характерным наличие определенных социальных маркеров, посредством которых осуществляется типизация человека по признаку его принадлежности к тому или иному поколению (например, для молодежи характерен статус учащегося).

Можно сделать вывод, что категория молодости в 1905–1907 гг. осмыслялась через призму сочетания биологического возраста и социального статуса, характерного для молодежи. Так, по мнению автора заметки «О. Георгий Гапон» в «Восточном обозрении», Гапон характеризовался как «молодой человек» в возрасте 28 лет в период его обучения в духовной академии в 1898 г. [5].

Таким образом, в связи с трудностями определения категории молодости в данном исследовании будут использованы материалы про молодежь, для которых характерно присутствие личной оценки со стороны их авторов в пользу молодости участников описываемых событий.

Начавшаяся в 1905 г. революция расширила возможности участия общества в делах государства. Стали возможны массовые публичные акции и непубличные объединения. Роль молодежи в деятельности общественных движений нашла отражение на страницах сибирской прессы, одним из заметных представителей которой являлась областническая газета «Восточное обозрение».

«*Восточное обозрение*» (1882–1906) – частное издание, основанное Н.М. Ядринцевым в Санкт-Петербурге, а с 1 января 1888 г. выходившее в Иркутске, где редакторами газеты были В.А. Ошурков, Д.А. Клеменц, А.Н. Ушаков, И.Г. Шешунов, И.И. Попов, И.С. Фатеев. В газете часто публиковались материалы, посвя-

щенные научному изучению Сибири. Редакторский состав газеты стоял на позициях сибирского областничества, что отразилось в деятельности данной газеты. Постепенно Н.М. Ядринцев отходил от работы над изданием новых номеров газеты, что напрямую отразилось на спаде накала полемики с другими общественно-политическими силами. Газета была навсегда закрыта в январе 1906 г. [6. С. 165–166].

Новые номера выходили почти ежедневно. В промежутке между 1899 и 1905 гг. ежегодно выходило от 280 до 310 номеров. В 1906 г. вышло лишь 19 новых выпусков газеты, прежде чем издание подверглось цензуре и закрытию. Объем проанализированных в ходе настоящего исследования выпусков «Восточного обозрения» за 1905–1906 гг. составляет 309 номеров. Заметки с прямым либо косвенным упоминанием молодежи встречаются почти в каждом выпуске газеты, однако их количество, приходящееся на случайный номер за 1905–1906 гг., невысоко и составляет (при наличии) от одной до пары заметок. Косвенные упоминания молодого поколения также содержатся в публикуемых объявлениях. Их содержание заключается в том, что молодые люди ищут работу [7–9] или курсы по повышению навыков [10].

Издание «Восточное обозрение» принадлежало областникам и потому выступало основным рупором пропаганды сибирской автономии. Параллельно с этим областники продвигали повестку, соответствующую либеральной идеологии: они выступали за развитие женского образования [11], развитие образования в целом [12, 13], за расширение прав туземного населения [14], а также за развитие гражданских прав и свобод [15. С. 447].

В соответствии со своими идеологическими установками областники видели в представителях молодежи одну из основных движущих сил прогресса на территории Сибири. Социальный образ молодежи, отраженный на страницах газеты, носил положительный характер. Представители молодого поколения, по мнению членов редакции газеты, стали движущей силой Первой русской революции. На страницах издания был составлен романтический образ молодежи. В заметке «О. Георгий Гапон» основной участник Кровавого воскресенья Георгий Гапон описывается как молодой и энергичный человек, участвующий в деятельности земства и ведущий активную социальную жизнь. Молодежь, по мнению представителей газеты, не может реализовать свои устремления из-за отсутствия гражданских прав и возможностей для самореализации в России: «Четырехлетнее пребывание в академии убеждает о. Гапона в абсолютном отсутствии свободы науки и ее главного двигателя – мысли» [5].

Дополняет положительный образ молодого поколения и то, что представители молодежи описывались как основные участники демонстраций и публичных похорон жертв черносотенных погромов. В разделе «Иркутская хроника» описывались похороны П.Н. Лагутина, который стал одной из жертв нападения черносотенцев 17 октября 1905 г. В материале была сделана ремарка, что бóльшая часть пришедших людей принадлежала к категории молодежи [16].

Также газета «Восточное обозрение» раскрывала образ молодежи посредством описания ее участия в русско-японской войне. В издании делался акцент на молодом возрасте участников военного конфликта со стороны России. В газете регулярно печатали военные сводки, и их основными участниками нередко были «молодые офицеры» [17].

Роль молодых людей в русско-японском конфликте описывалась также и с точки зрения налаживания дружеских межнациональных отношений. Сообщалось, что среди японской и русской молодежи создаются общества, «ставящие себе целью всеми силами способствовать возможно быстрому и дружескому единению Японии и России» [18].

Содержались в издании и негативные оценки молодежи. Например, описывается тяжелое положение женщин и сестер милосердия, следующих вместе с солдатами на поездах. Сравнивается поведение старых и молодых солдат по отношению к другим пассажирам: «Солдаты старых сроков службы ведут себя сдержанно, молодежь отличается разнузданностью и отсутствием дисциплины» [19].

В заметке из другого номера опубликовано сообщение о случае воровства в почтовой конторе [20]. Виновником оказался молодой телеграфист с «хорошей доселе репутацией». Случай описывается как «такой печальный».

Таким образом, молодежь, по описанию представителей газеты «Восточное обозрение», характеризовалась как наиболее активная часть общества, которая участвовала во всех основных событиях политической жизни страны и выступала движущей силой исторических процессов в период 1905–1907 гг. Молодое поколение, как считали представители издания, должно было обязательно заниматься своим образованием. Образ молодежи характеризовался активной социальной жизнью, выраженной гражданской позицией и стремлением к учебе. В газете описывались и негативные проявления со стороны молодежи, однако все эти случаи носили характер единичных эксцессов и занимали незначительное место среди других материалов издания. Данный образ сохранялся вплоть до закрытия газеты в 1906 г. за критику представителей местных властей.

«*Сибирская жизнь*» (1897–1918; 1918–1919) – частное издание, основанное томским меценатом и предпринимателем П.И. Макушиным. В редакторский состав газеты входили профессора Томского университета (И.А. Малиновский, М.Н. Соболев, Г.Б. Баитов, М.Р. Бейлин, Г.И. Козлов, В.М. Крутовский, А.В. Адрианов). С редакцией сотрудничали и другие профессора университета, а также сибирские общественные деятели.

Накануне Первой русской революции количество номеров «Сибирского вестника», издаваемых ежегодно, составляло от 280 до 300. В период 1905–1906 гг. число публикуемых номеров сократилось и составляло 264 номера в 1905 г., 226 номеров в 1906 г. и 199 в 1907 г. После революции выпуск газеты возобновился с прежними темпами. Объем проанализированной в процессе настоящего исследования информации составил 467 номеров газеты за 1905–1907 гг. и 48 номеров за 1908 г.

Молодое поколение упоминается почти в каждом номере газеты. Встречаются заметки, непосредственно ему посвященные, и те, в которых молодежь фигурирует лишь косвенно. Косвенные упоминания молодежи содержатся в том числе в рекламном блоке «Сибирской жизни». Характер этих материалов идентичен объявлениям, упоминавшим молодежь, которые публиковались в рекламном блоке газеты «Восточное обозрение». В «Сибирской жизни» так же печатались объявления соискателей и работодателей [21] или о желании нанять молодых людей для осуществления работ [22–24]. От лица молодых людей публиковались объявления о поиске места проживания [25], поиске учителя для дополнительных занятий [26].

На страницах газеты «Сибирская жизнь» также встречались описания социального портрета молодого поколения. Их характер был менее однозначным, чем в газете «Восточное обозрение». Причиной этому может служить то, что в «Сибирской жизни» публиковались материалы множества людей, чья позиция могла не совпадать с мнением редакции. Благодаря этому образ молодежи конструировался через призму восприятия представителей различных политических сил.

Позитивный образ молодых людей был схож с образом, который формулировался «Восточным обозрением». В разделе «Корреспонденция» из г. Каркаралинска содержалось сообщение о смерти молодого врача, умершего от тифа [27]. Покойный описывался как человек «молодой и энергичный, сразу завоевавший симпатии каркаралинцев». По словам автора письма, поступившего в редакцию «Сибирской жизни», молодой человек имел большие амбиции на обучение за границей. Примечательно, что, по информации из заметки, «молодому» человеку в момент смерти было 32 года.

Представители газеты «Сибирская жизнь» уделяли большое внимание учащейся молодежи. Они полагали, что образование, и особенно высшее, является безусловным благом для подрастающего поколения: «Учащаяся молодежь, оторванная от постоянной научной работы и университетской среды, неизбежно утратит привычку к систематическому труду, который является залогом плодотворной общественной деятельности», – писали по этому поводу в разделе «Томская хроника» [28].

В газете положительно оценивалось участие томского и пермского студенчества в культурной жизни города посредством организации выставки в помещении Томской биржи: «С этой стороны нельзя не приветствовать симпатичного начинания учащейся молодежи в нашем городе: посвящать часы досуга не праздному времяпрепровождению в биллиарных ресторанах и пр., а развитию в себе художественных запросов эстетики» [29].

Молодежь, по мнению представителей издания, была одним из ключевых участников революционных событий. В материалах газеты описывается прямое участие в агитации и митингах молодых людей. В одной из заметок сообщалось о том, что молодежь Омска 21 мая 1906 г. вышла на улицы и стала проводить массовую агитацию горожан: «Молодежь пешком и на велосипедах носилась по улицам, ловя избирателей, вручая с.-д. бюллетени, распространяя красные плакаты, которые виднелись даже на спинах» [30]. Позже, по материалам заметки, эта же молодежь организовала многотысячный митинг напротив здания городской думы. В конце автор заметки, некий «Странник», указывал на тяжелое положение «омского режима», которое стало причиной победы социал-демократов.

Участие молодого поколения в революционных событиях было упомянуто и в заметке «Судебная палата об отказе защищать политического противника» [31]. В данном материале сообщалось о молодом адвокате, который отказался защищать в суде солдата полка, участвовавшего в подавлении декабрьского восстания в Москве. Был сделан акцент на революционном настрое молодого присяжного поверенного, поскольку именно этот факт стал причиной конфликта и вмешательства в ситуацию судебной палаты. Данная заметка носила нейтральный характер и демонстрировала активную политическую позицию молодежи.

Негативные характеристики сводились к тому, что новое поколение вносит смуту в общественную жизнь России и Сибири, молодые люди рассматривались как основной источник беспорядков и насилия. В заметке «Русская жизнь» описано отношение крестьянства к молодежному движению на селе [32]. Деревенская молодежь характеризуется как наиболее «экспансивный» революционный элемент в сельской местности, «хулиганские» начинания которого не вызывают одобрения значительной части среднего крестьянства, ведущей самостоятельное хозяйство. При этом неработающая сельская молодежь принудила других крестьян подчиниться своей воле и посредством угроз пресекала любое проявление несогласия со стороны работающих крестьян-середняков. По словам автора заметки, в деревне возникло движение в среде крестьян со средним достатком, направленное на борьбу с влиянием молодежи на село.

Образ молодежи как нестабильного элемента подкрепляет и другой материал газеты. В одном из опубликованных писем в редакцию содержится сообщение о покушении молодого еврея на убийство рабочего варшавской мастерской. Причиной этого поступка стал отказ рабочего на требование преступника прекратить работу и присоединиться к стачке [33].

В редакцию газеты поступали сообщения об участии молодежи в беспорядках и совершении преступлений. В одном из таких материалов сообщалось, что в населенном пункте Золотоноша вооруженные молодые люди совершили разбойное нападение на квартиру протоирея и похитили 300 рублей [34]. Похожий материал о преступной деятельности молодежи приводился и в другом номере за 1907 г. Сообщалось об участии молодежи в разбойном нападении на контору торговца мукой М.П. Севастьянова [35]. Другая заметка, опубликованная в издании, сообщала о пьяном молодом человеке, который напал на городового [36]. Молодые люди также описывались как участники межнациональных конфликтов на почве антисемитизма [37].

Тем самым образ нового поколения на страницах издания «Сибирская жизнь» носил неоднозначный характер. С одной стороны, молодежь описывалась

как надежда и будущее страны, но с другой, она представлялась авторам материалов газеты как основной источник нестабильности в обществе.

По материалам сибирских изданий начала XX в. можно выделить основные образы, через призму которых описывалась молодежь. В материалах областнического издания «Восточное обозрение» в основном фигурировали следующие категории молодых людей: студент, протестующий, солдат. Эти образы в основной массе носили положительную окраску. Студенты были жадными до знаний, протестующие боролись за расширение прав и свобод, а молодые солдаты не по своей воле стали участниками войны. Молодежь, в представлении редакторов газеты, вела активную социальную жизнь и всячески проявляла себя в ходе ключевых процессов, происходящих в России. Встречались в газете и негативные окраски образов. Например, молодые солдаты по причине отсутствия дисциплины могли провоцировать конфликты.

«Сибирская жизнь» рисовала более двойственный коллективный портрет молодого поколения. Так, образ студента описывался через призму положительных качеств молодежи, стремящейся к познанию нового и открытой миру. Встречалась в газете и категория молодых рабочих, и представителями «Сибирской жизни» высоко оценивались профессиональные качества молодых специалистов. Но важное место занимали в издании и образы с негативной окраской. Например, образ участника революционных событий мог описываться с позиции нестабильности взглядов таких людей по причине малого возраста. Важное место в издании занимал и образ молодого преступника. Во многих номерах газеты сообщалось о преступлениях, совершаемых молодежью.

В ходе исследования были уточнены возрастные границы молодости, в том числе применительно к пониманию журналистов начала XX в., а также охарактеризованы издания, рассмотренные в работе. Обе газеты носили либеральный характер, что стало решающим фактором, определившим их в целом положительное отношение к молодежи. При этом «Восточное обозрение» продвигало практически исключительно позитивный образ молодежи, тогда как «Сибирская жизнь» давала более неоднозначную характеристику молодому поколению, приводя еще и негативные аспекты его собирательного портрета.

Список источников

1. Пыстина О.В. Образ молодежи в региональных СМИ (на материале периодической печати республики Коми) // Ученые записки Новгородского государственного университета имена Ярослава Мудрого. 2015. № 1 (1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-molodezhi-v-regionalnyh-smi-na-materiale-periodicheskoy-pechati-respubliki-komi (дата обращения: 25.06.2024).
2. О молодежной политике в Российской Федерации : федеральный закон от 30.12.2020 № 389-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 17.06.2024).
3. Youth // United Nations. URL: https://www.un.org/en/global-issues/youth (accessed: 17.06.2024).
4. Галлере И. Категоризация понятия молодости // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. № 1. С. 153–155.
5. О. Георгий Гапон // Восточное обозрение. 1905. 23 янв. С. 3.
6. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.) : сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск : Ветер, 2011. 375 с.
7. Реклама. Приезжий молодой человек // Восточное обозрение. 1906. 15 янв. С. 4.
8. Реклама. Молодая особа // Восточное обозрение. 1906. 19 янв. С. 4.
9. Реклама. Молодой приезжий // Восточное обозрение. 1905. 24 мая. С. 4.
10. Реклама. Молодой человек // Восточное обозрение. 1905. 1 февр. С. 4.
11. Отчет за академический, 1859–1860 год // Томские губернские ведомости. 1861. 21 апр. С. 4.
12. Ядринцев Н.М. Общественная жизнь в Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. 5 февр. С. 1–4.
13. Головинов А.В. Образование в культурно-просветительской программе сибирского областничества второй половины XIX начала XX в // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 59–61.
14. Потанин Г.Н. Инородческий вопрос в Сибири // Восточное обозрение. 1884. № 26. С. 9–11.
15. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
16. Иркутская хроника. Похороны П.Н. Лагутина // Восточное обозрение. 1905. 17 нояб. С. 2.
17. Из воспоминаний об Артуре // Восточное обозрение. 1905. 5 июля. С. 2.
18. Сибирские вести // Восточное обозрение. 1905. 29 дек. С. 2.
19. Сибирские вести // Восточное обозрение. 1906. 14 янв. С. 1.
20. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1906. 19 янв. С. 2.
21. Объявления. Молодой человек // Сибирская жизнь. 1905. 11 янв. С. 4.
22. Объявления. Нужна девушка // Сибирская жизнь. 1906. 6 янв. С. 4.
23. Объявления. Девушка // Сибирская жизнь. 1906. 2 февр. С. 4.
24. Объявления. Нужна девушка // Сибирская жизнь. 1906. 10 февр. С. 4.
25. Объявления. Молодой человек // Сибирская жизнь. 1906. 11 янв. С. 4.
26. Объявления. Студент (классик) // Сибирская жизнь. 1905. 10 июля. С. 4.
27. Корреспонденция // Сибирская жизнь. 1905. 5 янв. С. 2.
28. Томская хроника // Сибирская жизнь. 1905. 28 сент. С. 3.
29. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1908. 13 апр. С. 2.
30. По Сибири // Сибирская жизнь. 1906. 23 июня. С. 3.
31. Судебная палата об отказе защищать политического противника // Сибирская жизнь. 1909. 19 апр. С. 6.
32. Русская жизнь // Сибирская жизнь. 1907. 18 апр. С. 4.
33. Телеграммы // Сибирская жизнь. 1906. 23 июня. С. 2.
34. Телеграммы // Сибирская жизнь. 1907. 22 мая. С. 2.
35. Красноярск (Опять «экспроприация») // Сибирская жизнь. 1907. 17 авг. С. 3.
36. Официальный отдел // Сибирская жизнь. 1907. 26 июня. С. 2.
37. Из камеры мирового судьи // Сибирская жизнь. 1907. 18 июля. С. 3.

References

1. Pystina, O.V. (2015) Obraz molodezhi v regional'nykh SMI (na materiale periodicheskoy pechati respubliki Komi) [The image of youth in regional media (based on the periodical press of the Komi Republic)]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imena Yaroslava Mudrogo*. 1(1). p. 8.
2. Russian Federation. (2020) *O molodezhnoy politike v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 30.12.2020 № 389-FZ* [On Youth Policy in the Russian Federation: Federal Law No. 389-FZ of December 30, 2020]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (Accessed: 17th June 2024).
3. UNO. (n.d.) Youth. [Online] Available from: https://www.un.org/en/global-issues/youth (Accessed: 17th June 2024).
4. Gallere, I. (2020) Kategorizatsiya ponyatiya molodosti [Categorization of the concept of youth]. *Mezhpokolencheskie otnosheniya: sovremennyy diskurs i strategicheskie vybory v psikhologo-pedagogicheskoy nauke i praktike*. 1. pp. 153–155.
5. *Vostochnoe obozrenie*. (1905a) O. Georgiy Gapon [Fr. Georgy Gapon]. 23th January. p. 3.
6. Kosykh, E.N. & Yakovenko, A.V. (2011) *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Periodical Press of Siberia (Second Half of the 19th Century – February 1917): A Consolidated Index of Periodical and Serial Publications]. Tomsk: Veter.
7. *Vostochnoe obozrenie.* (1906a) Reklama. Priezzhiy molodoy chelovek [Advertisement. A Young Man Who Has Arrived]. 15th January. p. 4.
8. *Vostochnoe obozrenie.* (1906b) Reklama. Molodaya osoba [Advertisement. A Young Lady]. 19th January. p. 4.
9. *Vostochnoe obozrenie*. (1905b) Reklama. Molodoy priezzhiy [Advertisement. A Young Man Who Has Arrived]. 24th May. p. 4.
10. *Vostochnoe obozrenie*. (1905c) Reklama. Molodoy chelovek [Advertisement. A Young Man]. 1st February. p. 4.
11. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1861) Otchet za akademicheskiy, 1859–1860 god [Report for the Academic Year 1859–1860]. 21st April. p. 4.
12. Yadrintsev, N.M. (1865) Obshchestvennaya zhizn' v Sibiri [Public Life in Siberia]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 5th Feruary. pp. 1–4.
13. Golovinov, A.V. (2009) Obrazovanie v kul'turno-prosvetitel'skoy programme sibirskogo oblastnichestva vtoroy poloviny XIX nachala XX v. [Education in the Cultural and Educational Program of Siberian Regionalism in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 59–61.
14. Potanin, G.N. (1884) Inorodcheskiy vopros v Sibiri [The Indigenous Peoples' Question in Siberia]. *Vostochnoe obozrenie*. 26. pp. 9–11.
15. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya: k yubileyu trekhsotletiya : sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee* [Siberia as a Colony: Towards the Tercentenary Anniversary: The Contemporary Situation of Siberia, Its Needs and Requirements, Its Past and Future]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
16. *Vostochnoe obozrenie*. (1905d) Irkutskaya khronika. Pokhorony P.N. Lagutina [Irkutsk Chronicle. The Funeral of P.N. Lagutin]. 17th November. p. 2.
17. *Vostochnoe obozrenie*. (1905e) Iz vospominaniy ob Arture [From Memoirs about Arthur]. 5th July. p. 2.
18. *Vostochnoe obozrenie.* (1905f) Sibirskie vesti [Siberian News]. 29th December. p. 2.
19. *Vostochnoe obozrenie.* (1906c) Sibirskie vesti [Siberian News]. 14th January. p. 1.
20. *Vostochnoe obozrenie*. (1906d) Korrespondentsii [Correspondence]. 19th January. p. 2.
21. *Sibirskaya zhizn'*. (1905a) Ob"yavleniya. Molodoy chelovek [Classifieds. A Young Man]. 11th January. p. 4.
22. *Sibirskaya zhizn'*. (1906a) Ob"yavleniya. Nuzhna devushka [Classifieds. A Girl Needed]. 6th January. p. 4.
23. *Sibirskaya zhizn'*. (1906b) Ob"yavleniya. Devushka [Classifieds. A Girl]. 2nd February. p. 4.
24. *Sibirskaya zhizn'*. (1906c) Ob"yavleniya. Nuzhna devushka [Classifieds. A Girl Needed]. 10th February. p. 4.
25. *Sibirskaya zhizn'*. (1906d) Ob"yavleniya. Molodoy chelovek [Classifieds. A Young Man]. 11th January. p. 4.
26. *Sibirskaya zhizn'*. (1905b) Ob"yavleniya. Student (klassik) [Classifieds. A Student (Classicist)]. 10th July. p. 4.
27. *Sibirskaya zhizn'*. (1905c) Korrespondentsiya [Correspondence]. 5th January. p. 2.
28. *Sibirskaya zhizn'*. (1905d) Tomskaya khronika [Tomsk Chronicle]. 28th September. p. 3.
29. *Sibirskaya zhizn'*. (1908) Tomskaya zhizn' [Tomsk Life]. 13th April. p. 2.
30. *Sibirskaya zhizn'*. (1906e) Po Sibiri [Around Siberia]. 23rd June. p. 3.
31. *Sibirskaya zhizn'*. (1909) Sudebnaya palata ob otkaze zashchishchat' politicheskogo protivnika [The Judicial Chamber on Refusing to Defend a Political Opponent]. 19th April. p. 6.
32. *Sibirskaya zhizn'*. (1907a) Russkaya zhizn' [Russian Life]. 18th April. p. 4.
33. *Sibirskaya zhizn'*. (1906f) Telegrammy [Telegrams]. 23rd June. p. 2.
34. *Sibirskaya zhizn'*. (1907b) Telegrammy [Telegrams]. 22nd May. p. 2.
35. *Sibirskaya zhizn'*. (1907c) Krasnoyarsk (Opyat' "ekspropriatsiya") [Krasnoyarsk (Another "Expropriation")]. 17th August. p. 3.
36. *Sibirskaya zhizn'*. (1907d) Ofitsial'nyy otdel [Official Section]. 26th June. p. 2.
37. *Sibirskaya zhizn'*. (1907e) Iz kamery mirovogo sud'i [From the Chamber of a Justice of the Peace]. 18th July. p. 3.

Сведения об авторе:

Филонов Илья Денисович – магистрант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: filonov_ilya@vk.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Filonov Ilya D. – Master Student of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: filonov_ilya@vk.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 28.06.2024; accepted for publication 17.09.2025

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 179.6
doi: 10.17223/19988613/97/13

Мученичество за нацию в контексте формирования гражданских религий современности

Константин Валерьевич Аршин

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский Университет), Москва, Россия, Kosta-10@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы создания гражданской религии. Методология исследования: контент-анализ, анализ структуры текста, принцип целеполагания и направленности анализа. В качестве источников использовались произведения философов эпохи Просвещения и XIX в., работы современных авторов. Указывается, что мученики-герои воплощают те рамки памяти, которые ответственны за формирование идентичности в различных политических объединениях, поскольку их подвиг выступал тем событием, повторное переживание которого в рамках коллективных ритуалов воссоздавало единство политического сообщества.
Ключевые слова: мученик, нация, коллективная память, гражданская религия, христианство, античность

Для цитирования: Аршин К.В. Мученичество за нацию в контексте формирования гражданских религий современности // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 102–110. doi: 10.17223/19988613/97/13

Original article

Martyrdom for the Nation in the context of the Formation of Modern Civil Religions

Konstantin V. Arshin

First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov, Moscow, Russian Federation, Kosta-10@yandex.ru

Abstract. As the English anthropologist and historian B. Anderson pointed out in his work “Imagined Communities” that one of the characteristics of the nationalist imagination and at the same time its trigger is the cult of the “unknown soldier”, which serves as a kind of symbol of the immortality of the nation and, at the same time, a symbol of the possibility of gaining immortality by an ordinary person in the body nation. At the same time, the reverse side of the cult of the unknown soldier, as well as an equally effective trigger that triggers the nationalist imagination and ensures the perception of the nation as an objectively existing phenomenon, can also be considered the phenomenon of martyrdom for the nation, which, unlike the cult of the unknown soldier, is extremely open and public. As a consequence, an ordinary person, without losing his name, can also become the embodiment of the existence of a nation, acquiring the status of a martyr who sacrificed his life for the life of the community.

The indicated phenomenon, the life and heroic death of the hero, or the mental suffering he endured (Mark Junius Brutus, present at the execution of his sons) or physical suffering (Mark Mucius Scaevola, who burned his hand to show the strength and endurance of the Romans to the Etruscan ruler Porsene) was largely studied by the French philosophers of the Enlightenment (Helvetius and Rousseau), who, referring to Greek and Roman history, postulated the need to refer to ancient Roman history as part of the creation of a national state, the ideal of which they saw as the ancient Roman community during the existence of the Roman Republic and the policy during its heyday (6-5 centuries BC). Further, the German philosopher Karl Marx demonstrated how admiration for ancient Roman aesthetics was used in establishing the counter-revolutionary regime of the French President and then Emperor Napoleon III. On the contrary, French thinker A. Tocqueville, a contemporary of Marx, described how the combination of the ancient Roman aesthetics of martyrdom with Christian messianism shaped the American nation. This article considers the issues of the formation of civil religion as an important element of the existence of a modern state that was formed in the 19th-20th centuries. Modern times,

© К.В. Аршин, 2025

the role of martyrs in maintaining the unity of collective memory, the main methods of constructing the most famous images of martyrs in the framework of the formation of national communities are identified. From the point of view of the author of the article, the basis of the cult of the martyr was formed by an appeal to ancient sources, namely to the history of the formation of ancient states (Greek poleis and Rome), which were considered as models for the creation of post-revolutionary states and as models of patriotic behavior. Christianity played a slightly lesser role in the formation of the cult of the martyr.

Keywords: martyr, nation, collective memory, civil religion, Christianity, antiquity

For citation: Arshin, K.V. (2025) Martyrdom for the Nation in the context of the Formation of Modern Civil Religions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 102–110. doi: 10.17223/19988613/97/13

Введение

Спустя четыре года после окончания Американской революции один из ее активных деятелей и третий президент Соединенных Штатов Америки Томас Джефферсон писал в письме полковнику Смиту: «Дерево свободы время от времени должно поливаться кровью патриотов и тиранов. Это его естественное удобрение» [1. С. 281]. В данном случае он, без сомнения, соотносил свои слова с событиями недавней истории США, когда осознавшее себя единым народом население 13 колоний в кровопролитной борьбе, стоившей жизни многим патриотам, одержало победу над, казалось бы, непобедимой метрополией, воплощенной в сверхдержаве того времени – Великобритании. Но одновременно он, будучи человеком высокообразованным, отсылал к античным образцам самопожертвования ради своей страны и народа, которые в ту эпоху рассматривались в качестве необходимых элементов письменной речи образованного человека. Как указывает в своей книге «Идеологические истоки Американской революции» американский историк Бернард Бейлин, «Гомер, Софокл, Платон, Еврипид, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Аристотель, Страбон, Лукиан, Дион, Полибий, Плутарх и Эпиктет из греков, Цицерон, Гораций, Вергилий, Тацит, Лукан, Сенека, Ливий, Корнелий Непот, Саллюстий, Овидий, Лукреций, Катон, Плиний, Ювенал, Курций, Марк Аврелий, Петроний, Светоний, Цезарь, законоведы Ульпиан и Гай, и Юстиниан из римлян» – на всех ссылаются и многих цитируют авторы революционной эпохи. «Только самый заштатный памфлетист не мог выискать хотя бы одного античного примера или подходящей к случаю максимы» [2. С. 29].

И хотя американский историк уверен, что «античные авторы… играли роль иллюстративного материала и не имели решающего влияния на характер политической и общественной мысли» [2. С. 30], позволим себе с ним не согласиться. С момента основания первых колоний в Северной Америке, как указывает известный исследователь национализма Лия Гринфилд, американский национализм колониального периода «был английским, а потом британским» [3. С. 379]. Стремление колонистов к формированию сообщества, которое бы отражало тождественность их идентичности с покинутой родиной, выражалось как в географических названиях, так и в попытках обнаружить похожие черты между покинутой Великобританией и вновь обретенной землей. Один из отцов-основателей, приплывший на «Мэйфлауэре», так описал эти переживания: «Новая Англия названа так не только потому, что капитан Смит дал ей такое имя в своем описании, но потому, что она напоминает Англию, родную английскую землю; в ней почти так же тепло летом и холодно зимой; такие же равнины, и нет высоких гор, что чем-то напоминает Кент и Эссекс. Она обильна лугами и долинами, реками и чистыми родниками, как Англия. Но главным образом она напоминает Англию тем, что она отрезана от основных американских земель, как Англия от Европы» [3. С. 380].

Поэтому неудивительно, что попытка противопоставить себя англичанам в 1760–1770- е гг. требовала от образованного класса американских колоний примера, с которым они могли бы себя отождествить. Этим примером и стала Античность. Как указывал уже упоминаемый Б. Бейлин, «они (колонисты. – *К.А.*) были уверены, что их провинциальным добродетелям, старинным и простым, но подлинным и непреклонным, угрожает развращенная метрополия с ее деспотизмом и деградировавшим конституционным порядком. Они хотели видеть себя в Бруте, Кассии и Цицероне и слышать свой голос в их сочинении <…> Колонисты принимали роль простого и несгибаемого Катона, отчаянного в самопожертвовании Брута, красноречивого Цицерона и язвительного Тацита, обличавшего римский упадок и превозносившего добродетель германцев. <…> Чуть позднее им станет ясно, что Британия для Америки то же, “что Цезарь для Рима”» [2. С. 30].

Тем более что Античность предоставляла многочисленные примеры гражданского мужества и верности взятым на себя обязательствам. Греческие тираноборцы Гармодий и Аристогитон, создатели Римской республики Луций Юний Брут и Публий Валерий Публикола, братья Горации, пожертвовавшие собой ради спасения Рима, верный римским традициям Марк Порций Катон-старший – это лишь небольшой список тех, на кого призывали равняться и сами равнялись трибуны новой Американской республики. Поэтому неудивительно, что, например, ряд американских политических деятелей (А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и Дж. Джей) в период наиболее жаркой полемики вокруг положений Конституции Соединенных Штатов Америки взяли себе псевдоним Публий в честь соратника Луция Юния Брута римского государственного деятеля Публия Валерия Публиколы [4].

Континентальные революционеры также не обошли вниманием героев древнегреческой и римской истории. «Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах

задачу своего времени – освобождение от оков и установление современного буржуазного общества» [5. С. 423]. Частое обращение к Античности неудивительно. Ведь, говоря словами Гельвеция, она «полна примеров… героизма», основа которого заключается в том, что «законодатели этих государств связали [свои] частные интересы с интересами общественными» [6. С. 437–439]. Именно поэтому лидеры Великой Французской революции, которые зачастую не обладали необходимым управленческим опытом, активно обращались к античным сюжетам и, сравнивая себя с античными героями, искали пути решения встающих перед ними проблем. Особенно характерно обращение к античным сюжетам было в период якобинского террора (1793–1794), когда лидеры якобинцев – Робеспьер, Сен-Жюст, Баррер и Бийо-Варренн – особенно часто использовали отсылки к античным сюжетам в своих программных речах. Таким образом, повторим слова К. Маркса, «в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы возвеличить данную задачу в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, – для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак» [5. С. 424].

Причем первая задача, которая стояла перед революционерами, диктовала необходимость сплочения общества перед лицом опасности, грозившей погубить революцию. Это справедливо как для Американской революции, победа которой обернулась постоянно стоявшей перед Союзом опасностью сецессионизма отдельных штатов и образования на территории США отдельных небольших государств, так и для Французской революции, в результате которой французское общество оказалось фрагментированным (третье сословие против первого и второго; якобинцы против жирондистов и т.д.), что противоречило учению идеологического отца революции Руссо о «Суверене» и «Общей воле». Один из путей спасения виделся во внедрении гражданской религии в качестве основы для сплочения нации.

О понятии гражданской религии

Общеизвестно, что сам термин «гражданская религия» был введен в оборот французским философом Жан-Жаком Руссо в трактате «Об общественном договоре» (1771) для обозначения совокупности духовных уз, необходимых «для политического единства нового национального государства, основанного на суверенитете народа» [7. С. 98]. Исповедание веры подобной религии, построенной, по мысли Руссо, по образу и подобию античных религий, должно быть «чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену; и не в качестве догматов религии, но как правила общежития, без которых невозможно быть ни добрым гражданином, ни верным подданным» [8. С. 320]. Характерно, что в качестве иллюстрации данного утверждения Руссо выбрал античный пример защиты Цезарем Катилины. Так, Цезарь, пытаясь воспрепятствовать вынесению Катилине смертного приговора, апеллировал к смертности души, на что обвинители Катилины в лице Цицерона и Катона, указав на гибельность аргумента Цезаря для государственного устройства, опровергли данный аргумент. Соответственно, и догматы гражданской религии должны быть таковы, чтобы поддерживать единство государства, а именно: «Существование Божества могущественного, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого; загробная жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость Общественного договора и законов» [8. С. 321], – а также отрицание нетерпимости, которая препятствует возможности установления гражданского порядка как такового. Последнее, однако, неприменимо к тем, кто отказывается соблюдать законы и догматы гражданской религии, а следовательно, оказывается неспособным «искренне любить законы, справедливость и жертвовать в случае необходимости жизнью во имя долга» [8. С. 320]. Терпимость к подобным будет означать смерть государства и общества.

Таким образом, существование государства, по мысли Руссо, базировалось на формировании такого гражданина, для которого благо государства и общества, рассматриваемых в единстве, было высшей целью существования. Возможно, это было лишь в том случае, если Дитя, открывая глаза, должно видеть отечество и до самой смерти не видеть ничего, кроме него. Всякий истинный республиканец с молоком матери впитывает любовь к отечеству, т.е. любовь к законам и свободе. В этой любви сосредоточено все его существование; перед его глазами только отечество, он живет лишь ради него; коль скоро он оказался в одиночестве – он ничто; коль скоро у него нет больше отечества – он больше не существует; и если он не умрет, тем хуже для него [9. С. 511].

Любовь же к Отечеству следует прививать через уроки истории: «Я хочу, чтобы, научившись читать, он (ребенок. – *К.А.*) читал о деяниях своей страны, чтобы в десять лет он знал обо всем том, что она производит, в двенадцать – все ее провинции, все дороги, все города; чтобы в пятнадцать лет он узнал ее историю, в шестнадцать – все законы; чтобы не было в Польше ни замечательного поступка, ни знаменитого человека, знанием о которых не заполнили бы его память и сердце и о них он не сумел бы при случае рассказать» [9. С. 511].

Характерно, что практически одновременно с Руссо на другом берегу Атлантического океана Бенджамин Франклин размышлял о необходимости обучения молодых людей истории в целях поддержания принципов публичной (гражданской) религии для сохранения спокойствия в обществе и прививания молодежи чувства социальной ответственности для формирования у нее «основы знаний и способностей, которые могут подготовить их к достижению и занятию различных должностей по гражданской службе с пользой и славой для себя и для своей страны»[10].

Именно любовь к отечеству стала основой той гражданской религии, которая сформировалась в результате революций XVIII в. Тот факт, что она приняла разные формы в США и Франции как первых носителях гражданской религии, можно объяснить скорее исто-

рической флуктуацией, основанной на различном историческом опыте, в рамках которого формировалось государство и развертывалась революция, а не как мыслила Ханна Арендт – различным пониманием власти французскими и американскими революционерами или стремлением к конституционному порядку одних и равенству других [11]. Ведь, как было показано выше, значительная часть идейных истоков для обеих революций была общей, как, впрочем, наблюдалось единство их активных участников (маркиз де Лафайет, Томас Пейн) [12].

Причина того, почему гражданская религия приняла столь разные формы в США и Франции, вероятно, кроется в том, что во Франции, в отличие от США, господствовала, выражаясь словами У. Джемса, институциональная религия. Соответственно, в борьбе и подражании ей и формировалась гражданская религия Франции. Так, одним из первых декретов Национальной Ассамблеи стало «Гражданское устройство духовенства», в соответствии с которым осуществлять религиозные обряды позволялось только тем священникам, которые принесли клятву верности Республике. Католические церкви были превращены в гражданские храмы. По всей стране совершались гражданские обряды и воздвигались «алтари Отечества». Сама Декларация прав человека и гражданина стала национальным катехизисом, а Конституция превратилась в священное писание. «Кокарды с триколором, “деревья свободы”, фригийские колпаки, экземпляры Декларации прав человека и гражданина и Конституции, алтари Отечества – все было символами новой веры» [13. P. 103]. В качестве замены христианского Бога был провозглашен культ Верховного Существа, декларация существования которого была принята 7 мая 1794 г. В декларации, практически дословно повторяя вышеприведенный отрывок Руссо о гражданской религии, в частности, говорилось, что «французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души. Он признает, что достойное поклонение Верховному Существу есть исполнение человеческих обязанностей. Во главе этих обязанностей он ставит ненависть к неверию и тирании, наказание изменников и тиранов, помощь несчастным, уважение к слабым, защиту угнетенных, оказывание ближнему всевозможного добра и избежание всякого зла» [14].

В свою очередь гражданская религия в США формировалась как в значительной мере персональное личное чувство, основанное на вере в Высшее Существо и сопряженное с нравственными переживаниями человека. Этот момент был отмечен А. де Токвилем в его трактате «Демократия в Америке». Указывая на множество существующих в США сект, он тем не менее акцентирует внимание на их единстве относительно «обязанностей людей в отношениях друг с другом», которое основывается на единстве христианской морали. При этом именно религия, как отмечает Токвиль, является одним из наиболее влиятельных институтов в стране. Однако ее влияние не прямое, а опосредованное. «Она руководит воспитанием нравов, занимается делами семьи и таким образом оказывает воздействие на государство» [15. С. 222].

Выводы Токвиля о значении христианства для формирования гражданской религии в США поддерживает и один из основоположников в исследовании феномена гражданской религии американский социолог Роберт Белла. Тщательно анализируя процесс становления гражданской религии в США, он отмечает: «Хотя многое в ней (гражданской религии США. – *К.А.*) происходит из христианства, эта религия, очевидно, не само христианство <…> Бог гражданской религии является не только достаточно “общим”, у него есть и другие черты, суровые, связанные скорее с законом, порядком и правом, чем со спасением и любовью» [16. С. 179]. И это опять-таки выступает практически прямой калькой руссоистского понимания гражданской религии. Как и во Франции, гражданская религия в США имеет свое Священное писание. Оно формируется из Конституции и Билля о правах, а также инаугурационных и прощальных речей президентов страны и речей, произнесенных ими по каким-либо знаменательным датам. Так, наиболее известная из таких речей – Геттисбергская речь А. Линкольна, которую Р. Белла назвал «частью “Нового завета”» ([гражданкой религии США. – *К.А.*).

Вместе с тем, будучи чем-то иным, нежели христианство, гражданская религия многое из него заимствовала, и это справедливо как для Франции, так и для Соединенных Штатов Америки. Эта религия совершила настоящую религиозную революцию, продемонстрировав, что религия может быть фактически «без Бога, без культа и без иной жизни», но обладать «своими воителями, апостолами и мучениками» [17. С. 23].

Проблема мученичества в христианстве и гражданской религии

Характерно, что для античных религий, которые брали в качестве примера гражданские религии современности, проблема мученичества не стояла. Эти религии были основаны в большинстве своем на культе героев, которые при определенных обстоятельствах могли быть обожествлены. Необходимо отметить, что, как правило, причиной героизации становились заслуги перед общиной.

В своем фундаментальном исследовании «История античных религий» Ф.Ф. Зелинский достаточно подробно рассмотрел, каким образом формировались культы героев в Древней Греции. Опираясь на античные источники, он делает вывод, что культ героя практически всегда был связан с его могилой и усилен заупокойным культом. Даже в случае, если была неизвестна могила героя или если обнаружить его останки не представлялось возможным, то создавалась искусственная «пустая могила» (кенотаф), в которой, по мысли древних греков, обитала его душа. Могила же служила и местом поклонения герою, на котором ему возносились различные почести.

Важно отметить, что сами ритуалы в честь героя отличались от ритуалов, которые возносились богам. Как указывает Ф.Ф. Зелинский, ритуалы в честь героев «были принципиально отличны (от ритуалов. – *К.А.*) <...> в честь богов: те происходили днем, эти ночью

или в сумерках; для тех брались светлые, для этих черные животные; там они приносились на высоком алтаре, здесь на низком “очаге” (eschara); там по сожжении символических частей остальная туша служила угощением для живых, здесь животное сжигалось совсем, и никто не должен был даже отведать его мяса. Одним словом, там жертвоприношение имело олимпийский, здесь – хтонический характер» [18. С. 584]. Причем, и это крайне важно отметить, ритуалы осуществлялись от имени либо государства, либо отдельной социальной группы, которая хотела добиться от героя какой-либо услуги взамен осуществленных ритуалов и принесенной жертвы.

Очевидно, что герои в представлении древних не были мучениками. Пережитые ими при жизни страдания отнюдь не способствовали тому, чтобы тот или иной человек был причислен к лику героев. Скорее, наоборот: героем станет тот, кто в течение своей жизни демонстрировал какие-либо выдающиеся способности, оставив о себе память в общине. Зелинский, описывая круг тех, кто мог войти в сонм героев, приводит четверостишье из Вергилия, из которого становится ясно, что круг возможных героев был достаточно широк: от воинов, проявивших себя в битве, до поэтов и изобретателей, чья деятельности послужила славе государства и общины.

В этом плане мученики христианства значительно отличаются от героев Античности. Ведь, согласно христианскому вероучению, только пострадавшие за Христа и христианскую веру удостаиваются наименования мученика. При этом мучениками не могут стать те, кто пострадал за родину или соотечественников, проявил верность великим идеям, идеалам, научным истинам. Однако можно обнаружить и ряд общих черт. Так, изначально именно мученики, как и герои в античных религиях, обладали особыми силами. В христианстве – особой формой святости, отличавшей их от иных святых. Празднование памяти мучеников первоначально рассматривалось как особый частных обряд, совершаемый на их могилах, и лишь позднее он превратился в торжественный праздник, отмечаемых всей Церковью. Только с институционализацией христианства, превращением его в государственную религию Римской империи, принятием соответствующих статутов (например, Гангрский (20-й канон) в 340 г.) культ мучеников превратился из частной обрядовой практики отдельных приходов в пышные празднования, организуемые Церковью, а само почитание мучеников – в обязательный элемент христианского вероучения, следовать которому необходимо было под страхом отлучения от Церкви.

Наконец, для того чтобы стать мучеником, необходимо было погибнуть и своей смертью засвидетельствовать силу христианской веры. Равным образом и в Античности только факт достойной смерти был основой для причисления человека к героям: «Леонид был на все времена героем в Спарте; еще дальше пошли в этом отношении демократические Афины – все павшие под Марафоном были признаны героями для своего отечества» [18. С. 584]. При этом, как было указано выше, для античного человека крайне важно было место, с которым связан культ героя. Равным образом для раннего христианства было важно место, где мученик обрел свой мученический венец или, как предполагалось, был захоронен. Однако наличие в указанных могилах останков не рассматривалось как нечто важное. Так, существует только одно свидетельство того, что в период наиболее активных гонений на христиан мощи мучеников собирались выжившими христианами и почитались как реликвии [19]. Лишь позднее в культе мучеников появились элементы почитания мощей, элементов одежды и орудий казни мучеников, которые, как считалось, обладали особой исцеляющей силой. И хотя в течение поздней Римской империи с указанными элементами очевидно языческих пережитков пытались бороться и Церковь, и официальные государственные органы, победить данную практику до конца не удалось. С наступлением же Средних веков практика почитания мощей и предметов, связанных с мучениками и христианскими святыми, стала достаточно распространенной.

Указанные черты сходства обусловили тот факт, что сторонники так называемой «мифологической школы» в изучении христианства осуществили попытку объяснить их через утверждение простого заимствования христианами элементов языческой религии, рассматривать культ мучеников как христианскую аналогию культа языческих героев. Однако это является кардинальной ошибкой, поскольку подобные объяснения игнорируют разницу языческой ментальности и христианской, основное отличие которой заключается в отрицании принципа взаимности при обращении к Высшему существу, на котором строились отношения между человеком и богами / героями в античную эпоху.

В сущности, гражданская религия государств Нового времени достаточно много заимствует как из гражданских религий Античности, так и из христианства. И прежде всего – это культ героя и мученика, сплавленного в единое целое.

В своей обретшей мировой успех книге «Воображаемые сообщества» британский антрополог Бенедикт Андерсон, размышляя о механизмах формирования коллективных идентичностей в условиях «анонимных сообществ», приводит в качестве важнейшего примера символа современной гражданской религии (в интерпретации Б. Андерсона – национализма) могилу неизвестного солдата. Подобные мемориалы, как указывает британский исследователь, характерны практически для всех современных государств. Их можно встретить и в США, и во Франции, и в России, и в Индонезии. Распространенность подобных памятников он усматривает в стремлении человека как смертного существа обрести уверенность в собственном бессмертии (пусть не полном, но хотя бы частичном) через наличие зримых символов этого бессмертия. И если как античные религии, так и христианство предоставляли такую уверенность (стоит вспомнить доказательства бессмертия души Платона и христианский догмат о бессмертии), то современный человек, в отличие от своих предков, такой уверенностью не обладает. Вот значимым субститутом и служат монументы, символизирующие другой тип бессмертия – бессмертие того сообщества,

к которому человек себя относит (в данном случае нации). Именно поэтому, несмотря на то что «в этих пустых могилах (могилах Неизвестного солдата. – *К.А.*) нет ни поддающихся идентификации смертных останков, ни бессмертных душ», они служат зримым подтверждением неслучайности существования человека, его необходимости как связки между прошлым и будущим, как воплощения существования вечного сообщества или, как это поэтически указал Б. Андерсон, повторяя слова французского государственного деятеля Мишеля Дебре: «Да, то что я родился французом – совершенно случайно; но, в конце концов, Франция – вечна» [20. С. 33–35].

Могила Неизвестного солдата принципиально анонимна, и, как указывал Б. Андерсон, кощунством сочтут требование раскрыть имя того, кто лежит под данным монументом, или поместить под монумент настоящие кости. Однако для обычного человека именно анонимность могилы Неизвестного солдата служит препятствием для отождествления себя с ним, а следовательно, и с жизнью сообщества. Для разъяснения этого положения представляется необходимым обратиться к концепции социальных рамок памяти французского социолога М. Хальбвакса. В своем трактате «Социальные рамки памяти» он устанавливает связь между личной памятью человека и памятью других людей, причем именно последняя, по мысли французского социолога, служит основой для личной памяти. То есть человек переживает некие личные события. Указанные переживания формируют воспоминания, однако эти воспоминания о событиях всегда принадлежат сообществу, т.е. тем, с кем мы совместно переживали эти события. В то же время впечатления, которые человек испытал, переживая определенное событие, принадлежат именно этому человеку, и только он может вызвать их в своей памяти. Но само событие, которое также является частью воспоминания, носит интерсубъективный характер, поскольку его человек пережил совместно с другими людьми. Таким образом, именно событие является той опорной точкой, на основе которой формируется коллективная память. Совокупность таких событий, пережитых совместно, формирует важнейшее понятие социологии М. Хальбвакса – понятие рамки, которое он определяет так: «Событие суть воспоминание, но и сама рамка состоит из воспоминаний. Эти два рода воспоминаний различаются тем, что вторые более устойчивы, всегда заметны нам, и мы пользуемся ими для припоминания и реконструкции первых» [21. С. 135]. Рамки принципиально социальны. Их форма усваивается человеком в процессе социализации в том обществе, в котором он родился. В этом рамки памяти очень похожи на язык. Как и язык, они поддерживают единство культуры, определяют ее связность во времени и пространстве. И именно благодаря рамкам памяти и действующей в их пределах коллективной памяти функционируют социальные институты – семья, религия, нация.

В этой связи крайне важна трактовка религии, данная М. Хальбваксом. С его точки зрения, религия – совокупность обрядов и ритуалов, необходимых для поддержания коллективной памяти о событиях и персонажах, которые завершились и исчезли. Такая коллективная память необходима для поддержания единства сообщества, исключения возможности аномии. Возможность последней всегда достаточно высока, поскольку ни коллективная память, согласно Хальбваксу, ни рамки памяти не являются статическими структурами, они принципиально динамичны и могут претерпевать изменения в зависимости от происходящих социальных событий. Именно поэтому важнейшей частью сохранения коллективной памяти становится институционализация коллективных верований, мифов и обрядов, цель которой – периодическое подтверждение идентичности и единства сообщества. А это, как представляется, возможно только через совместное переживание определенного события заново, – отсюда то важное значение, которое придается национальным праздникам в гражданских религиях современности. Особенно праздникам, связанным со смертью как искупительной жертвой во имя существования сообщества, – культ пожертвовавших собой в честь нации и своей смертью засвидетельствовавших вечность ее существования. Наиболее яркий пример – празднование Дня рождения президента США Авраама Линкольна 12 февраля, смерть которого рассматривалась как жертва ради спасения единства Соединенных Штатов Америки.

Конструирование образа мученика за нацию: США, Ирландия, Украина

Авраам Линкольн – один из наиболее популярных президентов США за всю историю страны. В своей книге «Политические религии» итальянский политолог Э. Джентилле следующим образом охарактеризовал его: «Линкольн сразу вошел в Пантеон американской гражданской религии, заняв в нем избранное место наравне в Вашингтоном: рядом с Отцом нации восседал его Сын, принесший себя в жертву ради спасения единства и демократии» [7. С. 111]. Действительно, сконструированный образ Авраама Линкольна в значительной степени напоминает воплощение идеального политика, в котором объединены все лучшие черты, свойственные великому политику: решимость, демократизм, простота в общении, способность слышать различные точки зрения и учиться на своих ошибках, умение контролировать эмоции и осознание собственных слабостей. Да и сам он был воплощением американской мечты – сын бедного поселенца, который исключительно благодаря своему упорству, трудолюбию, интеллекту и любознательности взошел на вершину политического Олимпа страны.

Президентство Линкольна было омрачено гражданской войной, результатом которой мог стать распад страны. Однако именно личные качества Линкольна, как считается, предопределили успех Севера и поражение Юга, что в начальный период гражданской войны вовсе не было очевидным. Поэтому убийство А. Линкольна в 1865 г. было воспринято как настоящая трагедия, шокировав американское общество. Шок американцев от этого события, вероятно, не в последнюю очередь был связан с тем фактом, что Линкольн

был первым американским президентом, убитым в результате покушения.

Похороны Линкольна в значительной степени напоминали шоу. В течение трех недель его останки путешествовали из Вашингтона (округ Колумбия) в Спрингфилд (штат Иллинойс), проехав 444 населенных пункта в 7 штатах. При этом в каждом городе проходила церемония прощания, которая сопровождалась различными траурными мероприятиями и шествиями. Миллионы американцев приняли участие в прощании с Линкольном.

Тогда же начал формироваться и культ Линкольна как мученика за единство нации. Как уже было отмечено выше, день его рождения (12 февраля) стал праздноваться как национальный праздник. Праздничные мероприятия осуществлялись вплоть до 1970-х гг., когда празднования в честь Линкольна стали проводить в День президентов США, также известный как «День рождения Вашингтона». Крупнейший поэт США Уолт Уитмен посвятил ему четыре стихотворения, объединенные в «Похоронный гимн президента Линкольна» и помещенные им в наиболее известном стихотворном сборнике «Листья травы».

Также было принято решение о создании мемориала, посвященного погибшему президенту. Хотя решение было принято уже в 1867 г., через два года после гибели Линкольна, открыт мемориал был только в 1914 г. Еще через 27 лет лик Линкольна наряду с изображениями Вашингтона, Джефферсона и Теодора Рузвельта украсил гору Рашмор.

Однако важнейшим элементом формирования культа Линкольна стала его Геттисбергская речь, которую, как сказано выше, социолог Роберт Белла назвал «частью Нового завета» гражданской религии США. Причина того, почему Геттисбергская речь получила столь широкое внимание, по мнению представителя американских консерваторов Ричарда Гэмбла, в том, что Линкольну удалось сформулировать идеи, ставшие «частью нашей гражданской религии и того, что мы должны называть нашей “гражданской историей” и “гражданской философией” – то есть религии, истории и философии, которые мы исповедуем не ради их самих и не ради правды, но которые мы используем в качестве инструментов управления, чтобы рассказывать поучительные истории о народе, о его идентичности и миссии» [22]. В этой связи речь Линкольна сравнивается с речью Перикла на могиле павших воинов, которую передал Фукидид в своей «Истории Пелопонесской войны». Однако, в отличие от последней, она не апеллирует к какой-либо территории, но обращена к вечным ценностям, легшим в основу американского самопонимания – ценностям свободы и демократии, одновременно перенося в сферу трансцендентного те жертвы, которые были принесены на полях гражданской войны в целях единства нации. И сам он стал такой же жертвой, погибнув от руки убийцы в день празднования окончания гражданской войны, став мучеником той религии, которую призывал создать в своих самых первых политических речах.

Похожим образом обеспечивалось формирование образа мученической смерти и в других случаях – руководителей Пасхального восстания в Ирландии 24 апреля 1916 г. и «Небесной сотни» в 2014 г. В данном случае оставим в стороне причины, приведшие к событиям, в результате которых их участники стали мучениками, а также идеологические мотивы, двигавшие ими. Указанные содержательные моменты не столь важны, сколько важны механизмы формирования образов мучеников гражданской религии Ирландии и Украины соответственно.

Это, во-первых, учреждение национального праздника. В случае ирландского Пасхального восстания им стал день католической пасхи, в который традиционно проводятся парады в честь образования независимой Ирландии. «Днем Небесной сотни» было назначено 20 февраля, поскольку именно в этот день в 2014 г. на Майдане Независимости погибло наибольшее количество людей.

Во-вторых, учреждение мемориалов в честь погибших. В Ирландии такими памятниками стали двор военной тюрьмы Арбор-хилл, где были казнены руководители восстания, и их могилы в Дублине. В честь «Небесной сотни» в течение 2014–2016 гг. было установлено 13 монументов в различных городах Украины, а также в Чикаго (США).

В-третьих, увековечивание памяти погибших в произведениях искусства. Ирландские поэты активно откликнулись на события Пасхального восстания. Так, Френсис Эдвард Леджвидж написал ряд баллад о тех событиях, наиболее известные из которых «Улица О’Коннела», «Плач по поэтам тысяча девятьсот шестнадцатого», «Плач по Томасу Макдоне». А лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 г. Уильям Батлер Йейтс в свойственном ему символическом стиле описал свои чувства от событий 1916 г. в поэме «Пасха, 1916». Что касается «Небесной сотни», то о событиях 2014 г. и людях, которые были включены в список «Небесной Сотни», уже в 2014 г. был снят одноименный документальный фильм.

В-четвертых, награда, учрежденная в честь мучеников или событий, в рамках которых была принесена жертва. В данном случае показателен пример «Небесной сотни», поскольку уже в 2015 г. президентом Украины была учреждена специальная награда «Орден Героев Небесной Сотни», которым в соответствии со статутом награждают за «служение Народу Украины». Увековечивание памяти мучеников в форме награды можно обнаружить и в случае Ирландии, где в 1941 г. была учреждена специальная «Медаль 1916 года» для награждения всех живых участников Пасхального восстания, а также в США, где существует специальный приз Линкольна, за лучшую научно-исследовательскую работу по истории гражданской войны в США.

Заключение

Исходя из изложенного выше, можно констатировать, что мученичество выступает одним из важнейших элементов формирования гражданских религий современности. Причина этого в том, что феномен мученичества в различных формах существовал как в Античности, принимая роль героев, так и в христианстве (христианские мученики). Более того, он выступал и выступает в качестве конститутивного эле-

мента существования полисов, христианской общины, нации. Античные герои, христианские мученики и мученики за нацию, выражаясь языком М. Хальбвакса, воплощают собой те рамки памяти, на основе которых формировалась коллективная память сообщества (полиса, христианской общины, нации соответственно), поскольку их жизнь и подвиг выступали теми событиями, повторное переживание которых в рамках коллективных ритуалов воссоздавало единство сообщества, препятствуя его дроблению на составные части в виде «публичных сообществ» (в противоположность «анонимным сообществам», каковой является нация), семей и даже отдельных индивидов.

В этой связи обращение лидеров Американской и Французской революций к опыту Античности в значительной мере закономерно. Будучи адептами просвещенческой идеологии, а следовательно, относясь преимущественно негативно к христианской религии, они вынуждены были искать методы, обеспечивающие единство создаваемых ими обществ в Античности. Это, в сущности, неудивительно, поскольку мученики за нацию имеют значительно больше общих черт с героями Античности, нежели с христианскими мучениками. Таким образом, практики формирования образов мучеников за нацию в значительной степени напоминают Античность – с формированием именных мемориалов, торжественными похоронами, вознесением панегириков в их честь, созданием памятников и организацией практик по увековечиванию их памяти.

Список источников

1. Джефферсон Т. О демократии. СПб. : Рес Гумана, Лениздат, 1992. 335 с.
2. Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М. : Новое издательство, 2010. 308 с.
3. Гринфилд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2008. 527 с.
4. Федералист : политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М. : Прогресс : Литера, 1994. 592 с.
5. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М.: Изд-во полит. лит., 1980. Т. 1. С. 418–516.
6. Гельвеций К.А. Об уме // Гельвеций К.А. Сочинения : в 2 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 143–606.
7. Джентилле Э. Политическая религия. Между демократией и тоталитаризмом. СПб. : Владимир Даль, 2021. 370 с.
8. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М. : Канон-пресс ; Кучково поле, 1998. С. 195–322.
9. Руссо Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб. : Росток, 2013. С. 497–588.
10. Franklin B. Proposals Relating to the Education of Youth in Pennsylvania. URL: https://franklinpapers.org/framedVolumes.jsp (accessed: 01.02.2021).
11. Арендт Х. О революции. М. : Европа, 2011. 464 с.
12. Бовыкин Д.Ю. Идея нации во Франции в эпоху Революции до Второй империи // Национальная идея в Западной Европе в Новое время : очерки истории. М. : Зерцало-М, 2005. С. 158–230.
13. Hayes C. Essays on Nationalism. New-York : The Macmillan Company, 1926. 279 с.
14. Робеспьер // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/87949/Робеспьер (дата обращения: 01.02.2021).
15. Токвиль А. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 593 с.
16. Белла Р. Гражданская религия в Америке // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2014. Т. 15, № 4. С. 162–182.
17. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб. : Алетейя, 2008. 250 с.
18. Зелинский Ф.Ф. История античных религий. СПб. : Квадривиум, 2020. Т. 1–3. 864 с.
19. Passio sanctorum martyrum Fructuosi episcopi, Auguri et Eulogi diaconorum // Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. Oxford : Clarendon Press, 1972. С. 176–185.
20. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. 286 с.
21. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 288 с.
22. Гэмбл Р. Геттисбергское Евангелие // ИноСМИ. URL: https://inosmi.ru/world/20131117/214862470.html (дата обращения: 14.04.2021).

References

1. Jafferson, T. (1992) *O demokratii* [On Democracy]. Translated from English. St. Petersburg: Res Gumana, Leniizdat.
2. Beilin, B. (2010) *Ideologicheskie istoki Amerikanskoy revolyutsii* [Ideological Origins of the American Revolution]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
3. Greenfeld, L. (2008) *Natsionalizm. Pyat' putey k sovremennosti* [Nationalism. Five Paths to Modernity]. Translated from English. Moscow: PER SÈ.
4. Hamilton, A., Madison, J. & Jay, J. (1994) *Federalist : politicheskie esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya* [The Federalist: Political Essays by Alexander Hamilton, James Madison, and John Jay]. Translated from English. Moscow: Progress: Litera.
5. Marx, K. (1980) Vosemnadtsatoe bryumera Lui Bonaparta [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. In: Marx, K. & Engels, F. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Politizdat. pp. 418–516.
6. Helvétius, C.A. (1974) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl. pp. 143–606.
7. Gentile, E. (2021) *Politicheskaya religiya. Mezhdu demokratiey i totalitarizmom* [Political Religion: Between Democracy and Totalitarianism]. Translated from Italian. St. Petersburg: Vladimir Dal.
8. Rousseau, J.J. (1998) *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [Of the Social Contract. Treatises]. Translated from French. Moscow: Kanon-press: Kuchkovo pole. pp. 195–322.
9. Rousseau, J.J. (2013) *Politicheskie sochineniya* [Political Writings]. Translated from French. St. Petersburg: Rostok.
10. Franklin, B. (1749) *Proposals Relating to the Education of Youth in Pennsylvania*. [Online] Available from: https://franklinpapers.org/framedVolumes.jsp (Accessed: 1st February 2021).
11. Arendt, H. (2011) *O revolyutsii* [On Revolution]. Translated from German. Moscow: Europa.
12. Bovykin, D.Yu. (2005) Ideya natsii vo Frantsii v epokhu Revolyutsii do Vtoroy imperii [The idea of nation in France in the era of the Revolution before the Second Empire]. In: Bondarchuk, V.S. (ed.) *Natsional'naya ideya v Zapadnoy Evrope v Novoe vremya: ocherki istorii* [The National Idea in Western Europe in the Modern Era: Historical Essays]. Moscow: Zertsalo-M.

13. Hayes, C. (1926) *Essays on Nationalism*. Translated from English. New York: The Macmillan Company.
14. Anon. (n.d.) Robesp′er [Robespierre]. In: *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. [Online] Available from: https://rbook.me/book/252567/read/page/77/ (Accessed: 1st February 2021).
15. Tocqueville, A. de (1992) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Translated from French. Moscow: Progress.
16. Bellah, R. (2014) Grazhdanskaya religiya v Amerike [Civil Religion in America]. *Vestnik Russkoy Khristianskoy Gumanitarnoy Akademii*. 15(4). pp. 163–182.
17. Tocqueville, A. de (2008) *Staryy poryadok i revolyutsiya* [The Old Regime and the Revolution]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.
18. Zelinsky, F.F. (2020) *Istoriya antichnykh religiy* [History of Ancient Religions]. St. Petersburg: Kvadrivium.
19. Musurillo, H. (ed.) (1972) *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford: Clarendon Press. pp. 176–185.
20. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English. Moscow: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole.
21. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Translated from German. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
22. Gamble, R. M. (2013) *Gettisbergskoe Evangelie* [The Gospel of Gettysburg]. Translated from English. [Online] Available from: https://inosmi.ru/world/20131117/214862470.html (Accessed: 14th April 2021.)

***Сведения об авторе*:**
Аршин Константин Валерьевич – кандидат философских наук, докторант Института философии Российской академии наук (Москва, Россия). E- mail: kosta-10@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Arshin Konstantin V. – Candidate of Philosophical Sciences, Doctoral Student at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E- mail: kosta-10@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2022; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 17.04.2022; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/97/14

Экспорт технологий и образования как инструмент экономической дипломатии России в Центральной Азии

Артем Георгиевич Данков[1], Алмазбек Шаршембиевич Акматов[2], Самат Сатарович Исабеков[3]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия
[2, 3] Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан
[1] artem.dankov.83@mail.ru
[2] akmatovalmazbek540@gmail.com
[3] isabekov.ss72@gmail.com

Аннотация. Анализируется экспорт российского образования и технологий как инструмент экономической дипломатии Российской Федерации в Центральной Азии. Раскрываются механизмы гуманитарного и технологического присутствия России, их влияние на формирование устойчивых партнерств и экономической интеграции. Подчеркивается значимость взаимосвязи образовательных и технологических проектов в условиях геополитической конкуренции и необходимости стратегической устойчивости России в регионе.
Ключевые слова: экономическая дипломатия, внешняя политика России, экспорт образования

Благодарности: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Данков А.Г., Акматов А.Ш., Исабеков С.С. Экспорт технологий и образования как инструмент экономической дипломатии России в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 111–118. doi: 10.17223/19988613/97/14

Original article

Export of technologies and education as a tool of Russian economic diplomacy in Central Asia

Artem G. Dankov[1], Almazbek Sh. Akmatov[2], Samat S. Isabekov[3]

[1] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[2, 3] Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
[1] artem.dankov.83@mail.ru
[2] akmatovalmazbek540@gmail.com
[3] isabekov.ss72@gmail.com

Abstract. In the context of growing geopolitical competition and a shifting international order, the export of Russian education and technologies has emerged as a pivotal instrument of economic diplomacy. This article analyzes the role of educational and technological export in advancing Russia's strategic interests in Central Asia (CA), positioning these domains not as auxiliary elements of foreign economic policy but as central tools for fostering long-term political and economic partnerships. The study highlights the institutional mechanisms and formats of educational export, including state-funded quotas for foreign students, the establishment of Russian university branches, the development of digital educational platforms, and the intensification of academic mobility. Emphasis is placed on the training of specialists in priority technological sectors and the integration of educational initiatives with Russia's broader export-oriented industrial policy. The author argues that the alignment between education and technological transfer enhances Russia's normative influence and contributes to the formation of a loyal and competent professional class in the region. The second part of the article focuses on the export of technologies and scientific cooperation, particularly in areas such as energy, digital infrastructure, agriculture, and logistics. These initiatives are shown to serve not only commercial purposes but also diplomatic ones, reinforcing Russia's structural presence in national development agendas across Central Asia. Special attention is given to the synergistic potential of the dual-track strategy combining educational and technological exports. It is demonstrated that this combination fosters multidimensional linkages – cognitive, normative, and material – thereby enhancing the effectiveness of Russian economic diplomacy in the region. At the same time, the article identifies key limitations, including bureaucratic fragmentation, insufficient funding, limited global competitiveness of Russian technologies, and intensifying competition from China, Turkey, and Western countries. The article concludes by emphasizing the necessity of a coordinated, well-resourced strategy for Russia's humanitarian and technological

© А.Г. Данков, А.Ш. Акматов, С.С. Исабеков, 2025

presence in Central Asia. Such an approach is essential to strengthening Russia's regional influence and building resilient economic and political ties within an increasingly multipolar and contested global environment.
Keywords: economic diplomacy, Russian foreign policy, education export

Acknowledgements: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2024-0008.

For citation: Dankov, A.G., Akmatov, A.Sh., Isabekov, S.S. (2025) Export of technologies and education as a tool of Russian economic diplomacy in Central Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 111–118. doi: 10.17223/19988613/97/14

В условиях трансформации мировой системы международных отношений, сопровождающейся ослаблением традиционных центров силы и усилением роли региональных акторов, возрастает значимость нетрадиционных инструментов внешней политики, в числе которых особое место занимает экономическая дипломатия. В отличие от классической дипломатии, акцентированной преимущественно на политико-правовых аспектах межгосударственного взаимодействия, экономическая дипломатия оперирует инструментами торгово-экономического, инвестиционного, технологического и гуманитарного сотрудничества, обеспечивая реализацию стратегических интересов государства через механизмы влияния на внешнеэкономическое поведение партнеров. Особое место в арсенале средств экономической дипломатии занимает экспорт образования и технологий. Эти элементы представляют собой мощные ресурсы «мягкой силы», формирующие позитивный имидж государства, укрепляющие транснациональные связи и создающие долгосрочные основания для политического и экономического взаимодействия. В современном мире способность государства экспортировать образовательные стандарты, научные практики и технологические решения рассматривается не только как показатель внутренней институциональной состоятельности, но и как фактор расширения внешнеполитического влияния. В этом контексте наблюдается тенденция активного включения гуманитарного и технологического измерений в стратегию внешнеэкономического позиционирования государств, в том числе таких акторов, как Россия, Китай, Турция, США, Евросоюз, Индия и др.

Центральная Азия представляет собой регион особой внешнеполитической значимости для Российской Федерации. Этому способствуют не только историко-культурные и цивилизационные связи, уходящие корнями в общее советское прошлое, но и геополитические факторы: непосредственная граница, общий рынок труда, включенность части стран региона в евразийские интеграционные форматы, а также интенсивная конкуренция за влияние со стороны других внешних игроков. В условиях глобальной геоэкономической конкуренции Центральная Азия стала ареной «Новой Большой игры» между ведущими державами, в которой используются инструменты невоенного характера, включая образовательное, технологическое, языковое, медийное и культурное присутствие. В этих условиях экспорт образования и технологий выступает для России не только средством экономического продвижения, но и механизмом долгосрочного дипломатического влияния, способствующим формированию дружественно настроенных стран, воспроизводству моделей взаимодействия, благоприятных для российской внешнеполитической повестки, и минимизации рисков геополитического оттеснения.

Однако в современной научной литературе данная тема до сих пор изучена фрагментарно. С одной стороны, исследования, посвященные «мягкой силе» России в Центральной Азии, как правило, сосредоточены в основном на языково-культурном аспекте [1–7]. Тем не менее предпринимались попытки изучения темы экспорта российского образования и технологий как инструмента экономической дипломатии специалистами из ведущих исследовательских центров России. Сотрудники МГИМО делают акцент на теоретическом осмыслении вопросов экономической дипломатии [8, 9], исследователи из МГУ в первую очередь обращают внимание на экономический инструментарий российской внешней политики [10, 11]. В то же время специалисты Томского государственного университета большое внимание уделяют целеполаганию российского образовательного экспорта образования и основным задачам по продвижению российского образования в Центральной Азии [12–16]. При этом образование и технологии как компоненты экономической дипломатии зачастую рассматриваются изолированно от внешнеполитического контекста. Между тем современная практика международных отношений свидетельствует о растущей взаимосвязи гуманитарных и технологических инициатив с общими целями внешнеполитического позиционирования. В частности, образовательные проекты и технико-научное сотрудничество могут формировать устойчивые каналы влияния, усиливать присутствие российских институтов, способствовать продвижению нормативных и институциональных моделей, соответствующих интересам РФ. Настоящая статья направлена на восполнение обозначенного исследовательского пробела.

Цель данного исследования – комплексный анализ экспорта российского образования и технологий как инструментов экономической дипломатии в отношениях России со странами Центральной Азии. В соответствии с заявленной целью в статье решаются несколько задач: во-первых, раскрыть институциональные и содержательные механизмы образовательного и технологического присутствия России в регионе; во-вторых, оценить дипломатическую эффективность данных механизмов с точки зрения формирования устойчивых связей и влияния на политико-экономическую ориентацию стран Центральной Азии; в-третьих, определить риски и ограничения, с которыми сталкивается Россия в реализации данной стратегии в условиях геополити-

ческой конкуренции. Методологической основой исследования выступает совокупность подходов, заимствованных из теории международных отношений, в частности концепции «мягкой силы» (soft power), экономической дипломатии, а также региональных исследований. Акцент сделан на междисциплинарном анализе, сочетающем политологические, социологические и экономические инструменты. Эмпирическую базу статьи составляют официальные документы и международные соглашения, статистическая информация, данные международных организаций, отчеты аналитических центров, посвященные гуманитарному и технологическому присутствию РФ в странах Центральной Азии.

На данном этапе необходимо переосмыслить стратегические приоритеты России на евразийском пространстве в условиях санкционного давления, ограниченности прямого экономического инструментария и возрастающей роли нематериальных каналов дипломатического влияния. В условиях, когда традиционные формы экономической интеграции подвергаются пересмотру, а политическое давление со стороны других держав усиливается, экспорт образования и технологий может стать одним из ключевых каналов присутствия и укрепления влияния России в стратегически важном регионе Центральной Азии.

Анализ экспорта образования и технологий как инструмента экономической дипломатии требует обращения к концептуальному и методологическому аппарату международных отношений и политической экономии. Термин «экономическая дипломатия» в современном научном дискурсе охватывает совокупность внешнеполитических действий государства, направленных на продвижение его экономических интересов за рубежом. В узком значении речь идет о переговорах и соглашениях в сферах торговли, инвестиций, доступа к рынкам, защиты национальных компаний и ресурсов. В широком смысле экономическая дипломатия включает в себя использование разнообразных экономических средств для достижения стратегических внешнеполитических целей. К числу таких средств относятся научно-технологическое сотрудничество, культурно-гуманитарный обмен, образовательные инициативы, а также участие в создании транснациональных инфраструктур. Исследователи подчеркивают, что экономическая дипломатия становится неотъемлемой частью внешней политики в условиях глобализации и технологического прогресса. Она выступает как гибридное явление, сочетающее рыночную рациональность и государственные стратегические интересы. В этом контексте экспорт образования и технологий представляет собой формы «гибкой», или «вторичной», экономической дипломатии, направленные не столько на немедленную экономическую отдачу, сколько на создание благоприятного внешнего окружения, формирование лояльных партнеров и укрепление долгосрочного влияния.

Понятие «мягкой силы» (soft power), введенное американским политологом Джозефом Найем, означает способность государства добиваться желаемых внешнеполитических результатов за счет привлекательности своей культуры, политических идеалов и политик, а не посредством принуждения или финансового стимулирования. В последующих работах Най указывает на стратегическую важность образования как канала формирования благоприятного отношения к стране-донору и как платформы для выращивания элит, ориентированных на сотрудничество [17]. В рамках парадигмы «мягкой силы» образование и технологии могут рассматриваться как ресурсы культурного и научного влияния. Экспорт образования позволяет закреплять языковые и ценностные установки, способствует адаптации национальных нормативов в других странах, а также формирует устойчивые трансграничные профессиональные сообщества. В свою очередь, трансфер технологий в международных рамках не только способствует экономической интеграции, но и закрепляет стандарты, определяет зависимость от конкретных производителей и тем самым создает долговременную институциональную привязку к стране-поставщику. Таким образом, образовательные и научно-технические связи становятся не просто сферой международного сотрудничества, но и инструментом стратегического позиционирования на глобальной арене. На постсоветском пространстве, где сохраняются элементы культурной и языковой общности, данные инструменты приобретают особую значимость, выступая как формы мягкой интеграции, альтернативные или параллельные формальным экономическим союзам.

Центральная Азия обладает спецификой восприятия внешнего воздействия, обусловленной как историко-культурным наследием, так и современной политико-экономической ситуацией. С одной стороны, регион долгое время был частью общего политического пространства, в рамках которого происходила унификация образовательных, административных и технологических моделей. С другой – после обретения независимости страны региона стали объектом внимания со стороны других внешних акторов, прежде всего Китая, Турции, США и стран ЕС, каждый из которых стремится продвигать собственные формы влияния. В этих условиях ключевым становится понятие конкуренции моделей развития, где образовательные и технологические форматы выступают «маркерами» внешнеполитической ориентации. Выбор вуза для обучения, используемые цифровые платформы, нормативные документы в области науки и образования, научно-технические партнерства – все это может служить индикатором не только внутренней политики страны, но и ее внешнеполитических предпочтений. Очевидно, что в Центральной Азии экспорт образовательных услуг и технологий зачастую воспринимается как часть более широкой стратегии формирования зон влияния. В контексте евразийской интеграции особое значение приобретает подход, согласно которому образовательные и технологические связи должны рассматриваться как основа формирования «сообществ знания» и «интеллектуальной евразийской идентичности». Такой подход предполагает, что системная и институционально поддержанная политика по экспорту образования и технологий может служить не только экономическим, но и цивилизационным ресурсом укрепления влияния России в регионе.

С методологической точки зрения настоящее исследование основывается на синтезе неореалистического и неоинституционального подходов, позволяющих учесть как интересы и стратегические цели государства, так и роль институтов и нормативных структур в обеспечении внешнеполитической устойчивости. Используется также подход «инструментальной дипломатии» (instrumental diplomacy), рассматривающий внешнеэкономические действия как ресурсы стратегического маневрирования в системе международных отношений. Таким образом, теоретико-методологический инструментарий исследования позволяет всесторонне раскрыть механизмы и эффекты экспорта российского образования и технологий как средства экономической дипломатии, а также выявить возможности и ограничения данного подхода в условиях Центральной Азии.

Российское образование выступает важным направлением гуманитарной и экономической дипломатии в странах Центральной Азии. Будучи наследниками единой советской образовательной системы, государства региона сохраняют достаточно высокий уровень доверия к российским образовательным стандартам, что создает устойчивую платформу для стратегического влияния. В последние три десятилетия экспорт образовательных услуг из России в Центральную Азию приобретает системный характер и формируется как элемент государственной внешнеполитической стратегии. В настоящее время образовательное влияние России в регионе осуществляется через несколько ключевых каналов. Во-первых, через механизмы обучения иностранных граждан в российских вузах (как по квотам, так и на обычных бюджетных местах в рамках межправительственных соглашений). Согласно данным Минобрнауки РФ, на 2024 г. в российских университетах обучались свыше 389 тыс. иностранных студентов, из которых более 40% приходится на Центральную Азию [18]. Образовательная миграция носит как целевой, так и стихийный характер, но значительную роль играет государственная поддержка в виде квот на бесплатное обучение в рамках программ Россотрудничества. Во-вторых, активно развиваются славянские университеты в Кыргызстане (Кыргызско-российский славянский университет им. Бориса Ельцина) и Таджикистане (Российско-Таджикский (Славянский) университет). Эти учреждения предоставляют образование по российским стандартам, с выдачей российских дипломов, что усиливает институциональную и нормативную привязку выпускников к России. В-третьих, в последние 15–20 лет активно расширяется сеть филиалов российских вузов в странах Центральной Азии. Наиболее известные примеры – филиалы МГУ и МГИМО в Астане и Ташкенте, филиал МИСиС в Душанбе. Открытие таких филиалов, как правило, согласуется на уровне межправительственных соглашений и часто сопряжено с прямым финансированием с российской стороны (см., напр.: [19]). В-третьих, значительную роль играют программы академической мобильности, летние и зимние школы, стажировки и онлайн-курсы, организуемые как в рамках вузовских инициатив, так и при участии Россотрудничества, фонда «Русский мир» и других структур. С переходом к цифровизации образования особенно активно развиваются онлайн-платформы, ориентированные на молодежную аудиторию Центральной Азии [20].

Выбор российского образования студентами из Центральной Азии обусловлен рядом факторов. Во-первых, это язык и культура. Русский язык сохраняет статус языка межнационального общения в большинстве стран региона, а многие семьи по-прежнему ориентированы на русскоязычную образовательную среду. Это упрощает адаптацию студентов и делает российские вузы более привлекательными по сравнению с вузами Китая, Турции или стран Запада [12. С. 200]. Во-вторых, важными факторами являются стоимость и доступность. В сравнении с европейскими и американскими университетами российское образование существенно дешевле, а наличие бюджетных мест и общежитий делает его доступным для широких слоев населения. Кроме того, дипломы российских вузов признаются в большинстве стран СНГ. В-третьих, серьезную роль играют имидж и качество. Российские университеты, особенно в технической и медицинской сферах, сохраняют репутацию сильных образовательных центров. В регионе высоко ценятся выпускники инженерных, IT- и естественнонаучных специальностей, получившие подготовку в России. В-четвертых, для студентов важны карьерные перспективы. Образование в РФ повышает шансы на получение работы как в местных госструктурах и бизнесе, так и в совместных предприятиях с российским участием, создавая тем самым прочные каналы лояльности и привязанности. С точки зрения внешнеполитической стратегии образовательное влияние России формирует «инфраструктуру доверия» и воспроизводит элиты, ориентированные на сотрудничество с Москвой. Выпускники российских вузов часто занимают ключевые позиции в административных, экономических и научных структурах стран Центральной Азии. Они сохраняют институциональные и личные связи с Россией, выступая как каналы коммуникации и посредники в двусторонних отношениях. Кроме того, образовательный экспорт имеет выраженный экономический эффект. Он обеспечивает приток валютных поступлений, стимулирует развитие экспорта сопутствующих услуг (проживание, транспорт, питание, страхование), поддерживает занятость в академической и обслуживающей сферах. Объемы средств, полученных от экспорта российского образования, по прогнозам правительства должны вырасти до более чем 373 млрд руб. в 2025 г., и Центральная Азия занимает в этом контексте важное место [21].

Несмотря на относительную устойчивость российского образовательного влияния, оно сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, за последние 15–20 лет происходит активизация конкурентов. Турция, Китай, страны Европы и США наращивают образовательное присутствие в регионе через стипендии, открытие филиалов, преподавание английского, китайского и турецкого языков. Во-вторых, высокий уровень трудовой миграции и демографический рост создают спрос на мобильность, что ведет к расширению ориентации на турецкий, европейский и американский рынки труда и, соответственно, вузы через стипендиальные про-

граммы. В-третьих, в реальности мы видим проблемы с качеством подготовки в славянских университетах, а также в ряде филиалов российских вузов, бюрократизацию процедур признания дипломов, нехватку цифровой адаптации под местные условия – все это ограничивает конкурентоспособность российского высшего образования (см., напр.: [22]). В-четвертых, в последние годы стали особенно сильны политические риски. Антироссийские настроения, влияние внешних акторов и внутренняя политизация гуманитарного сотрудничества ослабляют потенциал «мягкой силы» России в долгосрочной перспективе.

В сложной современной международной обстановке для усиления дипломатического и экономического потенциала образовательного экспорта в Центральной Азии целесообразно серьезно трансформировать систему продвижения российского образования. Во-первых, нужно перейти от количественной к качественной модели образовательного экспорта. Во-вторых, необходимо внедрять совместные образовательные программы с национальными вузами Центральной Азии [23]. В-третьих, важно интегрировать экспорт российского образования с конкретными проектами технологической кооперации крупных российских и центральноазиатских компаний [24]. В-четвертых, необходимо усилить научную составляющую, включая совместные исследования и лаборатории.

Наряду с образовательным влиянием экспорт технологий и научно-техническое сотрудничество представляют собой стратегически важные инструменты российской экономической дипломатии в Центральной Азии. В условиях технологической трансформации и ускоренной цифровизации данные направления обеспечивают устойчивое присутствие России в ключевых секторах экономики государств региона, способствуют институциональной совместимости, технологической зависимости и формированию «зон доверия» в сфере высоких технологий [24]. Современные исследования в области политической экономии и международных отношений подчеркивают растущую роль технологий как ресурса геоэкономического соперничества. Технологические стандарты, платформенные решения и системы управления данными становятся инструментами структурного влияния, способными формировать институциональную зависимость стран-партнеров от технологических решений поставщика. В этом контексте Россия стремится реализовать экспорт технологий не только как коммерческую деятельность, но и как часть внешнеполитической стратегии, направленной на укрепление технологической автономии евразийского пространства. Особую актуальность в условиях санкционного давления приобретают усилия по диверсификации рынков, наращиванию технологической независимости и интеграции с государствами, готовыми к сотрудничеству вне западных нормативов. Страны Центральной Азии в силу исторической близости, языковой совместимости и логистической связанности представляют собой естественный приоритет для российских технологических инициатив. Наиболее активно экспорт российских технологий в регион развивается по нескольким направлениям. Во-первых, это энергетика и инфраструктура. Российские компании, такие как «Интер РАО» и «Силовые машины», участвуют в модернизации и строительстве новых энергетических объектов в Казахстане и Узбекистане. Поставки турбин, генераторов, автоматизированных систем управления, а также участие в строительстве и модернизации ГЭС и ТЭС формируют прочные производственно-технологические связи, создают основу для долгосрочного научно-технического сотрудничества. Во-вторых, в Центральной Азии активно продвигаются информационные технологии. Российские ИТ-компании активно внедряют программные решения в сферах электронного документооборота, цифрового образования, кибербезопасности и электронного правительства. Так, платформа «Госуслуги» послужила моделью для ряда сервисов в Казахстане и Кыргызстане, а система 1С используется для бухгалтерии и логистики в десятках государственных и частных учреждений региона. В-третьих, очень перспективным направлением является цифровая и спутниковая навигация. Использование систем ГЛОНАСС и разработка совместных проектов в сфере спутникового мониторинга природных ресурсов и транспорта становятся важным элементом российско-центральноазиатского сотрудничества. В Узбекистане создан национальный центр, интегрированный с ГЛОНАСС, что усиливает технологическую и логистическую привязанность к России. В-четвертых, отдельное и важное направление сотрудничества – это медицина и биотехнологии. После пандемии COVID-19 Россия активизировала экспорт медицинских технологий, включая поставки лекарств и вакцин, тест-систем, оборудования, а также передала часть производственных технологий узбекским и казахстанским партнерам. В-пятых, не стоит забывать о секторе сельского хозяйства и агротехнологии. Сотрудничество по линии механизации сельского хозяйства, внедрения российских агротехнологий, например капельного орошения и семеноводства, представляет собой перспективное направление для стран с аграрным профилем (например, Таджикистан и Узбекистан).

Научно-техническое взаимодействие России и стран Центральной Азии может реализовываться в рамках нескольких форм: межправительственные соглашения о сотрудничестве в области науки и технологий, совместные лаборатории и исследовательские центры при участии российских вузов и академий наук, программы академических обменов и грантов для молодых ученых и т.д. Примеры успешного взаимодействия включают создание российско-казахстанского Центра космических исследований [25], инициативу по трансграничному управлению водными ресурсами между РФ, Казахстаном и КНР [26], а также проекты по изучению устойчивого землепользования с участием Узбекистана и российских вузов. Научная кооперация в регионе играет двойную роль: с одной стороны, она способствует решению общих задач (экология, энергетика, продовольственная безопасность), с другой – становится средством распространения российских научных стандартов, академических сетей и языковых норм. Совместные публикации, интеграция в российские базы данных и рейтинговые системы создают

символический капитал, конвертируемый в дипломатическое влияние.

Однако экспорт российских технологий в Центральную Азию сталкивается с целым рядом вызовов. Во-первых, низкий уровень инновационной конкурентоспособности российских технологий. Российские технологические решения зачастую проигрывают западным или китайским аналогам по уровню инноваций, особенно в ИТ-сфере. Во-вторых, ограниченность российских финансовых ресурсов. Отсутствие системных экспортных субсидий и слабое участие институтов развития (РЭЦ и другие) сдерживают экспансию. В-третьих, политическая конкуренция со стороны других игроков. Например, Китай продвигает свою инициативу «Цифрового шелкового пути», а Турция активно работает через ТЮРКСОЙ и университеты, создавая альтернативные каналы технологического взаимодействия. В-четвертых, серьезно ограничивает сотрудничество недостаточная институционализация. Отсутствие устойчивых многосторонних механизмов научно-технической кооперации на евразийском пространстве сужает возможности системной интеграции.

Для повышения эффективности экспорта российских технологий как инструмента экономической дипломатии в Центральной Азии необходимо: активизировать участие России в формировании общих технологических стандартов в рамках ЕАЭС и СНГ, развивать «технологические альянсы» с профильными университетами и научно-исследовательскими институтами стран региона, расширять локализацию производства (в том числе в формате сборочных производств, франшиз, совместных предприятий), использовать механизмы научной дипломатии как форму «интеллектуального партнерства» (например, через совместные научные гранты, программы магистратуры и аспирантуры с исследовательским уклоном), продвигать российские технологии в сфере устойчивого развития, «зеленой» экономики и климатических исследований, где существует явный дефицит региональных компетенций. В совокупности экспорт российских технологий и научно-техническое сотрудничество позволят России не только сохранять экономическое и гуманитарное влияние в Центральной Азии, но и создать новый формат «гибкой регионализации», в рамках которого экономическая и научная связность выступают важным фактором внешнеполитической устойчивости. Они представляют собой не только сферу гуманитарной политики, но и значимый инструмент экономической дипломатии, обладающий потенциалом структурного влияния на долгосрочную конфигурацию регионального сотрудничества и внешнеполитической лояльности.

Список источников

1. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 25. С. 85–93. doi: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93
2. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 35. С. 47–55. doi: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-47-55
3. Казанцев А.А., Синегубов А.Л., Чернявский С.И. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности ее использования в Центральной Азии // Ежегодник ИМИ, 2014 / под общ. ред. А.А. Орлова, А.А. Казанцева М. : МГИМО-Университет, 2014. Вып. 1 (7): Постсоветская Центральная Азия: интересы внешних игроков и внутренняя динамика развития. С. 70–89.
4. Соловьев Э.Г. Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ // Международная жизнь. 2011. № 8. С. 47–60.
5. Байсултанова К.Ч. «Концептуальные основы экономической дипломатии государств Центральной Азии» // Известия. Сер. Международные отношения и регионоведение. 2023. № 51 (1). doi: 10.48371/ISMO.2023.51.1.002
6. Мураталиева З.Т. “Soft power” России в Центральной Азии: ключевые аспекты и пробелы в реализации // Дискурс-Пи. 2017. № 3-4. С. 28–29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soft-power-rossii-v-tsentralnoy-azii-klyuchevye-aspekty-i-probely-v-realizatsii (дата обращения: 27.05.2025).
7. Кротков В.О. «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 4 (4). С. 7–17. doi: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01
8. Райнхардт Р.О. Развитие теории экономической дипломатии в России в 2000–2018 гг.: наукометрический и институциональный анализ // Научный диалог. 2019. № 2. С. 283–295. doi: 10.24224/2227-1295-2019-2-283-295
9. Райнхардт Р.О. Эволюция понятия «экономическая дипломатия» в российских научных трудах // Право и управление. XXI век. 2015. №1. С. 104–109.
10. Карабанова М.А. Проблема экономической дипломатии в современной политической науке: теоретический аспект // Проблемы науки. 2016. № 4 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekonomicheskoy-diplomatii-v-sovremennoy-politicheskoy-nauke-teoreticheskiy-aspekt (дата обращения: 29.04.2025).
11. Карабанова М.А., Экономический инструментарий внешней политики России: особенности и перспективы использования. // Общество: политика, экономика, право. 2016. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-instrumentariy-vneshney-politiki-rossii-osobennosti-i-perspektivy-ispolzovaniya (дата обращения: 27.05.2025).
12. Данков А.Г. Русский язык в образовательном пространстве Центральной Азии: возможности для экспорта российского образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 199–210. doi: 10.17223/1998863X/82/17
13. Дериглазова Л.В., Погорельская А.М. Целеполагание экспорта высшего образования Российской Федерации: константы и переменные // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С. 124–143. doi: 10.17323/1996-7845-2024-04-08
14. Погорельская А.М. Эволюция системы высшего образования в Туркменистане на фоне современных образовательных трендов // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 150–160. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-150-160
15. Погорельская А.М. Из России с дипломом: экспорт образования в Центральную Азию // Россия в глобальной политике. 2023. URL: https://globalaffairs.ru/articles/iz-rossii-s-diplomom/ (дата обращения: 27.05.2025).
16. Погорельская А.М., Погодаев Н.П. Экспорт российских услуг в области высшего образования в Таджикистан: предпосылки, сложности и перспективы // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 3. С. 492–502. doi: 10.21603/sibscript-2024-26-3-492-502
17. Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М. : АСТ, 2014. 444 с.
18. По итогам 2024 года в России обучаются 389 тысяч иностранных студентов // Всемирная Россия : Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 2025. URL: https://vseruss.com/po-itogam-2024-goda-v-rosii-obuchayutsya-389-tysyach-inostrannyh-studentov/ (дата обращения: 27.05.2025).

19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о создании и функционировании филиалов образовательных организаций высшего образования Российской Федерации в Республике Узбекистан от 19.10.2018 // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201903040047 (дата обращения: 27.05.2025).
20. Российская электронная школа : государственная образовательная платформа. URL: https://resh.edu.ru/ (дата обращения: 27.05.2025).
21. О приоритетном проекте «Экспорт образования» // Правительство России. URL: http://government.ru/info/27864/ (дата обращения: 27.05.2025).
22. Коррупционный скандал в КРСУ. Студентов незаконно зачисляли на бюджетные места // Вести.kg : информационный портал. 2022. URL: https://vesti.kg/proisshestviya/item/106246-korruptsionnyj-skandal-v-krsu-studentov-nezakonno-zachislyali-na-byudzhetnye-mesta.html (дата обращения: 27.05.2025).
23. СПбГУ запустил программу двух дипломов с университетом Узбекистана // Санкт-Петербургский государственный университет. 2021. URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-zapustil-programmu-dvuh-diplomov-s-universitetom-uzbekistana (дата обращения: 27.05.2025).
24. Сергеев И. Российский образовательный экспорт: как трансфер знаний расширяет дорогу бизнесу // Ведомости. 2024. URL: https://www.vedomosti.ru/ideas/education/articles/2024/10/07/1066353-rossiiskii-obrazovatelnii-eksport (дата обращения: 27.05.2025).
25. Казахстан и Россия планируют запустить программы совместных космических исследований // ТАСС. 2024. URL: https://tass.ru/kosmos/20580859 (дата обращения: 27.05.2025).
26. В Казахстане создают управление по взаимодействию с РФ и КНР по водным ресурсам // ТАСС. 2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/19212971 (дата обращения: 27.05.2025).

References

1. Torkunov, A.V. (2012) Obrazovanie kak instrument “myagkoy sily” vo vneshney politike Rossii [Education as an Instrument of “Soft Power” in Russia's Foreign Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 4(25). pp. 85–93. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93
2. Lebedeva, M.M. (2014) “Myagkaya sila” v otnoshenii Tsentral'noy Azii: uchastniki i ikh deystviya [“Soft Power” in Relations with Central Asia: Actors and Their Actions]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2(35). pp. 47–55. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-47-55
3. Kazantsev, A.A., Sinegubov, A.L. & Chernyavskiy, S.I. (2014) “Myagkaya sila” Rossii v novom tysyacheletii i vozmozhnosti ee ispol'zovaniya v Tsentral'noy Azii [Russia's “Soft Power” in the New Millennium and Opportunities for Its Use in Central Asia]. In: Orlov, A.A. & Kazantsev, A.A. (eds) *Ezhegodnik IMI* [Yearbook of the Institute of International Studies]. Vol. 1(7). Moscow: MGIMO-Universitet. pp. 70–89.
4. Soloviev, E.G. (2011) Gumanitarnoe izmerenie “myagkoy sily”: “chelovecheskaya bezopasnost’” vo vneshney politike RF [The Humanitarian Dimension of “Soft Power”: “Human Security” in the Foreign Policy of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 8. pp. 47–60.
5. Baysultanova, K.Ch. (2023) Kontseptual'nye osnovy ekonomicheskoy diplomatii gosudarstv Tsentral'noy Azii [Conceptual Foundations of the Economic Diplomacy of Central Asian States]. *Izvestiya. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya i regionovedenie*. 51(1). DOI: 10.48371/ISMO.2023.51.1.002
6. Muratalieva, Z.T. (2017) “Soft power” Rossii v Tsentral'noy Azii: klyuchevye aspekty i probely v realizatsii [Russia's “Soft Power” in Central Asia: Key Aspects and Implementation Gaps]. *Diskurs-Pi*. 3-4. pp. 28–29. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/soft-power-rossii-v-tsentralnoy-azii-klyuchevye-aspekty-i-probely-v-realizatsii (Accessed: 27th May 2025).
7. Krotkov. V.O. (2023) “Myagkaya sila” v sredneaziatskom regione: obshchie kontury balansa sil [“Soft Power” in the Central Asian Region: General Outline of the Balance of Power]. *Blizhniy i Postsovetskiy Vostok*. 4(4). pp. 7–17. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01
8. Reinhardt, R.O. (2019) Razvitie teorii ekonomicheskoy diplomatii v Rossii v 2000–2018 gg.: naukometricheskiy i institutsional'nyy analiz [Development of the Theory of Economic Diplomacy in Russia in 2000–2018: Scientometric and Institutional Analysis]. *Nauchnyy dialog*. 2. pp. 283–295. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-283-295
9. Reinhardt, R.O. (2015) Evolyutsiya ponyatiya “ekonomicheskaya diplomatiya” v rossiyskikh nauchnykh trudakh [Evolution of the Concept of “Economic Diplomacy” in Russian Academic Works]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 1. pp. 104–109.
10. Karabanova, M.A. (2016) Problema ekonomicheskoy diplomatii v sovremennoy politicheskoy nauke: teoreticheskiy aspect [The Problem of Economic Diplomacy in Modern Political Science: Theoretical Aspect]. *Problemy nauki*. 4(46). [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekonomicheskoy-diplomatii-v-sovremennoy-politicheskoy-nauke-teoreticheskiy-aspekt (Accessed: 29th April 2025).
11. Karabanova, M.A. (2016) Ekonomicheskiy instrumentariy vneshney politiki Rossii: osobennosti i perspektivy ispol'zovaniya [Economic Instruments of Russia's Foreign Policy: Features and Prospects for Use]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 4. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-instrumentariy-vneshney-politiki-rossii-osobennosti-i-perspektivy-ispolzovaniya (Accessed: 27th May 2025).
12. Dankov, A.G. (2024) The Russian Language in the Educational Space of Central Asia: Opportunities for the Export of Russian Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 82. pp. 199–210. (In Russian). DOI: 10.17223/ 1998863Kh/82/17
13. Deriglazova, L.V. & Pogorelskaya, A.M. (2024) Tselepolaganie eksporta vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii: konstanty i peremennye [Goal-Setting for the Export of Higher Education of the Russian Federation: Constants and Variables]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 19(4). pp. 124–143. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-08
14. Pogorelskaya, A.M. (2021) Evolyutsiya sistemy vysshego obrazovaniya v Turkmenistane na fone sovremennykh obrazovatel'nykh trendov [Evolution of the Higher Education System in Turkmenistan Against the Background of Modern Educational Trends]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 30(5). pp. 150–160. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-150-160
15. Pogorelskaya, A.M. (2023) *Iz Rossii s diplomom: eksport obrazovaniya v Tsentral'nuyu Aziyu* [From Russia with a Diploma: Export of Education to Central Asia]. [Online] Available from: https://globalaffairs.ru/articles/iz-rossii-s-diplomom/ (Accessed: 27th May 2025).
16. Pogorelskaya, A.M. & Pogodaev, N.P. (2024) Eksport rossiyskikh uslug v oblasti vysshego obrazovaniya v Tadzhikistan: predposylki, slozhnosti i perspektivy [Export of Russian Higher Education Services to Tajikistan: Prerequisites, Difficulties and Prospects]. *SibSkript*. 26(3). pp. 492–502. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-3-492-502
17. Nye, Jr., J.S. (2014) *Budushchee vlasti. Kak strategiya umnoy sily menyaet XXI vek* [The Future of Power. How Smart Power Strategy is Changing the 21st Century]. Translated from English. Moscow: AST.
18. Worldwide Russia: Worldwide Coordination Council of Russian Compatriots Living Abroad. (2025) *Po itogam 2024 goda v Rossii obuchayutsya 389 tysyach inostrannykh studentov* [According to the Results of 2024, 389 Thousand Foreign Students are Studying in Russia]. [Online] Available from: https://vseruss.com/po-itogam-2024-goda-v-rosii-obuchayutsya-389-tysyach-inostrannyh-studentov/ (Accessed: 27th May 2025).
19. Russian Federation. (2018) *Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan o sozdanii i funktsionirovanii filialov obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii v Respublike Uzbekistan ot 19.10.2018* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the Establishment and Operation of Branches of Higher Educational Institutions of the Russian Federation in the Republic of Uzbekistan dated October 19, 2018]. [Online] Available from: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201903040047 (Accessed: 27th May 2025).
20. Russian Electronic School: State Educational Platform. [Online] Available from: https://resh.edu.ru/ (Accessed: 27th May 2025).
21. Russian Federation. (n.d.) *O prioritetnom proekte “Eksport obrazovaniya”* [On the Priority Project “Export of Education”]. [Online] Available from: http://government.ru/info/27864/ (Accessed: 27th May 2025).

22. Vesti.kg. (2022) *Korruptsionnyy skandal v KRSU. Studentov nezakonno zachislyali na byudzhetnye mesta* [Corruption Scandal at KRSU. Students Were Illegally Enrolled in State-Funded Places]. [Online] Available from: https://vesti.kg/proisshestviya/item/106246-korruptsionnyj-skandal-v-krsu-studentov-nezakonno-zachislyali-na-byudzhetnye-mesta.html (Accessed: 27th May 2025).
23. Saint Petersburg State University. (2021) *SPbGU zapustil programmu dvukh diplomov s universitetom Uzbekistana* [SPbU Launched a Double Degree Program with a University in Uzbekistan]. [Online] Available from: https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-zapustil-programmu-dvuh-diplomov-s-universitetom-uzbekistana (Accessed: 27th May 2025).
24. Sergeev, I. (2024) *Rossiyskiy obrazovatel'nyy eksport: kak transfer znaniy rasshiryaet dorogu biznesu* [Russian Educational Export: How Knowledge Transfer Paves the Way for Business]. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/ideas/education/articles/2024/10/07/1066353-rossiiskii-obrazovatelnii-eksport (Accessed: 27th May 2025).
25. TASS. (2024) *Kazakhstan i Rossiya planiruyut zapustit' programmy sovmestnykh kosmicheskikh issledovaniy* [Kazakhstan and Russia Plan to Launch Joint Space Research Programs]. [Online] Available from: https://tass.ru/kosmos/ 20580859 (Accessed: 27.05.2025).
26. TASS. (2023) *V Kazakhstane sozdayut upravlenie po vzaimodeystviyu s RF i KNR po vodnym resursam* [Kazakhstan Establishes a Department for Interaction with Russia and China on Water Resources]. [Online] Available from: https://tass.ru/ekonomika/ 19212971 (Accessed: 27.05.2025).

***Сведения об авторах*:**
Данков Артем Георгиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: artem.dankov.83@mail.ru;
Акматов Алмазбек Шаршембиевич – докторант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: akmatovalmazbek540@gmail.com
Исабеков Самат Сатарович – докторант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: isabekov.ss72@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Artem G. Dankov – Cand. Sci. (History), senior research fellow, Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: artem.dankov.83@mail.ru;
Almazbek Sh. Akmatov – doctoral student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: akmatovalmazbek540@gmail.com;
Samat A. Isabekov – doctoral student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: isabekov.ss72@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 24.06.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(474)
doi: 10.17223/19988613/97/15

Трансформация исторического сознания на постсоветском пространстве: сопоставление исторических оценок русскоязычного населения стран Балтии и жителей РФ

Кирилл Александрович Зверев

Костромской государственный университет, Кострома, Россия, zwerew.kir@yandex.ru

Аннотация. Предметом изучения является сравнение изменений в исторических оценках русскоязычных жителей Эстонии, Латвии, Литвы и России в период 1990–2010-х гг. В результате анализа комплекса составляющих государственной исторической политики стран Балтии и Российской Федерации, а также привлечения широкого круга источников по измерению общественного мнения (социологические исследования, опросы населения) удалось выявить различия в оценках прошлого русскоязычным населением Эстонии, Латвии, Литвы и жителями России применительно к конкретным историческим отрезкам и личностям.
Ключевые слова: русскоязычное население стран Балтии, политика памяти, государственная историческая политика, исторические оценки

Для цитирования: Зверев К.А. Трансформация исторического сознания на постсоветском пространстве: сопоставление исторических оценок русскоязычного населения стран Балтии и жителей РФ // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 119–127. doi: 10.17223/19988613/97/15

Original article

Transformation of Historical Consciousness in the Post-Soviet Space: Comparison of Historical Assessments of the Russian-Speaking Population of the Baltic States and Residents of the Russian Federation

Kirill A. Zverev

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, zwerew.kir@yandex.ru

Abstract. The subject of study in the article is the determination of changes in the historical assessments of the Russian-speaking inhabitants of Estonia, Latvia, Lithuania and Russia in comparison for the period of the 1990s - 2010s. The purpose of the study is to analyze the essence of the historical paradigm of the Baltic countries, the degree of its perception by the local titular and Russian-speaking population, as well as comparison with the historical views of the inhabitants of the Russian Federation itself. The research methodology is based on the principles of historicism, objectivity and consistency. In the course of the work, special historical methods were also used - chronological, periodization, retrospection and actualization, as well as individual applied methods of social sciences (sociological survey, sociological observation, content analysis). As a source base for the topic under consideration, of particular interest to us is the sociological study "Historical awareness of the most important events of the last century in Eastern Europe", conducted in April - May 2009 and covered, among others, with identical issues of Estonia, Latvia, Lithuania, Russia (with a sample of interviewees ranging from 1000 to 1600 people in each of the states). As for Latvia, it is worth mentioning the monitoring of social memory in Latvia, carried out in 2010–2013 by the scientists of the University of Latvia Martins Kaprans and Olga Prochevskaya, as well as practically the same monitoring in 2017 made by the same Martins Kaprans and Andris Saulitis. In addition, this work uses sociological polls and research conducted at different times by order of government agencies, private news agencies and the media. As a result of the analysis of the complex of components of the state historical policy of the Baltic states and the Russian Federation, as well as the involvement of a wide range of sources for measuring public opinion (sociological research, population polls), it was possible to identify differences in the assessments of the past by the Russian-speaking population of Estonia and Latvia, Lithuania and the inhabitants of the Russian Federation in relation to specific historical periods and personalities. The smallest discrepancies are caused by the events of early, medieval history, the period of the Russian Empire and the Great Patriotic War. The biggest differences are associated with the assessment of the Soviet period of development. The views of the Russian-speaking youth of the Baltic countries, who were educated after the collapse of the Soviet Union and experienced the measures of local memory politics, are gradually converging with the historical views of Estonians, Latvians, and Lithuanians.

© К.А. Зверев, 2025

In light of the ongoing educational reforms in Estonia, Latvia, Lithuania (aimed at eliminating Russian-language education), we can assume that in the medium term, this trend will continue, and the differences in the interpretation of past events between the inhabitants of the Russian Federation and the Baltic states will deepen

Keywords: Russian-speaking population of the Baltic countries; politics of memory; state historical policy; historical assessments

For citation: Zverev, K.A. (2025) Transformation of Historical Consciousness in the Post-Soviet Space: Comparison of Historical Assessments of the Russian-Speaking Population of the Baltic States and Residents of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 119–127. doi: 10.17223/19988613/97/15

Распад Советского Союза и последовавшие дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве привели к коренному пересмотру господствующих до этого исторических трактовок. Наиболее резкая смена оценок прошлого произошла в странах Балтии, где уже в 1990-е гг. начала оформляться собственная политика памяти, напрямую связанная с местной внутренней и внешнеполитической ориентацией. Позднее данные наработки стали активно заимствоваться другими государствами ближнего зарубежья – Грузией, Украиной, Молдавией и др. В свете сказанного тем более интересно проанализировать сущность исторической политики стран Балтии, степень ее восприятия местным титульным и русскоязычным населением, а также сопоставить с историческими воззрениями жителей Российской Федерации. Под исторической политикой в данном исследовании мы подразумеваем набор практик, применяемых некоторыми политическими силами для утверждения и доминирования определенных интерпретаций исторических событий [1. С. 6–23]. Понятие «политика памяти» используется нами как синоним исторической политики.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системности. При подготовке работы использованы также специальные исторические методы – хронологический, периодизации, ретроспекции и актуализации, а также отдельные прикладные методы социальных наук (социологический опрос, социологическое наблюдение, контент-анализ).

Научная литература, посвященная изучаемой проблематике, относительно немногочисленна и представлена работами как отечественных авторов, так и прибалтийских. Среди российских исследователей, рассматривающих проблемы формирования политики памяти в РФ и за рубежом, следует выделить А.И. Миллера [1. С. 6–23; 2]. Представляют интерес и работы А.Р. Дюкова [3, 4], В.В. Симиндея [5], в которых первостепенное внимание уделяется фактам переписывания истории на постсоветском пространстве в угоду внутренней и внешнеполитической конъюнктуре. Из прибалтийских исследователей, излагающих основы местной исторической парадигмы, отметим М. Лаара [6], А. Астрова [7], И. Фелдманиса [8], В.В. Иванова [9].

В 1991 г. Эстония, Латвия и Литва одними из первых вышли из состава Советского Союза и приступили к оформлению собственной государственности на основе принципа исторической правопреемственности по отношению к республикам 1918–1940 гг. Данная особенность заложила основы местной политики памяти, а именно восприятия советского периода как «оккупации», прервавшей независимое существование республик. Активное отторжение советского прошлого проявилось еще в конце 1980-х гг. – в период «Поющей революции 1987–1991 гг.», на фоне роста националистических и сепаратистских настроений, а также обострения социально-политического и экономического кризиса. Именно тогда в обществе начал активно продвигаться тезис о незаконности инкорпорации Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР в 1940 г. Деятельное участие в распространении данных взглядов сыграли представители Геттингенской рабочей группы ученых, в том числе Борис Мейснер и Дитрих Лёбер, создатели *концепции оккупации стран Балтии* [10]. В частности, Д. Лёбер выступал на конференции прибалтийских народных фронтов (Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и движения Саюдис Литвы), проходившей в Таллине 13–14 мая 1989 г. [11] Помимо прочего, на конференции обсуждался вопрос об обстоятельствах вхождения республик в состав СССР в 1940 г. В этой части мероприятия советолог из ФРГ Лёбер представил участникам конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова–Риббентропа [12], доказывая тем самым факт «незаконности» и насильственного присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к Советскому Союзу.

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи, в ознаменование 50-летия подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (и секретных протоколов к нему), 23 августа 1989 г. народными фронтами Прибалтийских республик была организована знаменитая акция «Балтийский путь», которая была призвана привлечь международное внимание к факту «незаконного инкорпорирования» Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников тезиса о «советской оккупации» и популяризации идеи «восстановления» утраченной государственности Балтийских республик.

Концепция оккупации стран Балтии позволяла прибалтийскому истеблишменту обосновать состоятельность идеи непрерывного существования Эстонской, Латвийской и Литовской республик, провозглашенных в 1918 г. и затем подвергшихся «советской оккупации с 1940 по 1991 г.», и их политическое и правовое возрождение, восстановление в 1991 г. При этом принцип реституционализма позволял претендовать на национализированную в советский период собственность, активы республик за рубежом, на восстановление членства в некоторых международных организациях,

на безоговорочный вывод советских / российских войск со своей территории и выплату компенсаций за «оккупацию». Кроме того, применительно к Эстонии и Латвии не следует забывать и о национальном вопросе, а именно о статусе местного русскоязычного населения, подавляющая часть которого прибыла именно в советский период и, таким образом, не могла претендовать на восстановление гражданства. К 1991 г. русскоязычное население составляло до 35% жителей Эстонии [13], до 45% населения Латвии [14], до 9% жителей Литвы. Применительно к Литве следует упомянуть и о польском меньшинстве в 7% [15].

Однако не следует отождествлять с прибалтийской государственной исторической политикой исключительно тезис о «советской оккупации». Вторым ее важнейшим аспектом, тесно связанным с первым, стал *принцип этноцентризма*, под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латвийского, литовского народов, к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульных наций во внутригосударственной жизни республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Третьим столпом местной политики памяти стал *принцип антикоммунизма*, направленный на развенчание «преступлений коммунизма» против эстонского народа. По нашему мнению, данный принцип не столько характерен для Прибалтики, сколько для государств Восточной Европы в целом. В странах Балтии он применялся в большей степени для достижения внешнеполитических целей и заметную роль стал играть лишь во второй половине 2000-х гг.

Разумеется, новые взгляды на события прошлого начали активно популяризироваться на всех уровнях – от преподавания истории в школе и выпуска научных трудов до создания исторических фильмов, музеев, памятников, вписывающихся в новую историческую концепцию [16–19].

Что же касается Российской Федерации, то здесь в 1990-е гг. официальные власти устранились от какого-либо влияния на исторический дискурс, и лишь со второй половины 2000-х гг. ситуация стала меняться: был получен «государственный заказ» на создание нового учебника по Отечественной истории (под редакцией А.А. Данилова, А.В. Филиппова) [20]. Кроме того, на уровне высшего руководства страны активизировалась борьба с попытками фальсификации истории, в особенности событий Второй мировой войны и периода существования Советского Союза [1. С. 6–23].

Тем не менее процессы трансформации исторического сознания, запущенные в годы перестройки и периода становления национальной государственности на постсоветском пространстве не прошли бесследно. Наиболее значительные изменения оценок прошлого (в первую очередь событий XX в.) по вышеозначенным причинам произошли в Прибалтийских республиках. Затронули они и местное русскоязычное население, которое также оказалось вовлечено в национальную политику памяти. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований и опросов, причем наиболее показательны опросы, характеризующие отношение к событиям XX в., а именно к межвоенному периоду, советской власти, событиям Второй мировой и Великой Отечественной войн.

В связи со специфичностью рассматриваемой темы особый интерес для нас представляет социологическое исследование «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», проводившееся в апреле–мае 2009 г. и охватившее, помимо прочих, с идентичными вопросами Эстонию, Латвию, Литву, Россию (с выборкой интервьюируемых в количестве от 1 000 до 1 600 человек в каждом из государств) [21]. Применительно к Латвии следует упомянуть также о «Мониторинге социальной памяти Латвии» (Latvijas sociālās atmiņas monitorings), проведенном в 2010–2013 гг. учеными Латвийского университета Мартинсом Капрансом и Ольгой Прочевской [22], а также практически аналогичном мониторинге 2017 г. того же Мартинса Капранса и Андриса Саулитиса [23]. Также в данной работе используются социологические опросы и исследования, проводившиеся в различное время по заказу государственных учреждений, частных информационных агентств и СМИ.

В случае со странами Балтии и особенностями местной государственной исторической политики, обозначенными выше, весьма важное значение приобретает общественная оценка периода существования независимых буржуазных республик межвоенного периода. На наш взгляд, официальным структурам Таллина, Риги, Вильнюса удалось «привить» русскоязычным в целом положительное или нейтральное отношение к данному историческому периоду. В частности, применительно к первой Латвийской Республике 1920–1930-х гг. и правлению Карлиса Улманиса (латвийский политический деятель, авторитарный правитель Латвийской Республики в 1934–1940 гг.) лишь 12% нелатышей дали негативную оценку, 73% регулярно отмечают 18 ноября 1918 – День провозглашения независимости [23. L. 10]. В Эстонии схожая ситуация: 70% русскоязычных респондентов высказали положительное отношение к Первой Республике и Константину Пятсу (эстонский политический деятель, авторитарный правитель Эстонской Республики в 1934–1940 гг.). При этом оценки эстонских исторических личностей XX в., данные русскоязычными, оказались более сдержанными, чем у представителей титульного населения. Так, например, наибольшие различия касаются деятелей коммунистической партии Виктора Кингисеппа (российский и эстонский революционер, один из создателей Коммунистической партии Эстонии) и Йоханнеса Вареса-Барбаруса (эстонский поэт и писатель, политический деятель, премьер-министр Эстонии в 1940 г., председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР в 1940–1946 гг.), которых положительно оценили 58% и 54% русскоязычных респондентов (среди эстонцев данные деятели набрали 30% и 41% положительных отзывов). При этом поддержку первому президенту новой Эстонии – Леннарту Мери – высказали 76% неэстонцев, среди коренных

жителей таковых было 90% [21]. Другими словами, советское прошлое вызывает предсказуемое сочувствие у местных русскоязычных, а новейший период воспринимается более критично. При этом мы не видим прямо противоположных суждений (за исключением событий Второй мировой войны) касательно большей части исторических событий, что говорит об отсутствии поляризации общества, существовании своеобразного диалога в эстонском и латвийском историческом дискурсе (опять же за исключением событий Второй мировой войны). Литва же в данном контексте имеет собственную специфику, заключающуюся в более однородном этническом составе населения, а также в ставке местного истеблишмента на литуанизацию истории Великого княжества Литовского (ВКЛ) [18, 24]. Так, по заказу литовского информационного портала DELFI компанией по исследованию общественного мнения и рынка Spinter tyrimai было проведено социологическое исследование в январе 2012 г., согласно которому с государственностью у жителей Литвы в наибольшей степени ассоциируется праздничный день 16 февраля (1918) – провозглашение независимости первой Литовской Республики (поддержали 45,6% респондентов), в то время как День коронации короля Миндаугаса и знаменующееся этим создание Великого княжества Литовского (22,2% опрошенных), 11 марта (20,3%) или нынешний День Конституции (1,6%) в сознании жителей Литвы утвердились гораздо слабее [25]. Другими словами, Вильнюсу наряду с северными прибалтийскими соседями удалось достигнуть консенсуса в обществе относительно принципа правопреемственности новых государств к республикам 1918–1940 гг., а также положительного (либо по крайней мере нейтрального) отношения к ним со стороны национальных меньшинств.

Однако, как уже упоминалось ранее, основным камнем преткновения в историческом дискурсе стран Балтии является вопрос о правомерности инкорпорации республик в состав СССР и само отношение к советскому прошлому. Так, согласно данным эстонских социологов, в 2007 г. в «оккупацию» Эстонии Советским Союзом верили лишь 7% местных русскоязычных. В 2002 г. 43% русскоговорящих считали, что Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Согласно опросу, проведенному в 2005 г., аналогичное утверждение поддержали 56% [26]. Весьма показателен и социологический опрос, проведенный по заказу правительства г. Нарвы в 2009 г., согласно которому 53% жителей Нарвы считают присоединение Эстонии к СССР проявлением свободы воли народа; 60% убеждены, что суверенитет Эстонии не был нарушен в 1940 г. При этом доля неэстонцев, критически воспринимающих тезис о «советской оккупации», постоянно растет [27]. По нашему мнению, данные настроения, не отвечающие основным устремлениям местной государственной исторической политики, могут быть следствием не только «апрельского кризиса» 2007 г. (демонтаж памятника павшим во Второй мировой войне в Таллине и вызванные этим массовые беспорядки), но и отчужденности местного русскоязычного населения от Эстонский Республики вследствие языковой политики, ущербного правового статуса (отсутствие гражданства) [28].

В соседней Латвии оценочные суждения русскоязычного населения во многом совпадают с мнением эстонских русских. Об этом свидетельствуют результаты упомянутого выше «Мониторинга социальной памяти Латвии» 2010–2013 гг. [22], а также аналогичного мониторинга 2017 г. [23]. Исследования показали достаточно низкий общественный интерес к истории Латвии до XX в. как у латышей, так и у русскоязычных: менее половины респондентов не выработали какое-либо отношение к раннему периоду отечественной истории. Интерес нелатышей возрастает к этапу развития Латвии в составе Российской империи и особенно к Латвийской ССР, – именно применительно к данным периодам было высказано наиболее положительное отношение. Не меньший интерес русскоязычные проявляют и к «Поющей революции 1987–1991 гг.», новейшей истории Латвии (с 1991 г.), однако здесь наблюдается доминирование негативных оценок у 60% респондентов, чьим родным языком является русский [23. L. 10]. Это явно указывает на преобладание в местном политическом и информационном поле дискуссий именно о XX веке, как и предусмотрено латвийской политикой памяти.

Основные же противоречия, как и в соседней Эстонии, вызывают события Второй мировой войны и обстоятельства вхождения республики в состав Советского Союза. Именно данный период является доминирующим в современном латвийском историческом дискурсе с подачи официальной Риги на протяжении всех 1990–2010-х гг. Однако в обществе уже наблюдается усталость от постоянного муссирования тем «советской оккупации». Так, 69,2% русскоязычных считают тему событий 1940 г. (инкорпорация Латвийской Республики в состав СССР) неактуальной, среди латышей таковых 43% [22. L. 21]. При этом, события 1940-х гг. продолжают разделять общество. Согласно исследованию, проведенному при поддержке «Фонда Сороса – Латвия» в начале 2019 г., «лишь 5% русскоязычных школьников считают, что в 1944 г. СССР оккупировал Латвию (среди латышей таковых 62%). 23% учащихся из числа нелатышей уверены, что российский народ должен взять на себя ответственность за репрессии и депортации (среди представителей титульной нации так думают 72%). Объективными учебники истории считают 26% русскоязычных школьников и 65% латышских учащихся» [29]. В опросе принимали участие 400 учеников 12-х классов латышских и русскоязычных школ. Согласно другому исследованию общественного мнения, проведенному в 2013 г. [30], интерпретация событий XX в. в школьных учебниках истории также не вызывает доверия у русскоязычных учеников.

Вместе с тем упомянутый выше «Мониторинг социальной памяти Латвии» 2017 г. продемонстрировал настораживающую для официальной Риги тенденцию: 1/3 русскоязычных хочет возвращения назад времен Советского Союза, и их число по сравнению с 2013 г. увеличилось [23]. Среди русскоязычных, которые считают себя более информированными, меньше тех, кто думает, что Латвия была оккупирована, а среди латы-

шей – наоборот. Данный факт свидетельствует о том, что у этих людей, очевидно, разные источники информации [31].

Данные другого исследования – SKDS «Внешнеполитические мифы в Латвии: ЕС и Россия», – заказанного фондом поддержки Малой исторической библиотеки Латвии и проведенного в июне 2012 г., показали, что более половины латвийцев (54,4%) полагают, что Латвии было хорошо в составе СССР. В то же время почти половина (46,8%) позитивно оценивают распад Советского Союза [31]. Схожие результаты показал и опрос, проведенный в конце 2012 г. при финансовой поддержке Министерства культуры. Согласно его данным, 57% опрошенных считают советские времена хорошими, что на 2,5% больше, чем было в 2010 г. Удельный вес отрицательно относящихся к этому периоду уменьшился на 1,7% – до 26,8%. В свою очередь, 19% респондентов, в основном русскоязычных, хотели бы восстановления советского режима в Латвии, а 65% не хотели бы этого. Большинство респондентов по-прежнему признают, что подписанное 23 августа 1939 г. соглашение между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова–Риббентропа) повлияло на превращение Латвии в составную часть СССР. В 2004 г. с этим утверждением были согласны 56% опрошенных, а в 2012 г. – 63,8% [32].

Другими словами, эстонское и латвийское общество расколото по этно-национальному признаку в оценках событий Второй мировой войны и советского прошлого. При этом по мере углубления противоречий русскоязычное население все более дистанцируется от позиций официальных Таллина и Риги в данном вопросе, поляризация мнений растет. Однако о незыблемости взглядов нелатышей и неэстонцев также нельзя однозначно утверждать. Так, в упомянутом выше «Мониторинге социальной памяти Латвии» за 2012 г. содержится вопрос об отношении жителей Латвии к основным праздничным датам: день памяти латышских легионеров СС поддерживают 55,8% латышей, но удивительно, что среди местных русскоязычных положительное отношение к данному торжеству высказали 31%. При этом 9 мая – День Победы в Великой Отечественной войне – отмечают 38,8% латышей и 77,1% русскоязычных [23]. По мнению латвийского исследователя Виктора Макарова, «День Победы стал знаковым [для русскоязычных жителей Латвии], как и для России, именно в последние годы. Десять лет назад такого количества молодежи в Риге к памятнику Победы не приходило» [33. С. 150]. Здесь В. Макаров солидарен с мнением исследователей Института истории Латвии Мартинса Капранса, Ольги Прочевской, Андриса Саулитиса о существовании в республике как минимум двух параллельных информационных полей – латышскоязычного и русскоязычного, каждое из которых рассчитано исключительно на свою аудиторию. Понимая это, латвийский истеблишмент с 2015 г. начинает активное наступление на русскоязычные СМИ: в 2015 г. «Первый Балтийский Канал» оштрафован за «необъективное освещение военного конфликта на Востоке Украины» [34, 35], в 2019 г. приостановлено вещание девяти российских каналов [36], возрастает давление на пророссийское информационное поле. Запрет российских каналов говорит об их действенности и влиянии на местное русскоязычное население, а значит, недостаточное восприятие латвийской государственной исторической парадигмы со стороны национальных меньшинств.

Настроения национальных меньшинств Литвы также удалось выяснить благодаря социологическим исследованиям. В частности, представляет интерес опрос компании по изучению общественного мнения Baltijos tyrimai («Балтийские исследования»), проведённый 27 июня – 12 июля 2016 г. В составе респондентов были исключительно нелитовцы: 46% – поляки, 35% – русские, 8% – белорусы, 6% – украинцы, 2% – евреи, 3% – представители других национальностей. 64,8% участников исследования положительно ответили на вопрос, защищали бы они Литву, если бы на нее напали. В 2014 г. в Литве высказались утвердительно по аналогичному вопросу 57% населения, в 2005 г. – 32% [37]. Другими словами, степень лояльности к официальному Вильнюсу среди национальных меньшинств за 10 лет практически удвоилась. В том же 2016 г. с утверждением, что граждане Литвы стали бы защищать свою страну в случае агрессии, больше соглашались русские (65%), в числе поляков таковых было меньше (59,9%). «В вопросе обороны страны русские всегда были активнее, особенно жители младшего возраста, которые отождествляют себя с этим государством», – отметил заместитель директора Baltijos tyrimai Ромас Мачюнас (цит. по: [37]).

Однако при этом только 42,8% участников опроса согласны с утверждением, что для безопасности Литвы важны членство в ЕС и НАТО. Между тем утверждение, что часть представителей нацменьшинств нелояльна по отношению к Литве, были оценены следующим образом: меньше трети с этим согласились, 33,4% не сказали ни да, ни нет, 31,2% не согласились. Интересные результаты показали и вопросы о международной политике. К примеру, больше половины участников опроса (52,8%) согласны с утверждением, что российская политика – адекватная реакция на направленные против нее действия США и НАТО. Кроме того, присоединение Крыма к России законным действием считают 42,8% участников опроса. Больше всего это утверждение поддерживали выпускники русскоязычных школ – 48,3%, среди выпускников польских школ – 39,5%. Наконец, 40,8% участников опроса согласились с мнением, что «развал СССР – это самая большая геополитическая катастрофа». Интересно, что с этим были склонны согласиться воспитанники польских школ (43,4%), учащихся русских школ с таким мнением было немного меньше (41,2%) [37].

Если обратиться к *историческим оценкам в российском обществе*, то россияне в целом проявляют не меньший (по сравнению с жителями стран Балтии) интерес к отечественной истории. По утверждению респондентов, 71% из них интересуется историей своей страны, а две трети полагают, что знают новейшую историю государства [38]. Это даже более высокий показатель, нежели среди русскоязычного населения стран Балтии [21]. Кроме того, в России также имеет место

более выраженная ностальгия по Советскому Союзу: 56% респондентов сожалеют о распаде СССР [39]. Три четверти граждан РФ (75%) считают советскую эпоху лучшим временем в развитии страны [40]. При этом можно смело констатировать, что в отечественном историческом дискурсе обстоятельства присоединения Прибалтийских республик к СССР по понятным причинам не занимают значительного места. Не является центральной и тема советско-германского договора о ненападении (пакта Молотова–Риббентропа) и секретных протоколов к нему о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Само существование данных секретных протоколов было осуждено еще в 1989 г. на II Съезде народных депутатов СССР [41], обнародованы они были в 1993 г. и после этого неоднократно публиковались. Однако осведомленность об этих документах в российском обществе остается достаточно низкой. В частности, в 2017 г. 38% россиян вообще не знали о существовании пакта Молотова–Риббентропа (в 2010 г. таковых было 46%). В существование секретных протоколов к пакту верят 40% респондентов, 17% полагают, что протоколы – фальшивка, 33% опрошенных признались, что даже не слышали об этих документах [42].

Данные цифры свидетельствуют об отсутствии значительного общественного интереса к обозначенной проблематике. Хотя, безусловно, события Второй мировой и особенно Великой Отечественной войны являются центральными в российской политике памяти и историческом дискурсе. Это можно подтвердить и на основе результатов упомянутого выше исследования «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов»: более 95% россиян оценили негативно нападение Германии на СССР [43. С. 21]. Для сравнения, в Эстонии, Латвии, Литве данное событие вызывает отрицательный отклик у 80–89% [43. С. 15]. При этом к капитуляции Германии в 1945 г. положительно относятся 90% жителей РФ и лишь половина населения стран Балтии [21].

Если же обратиться к общественным оценкам исторических событий и персоналиям XX в. вне контекста Второй мировой войны, то здесь расхождения между государствами весьма значительны. Например, личности Николая II, Владимира Ленина, Феликса Дзержинского, Иосифа Сталина жителями России оцениваются в среднем на 25–30% более положительно, нежели в странах Балтии. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении к Октябрьской революции 1917 г. При этом воззрения молодого поколения (респонденты младше 25 лет) в Эстонии, Латвии, Литве являются более радикальными (на 5–10%), нежели более возрастных респондентов. В России же наблюдается обратная тенденция [21; 43. С. 21–29].

По нашему мнению, данные особенности свидетельствуют о принципиально разных подходах в государственной исторической политике. Если в странах Балтии ставка делается на антисоветскую / антироссийскую риторику и «национализацию» истории (написание истории эстонцев, латышей, литовцев), то в России, наоборот, сказывается отсутствующая линия исторической политики, в которой прослеживается лишь ставка на Великую Отечественную войну.

Таким образом, можно констатировать что исторические оценки русскоязычных жителей стран Балтии и россиян имеют различия в зависимости от того или иного периода. Наименьшие расхождения вызывают события ранней, средневековой истории, периода Российской империи и Великой Отечественной войны. Наибольшие различия связаны с оценкой советского периода развития. Взгляды русскоязычной молодежи стран Балтии, получившей образование уже после распада Советского Союза и испытавшей на себе влияние местной политики памяти, постепенно сближаются с историческими воззрениями эстонцев, латышей, литовцев.

В свете продолжающихся образовательных реформ в Эстонии, Латвии, Литве, направленных на ликвидацию русскоязычного образования, мы можем предположить, что в среднесрочной перспективе обозначенная тенденция продолжится, а различия в интерпретации событий прошлого между жителями Российской Федерации и стран Балтии углубятся.

Список источников

1. Историческая политика в XXI веке : сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
2. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 3-4. С. 6–23.
3. Дюков А.Р. Историческая политика или историческая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.
4. Дюков А.Р. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М. : Regnum, 2008. 152 с.
5. Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии : материалы к изучению. М. : Фонд «Историческая память», 2011. 264 с.
6. Laar M. Estonia's way / trl. by H.-H. Dunning; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn : Tallinna Raamatutrükikoda, 2006. 296 lk.
7. Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке : сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–216.
8. Фелдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты // Министерство иностранных дел Латвии URL: https://www.mfa.gov.lv/ru/vneshnyaya-politika/latvia-oecd (дата обращения: 04.07.2019).
9. Иванов В.В. Гекатомба. Трилогия. Ч. 2: Страшная ночь : к вопросу о жертвах ночи 13 января 1991 г. в Вильнюсе : сб. док. Вильнюс, 2006. URL: https://www.proza.ru/2010/01/06/1087 (дата обращения: 08.12.2019).
10. Meissner B., Loeber D.A. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel : Beiträge 1954–1994. Hamburg : Bibliotheca Baltica ; Tallinn : Ühiselu, 1995. 319 l.
11. Балтийская ассамблея : сб. докл., Таллинн, 13–14 мая 1989 г. / Народный фронт Эстонии. Таллинн : Валгус, 1989. 15 с.
12. Graf Mati Imperiumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine, 1988–1991. Tallinn : Argo, 2012. 456 lk.
13. 2000 aasta rahva ja eluruumide loendus. Kodakondus, rahvus, emakeel ja voorkeelte oskus // Statistikaamet [Департамент статистики]. URL: http://www.stat.ee/dokumendid/26769 (дата обращения: 29.01.2021).
14. Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites // Latvijas Vēstnesis. 2002. 30 apr. № 65.
15. Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida / red. D. Ambrozaitienė. Vilnius : Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. 178 p.

16. Зверев К.А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 167–177.
17. Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 1–14.
18. Зверев К.А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990–2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81.
19. Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.
20. История России, 1945–2007 гг. : 11 класс : учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М. : Просвещение, 2008. 367 с.
21. Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a // Saar Poll. 2009. September. URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020).
22. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums / red. M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. Nr. 1. 55 lpp.
23. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums / red. M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. Nr. 2. 72 lpp.
24. Зверев К.А. Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.
25. Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv. URL: https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301 (дата обращения: 24.10.2020).
26. Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt. 2007. 21 мая. URL: https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632 (дата обращения: 28.11.2020).
27. Тамм М. Нарва: Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 окт. URL: https://www.postimees.ee/172489/narvakad-eesti-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult (дата обращения: 28.11.2020).
28. Зверев К.А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Кострома, 2015. 298 с.
29. В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ // rus.DELFI.lv. URL: https://ru.delfi.lt/news/live/v-okkupaciyu-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266 (дата обращения: 08.09.2019).
30. Латвия: как пишут учебники истории // Русская служба BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_latvia (дата обращения: 08.09.2019).
31. Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам // ИА REGNUM. 2013. 16 марта. URL: https://regnum.ru/news/1636769.html (дата обращения: 28.10.2020).
32. Исследование: латыши стали менее негативно относиться к советскому периоду // rus.DELFI.lv. 2013. 15 марта. URL: https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latyshi-stali-menee-negativno-otnositsya-k-sovetskomu-periodu.d?id=43149554 (дата обращения: 23.11.2020).
33. Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2009. С. 148–157.
34. «Первый Балтийский Канал» обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе // РИА Новости. 2015. 23 окт. URL: https://ria.ru/20151023/1307120312.html (дата обращения: 25.11.2020).
35. В Латвии решили приостановить вещание девяти российских телеканалов // РИА Новости. 2019. 20 нояб. URL: https://ria.ru/20191120/1561168063.html (дата обращения: 25.11.2020).
36. Волков К. В Латвии запретили вещание семи телеканалов RT // Российская газета. 2020. 30 июня. URL: https://rg.ru/2020/06/30/v-latvii-zapretili-veshchanie-semi-telekanalov-rt.html (дата обращения: 25.11.2020).
37. Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы, если бы на страны Балтии напала Россия? // rus.DELFI.lv. 2016. 8 авг. URL: https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-chto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604 (дата обращения: 27.11.2020).
38. Каменчук О.Н., Федоров В.В. Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе // Вестник МГИМО Университета. 2009. № S4. С. 311–318.
39. Белуза А. Союз ностальгии. О распаде СССР сожалеют больше половины россиян // Российская газета – федеральный выпуск. 2016. 5 дек. № 276 (7144). С. 3.
40. Мухаметшина Е. Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны // Ведомости. 2020. 24 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti (дата обращения: 07.02.2021).
41. Постановление Съезда народных депутатов СССР о пакте Молотова–Риббентропа от 24.09.1989 г. // Правда. 1989. 28 дек.
42. Почти 40% россиян не вспомнили о существовании пакта «Молотова–Риббентропа» // Интерфакс. 2017. 13 сент. URL: https://www.interfax.ru/russia/578864 (дата обращения 10.02.2021).
43. Исследовательский проект «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов», апрель–май 2009 г. : краткий аналитический отчёт. М. : Евразийский монитор ; Социологическая мастерская Задорина, 2009. 52 с.

References

1. Miller, A. & Lipman, M. (eds) (2012) *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Miller, A. (2009) Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: Power and history]. *Pro et Contra*. 13(3-4). pp. 6–23.
3. Dyukov, A.R. (2010) Istoricheskaya politika ili istoricheskaya pamyat' [Historical politics or historical memory]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 1. pp. 133–148.
4. Dyukov, A.R. (2008) *Vtorostepennyy vrag. OUN, UPA i reshenie "evreyskogo voprosa"* [Secondary enemy. OUN, UPA and the solution of the "Jewish question"]. Moscow: Regnum.
5. Dyukov, A. & Simindey, V. (2011) *Gosudarstvennaya istoricheskaya politika Latvii: materialy k izucheniyu* [State Historical Policy of Latvia: Materials for Study]. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat'."
6. Laar, M. (2006) *Estonia's Way*. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda.
7. Astrov, A. (2012) Istoricheskaya politika i "ontologicheskaya ozabochennost'" malykh tsentral'no-evropeyskikh gosudarstv (na primere Estonii) [Historical politics and "ontological concerns" of small Central European states (a case study of Estonia)]. In: Miller, A. & Lipman, M. (eds) *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 184–216.
8. Feldmanis, I. (n.d.) *Okkupatsiya Latvii – istoricheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty* [Occupation of Latvia – historical and international legal aspects]. [Online] Available from: https://www.mfa.gov.lv/ru/vneshnyaya-politika/latvia-oecd (Accessed: 4th July 2019).
9. Ivanov, V.V. (2006) *Gekatomba. Trilogiya* [Hecatomb. Trilogy]. Vol. 2. Vilnius: [s.n.]. [Online] Available from: https://www.proza.ru/2010/01/06/1087 (Accessed: 8th December 2019).
10. Meissner, B. & Loeber, D.A. (1995) *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994*. Hamburg: Bibliotheca Baltica; Tallinn: Ühiselu.
11. Popular Front of Estonia. (1989) *Baltiyskaya assambleya: sb. dokl., Tallinn, 13–14 maya 1989 g.* [Baltic Assembly: Collection of Papers, Tallinn, 13–14 May 1989]. Tallinn: Valgus.

12. Graf, M. (2012) *Imperiumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine, 1988–1991*. Tallinn: Argo.
13. Statistikaamet [Departament statistiki]. (n.d.) *2000 aasta rahva ja eluruumide loendus. Kodakondus, rahvus, emakeel ja voorkeelte oskus*. [Online] Available from: http://www.stat.ee/dokumendid/26769 (Accessed: 29th January 2021).
14. *Latvijas Vēstnesis*. (2002) Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites. 30th April.
15. Ambrozaitienė, D. (ed.) *Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida*. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės.
16. Zverev, K.A. (2020) Gosudarstvennaya istoricheskaya politika v sovremennoy Latvii [State Historical Policy in Contemporary Latvia]. *Problemy natsional'noy strategii*. 1(58). pp. 167–177.
17. Zverev, K.A. (2021) Istoricheskaya politika Estonskoy Respubliki v kontekste natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva [Historical policy of the Republic of Estonia in the context of nation-building]. *Problemy natsional'noy strategii*. 1(64). pp. 1–14.
18. Zverev, K.A. (2019) Istoriya kak instrument propagandy v politicheskoy bor'be Pribaltiyskikh respublik v 1990–2000-e gg. [History as a propaganda tool in the political struggle of the Baltic republics in the 1990s – 2000s]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 25(1). pp. 79–81.
19. Zverev, K.A. (2020) Formirovanie ofitsial'noy istoricheskoy paradigmy nezavisimoy Litvy [Formation of the official historical paradigm of independent Lithuania]. *Vseobshchaya istoriya*. 3. pp. 3–13.
20. Danilov, A.A, Utkin, A.I. & Filippov, A.V. (eds) (2008) *Istoriya Rossii, 1945–2007 gg.: 11 klass* [History of Russia, 1945–2007. Grade 11]. Moscow: Prosveshchenie.
21. *Saar Poll*. (2009) *Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai*. Septmber. [Online] Available from: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (Accessed: 8th November 2020).
22. Kaprāns, M. & Procevska, O. (eds) (2013) *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums # 1*. Rīga: [s.n.].
23. Kaprāns, M. & Saulītis, A. (eds) (2017) *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums. Nr. 2*. Rīga: [s.n.].
24. Zverev, K.A. (2020) Vopros o statuse russkoyazychnogo i pol'skogo naseleniya Litvy kak chast' gosudarstvennoy istoricheskoy politiki [The issue of the status of the Russian-speaking and Polish population of Lithuania as part of the state historical policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki*. 3. pp. 128–137.
25. rus.DELFI.lv. (n.d.) *Dlya zhiteley Litvy smysl gosudarstvennosti neset 16 fevralya, a ne 11 marta* [For residents of Lithuania, the meaning of statehood is carried on February 16, not March 11]. [Online] Available from: https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301 (Accessed: 24th October 2020).
26. *DELFI.lt.* (2007) Vsego 7 protsentov. Estonskie russkie veryat v okkupatsiyu [Only 7 percent. Estonian Russians believe in occupation]. 21st May. [Online] Available from: https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632 (Accessed: 28th November 2020).
27. Tamm, M. (2009) Narva: Estoniya dobrovol'no prisoedinilas' k Sovetskomu Soyuzu [Narva: Estonia voluntarily joined the Soviet Union]. *Postimees*. 7th October. [Online] Available from: https://www.postimees.ee/172489/ narvakad-eesti-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult (Accessed: 28th November 2020).
28. Zverev, K.A. (2015) *Russkoyazychnoe naselenie Estonskoy Respubliki v kontekste gosudarstvennoy natsional'noy politiki (1992–2007 gg.)* [The Russian-Speaking Population of the Republic of Estonia in the Context of State National Policy (1992–2007)]. History Cand. Diss. Kostroma.
29. rus.DELFI.lv. (n.d.) *V okkupatsiyu Latvii verit 5% uchenikov russkikh shkol* [5% of students of Russian schools believe in the occupation of Latvia]. [Online] Available from: https://ru.delfi.lt/news/live/v-okkupaciyu-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266 (Accessed: 8th September 2019).
30. BBC Russian Service. (2013) *Latviya: kak pishut uchebniki istorii* [Latvia: How History Textbooks Are Written]. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_latvia (Accessed: 8th September 2019).
31. *IA REGNUM*. (2013) Opros: zhiteli Latvii stali luchshe otnosit'sya k sovetskim vremenam [Poll: Latvian Residents' Attitude Towards Soviet Times Has Improved]. 16th March. [Online] Available from: https://regnum.ru/news/1636769.html (Accessed: 28th October 2020).
32. rus.DELFI.lv. (2013) *Issledovanie: latyshi stali menee negativno otnosit'sya k sovetskomu periodu* [Study: Latvians Have Become Less Negative Towards the Soviet Period]. 15th March. [Online] Available from: https://rus.delfi.lv/ news/daily/latvia/issledovanie-latyshi-stali-menee-negativno-otnositsya-k-sovetskomu-periodu.d?id=43149554 (Accessed: 23rd November 2020).
33. Makarov, V. (2009) “Boi za istoriyu” v Latvii [“Battles for History” in Latvia]. In: Bomsdorf, F. & Bordyugov, G. (eds) *Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II* [National Histories in the Post-Soviet Space – II]. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO–XXI. pp. 148–157.
34. *RIA Novosti*. (2015) “Pervyy Baltiyskiy Kanal” obzhaluet reshenie Natssoveta Latvii o shtrafe ['First Baltic Channel' to Appeal the Decision of the Latvian National Council on the Fine]. 23rd October. [Online] Available from: https://ria.ru/20151023/1307120312.html (Accessed: 25th November 2020).
35. *RIA Novosti*. (2019) V Latvii reshili priostanovit' veshchanie devyati rossiyskikh telekanalov [Latvia Decides to Suspend Broadcasting of Nine Russian TV Channels]. 20th November. [Online] Available from: https://ria.ru/20191120/1561168063.html (Accessed: 25th November 2020).
36. Volkov, K.V (2020) Latvii zapretili veshchanie semi telekanalov RT [Latvia Bans Broadcasting of Seven RT TV Channels]. *Rossiyskaya gazeta.* 30th June. [Online] Available from: https://rg.ru/2020/06/30/v-latvii-zapretili-veshchanie-semi-telekanalov-rt.html (Accessed: 25th November 2020).
37. rus.DELFI.lv. (2016) *Issledovanie: chto delali by russkie i polyaki Litvy, esli by na strany Baltii napala Rossiya?* [Study: What Would the Russians and Poles of Lithuania Do if Russia Attacked the Baltic States?]. 8th August. [Online] Available from: https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-chto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604 (Accessed: 27th November 2020).
38. Kamenchuk, O.N. & Fedorov, V.V. (2009) Voyna, stavshaya Velikoy i Otechestvennoy: o vospriyatii Vtoroy mirovoy voyny v rossiyskom obshchestve [The War That Became the Great Patriotic War: On the Perception of World War II in Russian Society]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. S4. pp. 311–318.
39. Beluza, A. (2016) Soyuz nostal'gii. O raspade SSSR sozhaleyut bol'she poloviny rossiyan [Union of Nostalgia. More Than Half of Russians Regret the Collapse of the USSR]. *Rossiyskaya gazeta – federal'nyy vypusk*. 5th December. p. 3.
40. Mukhametshina, E. (2020) Tri chetverti rossiyan schitayut sovetskuyu epokhu luchshey v istorii strany [Three Quarters of Russians Consider the Soviet Era the Best in the Country's History]. *Vedomosti.* 24th March. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti (Accessed: 7th February 2021).
41. *Pravda*. (1989) Postanovlenie S"ezda narodnykh deputatov SSSR o pakte Molotova–Ribbentropa ot 24.09.1989 g. [Resolution of the Congress of People's Deputies of the USSR on the Molotov-Ribbentrop Pact of December 24, 1989]. 28th December.
42. *Interfaks*. (2017) Pochti 40% rossiyan ne vspomnili o sushchestvovanii pakta “Molotova–Ribbentropa” [Almost 40% of Russians Did Not Recall the Existence of the Molotov-Ribbentrop Pact]. 13th September. [Online] Available from: https://www.interfax.ru/russia/578864 (data obrashcheniya 10.02.2021).
43. Anon. (2009) *Issledovatel'skiy proekt “Vospriyatie molodezh'yu novykh nezavisimykh gosudarstv istorii sovetskogo i postsovetskogo periodov”, aprel'–may 2009 g.: kratkiy analiticheskiy otchet* [Research Project “The Perception of the History of the Soviet and Post-Soviet Periods by the Youth of the New Independent States”, April-May 2009: Brief Analytical Report]. Moscow: Evraziyskiy monitor; Sotsiologicheskaya masterskaya Zadorina.

***Сведения об авторе*:**
Зверев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома. Россия). E-mail: zwerew.kir@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Zverev Kirill A. – PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: zwerew.kir@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 13.12.2021; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(574):314.7:342.71″18/19″
doi: 10.17223/19988613/97/16

Внешние миграции приграничного населения центрально-азиатских окраин Российской империи и проблема их подданства (80-е гг. XIX – начало XX в.)

Юлия Александровна Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, iulia_199674@mail.ru

Аннотация. В 80-е гг. XIX в. завершилось территориально-пограничное размежевание между Россией и Китаем в Центральной Азии. Приграничное население региона, несмотря на установленную границу, продолжало совершать сезонные миграции, нарушая установленные законом правила ее перехода. Это побудило российские власти решать вопрос о юридическом статусе мигрантов. В ходе дискуссии, длившейся почти 10 лет, предлагалась крайняя меря – лишение перешедших в пределы Китая российского подданства. Однако в конечном итоге от данной идеи пришлось отказаться в силу ряда обстоятельств.
Ключевые слова: Россия, Китай, граница, казахи, миграции, подданство

Для цитирования: Лысенко Ю.А. Внешние миграции приграничного населения центрально-азиатских окраин Российской империи и проблема их подданства (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 128–135. doi: 10.17223/19988613/97/16

Original article

External migrations of the border population of the Central Asian outskirts of the Russian Empire and the problem of their citizenship (the 80s of the XIX – early XX century)

Yuliya A. Lysenko

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, iulia_199674@mail.ru

Abstract. The presented article analyzes the discussion of the central and regional authorities of the Russian Empire on the legal status of the border population of the Steppe Region, forced by various circumstances, without obtaining a legally prescribed permit, to make seasonal migrations to the Chinese Empire.

The research was based on the materials of the office of the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Justice and the Ministry of War of the Russian Empire, the Office of the Governor-General of the Steppe, deposited in the Russian State Historical Archive and introduced into scientific circulation for the first time. Among them: interdepartmental correspondence and reports, certificates, conclusions and reports of interdepartmental commissions, instructions developed to regulate the legal status of migrants.

Based on the analysis of the research sources, it was revealed that the problem of the legal status of the border Kazakh nomadic population and the settled agricultural population - Dungan and taranche, was associated with the signing in 1881 of the St. Petersburg Treaty between the Russian and Chinese Empires and the subsequent border demarcation between the two states in Central Asia. Due to a whole range of socio-economic reasons, the border population of the Steppe region of the Russian Empire, in violation of the procedure established by law, made the transition to the chapels of the Chinese Empire and remained there for a long period of time. This prompted the Russian authorities to begin addressing the issue of the legal status of this category of the population in the context of the deprivation of their Russian citizenship. The discussion spanned two decades. During it, the causes of migration, the number of migrants, including those who returned, were clarified; the situation with their payment of taxes to the Russian treasury was analyzed; the issues of re-allotment of arable and pasture lands to remigrants were resolved.

In general, it should be noted that the Russian authorities took a fairly balanced approach to the problem of the legal status of the border population of the Steppe Region and Turkestan, who crossed into the Chinese Empire. The result of a long-term discussion about their legal status was the announced decision of the Government Senate to consider each specific situation separately and the refusal to adopt a regulatory act that deprived the border residents of the Steppe Region and Turkestan who had moved to China of the status of a Russian citizen.
Keywords: Russia, China, border, Kazakhs, migration, citizenship

For citation: Lysenko, Y.A. (2025) External migrations of the border population of the Central Asian outskirts of the Russian Empire and the problem of their citizenship (the 80s of the XIX – early XX century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 128–135. doi: 10.17223/19988613/97/16

© Ю.А. Лысенко, 2025

Миграции являются одним из ключевых факторов политического и социально-экономического развития многих государств, в том числе Российской Федерации. Усиление миграционных потоков – естественный процесс глобализации наряду с увеличением потоков товаров, услуг и капитала. Однако, как отмечают исследователи, «в отличие от последних, международные перемещения людей до сих пор остаются объектом преимущественно одностороннего управления» [1]. В значительной степени это обусловлено совокупностью тех вызовов и угроз, которые несут миграции принимающим и посылающим сообществам в сфере экономической, культурно-цивилизационной, социальной безопасности.

В связи с этим значительный научный интерес представляет изучение исторического опыта регулирования миграционных потоков в региональном контексте, в частности опыта Российской империи, связанного с формированием государственных подходов к эффективной сбалансированной миграционной политике в отношении приграничного населения центральноазиатских окраин – Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. Заинтересованность правительственных кругов в решении данной задачи была обусловлена активным развитием во второй половине XIX в. российско-китайского взаимодействия в вопросах пограничного размежевания и демаркации границы между двумя империями в данном трансграничном регионе [2]. Как известно, Тяньцзиньский трактат 1858 г., дополненный Пекинским дополнительным договором, и Чугучакский протокол 1864 г. в целом определили контуры российско-китайской границы в Центральной Азии. Последовавшие уйгурские антицинские восстания и ввод российского военного контингента в пределы Илийского края отложили процесс демаркации границы. В 1881 г., после подписания Петербургского протокола и возвращения Китаю Илийского края, данная работа была успешно завершена [3].

Формирование российско-китайской границы в Центральной Азии породило ряд новых межгосударственных проблем, одной из которых стала нелегальная миграция приграничного населения. Российская империя, заинтересованная в сохранении социальной стабильности и демографического потенциала в данном этнорегионе, его устойчивом и эффективном развитии, стала предпринимать определенные шаги, направленные на урегулирование незаконной миграции.

Вопросы миграции и миграционной политики всегда находились в фокусе внимания исследователей. В современной историографии проблемы сформировалось несколько направлений и школ, рассматривающих социокультурные аспекты миграционных процессов, сегментации рынков, этностратификацию, мигрантские сети и формирование этнических анклавов, социально-экономические, культурно-бытовые и социально-психологические адаптации мигрантов, миграций и миграционную политику в увязке с перспективами социально-экономического, политического и демографического развития России [4–7].

Вопросы миграции казахского кочевого населения в историографии достаточно детально исследованы в контексте внутренних перекочевок в пределы России в середине XVIII – начале XIX в. – в период присоединения региона к империи. Исследователи отмечают, что в результате начавшейся миграции центральные и региональные власти столкнулись с острой проблемой – регламентацией переселения и определения социального статуса казахов на российской территории [8, 9]. В гораздо меньшей степени исследованы внешние миграции приграничного населения Степного края и Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. Некоторые аспекты данной проблемы анализируются в рамках российско-китайских отношений и пограничнo-территориального размежевания между двумя государствами в Центрально-Азиатском регионе. Особую научную ценность в данном контексте представляют труды Н.Е. Бекмахановой, Н.В. Алексеенко, М.Б. Татимова, Б.П. Гуревич, К.Л. Сыроежкина [10–14]. Взаимодействие российских и китайских пограничных властей в вопросах регулирования миграции, механизмы учета мигрантов и их адаптивные практики исследованы в работах Г.М. Мендикуловой [15], Г.К. Мукановой [16]. Данная статья представляет собой попытку выявления масштабов внешней миграции приграничного населения центральноазиатских окраин Российской империи в пределы Китая, ее причин, анализа дискуссии органов государственной власти с целью ее контроля и координации.

Источниковой базой исследования выступили материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти Российской империи, канцелярии степного генерал-губернатора, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве и впервые вводимые в научный оборот. Среди них – межведомственная переписка и донесения, справки, заключения и отчеты межведомственных комиссий, инструкции, разработанные для урегулирования правового статуса мигрантов.

Методологической основой исследования выступает цивилизационный подход, позволяющий оценивать несанкционированную миграцию кочевого населения центральнозиатских окраин Российской империи в пределы Китая и реакцию на это российских государственных структур с позиции мировоззренческих особенностей кочевых и оседло-земледельческих обществ. Это, в свою очередь, порождало со стороны их представителей несхожесть восприятия, оценок и практических действий в конкретно-исторических ситуациях. Историко-системный метод позволил рассматривать решение вопроса о юридическом статусе мигрантов центральноазиатских окраин Российской империи в контексте тех исторических событий, которые происходили в регионе в исследуемый период. Историко-генетический метод был направлен на выявление причин массовой откочевки населения Степного края и Туркестана в пределы Цинской империи.

Как известно, на основании Петербургского договора 1881 г. состоялась передача Кульджинского района Илийского края Цинской империи, и, соответственно, была проведена новая государственная граница между Западным Китаем и Степным и Туркестанским генерал-губернаторствами Российской империи. Часть населения Илийского края – таранчи, дунгане, казахи –

участники антицинских волнений 60–70-х гг. XIX в., опасаясь преследования со стороны китайских властей, выразили желание принять российское подданство и переселиться в пределы Туркестанского генерал-губернаторства. Землеустройство таранчей и дунган было проведено на правом берегу р. Хоргоса в Джаркентском, Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области. Казахов расселили на землях Иссык-Кульского (Пржевальского), Копальского и отчасти Верненского уездов Семиреченской области [17. Л. 200].

Последовавшее после подписания Петербургского договора 1881 г. российско-китайское пограничное размежевание в Центральной Азии, было проведено, по мнению российских властей, «в поспешности». В результате оказалось, что «интересы русского пограничного населения не были достаточно соблюдены по неимению в то время подробных карт пограничного пространства и малого знакомства наших комиссаров с местными условиями и земельными интересами русско-подданных кочевников» [17. Л. 136]. Суть проблемы сводилась к тому, что при проведении новой границы земельные пастбищные угодья, которыми пользовались казахи-кочевники, были разделены и вошли в состав как Российской, так и Цинской империи. Казахи одних и тех же родовых подразделений оказались по разные стороны границы.

Сложившая ситуация привела к массовым откочевкам скотоводов с территорий Семипалатинской и Семиреченской областей в пределы Китая «к своим сородичам и на бывшие свои земли» [17. Л. 136 об.]. Имелись и другие причины массовой откочевки кочевников, начавшейся в 1883 г. Среди них местные власти указывали: «партийную борьбу» между влиятельными родовыми подразделениями; стремление отдельных казахов избежать уголовного преследования за преступления, совершенные в Российской империи; более плодородные и орошаемые земельные угодья, которые предоставляли китайские власти перешедшим казахам, желание укрыться от долгов, надежды поправить свое экономическое положение.

Вслед за казахами в пределы Цинской империи устремились таранчи и дунгане, пожелавшие ранее принять российское подданство. Причинами их массового переселения в пределы Китая стали неудовлетворенность качеством земельных угодий, которые им предоставили в пользование, отсутствие на них оросительных систем и, как следствие, крайне низкие доходы от обработки земли и выращивания урожаев [17. Л. 200].

Следует отметить, что проблема миграций приграничного населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в пределы Цинской империи была обусловлена также незнанием им правовых механизмов перехода границы. По сути, это были самовольные, а значит, незаконные миграции, без уведомления региональных властей о планируемом переходе границы и получения для этого специального разрешения. Именно поэтому в делопроизводстве центральных и региональных органов власти данную категорию мигрантов называли беглецами, откочевщиками, перебежчиками, стремясь придать отрицательную коннотацию их действиям.

Сама же возможность массового перехода приграничного населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в пределы Цинской империи объяснялась российскими властями «легкостью перехода границы вследствие недостатка пограничного и таможенного надзоров». Обращения к приграничным китайским властям с просьбой о выдаче беглецов игнорировались [17. Л. 208].

Местные органы власти Степного и Туркестанского генерал-губернаторств предпринимали определенные шаги к пресечению побегов приграничного населения в пределы Китая. В частности, все пограничное пространство с целью «упорядочения надзора со стороны передовых казачьих постов» было разделено на районы, а вдоль границы высылались разъезды, обязанные следить за передвижением приграничного населения и пресекать их попытки перехода в пределы Китая. Проводилась также разъяснительная работа среди приграничного населения. В частности, их знакомили с заключенными с Китаем торгово-пограничными соглашениями, с российским законодательством в области миграций. Неблагонадежные инородцы, «склонные к побегам в пределы Китая», передавались под личный контроль местных органов самоуправления – волостных управителей и аульных старшин, или удалялись от границы во внутренние волости Степного генерал-губернаторства. На аульные общества, к которым принадлежали перебежчики, возлагалась ответственность выплаты за них всех установленных законом налогов. Кроме этого, степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский предпринял попытку договориться с властями Синьцзяна о недопущении перекочевок казахов – российских подданных – в пределы Китая. Однако данная мера, как и все вышеперечисленные, не имели особого эффекта: численность самовольных переходов пограничного населения российско-китайской границы постоянно увеличивалась [17. Л. 205 об.].

Поэтому в 1894 г. генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе обратился в Министерство иностранных дел Российской империи с ходатайством «не препятствовать недовольным наделами пограничным туземцам переходить на китайскую территорию, но с тем, чтобы таких лиц считать самовольно оставившими Отечество». В случае их возвращения предлагалось применять по отношению к ним ст.ст. 354–355 Уложения о наказаниях, предусматривающие «лишение всех прав состояния и вечное из пределов государства изгнание, или в случае самовольного потом возвращения в Россию – ссылку в Сибирь на поселение [18]. Год спустя М.А. Таубе повторно озвучил свое предложение во Всеподданнейшем отчете о состоянии вверенного ему края, акцентируя внимание на проблемах, возникающих вследствие «побегов казахов, дунган и таранчей в пределы Китая». «В настоящее время, – отмечал он, – было бы наиболее рационально, не удерживая в наших пределах инородцев, недовольных наделами, и во всяком случае не возбуждая бесполезной переписки об обратном водворении их, исключать их из списков (податных списков. – *Ю.Л.*) и в случае обратного водворения подвергать законной ответственности» [17. Л. 208 об.].

Данные предложения породили в правительственных кругах межведомственную дискуссию о судьбе приграничного населения центрально-азиатских окраин Российской империи. МВД после согласования своих позиций с Военным министерством и МИД предложило самовольно откочевавших казахов, таранчей и дунган лишать российского подданства. Российским консулам в Китае рекомендовалось отказывать мигрантам «в покровительстве и не принимать в Россию даже в том случае, если китайские власти будут просить об обратном водворении эмигрантов» [17. Л. 137 об.].

К решению проблемы подключилось и Министерство финансов. В 1897 г. оно выступило с инициативой провести уездным начальникам и податным инспекторам Семипалатинской и Семиреченской областей перепись кибитковладельцев с целью уточнения численности откочевавших в пределы Китая, а также исключить откочевщиков из податных списков. Платежи текущих окладов и недоимок, образовавшихся в результате массовых откочевок казахов, предлагалось возложить согласно ст. 148 Степного положения на аульные общества, к которым они были причислены до момента откочевки [17. Л. 138].

Таким образом, параллельно с вопросом выработки механизма лишения российского подданства самовольных мигрантов актуализировалась проблема их исключения из окладных списков. В рамках действовавших Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. и Степного положения 1882 г. недоимки по налоговым выплатам ложились бременем на аульные и сельские общества. Была очевидной необходимость принятия решения по данной ситуации, с тем чтобы «освободить общества от обременительных податных платежей за самовольно оставляющих свое отечество казахов, таранчей и дунган» [17. Л. 210 об.].

Как известно, по Временным положениям об управлении степными областями 1868 г. казахи выплачивали покибиточную подать, составлявшую 1,5 руб. с кибитки / домовладения / землянки. Таким образом, они были освобождены от подушной подати. Покибиточный налог, по сути, представлял оброчную подать, выплачиваемую скотоводами за пользование пастбищными и сенокосными угодьями. Его раскладка производилась один раз в три года по результатам проведения переписи кибиток в каждой административной единице Степного края и Туркестана [19].

Для решения проблемы снятия с аульных обществ обязанности выплачивать налоги за перешедших в пределы Цинской империи соплеменников МВД предложило исключать их окладных списков после тщательной проверки уездными начальниками. Дунгане и таранчи, являясь земледельцами, налогооблагались в рамках действовавшего законодательства не подушной податью, а выплатой оброчной подати, размер которой определялся количеством земли, находившейся в их пользовании. В связи с этим Министерство финансов предложило поставить вопрос об освобождении покинутых ими наделов от обложения оброчной податью и земскими сборами. Но для это необходимо было провести ряд предварительных работ, а именно выяснить, всем ли бежавшим в китайских пределы были отведены наделы, заброшены данные наделы или они перешли в пользу обществ или отдельных их членов, какой статус следует принимать в отношении таких наделов, возвращать их в фонд государственных земель или оставлять новым хозяйствам, если такие появились [17. Л. 142об.–143].

На основе рекомендаций Министерства финансов в отношении перешедших в пределы Цинской империи российских подданных было принято решение провести специальное расследование для определения их численности и мотивов переселения. Решение данной задачи было возложено на Семиреченское областное присутствие, которое сразу же столкнулось с проблемой определения численности мигрантов. Так, по данным генерал-губернаторов Степного края Г.А. Колпаковского и М.А. Таубе, которыми оно располагало, в период с 1883 по 1893 г. в пределы Китая переселились 3 000 казахов, или около 600 семейств (кибитковладельцев).

В разрезе по годам ситуация складывалась следующим образом: с 1870 по 1885 г. откочевало 7 кибиток, в 1886 г. – 5, в 1887 г. – 7, в 1888 г. – 28, в 1889 г. – 12, в 1890 г. – 29, в 1891 г. – 16, в 1892 г. – 96, в 1893 г. – 38, в 1894 г. – 126, в 1895 г. – 152, в 1896 г. – 119, в 1897 г. – 89, в 1898 г. – 38 кибиток. Однако в отчетных документах отмечалось, что региональным властям так и не удалось выяснить, когда произошла откочевка еще 653 кибиток. При этом указывалось, что, по более поздним сведениям, с 1883 по 1898 г. их численность увеличилась до 1 977 кибиток [17. Л. 139–139 об.]. После проведения обследования Зайсанского уезда Семипалатинской области Степного края, осуществлявшегося податным инспектором зайсанского участка, зайсанским уездным начальником, старший чиновник особых поручений при губернаторе Семипалатинской области, выяснилось, что по старым спискам бежавших в Китай по Зайсанскому уезду значилось 1 967 кибитковладельцев, тогда как по вновь составленным в 1901 г. эта цифра понизилась до 1 523, т.е. число сократилось на 444 кибитки [17. Л. 144].

Таким образом, региональные власти так и не смогли точно выявить численность откочевавших в Китай казахов-скотоводов. В то же время удалось установить, что высоким был процент возвращавшихся обратно. Так, по данным генерал-губернатора Степного края Н.Н. Сухотина, из числа бежавших в Китай с 1883 по 1893 г. 600 кибиток к 1902 г. числилось в бегах только 200. Остальные 400 кибитковладельцев с семьями вернулись в пределы Российской империи. Причем массовые перекочевки казахов в Китай наблюдались в 1892 и 1894–1896 гг., т.е. в годы, наиболее неблагоприятные для скотоводческих хозяйств Степных областей, когда произошел массовый падеж скота от бескормицы [17. Л. 210]. На основании полученных результатов власти пришли к выводу о сезонном характере миграционных перемещений казахов «в зависимости от тех или других экономических условий». В отношении невозвращенцев удалось выявить, что значительная их часть, проживающая в Китае по консульским билетам, продолжала платить кибиточную подать и земские повинности в пользу Российской казны [17. Л. 140].

На основании этих данных МИД сделало заключение, что «перекочевки казахов в приграничные области Китая, составляющие обычное явление, обусловленное особенностями пастушеского скотоводческого хозяйства и родственными связями наших казахов с китайскими, сопровождается за последнее двадцатилетие, после проведения новой государственной границы с Западным Китаем, водворением в последнем на постоянное жительство значительного числа кочевников, продолжающих, однако, числиться в окладе податей по месту своей прописки в подлежащих волостях Степного края, и в частности в Семипалатинской области».

Самовольный сезонный характер миграций казахов-скотоводов снимал вопрос о лишении их российского подданства. В связи с этим МВД признавало, что «необходимо быть более осторожным, не исключать ныне же из подданства тех казахов, которые по последнему доставленному списку значатся бежавшими в Китай». Нельзя было также упускать из виду, что малочисленность уездной и волостной администрации Семипалатинской области порождала сложности в фактической проверке наличного состава кочевого населения региона. В списки могли попасть казаки, имевшие статус «временно отлучившихся», «исключение коих из подданства, со всеми тяжелыми для исключаемых последствиями, представлялось бы нежелательным». Поэтому МВД призывало «тщательно изучать причины откочевок», определить признаки откочевки на постоянное место жительство в Китае. К их числу предлагалось относить продажу казахами деревянных домов и хозяйственных построек, уступку другим лицам сенокосных земель и пашен и т.д. [17. Л. 212].

Неоднозначной была ситуация с дунганами и таранчами. По заключению Семиреченского областного присутствия отмечалось, что всех их, самовольно перешедших в пределы Цинской империи, можно поделить на две группы. К первой были отнесены дунгане и таранчи, «ушедшие по существующим наглядным признакам навсегда». Этими признаками являлись «полное расстройство и уничтожение хозяйства», а также уход всех членов семьи. Вторую группу составили «ушедшие временно, на заработки». По сведениям, поступившим к 1 сентября 1901 г. из Семиреченского областного присутствия, численность дунган-переселенцев составила 198 человек, таранчей – 3 493, казахов – 1 898 человек. При этом в отчете отмечалась ситуация, характерная и для Семипалатинской области, – невозможность более точного учета численности приграничного населения, покинувшего пределы Туркестанского края Российской империи. Семиреченское областное присутствие предложило исключить из окладных списков казахов, не вернувшихся обратно. В отношении дунган и таранчей рекомендовалось сформировать специальные комиссии под председательством уездных начальников, податного инспектора, местного лесничего, межевого техника и ирригатора, которые и должны были выявить данные о судьбе земельных участков, оставленных мигрантами [17. Л. 206].

По результатам проведенных исследований в 1901 г. Областным присутствием Семиреченской области была разработана Инструкция, в которой нашли отражение механизмы лишения российского подданства самовольных мигрантов – казахов, дунган и таранчей, и исключения их из окладных списков. В частности, в Инструкции рекомендовалось:

1. Исключать из российского подданства и из оклада податных и земских сборов казахов, перешедших в пределы Китая «в первый же переучет кибиток, производящийся согласно ст. 138 Степного положения через каждые три года». В период до переучета кибиток и, соответственно, исключения из подданства казахов, перешедших в пределы Китая, выплату покибиточной подати и других сборов оставлять «на ответственности аульных и волостных обществ», к которым были причислены мигранты.

2. Земельные наделы исключенных из подданства оседлых инородцев – дунган и таранчей – передавать в пользу обществ или оставлять «в пользовании членов семьи, оставшихся в местах приписки, если последние пожелают принять данные наделы».

3. Инородцев, ушедших в Китай «по установленным видам», не возвратившихся «к местам причисления в течение одного года после истечения паспортного срока», считать ушедшими в Китай навсегда и исключать из российского подданства и посемейных списков.

4. Исключенных из российского подданств инородцев в случае их желания возвратиться в Россию принимать «в российское подданство на общем основании, установленном для инородцев, по наведении надлежащих справок об их благонадежности».

5. Время самовольного ухода инородцев в Китай устанавливать «по распоряжению уездного начальника полицейскими дознаниями, которые сосредоточиваются в уездных управлениях. Без подобных дознаний исключения из подданства не производить [17. Л. 144–145 об.].

Разработанная Семиреченском областным присутствием Инструкция была направлена в центральные и региональные органы государственной власти, что вызвало новый виток межведомственной дискуссии и переписки. Туркестанский генерал-губернатор, в целом одобрив ее основные положения, высказался категорически против пункта, предоставлявшего мигрантам возможность обратного принятия российского подданства. Он считал, что это противоречит российскому законодательству и предлагал в связи с этим исключить данный пункт из Инструкции, лишив, таким образом, мигрантов возможности возвращения в Российскую империю [17. Л. 203 об.].

Данное предложение поддержало МИД, отмечая, что «исключение беглецов из русского подданства со всеми последствиями такового представлялось бы вполне соответственным, тем более к приведению меры этой вполне едва ли могли бы встроиться препятствия международного характера, ибо, по заявлению консула Кульджи, Илийские власти сами домогаются передачи сказанных инородцев в китайское подданство» [17. Л. 203 об.]. В заключении МИД по данному вопросу отмечалось, что предоставление мигрантам возможности возвращения в пределы Российской империи и получения российского подданства противоречит ст. 345 Уложения о наказаниях, строго карающей «самоволь-

ное оставление отечества». Чиновниками Министерства допускалась возможность повторного перехода границы приграничным населением Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, что повлекло бы, в свою очередь, повторное исключение их из подданства Российской империи. Переселение в Китай некоторой части населения приграничных с ним центральноазиатских территорий России представлялось чиновниками МИД как «выгодное». Это связывали с имеющимся в Семипалатинской и Семиреченской областях дефицитом пригодных для занятия сельским хозяйством земельных угодий, обострившимся в связи с набиравшим темпы переселением крестьянства их европейской части страны. В заключении МИД по этой ситуации отмечалось: «Возвращение в область покинувших ее беглецов едва ли представлялось бы выгодным для нас и в экономическом отношении, так как оно приносило бы ущерб и без того стесненному в землепользовании местному населению» [17. Л. 204]. В аналогичном контексте свои позиции по содержанию Инструкции Семиреченского областного присутствия в 1902 г. высказали Министерство юстиции и Военное министерство.

В начале 1903 г. весь пакет документов по делу о лишении российского подданства приграничного населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств поступил в Комитет министров. Данный вопрос на его заседаниях рассматривался дважды, 7 и 21 января этого года. В протоколах заседаний отмечалась крайне противоречивая информация о численности перешедших в пределы Цинской империи российских подданных и вернувшихся обратно, причинах их массовых переходов. На основании этого Комитет министров отказался утверждать разработанную Семиреченским областным правлением Инструкцию по исключению перебежчиков из русского подданства и рекомендовал региональным органам власти еще раз «проверить списки перешедших в китайские пределы казахов», их статус в пределах Китайской империи.

Комитет Министров также рекомендовал исключать из податного оклада тех казахов-кочевников, которые были обложены видом личной подати – кибиточным сбором, только после того, как будет установлен факт их «окончательного выбытия из пределов Российской империи». В отношении «перебежчиков из оседлого населения – дунган и таранчей», обложенного не подушной, а оброчной податью, взимаемой по количеству земли, которой владела семья, Комитет высказал автономную позицию. Он не согласился с заключением Министерства финансов, предлагавшим выплату налога за земли, оставленные мигрантами, перекладывать на физические лица, в распоряжение которых они перешли, учитывая предоставленные Военным министерством данные о том, что мигрировавшие в Китай дунгане и таранчи могли возвращаться в Российскую империю и по прошествии 5–6 лет. Комитет министров предлагал «к вопросу об изменении назначения отведенных инородцам земельных угодий относиться весьма осторожно». Поэтому он поддержал предложение МВД передавать земельные угодья данной категории в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ, предварительно проводя их обследование специально создаваемыми комиссиями с целью выявления их качества для эффективного земледельческого хозяйства.

Что касается земельных угодий, находившихся в пользовании казахов-скотоводов, то после перехода их в пределы Китая региональным властям рекомендовалось следовать прим. 1 к ст. 120 Степного положения. На его основании земли, оказавшиеся излишними для кочевников, должны были поступать в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ [17. Л. 206]. Ему рекомендовалось передавать земли данной категории в Переселенческий фонд Степного края «для целей русской колонизации». Такие меры признавались крайне эффективными с точки зрения заселения «русскими людьми без тяжелых последствий нашей пограничной черты с Китаем» [17. Л. 142].

К вопросу о лишении российского подданства перешедших в пределы Китая приграничных жителей центральноазиатских окраин Российской империи Комитет министров призвал органы государственной власти подойти более взвешенно. По его мнению, следствием принятия данного решения могло стать «поголовное привлечение к ответственности за самовольное оставление отечества всего пограничного киргизского (казахского. – *Ю.Л.*) населения [17. Л. 140 об.].

Среди аргументов, которые приводились в пользу отказа от лишения подданства казахов, откочевывающих в пределы Китая, члены Комитета приводили ряд аргументов. Во-первых, подчеркивалось, что миграции через российско-китайскую границу обусловлены неправильным ее проведением. Во-вторых, подобные сезонные перекочевки признавались «обычным явлением», опосредованным особенностями хозяйственно-культурного типа казахов – кочевым скотоводством. Тезис подтверждался материалами Объяснительной записки сенаторской комиссии Плеве, составлявшей проект Положения об управлении Степным краем в 1880 г. В ней, в частности, было отмечено, что сложно проектировать его границы «при неопределенности характера передвижения кочевых инородцев, переходящих не только из пределов одной области в другую, но и выкочевывающих иногда даже за границы русских владений и при неточной еще до сих пор неизвестности самого пространства Степных областей» [17. Л. 141]. В подтверждение данного тезиса приводились данные МВД о том, что часть казахов Уральской области ежегодно откочевывает в пределы Хивинского ханства и Бухарского эмирата, в Афганистан. При этом они оставались на территориях этих государств продолжительное время, на этот период их исключали из списков окладных податей, сохраняя российское подданство.

Приводился и третий аргумент в пользу невозможности исключения казахов, перешедших в пределы Китая, из российского подданства. Отмечалось, что в силу специфики их цивилизационного развития, опосредованного кочевым образом жизни, у них не сформировались в полной мере «понятий о правах и обязанностях», связанных с вхождением в состав Российской империи и приобретением статуса подданных [17. Л. 141 об.].

В целом, отмечая, что при проведении тщательного анализа каждой конкретной ситуации, связанной с самовольной миграцией приграничного населения Степного края и Туркестана, Комитет Министров не исключал целесообразности лишения отдельных мигрантов статуса российского подданного. Для этого он предложил разработать отдельный нормативно-правой акт, регламентирующий вопросы и механизмы лишения российского подданства выходцев из Семиреченской и Семипалатинской областей. При этом в итоговом заключении Комитета Министров рекомендовалось процедуру лишения подданства запускать только после «испрошения Высочайшего соизволения через Комитет Министров в определенном для сего порядке». Дальнейшие процедуры, связанные с запуском процесса лишения российского подданства, рекомендовалось осуществлять в тесном взаимодействии с МИД, Министерством финансов, Министерством земледелия и государственных имуществ. Мнение Комитета Министров от 17 января 1903 г. было высочайше утверждено императором Николаем II [17. Л. 203 об.].

Таким образом, проблема юридического статуса приграничного казахского кочевого населения и оседло-земледельческого – дунган и таранчей, была связана с подписанием в 1881 г. Петербургского договора между Российской и Цинской империями и последовавшим пограничным размежеванием между двумя государствами в Центральной Азии. В силу целого комплекса причин социально-экономического характера приграничное население Степного края Российской империи в нарушение установленного законом порядка совершало переходы в пределы Цинской империи и оставалось проживать там и течение продолжительного времени. Это побудило российские власти приступить к решению вопроса о юридическом статусе данной категории населения в контексте лишения их российского подданства. Дискуссия развернулась на два десятилетия. В ходе нее выяснялись причины миграций, численность мигрантов, в том числе вернувшихся обратно, анализировалась ситуация с выплатой ими налогов в российскую казну, решались вопросы повторного наделения пахотными и пастбищными угодьями реэмигрантов.

В целом следует отметить, что российские власти достаточно взвешенно подходили к проблеме юридического статуса приграничного населения Степного края и Туркестана, совершавшего переходы в пределы Цинской империи. Итогом многолетней дискуссии о их юридическом статусе стало возвещенное решение Комитета Министров рассматривать каждую конкретную ситуацию отдельно и принимать решение о лишении статуса российского подданного перешедших в пределы Китая приграничных жителей Степного края и Туркестана в исключительном случае.

Список источников

1. Троицкая О.В. Международный миграционный режим // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 2 (29). С. 142–152.
2. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2003. 346 с.
3. Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора. М. : Памятники исторической мысли, 1995. 440 с.
4. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог-МГУ, 1999. 370 с.
5. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества : деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2002. 541 с.
6. Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты / Ин-т социологии РАН. М. : Диполь-Т, 2005. 351 с.
7. Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах юга Российской Федерации / под ред. В.И. Мукомеля. М. : Диполь-Т, 2003. 294 с.
8. Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о регламентации миграции казахов в южносибирский регион // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 199–202.
9. Тынысов Б.А. Расселение казахов на территории Омского Прииртышья (конец XIX – первая треть XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 142–149.
10. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в). М. : Наука, 1980. 280 с.
11. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата : Наука Казахской ССР, 1981. 112 с.
12. Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика (социально-философские аспекты системного изучения и комплексной разработки). Алма-Ата : Наука, 1978. 144 с.
13. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1983. 309 с.
14. Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР : очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы : Ин-т развития Казахстана, 1994. 122 с.
15. Мендикулова Г.М. Казахская диаспора история и современность. Алматы : Гылым, 1997. 262 с.
16. Муканова Г.К. Эмиграция казахов в Синьцзян в последние годы XIX – начале XX вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : тез. докл. и сообщ. к междунар. науч. конф., 16–17 ноября 1993 г. / отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа : УНЦ РАН : АН РБ, 1993. Ч. 1. С. 112–123.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 82. Д. 27.
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.
19. Лысенко Ю.А. К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 176–183.

References

1. Troitskaya, O.V. (2012) Mezhdunarodnyy migratsionnyy rezhim [International Migration Regime]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 10(2(29)). pp. 142–152.
2. Moiseev, V.A. (2003) *Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii* [Russia and China in Central Asia]. Barnaul: Azbuka.
3. Voskresenskiy, A.D. (1995) *Diplomaticheskaya istoriya russko-kitayskogo Sankt-Peterburgskogo dogovora* [Diplomatic History of the Russo-Chinese St. Petersburg Treaty]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
4. Iontsev, V.A. (1999) *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International Population Migration: Theory and History of Study]. Moscow: Dialog-MGU.

5. Zaslavskaya, T.I. (2002) *Sotsietal'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Societal Transformation of Russian Society: An Activity-Structural Concept]. Moscow: Delo.
6. Mukomel, V.I. (2005) *Migratsionnaya politika Rossii. Postsovetskie konteksty* [Migration Policy of Russia. Post-Soviet Contexts]. Moscow: Dipol'-T.
7. Mukomel, V.I. (2003) *Natsional'nye men'shinstva. Pravovye osnovy i praktika obespecheniya prav lits, prinadlezhashchikh k natsional'nym men'shinstvam, v sub"ektakh yuga Rossiyskoy Federatsii* [National Minorities. Legal Foundations and Practice of Ensuring the Rights of Persons Belonging to National Minorities in the Subjects of the South of the Russian Federation]. Moscow: Dipol'-T.
8. Anisimova, I.V. (2012) Pozitsii tsentral'nykh i regional'nykh vlastey po voprosu o reglamentatsii migratsii kazakhov v yuzhnosibirskiy region [Positions of Central and Regional Authorities on the Regulation of Kazakh Migration to the South Siberian Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(20). pp. 199–202.
9. Tynysov, B.A. (2012) Rasselenie kazakhov na territorii Omskogo Priirtysh'ya (konets XIX – pervaya tret' XX v.) [Settlement of Kazakhs in the Omsk Irtysh Region (Late 19th – First Third of the 20th Century)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(19). pp. 142–149.
10. Bekmakhanova, N.E. (1980) *Formirovanie mnogonatsional'nogo naseleniya Kazakhstana i Severnoy Kirgizii (poslednyaya chetvert' XVIII – 60-e gody XIX v)* [The Formation of the Multinational Population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan (Last Quarter of the 18th Century – 1860s)]. Moscow: Nauka.
11. Alekseenko, N.V. (1981) *Naselenie dorevolyutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870–1914 gg.)* [The Population of Pre-Revolutionary Kazakhstan (Size, Distribution, Composition, 1870–1914)]. Alma-Ata: Nauka of the Kazakh SSR.
12. Tatimov, M.B. (1978) *Razvitie narodonaseleniya i demograficheskaya politika (sotsial'no-filosofskie aspekty sistemnogo izucheniya i kompleksnoy razrabotki)* [Population Development and Demographic Policy (Socio-Philosophical Aspects of Systemic Study and Comprehensive Development)]. Alma-Ata: Nauka.
13. Gurevich, B.P. (1983) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [International Relations in Central Asia in the 17th – First Half of the 19th Century]. Moscow: Nauka.
14. Syroezhkin, K.L. (1994) *Kazakhi v KNR: ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya* [Kazakhs in the PRC: Essays on Socio-Economic and Cultural Development]. Almaty: Institute for the Development of Kazakhstan.
15. Mendikulova, G.M. (1997) *Kazakhskaya diaspora istoriya i sovremennost'* [Kazakh Diaspora: History and Modernity]. Almaty: Gylym.
16. Mukanova, G.K. (1993) Emigratsiya kazakhov v Sin'tszyan v poslednie gody XIX – nachale XX vv. [Emigration of Kazakhs to Xinjiang in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Kuzeev, R.G. (ed.) *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeystviya* [Russia and the East: Problems of Interaction]. Vol. 1. Ufa: RAS. pp. 112–123.
17. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82. File 27.
18. Russian Empire. (1845) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 g.* [Code of Criminal and Correctional Penalties of 1845]. St. Petersburg: 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
19. Lysenko, Yu.A. (2013) K voprosu o nalogovoy politike Rossiyskoy imperii v otnoshenii kazakhskogo obshchestva [On the Tax Policy of the Russian Empire towards Kazakh Society]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-2 (80). pp. 176–183.

***Сведения об авторе*:**
Лысенко Юлия Александровна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: iulia_199674@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Lysenko Yulia A. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Oriental Studies, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: iulia_199674@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 23.06.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(420).05
doi: 10.17223/19988613/97/17

Подготовка экспедиции Эдварда Фентона в свете английских торгово-колониальных проектов в Ост-Индии в начале 1580-х гг.

Дмитрий Владимирович Михеев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, Tankred85@mail.ru

Аннотация. Рассматривается сюжет морской экспансии Англии в XVI в. Экспедиция Эдварда Фентона стала первой попыткой англичан организовать постоянную факторию на Востоке. В историографии традиционно главным виновником провала экспедиции рассматривают капитана Фентона. Однако автор с опорой на документы доказывает, что затянутая подготовка экспедиции, влияние «португальского вопроса» и регулярные изменения в ее составе и целях привели к размыванию плана предприятия и в итоге привели к провалу всей экспедиции.
Ключевые слова: Эдвард Фентон, Мартин Фробишер, Фрэнсис Дрейк, Магелланов пролив, Молуккские острова

Для цитирования: Михеев Д.В. Подготовка экспедиции Эдварда Фентона в свете английских торгово-колониальных проектов в Ост-Индии в начале 1580-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 136–145. doi: 10.17223/19988613/97/17

Original article

Preparation for the expedition of Edward Fenton in the light of the English trade and colonial projects in the East Indies in the early 1580s

Dmitry V. Mikheev

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, Tankred85@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of preparation of one of the first English expedition to the East Indies, which took place in the early 1580s. Based on the official documents of the organizers, reports of Spanish agents and testimonies of participants of the expedition, author analyzed factors which influenced its failure. Fenton's expedition was prepared after the successful return of Francis Drake from his circumnavigation. His success and the favoring attitude of the Queen Elizabeth contributed to the growth of interest in Indian projects. The agreement concluded by Drake in the Moluccas and his friendly contacts in Java made it possible to hope for the success of the new expedition. The second factor that increased interest in the enterprise was the conflict over the Portuguese crown and the promise of one of the contenders to the throne, Don Antonio, to provide for all English merchants the right to trade in Portuguese India for the Elizabethan support.

Preparation of the expedition in the constantly changing international conditions led to its delay and constant change of the plan and composition of the expedition participants. Attempt to combine the interests of supporters of aggressive actions against Spain and supporters of peaceful enterprise led to a struggle between the participants of the expedition, who represented the interests of investors. An attempt to turn the predatory raid into a military operation in order to support Don Antonio, and then refusal of the military component and preparation for a peaceful commercial enterprise led to the global changing of the commander and crew composition of the expedition. Drake was rejected for fear of losing such experienced captain and hero of the country. Frobisher was not approved by the Muscovy Company. Captain Fenton became a compromise figure, in part, because he was not a strong and experienced leader. The lack of resolution, necessary experience and qualification of the commander deprived enterprise of the chances for success. The hope on collegial management against the background of a conflict of the interest turned out to be fatal for the enterprise. Vague wording in the instructions allowed Fenton to change the plan of the enterprise, sending ships to the Strait of Magellan, which aggravated his conflict with the crew.

Among other factors that negatively affected for the course of the expedition at the stage of its preparation was the opposition of the Spanish authorities. Spanish agents in England oversaw the preparations for the expedition. Drake's circumnavigation and rumors about the preparation of a new enterprise forced the Spaniards to send warships to the coast of Brazil and fortify the Strait of Magellan.

The first officially supported English sea trade expedition to the East Indies ended in vain. It is considered as one of the most unsuccessful maritime endeavors of the Elizabethan era.
Keywords: Edward Fenton, Martin Frobisher, Francis Drake, Strait of Magellan, Moluccas

© Д.В. Михеев, 2025

For citation: Mikheev, D.V. (2025) Preparation for the expedition of Edward Fenton in the light of the English trade and colonial projects in the East Indies in the early 1580s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 136–145. doi: 10.17223/19988613/97/17

Эпоха правления Елизаветы Тюдор в Англии была отмечена возросшим интересом к освоению новых торговых маршрутов и борьбой за морское господство с ведущими державами того времени – Испанией и Португалией. Действуя решительно и дерзко, английские первооткрыватели и корсары закладывали основы будущего могущества Британской колониальной империи. Однако ничто не иллюстрирует провал английской политики начала 1580-х гг. ярче, чем экспедиция капитана Эдварда Фентона [1. P. 203], ставшая одной из самых неудачных за всю елизаветинскую эпоху [2. P. 333]. Вероятно, именно по этой причине долгие годы предприятию не уделялось должного внимания на фоне прочих крупных английских экспедиций того времени, несмотря на многочисленные источники, повествующие о ее подготовке и ходе путешествия. Являясь прямым следствием успеха первого английского кругосветного путешествия, экспедиция Фентона стала своеобразной отправной точкой для целой серии английских предприятий, подготовленных после возвращения Дрейка. В то же время предприятие Фентона стоит особняком в ряду всех прочих. Это была самая масштабная экспедиция мирного периода, все последующие осуществлялись в условиях начала англо-испанской войны. Подготовленная на фоне турбулентности в англо-испанских отношениях, наступившей после грабительского рейда Дрейка по тихоокеанским владениям Испании и вступления Филиппа II во владение Португалией и ее колониями, экспедиция изначально предполагала вторжение именно в португальскую сферу интересов. Это была первая масштабная попытка англичан побороться с португальской монополией на торговлю пряностями [3. P. 186].

Несмотря на указанные выше особенности, экспедиция Фентона в связи с ее провалом оказалась незаслуженно забытой в британской историографии. Наиболее серьезной работой, посвященной предприятию, можно считать сборник документов, вышедший при поддержке Хаклюйтовского общества и содержащий вводную статью Евы Тэйлор с краткой характеристикой основных источников о подготовке и ходе экспедиции [4]. Учитывая масштабный характер предприятия, отдельные его аспекты привлекали внимание исследователей. Так, опираясь на материалы дневников экспедиции, Амилькар де Авила де Мело подготовил публикацию, посвященную пребыванию в Бразилии известного английского хирурга Джона Банистера, сопровождавшего Фентона в плавании [5]. Предприятие традиционно упоминают как пример неудачного командования и провальной экспедиции на заре эпохи английской торгово-колониальной экспансии в обобщающих трудах, посвященных истории елизаветинской эпохи, английского флота, географических открытий и становления британской колониальной системы [3. P. 186–188; 6. P. 161–165; 7. P. 373–379; 8. P. 36–40; 9. P. 214–216]. Португальский след в экспедиции упоминают Джулиан Корбетт и Джеймс Макдермотт [2. P. 324–337; 10. P. 132–136]. Краткие упоминания о провальном предприятии Фентона регулярно встречаются в многочисленных работах, посвященных кругосветной экспедиции Дрейка [11. P. 196–206; 12. P. 233–235; 13. P. 164–166]. Однако, как показывают документы, не только успех первой английской кругосветной экспедиции способствовал подготовке нового предприятия. В то же время перипетии подготовки экспедиции, в значительной степени приведшие к ее провалу, предметом специального исследования ранее не становились.

Триумфальное завершение кругосветного грабительского рейда Фрэнсиса Дрейка, повторившего путь экспедиции Магеллана–Элькано, не могло не возбудить интереса великих морских держав своего времени. Еще до возвращения елизаветинского корсара в Англию в Лондоне и Мадриде распространились слухи о сокровищах, захваченных в ходе экспедиции. Испанский посол Бернардино де Мендоса писал королю в сентябре 1579 г., что Дрейк уже захватил товаров стоимостью не менее чем на 600 тыс. дукатов, и «авантюристы, предоставившие деньги и корабли для путешествия, вне себя от радости» [14. P. 694–695]. Успех экспедиции способствовал появлению новых проектов, стремившихся в общих чертах повторить ее маршрут. Сам Мендоса отмечал в своих донесениях на родину, что «люди здесь не говорят ни о чем другом, но только о том, чтобы отправляться для грабежа подобным же путем» [14. P. 694].

Действия англичан вызвали бурю негодования в Испании, однако от решительных действий в ответ на рейд Дрейка Филипп II воздерживался, за исключением разрешения, выданного испанскому дворянину Хуану Мартинесу де Рекальдо направить 800 испанских и итальянских добровольцев в Ирландию для помощи местным католикам. Высадка добровольцев в Ирландии закончилась катастрофой, большинство ее участников погибли [15. P. 167]. Англо-испанские отношения вступали в новый виток напряженности, но испанский король был слишком занят португальскими делами. В ходе династического кризиса, разразившегося в Португалии после смерти бездетного короля-кардинала Энрике в январе 1580 г., испанскому королю пришлось вступить в открытое военное противостояние со сторонниками второго претендента на престол – дона Антониу, приора Крату. Только в августе 1580 г. войска под командованием герцога Альбы смогли окончательно разгромить сторонников португальского претендента в битве при Алькантаре. Уже в начале сентября 1580 г. Мендоса писал Филиппу II о том, что агенты дона Антониу просили помощи у англичан, но понимая, что дело в Португалии проиграно, предлагали направлять корабли в Индию и к Азорским островам [16. P. 52].

Прибытие Дрейка в порт Плимута 26 сентября 1580 г. произошло в новых политических условиях. Испанский король был вынужден уделять основное внимание португальским делам, просчитывая каждый внешнеполитический шаг. Дон Антониу, бежав во Францию,

обратился за помощью к Генриху III и королеве Елизавете. Вероятно, именно по этой причине Филипп II не последовал совету своего посланника в Англии. Мендоса предлагал, если англичане «не возместят ущерб и не накажут пиратов, ваше Величество может выдать каперские патенты для владельцев товаров, чтобы возместить их потери, захватывая английскую собственность, где они смогут ее найти. Это то, чего они боятся больше всего...» [16. P. 7–8]. Испанский монарх хорошо понимал, что английская королева со своей стороны может разрешить своим подданным получать каперские патенты от португальского претендента и, не объявляя войны на законных основаниях, вступить в конфликт на стороне дона Антониу. Дело возвращения награбленного Дрейком и его людьми в ходе кругосветной экспедиции возлагалось на Мендосу и частных лиц, готовых бороться за свои права при дворе английской королевы. Елизавета в сложившейся ситуации благоволила Дрейку, получив значительную долю захваченных сокровищ. Члены Тайного Совета и сама королева придерживались своей прежней позиции, что Дрейк направился в путешествие ради открытий, и если он совершил грабежи, это их не интересует [16. P. 60–61]. Помимо этого, стало известно, что Елизавета была намерена лично возвести Дрейка в рыцарское достоинство, посетив его корабль. После этого испанским торговцам можно было забыть о возвращении награбленного.

На фоне благосклонного отношения королевы к Дрейку и его предприятию, в Англии началась подготовка новых экспедиций. Как уже было отмечено, международная ситуация этому способствовала. Неразбериха, царившая в португальских владениях на фоне династического кризиса, открывала за пределами Европы возможности если не получить территориальные приобретения, то хотя бы побороться с португальской монополией на торговлю с Бразилией, черной Африкой и богатейшими государствами Ост-Индии. Тем более что экспедиция Дрейка, посетившего Молуккские острова и Яву, доказала возможность безнаказанно нарушать эту монополию. Еще одним фактором, спровоцировавшим разработку проектов новых экспедиций в Ост-Индию, стала активизация в Англии агентов дона Антониу, который искал союзников для возвращения португальской короны и укрепления своих позиций на острове Терсейра и в колониях, где, по его уверению, у него было много сторонников.

16 октября 1580 г. Мендоса отмечал в своем донесении испанскому королю, что Дрейк обещал, если ему снова предоставят возможность, совершить кругосветное путешествие за один год. «Он планирует повторить [кругосветное плавание] с шестью кораблями и предлагает всем участникам за каждый вложенный фунт вернуть семь в течение года. Это так сильно повлияло на англичан, что каждый хочет принять участие в экспедиции» [16. P. 55]. Кроме того, испанский посол упоминает, что Хуан Родригес де Соуза, агент дона Антониу в Англии, обещал всем желающим хорошую прибыль, если они отправятся с ним в Бразилию или португальскую Индию. В связи с этим Мендоса рекомендовал королю: «В интересах вашего Величества было бы уместно отдать приказ о том, чтобы ни один иностранный корабль не щадили ни в испанской, ни в португальской Индии, чтобы все они были отправлены на дно, и ни одной души на борту не оставили в живых» [16. P. 55–56]. Необходимо отметить, что проекты, о которых говорил испанский посол, не противоречили друг другу. В ходе кругосветной экспедиции Дрейк успел посетить и Бразилию, и богатые пряностями островные государства Ост-Индии. Англичане были благосклонно приняты на Яве и Молуккских островах, им, вероятно, даже удалось заключить соглашение с султаном острова Тернате о помощи в борьбе с португальцами и создании торговой фактории. Дрейк обещал султану Бабу, что в скором времени вернется с большим количеством кораблей и товаров [17. P. 249, 264; 18. P. 191; 19. C. 168]. Отдельные исследователи даже полагали, что экспедиция Дрейка специально готовилась с целью посещения Молуккских островов [20. P. 724, 727; 21. P. 47; 22. P. 147; 23. P. 26–27]. Впрочем, сохранившиеся документы этого не подтверждают. В любом случае можно согласиться с утверждением Дж. Макдермотта о том, что торговля с богатыми странами Востока была важным мотивом для английской экспансии, и ситуация, сложившаяся в начале 1580-х гг., способствовала появлению новых проектов [24. P. 272].

К ноябрю 1580 г. агентам испанского посла удалось выяснить, что королева обсуждала с графом Лейстером, одним из лидеров партии войны в Тайном Совете, возможность направить корабли и добровольцев на помощь дону Антониу [16. P. 63–64]. В декабре того же года в донесении королю Мендоса раскрывает детали замыслов, циркулировавших в Англии в связи с португальским претендентом и его сторонниками в различных уголках португальских владений: «Считается, что он мог бы там [на Азорских островах] продержаться, и для англичан было бы очень важно, чтобы жители островов были их друзьями, учитывая их планы отправить несколько кораблей в Восточную и Западную Индию и на Молуккские острова маршрутом, по которому Дрейк возвращался домой. Корабли готовятся к этому плаванию с большой поспешностью, чтобы они могли выйти в феврале. Все дело находится в руках Лейстера, который проявляет большую энергию в этом вопросе» [16. P. 70–71]. Таким образом, идеи повторения экспедиции Дрейка и помощи португальскому претенденту в конце 1580 г. объединяются в один масштабный проект, несомненно, предполагающий дальнейшее обострение англо-испанских отношений и вмешательство Елизаветы в борьбу за португальскую корону на стороне дона Антониу. Расплатой за помощь должно было стать разрешение на ведение торговли для англичан в сфере португальских интересов в Новом Свете, Африке и Ост-Индии.

Мендоса продолжал следить за подготовкой индийского проекта. В начале 1581 г. он писал королю, что ему известно о нескольких экспедициях. Первая, по его словам, могла отправиться под командованием Генри Ноллиса к побережью Бразилии и Магелланову проливу по маршруту, которым уже прошел Дрейк к Молуккским островам [16. P. 75]. Кроме того, как

Мендоса уже писал ранее, «корабли готовятся к отправке в феврале этого года для грабежей в Ост-Индии и по пути туда. С этой целью Лейстер договорился с королевой, что Дрейк поведет десять кораблей к Молуккским островам тем же маршрутом, которым он вернулся» (т.е. Через мыс Доброй Надежды) [16. P. 75].

По мнению испанского посла, англичане рассчитывали использовать полученные в прежней экспедиции знания об особенностях географии, течениях и направлении ветра на маршруте к Ост-Индии. Организаторы экспедиции, по словам Мендосы, обещали акционерам, которые вложат пятьсот фунтов в это предприятие, вернуть шестнадцать сотен в течение года. «Эта приманка наверняка привлечет жадных людей на помощь предприятию, которое, по их мнению, окажется таким же доходным, как последнее путешествие Дрейка» [16. P. 75]. Главным пайщиком готовящихся предприятий являлся граф Лейстер, который активно стремился привлечь своих друзей и знакомых к спонсированию экспедиций. К весне удалось собрать более 10 тыс. фунтов.

Среди возможных руководителей запланированной экспедиции значился целый ряд лиц, в той или иной степени проявивших себя в прежние годы. Первым в списке, датированном апрелем 1581 г., значился Фрэнсис Дрейк [4. P. 6–7]. Это неудивительно, учитывая имевшийся у него опыт кругосветной экспедиции. Было бы логично назначить именно Дрейка для повторения подобного предприятия. Однако после возведения Дрейка в рыцарское достоинство 4 апреля 1581 г. Елизавета запретила ему покидать Англию. Потеря национального героя, хранившего множество тайн о подготовке и ходе первой английской кругосветной экспедиции, а также о проектах новых предприятий могла не только подорвать престиж королевства, но и, вполне вероятно, спровоцировала бы открытый конфликт с Испанией.

В этой ситуации особый интерес представляют фамилии капитанов, следовавших за Дрейком в указанном списке. Капитан Ричард Бингэм, указанный вторым, успел проявить себя в предыдущие годы не только как умелый военный и морской офицер, но и как дипломат. Он принимал участие в войне против турок в Средиземном море, сражаясь на стороне испанцев, а затем проявил себя в Нидерландах, где пытался выступить в качестве посредника на переговорах дона Хуана Австрийского с мятежниками. Теперь Бингэм находился на службе в Ирландии под началом адмирала Уильяма Уинтера. Далее следуют имена капитанов, служивших под началом Мартина Фробишера в его экспедициях по поиску северо-западного прохода: Эдвард Фентон, Джильберт Йорк, Люк Вард, Брюэр, Грегори [4. P. 6–7]. Удивительно, что в списке отсутствует фамилия самого Фробишера. В то же самое время Мендоса в своем донесении от 16 апреля 1581 г. отмечал, что для обсуждения индийского проекта собирались Фрэнсис Уолсингем, граф Лейстер, Фрэнсис Дрейк, Джон Хокинс, Уильям Уинтер, Мартин Фробишер и Ричард Бингэм [16. P. 101]. Вероятно, именно эти люди и вырабатывали указанный выше список капитанов – возможных руководителей экспедиции.

К лету отдельные проекты плаваний к Молуккским островам, готовившиеся как урезанный вариант кругосветной экспедиции Дрейка, приобретают характер военной операции. В немалой степени это можно связать с появлением в Англии летом 1581 г. дона Антониу [25. P. 21]: португальский претендент искал помощи в организации экспедиции к Азорским островам. Согласно новому черновику проекта предприятия, появившемуся в июне 1581 г., уже подготовленные корабли вместе с королевскими галеонами должны были направиться к острову Терсейра, имея на борту более 800 человек. Здесь им предстояло укрепиться и ожидать корабли испанского серебряного флота [4. P. 7–8]. Молуккские острова превращались во второстепенную задачу – «второе предприятие». В соответствии с этой второй частью плана предстояло после укрепления на Терсейре отправить часть кораблей к г. Каликут. И если предприятие оказалось бы удачным, подобные рейсы можно было повторить, направляя корабли далее к Молуккским островам и Китаю, чтобы торговать там английскими товарами, обменивая их на пряности и прочие товары, доступные на Востоке [4. P. 8]. Проект, как следует из документа, предполагал долгосрочное сотрудничество королевы Елизаветы и португальского претендента на престол. Фактически англичане должны были получить укрепленную базу на острове Терсейра для своих операций, действуя на основе патентов, выданных португальским претендентом. Руководителем экспедиции должен был стать Дрейк. Вся операция планировалась под португальским флагом, а дон Антониу обещал оплатить 1/4 расходов, остальное оплачивали частные инвесторы [2. P. 326–327; 12. P. 233; 26. P. 52–53].

Азорская экспедиция имела несколько слабых мест. К их числу можно отнести необходимость координировать действия с французами и представителями мятежных провинций в Нидерландах, которых хотели привлечь к предприятию. На организацию экспедиции значительную часть средств должен был выделить дон Антониу, захвативший из Португалии во время своего бегства часть королевских сокровищ [13. P. 162–163]. Однако португальский претендент в деле снабжения предприятия проявлял явную скупость. В результате, не достигнув желаемого соглашения с союзниками, англичане были вынуждены откладывать выход своих кораблей в течение всего лета 1581 г., что увеличивало расходы организаторов экспедиции [1. P. 202; 24. P. 274]. Наконец, не дремали и агенты короля Филиппа II. Бернардино де Мендоса писал, что, несмотря на всю секретность, окружающую визит дона Антониу в Англию, ему известно о встречах, проходивших между португальским претендентом, графом Лейстером, Уолсингемом, Дрейком, Уинтером и Хокинсом. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на встрече, как полагал испанский посол, была экспедиция к Терсейре [16. P. 144].

Осознавая угрозу, которая исходила от проекта с участием дона Антониу, Филипп II 14 августа 1581 г. писал Мендосе в Лондон: «Если вы не сможете убедить ее принять мою просьбу [о выдворении дона Антониу из Англии], вы можете передать королеве…

если дон Антониу, покинув ее страну, направится к любому из моих владений или нанесет ущерб любому моему подданному, я буду расценивать это как объявление войны…» [16. P. 160]. Елизавета всегда опасалась открытого военного конфликта и не решилась пойти на поводу у партии войны в Тайном Совете. Тем более что у испанского короля были союзники в Англии – торговцы, имевшие деловые интересы во владениях Филиппа II. Начало открытой войны с испанцами при наличии столь ненадежных союзников, как Генрих III и дон Антониу с его немногочисленными сторонниками в Португалии, грозило тяжелыми последствиями для страны. На подобную авантюру Елизавета к тому моменту пойти была не готова.

К началу сентября 1581 г. распространились слухи об отмене экспедиции. Испанский посол сообщал Филиппу II, что дон Антониу разочарован и желает вернуть обещанные на организацию экспедиции деньги. В одной из конфиденциальных бесед португальский претендент заметил, что «его приезд в Англию был наказанием за его грехи, поскольку люди здесь столь ненадежны, только Лейстер и, возможно, Уолсингем были его друзьями» [16. P. 166]. Несмотря на то, что 5 сентября Лейстер сообщил от имени королевы о разрешении направить к Терсейре 7 кораблей с патентами от имени дона Антониу и под командованием португальских капитанов, реализация проекта оказалась под вопросом [16. 166–167]. Прочие репрессальные грамоты и каперские патенты, выданные от имени португальского претендента, без особого разрешения и гарантийных писем (*англ*. Security for good behaviour) использовать запрещалось. Кроме того, в гарантийных письмах содержалось обещание со стороны держателя патента действовать в рамках закона и не нападать на суда дружественных Англии стран, в том числе испанские [16. P. 171–172].

Мендоса в донесении от 7 сентября упоминал и вторую экспедицию в составе трех кораблей, которую предстояло направить в Ост-Индию. Возглавить ее, по информации испанского посла, должен был Мартин Фробишер. Ему предписывалось идти к португальским владениям на Востоке, где число сторонников португальского претендента велико, а если пребывать там долго по лицензии дона Антониу не получится, следовать к Молуккским островам. Корабли должны были выйти в море к Рождеству [16. P. 167].

Таким образом, азорский проект распался на два отдельных предприятия. От экспедиции к Азорским островам в итоге пришлось отказаться. Дон Антониу покинул Англию, большую часть припасов, уже собранных для экспедиции, пришлось продать, а экипажи кораблей распустить. Однако не все частные инвесторы были довольны подобным исходом. После провала проекта с Терсейрой Уолсингем и Лейстер вновь сосредоточились на идее отправить корабли к Молуккским островам [1. P. 203].

Отказ от прежнего плана экспедиции потребовал переоснащения кораблей, изменения состава команды, закупки дополнительных товаров для торговли в Ост-Индии и, что особенно важно, новых вкладчиков, готовых выделить деньги на рискованное предприятие.

Осенью 1581 г. граф Лейстер, являвшийся основным вкладчиком и организатором экспедиции, уже вел сбор средств для модернизированного проекта. Корабли должны были отправиться в Ост-Индию под командованием Фробишера с торговой миссией. Однако без денег дона Антониу средств на предприятие явно не хватало. Судя по существующему списку пайщиков, самую большую сумму в подготовку экспедиции – 2 200 фунтов, внес сам граф Лейстер; вторым крупнейшим пайщиком предприятия выступил торговец и судовладелец Генри Угтред, его вклад составил 800 фунтов, третьим по значимости пайщиком значился сэр Фрэнсис Дрейк, его вклад обращает на себя внимание необычно точно прописанной суммой 666 фунтов, 13 шиллингов, 4 пенса. Прочие пайщики внесли от 100 до 300 фунтов. В их числе значились непосредственные участники – Мартин Фробишер, капитаны Вард и Фентон, Кристофер Карлейль, которому прочили должность командующего сухопутными войсками в экспедиции. Свои средства внесли ближайшие советники королевы и члены Тайного Совета: графы Линкольн, Уорик, Пемброук, Шрусбери, сэр Фрэнсис Уолсингем и лорд Берли. Всего было собрано более 7 000 фунтов [4. P. 10]. Примечательно, что значительная часть акционеров, вложивших свои средства в подготовку предприятия, ранее финансировали экспедиции Фробишера в 1576, 1577 и 1578 гг. [27. P. 151–152; 28. C. 182].

Участие в качестве инвесторов графа Лейстера и Фрэнсиса Уолсингема с самого начала было вполне объяснимо, так как они были сторонниками самого жесткого курса в отношении Испании. Однако отказ от агрессивного характера предприятия, не предусматривавший открытого столкновения с Испанией, привлек к участию в организации экспедиции не только такого умеренного политика, как лорд Берли, но и представителей Московской компании, некоторые из которых имели торговые интересы непосредственно в Испании. Два представителя Московской компании особенно внимательно следили за экспедицией – Уильям Тауэрсон (один из пионеров гвинейской торговли) и Джордж Барнс. Примечательно, что они же были важнейшими участниками Испанской торговой компании. Торговцы Томас Кордель, Томас Паульсон, Томас Старки, Роберт Сэдлер, вложившиеся в предприятие, тоже были вовлечены в торговлю с Пиренейским полуостровом [1. P. 203; 24. P. 272–273].

К марту 1582 г. был определен предварительный состав участников экспедиции, всего 180 человек, начиная от капитанов кораблей и заканчивая рядовыми матросами [4. P. 35–36]. Несмотря на то, что Дрейка решили не привлекать к руководству экспедицией, его опыт и рекомендации были бесценны при подготовке нового проекта. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма, направленные английским капитаном графу Лейстеру. В них Дрейк подробно описывает маршрут следования кораблей, страны, с которыми выгодно торговать в Ост-Индии, возможные места стоянок [4. P. 12]. В октябре 1581 г. в письме Лейстеру Дрейк подчеркивал, что Фробишер – именно тот человек, который способен привести предприятие к успеху. Сам он готов был участвовать в предприятии деньгами

и снарядить к экспедиции корабль в 180 тонн либо барк и два пинасса. Кроме того, он рекомендовал привлечь к проекту своих людей – участников кругосветной экспедиции [4. P. 24].

Присутствие на кораблях участников первой английской кругосветной экспедиции выглядело логичным шагом. В основном это были молодые люди не старше 30 лет, имевшие к тому же колоссальный опыт, полученный под руководством Дрейка. Из 13 человек двое были штурманами – Томас Худ и Томас Блаколлер [7. P. 374]. Многие участники новой экспедиции, набранные для плавания в Ост-Индию, рассматривали торговлю как второстепенную задачу, мечтая повторить подвиг королевского корсара. На самом деле получить прибыль в тех объемах, которые изначально были заявлены при подготовке предприятия, без нападения на португальские и испанские владения Филиппа II было почти невозможно. Большая часть средств, которые ранее Дрейк доставил в Англию, была похищена из сундуков испанских торговцев и чиновников в Новом Свете. Молодые авантюристы завидовали лаврам Дрейка и надеялись в результате экспедиции прославиться и обогатиться. Лидерами среди «людей Дрейка» были кузен Фрэнсиса Дрейка Джон Дрейк, представлявший в экспедиции интересы своего родственника, и Уильям Хокинс младший, также принимавший участие в экспедиции Дрейка и представлявший влиятельную семью Хокинсов из Плимута, дядей его был дальний родственник Дрейка Джон Хокинс, к тому моменту занимавший должность казначея королевского флота [29. С. 126, 131–132]. В дальнейшем именно «люди Дрейка» будут подрывать дисциплину на кораблях в ходе плавания, отказываясь от соблюдения официальных инструкций, носивших мирный характер.

Из прочих участников экспедиции, изначально планировавших атаковать владения испанского короля, можно отметить португальского ренегата и бывшего пирата Симона Фердинандо (Фернандеса), «человека государственного секретаря Уолсингема». Этот выходец с Терсейры в составе экспедиции был вторым штурманом наряду с Томасом Худом, одним из «людей Дрейка» [16. P. 340]. Его познания и опыт ограничивались в основном Северной Атлантикой. Перейдя в протестантизм, он был главным сторонником ограбления испанцев. Когда капеллан экспедиции Мэдокс сделал Фернандесу замечание о том, что королева находится в мире с королем Испании, он ответил, что испанцы – враги для него, а кроме того, у него есть разрешение нападать на испанцев от пяти членов Тайного Совета [4. P. XXXII, 196–197]. Таким образом, не только часть экипажа, но и многие организаторы экспедиции рассматривали ее именно как грабительский рейд.

В подобной ситуации порядка на кораблях и четкого соблюдения плана путешествия мог бы добиться жесткий, опытный и уважаемый капитан, каким был, например, Фрэнсис Дрейк. В ходе своих экспедиций он всегда стремился поддерживать единоначалие и строжайшую дисциплину. Вероятно, именно по этой причине, зная о возможных сложностях с управлением экипажем, Дрейк рекомендовал Фробишера как человека, обладавшего огромным опытом, способного командира, пользовавшегося непререкаемым авторитетом среди подчиненных. Однако именно фигура руководителя экспедиции вызвала недовольство среди сторонников мирного хода предприятия. Доподлинно неизвестно, по чьей инициативе Фробишера отстранили от руководства, но, вероятно, это были пайщики из числа сторонников мира при дворе королевы Елизаветы и представители Московской компании, подключившиеся к организации экспедиции после отказа королевы от совместных действий с доном Антониу [2. P. 334; 3. P. 187; 9. P. 215; 24. P. 278–280]. В прежние годы Фробишер успел прославиться не только как исследователь северо-западного прохода, но и как капер, в начале 1560-х гг. грабивший как французских, так и испанских католиков [24. P. 56–57; 30]. Можно предположить, что именно дурная слава и опасения, что Фробишер, как и Дрейк, использует экспедицию для атаки на испанские владения, заставили накануне отплытия в феврале 1582 г. поменять руководителя предприятия [24. P. 278]. Выбор в итоге пал на одного из заместителей Фробишера – Эдварда Фентона, приходившегося дальним родственником Хокинсам [2. P. 334].

Генри Угтред в своем письме графу Лейстеру, датированном 17 марта, назвал выбор нового руководителя предприятия ошибкой. Он подчеркивал, что предпочел бы увидеть молодого Хокинса руководителем предприятия. Несмотря на его юный возраст, он уже успел проявить себя в ходе кругосветной экспедиции [4. P. 33]. Но Хокинса поставили под начало Фентона в качестве его лейтенанта. Не менее достойной заменой для Фробишера мог бы стать Кристофер Карлейль, пасынок Фрэнсиса Уолсингема. Угтред даже полагал, что Хокинса и Карлейля можно было бы поставить во главе экспедиции вдвоем [4. P. 34]. Однако выбор был сделан в пользу Эдварда Фентона, которого один из главных пайщиков предприятия характеризовал следующим образом, предрекая провал экспедиции: «Но что я вижу, вы ставите его [Уильяма Хокинса младшего] под начало человека несведущего, который в море доведет все до смуты, его опыт слишком мал, а самомнение завышено, у него темперамент холерика…» [4. P. 33–34].

Как отмечают исследователи, Фентон был в большей степени военным, чем капитаном [7. P. 374–375]. Человек со сложным характером, упрямый, вспыльчивый и тщеславный, в прежние годы он проявил себя как один из заместителей Фробишера в его экспедициях, но никогда прежде самостоятельно не руководил крупным предприятием [2. P. 334–335].

Испанские агенты, впрочем, долгое время не знали, что в руководстве экспедицией произошли столь критические перемены. В апреле 1582 г. Бернардино де Мендоса сообщал Филиппу II, что экспедиция к Молуккским островам во главе с Фробишером уже готова к отплытию. В письме от 20 апреля посол перечисляет корабли и снаряжение, подготовленные англичанами: «Корабль, покинувший Темзу, называется “Эдуард Бонавентура”, 300 тонн водоизмещения, вооруженный 36 большими железными орудиями, с 100 человек на борту, другой корабль 500 тонн с 200 людьми на борту,

вооруженный 70 орудиями. Также пинасс в 40 тонн, предоставленный Дрейком, с 35 людьми на борту, вдобавок к указанным еще одно небольшое судно в 14 тонн. Среди указанных более чем 300 человек есть несколько джентльменов и превосходных моряков, так как [Тайный] Совет дал распоряжение привлечь к экспедиции лучших людей. Некоторые из тех, кто сопровождал Дрейка [в его путешествии], присоединились к ним, в то же время шесть человек, которые отправляются туда, уже бывали на Молуккских островах и, прожив восемь лет в Португальской Индии, хорошо знакомы с побережьем. Пилот главного корабля – португалец с Терсейры по имени Симон Фернандес, еретик, живущий здесь несколько лет и считающийся одним из лучших пилотов страны. Они берут продовольствия на два года, а стоимость экспедиции достигает 12 000 фунтов, помимо товаров на 4 000 или 5 000 фунтов» [16. P. 340].

Говоря о маршруте экспедиции, Мендоса отмечал, что англичане «намереваются отплыть отсюда [из Англии] до мыса Бланко на Барбарийском побережье, где они пополнят запасы воды, а затем продолжат свое путешествие. Из того, что я слышал в последнее время от людей, которые общались с Дрейком и другими, кто видели секретную карту путешествия, я делаю вывод, что их курс должен отличаться от того, который они изначально планировали, дойти до мыса Доброй Надежды и оттуда отправиться к Молуккским островам. Теперь они намереваются пройти вдоль побережья Бразилии до порта Сан-Хулиан и далее к Магелланову проливу...» [16. P. 340].

Испанский посол отмечал, что, как следует из сообщений, им собранных, Огненная земля, которую обычно изображают как часть большого континента, на самом деле всего лишь обширный остров. Таким образом, посол полагал, что экспедиция могла направиться еще южнее, чтобы обойти Магелланов пролив, заблокированный к тому моменту испанцами в результате экспедиции Педро Сармиенто де Гамбоа [31. P. 140–163; 32. P. 296–332; 33. P. 14–45; 34. C. 149–166]. Мендоса рекомендовал королю направить корабли, находящиеся в проливе, для изучения вопроса о том, является ли Огненная земля островом и открывается ли за ней обширный пролив, обнаруженный Дрейком. Кроме того, посол отмечает, что англичане столь уверены в успехе, что уже начали готовить новые корабли для следующей экспедиции [16. P. 342].

9 апреля 1582 г. была подготовлена инструкция для Эдварда Фентона, на основе которой должно было осуществляться все плавание. Под его командование передавалось четыре корабля: два галеона («Эдуард Бонавентура» и «Галеон Лейстер»), барк «Фрэнсис», принадлежавший Дрейку и небольшой фрегат или пинасс. Экипаж экспедиции превышал 200 человек, в том числе джентльмены и их слуги, капелланы, врачи [5. P. 61–63], торговцы и др. Фентону надлежало обсуждать все решения и прислушиваться к советам ряда офицеров, включенных в состав экипажа, а именно лейтенанта Уильяма Хокинса, вице-адмирала Люка Варда, Николаса Паркера, капеллана Мэддокса, мастера Уолкера и торговцев Эванса, Рэндольфа Шоу и Мэтью Тальбойса. Все важные решения должны были приниматься при поддержке большинства членов совета, т.е. не мене четырех человек [4. P. 51]. В составе совета не указан Джон Дрейк, который в дальнейшем тоже будет влиять на ситуацию как один из лидеров «людей Дрейка» в составе экспедиции, но правом голоса в совете он не обладал. Принципиальное значение имеет тот факт, что в числе советников Фентона были представлены сторонники как повторения экспедиции Дрейка, так и исключительно мирного хода новой экспедиции, к которым можно отнести капеллана Мэддокса и английских торговцев. Это решение, как казалось, должно было отвечать интересам всех организаторов предприятия и уравновешивать их, но в итоге привело к расколу в ходе самой экспедиции.

В инструкции подчеркивалось, что Хокинса и Варда смещать с их постов было запрещено, а капеллану Мэддоксу было поручено вести дневник экспедиции, который по возвращении на родину следовало передать организаторам предприятия [4. P. 51–53]. Любые действия на суше поручалось осуществлять под командованием Карлейля [4. P. 59].

Главной целью предприятия в инструкции обозначены Молуккские острова, проследовать к которым рекомендовано было через мыс Доброй Надежды. Маршрут через Магелланов пролив для достижения Островов пряностей или для возвращения на родину разрешалось использовать только в исключительных случаях [4. P. 54]. Двенадцатый пункт инструкции запрещал Фентону и его людям получать от подданных любого христианского правителя что-либо без оплаты. Оружие разрешено было применять только для защиты от нападения [4. P. 55]. Он должен был не только вести торговлю на Востоке, но и оставить английских торговых агентов на Островах пряностей и, возможно, в Китае [3. P. 186]. Кроме того, Фентону было предписано, если представится подобная возможность, попытаться отыскать северо-восточный проход и Новый Альбион, открытый Дрейком на тихоокеанском побережье Северной Америки [2. P. 335]. В море Фентону предписывалось выйти в апреле того же года [4. P. 54].

Перечисляя в своем дневнике корабли в составе экспедиции, вице-адмирал Люк Вард приводит следующий перечень: «Галеон Лейстер» (400 тонн), «Эдуард Бонавентура» (300 тонн), «Фрэнсис» (40 тонн), «Элизабет» (50 тонн) [35. P. 172]. Адмирал Уильям Монсон несколько десятилетий спустя отмечал в своем сочинении, что в 1582 г. королева Елизавета решила повторить успех кругосветной экспедиции Дрейка, разрешив капитанам Фентону и Варду выйти в море с двумя лучшими частными кораблями в королевстве и двумя пинассами [36. P. 190, 282]. Таким образом, пайщики предприятия постарались предоставить для экспедиции самые лучшие из имевшихся в их распоряжении кораблей. Королева, одобрив предприятие, официально в нем участие не принимала ни деньгами, ни флотом. Апеллировать к ее авторитету, как это сделал Дрейк в критический момент кругосветной экспедиции, Фентону было сложно.

Разлад, наметившийся в экспедиции с самого начала, касался соблюдения основной инструкции, выданной

Фентону перед отплытием. Однако документ, к которому должен был апеллировать руководитель предприятия для поддержания своего авторитета, с самого начала им же не соблюдался. Окончательно подорвал стабильность всего предприятия отказ от участия в плавании одного из ключевых членов экспедиции – Кристофера Карлейля, сославшегося на плохое состояние здоровья [4. P. XXXII]. Получалось, что во главе флота был поставлен человек, абсолютно для этого не подходивший, окруженный советниками, крайне амбициозными и не имевшими достаточного опыта.

В самом начале экспедиции произошла задержка с отправкой. Официальные церемонии и погрузка припасов растянулись на несколько дней, в итоге корабли вышли в море только 1 мая, но до конца месяца в связи с непогодой и необходимостью пополнять припасы не могли пройти Ла-Манш, покинув английское побережье только 2 июня [7. P. 375]. В итоге к африканскому побережью корабли смогли подойти только в августе. Уже здесь часть экипажа продемонстрировала свои агрессивные планы и надежду обогатиться за счет ограбления испанцев. Инструкции, данные в апреле 1582 г., привели к фактическому отсутствию единоначалия, что в условиях невысокого авторитета Фентона среди его офицеров усугубило проблемы. Столь ценное для успешного исхода предприятия время было потрачено в спорах между руководителем экспедиции и его заместителями у побережья Гвинеи, когда экипажи кораблей косила лихорадка [3. P. 188]. Наконец, сам Фентон, используя отдельные расплывчатые формулировки инструкции, решил вести корабли не к мысу Доброй Надежды, а к Магелланову проливу, полностью повторяя путь первой английской кругосветной экспедиции. Но ему не хватало опыта и харизмы Дрейка, да и ситуация изменилась. К моменту отплытия кораблей из Англии испанцы уже успели предпринять первые попытки по укреплению Магелланова пролива, о чем в Лондоне на тот момент не знали. Достигнув побережья Бразилии, люди Фентона столкнулись с сильным испанским флотом под командованием Диего Флореса де Вальдеса [33. P. 47–48; 36. P. 282]. Присутствие испанской эскадры заставляло португальских колонистов с недоверием относиться к английской экспедиции, так что они опасались торговать. В итоге Фентон решил отказаться от попытки пройти в Тихий океан, а выступивший против подобного решения Хокинс был арестован [37. P. 218]. Не желая подчиняться приказу, Джон Дрейк увел барк «Фрэнсис» в район Ла Платы, где потерпел крушение. Среди документов испанской инквизиции впоследствии были обнаружены материалы его допросов [38. P. 18–56]. В начале 1583 г. уцелевшие корабли экспедиции были атакованы испанцами близ Сан Висенте [6. P. 163–164]. Несмотря на то, что что англичане одержали верх в сражении, Фентон решил не испытывать судьбу и возвращаться на родину. Корабли провальной экспедиции вернулись в Англию по отдельности в конце мая – июне 1583 г., проведя, таким образом, в море чуть более года. Цели экспедиции не были достигнуты, были потеряны корабли и третья часть экипажа. Сразу после возвращения на родину старшие офицеры были взяты под арест. Так завершилось одно из самых неудачных морских торгово-разведывательных предприятий елизаветинской эпохи.

Постоянная смена планов экспедиции, затеянной изначально как повторение экспедиции Дрейка, способствовала созданию целого клубка противоречий к моменту выхода кораблей в море. Первые пайщики предприятия изначально готовили военную операцию под прикрытием патентов, выданных претендентом на португальскую корону доном Антониу. Отказ от первоначальных планов, предполагавших атаку испанских и португальских владений, и подготовка сугубо мирного торгового предприятия привлекли к участию в экспедиции новых инвесторов и участников. Однако очередное изменение планов, наличие в итоговом проекте инструкций расплывчатых формулировок вместе с затягиванием подготовки предприятия привели к многочисленным конфликтам интересов организаторов, чехарде с руководством экспедицией, а главное – к противоречиям внутри самой команды, что и стало главной причиной неудачного исхода такого амбициозного проекта. Не стоит забывать и о том, что экспедиция Дрейка и слухи о подготовке нового предприятия заставили испанцев действовать более активно, направив военные корабли к побережью Бразилии и укрепив Магелланов пролив. Отсутствие решительности, необходимого опыта и способностей у руководителя экспедиции окончательно лишило предприятие шансов на успех.

Список источников

1. Andrews K.R. Elizabethan Privateering During the Spanish War, 1585–1603. Cambridge : Cambridge University Press, 1964. 297 p.
2. Corbett J.S. Drake and Tudor Navy. New York : Burt Franklin, 1899. Vol. I. 415 p.
3. Rowse A.L. The Expansion of Elizabethan England. London : Macmillan, 1955. 450 p.
4. The Troublesome Voyage of Captain Edward Fenton, 1582–1583 / ed. by E.G.R. Taylor. London : Hakluyt Society, 1959. 333 p.
5. de Mello A.D. John Banister: An Elizabethan surgeon in Brazil // Historia, Ciencias, Saude – Manguinhos. 2011. Vol. 18 (1). P. 51–65.
6. Andrews K.R. Trade, plunder and settlement. Maritime enterprise and the genesis of the British Empire, 1480–1630. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 394 p.
7. Bradley P.T. British Maritime Enterprise in the New World: From the Late Fifteenth to the Mid-eighteenth Century. New York : The Edwin Mellen Press Ltd, 1999. 600 p.
8. Williams G. The great South Sea: English voyages and encounters, 1570–1750. New Haven : Yale University Press, 1997. 300 p.
9. Williamson J.A. The Age of Drake. London : A. & C. Black, 1938. 400 p.
10. McDermott J. England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel. New Haven : Yale University Press, 2005. 411 p.
11. Bawlf S. The secret voyage of Sir Francis Drake, 1577–1580. New York : Walker, 2003. 400 p.
12. Kelsey H. Sir Francis Drake: The Queen's Pirate. London : Yale University Press, 1998. 566 p.
13. Thomson G.M. Sir Francis Drake. London : Book club associates, 1973. 348 p.
14. Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / ed. by M. Hume. London : Public Record Office, 1894. Vol. II: 1568–1579. 742 p.

15. Parker G. The Grand Strategy of Philip II. London : Yale University Press, 1998. 446 p.
16. Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / ed. by M. Hume. London : Public Record Office, 1896. Vol. III: 1580–1587. 720 p.
17. Escribano-Páez J.M. Diplomatic Gifts, Tributes and Frontier Violence: Circulation of Contentious Presents in the Moluccas (1575–1606) // Diplomatica. A Journal of Diplomacy and Society. 2020. № 2. P. 248–269.
18. Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells by Englishmen and others / ed. by S. Purchas. Glasgow : James MacLehose and Sons, 1905. Vol. V. 529 p.
19. Губарев В.К. Фрэнсис Дрейк. М. : Молодая гвардия, 2013. 374 с.
20. Andrews K.R. The Aims of Drake's Expedition of 1577–1580 // The American Historical Review. 1968. Vol. 73. P. 724–740.
21. Taylor E.G.R. The Missing Draft Project of Drake's Voyage of 1577–80 // The Geographical Journal. 1930. Vol. 75 (1). P. 46–47.
22. Taylor E.G.R. More light on Drake: 1577–80 // The Mariner's Mirror. 1930. Vol. 16 (2). P. 134–151.
23. Wagner H.R. Sir Francis Drake's Voyage around the World. San Francisco : J. Howell, 1926. 543 p.
24. McDermott J. Martin Frobisher: Elizabethan Privateer. London : Yale University Press, 2001. 509 p.
25. Calendar of State Papers, Domestic Series, Elizabeth. 1581–1590 / ed. by R. Lemon. London : Her Majesty's Stationery Office, 1865. 826 p.
26. Read C. Mr. Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth. Oxford : Oxford University Press, 1925. Vol. II. 433 p.
27. Rabb Th.K. Enterprise and Empire. Merchant and Gentry Investment in the Expansion of England, 1575–1630. Cambridge : Cambridge University Press, 1967. 420 p.
28. Копелев Д.Н. Раздел океана в XVI–XVII веках. СПб. : Крига, 2013. 736 с.
29. Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов н / Д : Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. 204 с.
30. Marsden R.G. Thomas Cobham and the Capture of the “St. Katherine” // The English Historical Review. 1908. Vol. 23. P. 290–291.
31. Carrasco A.L. Vida y viajes de Pedro Sarmiento de Gamboa. Madrid : Instituto Historico de Marina, 1945. 308 p.
32. Narratives of the voyages of Pedro Sarmiento de Gamboa to the straits of Magellan / ed. by C.R. Markham. London : Hakluyt Society, 1895. 401 p.
33. The Struggle for the South Atlantic. The Armada of the Strait, 1581–1584 / ed. by C.R. Phillips. London : Hakluyt Society, 2016. 203 p.
34. Свет Я.М. В страну Офир. М. : Мысль, 1967. 232 с.
35. Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques & Discoveries of the English Nation Made by Sea or Over-land. Glasgow : J. MacLehose and Sons, 1904. Vol. 11. 458 p.
36. The Naval Tracts of Sir William Monson in Six Books / ed. by M. Oppenheim. London : Navy Records Society, 1913. Vol. IV. 442 p.
37. Williamson J.A. Hawkins of Plymouth: A New History of Sir John Hawkins and of the other Members of His Family Prominent in Tudor England. London : Black, 1969. 348 p.
38. New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580 / ed. by Z. Nuttall. London : Hakluyt Society, 1914. 443 p.

References

1. Andrews, K.R. (1964) *Elizabethan Privateering During the Spanish War, 1585–1603*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Corbett, J.S. (1899) *Drake and Tudor Navy*. Vol. I. New York: Burt Franklin.
3. Rowse, A.L. (1955) *The Expansion of Elizabethan England*. London: Macmillan.
4. Taylor, E.G.R. (1959) *The Troublesome Voyage of Captain Edward Fenton, 1582–1583*. London: Hakluyt Society.
5. de Mello, A.D. (2011) John Banister: An Elizabethan surgeon in Brazil. *Historia, Ciencias, Saude – Manguinhos*. 18-1. pp. 51–65.
6. Andrews, K.R. (1984) *Trade, plunder and settlement. Maritime enterprise and the genesis of the British Empire, 1480–1630*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Bradley, P.T. (1999) *British Maritime Enterprise in the New World: From the Late Fifteenth to the Mid-eighteenth Century*. New York: The Edwin Mellen Press Ltd.
8. Williams, G. (1997) *The great South Sea: English Voyages and Encounters, 1570–1750*. New Haven: Yale University Press.
9. Williamson, J.A. (1938) *The Age of Drake*. London: A. & C. Black.
10. McDermott, J. (2005) *England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel*. New Haven: Yale University Press.
11. Bawlf, S. (2003) *The Secret Voyage of Sir Francis Drake, 1577–1580*. New York: Walker.
12. Kelsey, H. (1998) *Sir Francis Drake: The Queen’s Pirate*. London: Yale University Press.
13. Thomson, G.M. (1973) *Sir Francis Drake.* London: Book club associates.
14. Hume, M. (1894) *Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas*. Vol. II. London: Public Record Office.
15. Parker, G. (1998) *The Grand Strategy of Philip II*. London: Yale University Press.
16. Hume, M. (1896) *Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas.* Vol. III. London: Public Record Office.
17. Escribano-Páez, J.M. (2020) Diplomatic Gifts, Tributes and Frontier Violence: Circulation of Contentious Presents in the Moluccas (1575–1606). *Diplomatica. A Journal of Diplomacy and Society.* 2. pp. 248–269.
18. Purchas, S. (1905) *Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells by Englishmen and others*. Vol. V. Glasgow: James MacLehose and Sons.
19. Gubarev, V.K. (2013) *Frensis Dreyk* [Francis Drake]. Moscow: Molodaya gvardiya.
20. Andrews, K.R. (1968) The Aims of Drake's Expedition of 1577–1580. *The American Historical Review.* 73. pp. 724–740.
21. Taylor, E.G.R. (1930) The Missing Draft Project of Drake's Voyage of 1577–80. *The Geographical Journal*. 75-1. pp. 46–47.
22. Taylor, E.G.R. (1930) More light on Drake: 1577–80. *The Mariner's Mirror*. 1930. 16-2. pp. 134–151.
23. Wagner, H.R. (1926) *Sir Francis Drake's Voyage around the World*. San Francisco: J. Howell.
24. McDermott, J. (2001) *Martin Frobisher: Elizabethan Privateer*. London: Yale University Press.
25. Lemon, R. (1865) *Calendar of State Papers, Domestic Series, Elizabeth. 1581–1590*. London: Her Majesty's Stationery Office.
26. Read, C. (1925) *Mr. Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth*. Vol. II. Oxford: Oxford University Press.
27. Rabb, Th.K. (1967) *Enterprise and Empire. Merchant and Gentry Investment in the Expansion of England, 1575-1630*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Kopelev, D.N. (2013) *Razdel okeana v XVI–XVII vekakh* [The Division of the Ocean in the 16th–17th Centuries]. St. Petersburg: Kriga.
29. Gavrilov, S.N. (2014) *Angliyskiy flot epokhi Tyudorov kak gosudarstvennyy institut* [The English Navy of the Tudor Era as a State Institution]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
30. Marsden, R.G. (1908) Thomas Cobham and the Capture of the “St. Katherine.” *The English Historical Review*. 23. pp. 290–291.
31. Carrasco, A.L. (1945) *Vida y viajes de Pedro Sarmiento de Gamboa.* Madrid: Instituto Historico de Marina.
32. Markham, C.R. (1895) *Narratives of the Voyages of Pedro Sarmiento de Gamboa to the Straits of Magellan*. London: Hakluyt Society.
33. Phillips, C.R. (2016) *The Struggle for the South Atlantic. The Armada of the Strait, 1581–1584*. London: Hakluyt Society.

34. Svet, Ya.M. (1967) *V stranu Ofir* [To the Land of Ophir]. Moscow: Mysl'.
35. Hakluyt, R. (1904) *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques & Discoveries of the English Nation Made by Sea or Over-land.* Vol. 11. Glasgow: J. MacLehose and Sons.
36. Oppenheim, M. (1913) *The Naval Tracts of Sir William Monson in Six Books*. Vol. IV. London: Navy Records Society.
37. Williamson, J.A. (1969) *Hawkins of Plymouth: A New History of Sir John Hawkins and of the other Members of His Family Prominent in Tudor England*. London: Black.
38. Nuttall, Z. (1914) *New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580*. London: Hakluyt Society.

***Сведения об авторе*:**
Михеев Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Tankred85@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mikheev Dmitry V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: Tankred85@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.10.2021; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 30.10.2021; accepted for publication 17.09.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/97/18

Изучение и популяризация маршрутов исследователей-путешественников Алтая средствами геоинформационных технологий

Мария Владимировна Рыгалова[1], Евгений Владимирович Рыгалов[2]

[1] Алтайский технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия
[2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] mariya_rygalova@mail.ru
[2] rugalov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются технологии создания геоинформационной системы, которая отражает маршруты исследователей-путешественников Алтая (Алтайского края и Республики Алтай в современных границах) второй половины XVIII – XIX в. Одним из направлений актуализации наследия являются реконструкция маршрутов исследователей-путешественников и изучение их достижений Получены не только конкретные результаты (созданы тематическая геоинформационная система, серия тематических карт), но и выработана методика по разработке аналогичных исследовательских продуктов.
Ключевые слова: геоинформационные системы, тематическое картографирование, историко-культурное наследие, научное наследие, познавательный туризм

Благодарности: Статья публикуется в рамках реализации гранта Президента РФ № МК-4173.2021.2.

Для цитирования: Рыгалова М.В., Рыгалов Е.В. Изучение и популяризация маршрутов исследователей-путешественников Алтая средствами геоинформационных технологий // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 146–151. doi: 10.17223/19988613/97/18

Original article

Study and popularization of the routes of Altai explorers and travelers by means of geoinformation technologies

Maria V. Rygalova[1], Evgeny V. Rygalov[2]

[1] Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russian Federation
[2] Altai State University, Barnaul, Russian Federation
[1] mariya_rygalova@mail.ru
[2] rugalov@mail.ru

Abstract. The article deals with the technologies for creating a geographic information system. It reflects the routes of explorers-travelers of Altai (Altai Territory and the Republic of Altai within the modern borders) of the second half of the 18th-19th centuries. The historical, cultural and scientific heritage is a valuable resource for the development of society and self-identification. The article also aims to form the image of the region in the eyes of its residents and tourists. That is why the study, preservation and popularization of regional resources is an urgent problem. It is connected with the scientific study of historical heritage. One of the areas of heritage actualization is the reconstruction of the routes of explorers-travelers and the study of their achievements. Altai Krai and the Republic of Altai in the chronological period under consideration administratively belonged to the Kolyvano-Voskresensky (Altai) mining district. It was the largest industrial region of that time and attracted the attention of statesmen and travel scientists. The main method of research

© М.В. Рыгалова, Е.В. Рыгалов, 2025

is the toolkit of geoinformation technologies, which combines the properties of a database as a repository of information, its structuring, as well as the tools for mapping (creating thematic maps), for visualizing the results. Geoinformation mapping in the study of this topic allows you to visually establish and show the routes of expeditions, collect together and reflect on maps (symbolically or in a web map format) factual information about the results of visiting the territory (discoveries in various scientific fields, collections, publications, etc.) Few studies like this are being done today. They have a different, more specific focus (for example, geographic information system on the places of movement of L. N. Tolstoy). One of the studies of travel routes is the reconstruction of the travels of P. S. Pallas and I. I. Lepekhin in the Middle Volga region. Other works on the study of expeditions in space, the reconstruction of the routes of scientists are mostly not of a scientific nature. They are tourism products (tourist portals with interactive maps). The development of the geographic information system caused some difficulties associated with the localization of some settlements along the routes (for example, disappeared or renamed). This required additional work with sources. Thus, during the study, specific results were obtained (thematic geographic information system, a series of thematic maps), and a methodology was developed for the development of similar research products. Further work on the geographic information system involves placing it on a public online platform with the ability to display data on an interactive map. This can make the resource more accessible, more focused on a wide range of users. This will contribute to the development of research knowledge about the historical, cultural and scientific heritage of the region, both within it and beyond.
Keywords: geographic information systems, thematic mapping, historical and cultural heritage, scientific heritage, educational tourism, Altai Territory, Altai Republic

Acknowledgements: The study was funded by the grant of the President of the Russian Federation, No. MK-4173.2021.2.

For citation: Rygalova, M.V., Rygalov, E.V. (2025) Study and popularization of the routes of Altai explorers and travelers by means of geoinformation technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 146–151. doi: 10.17223/19988613/97/18

Введение

Сегодня в обществе актуализировался интерес к региональной идентичности. Кроме того, тенденции в области развития все более связаны с возможностями прикладного характера новых знаний. При этом каждая территория стремится не только сформировать свой облик внутри региона, но транслировать его вовне. Отсюда – развитие практического интереса к изучению региональной истории, связанное, прежде всего, с исследованием историко-культурного, научного, природного наследия, традиций [1. С. 243].

Такой практический интерес требует привлечения методов, позволяющих реализовать прикладную сторону исследования, например использования геоинформационных систем и технологий как для анализа данных, так и для представления результатов исследования. Геоинформационные системы представляют собой комплекс программных и аппаратных средств, позволяющих фиксировать, хранить, обрабатывать и представлять данные в виде картографических материалов. Геоинформационную систему составляют база данных и картографическая основа, что позволяет объединять картографические методы и методы информационных технологий, представляя, таким образом, информацию более наглядно, компактно и в систематизированном виде.

Алтайский край является уникальной территорией, которая в XVIII–XIX вв. привлекала внимание как государственных чиновников, так и российских и зарубежных исследователей. Территория края в этот период была частью Колывано-Воскресенского (с 1834 г. – Алтайского горного) округа, где А.Н. Демидов видел перспективы развития горной промышленности. В связи с развитием российской промышленности, активными военными действиями в XVIII в. государству необходимы были новые источники ресурсов. Правительство обращало внимание на малоосвоенные, незаселенные территории Российской империи, которые начинают активно исследоваться с целью анализа перспектив развития горнодобывающей промышленности. При поддержке властей А.Н. Демидов в 1725 г. начинает строительство завода на р. Локтевке. В то же время открыт Воскресенский медный рудник, в 1729 г. запущен Колывано-Воскресенский медеплавильный завод. Открываются другие месторождения, в результате чего А.Н. Демидов в 1739 г. предпринимает строительство еще одного завода на р. Барнаулке. Затем начинается череда открытия других заводов: 1763 г. – Павловский, 1774 г. – Алейский, 1783 г. – Локтевский, 1804 г. – Змеиногорский. Однако государство по-прежнему заинтересовано в развитии производственных мощностей, необходимости разведывательных экспедиций с целью поиска новых месторождений. Это и стало главной целью большинства экспедиций российских и зарубежных исследователей XVIII–XIX вв., которые направлялись государством. Второй весомой целью были обследование алтайских заводов, поиск возможностей по совершенствованию их работы.

Территории соседних регионов – Алтайского края и Республики Алтай – известны в Российской Федерации далеко за их пределами как привлекательные места отдыха. Причем край примечателен как родина известных в России деятелей (В.М. Шукшин, В.С. Золотухин, И.А. Пырьев, Р.И. Рождественский и др.), а республика славится природными достопримечательностями. Однако потенциал этих территорий гораздо шире, в этой связи актуализация историко-культурного и научного наследия может способствовать дополнительному интересу к ним [2]. Регион активно посещался на протяжении XVIII–XIX вв. ведущими отечественными и зарубежными исследователями-путешественниками с мировыми именами, которые внесли весомый вклад как в изучение, так и в популяризацию тогда еще малоизвестной в пределах страны и тем более за ее пределами территории.

Алтай изучали исследователи, чьи имена представляют собой мировое научное достояние (Ф. Миллер, П.С. Паллас, Ф. Геблер, А. Гумбольдт, К. Ледебур, П. Чихачев, А. Щуровский и др.). Большинство имен сегодня незаслуженно забыто, и связь их с территорией известна, пожалуй, лишь профессиональному научному сообществу. Однако вклад их в изучение региона, его популяризацию в общероссийском и мировом масштабе трудно переоценить. К тому же с точки зрения истории конкретного региона большой интерес вызывает роль выдающихся личностей в его развитии.

В этой связи актуальность исследования заключается в популяризации сведений об экспедициях на современную территорию Алтайского края и Республики Алтай исследователей и путешественников второй половины XVIII – XIX в., актуализации их наследия для научно-практических целей. В контексте возрастающего интереса к внутреннему туризму нам эта сфера представляется перспективной для реализации поставленной в исследовании цели.

Цель исследования – разработка геоинформационной системы «Маршруты исследователей и путешественников Алтайского края и Республики Алтай во второй половине XVIII – XIX в.» для последующего включения ее в сферу познавательного туризма и популяризации историко-краеведческих знаний. Геоинформационные технологии выбраны как инструмент исследования и представления результатов, что позволит отразить пространственный характер исследования.

Материалы и методы

Историко-культурное, научное наследие нуждается в популяризации не только среди научного сообщества, но и среди широкой общественности, поскольку представляет интерес, формирует самобытность региона в контексте других, способствует росту культурного уровня населения. Это заставляет задумываться о необходимости открытых, доступных ресурсов для аудитории. Такую возможность представляют методы геоинформационного картографирования исторических явлений, событий, фактов, которые позволяют как проводить собственно исследование, так и интерпретировать результаты, визуализировать их через карты, картосхемы.

Поскольку исследование непосредственно базируется на пространственно-временных данных, в качестве инструмента изучения и анализа данных выбраны геоинформационные системы с их функционалом, который позволит в наиболее доступной форме (в виде тематических карт) представить результаты. Наше исследование ориентировано на комплексность представления результатов и широкий охват аудитории, которой могут быть интересны его результаты. Геоинформационные технологии позволят представить их визуально, комплексно, системно в виде тематических карт, базы данных, собранных из разных источников и упорядоченных в соответствии с выбранной структурой базы. Таким образом, выбранный инструментарий подчеркивает междисциплинарный характер исследования.

Сегодня актуальным направлением стало и продолжает развиваться создание геоинформационных систем в туристической сфере, непосредственно в бизнесе (при разработке проектов перспективного планирования развития туризма в регионе, для эксплуатации туристских ресурсов и объектов туристской индустрии и пр.) или со стороны властей для популяризации региона [3]. Так, на протяжении нескольких лет развивается национальный туристический портал, на котором представлена информация по регионам и группам, а также наиболее интересные маршруты с их картографическим отображением [4]. Действуют порталы в Астрахани [5], Алтайском крае [6], Новосибирской области [7] и прочих регионах, где технические возможности позволяют просматривать на интерактивной карте объекты по интересующим категориям (музеи, археология, санатории, культурное наследие и пр.), а также краткую информацию о них. Большинство проектов не имеет отношения к научным изысканиям и результатам, они ориентированы на современные представления о туризме и лишь отчасти касаются вопросов, связанных с наследием регионов (при разработке маршрутов и экскурсий). Крупным научным проектом, который отразил природно-климатические и исторические особенности территории, является геоинформационная система «Телецкое озеро». Она состоит более чем из 10 тематических слоев, включающих природные объекты (озера, полезные ископаемые и пр.), туристическую инфраструктуру (турбазы), а также маршруты экскурсий, объекты (памятники археологии) [8].

Отдельно стоит отметить интерес к реконструкции маршрутов по местам известных путешественников. Прежде всего, инициативу в этом направлении развивает Русское географическое общество. Так, региональным отделением Башкирии организована экспедиция «По следам Палласа» [9], Алтайское региональное отделение реализовало проект «Серебряное ожерелье Алтая», поддержанный со стороны научного сообщества Алтайским государственным педагогическим университетом. Идея проекта заключается в актуализации научно-краеведческого наследия историка и краеведа А.Д. Сергеева и продолжении его исследовательской деятельности, а также повторении экспедиционных маршрутов, разработанных историком [10]. Отделением также организована экспедиция «Тропа Шангина» в честь краеведа, геолога, ботаника, создателя первого ботанического сада в Сибири П. Шангина. Он в 1785–1786 гг. организовал внутренние экспедиции по территории современных Алтайского края и Республики Алтай [11].

Маршруты также разрабатываются непосредственно туристическими компаниями, отдельными инициативными группами. Так, например, появилась экскурсия «По следам экспедиции Пржевальского» (по Башкирии) – конно-пешее путешествие, включающее стилизацию, костюмы [12], экскурсионно-исторические маршруты «По следам путешественника Гумбольдта», организованный туристическим клубом «Русский Алтай» [13], «По следам Ивана Ползунова» – двухдневный маршрут, разработанный группой исследователей АлтГТУ в 2013 г. [14].

В историографии, в свою очередь, имеется опыт картографирования маршрутов путешествий. Так, новосибирские исследователи создали геоинформационную систему по местам перемещений Л.Н. Толстого (Кавказ, Крым, Тульская губерния, Европа) [15]. Геоинформационные технологии задействованы в описании и визуализации путешествий П.С. Палласа и И.И. Лепехина по Среднему Поволжью в 1768–1769 гг. [16].

Объединение геоинформационных технологий, научной базы по историко-культурному и научному наследию и туристических маршрутов позволит популяризировать наследие региона в научном и туристическом контексте, сформировать информационный ресурс, наполненный данными о маршрутах исследователей-путешественников Алтая для дальнейшего его практического использования. Работа носит исследовательский характер, опирается на широкий круг источников. В этой связи можно говорить о потенциале включения ресурса в историко-краеведческие исследования, а практическая его значимость заключается непосредственно в ориентации на популяризацию наследия региона в контексте познавательного туризма. Следовательно, актуализация наследия осуществляется доступными инструментами в рамках междисциплинарного подхода. Отметим также перспективность и результативность применения геоинформационных технологий в изучении наследия и его популяризации в рамках познавательного туризма через создание визуальных продуктов, которые могут способствовать формированию интереса и познавательной активности к региональной истории [17. С. 125–129].

Результаты исследования

В процессе воплощения идеи проекта можно выделить два крупных самостоятельных этапа. Первый этап реализации проекта по созданию геоинформационных систем предполагает непосредственное создание системы, ее наполнение. Для этого потребовалось изучить большой объем источников (научные труды исследователей, материалы Государственного архива Алтайского края, научные работы о самих ученых-путешественниках, их деятельности). В результате анализа источников был определен круг персоналий для дальнейшей идентификации их деятельности, маршрутов. Всего отобрано около 50 ученых-путешественников.

Исходя из особенностей имеющихся данных и поставленной цели, в рамках нашего исследования информация в системе локализуется в точках (населенные пункты на пути следования), а также по линиям – маршруты путешествий. Дальнейшая работа предполагала выявление точек маршрута ученых, а также подробности всех перемещений. Это трудоемкий процесс, в ходе которого выявился ряд сложностей.

Поскольку картой-основой выбрана современная карта Алтайского края и Республики Алтай, при локализации объектов (населенных пунктов) часть из них отсутствует или имеет другие названия. Чтобы привести историческую и современную информацию в соответствие, были отобраны карты: Генеральная карта Томской губернии 1825 г. (издана в Санкт-Петербурге); Карта Томской губернии 1900 г., составленная в Томской губернской чертежной В.И. Анучиным; Почтовая карта Азиатской России. Сибирь, изданная в 1871 г. почтовым департаментом в Санкт-Петербурге картографическим заведением А. Ильина.

В настоящее время к завершающей стадии подходит первый этап работы по локализации маршрутов и внесению информации по их характеристикам.

Структура геоинформационной системы представлена следующими информационными блоками:

researcher (исследователь) – содержит имя ученого-исследователя;

travel route (маршрут) – включает подробную информацию о маршруте (основные пункты следования: населенные пункты, гидрографические объекты, горные вершины, хребты, шахты, заводы, отмеченные в путевых записках и на картах и схемах маршрутов);

period (период / даты) – даты проведения экспедиционных исследований по маршруту;

direction of research (направления исследования) – содержит информацию о тематическом характере исследований, которые проводились на маршруте (геологические, ботанические, археологические, комплексные);

reference (справочная информация) – краткое резюме по результатам исследования на маршруте.

В качестве картографической основы для локализации маршрутов и пунктов были определены топографические карты масштаба 1:200 000. Географическая (координатная) привязка растровых картографических изображений осуществлялась в программе MapInfo Professional с помощью встроенных инструментов регистрации изображения.

Векторная картографическая основа (населенные пункты, дорожная сеть, элементы рельефа и растительности) используется для разработки промежуточных и итоговых вариантов карт как по отдельным маршрутам, так и по всему комплексу маршрутов исследователей.

Локализация маршрутов исследователей-путешественников осуществлялась по линиям (транспортные пути – дороги и реки), точкам (населенные пункты) и площадным объектам (отдельные элементы рельефа: горные хребты, речные долины, урочища).

С целью географической достоверности маршруты располагались четко по описанным в материалах характеристикам их местоположения. Основные части некоторых маршрутов дублируются, так как большинство из них имеет общую отправную точку – Барнаул, путь большинства экспедиций лежал по основным транспортным путям, поэтому в окне карты в геоинформационной системе части маршрутов перекрывают друг друга, но, используя инструменты вызова полной информации, можно получить данные по всем веткам маршрутов.

Некоторые затруднения при идентификации точек маршрутов вызывали географические наименования. Описание маршрутов, как правило, привязано к конкретным географическим объектам: населенным пунктам, гидрографическим объектам (реки и озера), объектам рельефа (горные вершины, хребты, урочища и т.п.).

Некоторые точки и объекты интереса, лежащие на маршруте, впервые фиксировались исследователями и были известны лишь немногочисленному местному населению, а наименования их были известны локально и чаще на языке местных жителей. Позже многие названия трансформировались, и по этой причине восстановление маршрутов по описанным точкам в записках путешественников-исследователей является очень трудоемкой работой, а порой превращается в отдельное историческое исследование с привлечением как литературных, так и картографических архивных материалов.

Некоторые архивные карты не имеют полной географической основы и не позволяют точно восстановить маршруты, в том числе из-за своей схематичности, часть карт содержит лишь основные ветки маршрута, без радиальных выходов. В таких случаях на помощь приходят подробные описания и путевые заметки, но порой возникают трудности в восстановлении отдельных участков маршрутов, и тогда приходится подключать несколько информационных источников: в частности, при отсутствии подробного описания перемещений приходится основываться на рельефе местности и восстанавливать нитку маршрута, полагаясь на топографическую основу.

Второй этап работы предусматривает перенос геоинформационной системы на онлайн-платформу, создание веб-картографической системы. Открытый ресурс, доступный широкой аудитории, позволит популяризировать результаты исследования, применять их как в практической деятельности исследователями в области региональной истории, так и специалистами туристической отрасли как потенциальную платформу для разработки или дополнения туристических маршрутов по региону. В настоящее время изучаются и прорабатываются технические возможности использования платформ NextGIS и GeoMixer, определяется наиболее оптимальный и полнофункциональный вариант размещения.

Выводы

Информационное поле современного человека чрезвычайно насыщено потоками данных, но в этом пространстве трудно выделить главное и второстепенное. Возникает необходимость переработки и критического анализа различных источников, особенно сложно с этим справиться начинающим исследователям. В таком случае важны систематизация и структуризация информации.

В настоящей работе использованы современные подходы как к изучению истории освоения территорий, так и к представлению результатов такого изучения. Визуализация результатов в виде веб-картографического ресурса является наиболее оптимальным и понятным для современного пользователя продуктом. Разработанная геоинформационная система, а позднее и открытый общедоступный ресурс представит не только графический (картографический) формат данных (маршрутов передвижения, пунктов посещения), но и достаточно подробную характеристику открытий и достижений путешественников в виде справочной информации.

Все более популярной становится разработка туристических маршрутов по местам известных путешественников, но зачастую такая деятельность сводится лишь к повторению пути их следования, без тематического информационного сопровождения и подкрепления фактическими данными о территории, т.е. не подразумевает научной составляющей или учитывает ее лишь фрагментарно.

Информационное наполнение и сопровождение подобных маршрутов в научно-популярном формате позволяет сформировать для современных исследователей и путешественников более ценный продукт, предоставляет возможность популяризации знаний о наследии региона, побуждает интерес к историко-краеведческим знаниям, историко-культурному и научному наследию.

Проведенный комплекс работ по систематизации и визуализации сведений об истории изучения Алтайского края и Республики Алтай открывает новые возможности для исследователей, путешественников, туристов, учащихся, вносит значительный вклад в популяризацию знаний об освоении территории и ее историческом развитии.

Список источников

1. Юркина Н.Н. Значение краеведения и регионоведения для познания отечественной истории // Преподаватель XXI век. Исторические науки. 2018. № 3. С. 233–246.
2. Рыгалова М.В., Рыгалов Е.В. Возможности изучения туристического потенциала региона средствами ГИС-технологий // ИнтерКарто / ИнтерГИС. 2020. Вып. 26, ч. 3. С. 359–366. doi: 10.35595/2414-9179-2020-3-26-359-366
3. Барлиани И.Я. Использование геоинформационных систем в туристическом бизнесе // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2015. Т. 6, № 1. С. 103–107.
4. Россия : территория гостеприимства // Национальные проекты России : туризм и гостеприимство. URL: https://путешествуем.рф/
5. VizitAstra.ru : туристический портал Астраханской области. URL: https://vizitastra.ru/
6. Карта // ВизитАлтай : туристический портал Алтайского края. URL: https://visitaltai.info/map/
7. Интерактивная карта // Туристический портал Новосибирской области. URL: https://turizm.nso.ru/ru/content/interaktivnaya-turisticheskaya-karta
8. Ермакова Н.Н., Цхай А.А. ГИС «Телецкое озеро» // Ползуновский альманах. 2000. № 4. С. 99–102.
9. Снегоходная «По следам Палласа» // Русское географическое общество. Отделение в Республике Башкортостан. 2018. URL: https://www.rgo.ru/ru/article/snegohodnaya-ekspediciya-po-sledam-pallasa
10. Серебряное ожерелье Алтая // Русское географическое общество. Алтайское краевое отделение. 2020. URL: https://www.rgo.ru/ru/altayskoe-kraevoe-otdelenie/proekty/serebryanoe-ozherele-altaya
11. Тропа Шангина. Начало // Алтайское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». 2019. URL: https://rgo-altay.ru/www/tropa-shangina-nachalo/
12. По следам экспедиции Пржевальского : необычная экскурсия по Башкирии // Наш Урал и весь мир. 2018. URL: https://nashural.ru/tours/po-sledam-ekspeditsii-przhevalskogo-neobychnaya-ekskursiya-po-bashkirii/
13. Русско-немецкая экспедиция начала работать на территории Алтайского края // Вести Алтай. 2019. 3 июня. URL: https://vestialtai.ru/news/russko-nemeckaya-ekspediciya-nachala-rabotat-na-territorii-altayskogo-kraya/

14. Турмаршрут, посвященный создателю парового двигателя, создан на Алтае // РИА Новости. 2013. 2 апр. URL: https://ria.ru/20130402/930615801.html
15. Голомолзин В.В., Иванов Н.А., Катионов О.Н., Палишева Н.В. Геоинформационные системы как метод биографических исследований (на примере изучения путешествий Л.Н. Толстого) // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск : НГПУ, 2015. С. 621–628.
16. Ивлиева Н.Г., Манухов В.Ф. Об опыте картографирования маршрутов путешествий П.С. Палласа и И.И. Лепехина по Среднему Поволжью с использованием ГИС-технологий // ИнтерКарто / ИнтерГИС. 2016. Т. 22, № 1. С. 362–369.
17. Корниенко С.И., Круглова А.С., Пьянков С.В. Историко-культурное наследие Пермского края: сохранение, визуализация и изучение средствами ГИС-технологий // ИнтерКарто / ИнтерГИС. 2015. Т. 21. С. 124–132. doi: 10.24057/2414-9179-2015-1-21-124-132

References

1. Yurkina, N.N. (2018) Znachenie kraevedeniya i regionovedeniya dlya poznaniya otechestvennoy istorii [The Importance of Local History and Regional Studies for Understanding National History]. *Prepodavatel' XXI vek. Istoricheskie nauki*. 3. pp. 233–246.
2. Rygalova, M.V. & Rygalov, E.V. (2020) Vozmozhnosti izucheniya turisticheskogo potentsiala regiona sredstvami GIS-tekhnologiy [Opportunities for Studying the Tourist Potential of a Region Using GIS Technologies]. *InterKarto / InterGIS*. 26(3). pp. 359–366. DOI: 10.35595/2414-9179-2020-3-26-359-366
3. Barliani, I.Ya. (2015) Ispol'zovanie geoinformatsionnykh sistem v turisticheskom biznese [The Use of Geographic Information Systems in the Tourism Business]. *Interekspo GEO-Sibir'*. 6(1). pp. 103–107.
4. National Projects of Russia: Tourism and Hospitality. (n.d.) *Rossiya: territoriya gostepriimstva* [Russia: Territory of Hospitality]. [Online] Available from: https://puteshestvuem.rf/
5. *VizitAstra.ru: Tourist Portal of the Astrakhan Region*. [Online] Available from: https://vizitastra.ru/
6. *VizitAstra.ru: Tourist Portal of the Astrakhan Region*. (n.d.) Karta [Map]. [Online] Available from: https://visitaltai.info/map/
7. *Tourist Portal of the Novosibirsk Region*. [Online] Available from: https://turizm.nso.ru/ru/content/interaktivnaya-turisticheskaya-karta
8. Ermakova, N.N. & Tskhay, A.A. (2000) GIS "Teletskoe ozero" [GIS "Lake Teletskoye"]. *Polzunovskiy al'manakh.* 4. pp. 99–102.
9. Russian Geographical Society. Branch in the Republic of Bashkortostan. (2018) *Snegokhodnaya "Po sledam Pallasa"* [Snowmobile Expedition "In the Footsteps of Pallas"]. [Online] Available from: https://www.rgo.ru/ru/article/snegohodnaya-ekspediciya-po-sledam-pallasa
10. Russian Geographical Society. Altai Regional Branch. (2020) *Serebryanoe ozherel'e Altaya* [The Silver Necklace of Altai]. [Online] Available from: https://www.rgo.ru/ru/altayskoe-kraevoe-otdelenie/proekty/serebryanoe-ozherele-altaya
11. Altai Regional Branch of the All-Russian Public Organization "Russian Geographical Society." (2019) *Tropa Shangina. Nachalo* [The Shangin Trail. The Beginning]. [Online] Available from: https://rgo-altay.ru/www/tropa-shangina-nachalo/
12. Anon. (2018) *Po sledam ekspeditsii Przheval'skogo: neobychnaya ekskursiya po Bashkirii* [In the Footsteps of Przhevalsky's Expedition: An Unusual Tour of Bashkiria]. [Online] Available from: https://nashural.ru/tours/po-sledam-ekspeditsii-przhevalskogo-neobychnaya-ekskursiya-po-bashkirii/
13. *Vesti Altay*. (2019) Russko-nemetskaya ekspeditsiya nachala rabotat' na territorii Altayskogo kraya [Russian-German Expedition Begins Work in the Altai Krai]. 3rd June. [Online] Available from: https://vestialtai.ru/news/russko-nemeckaya-ekspediciya-nachala-rabotat-na-territorii-altayskogo-kraya/
14. *RIA Novosti*. (2013) Turmarshrut, posvyashchennyy sozdatelyu parovogo dvigatelya, sozdan na Altae [Tourist Route Dedicated to the Creator of the Steam Engine Created in Altai]. 2nd April. [Online] Available from: https://ria.ru/20130402/930615801.html
15. Golomolzin, V.V., Ivanov, N.A., Kationov, O.N. & Palisheva, N.V. (2015) Geoinformatsionnye sistemy kak metod biograficheskikh issledovaniy (na primere izucheniya puteshestviy L.N. Tolstogo) [Geographic Information Systems as a Method for Biographical Research (Using the Study of L.N. Tolstoy's Travels as an Example)]. In: *Russkiy travelog XVIII – XX vekov* [Russian Travelogoe of the 18th – 20th century]. Novosibirsk: NGPU. pp. 621–628.
16. Ivlieva, N.G. & Manukhov, V.F. (2016) Ob opyte kartografirovaniya marshrutov puteshestviy P.S. Pallasa i I.I. Lepekhina po Srednemu Povolzh'yu s ispol'zovaniem GIS-tekhnologiy [On Mapping the Travel Routes of P.S. Pallas and I.I. Lepekhin in the Middle Volga Region Using GIS Technologies]. *InterKarto / InterGIS*. 22(1). pp. 362–369.
17. Kornienko, S.I., Kruglova, A.S. & Pyankov, S.V. (2015) Istoriko-kul'turnoe nasledie Permskogo kraya: sokhranenie, vizualizatsiya i izuchenie sred-stvami GIS-tekhnologiy [Historical and Cultural Heritage of the Perm Krai: Preservation, Visualization and Study Using GIS Technologies]. *InterKarto / InterGIS*. 21. pp. 124–132. DOI: 10.24057/2414-9179-2015-1-21-124-132

***Сведения об авторах*:**
Рыгалова Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru
Рыгалов Евгений Владимирович – старший преподаватель кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: rugalov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Rygalova Maria V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru
Rygalov Evgeny V. – senior lecturer at the Department of Economic Geography and Cartography, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: rugalov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 10.06.2022; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/97/19

К вопросу о значениях слова «правда» в Древней Руси

Николай Александрович Шавеко

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, shavekonikolai@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются значения слова «правда» в древнерусских источниках. В полемике с другими авторами высказывается позиция относительно перечня данных значений, в частности ставятся под сомнение такие значения слова «правда», как «чей-либо интерес», «оправдательный приговор суда», предлагается выделить особое значение правды как «личного убеждения человека». Рассматриваются значения некоторых слов, которые выступали в Древней Руси синонимами слова «правда» или производными от него. Делается вывод, что некоторые из значений слова «правда» обозначают не должное (императивное), а сущее (прескриптивное), хотя понимание правды как должного все же первично.
Ключевые слова: правда, Древняя Русь, справедливость

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Для цитирования: Шавеко Н.А. К вопросу о значениях слова «правда» в Древней Руси // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 152–158. doi: 10.17223/19988613/97/19

Original article

On the question of the meaning of the word “Pravda” in Ancient Russia

Nikolai A. Shaveko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, shavekonikolai@gmail.com

Abstract. The article deals with the meanings of the word "pravda" in ancient Russian sources (till 17th century). Almost all the main written sources of Ancient Russia were subjected to linguistic analysis.
In polemics with other authors, the author of the article expresses his own position regarding the list of these meanings. In particular, such meanings of the word pravda as "someone's interest", "an acquittal of the court" are called into question. It is also proposed to consider such meanings of pravda as "the right of someone to power" or "the right of someone to judge" as a part of the more general meaning "a person’s right". It is proposed to highlight the special meaning of pravda as "investigation of the case", and in addition, to highlight the special meaning of pravda as a «personal conviction». It is shown that the meaning of pravda as truth was established only by the 16th century (in letters of Ivan the Terrible).
It also considers the meaning of some words that were synonymous with pravda in Ancient Russia, as well as the words derived from "pravda": law, right, truth. It is argued that synonyms of "pravda" have a whole palette of meanings, for example, the word "istina" was understood both as a statement of reality (truth), and as something genuine, eternal and unchanging in the sense of a moral ideal. Similarly, the word "pravo" meant both the truth and justice of something.
It is concluded that the following should be mentioned as the main meanings of the word " pravda": pravda as truth or honesty, as the justice of actions or a person, as a set of legal norms (law), as a right (especially the right to execute power or the right to judge), as a conviction (point of view), statement (version of events), as a judicial inquiry and an oath (by one's God) or an agreement (promise), and finally as testimony (of any person who has seen or heard anything relevant to the case, including the parties themselves).
It is emphasized that not in all cases the meaning of the word " pravda" can be unambiguously determined: there is simply not enough contextual information for this. In this regard, it is proposed not to produce new meanings without necessity ("Occam's razor"). The same applies to words that have the same root as the word "truth".
In conclusion, it is argued that some of the meanings of the word "pravda" do not denote any ideal (of truth or justice), but a direct fact of social life, that is, not prescriptive ones, but descriptive ones (for example, pravda as a law, or pravda as a contract), although understanding pravda in prescriptive way is still primary. It is noted that for the ancient Russian man, “pravda” means the only correct ontological order of being and human relations, that is, the prescriptive and the descriptive meanings are connected.
Finally, it is substantiated that over time, ideas about the due conduct began to be expressed through the word "justice", but in the period under review this word was almost not used.
Keywords: truth, justice, Ancient Rus, Pravda

© Н.А. Шавеко, 2025

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Shaveko, N.A. (2025) On the question of the meaning of the word “pravda” in Ancient Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 152–158. doi: 10.17223/19988613/97/19

Идея правды является одной из центральных и самых древних в составе русской ментальности. Но какое значение вкладывалось в это слово изначально, и какие смыслы оно выражало в письменных источниках Древней Руси? Данному вопросу и будет посвящена настоящая статья. При этом сразу оговоримся, что под Древней Русью мы будем понимать всю допетровскую Русь и исследовать только значения слова «правда», а не содержание тех идеалов, которые через данное слово выражались.

Итак, уже самые ранние древнерусские письменные источники показывают, что слово «правда» в Древней Руси было чрезвычайно многозначным. И все же два значения указанного слова наиболее ясны и очевидны, поэтому их обычно выделяют в качестве основных: это значения истины и справедливости. В объединении этих значений в одном слове заключается своеобразное очарование слова «правда». Широко известен пассаж Н.К. Михайловского: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово “правда”, я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотою. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [1. С. V]. Таким образом, слово «правда» и его синонимы уже со времен Киевской Руси могли означать или некий идеал человеческого поведения и регулирующих его норм (справедливость), или высказывание, соответствующее действительности (истина). В древнерусских текстах правду можно и говорить, и предписывать, она противопоставляется в них и лукавству (лжи), и неупорядоченности, и насильственному установлению, равно как и злу в целом, но ее всегда любят, с ней дружат, ей радуются.

Вместе с тем данными значениями термин «правда» не исчерпывается. Так, например, В.В. Колесов пишет: «В ранних древнерусских текстах слово правда представлено в значениях ‘правило, свод законов’ (1016), ‘праведные деяния’ (1057), ‘справедливость’ (1076), ‘правдивость, честность’ (1159), и собственно русские значения, метонимически вытекающие из переведенных прежде греческих значений, ‘условия договора’ (1199), ‘судебное испытание’ (XII в.), ‘право, права’ (1229), ‘право суда’ (1452), ‘свидетель’ (1589)» [2. С. 12]. По утверждению же В.А. Томсинова, письменные памятники Древней Руси показывают, что слово «правда» имело по меньшей мере десять различных смыслов в области правовой культуры: 1) судебный порядок разрешения споров; 2) оправдательный приговор суда; 3) субъективное право лица; 4) право кого-либо на власть; 5) чей-либо интерес; 6) присяга или клятва; 7) договор; 8) правота кого-либо или какого-либо дела; 9) справедливость; 10) свод правовых норм [3. С. 88–94].

Следует согласиться с упомянутыми авторами в том, что слово «правда» действительно имело в Древней Руси множество значений. И все же представляется необходимым отметить, что в ряде случае не так просто установить, какое именно значение использовал летописец в том или ином отрывке летописи, поэтому приводимые ученым примеры не всегда убедительны. Например, когда в летописях при описании событий 1176 г. говорится о том, что бояре хотели «свою правду поставити», может иметься в виду не интерес бояр как таковой, а свод правовых норм, поддерживаемых боярами, либо же власть бояр как таковая, в связи с чем значение № 5, предложенное В.А. Томсиновым, выглядит сомнительно. Не до конца убедительно и значение № 2, которое данный автор выводит на основе толкования лишь одного примера, а именно выражения «в правде и в вине» Никоновской летописи за 1385 г. как соответственно оправдательного и обвинительного приговор суда.

Что касается значения № 4, в пример которого В.А. Томсинов приводит выражение «правда на свою вотчину» в Архангелогородском летописце 1447 г., то указанное значение может рассматриваться лишь как частный случай приведенного данным же автором значения № 3. Сюда же можно отнести выделяемое в Словаре русского языка XI–XVII вв. значение правды как «права суда», «права на осуществление судебной власти» [4. С. 99], на которое ссылается В.В. Колесов. И даже значение № 1 у В.А. Томсинова имеет коннотацию, связанную с судебной властью: правда как суд означает не какой-либо, а именно княжеский (или иной уполномоченный) суд. В ст. 56 Русской Правды (пространной редакции) слово «правда» употреблено в значении именно княжеского правосудия [5. С. 506]. В этом смысле «правда», не воплощающая справедливость, может противопоставляться чему-то более возвышенному. Так, например, поэт XVII в. Михаил Татищев писал про тех представителей власти, кто осуждает невиновных и умышляет зло: «…в них же правда в слово истинное не обретается» [6. С. 112].

Если в приведенных случаях В.А. Томсинов, возможно, преумножил возможные значения слова «правда», то другие значения он не упомянул (например, у того же В.В. Колесова встречаются значения «правдивости» и «свидетеля»). Впрочем, он и сам признает, что названными им значениями термин «правда» не исчерпывается. Достаточно сказать, что Словарь русского языка XI–XVII вв., на который он ссылается, содержит аж 17 значений слова «правда». Отметим некоторые из них.

Итак, В.А. Томсинов, занятый узкой сферой вопросов, связанных с правовой культурой Древней Руси, не упоминает, в частности, значения правды как истины (соответствия действительности) и правды как честности [4. С. 96–97]. Вместе с тем указанные значения

появились не сразу. Р.М. Цейтлин, в частности, проанализировала 11 старославянских (древнеболгарских) рукописей и установила, что существительное «правда» употребляется в них суммарно около 200 раз в значениях «справедливость», и лишь в трех контекстах можно было предположить значение «истина», хотя содержание допускает толкование «по правде, по справедливости», т.е. речь идет, скорее, об окказионализмах-неологизмах в старославянском языке [7. С. 62]. О том, что значение правды как истины появилось не сразу, пишет и В.В. Колесов [2. С. 13]. Несмотря на это, ко времени составления первых древнерусских письменных памятников слово «правда», очевидно, уже употреблялось в значении честности (например, в выражении «глаголати правду», которое встречается в Повести временных лет [8. С. 180], Сказании о Борисе и Глебе [9. С. 344], сочинениях Кирилла Туровского [10. С. 49]). В то же время в ранних источниках не так просто найти пример, когда слово «правда» использовалось исключительно в значении соответствия фактам окружающего мира, в частности фактам неодушевленной природы, безотносительно к честности того или иного высказывания (т.е. в значении истины как логико-философской категории). В подобных случаях в Повести временных лет используется однокоренное слово «право» («То вамъ право молвять бозѣ ваши»; «Еда се право будеть или лжа, не *вѣдѣ*»; «Да аще есть молвилъ право Давыдъ, да прииметь Василко казнь», «сердце ихъ не б*ѣ* право съ иимъ») либо непосредственно слово «истина». Лишь в XVI в. в Никоновскую летопись включается употребление правды как истины («князь Андрій лгалъ, а князь Борисъ сказывалъ правду» [11. С. 78–79]), а Иван Грозный использует выражение «писать правду» в значении «писать то, что соответствует действительности» в Послании шведскому королю Юхану III 1573 г. («мы к тебѣ не лаю писали, правду», «ты самъ о томъ правду написалъ», «то такъ дѣлалось, ты о томъ писалъ правду намъ» [12]) и в Послании польскому королю Стефану Баторию 1581 г. («коли бы то правда была, ино бы одно слово было, а то розными словы ухищряючи говорили и писали» [13]). Вместе с тем «честность» и «истина» – значения практически идентичные, разграничить их иногда непросто, поэтому в любом случае представляется явно необоснованным тезис Н. Печерской, согласно которому «до XVII в. значение слов с корнем “-прав-” как репрезентации окружающего мира, характерное для современного их понимания, полностью отсутствует» [14. С. 23].

Более интересно иногда встречающееся в древнерусских текстах и также не отмеченное В.А. Томсиновым понимание «правды» как свидетеля или данных под присягой показаний [15. С. 242]. Имеется в виду, как правило, не свидетель как участник судебного процесса (послух или видок), а вообще лицо, способное давать показания по существу дела под присягой, обычно – сторона по делу (к «правде» в этом смысле прибегают как раз тогда, когда свидетелей по делу не имеется). Такое значение присутствует практически во всех наиболее известных правовых памятниках рассматриваемого периода, начиная от Русской Правды и заканчивая Соборным уложением [5, 16–18]. Отсюда его производные с родственными значениями: «правати» – присягать / клясться, «правдати» – свидетельствовать [4. С. 96, 99].

Мы полагаем, что названные правовые памятники используют слово «правда» не только в значении собственно «свидетеля» (т.е. предоставляющего сведения лица), его объяснений и клятвы, но и в сходном значении «расследования дела». Так, например, Русская Правда говорит о «правде железа», т.е. установлении обстоятельств дела с помощью специальной процедуры испытания железом. Многие более поздние правовые памятники обращаются к термину «правда» в схожих контекстах, позволяющих трактовать правду не только как «показания под присягой», но и как «производство дознания». Значения «правды» как «свидетельских показаний» и как «расследования дела» весьма близки, но все же различны. В последнем случае значение «правды» уточняет вышеприведенное значение № 1 («правда» как судебный порядок разрешения споров).

Что касается значения № 8 у В.А. Томсинова, то мы полагаем, что его можно было выразить точнее. Правду в древнерусских текстах не только любят, на нее еще и надеются, в нее верят, что означает: у каждого из героев летописей своя правда, и они пытаются ее отстоять, ею оправдаться. В этом случае правда вообще понимается как *личное убеждение человека*, могущее оказаться правильным или неправильным, которое подвергается проверке и испытанию. Например, в Повести временных лет читаем такую фразу: «Олегъ же надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ в сѣмъ» [8. С. 266]. То есть у Олега Святославича было собственное убеждение (а именно, что Муром является его уделом, незаконно захваченным Изяславом Владимировичем), и это убеждение, по мнению летописца, было правильным, в отличие от «правды» его врагов. Другой летописный пример: спор двух князей – Олега Мстиславича и Святослава Липецкого – о том, как действовать против монголов. В этом споре каждый из них апеллировал к правде (первый выступал за осторожную и совместную политику, второй – за правомерность любой атаки против врага), но взаимопонимания они так и не достигли [19. С. 178]. Ряд примеров дает нам более поздний источник – Казанскую историю. Так, царь Улу-Ахмет не испугался вышедших против него московских воинов, но понадеялся на Бога и «правду свою» и в результате одержал победу [20. С. 274], аналогично царь Шигалей не испугался того, что был оклеветан недругами перед московским царем, «надѣяся на Бога жива и на безмѣрную правду свою» [20. С. 380]. Случаев, когда русские князья принимали ответственные решения, «надеясь на Бога и на свою правду», в летописях имеется множество. Иными словами, правители считали свою позицию правильной и потому надеялись на помощь Бога. «Правда» при таком подходе может быть «своей» и «чужой», но она не тождественна простому интересу. В судебном разбирательстве каждая из сторон доказывает свою правду. Повесть временных лет содержит текст договора князя Олега с греками 912 г., согласно которому тот, кто будет препятствовать поиску украденного челядина, «погубит правду свою» [8. С. 188] (т.е. не сможет доказать свою право-

ту и свою версию событий). У Бога в этом смысле тоже «своя правда», противопоставленная иным возможным правдам, пусть и неправильным. Еще один яркий пример – послание Кирилла Белозерского Василию Дмитриевичу, где под правдой вновь понимается точка зрения, претендующая на правоту: «Да слышал есми, господине князь великий, что смущение велико межу тобою и сродники твои, княжми Суждалскими: ты, господине, свою правду сказываешъ, а они свою. А в том, господине, меж васъ християном кровопролитие велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно: в чем будет их правда пред тобою, и ты, господине, смирением своимъ поступи на себе. А в чемъ будет твоя правда пред ними, и ты, господине, за собя стой по правдѣ» [21. С. 426–428]. Таким образом, мы видим, что здесь имеется в виду правда-убеждение, и она может быть как истинной, так и неистинной. Это понимание отчасти сродни «правде» в значении свидетельских показаний. Таких правд много, а истина одна. Много «правд» и в значении свода правовых норм, или же определенного правопорядка. Например, осуждая самоуправство князя Андрея Шуйского и его сторонников в отношении бояр и митрополита, Иван Грозный в первом послании к А.М. Курбскому восклицает: «Вся вселенная подсмеетъ, видя такую правду!» Иными словами, правда может быть той или иной, правильной и неправильной правдой.

Нельзя не отметить и значение «правды» как добродетели. Еще в Изборнике 1073 г. правда названа одним из свойств («имений») души, среди которых «цѣломудрьство, доблесть, мудрость, правьда» [22. С. 154]. И впоследствии эти четыре добродетели приводятся русскими летописцами, как правило, по отношению к царям и правителям [11. С. 197; 23. С. 36].

Итак, в качестве основных значений слова «правда», с нашей точки зрения, выделяются следующие: правда как истина или честность, как справедливость действий или человека, как свод правовых норм (закон), как субъективное право (в том числе право на власть, право вершить суд), как убеждение (позиция) или утверждение (версия событий), как судебное расследование, клятва (причем всегда «по своей вере», т.е. своим Богом) или договор (обещание, причем опять же «на кресте»), свидетельские показания (имеются в виду показания любого лица, которое видело или слышало что-либо, имеющее значение по делу, в том числе стороны по делу). Но следует еще раз подчеркнуть, что *не во всех случаях значение слова «правда» можно однозначно определить: для этого попросту не хватает контекстуальной информации*. Так и С.Г. Воркачев, исследующий уже в том числе и современную русскую лингвокультуру, выявляет нераздельность в большинстве случаев этического и гносеологического значений правды [24]. В других случаях значение «правды» очевидно, например когда говорится, что «сильные пишут правду» (Повесть временных лет), очевидно, под правдой понимается нормативное предписание власти, а когда употребляется выражение «закон правды» (перевод Толкового Апостола), то под правдой имеется в виду справедливость, если же мы встречаем выражение «истинная правда» (например, в Житии Марии Египетской), то обнаруживаем устойчивое выражение, в котором правда и означает истину.

Конечно, древнерусские авторы использовали и многочисленные синонимы слова «правда», например «истина», «право» и «закон». Соотношение значений этих слов не всегда одинаково: порой эти значения перекликаются, а порой даже противопоставляются. Зачастую синонимы «правды» имеют целую палитру значений, например слово «истина» понималось и как соответствие утверждения действительности, и как нечто подлинное, вечное и неизменное в смысле нравственного идеала [25. С. 547, 549; 26. С. 325; 27; 28. С. 161; 29. С. 48, 191–192], аналогично слово «право» означало и истинность, и справедливость чего-либо [4. С. 115–116].

Из многозначности слова «правда» возникает и многозначность однокоренных слов (правдьиво, праведно, оправдаться, неправда, вправду, правдовати, правати, правдати, правѣ, праведливо, править, правеж, правило и т.п.). Чрезвычайно многозначным на Руси, например, было слово «правило»: им обозначалась уйма самых различных технических приспособлений, необходимых, чтобы сделать что-либо правильно или выправить что-либо (руль, снасть для управления парусом, брусок на ткацком станке для подъема ниток, строительное приспособления для кладки, приспособление для растягивания полотнища), и наравне с этим – церковный канон, установленное богослужение, свод норм [4. С. 106–107]. Зачастую, исходя из контекста, нельзя определить, какое именно значение вкладывали авторы в слова, однокоренные с «правдой»: в сущности, подходит несколько вышеперечисленных значений сразу. В целом, как показывают лингвистические исследования, «правое» в славянских сказках, былинах, приметах, пословицах и поговорках ассоциируется с жизнью, счастьем, удачей, высшим, главным или мужским, тогда как его противоположности («левое», «кривда» и т.п.) – со смертью, несчастьем, неудачей, низшим, подчиненным или женским [30. С. 91–98]. Корень «-прав-» часто связан с выправлением, наведением порядка. Любопытно в этом отношении слово «править», сохранившее свои значения до наших дней: это не только властвовать, но и исправлять. Так же и древнерусское «правеж»: это и выбивание долгов, и выправление. Р.М. Цейтлин установила, что в 17 старославянских рукописях встречается 43 слова с корнем «-прав-», первичными значениями которых являются: «прямой, ровный» и «устремленный прямо, вперед». В последующем эти значения развиваются по пяти семантическим линиям: 1) прямой / ровный, выпрямить / разровнять; 2) направить по прямому / правильному пути; наставник / руководитель; 3) правильный / справедливый; 4) закон / правило (также правильные и справедливые); 5) православный.

Вновь обозревая все вышеперечисленные значения слова «правда», хотелось бы обратить особое внимание, что некоторые из них обозначают не какой-либо идеал (истины или справедливости), а непосредственный факт социальной жизни, т.е. не должное, а сущее (например, правда как закон или правда как договор). Это чрезвычайно интересно, поскольку одно и то же слово имело и дескриптивное (описательное, индикативное), и прескриптивное (предписывающее, импера-

тивное) значение. Оно обозначало и сам идеал (причем справедливость означала как объективный идеал действий, так и субъективный идеал человеческой добродетели [30. С. 96]), и фактический результат, который получился в результате (предполагаемого) стремления к идеалу. Вместе с тем Р.М. Цейтлин показала, что первоначально все слова с корнем «-прав-» имели безусловно положительное значение. Иными словами, «правда» – не просто закон, но правильный / справедливый закон, «править» – не просто властвовать, а властвовать правильно / справедливо, реализовывать правила (т.е. правильные действия) и исправлять ошибки (отклонения от правил), «правосудие» – не судопроизводство вообще, а только справедливое. Поэтому прескриптивное значение является первичным, а дескриптивное появилось лишь позднее [28. С. 63–64].

Исследователи отмечают, что у древнерусского человека под «правдой» подразумевается некий единственно правильный онтологический порядок бытия и человеческих отношений. «Подобно справедливости “правда” является имманентно присущей объективному миру и одновременно имеет признаки внешней трансцендентной силы. Возможна даже более радикальная трактовка, в которой “правда” предстает как высшее трансцендентное явление, как всеобщий закон бытия или Логос» [31. С. 43]. И одновременно: «Долго удерживался взгляд, согласно которому любое преступление является по идее преступлением против вселенской гармонии или равновесия, нарушающим не только социальный порядок, но затрагивающим и сферу природы» [33. С. 22]. В мифологической мировоззренческой парадигме, в рамках которой и происходила первичная концептуализация понятия правды, «закон, положенный человеку извне» есть не что иное, как само устройство мироздания, как «то, что подлинно (истинно) есть» [34. С. 26]. Следовательно, с самого начала отсылка к правде – это отсылка не столько к закону как правовому установлению или истине как объективным фактам, сколько к «подлинно» сущему и к тем нормам поведения, которые оно задает. По мнению В.В. Колесова, «актуальный смысл концепта “правда” в Древней Руси был таков: ‘справедливость законного суда, правота правосудия’» [2. С. 12].

Но что насчет слова, более соответствующего прескриптивному направлению, а именно слова «справедливость»? В научной литературе указывается, что слово «справедливость» появляется в лексическом составе русского языка не ранее XV в. По всей видимости, несмотря на умножение значений слово «правда», до этого на Руси еще не было потребности в выделении отдельного понятия «справедливости» [14. С. 20–21]. Ученые сходятся во мнении о недревнерусском происхождении слова «справедливость». Вероятно, оно было заимствовано из чешского или польского языка [14. С. 24]. Слова «справедливость» и «справедливо» нередко в своих произведениях использует Максим Грек (начало XVI в.), но это все же иностранец, который русский язык выучил не сразу. Только в конце XV – начале XVI в. слово «справедливость» появляется в дипломатической переписке Московского и Польско-Литовского государств [35], однако, по резонному замечанию Н. Печерской в такого рода источниках могут использоваться слова сугубо иностранные, еще не ассимилированные в русском языке. К этому же времени относятся и слова Ивана Грозного: «Мы же ся о том добре дивуем и жалуем о твоих сединах, як же еси в таковых сединах таковому лотровскому обычею вдался еси, еже нам не годитца таковым неподобным обычаем государем своим служити, но и *справедливою правостью* (курсив наш. – *Н.Ш.*) государем заслуговати, а то есть неподобных людей и лотров обычей, что язык свой на укоризну обращати» [36. С. 275]. Опять же, речь идет об употреблении слова «справедливый» главой государства, а не простым обывателем, да еще и в сочетании со словом «правость». Наконец, необходимо отметить переводное произведение «Тайная тайных», в котором слово «справедливость» встречается многократно: считается, что перевод сделан в конце XV – начале XVI в.; так или иначе к середине XVI в. он существовал. Вместе с тем и здесь необходимо обратить внимание на переводной характер текста, причем переводчик не вполне владел русским языком. Таким образом, приведенные случаи употребления слов «справедливость» и «справедливый» не свидетельствуют о том, что оно укрепилось в разговорном общении уже в XV–XVI вв. В XVI–XVII вв. зафиксировано употребление переходных вариантов «праведливость» и «праведливый» [4. С. 102]. Лишь в конце XVII в. встречаются единичные употребления слова «справедливо» в переводах с польского и других языков. До XVIII в., следовательно, слово «справедливость», однокоренные с ним и производные от него слова не были широко распространены, но и тогда, согласно исследованию Н. Печерской, «справедливость» употребляется больше в значении «истины», и лишь идеи Просвещения, а также кризис государственно-правового устройства XIX в. повлияли на становление современного значения этого слова (очень мало связанного с истиной, а использующегося в основном в социально-философских дебатах) [14. С. 28–32].

Таким образом, правда и справедливость – не противоречащие друг другу понятия. В целом они имеют одно и то же значение, но употреблялись в разные эпохи. Как пишет В.В. Колесов, правда – это основная категория славянской этики и форма выражения справедливости: «Правда – цельное и целостное проявление идеала, дается благодатью и совершается с любовью; главная форма выражения справедливости, правда является основной категорией славянской этики, идеально Божья правда – бытие, а не быт, – мечта, всегда представленная в законченном виде. Это добро, в оттенках представленное как проявление разума (правда-истина), духа (правда-справедливость) и воли (правда-мощь) в качестве единящей нравственной силы (правда-камень). Правда представляется силой, противопоставленной лжи как правое (прямое и ровное, т.е. сущее), кривде (греху) как праведное (по существу), а истине как правильное (по сути), духовно предполагается в будущем, хотя вообще существует в координатах времени (бороться за правду) и пространства (ходить за правдой)» [2. С. 15]. И хотя не все положения этого лаконичного вывода представляются нам

одинаково обоснованными (так, дискуссионным является соотношение правды и истины, дополнительных пояснений требует упоминание «правды-мощи» и «правды-камня»), в целом он успешно передает основные аспекты значения правды как социально-правового и религиозно-нравственного идеала.

Список источников

1. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. 5-е изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. 970 стб.
2. Колесов В.В. Русская правда. // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 9–15.
3. Томсинов В.А. Термин «правда» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. М. : Наука, 1992. Вып. 18. 288 с.
5. Русская Правда (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 4. С. 496–517.
6. Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / сост., подг. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М. : Сов. Россия, 1989. 480 с.
7. Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-» // Этимология / отв. ред. О.Н. Трубачев. М. : Наука, 1978. С. 59–64.
8. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. С. 62–315.
9. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. С. 328–351.
10. Калайдович К. Памятники российской словесности XII века. Творения Кирилла, епископа Туровского. М. : Тип. С. Селивановскаго, 1821. 304 с.
11. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова 1904. Т. 13, 1-я пол. 302 с.
12. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года // Послания Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 2001. Т. 11. С. 116–135.
13. Послание польскому королю Стефану Баторию 1581 года // Послания Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 2001. Т. 11. 170–205.
14. Печерская Н. Справедливость: между правдой и истиной (история формирования концепта в русской культуре) // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н.С. Плотникова. М. : Ключ-С, 2011. С. 15–48.
15. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка : современное написание. М. : АСТ и др., 2006. 352 с.
16. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. А.Д. Горский. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.
17. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. : по списку собрания Ф.Ф. Мазурина. М. : Изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве М-ва иностр. дел, 1900. 56 с.
18. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
19. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1856. Т. 7. 345 с.
20. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 2000. Т. 10. С. 252–509.
21. Три послания и Духовная грамота Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1999. Т. 6. С. 424–439.
22. Из Изборника 1073 года // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1999. Т. 2. С. 136–167.
23. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. 9. 256 с.
24. Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. М. : Флинта, 2015. 192 с.
25. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской литературы, 1999. 896 с.
26. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской литературы, 1997. 824 с.
27. Топоров В.Н. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1958. Вып. 25. С. 74–87.
28. Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М. : Наука, 1996. 232 с.
29. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с.
30. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. М. : Наука, 1965. 246 с.
31. Черников М.В. Философия правды в русской культуре : автореф. дис. … д-р филос. наук. Воронеж, 2002. 44 с.
32. Черных С.Н. Справедливость и правда в аспекте древнерусского мировоззрения // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. № 10. С. 43–46.
33. Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. : Наука, 1981. С. 10–31.
34. Черников М.В. Философия Правды в русской культуре : дис. … д-ра филос. наук : 24.00.01. Воронеж, 2002. 336 с.
35. Грузберг А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII века. Пермь : Перм. гос. пед. ин-т, 1974. 462 с.
36. Послания Ивана Грозного. М. –Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 741 с.

References

1. Mikhaylovskiy, N.K. (1911) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
2. Kolesov, V.V. (2012) Russkaya pravda [Russkaya Pravda]. *Mir russkogo slova*. 1. pp. 9–15.
3. Tomsinov, V.A. (2017) Termin “pravda” v pravovoy kul'ture Drevney Rusi [The Term “Pravda” in the Legal Culture of Ancient Rus']. *Zakonodatel'stvo*. 2. pp. 88–94.
4. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1992) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 18. Moscow: Nauka.
5. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997a) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka. pp. 496–517.
6. Bylinin, V.K. & Ilyushin, A.A. (eds) (1989) *Virshevaya poeziya (pervaya polovina XVII veka)* [Virsh Poetry (First Half of the 17th Century)]. Moscow: Sov. Rossiya.
7. Tseytlin, R.M. (1978) O znachenii staroslavyanskikh slov s kornem “-prav-” [On the Meaning of Old Church Slavonic Words with the Root “-prav-”]. In: Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologiya* [Etimology]. Moscow: Nauka. pp. 59–64.
8. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997b) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 62–315.
9. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997c) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 328–351.
10. Kalaydovich, K. (1821) *Pamyatniki rossiyskoy slovesnosti XII veka. Tvoreniya Kirilla, episkopa Turovskogo* [Monuments of Russian Literature of the 12th Century. Works of Kirill, Bishop of Turov]. Moscow: S. Selivanovsky.
11. Bychkov, A.F. et al. (eds) (1904) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
12. Likhachev, D.S. et al. (eds) (2001a) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka. pp. 116–135.

13. Likhachev, D.S. et al. (eds) (2001b) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka. pp. 170–205.
14. Pecherskaya, N. (2011) Spravedlivost': mezhdu pravdoy i istinoy (istoriya formirovaniya kontsepta v russkoy kul'ture) [Justice: Between Pravda and Istina (History of the Concept's Formation in Russian Culture)]. In: Plotnikov, N.S. (ed.) *"Pravda": diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii* ["Pravda": Discourses of Justice in Russian Intellectual History]. Moscow: Klyuch-S. pp. 15–48.
15. Dal, V.I. (1985) *Bol'shoy illyustrirovannyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: sovremennoe napisanie* [Large Illustrated Explanatory Dictionary of the Russian Language: Modern Spelling]. Moscow: AST.
16. Gorskiy, A.D. (ed.) (1985) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols]. Vol. 2. Moscow: Yurid. lit.
17. Anon. (1900) *Sudebnik tsarya Fedora Ioannovicha 1589 g.: po spisku sobraniya F.F. Mazurina* [Sudebnik of Tsar Fyodor Ioannovich, 1589: Based on the Manuscript from the F.F. Mazurin Collection]. Moscow: Published by the Commission for the Printing of State Charters and Treaties at the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs.
18. Tikhomirov, M.N. & Epifanov, P.P. (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Sobornoye Ulozhenie of 1649]. Moscow: Moscow State University.
19. Russia. (1856) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 7. St. Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa.
20. Likhachev, D.S. et al. (eds) (2000) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 10. St. Petersburg: Nauka. pp. 252–509.
21. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1999a) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 6. St. Petersburg: Nauka. pp. 424–439.
22. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1999b) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka. pp. 136–167.
23. Russia. (1862) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 9. St. Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa.
24. Vorkachev, S.G. (2015) *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture* [Seek the Pravda: The Idea of Justice in Russian Linguoculture]. Moscow: Flinta.
25. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow: Yazyki russkoy literatury.
26. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. A Research Experience]. Moscow: Yazyki russkoy literatury.
27. Toporov, V.N. (1958) Etimologicheskie zametki (slavyano-italiyskie paralleli) [Etymological Notes (Slavic-Italic Parallels)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*. 25. pp. 74–87.
28. Tseytlin, R.M. (1996) *Sravnitel'naya leksikologiya slavyanskikh yazykov X/XI–XIV/XV vv. Problemy i metody* [Comparative Lexicology of the Slavic Languages of the 10th/11th–14th/15th Centuries. Problems and Methods]. Moscow: Nauka.
29. Uspenskiy, B.A. (1994) *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Outline of the History of the Russian Literary Language (11th–19th Centuries)]. Moscow: Gnozis.
30. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1965) *Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy. Drevniy period* [Slavic Language Modeling Semiotic Systems. Ancient Period]. Moscow: Nauka.
31. Chernikov, M.V. (2002) *Filosofiya pravdy v russkoy kul'ture* [The Philosophy of Pravda in Russian Culture]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Voronezh.
32. Chernykh, S.N. (2010) Spravedlivost' i pravda v aspekte drevnerusskogo mirovozzreniya [Justice and Pravda in the Aspect of the Old Russian Worldview]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 10. pp. 43–46.
33. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1981) Drevnee slavyanskoe pravo: arkhaichnye mifopoeticheskie osnovy i istochniki v svete yazyka [Ancient Slavic Law: Archaic Mythopoetic Foundations and Sources in the Light of Language]. In: *Formirovanie rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey* [The Formation of Early Feudal Slavic Nationalities]. Moscow: Nauka. pp. 10–31.
34. Chernikov, M.V. (2002) *Filosofiya Pravdy v russkoy kul'ture* [The Philosophy of Pravda in Russian Culture]. Philosophy Dr. Diss. Voronezh.
35. Gruzberg, A. (1974) *Chastotnyy slovar' russkogo yazyka vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [Frequency Dictionary of the Russian Language of the Second Half of the 16th – Early 17th Century]. Perm: Perm State Pedagogical Institute.
36. Likhachev, D.S. (ed.) (1951) *Poslaniya Ivana Groznogo* [Messages of Ivan the Terrible]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

***Сведения об авторе*:**
Шавеко Николай Александрович – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Shaveko Nikolai A. – Candidate of Law, Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Noscow, Russian Federation). E-mail: shavekonikolai@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 15.03.2022; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 930.26
doi: 10.17223/19988613/97/20

Современная историография становления кредитно-финансовой системы в дореволюционной Сибири

Вадим Петрович Шахеров

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, wodalis@yandex.ru

Аннотация. Формирование денежного обращения, финансов и кредита всегда играло ведущую роль в развитии экономики страны и становлении предпринимательства. Между тем данные проблемы недостаточно полно освещены как в общероссийской, так и в региональной историографии. В статье представлен обзор современных исторических исследований, посвященных становлению кредитно-финансовой системы в дореволюционной Сибири. Определены основные тенденции и направления в изучении темы. Выявлены определенные достижения и результаты исследований последних лет, а также лишь намеченные и слабо разработанные проблемы.
Ключевые слова: Сибирь, историография, кредит, финансовая система, банки, денежное обращение

Для цитирования: Шахеров В.П. Современная историография становления кредитно-финансовой системы в дореволюционной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 159–166. doi: 10.17223/19988613/97/20

Original article

Modern historiography of the formation of the credit and financial system in pre-revolutionary Siberia

Vadim P. Shakherov

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, wodalis@yandex.ru

Abstract. The article attempts to identify the main directions and results of modern historical research on the formation of the credit and financial system of pre-revolutionary Siberia. Based on the achievements of the authors of the Soviet period, modern researchers have been able to significantly develop previously raised topics about the activities of state-owned and large joint-stock banks, the interaction of financial capital and the commercial and industrial sector, and the development of urban banks. Thanks to the introduction of unpublished archival materials into scientific circulation, it was possible to significantly expand the geography of research, highlighting little-studied aspects of the history of the financial and credit system at the regional level. Most of these studies were devoted to the history of individual institutions or a specific area of lending and lending activities. Increased attention to the formation of the Siberian merchant class, among other things, affected the sphere of credit and finance, as one of the main ones in the formation of capital and usury.
Despite certain achievements in the study of the history of finance and banking capital in pre-revolutionary Siberia, many aspects of the topic have only been identified and have not received comprehensive coverage. Among them is the formation and role of small-scale credit and cooperation in the development of the regional economy and the daily life of the population, insufficient level of generalizing research. There are no studies on the biographies and professional qualities of Siberian financiers.
Keywords: Siberia, historiography, credit, financial system, banks, money circulation

For citation: Shakherov, V.P. (2025) Modern historiography of the formation of the credit and financial system in pre-revolutionary Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 159–166. doi: 10.17223/19988613/97/20

Среди недостаточно изученных тем в современной отечественной историографии, как общероссийской, так и региональной, можно отметить проблемы формирования финансовой системы, кредита и денежного обращения, а также определения их места и роли в развитии экономики страны. Между тем, как известно, финансы и кредит всегда играли и играют важнейшую роль в мобилизации и перераспределении капиталов, ускоряя товарооборот и содействуя привлечению новых инвестиций в экономику. Современное развитие

© В.П. Шахеров, 2025

банковской сферы, задачи ее модернизации и структурных изменений определяют необходимость осмысления исторического опыта кредитно-финансовой деятельности, основных этапов ее развития и специфики взаимоотношений банковских институтов и общества.

Нельзя сказать, что эти проблемы не привлекали внимание исследователей. Еще в советское время появились ставшие классическими труды И.Ф. Гиндина [1], В.И. Бовыкина [2, 3], Б.В. Ананьича [4] о финансовой деятельности и банках России. На многие годы вперед они заложили основные подходы к комплексному анализу становления и развития российской финансовой системы, определили методы и приемы ее изучения.

В период перестройки проблемы экономического развития страны и ее регионов, в том числе финансово-кредитной сферы, истории предпринимательства приобрели новое методологическое и практическое наполнение. Особенно успешными в изучении этих тем стали последние десятилетия, когда стали появляться крупные исследования по истории ведущих банков и в целом по кредитной системе России. Среди них особо следует отметить исследования и статьи А.В. Бугрова [5], Н.И. Кротова [6], коллективную монографию по истории Госбанка России [7] и фундаментальное исследование по истории кредитной системы страны [8]. Новый взгляд на становление сберегательного дела был представлен в монографии Ю.А. Петрова и С.В. Калмыкова [9], их исследование в значительной мере дополняет монография В.В. Морозана [10], посвященная сберегательным кассам. Наконец, становление и динамика развития коммерческих банков впервые получили комплексное рассмотрение в исследованиях С.А. Саломатиной [11] и Ю.А. Петрова [12].

В эти же годы начинают изучаться различные аспекты становления и развития финансовой системы и банков в Сибири. В основном эти исследования были посвящены истории отдельных учреждений или определенной сфере ссудо-кредитной деятельности. Родоначальником данного направления стал Г.Х. Рабинович [13]. В его классическом труде о крупной сибирской буржуазии конца XIX – начала XX в. дан системный анализ кредитных учреждений, в первую очередь отделений Государственного и акционерных коммерческих банков. Усиление внимания к становлению сибирского купечества среди прочего затронуло сферу кредита и финансов как одну из основных в формировании капиталов и ростовщичества. Большую роль в становлении изучения сибирского предпринимательства сыграл Д.Я. Резун, сумевший объединить представителей региональных исторических школ вокруг энциклопедического издания по истории купечества и коммерции [14]. В ряде своих работ об экономическом развитии сибирского города и сибирском предпринимательстве он в качестве важнейшей составляющей финансовой отрасли отмечает кредит и банковскую систему, в частности роль городских банков в развитии местной экономики и их направленность на обслуживание «среднего и мелкого бизнеса своего города и региона» [15]. В дальнейшем многие исследователи сибирской буржуазии затрагивали сюжеты, связанные с инвестициями, участием купечества в организации частных и акционерных банков и ростовщических операциях. Основные итоги и перспективы развития сибирской историографии изучения предпринимательства были подведены в монографическом исследовании О.Г. Климовой [16].

Накопленный в 1990-х гг. в сибирской историографии фактический и аналитический материал по истории становления финансов и кредита позволил в первые десятилетия следующего столетия выйти на более высокий уровень исследований. Большое внимание привлекает история организации и деятельности финансового управления и становления государственных кредитных структур в губерниях Сибири. Из региональных исследований, посвященных истории банковского дела, прежде всего государственного, можно выделить исследования А.Л. Вычугжанина [17], основанные на материалах Тобольской губернии. Начинал он как исследователь истории сберегательного дела в регионе, в дальнейшем значительно расширил проблематику исследований, издав ряд исследований и статей по истории банковского дела и становления мелкого кредита в регионе. Наиболее полным очерком истории банковского дела от первых кредитных временных форм до роли и места в экономике Сибири Государственного банка и его отделений стало написанное им в соавторстве с О.А. Отрадных обобщающее исследование, приуроченное к 150-летию образования Государственного банка России [18]. Оно до сих пор является примером комплексного подхода к освещению данной темы, несмотря на ее региональный охват только пределами Тюменской области. В работе впервые проведена реконструкция становления и развития кредитных учреждений от ростовщичества до участия государственных непрофильных структур (приказа общественного призрения, городских дум и т.п.) и банковских променных контор. Исследование отличают большая фактологическая база, привлечение разнообразного материала. Впервые представлена роль регионального банка в кредитной политике местной власти и экономическом развитии региона вплоть до коренного преобразования всей дореволюционной системы кредита после 1917 г. В наиболее обобщенном виде результаты авторских исследований и выводов были представлены А.Л. Вычугжаниным в защищенной в 2011 г. докторской диссертации [19].

Говоря о работах А.Л. Вычугжанина, необходимо отметить, что он по образованию не историк, а экономист, кроме того, имел значительный опыт практической работы на руководящих должностях в коммерческих банках. Знание методов экономического анализа, основных направлений экономической истории и мысли, наконец, финансово-кредитной терминологии, несомненно, содействовало его исследованиям. Для большинства же историков необходимость использовать междисциплинарный подход и методы исследования экономических дисциплин усложняет и несколько сдерживает изучение подобных тем. Этим же можно объяснить сравнительно небольшое количество исследований по истории финансов и кредита в Сибири и почти полное отсутствие на сегодняшний день обобщающих исследований.

Юбилеи Госбанка и его отделений на местах заметно актуализировали изучение их деятельности в Сибири. В ряде регионов появились научные и научно-популярные работы по становлению отделений Государственного банка и его роли в развитии экономики и крупного предпринимательства. Большинство работ, разных по своему характеру и масштабам, представляют сквозное изучение их истории от основания до современности. Из наиболее серьезных проектов можно отметить коллективную монографию по истории банковского дела на Алтае [20]. В эти же годы первые серьезные работы по данной теме выходят в Иркутской области. Первой ласточкой стал обобщающий очерк доктора экономических наук В.И. Самарухи [21]. Но, пожалуй, наиболее полным и научно обоснованным из региональных исследований стала монография В.П. Шахерова и Н.И. Гавриловой об Иркутском отделении Госбанка [22]. Отличительной его особенностью стало рассмотрение истории Госбанка на широком фоне развития региональной экономики и кредитного дела. Много места уделено его внутренней организации и кадровому составу, роли в развитии предпринимательства и основных отраслей хозяйства на протяжении всего периода его истории – от основания до наших дней. Работу отличает введение значительного комплекса новых архивных материалов, позволивших детально проанализировать роль государственного банка в организации кредитного дела и стимулировании важнейших отраслей народного хозяйства Иркутской губернии. Авторами были впервые подняты проблемы становления добанковского кредита в крае и его роли в развитии купеческого предпринимательства, появления первых частных и акционерных банков, характера и причин роста мелкого кредита в губернии. Интересно и по-новому осмыслены аспекты экономической и финансовой политики в период Гражданской войны, НЭПа и советской реконструкции народного хозяйства.

Кроме научных изданий в ряде регионов Сибири в последние годы появились научно-краеведческие работы, посвященные юбилеям тех или иных банковских организаций или финансовых учреждений. В них помимо описания современного состояния и презентации сотрудников иногда приводились интересные исторические сюжеты и обзоры. Обращает на себя внимание издание, посвященное истории Финансового управления Иркутской области, в первой части которого представлены интересные документы, касающиеся дореволюционного периода деятельности данного органа [23]. История финансовых структур Енисейской губернии представлена в работе Л.П. Бердникова и С.Л. Лониной [24]. Одно из первых обращений к истории финансовой деятельности городских образований было предпринято В.А. Скубневским и С.В. Красновым [25] На примере Барнаула представлена роль муниципальных органов в формировании и путях использования городского бюджета в процессе становления и развития городского хозяйства. Значительное место в работе уделено характеристике сотрудников финансовых структур администрации. Можно отметить также интересное исследование краеведа, руководителя музея Сбербанка Т.П. Томиловой по истории сберегательного дела в Иркутской области [26].

Еще одним направлением, получившим развитие в начале 2000-х гг. стало изучение городских и частных акционерных банков в Сибири. Впервые проблемы становления и роли частного банковского капитала в развитии сибирской экономики периода модернизации были подняты в статьях и монографии новосибирского историка А.К. Кириллова [27]. Его исследование базируется на обширном статистическом материале, но в основном посвящено городским банкам Западной Сибири. При этом автор несколько недооценивает их роль в развитии региональной экономики. Кроме того, он ошибочно относит частный банк, созданный при сиропитательном доме Е. Медведниковой в Иркутске, к городским общественным банкам.

Дальнейшее развитие эта тема получила в последние годы в Восточной Сибири. Практически одновременно в 2021 г. были защищены кандидатские диссертации Е.В. Плотниковой [28] в Иркутске и А.А. Шираповым [29] в Улан-Удэ. В диссертации Е.В. Плотниковой, посвященной становлению и развитию частных банков в Иркутской губернии, впервые в сибирской историографии тзательно проанализированы их роль в кредитном пространстве региона, взаимодействие с местным капиталом и региональными и муниципальными властями. К примеру, детально освещена сложная правовая коллизия взаимоотношений владельцев банка Е. Медведниковой и органов городского самоуправления Иркутска. Диссертационное исследование Е.В. Плотниковой основано на значительном новом архивном материале и существенно дополняет уже упоминавшуюся монографию В.П. Шахерова и Н.И. Гавриловой. Трудно не согласиться с ее основным выводом, что к началу XX в. в Иркутской губернии сформировалась двухуровневая кредитно-банковская система, центральным звеном которой являлся Государственный банк, через сеть отделений и филиалов которого аккумулировались денежные ресурсы и перераспределялись далее посредством системы кредитования между отраслями экономики края и частными коммерческими банками.

Диссертационное исследование А.А. Шарапова стало первым в современной региональной историографии комплексным изучением проблемы формирования и функционирования банковского сектора Западного Забайкалья в дореволюционный период. Особый интерес вызывает выбранный регион, в котором сформировалась собственная модель экономического развития, определенная его трансграничным положением и тесными торговыми связями с Монголией и Китаем. Диссертантом исследованы главные аспекты данной проблемы: проанализированы основные этапы и тенденции развития банковской сферы региона, обозначены основные звенья государственного и частного банковского сектора, динамика их представленности в регионе, общие характеристики и структура банковских операций. Основное внимание автор уделил не только характеристике филиалов российских банков в Забайкалье, но и становлению частных инициатив в деле создания обществ взаимного кредита и мелких

кредитных товариществ. Им рассмотрен социальный состав участников этих объединений, сфера деятельности и роль в развитии малого бизнеса. К сожалению, вопросы о становлении кредитно-ссудных кооперативов лишь бегло намечены и не получили должного освещения.

Среди исследований, посвященных различным аспектам кредитного дела в Забайкалье, можно выделить публикации Л.В. Кальминой, Л.В. Кураса, А.М. Плехановой. В статьях Л.В. Кальминой и А.М. Плехановой основное внимание уделяется истории становления и развития банковского дела в Верхнеудинске и Западном Забайкалье [30–32]. Особый интерес представляет совместная публикация Л.В. Курас и Л.В. Кальминой, в которой анализируются причины образования Русско-Китайского банка, а также описывается политика российского министерства финансов на китайском направлении, проводимая посредством этого кредитного института [33]. Отдельные исследования по истории кредитных учреждений в дореволюционный период появлялись и в других регионах Сибири [34].

Таким образом, можно отметить, что в последнее десятилетие в региональном подходе по изучению деятельности в Сибири отделений Государственного банка и крупных частных акционерных банков наметились серьезные изменения к лучшему. В то же время мелкий кредит, особенно вне городской среды, остается практически неизученным. Становление городских банков и других форм сберегательной деятельности, формирование кредитно-ссудных кооперативов и их роль в кредитовании населения по-прежнему изучены эпизодически и локально, вне контекста общего развития экономики регионов и повседневной жизни населения. Отдельные исследования А.А. Гаврилова [35], А.Л. Вычугжанина [36], Т.А. Бочаровой [37] и некоторых других интересны лишь постановкой проблемы и далеко не исчерпывают всей сложности этого направления. Отсутствуют также обобщающие исследования даже на уровне крупных сибирских регионов. Между тем бурное развитие кооперативного движения, в том числе ссудно-кредитного, в период Первой мировой войны и революции требуют серьезного осмысления. При этом можно согласиться с мнением некоторых историков, что кредитные кооперативы превратились в мощную экономическую силу и продолжали динамично развиваться, во многом благодаря появившейся у населения способности к самоорганизации, а инициатором этого позитивного процесса выступило государство [36. С. 71].

Самостоятельного подхода и изучения требуют проблемы состояния экономики и финансов в годы революции и Гражданской войны. В отличие от общественно-политических и военных проблем экономическое развитие Сибири в период социальных потрясений 1917–1919 гг. еще не получило серьезного освещения в литературе. Данная тема слабо исследована как на общесибирском, так и на региональном уровне, и только в последнее время стала привлекать исследователей. Ситуация осложняется еще и тем, что в силу региональных особенностей революционные события имели свою специфику и заметно отличались от тех процессов, которые происходили в России. К тому же местные архивы смогли сохранилась лишь небольшую часть источников. В результате в изучении экономической политики сменяющих друг друга правительств и хозяйственной жизни присутствуют пробелы и противоречивые оценки. В последние годы заметно активизировалось исследование экономической и кредитной политики Сибири в годы Гражданской войны и первых лет советской власти в Омске, Новосибирске, Иркутске. Большим подспорьем для историков стал изданный в Омске сборник документов, посвященных экономической политике и денежному обращению в годы Гражданской войны [38]. В него вошли распоряжения, циркуляры, указания, инструкции, протоколы заседаний, переписка региональных и центральных органов власти, официальные объявления, листовки и агитационные воззвания к населению, вырезки из периодической печати о состоянии экономики и денежном обращении в Сибири. Опубликованные документы и материалы расширяют наше представление о кризисной ситуации в экономике и финансах, бедственном положении народных масс.

Еще один сборник документов, дающий детальную характеристику состояния золотого запаса России, вывезенного А.В. Колчаком, был подготовлен государственным архивом Иркутской области [39]. В него вошли ранее неопубликованные документы по истории задержания в Иркутске и возвращения в Москву золотого запаса России. Особое значение сборник имеет в связи со значительным интересом к данной теме в обществе и многочисленными спекуляциями по поводу состояния и последующей судьбы золота Колчака.

Среди исследований по истории экономики Сибири в этот период заметно преобладают работы историков и бонистов, посвященные проблемам денежного обращения и появления различных суррогатных денежных знаков и их заменителей. На общероссийском уровне эту тему впервые в современной историографии поднял М.В. Ходяков [40]. В различных публикациях и популярных очерках до его исследования имелось много неточностей, ошибок и неполных сведений о выпусках тех или иных денежных знаков в Сибири. Исследование М.В. Худякова значительно уточнило и исправило имеющиеся в литературе недочеты. Кроме того, им была проведена серьезная и кропотливая работа по классификации разнообразных денег, денежных суррогатов и денежных и прочих знаков оплаты времен революции и Гражданской войны.

Из сибирских публикаций заслуживают внимания работы омского исследователя Д.И. Петина, прежде всего его кандидатская диссертация, посвященная денежно-эмиссионной политике сменяющих друг друга правительств Сибири и ее отдельных регионов [41]. В последние годы он как один из создателей и руководителей Центра изучения истории Гражданской войны при Историческом архиве Омской области активно занимается продвижением изучения различных аспектов этого направления, готовит сборники статей и организует конференции. С приходом советской власти ситуация с денежным обращением не только не улучшилась, но еще более усугубилась в связи с аннулиро-

ванием старых денег, поэтому снова был запущен печатный станок. История создания и деятельности Экспедиции заготовления ценных бумаг в Омске, а после ее эвакуации в Иркутске получила освещение в работах Д.И. Петина [42] и В.П. Шахерова [43]. Ими впервые на значительном фактическом материале была рассмотрена роль Иркутска в эмиссии бумажных денег для нужд новой власти в Сибири и вновь образованной Дальневосточной республики. В последние несколько лет было опубликовано несколько работ В.П. Шахерова об особенностях банковского дела в Восточной Сибири в период Гражданской войны и начальный период становления советской власти [44]. Одним из первых он попытался дать характеристику экономической политики и практики эсеро-меньшевистского Политцентра [45].

На фоне отмеченных публикаций крупных обобщающих исследований совсем немного. В 2006 г. появилось монографическое исследование В.М. Рынкова [46], посвященное финансовой политике антибольшевистских правительств Сибири, до сих пор остающееся наиболее полным и авторитетным исследованием. Автор использовал значительное количество новых источников из федеральных и региональных архивов. В монографии детально рассмотрены особенности экономической деятельности разных сибирских правительств, имевших различные представления о путях и методах выхода из экономического кризиса и ситуации развала финансовой системы. Определены причины провала экономических реформ и краха налоговой системы в условиях перманентного ведения военных действий, неэффективности мер в области денежного регулирования. Некоторое продолжение эта мема нашла в монографии А.В. Ломкина [47], проведшего интересное сравнение экономической политики белых правительств Сибири и Юга России.

Приведенные выше исследования не только представляют широкую картину экономического краха и развала экономики Сибирского региона, но и свидетельствуют, что складывавшиеся здесь различные, подчас противоположные, модели экономический политики были определяющими не только для Сибири, но и всей страны. В этот период в Сибири сменилось несколько правительств, имеющих свое представление о будущей структуре власти и альтернативную практику государственно-политического развития. При этом рыночные отношения оставались ведущей формой хозяйства, развивалось кооперативное движение, росли потребности населения, которое заметно увеличилось за счет беженцев и эвакуированных.

Несмотря на в целом слабую изученность кооперативного движения, историки не могли не затронуть проблемы его развития в годы социальных потрясений. Именно различные виды отраслевых кооперативов, несмотря на экономический кризис и падение уровня жизни населения, динамично развивались в этот период, создавали региональные и общесибирские объединения и союзы, активно включались в общественно-политическую жизнь Сибири. Эти новые тенденции кооперативного движения историки также не обошли своим вниманием. Наиболее полно и последовательно они прослежены в исследованиях Б.В. Иванова [48], В.М. Рынкова [49] и Н.Ю. Пивоварова [50].

Таким образом, несмотря на определенные достижения в изучении истории финансов и банковского капитала в дореволюционной Сибири, что позволило ввести новые источники и наметить перспективные направления и аспекты для дальнейших исследований, в целом данные проблемы не получили всестороннего освящения. В основном они представлены исследованиями отдельных финансовых учреждений или региональными обобщениями кредитно-банковской системы. Можно сказать, что изучение проблем экономического развития Сибири, в особенности ее финансов и кредита, не вышла еще за пределы этапа постановки задач и накопления фактического материала.

Одним из слабых мест не только сибирской, но и российской историографии является слабое обращение историков к персоналиям банковского сектора экономики, организаторам и практикам кредитного дела. Практически не предпринимались сколько-нибудь серьезные попытки изучения биографий и профессиональных качеств сибирских банкиров и финансистов. Из немногих работ последнего периода можно выделить лишь небольшую статью биографического характера М.В. Шиловского о известном экономисте И.А. Михайлове, бывшем министром финансов в правительстве Колчака. Правда, серьезного анализа его взглядов и реальных дел в ней не приводится [51].

Интересной выглядит попытка коллектива историков из Бурятии проанализировать образование Русско-китайского банка и его политику по продвижению русского влияния и капитала в Китае, а также роль С.Ю. Витте во внешнеэкономической и финансовой политике России на Востоке [52]. В последние годы в ряде статей Д.И. Петина [53] и В.П. Шахерова [54] были предприняты попытки показать роль и влияние на становление банковского дела и кредитной кооперации в Сибири, в частности в Иркутске, самобытного и талантливейшего организатора, финансиста и историка денежного обращения периода Гражданской войны А.И. Погребенского. Но столько еще интересных личностей в этой сфере забыты и не введены в исторический оборот!

Значительным подспорьем для историков, специализирующихся в сфере экономической истории, было бы издание региональных сборников документов и статистических материалов. Да и в целом пока география исследований выглядит крайне неравномерной. В ряде регионов подобные работы вообще отсутствуют или представлены небольшими очерками краеведов. Если становление банковской системы в Сибири получило освещение не только в отдельных исследованиях, но и в обобщающих региональных работах, то такие темы, как раннее кредитование и его особенности, становление мелкого кредитования и сберегательного дела не только в городе, но и в сельской местности, изучение персоналий организаторов банковского дела и финансистов, нуждаются в актуализации научной работы, в том числе и на уровне диссертационных исследований. Наконец, крайне необходимы общесибирские проекты комплексного изучения проблем финансово-кредитной сферы дореволюционной Сибири.

Список источников

1. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России / под ред. С.Г. Струмилина. М. : Госфиниздат, 1948. 454 с.
2. Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М. : Изд-во МГУ, 1967. 294 с.
3. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России: конец XIX в. – 1908 г. М. : Наука, 1984. 285 с.
4. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. : очерки истории частной предпринимательства. Л. : Наука, 1991. 200 с.
5. Бугров А.В. Очерки по истории Государственного банка Российской империи. М. : Банки и технологии, 2001. 346 с.
6. Кротов Н.И. Очерки истории Банка России: региональные конторы и управления. М. : Междунар. отношения, 2010. 663 с.
7. Ананьич Б.В., Калмыков С.В., Петров Ю.А. Главный банк России: от Государственного банка Российской империи к Центральному банку Российской Федерации, 1860–2000. М. : ЦПП ЦБ РФ, 2000. 181 с.
8. Кредит и банки в России до начала XX в. : С.-Петербург и Москва / ред. Б.В. Ананьич и др. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 666 с.
9. Петров Ю.А., Калмыков С.В. Сберегательное дело в России: вехи истории. М. : К.И.Т., 1995. 364 с.
10. Морозан В.В. История сберегательных касс в императорской России. СПб. : Соларт, 2007. 251 с.
11. Саломатина С.А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 304 с.
12. Петров Ю.А. Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история. 2010. № 3. С. 25–33.
13. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. 328 с.
14. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Акад. изд-во «Гео», 2012. Т. 1: А–Л. 450 с.; Т. 2.: М–Я. 464 с.
15. Резун Д.Я. Финансы и деньги старой Сибири // ЭКО. 1998. № 10. С. 145–146.
16. Климова О.Г. Организация изучения сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : АлтГТУ, 2021. 334 с.
17. Вычугжанин А.Л. Сберегательное дело Тюменской области. Тюмень : Слово, 2001. 272 с.
18. Вычугжанин А.Л., Отрадных О.А. История банковского дела Тюменской области. Тюмень : Слово, 2004. 616 с.
19. Вычугжанин А.Л. Становление и развитие кредитных учреждений в Тобольской губернии (1776–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2011. 50 с.
20. Земсков В.В. и др. Банковское дело на Алтае. Вторая половина XIX – начало XXI века. Барнаул : Барнаул, 2010. 479 с.
21. Самаруха В.И. Развитие финансов Иркутской губернии: исторический очерк. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2002. 170 с.
22. Гаврилова Н.И., Шахеров В.П. Государственный банк в Иркутске: от Российской империи до настоящего времени : к 150-летию со дня основания. Иркутск : Оттиск, 2019. 372 с.
23. Финансы на службе региона : к столетию главного финансового ведомства Иркутской области / авт.-сост. А.Е. Татарникова. Иркутск : Принт Лаин, 2020. 120 с.
24. Бердников Л.П., Лонина С.Л. От денежной кладовой до Министерства финансов : очерки истории административно-хозяйственного управления Енисейской губернии Красноярского края (1822–2009). Красноярск : Изд. М-ва финансов Красноярского края, 2009. Ч. 1: Столетний путь Енисейской казенной палаты. 264 с.
25. Скубневский В.А., Краснов С.В. Финансисты в истории Барнаула. Барнаул : Алт. дом печати, 2021. 432 с.
26. Томилова Т.П. Из истории Сберегательного дела Байкальского региона. Иркутск : Призма, 2020. 118 с.
27. Кириллов А.К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX века). Новосибирск : Офсет, 2003. 192 с.
28. Плотникова Е.В. Становление и развитие частных банков Иркутской губернии в первой половине XIX в. – 1920 г. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2021. 23 с.
29. Ширапов А.А. История формирования и развития банковской системы Западного Забайкалья (40-е гг. XIX в. – 1917 г.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2021. 31 с.
30. Кальмина Л.В. Верхнеудинский общественный банк в контексте финансовой политики самодержавия // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 79–85.
31. Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Формирование банковской инфраструктуры в Верхнеудинске: закономерности и парадоксы // Власть. 2020. Т. 28, № 5. С. 201–207.
32. Кальмина Л.В., Плеханова А.М., Ширапов А.А. «В начале славных дел…»: из истории деятельности Верхнеудинского и Кяхтинского агентств Русско-Китайского банка в 1898–1900 гг. // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22, № 4. С. 643–660.
33. Курас Л.В., Кальмина Л.В. Русско-Китайский банк в системе международных отношений в Восточной Азии и кяхтинское купечество (конец XIX – начало XX в.) // Власть. 2018. Т. 26, № 5. С. 149–153.
34. Ермакова Е.Е. Общественные банковские учреждения Енисейской губернии в дореволюционный период // Экономическое развитие Сибири : материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 12–13 октября 2016 г. Красноярск : Резонанс, 2016. С. 8–12.
35. Гаврилов А.А. Сибирская кооперация в период 1914–1920 гг. (на материалах кредитной и потребительской кооперации). Иркутск : ИГПУ, 2003. 188 с.
36. Вычугжанин А.Л. Особенности деятельности кредитных кооперативов в Тобольской губернии в период Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. История. 2014. № 4. С. 67–71.
37. Бочарова Т.А. Становление и развитие кредитных союзов Сибири в начале XX в. // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 10. С. 87–91.
38. Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920 : документы Исторического архива Омской области : сб. док. / авт.-сост., науч. ред. Д.И. Петин. Омск : Амфора, 2014. 224 с.
39. Из истории золотого запаса адмирала Колчака : сб. док. из фондов Государственного архива Иркутской области. Иркутск : Оттиск, 2017. 156 с.
40. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны : денежное обращение в России, 1917–1920 гг. СПб. : Питер, 2009. 222 с.
41. Петин Д.И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917 – ноябрь 1920 г.) : дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 294 с.
42. Петин Д.И. К вопросу о производстве денежных знаков Дальневосточной республики в Иркутске (июль 1920 г. – март 1921 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 130–137.
43. Шахеров В.П. Эмиссионная деятельность в Иркутске после восстановления Советской власти в 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 2. С. 178–191.
44. Шахеров В.П. Регулирование кредитно-банковской системы Иркутской губернии в период политических трансформаций Гражданской войны // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2018. № 1. С. 46–54.
45. Шахеров В.П. Между Колчаком и Советами: к вопросу о финансовой деятельности Иркутского Политцентра // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2018. № 3. С. 45–55.
46. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 гг.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2006. 212 с.
47. Ломкин А.В. Экономическая политика Белого движения на Юге России и в Сибири. М. : ТЭИС, 2008. 149 с.

48. Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. 375 с.
49. Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2012. Вып. 3. С. 35–58.
50. Рынков В.М. Между политикой и экономикой: иркутский кооперативный центр в 1918 – начале 1920 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкал. гос. ун-т экон. и права, 2009. С. 209–213.
51. Шиловский М.В. «Ванька-Каин». И.А. Михайлов (1891–1945) // Судьбы, связанные с Сибирью : биографические очерки. Новосибирск : Сова, 2007. С. 151–162.
52. Курас Л.В., Кальмина Л.В., Михалев А.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Иркутск : Оттиск, 2018. 111 с.
53. Петин Д.И. Александр Ильич Погребецкий. Неизвестные факты жизни и деятельности // Альманах «Российского общества историков». М., 2014. Кн. II: Сборник научных трудов по истории денежного обращения / науч. ред. О.В. Парамонов. С. 435–454.
54. Шахеров В.П., Легейдо А.Г. «Кризисный менеджер»: А.И. Погребецкий и кооперативное движение в Иркутске в период войны и революции, 1915–1920 гг. // Историко-экономические исследования. 2024. Т. 25, № 4. С. 679–714.

References

1. Gindin, I.F. (ed.) (1948) *Russkie kommercheskie banki. Iz istorii finansovogo kapitala v Rossii* [Russian Commercial Banks. From the History of Financial Capital in Russia]. Moscow: Gosfinizdat.
2. Bovykin, V.I. (1967) *Zarozhdenie finansovogo kapitala v Rossii* [The Origins of Financial Capital in Russia]. Moscow: MSU.
3. Bovykin, V.I. (1984) *Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii: konets XIX v. – 1908 g.* [The Formation of Financial Capital in Russia: Late 19th Century – 1908]. Moscow: Nauka.
4. Ananich, B.V. (1991) *Bankirskie doma v Rossii 1860–1914 gg.: ocherki istorii chastnoy predprinimatel'stva* [Banking Houses in Russia 1860–1914: Essays on the History of Private Entrepreneurship]. Leningrad: Nauka.
5. Bugrov, A.V. (2001) *Ocherki po istorii Gosudarstvennogo banka Rossiyskoy imperii* [Essays on the History of the State Bank of the Russian Empire]. Moscow: Banki i tekhnologii.
6. Krotov, N.I. (2010) *Ocherki istorii Banka Rossii: regional'nye kontory i upravleniya* [Essays on the History of the Bank of Russia: Regional Offices and Branches]. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya.
7. Ananich, B.V., Kalmykov, S.V. & Petrov, Yu.A. (2000) *Glavnyy bank Rossii: ot Gosudarstvennogo banka Rossiyskoy imperii k Tsentral'nomu banku Rossiyskoy Federatsii, 1860–2000* [The Main Bank of Russia: From the State Bank of the Russian Empire to the Central Bank of the Russian Federation, 1860–2000]. Moscow: TsPP TsB RF.
8. Ananich, B.V. et al. (eds) (2005) *Kredit i banki v Rossii do nachala XX v. S.-Peterburg i Moskva* [Credit and Banks in Russia until the Early 20th Century: St. Petersburg and Moscow]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Petrov, Yu.A. & Kalmykov, S.V. (1995) *Sberegatel'noe delo v Rossii: vekhi istorii* [The Savings Business in Russia: Milestones of History]. Moscow: K.I.T.
10. Morozan, V.V. (2007) *Istoriya sberegatel'nykh kass v imperatorskoy Rossii* [History of Savings Banks in Imperial Russia]. St. Petersburg: Solart.
11. Salomatina, S.A. (2004) *Kommercheskie banki v Rossii: dinamika i struktura operatsiy, 1864–1917 gg.* [Commercial Banks in Russia: Dynamics and Structure of Operations, 1864–1917]. Moscow: ROSSPEN.
12. Petrov, Yu.A. (2010) Kommercheskie banki i ekonomicheskoe razvitie Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Commercial Banks and Russia's Economic Development in the Late 19th – Early 20th Century]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 3. pp. 25–33.
13. Rabinovich, G.Kh. (1975) *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX v.* [The Big Bourgeoisie and Monopoly Capital in the Economy of Siberia in the Late 19th – Early 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Rezun, D.Ya. (ed.) (2012) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce in Siberia: In 2 vols]. Novosibirsk: Geo.
15. Rezun, D.Ya. (1998) Finansy i den'gi staroy Sibiri [Finance and Money in Old Siberia]. *EKO*. 10. pp. 145–146.
16. Klimova, O.G. (2021) *Organizatsiya izucheniya sibirskogo predprinimatel'stva vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Organizing the Study of Siberian Entrepreneurship in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul: AltSTU.
17. Vychugzhanin, A.L. (2001) *Sberegatel'noe delo Tyumenskoy oblasti* [The Savings Business in the Tyumen Region]. Tyumen: Slovo.
18. Vychugzhanin, A.L. & Otradnykh, O.A. (2004) *Istoriya bankovskogo dela Tyumenskoy oblasti* [History of Banking in the Tyumen Region]. Tyumen: Slovo.
19. Vychugzhanin, A.L. (2011) *Stanovlenie i razvitie kreditnykh uchrezhdeniy v Tobol'skoy gubernii (1776–1917 gg.)* [The Establishment and Development of Credit Institutions in the Tobolsk Province (1776–1917)]. Abstract of History Dr. Diss. Tyumen.
20. Zemskov, V.V., et al. (2010) *Bankovskoe delo na Altae. Vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka* [Banking in the Altai. Second Half of the 19th – Early 21st Century]. Barnaul: Barnaul.
21. Samarukha, V.I. (2002) *Razvitie finansov Irkutskoy gubernii: istoricheskiy ocherk* [The Development of Finances in Irkutsk Province: A Historical Outline]. Irkutsk: BSUEP.
22. Gavrilova, N.I. & Shakherov, V.P. (2019) Gosudarstvennyy bank v Irkutske: ot Rossiyskoy imperii do nastoyashchego vremeni: k 150-letiyu so dnya osnovaniya [The State Bank in Irkutsk: From the Russian Empire to the Present Day: On the 150th Anniversary of its Foundation]. Irkutsk: Ottisk.
23. Tatarnikova, A.E. (ed.). (2020) *Finansy na sluzhbe regiona: k stoletiyu glavnogo finansovogo vedomstva Irkutskoy oblasti* [Finances in the Service of the Region: On the Centenary of the Main Financial Department of Irkutsk Oblast]. Irkutsk: Print Lain.
24. Berdnikov, L.P. & Lonina, S.L. (2009) *Ot denezhnoy kladovoy do Ministerstva finansov: ocherki istorii administrativno-khozyaystvennogo upravleniya Eniseyskoy gubernii Krasnoyarskogo kraya (1822–2009)* [From the Treasury to the Ministry of Finance: Essays on the History of the Administrative and Economic Management of the Yenisei Province of Krasnoyarsk Krai (1822–2009)]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Izd. M-va finansov Krasnoyarskogo kraya.
25. Skubnevskiy, V.A. & Krasnov, S.V. (2021) *Finansisty v istorii Barnaula* [Financiers in the History of Barnaul]. Barnaul: Alt. dom pechati.
26. Tomilova, T.P. (2020) *Iz istorii Sberegatel'nogo dela Baykal'skogo regiona* [From the History of the Savings Business in the Baikal Region]. Irkutsk: Prizma.
27. Kirillov, A.K. (2003) *Gorodskie banki Zapadnoy Sibiri (vtoraya chetvert' XIX – nachalo XX veka)* [City Banks of Western Siberia (The Second Quarter of the 19th – Early 20th Century)]. Novosibirsk: Ofset.
28. Plotnikova, E.V. (2021) *Stanovlenie i razvitie chastnykh bankov Irkutskoy gubernii v pervoy polovine XIX v. – 1920 g.* [The Formation and Development of Private Banks in Irkutsk Province from the First Half of the 19th Century to 1920]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
29. Shirapov, A.A. (2021) *Istoriya formirovaniya i razvitiya bankovskoy sistemy Zapadnogo Zabaykal'ya (40-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [History of the Formation and Development of the Banking System in Western Transbaikalia (1840s – 1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
30. Kalmina, L.V. (2017) Verkhneudinskiy obshchestvennyy bank v kontekste finansovoy politiki samoderzhaviya [The Verkhneudinsk Public Bank in the Context of the Financial Policy of the Autocracy]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie.* 21. pp. 79–85.
31. Kalmina, L.V. & Plekhanova, A.M. (2020) Formirovanie bankovskoy infrastruktury v Verkhneudinske: zakonomernosti i paradoksy [The Formation of Banking Infrastructure in Verkhneudinsk: Patterns and Paradoxes]. *Vlast.* 28(5). pp. 201–207.

32. Kalmina, L.V., Plekhanova, A.M. & Shirapov, A.A. (2021) “V nachale slavnykh del…”: iz istorii deyatel'nosti Verkhneudinskogo i Kyakhtinskogo agentstv Russko-Kitayskogo banka v 1898–1900 gg. [“In the Beginning of Glorious Deeds...”: From the History of the Verkhneudinsk and Kyakhta Agencies of the Russo-Chinese Bank in 1898–1900]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya.* 22(4). pp. 643–660.
33. Kuras, L.V. & Kalmina, L.V. (2018) Russko-Kitayskiy bank v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Azii i kyakhtinskoe kupechestvo (konets XIX – nachalo XX v.) [The Russo-Chinese Bank in the System of International Relations in East Asia and the Kyakhta Merchantry (Late 19th – Early 20th Century)]. *Vlast'*. 26(5). pp. 149–153.
34. Ermakova, E.E. (2016) Obshchestvennye bankovskie uchrezhdeniya Eniseyskoy gubernii v dorevolyutsionnyy period [Public Banking Institutions of the Yenisei Province in the Pre-Revolutionary Period]. *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri* [The Economic Development of Siberia]. Proc. of the Siberian Historical Forum. Krasnoyarsk, October 12–13, 2016. Krasnoyarsk: Rezonans. pp. 8–12.
35. Gavrilov, A.A. (2003) *Sibirskaya kooperatsiya v period 1914–1920 gg. (na materialakh kreditnoy i potrebitel'skoy kooperatsii)* [Siberian Cooperation in the Period 1914–1920 (Based on Materials from Credit and Consumer Cooperation)]. Irkutsk: IGPU.
36. Vychugzhanin, A.L. (2014) Osobennosti deyatel'nosti kreditnykh kooperativov v Tobol'skoy gubernii v period Pervoy mirovoy voyny [Peculiarities of the Activities of Credit Cooperatives in Tobolsk Province During the First World War]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Istoriya*. 4. pp. 67–71.
37. Bocharova, T.A. (2020) Stanovlenie i razvitie kreditnykh soyuzov Sibiri v nachale XX v. [The Formation and Development of Credit Unions in Siberia in the Early 20th Century]. *Manuskript.* 13(10). pp. 87–91.
38. Petin, D.I. (ed.) (2014) *Finansovaya politika i denezhnoe obrashchenie v Sibiri. 1917–1920: dokumenty Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti* [Financial Policy and Monetary Circulation in Siberia. 1917–1920: Documents from the Historical Archive of Omsk Oblast]. Omsk: Amfora.
39. The State Archive of the Irkutsk Region. (2017) *Iz istorii zolotogo zapasa admirala Kolchaka:* [From the History of Admiral Kolchak's Gold Reserve]. Irkutsk: Ottisk.
40. Khodyakov, M.V. (2009) *Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: denezhnoe obrashchenie v Rossii, 1917–1920 gg.* [Money of the Revolution and Civil War: Monetary Circulation in Russia, 1917–1920]. St. Petersburg: Piter.
41. Petin, D.I. (2011) *Denezhno-emissionnaya politika sovetskoy vlasti i antibol'shevistskikh rezhimov v Sibiri (oktyabr' 1917 – noyabr' 1920 g.)* [The Monetary-Emission Policy of the Soviet Government and the Anti-Bolshevik Regimes in Siberia (October 1917 – November 1920)]. History Cand. Diss. Barnaul.
42. Petin, D.I. (2018) On the Production of Far Eastern Republic Banknotes in Irkutsk (July 1920 – March 1921). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 432. pp. 130–137.
43. Shakherov, V.P. (2020) Emissionnaya deyatel'nost' v Irkutske posle vosstanovleniya Sovetskoy vlasti v 1920 g. [Emission Activity in Irkutsk After the Restoration of Soviet Power in 1920]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy.* 16(2). pp. 178–191.
44. Shakherov, V.P. (2018) Regulirovanie kreditno-bankovskoy sistemy Irkutskoy gubernii v period politicheskikh transformatsiy Grazhdanskoy voyny [Regulation of the Credit and Banking System of Irkutsk Province During the Political Transformations of the Civil War]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*. 1. pp. 46–54.
45. Shakherov, V.P. (2018) Mezhdu Kolchakom i Sovetami: k voprosu o finansovoy deyatel'nosti Irkutskogo Polittsentra [Between Kolchak and the Soviets: On the Financial Activities of the Irkutsk Political Center]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*. 3. pp. 45–55.
46. Rynkov, V.M. (2006) *Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nachalo 1920 gg.)* [The Financial Policy of the Anti-Bolshevik Governments in the East of Russia (Second Half of 1918 – Early 1920)]. Novosibirsk: SB RAS.
47. Lomkin, A.V. (2008) *Ekonomicheskaya politika Belogo dvizheniya na Yuge Rossii i v Sibiri* [The Economic Policy of the White Movement in the South of Russia and in Siberia]. Moscow: TEIS.
48. Ivanov, B.V. (1976) *Sibirskaya kooperatsiya v period Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Siberian Cooperation During the Period of the October Revolution and the Civil War]. Tomsk: Tomsk State University.
49. Pivovarov, N.Yu. & Rynkov, V.M. (2012) Sibirskaya kooperatsiya v sisteme vlastnykh otnosheniy v epokhu voyn i revolyutsiy 1914–1920 gg. [Siberian Cooperation in the System of Power Relations in the Era of Wars and Revolutions, 1914–1920]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in the 20th Century]. Vol. 3. Novosibirsk: Parallel'. pp. 35–58.
50. Rynkov, V.M. (2009) Mezhdu politikoy i ekonomikoy: irkutskiy kooperativnyy tsentr v 1918 – nachale 1920 gg. [Between Politics and Economics: The Irkutsk Cooperative Center in 1918 – Early 1920]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik.* pp. 209–213.
51. Shilovskiy, M.V. (2007) “Van'ka-Kain.” I.A. Mikhaylov (1891–1945) [“Vanka-Cain.” I.A. Mikhailov (1891–1945)]. In: *Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: biograficheskie ocherki* [Destines Linked with Siberia: Biographical Essays]. Novosibirsk: Sova. pp. 151–162.
52. Kuras, L.V., Kalmina, L.V. & Mikhalev, A.V. (2018) *Kapitany rossiyskoy vostochnoy politiki: rubezh XIX–XX vv.* [Captains of Russian Eastern Policy: The Turn of the 20th Century]. Irkutsk: Ottisk.
53. Petin, D.I. (2014) Aleksandr Il'ich Pogrebetskiy. Neizvestnye fakty zhizni i deyatel'nosti [Alexander Ilyich Pogrebetsky. Unknown Facts of Life and Work]. In: Paramonov, O.V. (ed.) *Al'manakh “Rossiyskogo obshchestva istorikov”* [Almanac of the “Russian Society of Historians”]. Vol. *2*. Moscow: [s.n.]. pp. 435–454.
54. Shakherov, V.P. & Legeydo, A.G. (2024) “Krizisnyy menedzher”: A.I. Pogrebetskiy i kooperativnoe dvizhenie v Irkutske v period voyny i revolyutsii, 1915–1920 gg. [“Crisis Manager”: A.I. Pogrebetsky and the Cooperative Movement in Irkutsk During the War and Revolution, 1915–1920]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya.* 25(4). pp. 679–714.

***Сведения об авторе*:**
Шахеров Вадим Петрович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Отечественной истории Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: wodalis@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Shakherov Vadim P. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Scientific Research Center of Russian History, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: wodalis@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 05.07.2025; accepted for publication 17.09.2025

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/19988613/97/21

Обряд *саң* в культуре алтайцев

Сырга Валерьевна Анчина

Томский государственный университет, Томск, Россия,
Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия, anchina.96@mail.ru

Аннотация. На основе полевых материалов детально описывается и всесторонне анализируется обряд *саң* в алтайской культуре. *Саң* – это обряд подношения, направленный на почитание духов Алтая, которые играют важную роль в духовной жизни алтайцев. Обряд проводится, чтобы выразить благодарность, угостить духов и попросить у них благословения и защиты. Автор предпринимает попытку классифицировать этот обряд по уровням и целям его проведения, что вносит вклад в понимание и систематизацию культурных традиций алтайского народа.
Ключевые слова: саң, саң салары, саң салыш, обряд подношения, этническая культура

Для цитирования: Анчина С.В. Обряд *саң* в культуре алтайцев // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 167–172. doi: 10.17223/19988613/97/21

Original article

“Sang” ritual in the Altai culture

Syrga V. Anchina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altaysk, Russian Federation, anchina.96@mail.ru

Abstract. This article, based on the author's field materials, describes in detail and comprehensively analyses the «sang» rite in the Altay culture. In Altai culture, ‘sang’ can be defined as a rite of offering aimed at honoring the spirits of Altai, which play an important role in the spiritual life of the Altai people. This ritual is performed to express gratitude, treat the spirits and ask for their blessings and protection. Territorially the name of the rite differs, for example, among the Altai-Kizhi it is known as shÿten, while among the Telengit it is sang. However, the aim and purpose of the ritual is the same – to express gratitude and ask for goodness and protection for one's people, family and for oneself.

The author makes an attempt to classify this rite by levels and purposes of its performance, which makes a significant contribution to the understanding and systematization of cultural traditions of the Altay people. According to the level of rite sang can be conditionally divided into three: 1) personal, 2) family; 3) clan (seok – the Altai genus seok is a secondary formation, which had as its prototype the model of patrilineal exogamous kin) and 4) universal.

The rite of sang can be categorised by the purpose for which it is performed. It is usually customary to perform sang when visiting healing springs, before an important event (hunting, matchmaking, wedding), during calendar rites – Jazhyl-Bÿr (Green Leaves), Sary-Bÿr (Yellow Leaves) and when celebrating important holidays such as Chagaa-Bairam or El-Oyin. Based on this, we can say that the rite of sang is multifaceted and can be performed with different purposes. However, regardless of the purpose, the main objective of the rite is to ensure the well-being and prosperity of the Altai people.

The study revealed that the sang rite remains a relevant and lively tradition practiced by the Altai people both at the general level, during national holidays, and at the clan (seok) and personal level. In spite of possible local differences in carrying out the rite, its purpose remains unchanged – to express gratitude and ask for good and protection for their people and for themselves. The diversity of forms of the rite testifies to the richness and dynamism of the Altai culture, which allows preserving traditions, adapting them to modern conditions.
Keywords: sang, sang salary, sang salysh, rite of offering, ethnic culture

For citation: Anchina, S.V. (2025) “Sang” ritual in the Altai culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 167–172. doi: 10.17223/19988613/97/21

© С.В. Анчина, 2025

Обряд *саҥ* символизирует глубокую связь алтайцев с духовным миром. Он помогает установить и укрепить связь между людьми и хозяевами-духами Алтая, обеспечивая защиту и благословение. Подношения, молитвы и благопожелания во время обряда служат способом выразить уважение и признательность духам.

Прежде чем приступить к анализу обряда, необходимо разобраться с этимологией слова *саҥ*. Анализ словарей показывает, что *саҥ* имеет несколько значений. Согласно древнетюркскому словарю, *san* обозначает «почет и уважение» [1. С. 483]. В ойротско-русском словаре *саҥ* определяется как треножник, на котором совершается курение во время жертвоприношения [2. С. 126]. Исследовательница языка ойратов Синьцзяна Б.Х. Тодаева пишет, что «*саң – воскурение благовония*» [3. С. 287]. В тувинско-русском словаре *саң* определяется как обряд окуривания (путем сжигания туркестанского можжевельника), а «саң салыр» означает совершать обряд окуривания (сжигая туркестанский можжевельник) [4. С. 368]. В тибетско-русско-английском словаре с санскритскими параллелями слово «сан» переводится как ‘чистить, очищать’ и ‘удалять’ [5. С. 36–37]. В алтайско-русском словаре дается два определения *саҥ*: 1) подношение, пища, которая преподносится огню; 2) обряд поклонения Алтаю [6. С. 569]. В алтайском этнографическом словаре встречается понятие *ару саҥ* (буквально ‘чистое подношение’), и оно характеризуется как ритуально чистое подношение, адресованное духам и божествам [7. С. 236]. Также под термином *саҥ* понимается обряд почитания духов и божеств. Подношения совершались посредством сожжения на каменном *тагыле* веточек можжевельника, подношений традиционных блюд (таких как *курут, быштак, талкан*) [7. С. 240]. А термин *саҥ салары* объясняется как подношение ритуальной пищи [7. С. 317]. В монографии «Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков). Вып. 3» дается определение термина *саҥ* (*саҥ салыш*) как обряда почитания местных духов и божеств, осуществляемого через сожжение веточек можжевельника и подношение традиционных алтайских блюд [8. С. 251].

Таким образом, можно сказать, что *саҥ* имеет древние корни и сохранился в некоторых культурах тюркских народов. В алтайской культуре можно определить *саҥ* как обряд подношения, направленный на почитание духов Алтая, которые играют важную роль в духовной жизни алтайцев. Обряд проводится, чтобы выразить благодарность, угостить духов и попросить у них благословения и защиты, а также установить и укрепить связь с духовным миром.

Обряд *саҥ* до настоящего времени не становился предметом самостоятельного научного исследования. Его фрагментарное рассмотрение имело место в основном в контексте празднования Чагаа-Байрам [9. С. 61–66; 10. С. 140–145, 148–150]. Кроме того, обряд *саҥ* рассматривается в описаниях каменных сооружений *обоо* как форма жертвоприношения и подношения духам-хозяевам Алтая во время молений Јажыл-Бӱр (Зеленая листва) и Сары-Бӱр (Желтая листва) [11. С. 284].

Некоторые материалы о проведении обряда *саҥ* на семейном уровне содержатся в работе А.А. Конунова [12. С. 319–321], однако в ней отсутствует глубокий анализ данного аспекта. Обряд *саҥ* также фигурирует в охотничьей культуре, где он служит важным ритуалом [13. С. 177, 179, 180]. При посещении целебных источников *аржан* обязательным является проведение обряда *саҥ* перед заходом к источникам, что подробно описала в своей статье Л.И. Шерстова [14. С. 174–176]. Таким образом, все вышеизложенное подчеркивает необходимость более глубокого и систематического изучения обряда *саҥ*, чтобы выявить его культурное значение и многообразие практик, связанных с ним.

Соответственно, целью данного исследования является изучение обряда *саҥ* в культуре алтайцев с акцентом на его классификацию по уровням и целям проведения. Новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка систематизировать и классифицировать обряд *саҥ*, что вносит значимый вклад в понимание и сохранение культурных традиций алтайского народа. В данной статье на основе полевых материалов и литературных источников исследуется обряд *саҥ* как один из ключевых ритуалов, сохранившихся среди алтайцев и субэтнической группы теленгитов. Основу полевых данных составляют глубинные интервью с молодыми представителями алтайской культуры, которые принимали участие в проведении обряда и обладают знаниями о своих традициях. Выборка респондентов была осуществлена с целью выявления уровня осведомленности о традициях и ритуалах, связанных с обрядом *саҥ*. Глубинное интервью проводилось в феврале и апреле 2024 г. в г. Горно-Алтайске.

Наименование данного обряда варьирует в зависимости от территории. В местах проживания теленгитов он известен как *саҥ*, в то время как среди алтай-кижи его называют *шӱтен*. Это различие касается не только названий, но и элементов обряда: мест проведения, времени проведения, атрибутики (например, священные ленты) и других аспектов. Тем не менее существуют и общие черты, объединяющие эти практики.

В настоящее время общеизвестны такие названия, как *саҥ салары*, *отко саҥ салары*, *саҥ салыш* и просто *саҥ*. Однако значение этого обряда у всех одинаковое и воспринимается как обряд угощения и почитания духов Алтая и испрашивания у них благ.

Анализ обряда *саҥ* проводился с двух позиций: во-первых, с точки зрения уровня проведения обряда, а во-вторых, с точки зрения цели обряда.

По уровню проведения обряда *саҥ* условно можно разделить на несколько групп: 1) личный, 2) семейный; 3) родовой (*сӧӧк*); 4) всеобщий. Уровень проведения обряда территориально отличается. В культуре теленгитов-алтайцев, проживающих в Улаганском районе, прослеживаются все уровни проведения обряда *саҥ* в отличие от теленгитов-алтайцев, проживающих в Кош-Агачском районе. Личный и родовой *саҥ* наблюдаются в с. Язула Улаганского района во время посещения священной горы *Јети-Кӧл* (Дьети-Кёл). В это же время обряд проводят и на всеобщем уровне, независимо от родовой принадлежности *сӧӧк* (сеок). Семейный *саҥ*

можно проводить во время посещения целебного источника *аржан суу*.

В Кош-Агачском районе выделяется *саң*, который проводится на семейном и всеобщем уровнях. Семейный *саң* и всеобщий *саң* проводятся во время празднования Чагаа-Байрам. Особенность этого обряда заключается в том, что если человек дома провел обряд *саң*, он не может идти на всеобщее моление. Проведение обряда на личном и родовом уровнях в культуре алтайцев Кош-Агачского района не удалось выявить.

Обряд *саң* можно классифицировать ***по цели проведения***. Обычно принято проводить *саң* при посещении целебных источников, перед важным событием (охота, сватовство, свадьба), при проведении календарных обрядов *Јажыл-Бӱр* (Зеленая листва), *Сары-Бӱр* (Желтая листва) и при праздновании важных праздников, таких как Чагаа-Байрам или Эл-Ойын. Исходя из этого, можно сказать, что обряд *саң* является многогранным и может быть проведен с различными целями. Однако независимо от цели главной задачей обряда является обеспечение благополучия и процветания алтайского народа.

Обряд саң при посещении целебных источников. Согласно материалам, собранным в работе «Алтай јаң», опубликованной в 1996 г., при посещении целебных источников *аржан суу* специально берут собой человека, который знает, как проводить обряды. Обычно *саң* проводят на следующий день после прибытия на место назначения, переночевав, отдохнув и организовав место для привала. Утром следующего дня, приготовив чай и подготовив еду, которую принесли с собой, недалеко от *аржан суу* проводят обряд *саң салар*. На плоском камне разжигают огонь, туда накладывают *арчын* можжевельник и еду, которую принесли собой, и подносят духам местности, духу *аржана* и духу Алтая через огонь. Еда должна быть нетронутой «*аш-курсактың бажы»* (буквально ‘голова продуктов’). Под этим понимается еще никем не опробованная еда.

Человек, который впервые посещает *аржан суу*, должен окропить молоком или чаем, испрашивать благопожеланий и обойти *саң* три раза, начиная с восточной стороны. Люди, пришедшие вместе с таким человеком, участвуют в обряде моления. После этого каждый пришедший привязывает священные ленты *јалама / кыйра*, испрашивает здоровье и благополучие у духа *аржана*, духов местности и духа Алтая. В случае отсутствия дерева для привязывания *јалама / кыйра* привязывают священные ленты на кол (*казык*) [15. С. 43].

Люди некоторых районов не проводят *саң*. Вместо этого разжигают огонь, окропляют своим молоком и чаем, делают *шатра* (ритуальные предметы в виде фигур животных, людей и т.д., вырезанные из пресного сыра *быштак*), окуривают место можжевельником и привязывают *кыйра*. В своих благопожеланиях обращаются к духам *аржан суу*, близлежащих гор и местностей [15. С. 43].

Проведение обряда *саң* может различаться в зависимости от территории, где находится *аржан суу*. Это различие может наблюдаться не только между районами, но и между отдельными селами. Стоит отметить, что жители Улаганского и Кош-Агачского районов часто посещают *аржанов*. В период с августа по сентябрь среди местного населения нередко можно услышать фразу «*аржандап барјадым*», которая буквально переводится как ‘иду за аржаном’.

По словам А. Белеевой, уроженки с. Саратан Улаганского района, в ее семье обряд *саң салары* при посещении *аржана* проводится следующим образом. При посещении целебных источников *аржан суу* необходимо привязать священные ленты *кыйра* три раза. Первый *кыйра* привязывается недалеко от *аржана* в знак приветствия «*јакшылашкан учун*». Второй *кыйра* привязывают во время подношения, уже вблизи *аржан суу*, а третий – уже перед заходом на сам источник *аржан* – «*аржанга кирер алдында*» (буквально ‘перед тем как зайти на аржан’). *Кыйра* состоит из трех кусков белой материи шириной 2 см, длиной около 50 см.

Во время приветствия источника женщинам необходимо сделать полный поклон: преклонив колено (*чӧгӧдӧнип отурала*), необходимо руки с раскрытыми ладонями к себе поднять в вверх, затем ладонями как бы умывают лицо, и после нужно соприкоснуться лбом с землей [16]. Вытянув ладони, человек просит у духов-хозяев природы благодати и после проводит ее по лицу. Такой поклон считается символом смирения и подчинения высшей силе, а также способом выразить благодарность, раскаяние или просьбу о помощи. После захода на *аржан суу* мужчины первым делом берут воду и кипятят чай. Все присутствующие обязательно пьют этот чай. Женщины заходят на *аржан* только тогда, когда мужчины выйдут из *аржана*. В качестве подношения для *аржан суу* кладут пуговицы (*топчы*), бусы (*јинји*) или бусинки и монеты (*акча*). Угощают духов *аржан суу* дважды: в *айыле* во время приветствия и около самого *аржана*. Для угощения готовят две чашки (*айак*) с едой.

В семье А. Чеконовой, с. Кокоря Кош-Агачского района, *саң* проводили следующим образом. По словам информантки, если человек прибыл на *аржан суу* вечером, то нельзя проводить *саң*. Даже если он прибыл в обед, проводить запрещается. Обряд *саң* строго проводится рано утром с первыми лучами солнца до полудня. Место проведения обряда находится на возвышенности, за которой находится начало *аржанов* (*аржанның бажы*; буквально ‘голова аржана’). Место находится на восточной стороне. Восточная сторона в алтайской культуре ассоциируется с жизнью и считается благоприятной стороной света [7. С. 42].

Начинают обряд, как правило, с угощения огня и духов. Обряд проводит только мужчина – отец или дядя со стороны матери. В семье информанта обряд проводил дядя со стороны матери *таай*. Он угостил для начала духов молочным самогоном (*ачу аш*). Потом с молоком и чаем подошел к огню, окропил его и угостил огонь подготовленной едой. После провел ритуал очищения можжевельником, обходя огонь три раза.

Перед *аржанами* стоят *тагылы* для привязывания ритуальных священных лент. Только привязав ленты, проводится обряд моления *мӱргӱӱл*. Завершив обряд, участники обряда пьют чай и заходят в комплекс священных вод *аржанов* – Бугузун. Перед заходом на

каждый *аржан* повязывают священные ленты. Заход начинают с восточной стороны по движению солнца. Обычно заходят на *аржаны* утром, в обед и вечером и каждый раз строго соблюдают последовательность. На следующий день посещают только нужный источник, ко всем не заходят. Перед отъездом домой участники еще раз привязывают ритуальные ленты в знак благодарности *аржанам* [17].

Обряд саҥ в охотничьей культуре. Согласно полевым материалам исследователя Э.Г. Торушева, на месте привала при разжигании огня охотник обязательно проводит обряд *саҥ салар*, угощает духа огня пищей, которую принес с собой. В основном это белая пища (*ак-курсак*) – молочные продукты: молоко, *курут* (сырчик), *ааρчы* и т.д. При проведении обряда обязательно нужно говорить благопожелания, попросить у духов удачной охоты и поблагодарить за предстоящую дичь [13. С. 180]. Обряд *саҥ салар* проводят еще и дома перед охотой. Например, если «выезд будет утром, то вечером проводят обряд, связанный с удачной охотой» [13. С. 177]. *Отко саҥ салары* – ритуал поклонения огню – имеет большое значение в обряде. В это время опрыскивают молоком и говорят благопожелания, которые выражают почитание огня очага, испрашивают хорошей дороги и удачной охоты. Исследователь также отметил, что охотники проводят обряд *саҥ салар* во время прохождения почитаемых мест, например перевалов. Они так же разводят огонь, угощают духов местности молоком или чаем, брызгая их. Таким образом они просят у Алтай Кудай удачной охоты, иногда называют нужного зверя. Огонь угощают *боорсоком*, *курутом*, *сарју*, *ааρчы* и т.д., все кладут по два кусочка или четное количество. Обряд проводят не спеша, обдуманно [13. С. 179].

Саҥ салары во время праздника Чагаа-Байрам. Празднование нового года по лунному календарю начинается с проведения обряда *саҥ салары*. Обряд проводится рано утром, с первыми лучами солнца, как правило, на возвышенности. Согласно словам информанта А. Чеконовой, *Чагаа* проводится на 8-й день новолуния [17]. До проведения обряда готовят традиционные блюда: *талкан*, *ааρчы*, *курут*, мясо. Рано утром, примерно в часов семь, вся семья собирается на обряд *саҥ*. Информант отметила, что их семья проводит *саҥ* без алкогольного напитка *аракы* (*ачу аш јокко*). По ее словам, возможно, это зависит от статуса семьи «*боозогызынаҥ каманду*» (буквально ‘зависит от крыльца’), поэтому проводить обряд с алкогольным напитком могут только те, кому можно «*јарар улуска јарар*». Например, в семье информанта могли проводить обряд с алкогольными напитками только дяди со стороны матери *таайлары* [17].

До проведения обряда *саҥ* нужно придерживаться особых запретов и ограничений (*бай тудар керек*): не пить три дня, для женщин нельзя участвовать в обряде во время менструального цикла: *кызыл күндер болзо туружарга јарабас* (буквально ‘если красные дни нельзя участвовать’). Принято не проводить обряд в течение года, если кто-то в семье, среди родственников умер *чыгым болзо*. Если такой запрет растягивается на года, то принято считать, что дух Алтая говорит, что не надо проводить этот обряд этой семье [17]. Таким образом, проведение обряда сокращается и со временем забывается, что приводит к потере традиций в современной культуре.

Семейный саҥ в честь Чагаа проводят вместе с семьей дома, внутри ограды на восточной стороне, где есть специальное место для обряда. Место не на возвышенности, а строят некую возвышенность из камней или других предметов и кладут поверх плоский камень. Разжигают огонь и в начале обряда угощают его молоком и чаем. Окропляют по четырем сторонам света. Затем кладут еду, которую перемешали в одной емкости. Следующим этапом является ритуал очищения можжевельником. Пройдясь по кругу вокруг *саҥ* три раза, проводится обряд очищения. В этот очищенный круг входят все члены семьи и делают поклон (*мүргүүл*). Нужно обойти огонь три раза по часовой стрелке, останавливаясь на четырех углах, которые символизируют четыре стороны света (*беш талай*). Остановившись на каждой стороне света, женщины делают полный поклон: расстилают подол (*эдегин јайыйеле*), преклонив колено (*чөгөддөнип отурала*), поднимают руки вверх (*колын өрө эдип*), соприкасаются лбом с землей (*башты јерге тийгизип*) три раза и проговаривают: «*Чөөк кайракан!*» (обращение к богу, духу-хозяину Алтая). Мужчины не делают полный поклон. Они во время обряда снимают головной убор и делают поклон примерно в 90 градусов [17].

После обряда *саҥ* вся семья собирается в доме и пьет чай. Однако прежде чем пить чай, обязательно нужно угостить домашний очаг. Как правило, это делает хранительница домашнего очага, женщина. По словам информантки из с. Кокоря, ее мама обязательно кормит домашний огонь после обряда *саҥ* [18]. При встрече спрашивают у друг друга: «*Кыштыҥ кандый чыктар*? – *как пережили зиму* (дословно ‘как вышли из зимы’)», – и обычно отвечают: «*Өҥ*» (в значении «хорошо»). Она отметила, что в их семье функцию *тагыла* выполняло обычное бревно. Проведение обряда ничем не отличается, но стоит выделить особенность обрядовой пищи. В качестве мяса для обряда *саҥ* используют исключительно баранину. Алтайский чай готовят в казане (*чай казандап*) [18].

Обряд *саҥ* имеет важное значение в жизни алтайцев. Например, если школьник опоздал на уроки из-за проведения обряда, то это считается уважительной причиной [18]. По воспоминаниям информанта, во время школьных занятий ученики хотели поделиться с благопожеланиями *алкыш*. Информант тоже очень сильно хотела рассказать *алкыш* во время урока, и ей разрешили. *Алкыш* был таким: «*Ээлү, туулу Алтайым, / Эрјинелү Эре-Чуйым, / Ак малыска одор беригер, / Албаты јоныска ырыс беригер*» – ‘*С свинцовыми вершинами сверкающими, / Драгоценный Эре-Чуй мой, / Белому скоту нашему пастбища дайте, / Народу-люду нашему счастье дайте’* [18].

Нельзя во время проведения обряда сквернословить, ходить вокруг *тагыла* против часовой стрелки. Если со стороны женщины умирает кто-то, то проводить обряд *саҥ* в семье женщины можно, так как она считается «другой семьей». А если умирает кто-то со

стороны мужчины, то проведение обряда не допускается [18].

Саң салар по важным событиям. По словам информанта, *саң* проводили и во время празднования *Ылгайак* [17]. *Саң* проводится по важным событиям. Например, одна информантка отметила, что ее родители проводили обряд *саң* перед поездкой на свадьбу своей дочери [18].

Обряд *саң* проводится и перед отправкой на сватовство. Например, в Кош-Агачском районе родственники жениха рано утром собираются у входа дома, чтобы провести обряд *саң* перед тем, как отправится на сватовство. Устраивают подношение духу огня своего дома: возжигают можжевельник, окропляют молочным алкогольным напитком *аракы* и просят благословление [10. С. 455]. Любое важное событие или мероприятие начинается с обряда *саң салар*. Например, Чагаа-Байрам, праздник нового года по лунному календарю, начинается с обряда *саң*. Празднование национального праздника Эл-Ойын также начинается с обряда *саң*. На вершинах почитаемых гор или в возвышенных местах собираются старейшины и проводят этот обряд.

Выводы. Исследование обряда *саң* позволило сделать следующие выводы. Обряд *саң* остается актуальной и живой традицией, практикуемой алтайцами как на всеобщем уровне, во время национальных праздников, так и на родовом и личном уровнях. Несмотря на возможные локальные различия в проведении обряда, его цель остается неизменной – выразить благодарность и попросить благо и защиту для своего народа и для себя. Многообразие форм проведения обряда свидетельствует о богатстве и динамичности алтайской культуры, которая позволяет сохранять традиции, адаптируя их к современным условиям. Каждый обряд *саң* и благопожелания (*алкыш*) уникальны и неповторимы, что также характеризует живую и развивающуюся культуру алтайцев.

Несмотря на культурные преобразования в советский период, обряд *саң* смог сохраниться и существовать в скрытой форме, что свидетельствует о силе и стойкости алтайской культурной традиции. Обряд *саң* играет важную роль в сохранении и передаче алтайской культурной традиции. Однако закрытый характер некоторых обрядов на родовом уровне создает трудности для исследователей, так как они не могут быть задокументированы и переданы последующим поколениям. С одной стороны, это может восприниматься как проблема, так как затрудняет сохранение традиций. С другой стороны, закрытый характер обряда можно рассматривать как защиту сакрального, так как раскрытие его секретов может ослабить силу и значение обряда для участников.

Таким образом, сохранение и изучение алтайской культурной традиции, в том числе обряда *саң*, является актуальной задачей, требующей учета динамичности и многообразия культуры алтайцев.

Список источников

1. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л. : Наука, 1969. 676 с.
2. Ойротско-русский словарь / сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тощакова. 2-е изд. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 316 с.
3. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 2001. 493 с.
4. Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. М. : Сов. энцикл., 1968. 648 с.
5. Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. М. : Наука, 1987. Вып. 10. 342 с.
6. Алтайско-русский словарь / отв. ред. А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. 936 с.
7. Алтайский этнографический словарь / отв. ред. Н.В. Екеев, науч. ред. Э.В. Енчинов. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2023. 370 с.
8. Трансформация в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков) / отв. ред. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. Вып. 3: Культурно-религиозное пространство Горного Алтая в конце XX – начале XXI веков: трансформации и новации. 288 с.
9. Алтай алкыштар: алтай албатыныҥ оос творчествозы [Алтайские благопожелания] / сост. К.Е. Укачина, Е.Е. Ямаева; ред М.А. Толбина. Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1993. 144 с.
10. Обрядность в традиционной культуре алтайцев / отв. ред. Н.В. Екеев, науч. ред. Е.Н. Кузьмина. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2019. 704 с.
11. Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков) / ред. Н.О. Тадышева, Э.В. Енчинов. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. 336 с.
12. Конунов А.А. Чага Байрам в системе алтайской календарной обрядности в начале XXI в. (по материалам экспедиций 2017 г.) // Алтай Западная Сибирь в XIX начале XX вв.: население, хозяйство, культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию со дня рождения этнографа, экономиста и общественного деятеля С.П. Швецова. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. С. 314-322.
13. Торушев Э.Г. Промысловые культы алтайских охотников (по полевым материалам) // Народы Евразии: История. Культура. Языки : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2017. С. 176–184.
14. Шерстова Л.И. Религиозный синкретизм алтайских обрядов почитания лечебных источников (на примере Бугузунского аржана) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 171–177.
15. Муйтуева В.А., Чочкина М.П. Алтай јаҥ (Билениҥ бичиги) [Алтайские обычаи]. Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 1996. 208 с.
16. Полевые материалы автора. Интервью в апреле 2024 г. в г. Горно-Алтайск (информант Белеева А.А., 2001 г.р.).
17. Полевые материалы автора. Интервью в феврале 2024 г. в г. Горно-Алтайск (информант Чеконова А.Ю., 1996 г.р.).
18. Полевые материалы автора. Интервью в апреле 2024 г. в г. Горно-Алтайск (информант 1998 г.р.).

References

1. Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R. & Shcherbak, A.M. (eds) (1969) *Drevnetyurkskiy slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
2. Baskakov, N.A. & Toshchakova, T.M. (eds) (2005) *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oirat-Russian Dictionary]. 2nd ed. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
3. Todaeva, B.Kh. (2001) *Slovar' yazyka oyratov Sin'tszyana (po versiyam pesen "Dzhangara" i polevym zapisyam avtora)* [Dictionary of the Language of the Xinjiang Oirats (Based on Versions of the "Jangar" Songs and the Author's Field Notes)]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo.

4. Tenishev, E.R. (ed.) (1968) *Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
5. Rerikh, Yu.N. (1987) *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami* [Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels]. Vol. 10. Moscow: Nauka.
6. Chumakaev, A.E. (ed.) (2018) *Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies.
7. Ekeev, N.V. & Enchinov, E.V. (eds) (2023) *Altayskiy etnograficheskiy slovar'* [Altai Ethnographic Dictionary]. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies.
8. Ekeev, N.V. (ed.) (2018) *Transformatsiya v obshchestve i tsennosti traditsionnoy kul'tury v Respublike Altay (konets XX – nachalo XXI vekov)* [Transformation in Society and the Values of Traditional Culture in the Altai Republic (Late 20th – Early 21st Centuries)]. Vol. 3. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies.
9. Tolbina, M.A. (ed.) (1993) *Altay alkyshtar: altay albatynyң oos tvorchestvozy* [Altai Blessings: The Oral Creativity of the Altai People]. Gorno-Altaysk: Ak-Chechek.
10. Ekeev, N.V. & Kuzmina, E.N. (eds) (2019) *Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev* [Rituals in the Traditional Culture of the Altai People]. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies.
11. Tadysheva, N.O. & Enchinov, E.V. (eds) (2018) *Konstruirovanie obshcherossiyskoy, regional'noy i etnicheskoy identichnosti v Respublike Altay (konets XX – nachale XXI vekov)* [The Construction of All-Russian, Regional, and Ethnic Identity in the Altai Republic (Late 20th – Early 21st Centuries)]. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies.
12. Konunov, A.A. (2018) Chaga Bayram v sisteme altayskoy kalendarnoy obryadnosti v nachale XXI v. (po materialam ekspeditsiy 2017 g.) [Chaga Bayram in the System of Altai Calendar Rituals in the Early 21st Century (Based on 2017 Expedition Materials)]. *Altay Zapadnaya Sibir' v XIX nachale XX vv.: naselenie, khozyaystvo, kul'tura* [Altai and Western Siberia in the 19th and Early 20th Centuries: Population, Economy, Culture]. Proc. of the Conference. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies. pp. 314–322.
13. Torushev, E.G. (2017) Promyslovye kul'ty altayskikh okhotnikov (po polevym materialam) [Hunting Cults of Altai Hunters (Based on Field Materials)]. *Narody Evrazii: Istoriya. Kul'tura. Yazyki* [Peoples of Eurasia: History. Culture. Languages]. Proc. of the Conference. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya. pp. 176–184.
14. Sherstova, L.I. (2024) Religious Syncretism in Altai Rituals of Venerating Healing Springs (The Case of the Buguzun Arzhan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 91. pp. 171–177. (In Russian).
15. Muytueva, V.A. & Chochkina, M.P. (1996) *Altay jaң (Bileniң bichigi)* [Altai Customs (Book of Knowledge)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.
16. Author's field materials. Interview in April 2024 in Gorno-Altaysk (informant Beleeva A.A., born 2001).
17. Author's field materials. Interview in February 2024 in Gorno-Altaysk (informant Chekonova A.Yu., born 1996).
18. Author's field materials. Interview in April 2024 in Gorno-Altaysk (informant born 1998).

***Сведения об авторе*:**
Анчина Сырга Валерьевна – аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия); младший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: anchina.96@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Anchina Syrga V. – Postgraduate Student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Junior Researcher, S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: anchina.96@.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 01.04.2025; accepted for publication 17.09.2025

Научная статья
УДК 94(470.23-25 + 571.16)“18/19”:331.556.4
doi: 10.17223/19988613/97/22

Европейские общины и их место в городском межэтническом разделении труда в конце XIX − начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Томска)

Владимир Николаевич Шайдуров[1], Михаил Станиславович Генслер[2]

[1, 2] Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
[1] s-w-n@mail.ru
[2] gensler.hist@mail.ru

Аннотация. На примере Санкт-Петербурга и Томска рассматриваются особенности межэтнического разделения труда на рубеже XIX–XX вв. Использованы как опубликованные сводные данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г., так и материалы из Российского государственного исторического архива и Государственного архива Томской области. В ходе исследования установлен удельный вес представителей еврейской, немецкой и польской общин в хозяйственной жизни столичного и губернского городов, проведен сравнительный анализ их включенности в различные отрасли городского хозяйства.
Ключевые слова: межэтническое разделение труда, Санкт-Петербург, Томск, евреи, немцы, поляки

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, https://rscf.ru/project/23-18-20025/

Для цитирования: Шайдуров В.Н., Генслер М.С. Европейские общины и их место в городском межэтническом разделении труда в конце XIX − начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 173–181. doi: 10.17223/19988613/97/22

Original article

European communities and their place in the urban interethnic division of labor in the late 19th and early 20th centuries (using the example of St. Petersburg and Tomsk)

Vladimir N. Shaidurov[1], Mikhail S. Gensler[2]

[1, 2] Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
[1] s-w-n@mail.ru
[2] gensler.hist@mail.ru

Abstract. The article focuses on reconstructing the role of European communities (Jewish, German, and Polish) in the system of ethnic labor division in the late 19th and early 20th centuries. The issue is examined through the case studies of urban economies in St. Petersburg and Tomsk. The primary source for this historical-comparative research is the aggregated data from the First General Census of the Russian Empire in 1897. Additional sources include statistical records on the entrepreneurial activities of members of these communities, drawn from published materials and archival documents (the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Tomsk Region), as well as reference publications from the late 19th and early 20th centuries. The study found that the Jewish, German, and Polish communities were sizable, and their relative comparability allowed for an analysis of their role in the economic life of both cities. Living in an ethnically and religiously diverse environment, as well as facing legal restrictions on certain occupations at different historical periods (for Jews and exiled Poles), compelled community members to develop various adaptive strategies. These strategies enabled them to adjust to new conditions and integrate into the host society. One such strategy was active participation in the emerging labor division. Both in St. Petersburg and other cities (such as Tomsk), Jews, Germans, and Poles managed to integrate into urban economies. This was facilitated by the underdeveloped local labor market, their traditional expertise in certain economic sectors, and entrepreneurial initiative, which helped establish new branches of regional economies. In both St. Petersburg and Tomsk, these communities had a significant presence in education, distilling and brewing, watchmaking, surgical and musical instrument production, jewelry and luxury goods manufacturing, tailoring, and running taverns and hotels. Over time, the role of ethnicity in the production of goods and services diminished, giving way to economic considerations.
Keywords: interethnic division of labor, St. Petersburg, Tomsk, Jews, Germans, Poles

© В.Н. Шайдуров, М.С. Генслер, 2025

Acknowledgements: The study is supported by Russian Science Foundation and by St. Petersburg Science Foundation № 23-18-20025, https://rscf.ru/project/23-18-20025/

For citation: Shaidurov, V.N., Gensler, M.S. (2025) European communities and their place in the urban interethnic division of labor in the late 19th and early 20th centuries (using the example of St. Petersburg and Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 173–181. doi: 10.17223/19988613/97/22

В условиях активизации миграционных процессов в XIX – начале XX в. продолжилось формирование локальных этнических групп. Необходимость выживания в новых условиях ставила перед их членами задачу выработки адаптационных практик, одна из которых была связана с интеграцией в существовавшие хозяйственные отношения и вела к включению в уже сформированную на региональном уровне систему межэтнического разделения труда. Данная проблема сохраняет свою актуальность и в современной России. Это связано с активизацией трудовой миграции в конце XX – первой четверти XXI в.

На протяжении советского периода основным признаком участия в экономической деятельности являлся социальный статус. Это нашло свое отражение в историографии. В частности, в 1980-х гг. были изданы обобщающие труды по истории крестьянства [1] и рабочего класса [2]. Национальный фактор длительное время оставался вне поля зрения исследователей.

В условиях смены идеологической парадигмы и поиска новых методологических подходов в конце XX – начале XXI в. в отечественной исторической науке широкое распространение получила концепция мобильных групп-диаспор, сформулированная Дж. Армстронгом, которая на материале России была рассмотрена А. Каппелером [3, 4]. С подачи последнего в исследовательское поле был включен вопрос: «В какой мере были охвачены [экономическим бумом] периферийные области и нерусские народы?» [4. С. 224].

Региональная историография, посвященная хозяйственной деятельности отдельных этносов во второй половине XIX – начале XX в., крайне обширна и заслуживает отдельного исследования. В то же время работ, посвященных вопросу межэтнического разделения труда в позднеимперский период, немного.

Автором одной из первых монографий, посвященных рассматриваемой проблеме, была Е.В. Карих [5]. На основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. ею были проанализированы различные аспекты разделения труда по национальному признаку. Продолжением этой работы стали статьи [6, 7] и монография В.П. Зиновьева [8].

Цель данного исследования – дать историко-сравнительный анализ межэтнического разделения труда в Санкт-Петербурге и Томске на примере евреев, немцев и поляков и выявить его специфические черты. Нами будут выделены и охарактеризованы некоторые сферы хозяйственной деятельности, в которых они играли заметную роль.

Достижение поставленной цели невозможно без привлечения широкого круга источников. Нами были использованы как опубликованные материалы, так и документы, извлеченные из центральных и региональных архивохранилищ.

Один из основных источников, использованный нами, – сводные данные переписи населения Российской империи 1897 г., изданные по столичным городам [9] и отдельным губерниям [10]. В центре внимания оказалась таблица XXII, в которой сосредоточены сведения о числе занятых в 65 видах хозяйственной деятельности с учетом родного языка. Различные группировки данных позволили не только представить структуру видов деятельности применительно к каждой из общностей, но и определить их удельный вес в той или иной сфере.

Обезличенные статистические данные требуют конкретизации и персонификации. Решение этой задачи стало возможным благодаря привлечению публиковавшихся во второй половине XIX – начале XX в. справочных изданий. Так, важным источником по хозяйственной деятельности являются сборники, содержащие информацию о заводах и фабриках в интересующих нас регионах [11]. Однако при работе с этим источником следует помнить о его неполноте, так как составители включали сведения с учетом определенного порога. В некоторых случаях речь шла о ежегодном производстве продукции на 1 или 2 тыс. руб. Следовательно, малые предприятия изначально исключались из поля зрения.

Не следует приуменьшать значение адресных книг [12–14], материалы которых позволяют получить ценную информацию о владельцах предприятий, их локализации в городском пространстве.

Ценная информация содержится и в статистических отчетах и справках различных должностных лиц, выявленных в фонде 104 (Томское городское полицейское управление) Государственного архива Томской области. Отдельные сведения были извлечены из дел фонда 1102 (Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде») и фонда 1341 (Первый Департамент Сената) Российского государственного исторического архива.

Методологической основой исследования является концепция национальной вариативности модернизации, представленная и обоснованная в работах И.В. Побережникова [15]. Одним из признаков модернизации рубежа XIX–XX вв. является рост национального самосознания и активности, в том числе хозяйственной, отдельных этносов, проживавших в Российской империи. Среди последних евреи, немцы и поляки играли важную роль в социально-экономической жизни отдельных регионов, среди которых были Санкт-Петербург и Сибирь.

Исследование места и роли этнического сообщества в хозяйственной деятельности региона или страны

в целом проходит поэтапно. Одним из первых шагов в изучении данного явления становится анализ вовлеченности представителей этнической группы в разные сферы деятельности. Подобный подход с опорой на многочисленные опубликованные и архивные источники позволяет определить структуру хозяйственной занятости ее членов: выделить те виды хозяйственной деятельности, которые получили наибольшее распространение в сообществе. Несомненным недостатком подобной модели является, по сути, рассмотрение экономической жизни той или иной этнической общности в изолированном формате, ибо внимание исследователя сконцентрировано на анализе вовлеченности, например, сибирских немцев преимущественно в сельское хозяйство [16], а евреев или поляков в торгово-промышленную сферу [17, 18]. Именно это направление получило наибольшее распространение в историографии.

Иной подход мы видим при изучении включенности этнического сообщества в отдельные отрасли народного хозяйства. В этом случае мы имеем возможность определить удельный вес его представителей в сельском хозяйстве, отдельных производственных отраслях, видах торговли, транспорте и т.д. Использование статистических источников, например переписи населения 1897 г., позволяет получить качественный срез на всех административно-территориальных уровнях: городском, уездном, губернском, а в обобщенном виде – на уровне региона или страны в целом. Подобный подход позволяет, кроме прочего, получить представление о распространении профессиональных занятий внутри этнической группы.

Одним из существенных, на наш взгляд, недостатков этого подхода является то, что в результате исследования мы видим количественные данные о занятых евреях, немцах, татарах и других этносов в той или иной отрасли относительно общего числа занятых. При этом мы упускаем из поля зрения иные характеристики, которые позволили бы представить их реальное место в отрасли. Это может способствовать в некоторых случаях формированию ложной картины. Для наглядности можно апеллировать к данным по винокурению и пивоварению в Томске (по данным 1897 г.): в отрасли поляки составили 10,7% самозанятых (без членов семей), немцы – 5,4%, евреи – 7,1% [10. С. 108]. Однако материалы податной статистики конца 1880-х гг. позволяют говорить о том, что по уровню технико-технологического развития производства, объемам производимой продукции, доле на рынке и другим показателям лидерство в отрасли принадлежало не полякам: оно было в руках еврейских предпринимателей И. Фуксмана и М. Рейхзелигмана, на долю которых пришлось почти 55% от уплаченного акциза с томских пивоваренных заводов [19. С. 145–146].

Исходя из этого, следует более осторожно относиться к имеющимся данным. Получение более достоверной картины участия этнических сообществ в межэтническом разделении труда возможно при более глубокой проработке вопроса с привлечением новых источников.

В центре нашего внимания находятся евреи, немцы и поляки, которые являлись неотъемлемой частью историко-культурного и экономического ландшафта Санкт-Петербурга и Томска во второй половине XIX – начале XX в. Выбор означенных этнических сообществ для историко-сравнительного анализа обусловлен схожими чертами их формирования и удельным весом в общей массе населения города.

Еврейская община в Санкт-Петербурге формировалась с XVIII в., однако с введением так называемой «черты оседлости» и некоторых иных сегрегационных норм проживание в столице им было запрещено. Лишь с 1860-х гг. постепенная либерализация законодательства сделала возможным не только приезд, но и водворение евреев в столице.

Формирование еврейской общины Томска началось в первой половине XIX в. Лишь во второй половине XIX в. она стала пополняться не только бывшими административными ссыльными и их потомками, но и трудовыми мигрантами, которые воспользовались законодательными послаблениями и покинули «черту оседлости».

Первые немцы появились в Санкт-Петербурге одновременно с образованием города. Ко второй половине XIX в. немецкая община состояла преимущественно из представителей третьего сословия (мещан, цеховых, почетных граждан). Заметную роль в жизни общины играли немцы-иностранцы, сохранявшие во второй половине XIX в. свое прежнее подданство.

В Томске немцы первоначально появились по долгу службы, но ко второй половине XIX в. немецкая община была представлена не только военными и гражданскими чиновниками, проходившими службу в Сибири. Миграционные процессы способствовали появлению в городе выходцев из других регионов и германских государств. Часть немцев-иностранцев в Томске приняла русское подданство. Но были и те, кто, проживая в городе десятилетиями, сохранял прежнее подданство.

Главное отличие сибирской полонии от польской общины Санкт-Петербурга сводится к тому, что для первой одним из главных источников возникновения и дальнейшего пополнения была со второй половины XVII в. ссылка. Однако в формировании польских общин Санкт-Петербурга и Томска есть и общие черты, среди каковых в первую очередь следует выделить различные формы трудовой миграции. Последнее относится к службе военных и чиновников, часть из которых постоянно проживала в рассматриваемых городах. Модернизационные процессы способствовали росту социальной мобильности, что влекло перемещение поляков в привлекательные для них центры.

О численности рассматриваемых общин и их удельном весе в общей массе населения городов можно судить по приведенным ниже данным (табл. 1, 2).

Оказавшись в новых условиях, представители этнических общностей оказались перед необходимостью адаптации и, как следствие, интеграции в существовавшие народнохозяйственные системы. В то же время мы должны учитывать действовавшие в разные исторические периоды правовые нормы, которые регламентировали возможности ведения некоторых видов хозяйственной деятельности для той или иной этнической общности. Так, на протяжении XIX в. эпизодиче-

ски действовали запреты на винокурение для евреев. Сибирская полония, состоявшая, как уже упоминалось, преимущественно из ссыльных, сталкивалась с многочисленными ограничениями в разных сферах. Тем не менее, присутствовавшие в рассматриваемых городах этнические общины смогли к концу XIX в. не только занять свое место, но и обрести определенный вес в общегородском хозяйстве (табл. 3).

Таблица 1

Евреи, немцы, поляки в структуре населения Санкт-Петербурга

Народности	Занятое население			Члены семей		Всего	% к общему числу	% к числу занятых
	Все	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			
Население Санкт-Петербурга	819 923	554 953	264 970	137 714	307 283	1 264 920	100	100
Поляки	26 196	19 730	6 466	3 082	7 451	36 729	2,9	3,2
Немцы	29 329	16 868	12 461	5 794	1 5657	50 780	4	3,6
Евреи	5 602	4 251	1 361	2 022	4 403	12 037	1	0,7

Примечание. Таблица составлена по: [9. С. 212–217].

Таблица 2

Евреи, немцы, поляки в структуре населения Томска

Народности	Занятое население			Члены семей		Всего	% к общему числу	% к числу занятых
	Все	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			
Население Томск	27 227	18 997	8 230	8008	16974	52209	100	100
Поляки	580	579	101	156	348	1184	2,3	2,1
Немцы	144	190	54	56	117	417	0,8	0,5
Евреи	1 046	824	222	661	1309	3016	5,8	3,8

Примечание. Таблица составлена по: [10. С. 180–181].

Таблица 3

Удельный вес евреев, немцев и поляков в различных видах хозяйственной деятельности в Санкт-Петербурге и Томске

Виды деятельности	Поляки		Немцы		Евреи	
	Санкт-Петербург	Томск	Санкт-Петербург	Томск	Санкт-Петербург	Томск
01–03. Администрация, суд и полиция, общественная и сословная служба, частная юридическая деятельность	5,9	4,3	2,3	0,6	0,2	0,3
04. Вооруженные силы	11,2	меньше 0	1,4	меньше 0	0,7	меньше 0
09. Учебная и воспитательная деятельность	4,1	2,9	11,4	3,4	0,3	4,7
10. Наука, литература и искусства	6,3	7,4	9,7	4,5	1,3	3,4
11. Врачебная и санитарная деятельность	5,3	3,8	8,2	2,6	1,9	6,4
13. Деятельность и служба частная. Прислуга, поденщики	3	2,4	3,1	0,6	0,1	0,8
27. Обработка металлов	4,3	2,5	3,1	1,3	0,7	6,1
30. Винокурение, пиво- и медоварение	1,9	10,7	3,9	5,4	0,1	7,1
35. Производство инструментов физических, оптических, хирургических, музыкальных, часов, игрушек и пр.	3,9	2,1	15,3	2,1	6,3	32,6
36. Ювелирное дело, живопись, производство предметов культа, роскоши и т.д.	1,2	5	3,7	0	25,9	10
37. Изготовление одежды	1,8	2,1	3,5	0,3	1,8	10,2
42. Железные дороги	9,9	12,8	2,1	1,2	0,04	0,3
43. Извозный промысел	0,7	3,2	0,7	0,5	0,1	12,5
46. Кредитные и общественные коммерческие учреждения	5,4	3,5	20,4	1,8	0,7	0
47. Торговое посредничество	2,3	0	7,8	11,8	1,1	8,8
48–59. Торговля	0,7	1,3	2,8	1	1,3	9,1
60. Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты, клубы	2	4,5	2,7	1	0,3	7
61. Торговля питейная	0,9	0	2,7	0	0,1	7,7
64. Проституция	4,3	0	5,9	0	1,3	7,6

Примечание. Таблица составлена по: [9. С. 212–217; 10. С. 180–181].

Обратимся к сравнительному анализу некоторых сфер хозяйственной деятельности, в которых были наиболее активны представители рассматриваемых меньшинств как в Санкт-Петербурге, так и Томске.

Еще в 1860-е гг. один из публицистов отмечал факт «немецкого засилья» в столице [20. С. 174]. Миграционные процессы 1860–1890-х гг. способствовали значительному изменению этнической структуры населения города, что отразилось и на вовлеченности новых общин в те или иные сферы хозяйственной деятельности.

Санкт-Петербург конца XIX в. был одним из центров ювелирного производства не только Российской империи. Город привлекал новых мастеров, число которых постоянно увеличивалось. Так, в 1850 г. в столице было 205 ювелиров [12. С. 34–40], в 1868 г. – 303 [13. С. 54–57], а к 1898 г. – 357 [14. Стб. 3316–3326]. Постепенно сокращалась доля немецких мастеров, и росло число евреев, занимавшихся изготовлением изделий из драгоценных металлов и обработкой бриллиантов. Если в 1867 г. в столице последние составляли

менее 10% [13. С. 54–57], то к 1898 г. их доля выросла до 15% [14. Стб. 3316–3326].

С 1880-х гг. еврейские ювелиры, осев в столице, стремятся интегрироваться в сферу и занять в ней свое место. Они записываются в цех, открывают мастерские. Большинство так и останется мелкими ремесленниками. Лишь при благоприятном стечении обстоятельств немногие из них могли развить свое дело до крупного производства с созданием торгового дома. Одним из примеров может служить Абрам Липов Шоломов Бейлин-Левков. В сентябре 1882 г. он выдержал экзамен на звание мастера серебряно-позументного цеха и получил право на самостоятельную деятельность, что было подтверждено свидетельством, выданным Санкт-Петербургской ремесленной управой [21. Л. 1]. Вместе с сыном он основал около 1908 г. торговый дом «Бейлин и сын». В начале 1900-х гг. его мастерская и магазин находились в д. 22/2 на ул. Садовой [14. Стб. 3316].

Большинство мастеров занимались изготовлением и продажей изделий из драгоценных металлов. Однако в руках еврейских ювелиров была сосредоточена часть обработки и продажи бриллиантов и драгоценных камней. В среде состоятельной части горожан были известны магазины Ильи Марголина (наб. р. Фонтанки, д. 161), Хаима Масеева (ул. Мещанская, д. 25) [14. Стб. 3321] и др.

Постепенный рост численности еврейской общины Санкт-Петербурга привел к перераспределению рынка изготовления и сбыта часов. Об этом свидетельствуют данные о мастерах часовых дел. Так, в середине 1860-х гг. из 127 ремесленников почти половину составляли немцы, поляков среди них было крайне мало, евреев – не более двух-трех человек [13. С. 231–233]. К концу XIX в. ситуация кардинально изменилась: из 231 столичного часовщика почти 90, или 39%, были евреями, тогда как доля немецких мастеров сократилась до 19–20% [14. Стб. 3979–3986]. Лишь немногие немецкие мастера смогли выдержать конкуренцию. В качестве одного из примеров можно назвать заведение Генриха Дитце, образованное в 1848 г. Доля польских часовщиков в столице оставалась невысокой. Так, можно отметить магазины Оскара Андрушевича на Каменноостровском пр. [14. Стб. 3980], Антона Свиглинского на 6-й линии Васильевского острова [14. Стб. 3984] и др.

В сфере производства и продажи часов в еврейской среде Санкт-Петербурга среди владельцев были и женщины. Одной из наиболее успешных предпринимательниц была Рохля Ершовская, которой принадлежало два магазина, расположенных на Вознесенском пр. и ул. Разъезжей [14. Стб. 3982]. Продажа часов в обоих заведениях шла параллельно с торговлей ювелирными изделиями [14. Стб. 3318].

В Томске в сравнении со столицей часовых дел мастеров и специализированных магазинов было гораздо меньше. Но и здесь видную роль играли еврейские предприниматели, которые фактически монополизировали эту сферу. В пяти случаях из шести именно им принадлежали часовые магазины. Так, одним из владельцев торгового заведения был минский мещанин Исаак Айзиков Пересман (ул. Почтамтская, д. 14) [22. Л. 27].

Как в Санкт-Петербурге, так и в Томске представители этнических меньшинств играли заметную роль в ювелирном деле. Зачастую именно в их среде было большое количество золотых и серебряных дел мастеров. Из томских еврейских ювелиров следует упомянуть уроженца Виленской губернии Абрама Каца и митавского мещанина Маркуса Йозефовича, каждый из которых имел свой магазин (ул. Почтамтская, д. 12 и д. 20 соответственно) [22. Л. 28].

Одна из сфер, в которой наблюдается явное несовпадение, был извозный промысел. В столице, как мы видим, доля поляков и немцев была менее 1%, а число извозчиков-евреев ничтожно мало. Это объясняется тем, что доминирующие позиции занимали русские (88,8%), за ними шли финны (3,3%) и татары (0,97%) [9. С. 218, 222, 223].

В Томске мы наблюдаем несколько иную картину: при известном преобладании русских, доля которых была ниже, чем в Санкт-Петербурге (76%), евреи составили 12,5% городских извозчиков, тогда как на долю поляков пришлось 3,2%, а немцев – менее 1% [10. С. 180–181]. Подобная картина сложилась в течение второй половины XIX в., когда отбывшие политическую ссылку поляки и административную ссылку евреи вынуждены были изыскивать заработок. При сохранявшихся правовых ограничениях на включенность в некоторые виды деятельности (например, содержание гостиниц, фотографических салонов, преподавательская деятельность и пр.) они вынуждены были идти в извоз. Среди извозчиков-поляков встречались и обедневшие дворяне. Например, в книге томских биржевых извозчиков и их работников в конце 1880-х – начале 1890-х гг. числились Леонтий Мелевский [23. Л. 47 об.–48], Войцех Старажевский [23. Л. 104 об.–105], Зенон Монткевич [23. Л. 156 об.–157]. Среди извозчиков-евреев преобладали томские мещане, хотя встречались и такие, кто был по паспорту приписан к губерниям черты оседлости.

Значительное смягчение паспортной системы вкупе с развитием транспорта значительно способствовало росту мобильности населения. Одним из его проявлений стало увеличение количества гостиниц в столичных и губернских городах.

Немцев – владельцев фешенебельных гостиниц – в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. было немного. Одной из таких была гостиница «Виктория», принадлежавшая до 1905 г. Карлу Ланге [24. Стб. 3971]. С 1905 г. она уже принадлежала братьям Рогген [25. С. 1146]. «Гранд-Отель» в это же время принадлежал Паулю Шотте [25. С. 1146].

Не столь высокая покупательская способность сибирских обывателей отразилась на состоянии гостиничной сферы. Большинство прибывающих в Томск предпочитало останавливаться на постоялых дворах, которые располагались в разных частях города. Так, несколько заведений в начале XX в. занимали постройки в Болотном переулке. Одно из них принадлежало крестьянке Ишимской волости Томского уезда Малке Итолзон [22. Л. 14]. На ул. Кондратьевской

владелицей постоялого двора была томская мещанка Раиса Фулевич [22. Л. 13 об.], а в д. 11 на Иркутском тракте – бывший ссыльный, крестьянин Боготольской волости Томского уезда Юлиан Сидикевский [22. Л. 14]. Вовлеченность поляков и особенно евреев в гостиничную сферу объясняется в первую очередь большим числом приезжавших в Томск по разным делам польских и еврейских обывателей, которые стремились поселиться у «своих».

Одной из динамично развивавшихся сфер во второй половине XIX в. было винокурение и пивоварение. Развитие отрасли во многом зависело от изменений в законодательстве, которые внедрялись как на общегосударственном, так и на региональном уровне.

Как мы видим, в Санкт-Петербурге немцы занимали одну из главных позиций. С конца XVIII – первой четверти XIX в. в их руках оказалась значительная часть пивоваренного рынка. Достаточно указать на «Калинкинское товарищество», возникшее в конце XVIII в., и акционерное общество «Калашниковский пиво-медоваренный завод бывш. А. Крона и К°» (основан в 1811 г.). На их долю в конце XIX – начале XX в. приходилось более 50% сваренного в столице пива. Годовое производство Калинкинского завода оценивалось в 2 112 тыс. руб. [26. С. 646], а Калашниковского – в 670 тыс. руб. [26. С. 646].

Заметную роль немцы играли и на рынке винокурения. Некоторые из предприятий возникли еще в дореформенный период (например, фирма Штритера существовала с 1831 г.). В начале XX в. значительные объемы водки и ректификационного спирта в столице производились на заводах акционерного общества «Келлер и К°» (на 242 тыс. руб.), В.А. Штритера (на 180 тыс. руб.), К.О. Иона (на 204 тыс. руб.) [26. С. 646–647].

В Томске, как и в целом по Сибири, в XIX в. сформировалась тенденция преобладания в винокурении и пивоварении польских и еврейских предпринимателей. Вводившиеся ограничения на производство евреями крепких напитков заставляли их переходить в лютеранство (примером может служить семья Фуксманов) либо оформлять предприятия на подставных лиц.

На фоне доминирования русских владельцев винокуренных заводов можно выделить содержавшего завод в Томске польского дворянина И. Андроновского, небольшое предприятие которого производило продукции на 6 тыс. руб. [11. С. 205].

Более интернациональной была сфера пивоварения. Один из крупнейших заводов (основан в 1883 г.) принадлежал прусскому подданному Р.И. Крюгеру. На нем было произведено продукции в 1910 г. на 15 тыс. руб., что составило около 27,7% совокупного производства по отрасли. При этом на долю еврейских пивоваров М. Рейхзелигмана и Г. Фуксмана пришлось более 32% [11. С. 208].

Либерализация паспортной системы во второй половине XIX в. способствовала резкому наплыву в города сельских жителей. Маргинализация горожан отразилась в развитии питейной торговли. Большим спросом пользовались пивные и портерные лавки, ренсковые погреба, питейные дома и т.д.), которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни как столичного, так и губернского города. При сопоставлении данных о месте евреев, немцев и поляков в питейной торговле Санкт-Петербурга можно заметить, что число вовлеченных в эту сферу предпринимателей пропорционально численности общин.

При железнодорожных вокзалах и речных пристанях с конца XIX в. открывались буфеты. Нередко их владельцами были немцы, поляки, татары. Так, в 1902 г. при Николаевском и Варшавском вокзалах буфеты содержал Рафик Рахматуллун Алышев [27. Стб. 2632], а Иоганна-Фредерика Зиберт была владелицей буфета на пристани Николаевской набережной напротив ее пересечения с 13-й линией Васильевского острова [27. Стб. 2633]. Посетители Василеостровского театра могли скоротать время в буфете, принадлежавшем Николаю Богдановскому [27. Стб. 2632], а немецкие ремесленники, являвшиеся членами различных кружков, были завсегдатаями буфета «Пальма» в Максимилиановском пер., д. 18 [27. Стб. 2633].

Польские студенты и прочие обыватели регулярно посещали «Польскую кофейню» на Михайловской ул., д. 2/9, владелицей которой была Станислава Бахминская [27. Стб. 2636]. Большой популярностью пользовалась и «Варшавская кухмистерская» Клементия Погоржельского, находившаяся в центре города (ул. Малая Конюшенная, д. 12/17) [27. Стб. 2637]. Многочисленные кухмистерские в городе принадлежали петербургским немцам и евреям.

Пивные погреба, которые были расположены во всех частях города, получали товар от петербургских заводов. Евреи, проживавшие в Коломенской части, могли посетить пивную Семена Катца (наб. р. Пряжки, д. 54) [28. С. 1182], а немцы Петроградской стороны ходили в пивную Яна Кригера (Кронверкский пр., д. 3) [28. Стб. 1182].

Большой популярностью у рядовых горожан пользовались и ренсковые погреба, торговавшие винами и винными напитками. Торговый дом «Я.А. Фохтс», существовавший с 1817 г., имел сеть заведений по всему городу [28. Стб. 1056]. Его визитной карточкой стал авторский портвейн № 109. Свою сеть имело и торговое предприятие «К.О. Шитт» [28. Стб. 1056], которое было образовано в 1818 г. Большая часть товара поступала в его погреба с собственного винного склада на Васильевском острове.

Состоятельные горожане на рубеже веков были частыми посетителями ресторанов, недостатка в которых в конце XIX – начале XX в. в столице не было. Среди «немецких» ресторанов большой популярностью пользовались заведения Иоганна Зиберта «Бернгард» на Васильевском острове [27. Стб. 2643] и Вильгельма Брокмана «Немецкий» на Казанской ул. [27. Стб. 2644].

В Томске, как мы видим из статистических данных, питейные заведения принадлежали преимущественно представителям еврейского сообщества. Однако ситуация не была столь однообразной. Так, среди винных кабаков в городе можно отметить три заведения, принадлежавших жене польского ссыльного Горелло с общим годовым оборотом 3 тыс. руб. и налогооблагаемой прибылью в 200 руб. [19. С. 141]. Кабак, принадлежавший польскому предпринимателю и купцу второй

гильдии К.Я. Зеленевскому, имел большие оборот и прибыль (2 тыс. и 100 руб. соответственно) [19. С. 141].

Количество ренсковых погребов в Томске на конец XIX в. было меньшим, чем кабаков (21 против 70). Торговля алкогольными напитками навынос была более затратной, но и прибыльной. Так, заведение купца второй гильдии И.К. Качковского имело заявленный оборот в 3 тыс. руб. [19. С. 142], однако оно вряд ли может быть отнесено к крупным. Для сравнения: ренсковый погреб первогильдейского купца И.Г. Гадалова имел оборот в 70 тыс. руб. [19. С. 142].

Наличие в городе пивоваренных заводов требовало от из владельцев создания сети реализации. На 1904 г. в городе было десять пивных лавок, которые пользовались популярностью у городских обывателей. Из пивных Томска следует упомянуть торговое заведение К. Зеленевского [19. С. 143], через которую он реализовывал произведенную на собственном пивоваренном заводе продукцию. Пивная лавка Зеленевского, торговавшая на вынос, существовала достаточно долго [22. Л. 6 об.]. В середине 1900-х гг. родственнику владельца пивоваренного завода Адольфу Ивановичу Крюгеру в городе принадлежали пивные лавки, торговавшие на вынос и распивочно [22. Л. 6 об.–7]. И сам владелец завода Роберт Крюгер держал пивные лавки [22. Л. 22]. Так, одна из них, в которой торговля велась распивочно и на вынос, располагалась в д. 7 по Больше-Королёвской улице [22. Л. 25 об.]. Свои пивные лавки, торговавшие товаром распивочно, были у М.И. Рейхзелигмана [22. Л. 7] и Б.Л. Фуксмана [22. Л. 7 об.].

Собственно, в Томске евреи являлись владельцами питейных заведений, но их годовой оборот был крайне невелик и составлял менее 2 тыс. руб. К тому же некоторые из них, проживая в губернском центре, вели торговые дела за его пределами.

Одна из сфер, в которой были задействованы представительницы трех рассматриваемых общин, была проституция. Однако их удельный вес в Санкт-Петербурге и Томске разительно отличался. Так, в первом случае мы видим присутствие всех этнических групп: при известном доминировании русских далее следовали финки, немки, полячки, еврейки. При этом обращает на себя внимание факт заметного преобладания немок над прочими меньшинствами. Эти цифры вполне коррелируют с численностью общин.

Среди немок, занятых промыслом в петербургских домах терпимости, доминировали иностранки. Многие из них шли в промысел для того, чтобы сколотить приданое. Как отмечал в своем отчете доктор медицины А.И. Федоров, «через два-три года немка увозит на родину от 500 до 2 000 рублей» [29. С. 21].

В Томске мы наблюдаем иную картину: в рассматриваемой сфере отмечается факт присутствия только евреек. Подобная ситуация не была уникальной для губернского центра. Еще в конце XIX в. современники отмечали, что «наибольший процент их (проституток. – *В.Ш., М.Г.*) приходится на ту национальность, к которой принадлежит большинство местного населения» [30. С. XX–XXI].

И в Санкт-Петербурге, и в Томске к концу XIX в. сформировался устойчивый спрос на проституток. Главными потребителями услуг домов терпимости были солдаты, студенты. Рынок услуг формировался преимущественно за счет молодых девушек, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. И в столице, и в других городах девушки принадлежали преимущественно к крестьянскому и мещанскому сословиям. Об этом наглядно свидетельствуют как материалы столичного врачебно-полицейского надзора за проституцией [30. С. 25–32], так и сохранившиеся архивные документы о томских домах терпимости за 1880–1900-е гг. [31–33].

На протяжении всего имперского периода в Санкт-Петербурге и прочих губернских городах, в том числе Томске, сложились еврейская, немецкая и польская общности. Оказавшись в иноэтничном и иноконфессиональном окружении, их представители для выживания в новых реалиях столкнулись с необходимостью выработки адаптационных практик и интеграционных механизмов. Эти задачи были решены посредством включенности в некоторые сферы народного хозяйства, что определило место и роль евреев, немцев, поляков в системе межэтнического разделения труда. Как в столице, так и провинции представители этнических меньшинств ориентировались на уже существовавшие реалии. В большинстве случаев они занимались традиционными для себя занятиями, но в критических ситуациях могли становиться зачинателями новых отраслей.

Как в столице, так и губернском центре межэтническое разделение труда становилось механизмом обеспечения условий жизнедеятельности неавтохтонных этнических общностей. В некоторых сферах они смогли занять доминирующие позиции, уступая по удельному весу лишь русскому населению городов. В этих случаях потребителями производимых товаров или услуг становились прочие горожане, независимо от национальности и вероисповедания. В то же время можно выделить и такие немногочисленные сферы (например, проституция), в которых потребителями производимой продукции становились преимущественно представители своей этнической или этноконфессиональной сферы.

Список источников

1. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / под ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск : Наука, 1983. 399 с.
2. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / под ред. В.Н. Блинова. Новосибирск : Наука, 1982. 459 с.
3. Kappeler A. Die Deutschen im Rahmen des zaristischen und sowjetischen Vielvoelkerreiches: Kontinuitaet und Brueche // Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat. Köln : Markus-Verlag, 1987. S. 9–19.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
5. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск : Из-во Том. ун-та, 2004. 230 с.
6. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Пермской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 21–26. doi: 10.17223/15617793/503/2. EDN HTJTZH.

7. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Семипалатинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 142–147. doi: 10.17223/19988613/84/18. EDN GODCPG.
8. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по данным переписи 1897 г. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. 210 с.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. Т. 37: Город С.-Петербург, тетр. 2-я и последняя. 266 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. Т. 79: Томская губерния. 246 с.
11. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. СПб. : Тип. Р. Голике, 1900. 281 с.
12. Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т.п. на 1849 год. СПб. : тип. Штаба Отд. кор. внутр. стражи, 1849. 531 с.
13. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой : в 5 отд. / сост. И.И. Рынкевич; предисл. Г. Гоппе и Г. Корнфельда. СПб. : Гоппе и Корнфельд, 1868. Отд. IV. 987 с.
14. Адресная книга города С.-Петербурга на 1898 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1897. 1219 с.
15. Побережников И.В. Проблемы в изучении российских модернизаций // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : материалы XIII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г. Екатеринбург : УрО РАН, 2018. Т. 1. С. 93–102.
16. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.
17. Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 241 с.
18. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890–1830-е гг.). Новосибирск : Изд-во НГАСУ (СИБСТРИН). 2011. 460 с.
19. Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск : Изд. Сиб. кн. маг. Михайлова и Макушина, 1890. XI, 433, 27, V с.
20. В.С. Записки метафизика. О насущном хлебе // Отечественные записки. 1868. № 1. С. 166–184.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1102. Оп. 4. Д. 63.
22. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 3446.
23. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2163.
24. Адресная книга города С.-Петербурга на 1899 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1898. LXIX с., 4160 стб., 1046 с.
25. Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1905. 883 с., 2046 стб.
26. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 840 с.
27. Адресная книга города С.-Петербурга на 1902 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1902. LXIX с., 2833 стб., 1132 с.
28. Адресная книга города С.-Петербурга на 1900 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1899. LXIV с., 4136 стб., [1], 1099 с.
29. Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. СПб. : Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.
30. Статистика Российской империи / под ред. А. Дубровского. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1890. Т. XIII: Проституция в Российской империи по обследованию на 1 августа 1889 г. XXXVI, 85, 39 с.
31. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1848.
32. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3482.
33. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3481.

References

1. Goryushkin, L.M. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The Peasantry of Siberia in the Era of Capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
2. Blinov, V.N. (ed.) (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [The Working Class of Siberia in the Pre-October Period]. Novosibirsk: Nauka.
3. Kappeler, A. (1987) Die Deutschen im Rahmen des zaristischen und sowjetischen Vielvoelkerreiches: Kontinuitaet und Brueche. In: *Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat*. Köln: Markus-Verlag. pp. 9–19.
4. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia – A Multinational Empire. Emergence. History. Disintegration]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v.* [Interethnic Relations in Western Siberia in the Process of Its Economic Development. 19th – Early 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Zinoviev, V.P. (2024) Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Permskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic Division of Labor in the Perm Province According to the 1897 Census Data]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 21–26. doi: 10.17223/15617793/503/2
7. Zinoviev, V.P. (2023) Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Semipalatinskoy oblasti po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic Division of Labor in the Semipalatinsk Region According to the 1897 Census Data]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 142–147. doi: 10.17223/19988613/84/18
8. Zinoviev, V.P. (2024) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Aziatskoy Rossii po dannym perepisi 1897 g.* [Interethnic Division of Labor in Asiatic Russia According to the 1897 Census Data]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Troinitsky, N.A. (ed.) (1903) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii* [The First General Census of the Population of the Russian Empire]. Vol. 37. St. Petersburg: Izd. Tsentr. stat. kom. M-va vnutr. del.
10. Troinitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii* [The First General Census of the Population of the Russian Empire]. Vol. 79. St. Petersburg: Izd. Tsentr. stat. kom. M-va vnutr. del.
11. Orlov, P.A. (1900) *Ukazatel' fabrik i zavodov okrain Rossii: Tsarstva Pol'skogo, Kavkaza, Sibiri i Sredne-Aziatskikh vladeniy* [Directory of Factories and Plants in the Russian Borderlands: The Kingdom of Poland, the Caucasus, Siberia, and the Central Asian Possessions]. St. Petersburg: Tip. R. Golike.
12. Tsylov, N.I. (1849) *Gorodskoy ukazatel', ili Adresnaya kniga vrachey, khudozhnikov, remeslennikov, torgovykh mest, remeslennykh zavedeniy i t.p. na 1849 god* [City Directory, or Address Book of Doctors, Artists, Artisans, Commercial Establishments, Craft Workshops, etc. for 1849]. St. Petersburg: tip. Shtaba Otd. kor. vnutr. strazhi.
13. Rynkevich, I.I. (ed.) (1868) *Vseobshchaya adresnaya kniga S.-Peterburga, s Vasil'evskim ostrovom, Peterburgskoy i Vyborgskoy storonami i Okhtoy: v 5 otd.* [General Address Book of St. Petersburg, with Vasilievsky Island, the St. Petersburg and Vyborg Sides, and Okhta: In 5 Sections]. Vol. 4. St. Petersburg: Goppe i Kornfel'd.
14. Yablonsky, P.O. (ed.) (1897) *Adresnaya kniga goroda S.-Peterburga na 1898 g.* [Address Book of the City of St. Petersburg for 1898]. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo.

15. Poberezhnikov, I.V. (2018) Problemy v izuchenii rossiyskikh modernizatsiy [Problems in Studying Russian Modernizations]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII–XXI vv.* [The Industrial Urals. Bakunin Readings. Russia's Industrial Modernization in the 18th–21st Centuries]. Proc. of the 3rd Conference. Ekaterinburg, October 18–19, 2018. Vol. 1. Ekaterinburg: UrB RAS. pp. 93–102.
16. Vibe, P.P. (2007) *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskiy aspect* [German Colonies in Siberia: A Socio-Economic Aspect]. Omsk: OmGPU.
17. Galashova, N.B. (2006) *Evrei v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Jews in the Tomsk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsky pisatel'.
18. Ostrovsky, L.K. (2011) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri (1890–1830-e gg.)* [Poles in Western Siberia (1890s–1930s)]. Novosibirsk: Izd-vo NGASU (SIBSTRIN).
19. Adrianov, A.V. (1890) *Tomsk v proshlom i nastoyashchem* [Tomsk in the Past and Present]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin.
20. V.S. (1868) Zapiski metafizika. O nasushchnom khlebe [Notes of a Metaphysician. On Daily Bread]. *Otechestvennye zapiski.* 1. pp. 166–184.
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1102. List 4. File 63.
22. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 3446.
23. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 2163.
24. Yablonsky, P.O. (ed.) (1898) *Adresnaya kniga goroda S.-Peterburga na 1899 g.* [Address Book of the City of St. Petersburg for 1899]. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo.
25. Anon. (1905). *Ves' Peterburg na 1905 god: adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga* [All of St. Petersburg for 1905: Address and Reference Book of the City of St. Petersburg]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
26. Anon. (1903) *Spisok fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii* [List of Factories and Plants of European Russia]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
27. Yablonsky, P.O. (ed.) (1902) *Adresnaya kniga goroda S.-Peterburga na 1902 g.* [Address Book of the City of St. Petersburg for 1902]. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo.
28. Yablonsky, P.O. (ed.) (1899) *Adresnaya kniga goroda S.-Peterburga na 1900 g.* [Address Book of the City of St. Petersburg for 1900]. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo.
29. Fedorov, A.I. (1897) *Ocherk vrachebno-politsiyskogo nadzora za prostitutsiey v S.-Peterburge* [An Outline of the Medical-Police Supervision of Prostitution in St. Petersburg]. St. Petersburg: Tip. S.-Peterb. gradonachal'stva.
30. Dubrovsky, A. (ed.) (1890) *Statistika Rossiyskoy imperii* [Statistics of the Russian Empire]. Vol. 13. St. Petersburg: Izd. Tsentr. stat. kom. M-va vnutr. del.
31. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 1848.
32. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 3482.
33. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 3481.

***Сведения об авторах*:**
Шайдуров Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: s-w-n@mail.ru
Генслер Михаил Станиславович – лаборант научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gensler.hist@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Shaidurov Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: s-w-n@mail.ru
Gensler Mikhail S. – Laboratory Assistant at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: gensler.hist@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 09.06.2025; accepted for publication 17.09.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья
УДК 930:929“19”
doi: 10.17223/19988613/97/23

Научная деятельность М.Е. Плотниковой

Николай Семёнович Ларьков

Томский государственный университет, Томск, Россия, larkov@mail.tsu.ru

Аннотация. Охарактеризована научная деятельность видного советского историка, доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Томского государственного университета Марии Ермолаевны Плотниковой (1925–1994). Выделены основные этапы ее научного творчества в контексте общественно-политической обстановки в стране во второй половине XX столетия. Показан ее конкретный вклад в исследование истории и историографии Гражданской войны и интервенции в Сибири, становление и развитие томских научных исторических школ, а также в подготовку кадров историков высшей квалификации.
Ключевые слова: советская историография, история Гражданской войны, М.Е. Плотникова, Томский государственный университет

Для цитирования: Ларьков Н.С. Научная деятельность М.Е. Плотниковой // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 182–190. doi: 10.17223/19988613/97/23

Original article

Scientific activity of M.E. Plotnikova

Nikolay S. Larkov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, larkov@mail.tsu.ru

Abstract. The article describes the scientific activity of Maria Ermolaevna Plotnikova (1925-1994), a prominent Soviet historian, Doctor of Historical Sciences, Honored Scientist of the RSFSR, professor at Tomsk State University. The main stages of her scientific activity in the context of the socio-political situation in the country in the second half of the 20th century are determined. Her entry into science began at the end of the Stalin era, but her full talent as a historian was revealed under the influence of Khrushchev's "thaw." Based on the analysis of M.E. Plotnikova's scientific works, her specific contribution to the study of the most important problems of the history of the Civil War in Siberia is shown, including the history and historiography of the Siberian counterrevolution and intervention, the working class and the peasantry, the Bolshevik underground and the partisan movement. Her scientific intuition, scientific courage, and high professionalism were noted, which manifested themselves in expanding scientific topics and deepening scientific research, initiating scientific discussions, and increasing historical knowledge. The methodology and methods of her research work, which took place under the conditions of the deforming influence of the ideology that dominated the country and the fact that historical science was under the strict control of the Communist Party, are described. Therefore, not all of her judgments, conclusions, and assessments of historical events and characters have stood the test of time. The article draws attention to M.E. Plotnikova's subjectively sincere perception of the Marxist-Leninist understanding of history and at the same time to her rejection of Stalinism, to her desire for greater freedom of thought and creativity in science and in teaching history. An assessment is given of the significant role of M.E. Plotnikova in the expansion and deepening of historical research at Tomsk State University, in the formation and development of a scientific school on the history of the 1917 revolution and the Civil War in Siberia, in the expansion of the subject field of the Tomsk historiographical school, in the emergence of a new scientific direction at TSU on the history of higher education and science in Siberia. The number of candidates of historical sciences prepared by M.E. Plotnikova has been clarified (30, not 20 people, as mistakenly indicated in the encyclopedic and reference literature).
Keywords: Soviet historiography, history of the Civil War, M.E. Plotnikova, Tomsk State University

For citation: Larkov, N.S. (2025) Scientific activity of M.E. Plotnikova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 182–190. doi: 10.17223/19988613/97/23

© Н.С. Ларьков, 2025

Советская историография, особенно в региональном ее измерении, нечасто становится объектом изучения современных историков. Новосибирский профессор М.В. Шиловский справедливо обратил внимание на необходимость «серьезного разговора об историографии Сибири советского периода и ее наиболее ярких представителях» [1. С. 58].

К числу таких незаурядных сибирских советских ученых, безусловно, можно отнести Марию Ермолаевну Плотникову – доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Томского государственного университета. Биографические сведения о М.Е. Плотниковой можно встретить в исторических энциклопедиях и биографических словарях [2. С. 308–312; 3. С. 628; 4], ее имя упоминается на страницах многих исследований, посвященных истории Гражданской войны в Сибири. Не забыта она и в своем университете, с которым была связана на протяжении полувека, начиная со своего поступления в 1943 г. на первый курс историко-филологического факультета и до ухода из жизни в 1994 г. К 100-летию со дня рождения М.Е. Плотниковой 27 марта 2025 г. в ТГУ был проведен Круглый стол, где с научными докладами и воспоминаниями о Марии Ермолаевне выступили ее бывшие коллеги и ученики, в том числе в дистанционном формате из других городов Сибири. В Научной библиотеке ТГУ в течение нескольких недель работала выставка «Мария Плотникова. Честный историк», на которой были представлены ее публикации, а также связанные с ее деятельностью материалы из музея истории университета. Тем не менее научное наследие М.Е. Плотниковой, ее роль в подготовке кадров отечественных историков, в том числе высшей квалификации, не получили пока должного внимания и взвешенной оценки в научной литературе, если не считать небольшой публикации в сборнике, посвященном ее учителю И.М. Разгону [5].

Жизненный путь и научную карьеру М.Е. Плотниковой в решающей степени предопределила встреча с доктором исторических наук, профессором И.М. Разгоном. Будучи обвиненным в космополитизме и уволенным из Московского государственного университета, Израиль Менделевич был направлен в 1949 г. на работу в Сибирь, где ему была предоставлена возможность занять должность заведующего кафедрой истории СССР Томского государственного университета. К тому времени И.М. Разгон входил в число ведущих в стране специалистов по истории революции и Гражданской войны, поэтому и на новом месте, в новых условиях он совместно с учениками продолжил заниматься этой темой, одновременно расширяя в целом проблематику изучения истории Сибири. Первой аспиранткой на томской земле именитого 44-летнего столичного ученого, лауреата Сталинской премии стала в ноябре 1949 г. выпускница историко-филологического факультета Мария Плотникова, подготовившая и успешно защитившая в 1954 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Борьба трудящихся Томской губернии с интервентами и белогвардейцами в 1918 г.».

Томская губерния в «боевом восемнадцатом» была одним из крупнейших очагов разгоравшейся Гражданской войны, поэтому здесь не было недостатка в заметных исторических событиях. В Томске собиралась на свои заседания Сибирская областная дума, претендовавшая на роль верховного властного органа в крае. В уездных центрах Новониколаевске и Мариинске произошли первые вооруженные выступления частей Чехословацкого корпуса, которые совместно с местными подпольными антибольшевистскими организациями свергли к концу июня 1918 г. советскую власть на территории губернии. В августе 1918 г. в Томске был создан нелегальный Западно-Сибирской большевистский комитет, приступивший к организации вооруженных восстаний против белогвардейцев и интервентов. В сельской местности началось антибелогвардейское повстанческо-партизанское движение. Все эти и многие другие сюжеты и аспекты темы стали предметом исследования в диссертации. М.Е. Плотникова использовала достаточно широкий круг исторических источников, включая газетную периодику, воспоминания ряда участников революции и Гражданской войны, документы Томского и Новосибирского государственных архивов, а также Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации).

Написанная, по словам самой Марии Ермолаевны, «на основе методологических указаний В.И. Ленина и И.В. Сталина» [6. С. 5], диссертация в духе своего времени изобиловала цитатами из произведений «классиков» и краткого курса «Истории ВКП(б)». Оценивая эту первую крупную научную работу М.Е. Плотниковой, не следует забывать о сильнейшем деформирующем влиянии на историческую науку господствовавшей в тот период в СССР идеологии. На качестве исторических исследований отрицательно сказывалось существенное ограничение доступа к архивным фондам. Вдобавок из научного оборота были выведены ранее опубликованные информационно насыщенные статьи, книги, воспоминания «врагов народа», таких как В.Д. Вегман, К.М. Молотов, П.С. Парфенов, И.Н. Смирнов и др. Соблюдалось табу на упоминания имен репрессированных в 1930-е гг. активных участников борьбы за власть советов в Сибири.

Вместе с тем нельзя не отметить и новизну работы. Диссертация М.Е. Плотниковой представляла собой первое профессиональное историческое исследование событий 1918 г. на территории обширной губернии, где позднее разместились три области – Томская, Кемеровская и Новосибирская. Ей удалось, в частности, достаточно объемно представить фактическую историю профсоюзной деятельности, забастовочного движения рабочих на территории региона и в самом губернском центре, зарождение повстанческо-партизанского движения осенью-зимой 1918–1919 гг. Впервые на основе архивных документов была прослежена (на 16 страницах) история Чумайского восстания крестьян Мариинского уезда в октябре 1918 г. Впоследствии историки немногое смогли добавить к исследованию этого сюжета.

Диссертация М.Е. Плотниковой почти сразу же была апробирована при подготовке к празднованию 350-летия Томска, став обширным фрагментом написанной в соавторстве с И.М. Разгоном 35-страничной главы «Томск в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918–1920 гг.)» в книге «Очерки истории города Томска (1604–1954)», изданной к юбилею города. Накануне 40-летия Октябрьской революции М.Е. Плотникова приняла участие в подготовке сборника документов «Борьба за власть советов в Томской губернии (1917–1919 гг.)» (Томск, 1957. 569 с.), где ее знание источниковой базы оказалось востребованным в подборе документов к III и IV разделам, а также при составлении примечаний к документам периода Гражданской войны. Этот сборник и в наши дни используется исследователями. Кроме того, материалы диссертации, дополненные освещением событий 1919 г., нашли отражение в ее научных публикациях второй половины 1950-х гг. [7–9].

Повествуя о том времени, нельзя не отметить существенное влияние общественно-политической обстановки в стране на научную и учебную деятельность в советских вузах. Томское студенчество и профессорско-преподавательский состав в 1950-е гг. находились под бдительным оком местных органов госбезопасности и партийно-политического руководства. Так, вернувшиеся в конце лета 1952 г. после каникул и отпусков студенты и преподаватели ИФФ были озадачены арестом студента-историка Николая Платунова, вскоре осужденного «за антисоветскую агитацию» на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Правда, спустя два года, в условиях начавшегося после смерти Сталина ослабления режима власти, он был по определению Верховного суда СССР освобожден «за отсутствием в его действиях состава преступления» и реабилитирован [10. С. 550].

Репрессии продолжались и во время хрущевской «оттепели», на фоне которой в ряде городов и вузов страны произошли так называемые «антисоветские выступления». Партийное руководство страны сразу же озаботилось недопущением какой бы то ни было «крамолы». На места поступило закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Между тем в Томском университете буквально накануне, 16 декабря, состоялся общеуниверситетский комсомольский диспут на тему «Как ты понимаешь роль и место комсомола в твоей жизни?». Диспут и «неправильное» отношение к нему со стороны некоторых студентов и преподавателей университета привлекли внимание областного комитета КПСС и местных чекистов. В результате уже через две недели, в конце декабря 1956 г., за выступление на диспуте «с резкой антисоветской речью» был арестован и приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к пяти годам исправительно-трудовых лагерей студент-геолог Г.Ф. Швейник. Затем последовало увольнение из университета ассистента кафедры всеобщей истории ИФФ Н.С. Черкасова, а также других преподавателей ТГУ – физика А.Э. Конторовича (впоследствии академика РАН, директора одного из ведущих институтов Сибирского отделения РАН) и философа Е.М. Дуна. Тучи сгустились было и над М.Е. Плотниковой, тогда секретарем партийного бюро историко-филологического факультета, получившей в итоге выговор за «ошибки» в организации диспута и «примиренческое отношение к неправильному поведению студентов» [11. С. 16, 175]. За Марию Ермолаевну на заседании партийного комитета ТГУ 7 января 1957 г. заступился ее коллега, доцент ИФФ А.П. Бородавкин, отметивший: «Недостаток Плотниковой – впечатлительность и несдержанность. Но в работе она себя не щадит…» [11. С. 171]. Нелишне заметить, что историко-филологический факультет ТГУ и в дальнейшем постоянно находился в поле зрения местных органов государственной безопасности и властных структур, озабоченных недопущением инакомыслия среди студентов и преподавателей.

«Оттепель» тем не менее оказала определенное благотворное влияние на развитие советской исторической науки, а также и на научную деятельность Марии Ермолаевны, для которой 1960-е гг. стали едва ли не самым творчески насыщенным временем. Из печати одна за другой выходили крупные ее статьи. Тогда же она приняла участие в написании главы о Гражданской войне (в соавторстве с А.И. Крушановым, В.Т. Агалаковым и др.) в 4-м томе пятитомной «Истории Сибири». При ее подготовке обнаружилось, что история

контрреволюции на востоке России была изучена гораздо слабее по сравнению с лагерем революции. Это побудило М.Е. Плотникову взяться за углубленное исследование данной темы, результатом чего стала серия публикаций по истории антибольшевистского лагеря, главным образом в сборниках исторических кафедр ТГУ, издававшихся с середины 1960-х гг. под общим названием «Вопросы истории Сибири» [12–14].

Расширению проблематики научных изысканий в тот период способствовало также временное снятие ряда ограничений доступа к архивным документам, что позволило историкам вводить в научный оборот новые источники, затрагивать ранее табуированные сюжеты и вопросы, вносить коррективы в некоторые устоявшиеся выводы. В этот период развернулись дискуссии практически во всех областях исторической науки, включая и историю Гражданской войны в Сибири. В частности, активно обсуждались проблемы периодизации так называемой «демократической» контрреволюции, «классового и партийного состава Временного Сибирского правительства», «начала поворота сибирского крестьянства в сторону советской власти», «классовой сущности сибирского областничества», «характера эсеровской фронды Колчаку» и др. М.Е. Плотникова выступала тогда одним из инициаторов и активным участником этих дискуссий. Так, вопреки позиции большинства советских исследователей Гражданской войны в Сибири, она на солидной источниковой базе, с использованием архивных документов показала, что «в Сибири период “демократической” контрреволюции закончился значительно раньше колчаковского переворота», причем не в результате какого-то одномоментного политического события, а в процессе многомесячной борьбы за власть внутри контрреволюционного лагеря [14. С. 186]. Она поставила под сомнение и само понятие «демократической» контрреволюции. Действительно, пришедшая к власти преимущественно на штыках чехословацких легионеров и антибольшевистского вооруженного подполья сибирская контрреволюция по своему происхождению и по сути своей была нелегитимной и недемократической. Последующие исследования, предпринятые в том числе учениками Марии Ермолаевны, во многом подтвердили обоснованность ее утверждений, дополнив их выводом о том, что на протяжении всего 1918 г., начиная с образования антибольшевистского вооруженного подполья зимой-весной 1918 г., в лагере сибирской контрреволюции существовало три внутриполитических компонента – эсеровский, либерально-центристский и военный, непрерывная борьба между которыми завершилась установлением колчаковского военно-террористического режима. Более того, социально-политическая неоднородность антибольшевистского лагеря, порождавшая острую борьбу за власть, в конечном счете явилась одной из главных причин его поражения в Гражданской войне (см.: [15]).

Вместе с тем доминирующая в Советском Союзе идеология, как, впрочем, и субъективно искреннее марксистско-ленинское понимание истории, разделявшееся М.Е. Плотниковой и ее учителем И.М. Разгоном, во многом обусловили появление в их работах выводов и суждений, не выдержавших проверки временем. В частности, раскрывая на основе документальных источников периода революции 1917 г. и Гражданской войны несомненный антибольшевизм известного сибирского исследователя, лидера сибирских областников Г.Н. Потанина и его окружения («Потанинского кружка»), М.Е. Плотникова в совместной с И.М. Разгоном статье в то же время ошибочно писала о «реакционности» сибирского областничества, борьбе областников «против своего народа», о том, что «политические взгляды Г.Н. Потанина и его “кружка”… были направлены на отрыв Сибири от остальной России и создание сибирского самостоятельного государства», что во время революции 1917 г. Г.Н. Потанин «оказался на самом правом фланге вместе с монархистами, с будущими колчаковцами» [16. С. 138, 142].

Уже в наши дни, оценивая с научных позиций пятитомную «Историю Сибири», в числе авторов которой, как уже отмечалось, была и М.Е. Плотникова, бывший ответственный секретарь этого масштабного проекта В.Л. Соскин отмечал, что «за многие десятилетия господства советской идеологии, опиравшейся на положения марксизма-ленинизма, историки советского общества фактически исключили из своего методологического арсенала принципы многомерного анализа. Упрощая ситуацию, можно сказать, что история в их изображении была окрашена лишь в два цвета: черный или белый. Все, что исходило от советской власти, характеризовалось в целом положительно. Напротив, действия ее противников подавались со знаком минус» [17. С. 347].

Тогда же, в 1960-е гг., М.Е. Плотникова вплотную занялась вопросами историографии. Интерес к этой проблематике также был неслучаен и во многом обусловлен тем, что историография истории Сибири к тому времени находилась только на этапе своего становления, а историография истории революции и Гражданской войны фактически лишь зарождалась. Но уже зримо прослеживалось постепенное складывание необходимых предпосылок для этого нового направления сибирской исторической науки. К их числу сама М.Е. Плотникова относила «общий процесс развития советской историографии» вкупе с «успехами, достигнутыми в изучении конкретной истории Сибири», а именно: накопление обширного фактического материала, получение «важных научных результатов в исследовании сибирской истории» [18. С. 7–8].

Отставание разработки историографии истории Сибири особенно явственно ощущалось на фоне формировавшейся на историко-филологическом факультете ТГУ усилиями профессора А.И. Данилова и его учеников, прежде всего Б.Г. Могильницкого, томской научной школы методологии истории и историографии, получившей впоследствии признание не только в нашей стране, но и за ее пределами. Представители этой школы занимались главным образом историографией всеобщей истории. На факультете регулярно проводились методологические семинары, собиравшие не только историков, но и философов, филологов, экономистов. «Обсуждение докладов, которые, как правило, посвящались дискуссионным вопросам социаль-

но-исторического познания, длилось порой часами», – отмечала впоследствии Е.С. Кирсанова [19. С. 123]. Мария Ермолаевна была активной участницей этих семинаров. Одновременно на факультете стали издаваться сборники под общим названием «Методологические и историографические вопросы исторической науки».

М.Е. Плотникова энергично включилась в разработку историографической проблематики, опубликовав в 1960-е годы несколько значимых научных статей [20–22]. Но главным итогом ее многолетней творческой работы в этом направлении стала двухтомная докторская диссертация «Советская историография Гражданской войны и интервенции в Сибири (1920–1960-е гг.)» [23], защищенная в 1969 г. В ней Мария Ермолаевна рассмотрела и критически оценила практически всю основную советскую литературу, изданную к тому времени по этой теме. В центре внимания оказались четыре обозначенных ею в качестве «наиболее широких и принципиальных» проблемы, каждой из которых посвящалась отдельная глава: «Советская историография контрреволюции и интервенции в Сибири», «Советская историография большевистского подполья в Сибири», «Историография рабочего класса в Сибири», «Историография партизанского движения в Сибири». Вместе с тем М.Е. Плотникова отказалась от рассмотрения историографии военных операций Красной Армии на Восточном фронте, посчитав, что они уже получили достаточно широкое освещение в работах других историков, и одновременно признавая себя недостаточно компетентной в вопросах чисто военной истории. Марксистско-ленинский подход в целом в раскрытии темы был подкреплен обширной специальной первой главой «В.И. Ленин и некоторые вопросы гражданской войны».

Необходимо заметить, что для успешных занятий историографическими исследованиями нужны основательная подготовка в области методологии истории, хорошее знание массива исторической литературы по избранной проблематике, а также источниковой базы. В научном творчестве М.Е. Плотниковой все это гармонично сочеталось: знание публикаций по истории противоборствующих лагерей периода Гражданской войны; значительный собственный опыт работы с опубликованными и архивными источниками; штудии по философии и методологии истории. Плюс к этому были еще понимание и поддержка со стороны мужа – одаренного ученого, кандидата философских наук, доцента общеуниверситетской кафедры философии ТГУ Льва Владимировича Алякринского.

Диссертационная работа М.Е. Плотниковой качественно отличалась от большинства историографических публикаций того времени, посвященных сибирской истории. Оценивая их, Мария Ермолаевна в своей диссертации, а также в совместном с Б.Г. Могильницким докладе на научной конференции по вопросам методологии истории обращала внимание на немалое число статей, претендующих на историографические, которые «в действительности представляют собой аннотированную библиографию без попытки выявить и критически оценить источниковедческую базу своих предшественников, объяснить систему их аргументации, вскрыть в конечном итоге процессы становления той или иной концепции» [18. С. 11]. К числу серьезных недостатков историографических работ она относила также схематизм, фактографичность, внешнюю наукообразность, отсутствие «даже намека на дискуссии между историками, занимающимися вопросами историографии Гражданской войны» [20. С. 81]. Все это свидетельствовало, по ее мнению, «о недостаточном понимании задач и законов историографического исследования, о недостаточном освоении, да и разработке, теоретических основ и принципов историографии как самостоятельной отрасли исторической науки, что особенно относится к историографии советского общества» [18. С. 11].

В своих историографических исследованиях Марии Ермолаевне удавалось избегать такого рода недостатков, что нашло отражение, в частности, в системном осмыслении ею итогов отечественной историографии Гражданской войны на востоке России, сугубо научном обосновании периодизации этой историографии, глубоком анализе внутренних процессов ее развития, оценке состояния и методики использования источников на разных этапах развития историографии темы, акцентировании внимания на кадровом составе авторов, занимавшихся изучением истории Гражданской войны в крае, и стремлении показать их творческую лабораторию, привлечении в качестве историографических источников ряда воспоминаний участников Гражданской войны в Сибири. Вместе с тем историографическим исследованиям М.Е. Плотниковой были присущи и отмеченные ранее общие для советской исторической литературы недостатки.

Вопросы историографии Гражданской войны в Сибири оставались в центре внимания Марии Ермолаевны и в последующие годы. В первой половине 1970-х гг. она продолжила публикацию статей, выполненных на основе диссертационного исследования [24, 25], а наименее изученному первому периоду посвятила специальную монографию [26]. Ее структура в основном повторяла структуру диссертации, за исключением начальной главы, где содержалась характеристика общих условий развития советской историографии Гражданской войны и интервенции в 1918 – начале 1930-х гг., а не ленинских работ.

Важно заметить, что М.Е. Плотникова отказалась от публикации второй монографии, посвященной следующим периодам историографии темы. Оставаясь под влиянием «оттепели» последовательной сторонницей курса XX съезда КПСС, она отрицательно отнеслась к начавшейся в стране с конца 1960-х гг. «ползучей ресталинизации» (термин Г.А. Арбатова) и обоснованно считала, что ей не позволят в подцензурной печати выступить с негативными оценками советской историографии периода, когда у власти находился И.В. Сталин. В то же время в студенческой аудитории Мария Ермолаевна открыто высказывалась против начавшейся тогда переоценки роли Сталина в истории страны, против замалчивания массовых политических репрессий, обращала внимание на отрицательное воздействие сталинизма на историческую науку. Это выделяло ее лекции и семинары среди преподавателей факультета,

вызывало уважение и благодарные отзывы студентов, отразившиеся в том числе в их воспоминаниях [27]. Впоследствии, в начале 1990-х гг., оценки М.Е. Плотниковой сталинского времени стали еще более жесткими и определенными, когда она писала «о геноциде сталинского режима по отношению к собственному народу», об инициированной Сталиным «дикой вакханалии по истреблению и коммунистов, и беспартийных граждан нашей страны» [28]. Здесь уместно отметить, что упоминавшийся ранее студент ИФФ Н.И. Платунов, побывавший в сталинских лагерях, после своей реабилитации и завершения учебы в университете именно под научным руководством М.Е. Плотниковой защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

Фундаментальная докторская диссертация вместе с монографией и серией статей вывели М.Е. Плотникову в число ведущих в стране специалистов по историографии Гражданской войны в Сибири. В дальнейшем она по-прежнему внимательно следила за новыми публикациями по этой теме, анализировала и оценивала их в своих выступлениях на научных конференциях и в историографических статьях, в том числе в соавторстве со своими коллегами и учениками [29–31]. При этом не забывала время от времени обращаться и к конкретно-историческим темам, среди которых попрежнему находились проблемы истории партизанского движения и большевистского подполья в тылу сибирской контрреволюции. Резонансными стали, в частности, ее выступление на научной конференции и статья «О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» [32], где она не только привела многочисленные факты девиантного поведения партизан, но и вскрыла социальную природу сибирской «махновщины». «Когда мы говорим о «роговщине» периода Гражданской войны в Сибири, – писала М.Е. Плотникова, – мы имеем в виду не личные побуждения Рогова, а социальное явление, имевшее место в партизанском движении», те элементы в нем, «которые сознательно или стихийно выступали против дисциплинированного партизанского движения, имеющего целью не просто уничтожить колчаковцев, а восстановить советскую власть…» [32. С. 74]. Наряду с публикациями на эту же тему историков В.А. Кадейкина и В.И. Шишкина такая позиция Марии Ермолаевны встретила резкое неприятие со стороны некоторых бывших партизан, стремившихся вопреки фактам обелить преступные деяния отрядов Рогова и Новоселова, жертвами которых в конце 1919 г. стали сотни мирных жителей Кузнецкого и Щегловского уездов Томской губернии. В развитие этой темы М.Е. Плотникова намеревалась вплотную заняться изучением сибирского партизанского движения как сложного военного и социально-политического явления, показать внутреннюю борьбу в его рядах различных политических групп и течений, однако во второй половине 1970-х гг. передала разработку этой темы одному из своих аспирантов [33].

В 1970–1980-е гг. Мария Ермолаевна приняла участие в качестве соавтора и члена редколлегий в подготовке совместно с новосибирскими учеными коллективных монографий «Историография крестьянства советской Сибири» (Новосибирск, 1976) и «Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.)» (Новосибирск, 1983). Двумя изданиями (1983, 1987) в Москве вышла в свет энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» с объемной статьей «Партизанское движение в Сибири», написанной М.Е. Плотниковой в соавторстве с С.Н. Пучковым. В журнале «История СССР» публиковались ее рецензии на книги историков, посвященные Гражданской войне в России [34, 35].

В 1974 г. ректорат ТГУ поручил Марии Ермолаевне руководство авторским коллективом по написанию истории Томского университета к его 100-летнему юбилею. Изначально была поставлена и в конечном счете реализована задача подготовки солидного научного издания, насыщенного богатым фактическим материалом, включенным в широкий исторический контекст, и вместе с тем рассчитанного на массового читателя [36]. Будучи ответственным редактором, М.Е. Плотникова выступила также автором предисловия, заключения, четвертой и восьмой (в соавторстве) глав монографии. Нелишне заметить, что в процессе работы над книгой она высказывала мысль о подготовке кандидатских диссертаций по истории отдельных направлений университетской науки и образования. В 1990–2000-е гг. эта ее идея материализовалась на историческом факультете ТГУ в виде нового научного направления по истории высшего образования и науки в Сибири, которое возглавил ученик Марии Ермолаевны профессор С.Ф. Фоминых.

М.Е. Плотникова участвовала в редактировании большого количества научных изданий (монографий, сборников научных статей, материалов научных конференций). Последней крупной работой, где она выступила в качестве члена редколлегии, стала книга «Томская область: исторический очерк» (Томск, 1994). Здесь ее замечания и рекомендации были учтены, в частности, при подготовке главы, посвященной периоду Гражданской войны. Однако сама эта книга вышла в свет уже после ее кончины.

Особо следует отметить плодотворную работу М.Е. Плотниковой по подготовке специалистов высшей квалификации. Под ее научным руководством было подготовлено и защищено 30 кандидатских диссертаций (в энциклопедической и справочной литературе приводится ошибочная цифра – 20), из них 17 – по конкретно-исторической проблематике, 13 – по историографии и источниковедению. В большинстве своем они были посвящены периоду Гражданской войны. Кроме того, М.Е. Плотникова выступила научным консультантом трех докторских диссертаций. Еще пятеро учеников, защитивших под ее руководством кандидатские диссертации, впоследствии успешно продолжили свои научные изыскания и стали докторами наук, в том числе двое – по политологии. К этому можно добавить десятки ее выступлений в качестве рецензента на предварительных обсуждениях и оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций в диссертационном совете по историческим наукам в ТГУ, а также в ряде других сибирских вузов.

Подводя итоги характеристике продолжавшейся без малого полвека научной деятельности М.Е. Плотнико-

вой, можно утверждать, что она была творчески насыщенной и продуктивной. Вхождение в науку Марии Ермолаевны началось на закате сталинской эпохи, но в полной мере ее талант ученого-историка раскрылся в период «оттепели». Научные исследования М.Е. Плотниковой поставили ее в один ряд с ведущими советскими специалистами по истории и историографии Гражданской войны в России. Присущие ей научная интуиция, научная смелость способствовали расширению проблематики и углублению научных исследований, инициированию научных дискуссий, приращению исторических знаний. Ее профессионализм был востребован при подготовке ряда крупных коллективных монографий и энциклопедии по истории Гражданской войны в России, а также при подготовке научных кадров историков высшей квалификации.

Вместе с тем доминирующая в СССР идеология, нахождение исторической науки под жестким контролем правящей партии, а также искренне воспринимаемое М.Е. Плотниковой марксистско-ленинское понимание истории наложили отпечаток на ее научные труды, так же как, впрочем, и на работы большинства советских историков. Многие содержащиеся в них выводы, суждения, оценки не выдержали проверку временем. В то же время неприятие каких бы то ни было ограничений научного творчества, политической конъюнктуры в научной сфере, профессиональная честность способствовали тому, что Мария Ермолаевна до конца оставалась «шестидесятницей» и в науке, и в преподавании, и в отношении к происходившим, в том числе в последние годы ее жизни, социально-политическим событиям в стране.

Существенной была роль М.Е. Плотниковой в развитии науки и исторического образования непосредственно в самом Томском государственном университете. Она внесла значительный вклад в становление и развитие томской научной школы истории революции и Гражданской войны в Сибири, которую возглавлял И.М. Разгон, высоко ценивший профессионализм и человеческие качества своей первой сибирской ученицы, принявшей после его смерти заведование кафедрой истории СССР советского периода. Научные исследования М.Е. Плотниковой способствовали также расширению предметного поля томской историографической школы. Она стояла и у истоков зарождавшегося в университете научного направления по истории высшего образования и науки в Сибири. Вполне заслуженно в галерее главного корпуса университета среди его наиболее выдающихся ученых достойное место занимает ее портрет, а музей истории ТГУ хранит многие документы, связанные с ее научной и преподавательской деятельностью. Вместе с тем приходится все же констатировать, что полноценная научная биография М.Е. Плотниковой, в которой были бы содержательно и глубоко освещены все стороны ее деятельности и грани ее таланта, еще ждет своего автора.

Список источников

1. Шиловский М.В. Вклад И.М. Разгона в изучение социального катаклизма 1917–1920 гг. в Сибири // Жизнь в истории : к 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 49–58.
2. Профессора Томского университета : биографический словарь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3: 1945–1980. 532 с.
3. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. 807 с.
4. Плотникова Мария Ермолаевна // Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/plotnikova-mariia-ermolaevna-f8fa21 (дата обращения: 30.05.2025).
5. Ларьков Н.С. Первая сибирская ученица И.М. Разгона – Мария Ермолаевна Плотникова // Жизнь в истории : к 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 42–48.
6. Плотникова М.Е. Борьба трудящихся Томской губернии с интервентами и белогвардейцами в 1918 г. : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1953. 463 с.
7. Плотникова М.Е. Партизанское движение в Томской губернии в 1918–1919 гг. // Научный труды Томского государственного университета. Томск, 1957. Т. 136. С. 89–103.
8. Плотникова М.Е. Молодежь Томской губернии в борьбе за власть Советов в 1917–1919 годах // Из истории Томской комсомольской организации. Томск : Кн. изд-во, 1958. С. 15–24.
9. Плотникова М.Е. Боевые действия партизан Причулымья на территории Томской губернии в 1918–1919 гг. // Боевые годы. Новосибирск : Кн. изд-во, 1959. С. 179–217.
10. Боль людская : книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг. : в 3 т. / сост. В.Н. Уйманов. 2-е изд., доп. и перераб. Т. 2: К–П. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 722 с.
11. Томские заморозки хрущевской оттепели : сб. док. и материалов / сост. Л.Н. Приль. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 302 с.
12. Плотникова М.Е. Роль «Временного Сибирского правительства» в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири // Труды Томского государственного университета. Томск, 1964. Т. 167: Сборник научных работ исторических кафедр. С. 51–67.
13. Плотникова М.Е. Колчак и эсеровская «оппозиция» // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. Вып. 3. С. 168–181.
14. Плотникова М.Е. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. Вып. 4. С. 172–188.
15. Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 гг. : дис. … д-ра ист. наук. Томск, 1996. 575 с.
16. Разгон И.М., Плотникова М.Е. Г.Н. Потанин в годы социалистической революции и гражданской войны в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 2. С. 138–153.
17. Соскин В.Л. О написании «Истории Сибири» (глава из книги) // Мир историка : историограф. сб. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. Вып. 7. С. 330–355.
18. Могильницкий Б.Г., Плотникова М.Е. О методологических и историографических исследованиях в западносибирском регионе // Вопросы методологии истории и историографии : доклады науч. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. Вып. 1. С. 3–12.
19. Кирсанова Е.С. Вклад Б.Г. Могильницкого в развитие Томской историографической школы (к 90-летию Б.Г. Могильницкого) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 122–126.
20. Плотникова М.Е. Некоторые проблемы гражданской войны в Сибири в советской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. Вып. 5. С. 76–113.
21. Плотникова М.Е. Большевистское подполье в Сибири в советской исторической литературе // Рабочие Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма (1917–1967 гг.) : докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Кемерово, 1967. С. 70–78.

22. Плотникова М.Е. Истпартовские издания о гражданской войне в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. Вып. 4. С. 203–217.
23. Плотникова М.Е. Советская историография Гражданской войны и интервенции в Сибири (1920–1960-е гг.) : дис. … д-ра ист. наук : в 2 ч. Томск, 1969. 918 с.
24. Плотникова М.Е. Партизанское движение в Сибири в советской историографии 20-х – начала 30-х гг. // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. Вып. 6. С. 72–84.
25. Плотникова М.Е. Современная советская историческая литература о позициях сибирского крестьянства в 1918–1919 гг. // Из истории Гражданской войны и интервенции, 1917–1922 гг. М. : Наука, 1974. С. 420–429.
26. Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. 254 с.
27. Минжуренко А.В. Командировка во власть : воспоминания. Омск : Золотой тираж, 2020. 451 с.
28. Плотникова М.Е. Как это было // Красное знамя (Томск). 1991. 10 дек.
29. Плотникова М.Е., Шишкин В.И. Основные направления и итоги современной советской историографии интервенции и гражданской войны в Сибири // Гуманитарные исследования в Сибири : итоги и перспективы. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1984. С. 177–187.
30. Плотникова М.Е. Современная советская историография большевистского подполья и партизанского движения в Сибири // Из истории интервенции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1985. С. 41–49.
31. Плотникова М.Е., Фоминых С.Ф. Современная советская историография Гражданской войны в Сибири // История СССР. 1985. № 5. С. 101–116.
32. Плотникова М.Е. О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» // Новокузнецк в прошлом и настоящем : материалы науч. конф., посвящ. 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк, 1971. С. 66–81.
33. Ларьков Н.С. Борьба Коммунистической партии с мелкобуржуазной стихией и эсеро-анархистским влиянием в партизанском движении в Сибири (1918–1920 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 1980. 259 с.
34. Плотникова М.Е. Рец. на кн.: Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970 // История СССР. 1971. № 6. С. 184–187.
35. Плотникова М.Е. Рец. на кн.: Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 – февраль 1918). М., 1976 // История СССР. 1977. № 5. С. 187–189.
36. Томский университет, 1880–1980 : очерк истории и деятельности / отв. ред. М.Е. Плотникова]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 432 с.

References

1. Shilovsky, M.V. (2006) The Contribution of I.M. Razgon to the Study of the Social Cataclysm of 1917–1920 in Siberia. In: *Zhizn' v istorii: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.M. Razgona* [A Life in History: On the 100th Anniversary of the Birth of I.M. Razgon]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 49–58.
2. Fominykh, S.F. (2001) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. Lamin, V.A. (ed.) (2009) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri.
4. Anon. (n.d.) Plotnikova Mariya Ermolaevna. In: *Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya* [Large Encyclopedia of Siberia]. [Online] Available from: https://bigenc.ru/c/plotnikova-mariia-ermolaevna-f8fa21 (Accessed: 30th May 2025)
5. Larkov, N.S. (2006) Pervaya sibirskaya uchenitsa I.M. Razgona – Mariya Ermolaevna Plotnikova [I.M. Razgon's First Siberian Student – Mariya Ermolaevna Plotnikova]. In: *Zhizn' v istorii: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.M. Razgona* [A Life in History: On the 100th Anniversary of the Birth of I.M. Razgon]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 42–48.
6. Plotnikova, M.E. (1953) *Bor'ba trudyashchikhsya Tomskoy gubernii s interventami i belogvardeytsami v 1918 g.* [The Struggle of the Working People of Tomsk Province against the Interventionists and White Guards in 1918]. History Cand. Diss. Tomsk.
7. Plotnikova, M.E. (1957) Partizanskoe dvizhenie v Tomskoy gubernii v 1918–1919 gg. [The Partisan Movement in Tomsk Province in 1918–1919]. *Nauchnye trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 136. pp. 89–103.
8. Plotnikova, M.E. (1958) Molodezh' Tomskoy gubernii v bor'be za vlast' Sovetov v 1917–1919 godakh [The Youth of Tomsk Province in the Struggle for Soviet Power in 1917–1919]. In: *Iz istorii Tomskoy komsomol'skoy organizatsii* [From the History of the Tomsk Komsomol Organization]. Tomsk: Kn. izd-vo. pp. 15–24.
9. Plotnikova, M.E. (1959) Boevye deystviya partizan Prichulym'ya na territorii Tomskoy gubernii v 1918–1919 gg. [Combat Operations of the Chulym Partisans on the Territory of Tomsk Province in 1918–1919]. In: *Boevye gody* [The War Years]. Novosibirsk: Kn. izd-vo. pp. 179–217.
10. Uimanov, V.N. (ed.) (2016) *Bol' lyudskaya: kniga pamyati zhiteley Tomskoy oblasti, repressirovannykh v 1920-kh – nachale 1950-kh gg.* [A People's Pain: Memory Book of the Residents of Tomsk Oblast Repressed from the 1920s to the Early 1950s]. Vol. 2. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
11. Pril, L.N. (ed.) (2010) *Tomskie zamorozki khrushchevskoy ottepeli* [Tomsk Frosts of the Khrushchev Thaw]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Plotnikova, M.E. (1964) Rol' "Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva" v podgotovke kontrrevolyutsionnogo kolchakovskogo perevorota v Sibiri [The Role of the "Provisional Siberian Government" in Preparing the Counter-Revolutionary Kolchak Coup in Siberia]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 167. pp. 51–67.
13. Plotnikova, M.E. (1967) Kolchak i eserovskaya "oppozitsiya" [Kolchak and the SR "Opposition"]. *Voprosy istorii Sibiri*. 3. pp. 168–181.
14. Plotnikova, M.E. (1969) K istorii eserovskoy kontrrevolyutsii v Sibiri v 1918 g. [On the History of the SR Counter-Revolution in Siberia in 1918]. *Voprosy istorii Sibiri*. 4. pp. 172–188.
15. Larkov, N.S. (1996) *Armiya i bor'ba za vlast' v Sibiri v kontse 1917–1918 gg.* [The Army and the Struggle for Power in Siberia in Late 1917–1918]. History Dr. Diss.
16. Razgon, I.M. & Plotnikova, M.E. (1965) G.N. Potanin v gody sotsialisticheskoy revolyutsii i grazhdanskoy voyny v Sibiri [G.N. Potanin during the Years of the Socialist Revolution and Civil War in Siberia]. *Voprosy istorii Sibiri*. 2. pp. 138–153.
17. Soskin, V.L. (2011) O napisanii "Istorii Sibiri" (glava iz knigi) [On Writing the "History of Siberia" (A Chapter from a Book)]. *Mir istorika*. 7. pp. 330–355.
18. Mogilnitsky, B.G. & Plotnikova, M.E. (1974) O metodologicheskikh i istoriograficheskikh issledovaniyakh v zapadnosibirskom regione [On Methodological and Historiographical Research in the West Siberian Region]. *Voprosy metodologii istorii i istoriografii*. 1. pp. 3–12.
19. Kirsanova, E.S. (2020) The Contribution of B.G. Mogil'nitsky to the Development of the Tomsk Historiographical School (On the 90th Anniversary of B.G. Mogil'nitsky). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 122–126. (In Russian).
20. Plotnikova, M.E. (1967) Nekotorye problemy grazhdanskoy voyny v Sibiri v sovetskoy istoriografii [Some Problems of the Civil War in Siberia in Soviet Historiography]. *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki*. 5. pp. 76–113.
21. Plotnikova, M.E. (1967) Bol'shevistskoe podpol'e v Sibiri v sovetskoy istoricheskoy literature [The Bolshevik Underground in Siberia in Soviet Historical Literature]. In: *Rabochie Sibiri v bor'be za postroenie sotsializma i kommunizma (1917–1967 gg.)* [The Workers of Siberia in the Struggle for the Building of Socialism and Communism (1917–1967)]. Kemerovo: [s.n.]. pp. 70–78.
22. Plotnikova, M.E. (1969) Istpartovskie izdaniya o grazhdanskoy voyne v Sibiri [Istpart Publications on the Civil War in Siberia]. *Voprosy istorii Sibiri*. 4. pp. 203–217.

23. Plotnikova, M.E. (1969) *Sovetskaya istoriografiya Grazhdanskoy voyny i interventsii v Sibiri (1920–1960-e gg.)* [Soviet Historiography of the Civil War and Intervention in Siberia (1920s–1960s)]. History Dr. Diss. Tomsk.
24. Plotnikova, M.E. (1972) Partizanskoe dvizhenie v Sibiri v sovetskoy istoriografii 20-kh – nachala 30-kh gg. [The Partisan Movement in Siberia in Soviet Historiography of the 1920s – Early 1930s]. *Voprosy istorii Sibiri.* 6. pp. 72–84.
25. Plotnikova, M.E. (1974) Sovremennaya sovetskaya istoricheskaya literatura o pozitsiyakh sibirskogo krest'yanstva v 1918–1919 gg. [Contemporary Soviet Historical Literature on the Positions of the Siberian Peasantry in 1918–1919]. In: Mintts, I.I. (ed.) *Iz istorii Grazhdanskoy voyny i interventsii, 1917–1922 gg.* [From the History of the Civil War and Intervention, 1917–1922]. Moscow: Nauka. pp. 420–429.
26. Plotnikova, M.E. (1974) *Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoy voyny v Sibiri (1918 – pervaya polovina 1930-kh gg.)* [Soviet Historiography of the Civil War in Siberia (1918 – First Half of the 1930s)]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Minzhurenko, A.V. (2020) *Komandirovka vo vlast'* [A Business Trip to Power]. Omsk: Zolotoy tirazh.
28. Plotnikova, M.E. (1991) Kak eto bylo [How It Was]. *Krasnoe znamya*. 10th December.
29. Plotnikova, M.E. & Shishkin, V.I. (1984) Osnovnye napravleniya i itogi sovremennoy sovetskoy istoriografii interventsii i grazhdanskoy voyny v Sibiri [Main Directions and Results of Contemporary Soviet Historiography on the Intervention and Civil War in Siberia]. In: *Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri: itogi i perspektivy* [Humanities Research in Siberia: Results and Prospects]. Novosibirsk: Nauka. pp. 177–187.
30. Plotnikova, M.E. (1985) Sovremennaya sovetskaya istoriografiya bol'shevistskogo podpol'ya i partizanskogo dvizheniya v Sibiri [Contemporary Soviet Historiography of the Bolshevik Underground and Partisan Movement in Siberia]. In: Mintts, I.I. (ed.) *Iz istorii Grazhdanskoy voyny i interventsii, 1917–1922 gg.* [From the History of the Civil War and Intervention, 1917–1922]. Moscow: Nauka. pp. 41–49.
31. Plotnikova, M.E. & Fominykh, S.F. (1985) Sovremennaya sovetskaya istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Sibiri [Contemporary Soviet Historiography of the Civil War in Siberia]. *Istoriya SSSR.* 5. pp. 101–116.
32. Plotnikova, M.E. (1971) O partizanskom otryade Rogova i sushchnosti “rogovshchiny” [On Rogov's Partisan Detachment and the Essence of “Rogovshchina”]. *Novokuznetsk v proshlom i nastoyashchem* [Novokuznetsk in the Past and Present]. Proc. of the Conference. Novokuznetsk. pp. 66–81.
33. Larkov, N.S. (1980) *Bor'ba Kommunisticheskoy partii s melkoburzhuaznoy stikhiey i esero-anarkhistskim vliyaniem v partizanskom dvizhenii v Sibiri (1918–1920 gg.)* [The Struggle of the Communist Party against Petty-Bourgeois Spontaneity and SR-Anarchist Influence in the Partisan Movement in Siberia (1918–1920)]. History Cand. Diss. Yaroslavl.
34. Plotnikova, M.E. (1971) Rets. na kn.: Garmiza V.V. Krushenie eserovskikh pravitel'stv. M., 1970 [Review of the book “The Collapse of the Socialist-Revolutionary (SR) Governments” by V.V. Garmiza]. *Istoriya SSSR.* 6. pp. 184–187.
35. Plotnikova, M.E. (1977) Rets. na kn.: Polikarpov V.D. Prolog grazhdanskoy voyny v Rossii (oktyabr' 1917 – fevral' 1918). M., 1976 [Review of the book “Prologue to the Civil War in Russia (October 1917 – February 1918)” by V.D. Polikarpov]. *Istoriya SSSR.* 5. pp. 187–189.
36. Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet, 1880–1980: ocherk istorii i deyatel'nosti* [Tomsk University, 1880–1980: An Outline of its History and Activities]. Tomsk: Tomsk State University.

***Сведения об авторе*:**
Ларьков Николай Семёнович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Larkov Nikolay S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 24.07.2025; accepted for publication 17.09.2025

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья
УДК 378.147:37.018:331.101
doi: 10.17223/19988613/97/24

Динамика инклюзивного пространства вуза: численность, обучение и выпуск студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в ТУСУРе (2004–2024 гг.)

Максим Валерьевич Берсенев[1], Константин Владимирович Четвергов[2]

[1, 2] Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
[1] m.bersenev@gmail.com
[2] konstantin.v.chetvergov@tusur.ru

Аннотация. На основании данных, предоставленных Отделом сопровождения образовательного процесса Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, анализируются тенденции роста численности студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в ТУСУРе и их массовой доли относительно общей численности студентов вуза. Число студентов этой целевой группы ежегодно увеличивается опережающими темпами по сравнению с нормотипичными студентами. В 2025 г. они могут составить уже до 1% от численности студентов ТУСУРа. Вместе с тем часть студентов с инвалидностью и ОВЗ (особенно с соматическими заболеваниями и ограничением двигательной активности) накапливают академические долги, а число выпускников в этой группе остается на стабильно низком уровне.
Ключевые слова: инклюзивное пространство вуза, студенты с инвалидностью и ОВЗ, нозология, групповое проектное обучение, нормотипичные студенты

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0013.

Для цитирования: Берсенев М.В., Четвергов К.В. Динамика инклюзивного пространства вуза: численность, обучение и выпуск студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в ТУСУРе (2004–2024 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 191–198. doi: 10.17223/19988613/97/24

Original article

Dynamics of the inclusive environment of the university: the quantity, education and graduation of students with disabilities at TUSUR (2004–2024)

Maksim V. Bersenev[1], Konstantin V. Chetvergov[2]

[1, 2] Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
[1] m.bersenev@gmail.com
[2] konstantin.v.chetvergov@tusur.ru

Abstract. At the moment, an inclusive barrier-free educational environment is being formed in Russian higher education. The article is devoted to the study of the dynamics of the transition to inclusion and a social model in relation to persons with disabilities, and the identification of the most important indicators of this process, stages, and trends at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. Based on the data provided to the authors by the Department of Educational Process Support of TUSUR, the authors made several conclusions about this process. We thus analyze the trends in the development of the university's inclusive environment.

According to the data, the number of people with disabilities among TUSUR students has been constantly growing over the 20 years under study. The increase in the number of people with disabilities significantly outstrip the increase in the number of non-disabled people. Over the past two years, the increase in the number of non-disabled people in TUSUR has reached a plateau and is stable. The increase in the number of disabled people increases significantly every year. The percentage of disabled people in relation to non-disabled people is also increasing: in 2004, this figure was 0.07%,

© М.В. Берсенев, К.В. Четвергов, 2025

in 2010 – 0.4%, in 2015 – 0.55%, in 2020 – 0.72%, and by 2025, the model predicts that every hundredth student of TUSUR can be a person with disability.
At the same time, a significant number of students with disabilities (especially those who have somatic disease or limited mobility) experience learning problems and accumulate academic debts. This is due to both objective and subjective reasons. People with disabilities often have a low level of socialization, also they refuse to receive legal assistance. On the other hand, they may often be ill during the semester, which causes gaps in their knowledge. As a result, they get academic debts. The need to re-take exams from students with disabilities, taking into account the increase in their number, may increase the burden on the teaching staff. The graduation rate of students with disabilities remains low: they often either drop out or go on academic leave due to illness and continue their studies much longer than the prescribed period. This situation is a challenge for the university.
Keywords: inclusive university space, students with disabilities and HIA, nosology, group project training, normotypic students

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the basic part of the state assignment "Science", research topic code FEWM-2023-0013.

For citation: Bersenev, M.V., Chetvergov, K.V. (2025) Dynamics of the inclusive environment of the university: the quantity, education and graduation of students with disabilities at TUSUR (2004–2024). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 191–198. doi: 10.17223/19988613/97/24

В период реформ 90-х гг. прошлого века в нашем обществе начался переход к интеграции и инклюзии как стратегии выравнивания прав лиц, имеющих функциональные расстройства здоровья или заболевания нервно-психического характера. Это выражалось в популяризации идей совместного обучения с лицами, имеющими инвалидность, в образовательных учреждениях. Распространение знаний и опыта инклюзии как практики западного общества способствовало росту интереса и активности в отечественной образовательной системе и в целом в общественном сознании и привело к изменению привычных стереотипов игнорирования нужд инвалидов. Социальной группе лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), иначе «с ограниченными возможностями», «со специальными потребностями», стало уделяться больше внимания в прессе, на телевидении, в электронных ресурсах. В обществе сформировалось мнение о необходимости их включения в социально-активную деятельность посредством расширения возможностей обучения в высшей школе. Далее последовало принятие ряда федеральных законов, постановлений, приказов Минобразования, в частности «Закона об образовании в РФ», который устанавливал специальные условия обучения для них. С опорой на эти акты в вузах были введены льготы и преференции лицам данной целевой группы (см.: [1–3]. Одновременно началось формирование инфраструктурной (безбарьерной) среды.

В вузовском пространстве стали распространяться взгляды и стереотипы социальной модели инвалидности. В течение следующих более чем двадцати лет складывалась практика оказания помощи этим лицам не только в социально-бытовой сфере, но и в развитии их личностного потенциала, преодолевались проблемы отчуждения в академических группах. В это время развивались различные дескриптивные модели инклюзии, новые формы групповой работы, конкурсы («Абилимпикс», «Профессиональное завтра» и др.). Эту деятельность стали координировать специально созданные Региональные учебно-методические центры (РУМЦ). Они упорядочили систему перехода к инклюзии, способствовали распространению инклюзивной культуры в университетах и городском социуме.

В настоящее время в формировании инклюзивного пространства в высшей школе начинается новый организационно-технологический этап, когда на основе выделенных Министерством науки и образования РФ критериев будет идентифицирован уровень достижений каждого вуза в реализации инклюзии. Это ускорит процесс институционализации социальной помощи применительно к данной целевой группе. Важнейшими критериями продвижения инклюзии на современном этапе являются рост показателей приема студентов с особенностями развития, успешность их обучения, защита ВКР и получение диплома.

В последнее время данной проблеме уделяется внимание во многих вузах страны, публикуются научные статьи. Так, в статье М.Н. Певзнера и П.А. Петрякова раскрывается сущность стратегии инклюзии как одной из приоритетных стратегий современного вуза [4]. Основная цель стратегии, по мнению авторов, – обеспечение равенства возможностей при получении высшего образования. При этом равенство должно обеспечиваться как в студенческой, так и в преподавательской среде. Исследователи уделяют внимание и особенностям преподавания различных дисциплин в условиях инклюзии. Например, Е.В. Ерофеева и Л.В. Скопова предлагают примерный модуль для преподавания иностранного языка студентам с особыми образовательными потребностями, при этом отмечается особая важность электронных ресурсов [5]. Ю.Н. Погребняк констатирует, что высшее инклюзивное образование в настоящий момент находится в стадии становления. В ее статье указаны основные эффективные методики подготовки студентов с нарушениями слуха [6]. Изучается также готовность преподавательского состава к работе в условиях инклюзии. Так, А.А. Карева [7] указывает, что работа в таких условиях предъявляет повышенные требования ко всем участникам процесса, но у преподавателей, несмотря на проявляемый интерес к обучению лиц с инвалидностью, не хватает опыта и знаний. Некоторые авторы предпринимают попытки создать социальный прогноз по инвалидно-

сти. В статье В.Е. Земляновой и Ж.И. Войцеховской на основании данных о впервые установленной детской инвалидности делается прогноз о динамике детской инвалидности в России на период до 2020 г. [8]. Ю.А. Мавликаева и М.Я. Подлужная с помощью метода многомерной регрессии прогнозируют динамику инвалидности в Пермском крае [9]. Оценивается также динамика инвалидности в РФ [10].

Цель данной статьи – выявление динамики перехода к инклюзии и социальной модели в отношении лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, определение важнейших показателей данного процесса, этапов, тенденций на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Студенты с инвалидностью и ОВЗ в 2004–2024 гг. поступают на все формы обучения: очное, очно-заочное, заочное. Мы располагаем определенным набором сведений по динамике показателей этой группы студентов в учебном процессе в ТУСУРе за изучаемый период. Данные с 2004 по 2010 г. были проанализированы в монографии коллектива авторов, работавших при финансовой поддержке гранта Правительства РФ в 2009–2011 гг. по теме «Сопровождение социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями в техническом вузе», под редакцией Н.А. Грика [11], и эти результаты мы приведем в обобщенном виде. В итоге выполнения указанного гранта в 2011 г. преподавателями кафедры истории и социальной работы (ИСР) в ТУСУРе был создан Центр сопровождения студентов с инвалидностью (в 2018 г. он был переименован в Центр доступности образования (ЦеДО); далее Центр), так как в вуз начали поступать лица с ОВЗ. Для более эффективной работы по решению проблем адаптации данной целевой группы и в целях получения студентами опыта практической социальной работы было решено разрабатывать данную тему в рамках проектной деятельности. На основе принципов группового проектного обучения в течение ряда лет (с 2007 г.) преподаватели и студенты кафедры ИСР совместно применяли и применяют сегодня практические методы индивидуальной, групповой социальной работы и работы в микросоциальной среде вуза для адаптации и социализации данных студентов и обобщения полученных результатов в отчетах и исследованиях [12, 13]. Групповое проектное обучение стало основой работы в алгоритме «студент–студент»: из обучающихся на специальности «Социальная работа» студентов было последовательно создано несколько проектных групп, которые занимались разработкой мероприятий в рамках Центра. Одновременно они участвовали в формировании алгоритма «Кураторская служба – академическая группа, в которой обучались студенты-инвалиды и с ОВЗ».

На начальном этапе выполнения гранта Правительства РФ в первую очередь был выявлен состав целевой группы. За период с 2004 по 2010 г. общая численность студентов вуза снизилась с 15 480 до 12 647 чел., а число студентов с инвалидностью (обучающихся на очной, заочной и очно-заочной формах обучения), наоборот, выросло с 11 до 50 чел. Это, естественно, приводило и к росту доли студентов с инвалидностью в общей массе численности студентов ТУСУРа. В начале этого периода доля таких студентов составляла 0,07%, а в конце – уже 0,4%, т.е. рост их числа происходил скачкообразно. Если в 2003/2004 и 2004/2005 учебных годах эта численность составляла 11 и 12 человек соответственно, то в 2005/2006 учебном году она выросла почти в 2 раза и составила 22 человека. Второй скачок численности после умеренного роста отмечается на стыке 2008/2009 и 2009/2010 учебных годов: с 28 учащихся она выросла до 47. Мы предполагаем, что первый скачок был связан с тем, что ТУСУР в большем объеме стал предлагать услуги дистанционного обучения, и это привлекло представителей нашей целевой группы. Второй скачок можно объяснить тем, что на стыке нулевых и десятых годов XXI в. как на государственном уровне, так и на уровне ТУСУРа (Центр сопровождения студентов с инвалидностью) была развернута работа по внедрению основ инклюзии. Авторы монографии спрогнозировали опережающий рост числа студентов с инвалидностью по отношению к лицам без инвалидности и в последующие годы к общей численности студентов [11. С. 146–167]. Таким образом, период с 2004 до 2011 г. характеризуется увеличением численности студентов с инвалидностью и одновременно привлечением внимания государства к проблемам инклюзии в образовании. На уровне ТУСУРа проблемы адаптации таких студентов преподаватели решали совместно со студентами специальности «социальная работа» посредством организации серии мероприятий, в том числе тренингов, создания технологии сопровождения студентов с инвалидностью и ОВЗ, институционализации Центра, который стал официальным структурным подразделением вуза и решал организационные вопросы инклюзии.

На следующем этапе реализации темы сопровождения студентов с инвалидностью и ОВЗ основное внимание уделялось разработке направлений образовательной и социальной инклюзии студентов вуза, формированию новых целевых групп в городском социуме из числа молодых людей с инвалидностью, закончивших обучение, у которых были трудности с социальной адаптацией и поиском работы, а также сотрудничеству с ТРОД «Диво» (Доступное для инвалидов высшее образование) и с педагогическим составом Томского техникума социальных технологий (ТТСТ), который активно реализовывал идеи инклюзии В 2010–2014 гг. в ТУСУРе численность поступающих на очное отделение оставалась стабильно невысокой – от 6 до 9 чел., это позволяло более качественно организовать их сопровождение на всех курсах обучения. Акцент в социальной работе с инвалидами был сделан на ГПО, социологических опросах, изучении проблем их обучения, общественного мнения в академических группах, применении специальных условий обучения в соответствии со ст. 79 Закона «Об образовании в РФ» [3] в вузе, образовательной и социальной инклюзии.

С 2015 г. работа со студентами с инвалидностью и ОВЗ приобрела устойчивый характер. По требованию Минобразования регулярно проводились мониторинги

показателей формирования инклюзивного пространства в вузах. Стала формироваться база данных относительно нозологий. Данные по количеству студентов-инвалидов в ТУСУРе в 2015–2024 гг. приведены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика обучения студентов с инвалидностью в ТУСУРе за 2015–2024 гг.

Показатели	Годы									
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Общая численность студентов	10 488	10 559	11 270	11 499	11 479	12 262	12 773	14 330	16 084	16 513
Численность студентов с инвалидностью	57	47	69	81	75	87	96	110	130	157
Из них обучались:										
на очном отделении	9	15	14	23	20	29	33	33	41	44
на очно-заочном отделении	0	0	0	0	3	6	9	20	30	51
на заочном отделении	48	32	55	58	52	52	54	57	59	62
Процент студентов с инвалидностью от общего числа студентов	0,54	0,44	0,61	0,70	0,65	0,71	0,78	0,77	0,81	0,95

Данный период был отмечен только одним событием, которое могло непосредственно повлиять на численность студентов и их набор, – это пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения очного образования. К обучению во время пандемии (2020–2022) в основном приступало сравнительно многочисленное поколение, рожденное в конце XX и особенно в начале XXI в. Это заметно по общей численности студентов, которая стабильно росла ежегодно (прирост по сравнению с предыдущим годом колеблется от 70 до 1 600 человек, если не считать 2018–2019 гг.). Тренд на повышение численности студентов с инвалидностью в 2015–2019 гг. был неустойчивым (год от года отмечался то рост, то падение, однако в целом кривая прироста шла вверх), но с 2019 г. в связи с расширением дистанционного обучения наблюдается уже устойчивый рост на 20–27 человек в год. То же самое можно сказать и о массовой доле лиц с инвалидностью среди всего контингента студентов ТУСУРа: неустойчивый рост до 2019 г. и уверенное увеличение доли лиц с инвалидностью после. Можно прогнозировать, что в 2025 г. каждый сотый студент ТУСУРа будет из числа данной целевой группы.

Если взглянуть на эти тенденции в разрезе того, в какой форме обучаются студенты с инвалидностью, мы можем увидеть вполне объяснимую тенденцию. Изначально и до настоящего времени преобладают студенты с инвалидностью и ОВЗ, обучающиеся на очно-заочном и заочном отделениях, поскольку эти формы обучения более удобны для них (меньше аудиторных занятий, возможность дистанционного обучения). Однако постепенно увеличивается как численность, так и массовая доля лиц с инвалидностью, которые обучаются на очной форме. Это связано с проводимой государством политикой внедрения инклюзивных практик в средней и высшей школе, а также общей тенденцией увеличения присутствия лиц с инвалидностью в нашем обществе, признания их возможностей и необходимости считаться с их запросами. Все больше молодых людей отваживаются на попытку обучаться наравне с их сверстниками без инвалидности и ОВЗ.

Тем не менее обучение лиц с инвалидностью и ОВЗ сталкивается с определенными проблемами, обусловленными их заболеваниями, недостаточной социализацией и низкой самооценкой, что приводит к задолженностям и неудачам в учебном процессе. По сведениям Учебного управления ТУСУРа, на весенний семестр 2023 г. из 35 обучавшихся на очной и очно-заочной формах лиц с инвалидностью и ОВЗ, 15 человек (42,8%) имели академическую задолженность, причем некоторые – по 3–4 несданных предмета еще за осеннюю сессию. При этом такие студенты, как правило, отказывались от специальной помощи, на которую имели право по закону, с момента поступления [14]. Это показывает излишний оптимизм первокурсников с инвалидностью, их пассивность и недостаточную социализацию. Студент, поступая в вуз, оказывается в ситуации уменьшения контроля за своей жизнью (по сравнению со школьным периодом), переоценивает свои возможности, недооценивает сложность обучения. На это могут накладываться периоды обострения болезни, когда студенты с инвалидностью пропускают значительное количество занятий. Без помощи ассистентов и других льгот, которые предоставляются по закону и от которых они непредусмотрительно отказываются, это приводит к накоплению долгов, и создается своеобразная «долговая воронка».

В табл. 2 показано распределение студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья по нозологиям (типам нарушения жизненных функций организма) в ТУСУРе. Здесь ОДА означает «ограничение двигательной активности». Под графой «Другие» подразумеваются в основном соматические заболевания, т.е. хронические заболевания внутренних органов (диабет I типа, заболевания желудочно-кишечного тракта и пр.) Мы видим, что студенты с нарушением слуха и зрения могут обучаться как на очной, так и на заочной форме, но основу контингента представляют студенты с ограничением двигательной активности и соматическими заболеваниями, которые в подавляющем количестве обучаются на очно-заочном и заочном отделениях. Это объяснимо: безбарьерная архитектурная среда вуза нуждается в дальнейшем развитии, наличие соматических заболеваний иногда не позволяет студентам заниматься ритмично и с повышенной нагрузкой. Надо отметить, что успешнее других обучаются студенты с нарушениями слуха или зрения. Такие студенты способны физически присутствовать в аудиториях во время учебных занятий, используют либо помощь ассистентов, либо ассистивные технологии (слуховые аппараты, индукционные петли), что позволяет им не отставать в обучении от товарищей по учебе.

Таблица 2

Нозологии обучающихся в ТУСУРе студентов

Годы	Формы обучения	Всего	Нозологии				
			Проблемы со зрением	Проблемы со слухом	ОДА	Другие	Сложные дефекты (2 и более нарушений)
2015	Очная	9	1	1	2	5	0
	Очно-заочная и заочная	48	0	0	38	8	2
2016	Очная	15	1	1	5	8	0
	Очно-заочная и заочная	32	0	0	23	8	1
2017	Очная	14	1	1	4	8	0
	Очно-заочная и заочная	55	1	0	39	14	1
2018	Очная	23	1	1	8	13	0
	Очно-заочная и заочная	58	1	0	39	15	3
2019	Очная	20	0	1	6	13	0
	Очно-заочная и заочная	55	4	2	31	18	0
2020	Очная	29	1	2	6	20	0
	Очно-заочная и заочная	58	1	1	23	32	1
2021	Очная	33	1	2	5	25	0
	Очно-заочная и заочная	63	4	3	28	28	0
2022	Очная	33	1	1	6	25	0
	Очно-заочная и заочная	77	5	4	36	32	0
2023	Очная	41	1	1	9	30	0
	Очно-заочная и заочная	89	2	4	33	50	0
2024	Очная	44	1	0	9	34	0
	Очно-заочная и заочная	113	1	4	38	70	0

Лица с ограничением двигательной активности сталкиваются с архитектурными барьерами, однако они способны их преодолеть с помощью однокурсников или без них, либо выбирают заочную / очно-заочную формы обучения, при которых их присутствие в аудиториях не требуется, либо же обращаются за помощью в ЦеДО. Существует кейс, в котором студент с ОДА делал заявку на оборудование его комнаты в общежитии специальными устройствами, помогающими справляться с недугом. После заявки в Центр это оборудование было установлено, и также было обеспечено его проживание в комнате всего с одним соседом (оборудование занимает значительное место). Проблема была решена, и студент смог обучаться с максимально возможным при его состоянии комфортом.

Лица с соматическими заболеваниями сталкиваются с гораздо большим количеством сложностей. Они относятся к основной группе риска по неуспеваемости, поскольку их болезни могут обостряться, они могут ложиться на плановые операции. Изменение рациона таких студентов, характерное для студенческой жизни, может в ряде случаев привести даже к коматозному состоянию (и такие случаи были) с дальнейшим длительным восстановлением, что отрицательно влияет на успеваемость. Студенты, в особенности с соматическими заболеваниями и ОДА, могут не приступать к занятиям с 1 сентября, пропускать по месяцу и более по уважительным причинам. В годы пандемии (2020–2022), когда занятия проводились в дистанционном режиме, несколько человек отчислились, а другие находили работу в Интернете и оставляли учебу. Поскольку именно студенты с ОДА и соматическими заболеваниями составляют большую часть контингента студентов с инвалидностью, это объясняет факт малое количество полученных дипломов выпускниками-инвалидами. Но неполучение диплома не всегда означает, что человек не достиг успеха в жизни. Знаний, приобретенных за 2–3 года обучения, иным студентам бывает достаточно для получения заработка. Поэтому мы не можем прямолинейно и однозначно негативно оценивать цифры поступления и выпуска студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Успешность обучения таких студентов выражается также и в других критериях: они получили необходимые знания, приобрели жизненный опыт, в том числе для выстраивания коммуникаций в интернет-пространстве, у них выросла самооценка, и важнейшим для них результатом стало трудоустройство (даже с незаконченным высшим образованием).

Динамику численности лиц с инвалидностью, которые успешно окончили обучение в ТУСУРе, можно увидеть в табл. 3.

Чтобы понять, насколько успешно студенты с инвалидностью ТУСУРа справляются с учебной программой по сравнению с нормотипичными студентами, мы сопоставили общий процент выпускников от численности всех студентов с аналогичным показателем по студентам с инвалидностью. Как видим, выпуск студентов ТУСУРа по сравнению с их общей численностью по тому или иному году составляет от 10,5 до 21%. Мы полагаем, что можно говорить об успехе обучения лиц с инвалидностью, если их выпуск будет не ниже, чем в среднем по вузу. Мы видим, что доля выпускающихся студентов с инвалидностью и ОВЗ очного отделения сопоставима с общевузовскими показателями или в некоторых случаях значительно их опережает. Например, в 2024 г. 11,2% от численности всех студентов этого года получили дипломы (на очном отделении – 17,8% от всех студентов очного отделения), а показатель общей численности по студентам с инвалидностью и ОВЗ составил в этом же году 6,4%, практически вдвое меньше, но процент студентов-инвалидов, обучавшихся на очном отделении и получивших дипломы – 11,4%, что сопоставимо с данными

по нормотипичным студентам. Мы полагаем, что это закономерный итог работы всего вуза, в том числе Центра доступности образования, так как студенты, нуждавшиеся в помощи, получали ее и своевременно решали свои академические проблемы. Кроме того, студенты этой целевой группы, поступающие на очную форму обучения, лучше подготовлены к учебе и имеют больше возможностей при необходимости вступить в контакт с преподавателями. Обучающиеся с инвалидностью и ОВЗ на заочном и очно-заочном отделениях в среднем имеют меньше шансов дойти до диплома. Студенты-заочники чаще отчисляются, не получив диплома, что объясняется различными причинами: их занятостью, совмещением учебы и работы, меньшим контролем со стороны преподавателей. Но даже с учетом этих обстоятельств процент дошедших до диплома лиц с инвалидностью и ОВЗ очно-заочного и заочного отделений в большинстве случаев ниже общих показателей. Так, в 2024 г. всего выпустилось 7,7% студентов очно-заочного и заочного отделений, в то время как этот показатель по студентам-инвалидам составил только 4,4%, т.е. практически в 2 раза ниже.

Таблица 3

Выпуск студентов с инвалидностью в ТУСУРе в 2015–2024 гг.

Показатели	Годы									
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Общая численность студентов, закончивших обучение	2 201	1 912	1 769	1 780	1 943	1 967	1 712	1 784	1 694	1 843
Численность студентов-инвалидов, закончивших обучение	7	5	11	6	12	9	1	11	4	10
Из них обучавшихся: на очном отделении	6	3	3	1	5	5	0	6	2	5
на очно-заочном отделении	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
на заочном отделении	1	2	8	5	7	4	1	5	2	2
Процент студентов, окончивших обучение, от общего числа студентов за год	21	18,1	15,7	15,5	16,9	16	13,4	12,3	10,5	11,2
Процент студентов-инвалидов, окончивших обучение, от общего числа студентов-инвалидов за год	12,3	10,6	15,9	7,4	16	10,4	1	10	3,1	6,4
Процент студентов очного отделения, окончивших обучение, от общего числа студентов очного отделения за год	27,1	15,5	17	19,5	21,5	18,3	17	17,8	15,2	17,8
Процент студентов-инвалидов очного отделения, окончивших обучение, от общего числа студентов-инвалидов очного отделения за год	66,7	20	21,4	4,4	25	17,2	0	18,2	4,9	11,4
Процент студентов очно-заочного и заочного отделений, окончивших обучение, от общего числа студентов очно-заочного и заочного отделений за год	15,2	21,1	14,2	11,3	12,5	14	10,4	8,7	7,7	7,7
Процент студентов-инвалидов очно-заочного и заочного отделений, окончивших обучение, от общего числа студентов-инвалидов очно-заочного и заочного отделений за год	2,1	6,3	14,6	8,6	12,7	6,9	1,6	6,5	2,3	4,4

Таким образом, тренд на увеличение числа и массовой доли инвалидов среди студентов ТУСУРа, который длится с начала XXI в., продолжился. Развитие инклюзии в ТУСУРе прошло в несколько этапов. В 2004–2015 гг. сложились основные приемы и алгоритмы работы со студентами-инвалидами, был основан Центр доступности образования. 2015–2024 гг. – время, когда Центр в полной мере начал работать по этим алгоритмам, его работа стала более системной. Студенты-инвалиды очного отделения с большей вероятностью заканчивают обучение с выдачей диплома, чем студенты заочного и очно-заочного отделений. Доля получающих дипломы студентов-инвалидов дневного отделения в 2024 г. была практически равна общей доле всех студентов, получивших дипломы; это мы расцениваем, с одной стороны, как следствие более высокой подготовки лиц, поступающих на очное отделение, а с другой – как результат работы вуза и Центра в частности.

В то же время требуется обратить особое внимание на сопровождение лиц с соматическими заболеваниями и ограничениями двигательной активности: по ряду причин они находятся в группе риска на досрочное отчисление. По-прежнему остро стоит вопрос создания безбарьерной архитектурной образовательной среды. Тем не менее даже проучившийся 2–3 года и не получивший диплом студент с инвалидностью получает знания, серьезный жизненный опыт, который позволит ему в дальнейшем быть более успешным в жизни.

Список источников

1. О ратификации Конвенции о правах инвалидов : федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ // Гарант : справочно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/70170066/ (дата обращения: 05.06.2025).
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Система Гарант. URL: https://ivo.garant.ru/#/document/10164504/paragraph/160462/doclist/2226/1/0/0/закон%20о%20социальной%20защите%20инвалидов:1 (дата обращения: 05.06.2025).
3. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Система Гарант. URL: https://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1/doclist/2268/1/0/0/закон%20об%20образовании%20в%20рф:4 (дата обращения: 05.06.2025).
4. Певзнер М.Н., Петряков П.А. Инклюзия как организационная стратегия современного вуза // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 5 (96). С. 90–93.

5. Ерофеева Е.В., Скопова Л.В. Обучение профессионально ориентированному иностранному языку в вузе в условиях инклюзии // Педагогическое образование в России. 2024. № 3. С. 281–287.
6. Погребняк Ю.Н. Специфика образовательной интеграции студентов с нарушенным слухом в вузе // Гуманитарный вестник. 2024. № 2. С. 145–154.
7. Карева А.А. Изучение отношения и готовности преподавателей медицинского вуза к обучению студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2025. № 1 (13). С. 66–75.
8. Землянова Е.В., Войцеховская Ж.И. Прогноз показателей инвалидности детского населения России на период до 2020 года // Информационно-аналитический вестник «Социальные аспекты здоровья населения». 2009. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/112/30 (дата обращения: 28.05.2025).
9. Мавликаева Ю.А., Подлужная М.Я. Динамика общей инвалидности взрослого населения Пермского края и ее прогноз // Общественное здоровье и здравоохранение. 2011. № 2. С. 5–9.
10. Волков С.В., Махова А.В. Динамика количества и состояния инвалидов в Российской Федерации в 2017–2022 гг. // Экономика и социум. 2023. № 4. С. 533–540.
11. Сопровождение социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями в техническом вузе / под ред. Н.А. Грика. Томск : Изд-во ТУСУРа, 2011. 236 с.
12. Здорова А.А. Формирование и изучение общественного мнения по вопросу инклюзивного образования в ТУСУРе // Научная сессия ТУСУР – 2008 : материалы Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск : В-Спектр, 2008. Ч. 5. С. 102–104.
13. Косс В.О. Проблемы студентов-инвалидов в техническом вузе // Научная сессия ТУСУР – 2010 : материалы Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск : В-Спектр, 2010. Ч. 5. С. 172–176.
14. Зиновьева В.И. Инклюзия в вузе: риски и факторы экспертной оценки нуждаемости в помощи // Современное образование: интеграция образования, науки, бизнеса и власти : материалы междунар. науч.-метод. конф. Томск : ТУСУР, 2024. С. 129–132.

References

1. Russian Federation. (2012) *O ratifikatsii Konventsii o pravakh invalidov : federal'nyy zakon ot 03.05.2012 № 46-FZ* [On the Ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities: Federal Law No. 46-FZ of May 3, 2012]. [Online] Available from: https://base.garant.ru/70170066/ (Accessed: 5th June 2025).
2. Russian Federation. (1995) *O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii : federal'nyy zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ* [On the Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation: Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995]. [Online] Available from: https://ivo.garant.ru/#/document/10164504/paragraph/160462/doclist/2226/1/0/0/zakon%20o%20sotsial'noy%20zashchite%20invalidov:1 (Accessed: 5th June 2025).
3. Russian Federation. (2012) *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ* [On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012]. [Online] Available from: https://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1/doclist/2268/1/0/0/zakon%20ob%20obrazovanii%20v%20rf:4 (Accessed: 5th June 2025).
4. Pevzner, M.N. & Petryakov, P.A. (2016) Inklyuziya kak organizatsionnaya strategiya sovremennogo vuza [Inclusion as an Organizational Strategy of a Modern University]. *Vestnik Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 5. pp. 90–93.
5. Erofeeva, E.V. & Skopova, L.V. (2024) Obuchenie professional'no orientirovannomu inostrannomu yazyku v vuze v usloviyakh inklyuzii [Teaching a Professionally-Oriented Foreign Language at a University in an Inclusive Setting]. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii*. 3. pp. 281–287.
6. Pogrebnyak, Yu.N. (2024) Spetsifika obrazovatel'noy integratsii studentov s narushennym slukhom v vuze [Specifics of the Educational Integration of Students with Hearing Impairments at a University]. *Gumanitarnyy vestnik.* 2. pp. 145–154.
7. Kareva, A.A. (2025) Izuchenie otnosheniya i gotovnosti prepodavateley meditsinskogo vuza k obucheniyu studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [A Study of the Attitudes and Readiness of Medical University Instructors to Teach Students with Disabilities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pedagogiki i psikhologii vysshego obrazovaniya*. 1. pp. 66–75.
8. Zemlyanova, E.V. & Voytsekhovskaya, Zh.I. (2009) Prognoz pokazateley invalidnosti detskogo naseleniya Rossii na period do 2020 goda [Forecast of Disability Indicators for the Child Population of Russia for the Period up to 2020]. In: *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Population Health]. [Online] Available from: http://vestnik.mednet.ru/content/view/112/30 (Accessed: 28th May 2025).
9. Mavlikaeva, Yu.A. & Podluzhnaya, M.Ya. (2011) Dinamika obshchey invalidnosti vzroslogo naseleniya Permskogo kraya i ee prognoz [Dynamics of General Disability in the Adult Population of the Perm Krai and Its Forecast]. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie.* 2. pp. 5–9.
10. Volkov, S.V. & Makhova, A.V. (2023) Dinamika kolichestva i sostoyaniya invalidov v Rossiyskoy Federatsii v 2017–2022 gg. [Dynamics of the Number and Condition of Persons with Disabilities in the Russian Federation from 2017 to 2022]. *Ekonomika i Sotsium*. 4. pp. 533–540.
11. Grik, N.A. (ed.) (2011) *Soprovozhdenie sotsial'noy adaptatsii studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami v tekhnicheskom vuze* [Support for the Social Adaptation of Students with Disabilities at a Technical University]. Tomsk: TUSUR.
12. Zdorova, A.A. (2008) Formirovanie i izuchenie obshchestvennogo mneniya po voprosu inklyuzivnogo obrazovaniya v TUSURe [The Formation and Study of Public Opinion on the Issue of Inclusive Education at TUSUR]. *Nauchnaya Sessiya TUSUR – 2008* [TUSUR Scientific Session – 2008]. Proc. of the All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]. Vol. 5. Tomsk: V-Spektr. pp. 102–104).
13. Koss, V.O. (2010) Problemy studentov-invalidov v tekhnicheskom vuze [Problems of Students with Disabilities at a Technical University]. *Nauchnaya Sessiya TUSUR – 2010* [TUSUR Scientific Session – 2010]. Proc. of the All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]. Vol. 5. Tomsk: V-Spektr. pp. 172–176.
14. Zinovieva, V.I. (2024) Inklyuziya v vuze: riski i faktory ekspertnoy otsenki nuzhdaemosti v pomoshchi [Inclusion at the University: Risks and Factors of Expert Assessment of the Need for Assistance]. *Sovremennoe obrazovanie: integratsiya obrazovaniya, nauki, biznesa i vlasti* [Modern Education: Integration of Education, Science, Business and Authority]. Proc. of the International Scientific and Methodological Conference. Tomsk: TUSUR. pp. 129–132.

***Сведения об авторах*:**
Берсенев Максим Валерьевич – кандидат исторических наук. доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: m.bersenev@gmail.com
Четвергов Константин Владимирович – начальник управления сопровождения образовательного процесса Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: konstantin.v.chetvergov@tusur.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Bersenev Maxim V. – Candidate of Historical Sciences. Associate Professor, Department of History and Social Work, Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com
Chetvergov Konstantin V. – Head of the Educational Process Support Department at Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konstantin.v.chetvergov@tusur.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 06.06.2025; accepted for publication 17.09.2025

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия
УДК 94(571)
doi: 10.17223/19988613/97/25

Рецензия: Чернова И.С. Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: СО РАН, 2024. 303 с.

Михаил Константинович Чуркин

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, proffchurkin@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена анализу монографии И.С. Черновой «Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в.». Отмечается, что включение в исследовательскую систему координат термина «журналист», которым И.С. Чернова оперирует в рамках методологического подхода «антропология профессий», может рассматриваться как модель конструирования идентичности группы, пространства коммуникации и коммуникативного действия. Особо подчеркивается оригинальный авторский опыт рефлексии журналистской деятельности в Азиатской России как практик, реализуемых консолидированной группой, объединенной общими профессиональными интересами и интеллектуальной сплоченностью.

Ключевые слова: сибирская журналистика, профессиональное сообщество, историографическая традиция, дискурс азиатского Востока

Для цитирования: Чуркин М.К. Рецензия: Чернова И.С. Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: СО РАН, 2024. 303 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 199–202. doi: 10.17223/19988613/97/25

Book review

Review: Chernova I.S. Formation and functioning of the professional community of Siberian journalists in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. 303 p.

Mikhail K. Churkin

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation, proffchurkin@yandex.ru

Abstract. Irina Sergeevna Chernova's monograph is devoted to the urgent problem of the formation of professional journalism in the Russian Empire in the second half of the 19th - early 20th centuries, which inevitably led to the formation of local communities of press employees, united by a common identity, similarity of ideas about the world order and their role in the broadcasting of socio-political and socio-cultural phenomena in the country and its remote regions. The research vector chosen by the author fully fits into the modern historiographical situation of redefining approaches and practices of historiography, characterised by a shift from the description of events to the construction of historical reality, which is inseparable from the experience of historical and anthropological reflection on the images of social groups, local and professional communities of pre-revolutionary Russia. In addition, I.S. Chernova's treatment of the circumstances of the formation of professional communities of Siberian journalists opens up broad prospects for anthropologising scientific knowledge of the formation and functioning of the Siberian press through a reflection on the everyday professional experience of regional journalists and the model of their communication. The review notes the key features of the research's scientific novelty, which are cumulatively reduced to the author's identification of the main stages of formation and functioning of the professional community of Siberian journalists in the second half of the 19th - early 20th centuries; identification of factors that influenced the formation of the group's professional identity; construction of the communicative space of regional journalists, within the boundaries of which ordinary members of the community and leaders interacted, presenting their views in a variety of ‘platforms’; and identification of the main stages of the formation and functioning of the professional community of Siberian journalists in the second half of the 19th - early

© М.К. Чуркин, 2025

20th centuries. It is especially emphasised that the author's experience in defining and clarifying the key concepts of the thesis, such as ‘profession’, ‘journalist’ and, in a generalised perspective, ‘professional community of Siberian journalists’, can be used in researching a wide range of issues in the history of the national periodical press, as well as in writing works on the history of socio-political movements and socio-political thought.
Keywords: Siberian journalism, professional community, historiographical tradition, Asian Orientalist discourse

For citation: Churkin, M.K. (2025) Review: Chernova I.S. Formation and functioning of the professional community of Siberian journalists in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. 303 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 199–202. doi: 10.17223/19988613/97/25

Выдающийся сибирский общественный деятель Н.М. Ядринцев в размышлениях о судьбе отдаленного края писал о незавидной доле местной журналистики на окраине империи: «Он (журналист. – *М.Ч.*) ищет трибуну, а находит омулевую бочку. Он жаждет найти читателя и слушателя, а его окружает толпа молодцов, разражающаяся хохотом от острот уличного балагана» [1. С. 36]. Сколь бы ни было справедливо скептическое отношение лидера областничества к общественному состоянию Сибири, дававшему все основания именовать ее «спящей красавицей», дискурс азиатского Востока, репрезентируемый в публицистике и эпистолярных текстах региональной интеллигенции, наглядно свидетельствует в пользу серьезных перемен, происходивших в разных областях общественной и культурной жизни восточных окраин, прежде всего в сфере региональной журналистики, которая во второй половине XIX – начале XX в. приобретала отчетливые черты профессионального сообщества и влиятельного социально-политического и интеллектуального актора [2, 3].

Тема исследования, заявленная и освоенная в монографии И.С. Черновой, является крайне востребованной в современных обстоятельствах переопределения подходов и практик историописания, характеризующихся смещением от описания событий к конструированию исторической реальности, что неотделимо от опыта историко-антропологической рефлексии образов социальных групп, локальных и профессиональных сообществ дореволюционной России. Значимой представляется и авторская попытка по-новому маркировать сообщество субъектов интеллектуальной деятельности сибирского региона, позиционируемого в историографической системе координат до настоящего времени достаточно аморфно: от шаблонных «исследователей Сибири» и «деятелей общественно-политического движения», до дискуссионного понятия «имперские эксперты» [4, 5]. Внедрение в исследовательскую канву термина «журналист», определяемого И.С. Черновой в рамках методологического подхода «антропология профессий», может рассматриваться в качестве алгоритма конструирования идентичности группы, пространства коммуникации и коммуникативного действия, предполагающего ориентацию на взаимопонимание и формирование общей сферы референций как согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств. Отметим, что постулирование сибирских журналистов в качестве профессионального сообщества открывает перспективы выхода исследователей на новый уровень осмысления дискурса власти и социума в условиях внутренней колонизации российских окраин, выявления оттенков общественного мнения и его конкурирующих позиций.

В рецензируемой монографии изначально сформулирован проблемно-хронологический принцип рецепции историографической традиции вопроса, в соответствии с которым в поле зрения И.С. Черновой последовательно включались специализированные труды, посвященные истории сибирской журналистики, общественно-политическому климату Сибири в исследуемый период, отдельным персоналиям, представителям сибирской интеллигенции, включенным в журналистскую деятельность. Ознакомление и взвешенная критика исследовательских позиций предшественников и современников позволили исследователю сделать вывод о том, что тема становления и функционирования профессионального сообщества сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. не являлась предметом специального изучения, а широкий спектр вопросов, связанных с выявлением идентичности данной группы, рассматривался в историографии лишь в каденции вспомогательных и периферийных задач. Обнаружение лакун в историографической традиции позволило И.С. Черновой обозначить основную траекторию своего исследовательского маршрута, предполагающего характеристику сложного процесса формирования и функционирования локально-профессионального сообщества сибирских журналистов. Формулируя проблемную область монографии в историко-антропологическом аспекте, И.С. Чернова избрала адекватную модель классификации и иерархии источников, вовлекаемых в исследование. Так, подчеркнув приоритетные позиции эго-документов (писем, воспоминаний, дневников), а также материалов периодической печати, автор квалифицировано использовала возможности данных видов источников при выявлении и характеристике профессиональных практик сибирских журналистов и их досуговой повседневности, основанных на субъективных представлениях членов сообщества о задачах провинциальной журналистики, мировоззренческой позиции различных авторов.

Научная проблема, заявленная в монографии, в методологическом отношении вписывается в современную ситуацию в исторической науке, для которой свойственны процессы гуманизации научного знания и переориентация историков от изучения событий к изучению состояний, отказ от макропроблематики и сциентизма. В данном отношении методология исследования, предложенная И.С. Черновой, представляет собой сложный симбиоз подходов интеллектуальной, культурной, социальной истории России и истории журналистики. Обращение автора к концепции «воображаемых» сообществ Б. Андерсона позволило экстраполировать тезис отечественных исследователей

(А.И. Миллер, Н.Н. Родигина) о регионе как воображаемом сообществе в сферу изучения корпорации сибирских журналистов, оценивая их не только в узком организационном смысле, но и в качестве «живого», социально и интеллектуально конструируемого феномена [6, 7].

Историко-антропологический, микроисторический подходы в соотношении с концепцией «профессиональных традиций» актуализировали в исследовании антропологическое измерение процесса становления и функционирования сообщества региональных журналистов в контексте межгрупповой и межличностной коммуникации и форматирования идентичности группы в обстоятельствах «производственной» и досуговой повседневности.

В основной части монографии И.С. Черновой выделены этапы становления и функционирования профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в., выявлены факторы, влиявшие на формирование профессиональной идентичности группы, осуществлено конструирование коммуникативного пространства региональных журналистов, в границах которого рядовые члены сообщества и лидеры взаимодействовали, репрезентируя в условиях разнообразных «площадок» свои представления о широком круге вопросов сибирского и общероссийского содержания. Все это, несомненно, свидетельствует в пользу авторского вклада в разработку подходов и моделей исследования профессиональных сообществ как в общероссийском, так и в региональном формате, а опыт дефинирования и уточнения ключевых понятий работы, таких как «профессия», «журналист» и – в обобщенном ракурсе – «профессиональное сообщество сибирских журналистов», может быть использован при исследовании широкого спектра вопросов истории отечественной периодической печати.

Несомненные авторские достижения, продемонстрированные в постановке проблемы монографии и решении ее задач, оттеняются рядом недостатков, которые, как известно, часто являются продолжением достоинств научного исследования. Так, масштабность исследовательской проблематики, заявленная в названии работы, диссонирует с определением цели исследования в формулировке И.С. Черновой. Это тем более очевидным становится в процессе чтения текста, представляющего собой не только поверхностную характеристику становления и функционирования сообщества, но и раскрытие структурных связей внутри группы, социокультурной и профессиональной идентичности журналистов, контекстуальных обстоятельств их деятельности. Рассуждая о повседневных практиках работы журналистов с текстами, И.С. Чернова, заявив в преамбуле, что написание текстов для периодических изданий является «основополагающей профессиональной практикой журналиста», в основной части раздела говорит преимущественно о коллаборации сотрудников с редакциями, специфике обратной связи изданий с читателями, взаимоотношениях печати и власти в лице цензуры, что относится к ситуативной сфере продвижения материалов в печать, между тем как широкий круг проблем, связанных непосредственно с повседневной практикой работы журналистов с текстами, остался неосвоенным. Отсутствие выводов по параграфам, замещенных общим резюме по каждой из глав, несколько снизило аналитический градус исследования, в результате часть важных умозаключений, сделанных автором в тексте параграфов, оказалась «забытой» в выводах по главам.

Тем не менее нельзя не отметить, что монография И.С. Черновой может рассматриваться как знаковое событие в отечественной историографии. Сообщество историков впервые соприкоснулось с опытом рефлексии журналистской деятельности в Азиатской России как практиками, реализуемыми консолидированной группой, объединенной общими профессиональными интересами и социокультурной идентичностью. В монографии зафиксированы способы решения важных задач, направленных на выявление факторов становления и содержания процесса функционирования профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в., что свидетельствует о видимых перспективах дальнейшего приращения научного знания в сфере исследования социальных групп и локальных корпораций как в общероссийском, так и в региональном масштабе.

Список источников

1. Ядринцев Н.М. Жизнь первого журналиста // «Я сын девственной и могучей страны…» : сборник статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск : ОмГПУ, 2004. С. 34–37.
2. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск : Тип. Енис. губ. союза кооперативов, 1918. Вып. 1: С 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г. 232 с.
3. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск : Изд-во Иркут., ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.
4. Чуркин М.К. Репрезентации идей либерализма в юбилейных (1863–1913 гг.) корреспонденциях газеты «Русские ведомости» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 16–21.
5. Шевцов В.В. Ядринцевская концепция возникновения сибирской периодической печати: эготизм, фантомы и эффект авторитета // Журналистика в поисках моделей развития : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф., Томск, 25–26 сентября 2024 г. Томск : Том. гос. ун-т, 2024. С. 33–43.
6. Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 75–96.
7. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : НГПУ, 2006. 343 с.

References

1. Yadrintsev, N.M. (2004) *“Ya syn devstvennoy i moguchey strany….” Sbornik statey, ocherkov, fel'etonov* [“I am a son of a virgin and mighty country... .” Collection of articles, essays, feuilletons]. Omsk: OmSPU. pp. 34–37.
2. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters of Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G.N. Potanin]. Vol.1. Krasnoyarsk: Tip. Enis. gub. soyuza kooperativov.

3. Potanin, G.N. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G. N. Potanin]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk University.
4. Churkin, M.K. (2019) Reprezentatsii idey liberalizma v yubileynykh (1863–1913 gg.) korrespondentsiyakh gazety "Russkie vedomosti" [Representations of the ideas of liberalism in the anniversary (1863–1913) correspondences of the newspaper "Russkiye Vedomosti"]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 4(3). pp. 16–21.
5. Shevtsov, V.V. (2024) Yadrintsevskaya kontseptsiya vozniknoveniya sibirskoy periodicheskoy pechati: egotizm, fantomy i effekt avtoriteta [Yadrintsev's concept of the emergence of the Siberian periodical press: Egotism, phantoms, and the effect of authority]. *Zhurnalistika v poiskakh modeley razvitiya* [Journalism in Search of Development Models]. Proc. of the 8th All-Russian Conference. Tomsk, September 25–26, 2024. Tomsk: Tomsk State University. pp. 33–43.
6. Miller, A.I. (2001) Tema Tsentral'noy Evropy: istoriya, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii [Central Europe: History, Modern Discourses and Russia's Place in Them]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 52. pp. 75–96.
7. Rodigina, N.N. (2006) *"Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* ["Another Russia": The image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the XIX – early XX century]. Novosibirsk: NSPU.

***Сведения об авторе*:**
Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Churkin Mikhail K. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 25.05.2025; accepted for publication 17.09.2025

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2025 № 97

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 27.10.2025 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,7. Тираж 50 экз. Заказ № 6520. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10.11.2025 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru